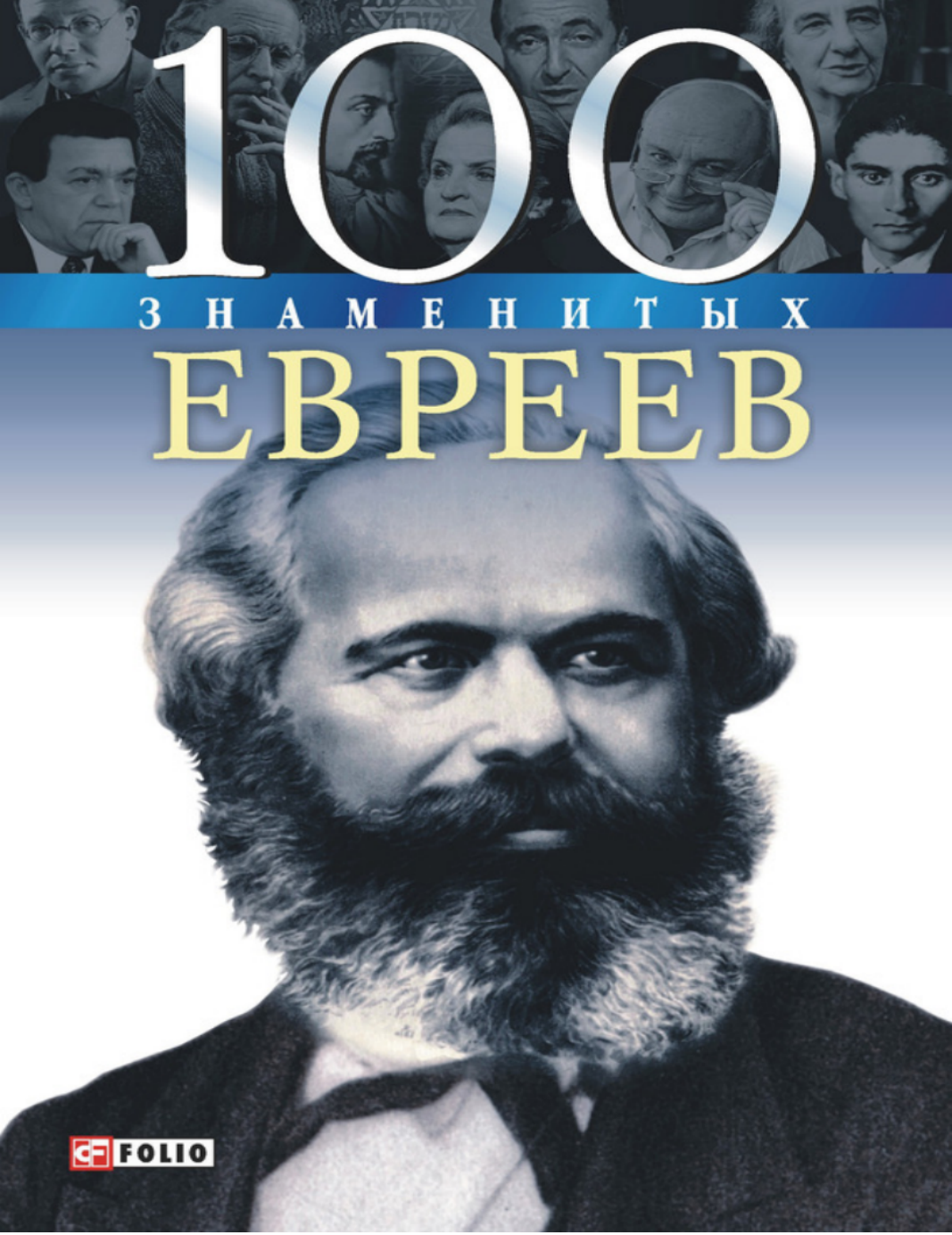
100 ЗНАМЕНИТЫХ ЕВРЕЕВ



FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Нет ни одной области человеческой деятельности, в которой бы евреи не проявили своих талантов. Еврейский народ подарил миру немало гениальных личностей: религиозных деятелей и мыслителей (Иисус Христос, пророк Моисей, Борух Спиноза), ученых (Альберт Эйнштейн, Лев Ландау, Густав Герц), музыкантов (Джордж Гершвин, Бенни Гудмен, Давид Ойстрах), поэтов и писателей (Айзек Азимов, Исаак Бабель, Иосиф Бродский, Шолом-Алейхем), актеров (Чарли Чаплин, Сара Бернар, Соломон Михоэлс)... А еще государственных деятелей, медиков, бизнесменов, спортсменов. Их имена знакомы каждому, но далеко не все знают, каким нелегким, тернистым путем шли они к своей цели, какой ценой достигали успеха. Недаром великий Гейне как-то заметил: "Подвиги евреев столь же мало известны миру, как их подлинное существо. Люди думают, что знают их, потому что видели их бороды, но ничего больше им не открылось, и, как в Средние века, евреи и в новое время остаются бродячей тайной". На страницах этой книги мы попробуем хотя бы слегка приоткрыть эту тайну...

- Ирина Рудычева, Татьяна Иовлева,
- Александр Ильченко, Валентина Скляренко
- 100 знаменитых евреев.
-
-
- Аннотация
-
- 100 знаменитых евреев
- От авторов
- АБРАМОВИЧ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ
-
-
- АЗЕФ (АЗЕВ) ЕВНО ФИШЕВИЧ
-
-
- АЗИМОВ АЙЗЕК
-
-
- БАБЕЛЬ ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ
-
-

- БЕГИН МЕНАХЕМ
-
-
- БЕН-ГУРИОН ДАВИД
-
-
-
- БЕРГСОН АНРИ ЛУИ
-
-
- БЕРЕЗОВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ
-
-
- БЕРНАР САРА
-
-
- БЕРРИ КЛЕР И МЕРНА
-
-
- БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ
-
-
- БОР НИЛЬС ХЕНДРИК ДАВИД
-
-
- БРОДСКИЙ ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ
-
-
- ВАЙНЕР АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
- ВАЙНЕР ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
-
-
-
-
-
-
- ВОЛЧЕК ГАЛИНА БОРИСОВНА
-
-
- ГЕЙНЕ ГЕНРИХ
-
-
- ГЕРЦ (ХЕРЦ) ГУСТАВ ЛЮДВИГ
-

- ГЕРШВИН ДЖОРДЖ
- ГОРОВИЦ ВЛАДИМИР САМУИЛОВИЧ
- ГРОДБЕРГ ГАРРИ ЯКОВЛЕВИЧ
- ГУДИНИ ГАРРИ
- ГУДМЕН БЕННИ
- ГУСИНСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ
- ДАВИД
- ДАССЕН ДЖО (ДЖОЗЕФ)
- ДАЯН МОШЕ
- ДИЗРАЭЛИ БЕНДЖАМИН
- ДУНАЕВСКИЙ ИСААК ОСИПОВИЧ
- ЖАБОТИНСКИЙ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ
- ЖВАНЕЦКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ
- ЗИНГЕР ИСААК МЕРРИТ

- ИИСУС ХРИСТОС
- ИЛЬФ ИЛЬЯ
-
-
-
- ИОФФЕ АБРАМ ФЕДОРОВИЧ
-
-
- ИРОД I ВЕЛИКИЙ
-
- КАПЛАН ФАННИ ЕФИМОВНА
-
-
-
- КАСПАРОВ ГАРРИ КИМОВИЧ
-
-
-
- КАФКА ФРАНЦ
-
-
- КИССИНДЖЕР ГЕНРИ АЛЬФРЕД
-
-
- КОБЗОН ИОСИФ ДАВЫДОВИЧ
-
-
- КОРЧАК ЯНУШ
-
-
-
- ЛАНДАУ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ
-
-
- ЛЕВИТАН ИСААК ИЛЬИЧ
-
-
- ЛЕМ СТАНИСЛАВ
-
-
- МАЛЕР ГУСТАВ
-
-
- МАНДЕЛЬШТАМ ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ

- МАРИЯ
- МАРКС КАРЛ
- МАРСЕЛЬ МАРСО
- МАРШАК САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ
- МЕИР ГОЛДА
- МЕНДЕЛЬСОН (МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ) ЯКОБ ЛЮДВИГ ФЕЛИКС
- МЕНУХИН ИЕГУДИ МОШЕВИЧ
- МЕНЬ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ
- МИЛЬ МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ
- МИХОЭЛС СОЛОМОН МИХАЙЛОВИЧ
- МОДИЛЬЯНИ АМЕДЕО
- МОИСЕЙ
- (МОШЕ РАБЕЙНУ)
- НЕЙМАН ДЖОН (ЙОГАНН) ФОН

- ОЙСТРАХ ДАВИД ФЕДОРОВИЧ
- ОЛБРАЙТ МАДЛЕН
- ПАРКЕР ЧАРЛИ
- ПАСТЕРНАК БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ
- ПЕРЕС ШИМОН
- ПЛИСЕЦКАЯ МАЙЯ МИХАЙЛОВНА
- ПОЛАНСКИ РОМАН
- ПОЛЛАК СИДНЕЙ
- ПРИГОЖИН ИЛЬЯ РОМАНОВИЧ
- ПРУСТ МАРСЕЛЬ
- РАБИН ИЦХАК
- РАЙКИН АРКАДИЙ ИСААКОВИЧ
- РАНЕВСКАЯ ФАИНА ГЕОРГИЕВНА
- РОММ МИХАИЛ ИЛЬИЧ

- РОСТРОПОВИЧ МСТИСЛАВ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ
- РОТКО МАРК
- РОТШИЛЬД МАЙЕР АМШЕЛЬ
- САРНОВ ДЭВИД
- СЕВЕЛА ЭФРАИМ (ЕФИМ)
- СОЛОМОН
- СОРОС ДЖОРДЖ
- СПИЛБЕРГ СТИВЕН АЛЛАН
- СПИНОЗА БЕНЕДИКТ (БАРУХ)
- СТРАУС ЛЕВИ
- СТРУГАЦКИЙ АРКАДИЙ НАТАНОВИЧ
- СТРУГАЦКИЙ БОРИС НАТАНОВИЧ
- ТРОЦКИЙ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ

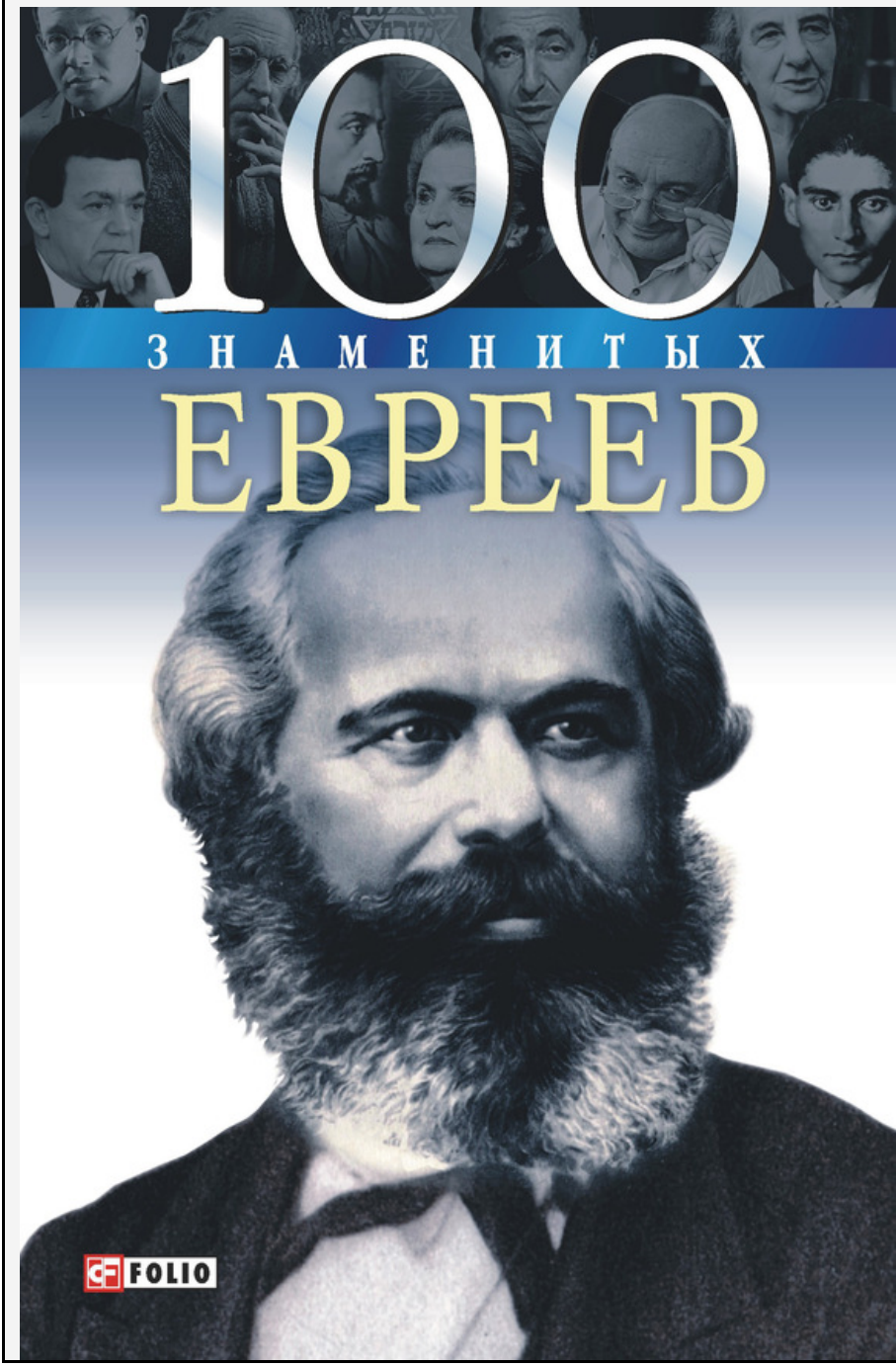
- УЛИЦКАЯ ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА
-
-
- УТЕСОВ ЛЕОНИД ОСИПОВИЧ
-
-
-
- ФЕЙХТВАНГЕР ЛИОН
-
-
- ФЕЛЬЦМАН ОСКАР БОРИСОВИЧ
-
-
- ФРЕЙД ЗИГМУНД
-
-
- ЧАПЛИН ЧАРЛИ
-
-
-
- ШАГАЛ МАРК
-
-
- ШВАРЦ ИСААК ИОСИФОВИЧ
-
-
- ШЁНБЕРГ АРНОЛЬД
-
-
- ШИФРИН ЕФИМ (НАХИМ) ЗАЛМАНОВИЧ
-
-
- ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ
-
-
-
- ЭЙЗЕНШТЕЙН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
-
-
- ЭЙНШТЕЙН АЛЬБЕРТ
-
-
- ЭРЛИХ ПАУЛЬ
-

-
-
- ЯКИР ИОНА ЭММАНУИЛОВИЧ
-
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Ирина Рудычева, Татьяна Иовлева,

Александр Ильченко, Валентина Скляренко

100 знаменитых евреев.



«100 знаменитых евреев»:

Фолио; Харьков; 2008
ISBN 966-03-3312-9

Аннотация

Нет ни одной области человеческой деятельности, в которой бы евреи не проявили своих талантов. Еврейский народ подарил миру немало гениальных личностей: религиозных деятелей и мыслителей (Иисус Христос, пророк Моисей, Борух Спиноза), ученых (Альберт Эйнштейн, Лев Ландау, Густав Герц), музыкантов (Джордж Гершвин, Бенни Гудмен, Давид Ойстрах), поэтов и писателей (Айзек Азимов, Исаак Бабель, Иосиф Бродский, Шолом-Алейхем), актеров (Чарли Чаплин, Сара Бернар, Соломон Михоэлс)… А еще государственных деятелей, медиков, бизнесменов, спортсменов. Их имена знакомы каждому, но далеко не все знают, каким нелегким, тернистым путем шли они к своей цели, какой ценой достигали успеха. Недаром великий Гейне как-то заметил: «Подвиги евреев столь же мало известны миру, как их подлинное существо. Люди думают, что знают их, потому что видели их бороды, но ничего больше им не открылось, и, как в Средние века, евреи и в новое время остаются бродячей тайной». На страницах этой книги мы попробуем хотя бы слегка приоткрыть эту тайну…

100 знаменитых евреев

От авторов

Биографии знаменитых людей прежде всего поражают нас ярким проявлением таланта, силы воли и настойчивости в достижении высоких целей – всем тем, что делает человека личностью. Все это в полной мере относится к героям нашей книги – выдающимся представителям еврейского народа. Однако их жизнеописания не только интересны и увлекательны сами по себе. Они отражают особый, совершенно неповторимый мир, который, аккумулировав в себе величайшие достижения в различных сферах человеческой деятельности, сохранил при этом национальное своеобразие и особенности еврейского менталитета. Отмечая этот факт, американский публицист и писатель Денис Прейгер писал: «Среди всех прочих народов мира только евреи сохранили свою культуру и традиции целиком на протяжении почти четырех тысяч лет весьма бурной истории. Только евреи смогли уцелеть как нация несмотря на то, что их дважды лишали исторической родины, несмотря на рассеяние по всему миру и бездомность на протяжении двух тысяч лет, несмотря на ненависть и гонения в каждой стране своего пребывания».

Одним из подтверждений справедливости этих слов может служить хотя бы перечень персоналий, включенных в эту книгу: Анри Бергсон и Нильс Бор, Франц Кафка и Марсель Пруст, Генрих Гейне и Бенджамин Дизраэли, Густав Малер и Марсель Марсо, Александр Мень и Джон (Йоганн) фон Нейман, Илья Пригожин и Мстислав Ростропович, Дэвид Сарнов и Джордж Сорос, Зигмунд Фрейд и Сергей Эйзенштейн. Все они жили и творили в разных странах, но несмотря на свое официальное гражданство всегда были и оставались евреями, представителями одного из самых древних народов мира.

Пожалуй, нет ни одной области человеческой деятельности, в которой бы евреи не проявили своих талантов. Еврейский народ подарил миру немало гениальных личностей: религиозных деятелей и мыслителей (Иисус Христос, Дева Мария, пророк Моисей, Борух Спиноза, Карл Маркс), ученых (Альберт Эйнштейн, Густав Герц, Лев Ландау, Абрам Иоффе), музыкантов и композиторов (Джордж Гершвин, Владимир Горовиц, Бенни Гудмен, Исаак Дунаевский, Якоб Мендельсон, Иегуди Менухин, Давид Ойстрах), поэтов и писателей (Айзек Азимов, Исаак Бабель, Иосиф Бродский, Илья Ильф, Станислав Лем, Осип Мандельштам, Самуил Маршак, Борис Пастернак, Эфраим Севела, братья

Стругацкие, Людмила Улицкая, Лион Фейхтвангер, Шолом-Алейхем).

Трудно представить мировое искусство без творчества Чарли Чаплина и Майи Плисецкой, Сары Бернар и Соломона Михоэлса, Леонида Утесова и Фаины Раневской, Джо Дассена и сестер Берри, Аркадия Райкина и Ефима Шифрина, Михаила Ромма и Романа Полански, Стивена Спилберга и Сидни Поллака. Достоянием всего человечества являются гениальные полотна Исаака Левитана, Амедео Модильяни, Марка Шагала. Немало выдающихся евреев есть также среди государственных и политических деятелей, в области медицины, бизнеса, спорта. Их имена, несомненно, знакомы каждому из нас, но далеко не все знают о том, каким нелегким, тернистым путем шли они к своим свершениям и какой ценой достигали успеха. Недаром великий Гейне как-то заметил: «Подвиги евреев столь же мало известны миру, как их подлинное существо. Люди думают, что знают их, потому что видели их бороды, но ничего больше им не открылось, и, как в Средние века, евреи и в новое время остаются бродячей тайной». Давайте же попробуем хотя бы слегка приоткрыть ее на страницах этой книги…

АБРАМОВИЧ РОМАН АРКАДЬЕВИЧ

(род. в 1966 г.)

Российский бизнесмен, миллиардер, владелец английского футбольного клуба «Челси» и холдинга Millhouse Capital, член совета директоров компании «Сибнефть».

Говорят, на долю зарегистрированного в Великобритании холдинга Millhouse Capital приходится 3–4 % всего внутреннего валового продукта России. По некоторым данным, в этот холдинг входят заводы по производству легковых и грузовых машин, автобусов, бумажные комбинаты и типографии, электростанции, банки, страховые компании, торговая сеть в разных регионах России и т. д. По оценкам зарубежных специалистов, капитал «Ромы Челского» составляет не менее 12 млрд евро. Это не считая акций «Сибнефти», а также сверхприбыльных предприятий металлургии, пищевой промышленности и др.

Состояние сколачивалось в 1990-е годы, в жестокие и кровавые дни грабительского капитализма в России. Но теперь

господин Абрамович – добропорядочный миллиардер и хороший инвестор: по сообщениям британских газет, 260 млн фунтов стерлингов он вложил в лондонский «Челси» и не менее 200 млн потратил на приобретение для своей футбольной команды лучших игроков мира.

Многочисленные публикации в СМИ приписывали ему роль «кошелька» семьи бывшего президента России Ельцина, а также то, что Роман якобы является автором идеи запрета КПРФ, разгона Госдумы, перезахоронения Ленина с последующим вводом в Москву войск для подавления стихийных бунтов и т. д. Сам же герой газетной шумихи привык не реагировать на подобные материалы.

Родился он 24 октября 1966 года в Саратове. В этом городе на Волге его бабушка, Фаина Грутман, с трехлетней дочерью Ириной, мамой Романа, оказались осенью 1941 года. Им чудом удалось бежать из оккупированной фашистами Украины. Вся остальная родня погибла в Бабьем Яру. Мать, Ирина Васильевна, вышла замуж, уехала в Сыктывкар и через полтора года после рождения сына скончалась от лейкемии. Через два года после смерти матери в результате падения башенного крана на стройке погиб и отец Романа Аркадий Нахимович. По другим данным, родители мальчика погибли, когда перевернулся трактор, на котором они ехали. Круглого сироту усыновила бездетная семья старшего брата отца – Лейбы Нахимовича, который работал в то время начальником управления рабочего снабжения «Печорлеса» при «Комилесресурсе». После четвертого класса мальчик переехал в Москву к бабушке – матери покойного отца.

В школе, по словам учителей, Рома учился неважно, особыми талантами не выделялся, но отличался сообразительностью. (Став миллиард ером, он подарил родной школе компьютеры, оборудование для кабинетов и оплатил ремонт помещений.)

После школы Роман поступил в Ухтинский индустриальный институт, так как в Московский институт нефти и газа им. Губкина провалился на экзамене, но из-за неуспеваемости через полгода был отчислен. Затем служил в армии солдатом в автовзводе артиллерийского полка.

По другим данным, он успел отучиться два курса то ли в Москве, то ли в Коми АССР. (В 2001 году Абрамович, уже будучи миллиардером, получил диплом Московской государственной юридической академии.)

Вернувшись после службы в Ухту, солдат узнал, что его любимая женщина Вика Заборовская ему изменяла, и они расстались. Несколько месяцев он сильно страдал. Видимо, тогда, затаив обиду на женский пол, он перенес свою страсть на деньги.

Когда Абрамович многого достиг, в 2001 году, он приказал найти Вику и доставить ее в бронированном лимузине в свой роскошный офис возле Кремля, больше похожий на дворец. Они говорили несколько часов, вспоминали юность. Отказавшись принять в подарок от него шубу за 30 тысяч долларов и поехать на уикэнд в Париж, Вика вернулась к своему мужу-бизнесмену и дочери.

Но это было потом. А после армии, по словам бывшего делового партнера Абрамовича, до того как освоить выплавку детских пластмассовых игрушек в кооперативе «Уют», Роман занимался перепродажей зубной пасты. Он дешево скупал ее в Москве и выгодно сбывал в Ухте, где в середине 1980-х годов подобный товар был дефицитным. За это спекулянта прозвали «Рома-зубочист».

Из интервью Абрамовича журналу «Огонек»: «Учился в институте и параллельно организовал кооператив, “Уют” назывался. Мы делали игрушки из полимеров. Те ребята, с которыми мы работали в кооперативе, потом составили управляющее звено “Сибнефти” – Женя Швидлер, Валерий Ойф и др. Потом какое-то время я был брокером на бирже».

В 1987 году, когда боль былых страданий утихла, Роман женился на красавице Ольге Лысовой, она была старше его на три года. Их знакомство произошло в Ухте (Ольга училась там в Индустриальном институте). Они переехали в Москву. Родители Ольги, которые, по слухам, были партийными функционерами, помогли зятю открыть кооператив по производству игрушек, наладить первые деловые контакты.

Если бизнес у Абрамовича шел удачно, то семейная жизнь не сложилась. Ольга родила в 18 лет от провинциального заезжего актера дочку Настю, а собственных детей у них с Абрамовичем так и не было. Возможно, поэтому женатый кооператор попробовал себя в роли Казановы.

В конце 1980-х годов он настолько часто летал в ФРГ, что бортпроводницам его лицо основательно запомнилось. По воспоминаниям одной из них, «Роман оказывал знаки внимания многим стюардессам. Почти у всех девчонок была его визитка. Но девушки не отвечали ему взаимностью. Однажды он протянул свою визитку и Ире Маландиной. Поначалу она тоже не была в восторге от Абрамовича. Но через несколько месяцев вдруг объявила, что выходит за него замуж и уезжает в ФРГ: теперь ей не придется подсчитывать, сколько у нее осталось денег до зарплаты».

Роман ушел от Ольги и в 1991 году женился на стюардессе. Ольга Абрамович живет в Москве, замужем за музыкантом

оркестра Авраама Руссо. Образ ее жизни очень скромен – помощи от экс-супруга она не получает.

Говорят, беря в жены Ирину, он выдвинул условие – детей в семье должно быть много. Ирина родила ему пятерых детей – Аню, Аркашу, Соню, Арину и Илюшу. Роман трогательно заботлив по отношению к своим детям. Поговаривали, якобы в подмосковном поместье – на бывшей даче маршала Язова – у него была собственная небольшая птицефабрика, чтоб на столах малышей каждый день были свежие диетические яйца.

Что касается бизнеса, то в начале 1990-х годов, после развала СССР, во время «дикого капитализма», бизнесмен своего не упустил. Как более-менее крупный коммерсант он заявил о себе в конце 1992 года, активно включившись в нефтяной бизнес и став руководителем и единственным учредителем АОЗТ «Петролтранс». Известно, что первоначальный капитал для раскрутки собственного бизнеса Роман получил от миллионера Бориса Березовского, с которым к 1991 году у него сложились приятельские отношения. Но на пути к олигархическим вершинам случались и крупные неприятности.

19 июня 1992 года в Москве Абрамович был заключен под стражу по подозрению в совершении хищения с помощью подложных документов 55 вагонов с дизельным топливом с Ухтинского нефтеперерабатывающего завода на сумму 3,8 млн рублей. Как сообщала ухтинская газета «НЭС+С», «в феврале 1992 года из Ухты в Москву прибыл железнодорожный состав с 55 цистернами (3,5 тыс. тонн дизельного топлива). Через несколько дней состав двинулся в Калининградскую область, но по пути бесследно исчез. Как позже выяснилось, он отправился в Латвию. Горючее было отправлено с Ухтинского НПЗ, а получателем вместо сыктывкарской фирмы “АВЭКС-Коми” оказалось московское предприятие “АВК”, генеральным директором которого был Роман Абрамович.

Когда расследование было уже фактически закончено, неожиданно возник директор совместного латвийско-американского предприятия Чиковани. Это предприятие проплатило Ухтинскому НПЗ 3 млн 800 тыс. рублей за 55 цистерн с горючим. Оказалось, что у фирмы “АВЭКС-Коми” существовал с латвийским предприятием договор на поставку нефтепродуктов, причем срок оплаты был определен до 31 декабря 1992 года, хотя первоначально “АВЭКС-Коми” вообще не хотело признавать договор с НПЗ. Таким образом, никакого ущерба государству нет, а значит, нет и виновных: 1 декабря 1992 года уголовное дело было закрыто за отсутствием состава преступления, и подозреваемый вышел на волю».

В 1993 году бизнесмен продолжил коммерческую деятельность теперь уже своей новой фирмы «Меконг». Он, в частности, занимался продажей нефти из сибирского Ноябрьска. Затем Роман учреждал многие фирмы-однодневки для «прихватизации» предприятий металлургии и нефтепереработки, скупая их за бесценок.

На паях с Борисом Березовским Романом Абрамовичем были созданы офшорная фирма Runicom Ltd, зарегистрированная в Гибралтаре, и пять ее дочерних предприятий в Западной Европе. В 1993–1996 годах Роман Аркадьевич возглавлял Московское представительство компании Runicom S.A. (Швейцария).

В 1995 году, в канун новых выборов президента России, Березовский подсказал Ельцину, где взять дополнительные деньги для предвыборной кампании – из «черного золота» Сибири. 24 августа 1995 года вышел указ президента о «создании АООТ “Сибирская нефтяная компания”». Она возникла в обход утвержденной государством структуры нефтяной отрасли. Контроль за «Сибнефтью» был отдан в руки Абрамовича. В июне 1996 года он вошел в состав совета директоров АО «Ноябрьскнефтегаз» (одна из компаний, входящих в «Сибнефть»), а также стал главой московского представительства «Сибнефти».

Поставив себе целью завладеть всей компанией, Абрамович и его компаньоны использовали испытанный способ «залогового аукциона». Три конкурса по продаже акций «Сибнефти» были проведены с нарушением действующего законодательства. Члены конкурсной комиссии, представлявшие интересы государства, явно действовали в пользу участников конкурса – фирм, контролируемых Абрамовичем, Березовским и Смоленским.

Приватизация «Сибнефти» была признана Счетной палатой неэффективной (государство при продаже акций потеряло 18,6 трлн рублей) и нецелесообразной, поскольку доходы от продажи всего в 1,7 раза превышали прибыль головной компании ОАО «Сибнефть». Иными словами, компания досталась новым хозяевам в 25 раз дешевле, чем она стоила. Но никто наказания не понес, и никаких решений по поводу пересмотра итогов приватизации после проверки принято не было.

Как мы помним, в 1993 году Абрамович стал руководителем московского филиала швейцарской фирмы Runicom S.A. Через нее в 1997–1998 годах он увел из государства почти 20 млн долларов российских налогов. В этой же авантюре принял активное участие Леонид Дьяченко, зять Бориса Ельцина, ведь мошенническая транспортировка нефти шла через его компании «Белка Трейдинг» и «Ист-Ост Петролеум Компани». По мнению экспертов, в том числе и участников слушаний Конгресса США по

делу о «Бэнк оф Нью-Йорк», два банковских счета Дьяченко на сумму 2 млн 700 тыс. долларов в филиале этого банка на Каймановых островах пополнялись именно за счет махинаций с российской нефтью через «Сибнефть».

Как видно из вышесказанного, в ходе своей коммерческой деятельности Абрамович неоднократно шел на нарушение закона и попадал в поле зрения правоохранительных органов, но ему все сходило с рук. Не зря же к наиболее узкому кругу общения Романа причисляли дочь Бориса Ельцина Татьяну Дьяченко и бывшего руководителя администрации президента России Валентина Юмашева. В связи с «семьей» имя Абрамовича часто упоминали наряду с другим теневым финансистом Кремля Александром Мамутом.

Об этой «тайной» жизни нефтяного магната стало широко известно после скандальной отставки главного президентского охранника Коржакова. Последний, в частности, признал тот факт, что Абрамович является казначеем семьи Ельциных и, соответственно, самым главным олигархом России. Из источников, близких к Коржакову, стало известно, что практически вся документация о противоправной деятельности Романа Аркадьевича по указанию Ельцина была изъята из Счетной палаты, ФСБ, МВД и прокуратуры, а накануне увольнения Коржакова была им своевременно вывезена из Кремля и надежно спрятана. Комментируя эти слухи, Абрамович ответил: «Это не так, я лично не знаю Бориса Николаевича и вообще не уверен, что он знает о моем существовании».

По сведениям вездесущих журналистов, Роман влиял на расстановку людей в российском правительстве. Например, именно с подачи Абрамовича и Березовского пост первого вице-премьера занял бывший министр путей сообщения Н. Аксененко. Примечательно, что Абрамович и Аксененко были уже давно партнерами, дружба их началась с махинаций и злоупотреблений при организации железнодорожных перевозок продукции «Сибнефти».

19 декабря 1999 года Роман Аркадьевич был избран депутатом Госдумы РФ третьего созыва по Чукотскому одномандатному избирательному округу № 223 и приобрел депутатскую неприкосновенность. Спустя год, 24 декабря 2000 года, он стал губернатором Чукотского автономного округа.

По его же собственному выражению, «просто чукчей стало жалко, вымирающих быстрыми темпами». Но, как заявил якобы сам Абрамович в узком кругу, Чукотка – «это мой бункер, где я могу обходиться без охраны». По мнению журналистов, когда после Ельцина президентом России стал Путин и взялся за

некоторых зарвавшихся олигархов, Роман Аркадьевич начал всячески показывать свою полезность новой верхушке.

Когда он взял власть на Чукотке, первым делом погасил задолженности по зарплате. На следующий день после получения денег все запили. Когда же протрезвели, пошли писать жалобы в облисполком, чтобы возместили еще и моральный ущерб за все предыдущие задержки зарплат.

В Анадыре за время губернаторства миллиардера возвели новые объекты соцкультбыта, сдвинулось с мертвой точки сооружение жилья. «Стройтрансгаз» совместно с компанией «Сибнефть – Чукотка» построил в 2002 году 110-километровый газопровод, соединяющий Западно-Озерное газовое месторождение с Анадырем.

Конечно, был тут и экономический интерес нефтяного магната. Этот край богат нефтью, газом, золотом и другими полезными ископаемыми. Еще одно богатство Чукотки – рыба и пушнина. До введения рыбных аукционов Чукотка получала до 100 тыс. тонн рыбных квот, которые из-за отсутствия в округе своего флота и переработки в основном продавались. После избрания Абрамовича в Анадыре построили рыбзавод.

18 декабря 2002 года правительство Чукотки подписало соглашение с канадской золотодобывающей корпорацией Bema Gold о продаже ей 75 % доли в региональном месторождении «Купол». Это был, пожалуй, первый опыт привлечения западных инвесторов в Чукотский автономный округ.

Команда губернатора, как и он сам, работала на Чукотке «вахтовым методом»: две-три недели в Анадыре, потом столько же дома. «Если летать чаще, то организм не выдерживает восьмичасовых перелетов и девятичасовой разницы во времени. А оставаться здесь на дольше, мозги начинают сохнуть», – объяснял один из приближенных Романа.

29 мая 2001 года Абрамовича вызывали на допрос в Генеральную прокуратуру РФ в рамках следственных действий по трем уголовным делам в отношении руководства «Сибнефти», но после допроса отпустили.

В 2003 году состоялось объединение нефтяных активов Романа Абрамовича и Михаила Ходорковского: «Сибнефть» и ЮКОС объявили о слиянии в одну компанию – «ЮкосСибнефть». Участники сделки сообщили, что создаваемый концерн с запасами 19,4 млрд баррелей нефтегазового эквивалента станет крупнейшей нефтяной компанией России и четвертым производителем нефти в мире по объему добычи (около 2,3 млн баррелей в день).

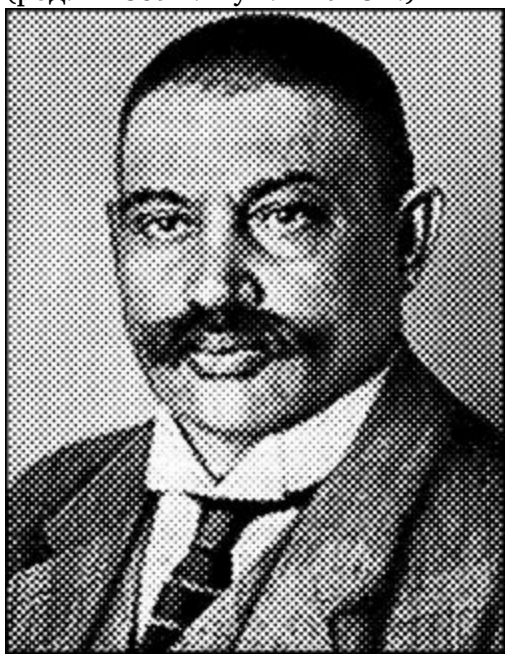
В июле 2003 года Роман Абрамович поменял Чукотку на

Лондон и приобрел контрольный пакет акций лондонского футбольного клуба «Челси» (Chelsea). До этого он выгодно продал свои акции «Аэрофлота», «Российского алюминия», РАО «ЕЭС России», «Славнефть», «Петмол» и др. и перевел капитал за рубеж.

В Англии «Рома Челский» заплатил 27 млн фунтов стерлингов за шестиэтажный дом в Найтсбридже, за 12 млн приобрел поместье с 440 акрами земли в графстве Суссекс. Самый богатый человек Великобритании окружен плотным кольцом вышколенных охранников. На стадион Абрамович отправляется с супругой в разных машинах, чтоб в случае чего его пятеро детей не остались сиротами.

АЗЕФ (АЗЕВ) ЕВНО ФИШЕВИЧ

(род. в 1869 г. – ум. в 1918 г.)



Уникальная фигура в российском революционном движении. Провокатор и террорист в одном лице, руководитель Боевой организации партии эсеров.

Российская эмиграционная революционная среда конца XIX – начала XX в. была довольно разнообразной. Кого только в ней не было, начиная со сторонников мирных средств борьбы с царизмом и заканчивая сторонниками террористических методов! И среди этой разношерстной толпы выделялся человек довольно неприятной внешности: грузный, толстый, с тяжелым набухшим лицом, с оттопыренной нижней губой. И говорить он толком не может – еле-еле что-то бормочет. Но это только на первый взгляд, а есть еще второй, третий… По мнению некоторых, «глаза у него всегда бегали, и он никогда не смотрел в лицо собеседнику»; другие считали, что «…в его чистых глазах нельзя не увидеть бесконечную доброту»; третьи отмечали, что у него «двойное лицо» с «печальными глазами». Да, взгляда три, а человек один.

Однако это тоже только кажется. В нем одном сидит два человека-близнеца, но один из них – легендарный террорист, глава Боевой организации (БО) партии эсеров, другой – агент полиции, да еще и самый высокооплачиваемый. И никакого раздвоения личности! Любой террорист – объект изучения психиатра, но Азеф – случай из ряда вон выходящий. Это – явление, созданное атмосферой безграничного доверия, преклонения и провокации. 17 лет Азеф вел свою двойную игру и не попадался. Его разоблачение, в общем, дело случая.

Как революционер-террорист Азеф участвовал в подготовке террористических актов против харьковского губернатора И. М. Оболенского, уфимского Н. М. Богдановича, организовал убийства министра внутренних дел В. К. Плеве, которого считал виновником еврейских погромов в Кишиневе, великого князя Сергея Александровича, киевского генерал-губернатора Клейгельса. Это громкие дела. А были и тихие, агентурные. В его послужном списке в Департаменте полиции в период с 1901 по 1908 год можно обнаружить выданные им организации: съезд эсеров в Харькове, типографию Северного союза в Томске, членов Северного Союза и Северного Летучего отряда, участников покушения на Богдановича, боевого комитета по подготовке в 1905 году восстания в Петербурге и многих крупных эсеровских групп, предотвращение убийств московского обер-полицмейстера Трепова и министра внутренних дел Дурново, три предотвращения покушений на царя, выдачу БО и боевого отряда эсеров (казнены семь человек). Да и жизнь самого могущественного человека Российской империи П. А. Столыпина во многом зависит от него, Азефа. Какая азартная игра! Какие ставки! На кону жизнь или смерть. От желания только Азефа зависит: казнить или миловать. Да это же божественная власть! Да, все это, конечно, могло быть романтично, если бы не одно банальное обстоятельство – деньги. К ним у Азефа была не меньшая страсть, чем к игре в жизнь и смерть. Делец от террора – пожалуй, это будет самое точное определение сущности этого человека, этого феномена как в революционном движении, так и в делах тайной полиции. Убивать власти предержащих и одновременно защищать их, оберегать и быть при этом почитаемым и в революционной среде, и в полицейской – кому еще такое удавалось?

Родился Евно Азеф в 1869 году в местечке Лысково Гродненской губернии. Он был вторым ребенком в семье бедного еврея-портного. Затем семья перебралась в Ростов-на-Дону. Здесь родители держали убогую лавку, испытывали крайнюю нужду, но страстно мечтали, чтобы их маленький Евно «выбился в люди».

Отказывая себе во всем, они постарались, чтобы он поступил в гимназию, где учились дети самых состоятельных и уважаемых евреев города. В 1890 году Евно окончил гимназию и некоторое время перебивался мелкими заработками корректора, репортера, занимался и мелкой комиссионной торговлей. Тогда же произошло его приобщение к революционной работе. Весной 1892 года жандармы начали дознание о распространении в городе прокламаций, призывающих бороться с существующим режимом. И в тот же миг Евно Азеф исчез из Ростова, прихватив с собой чужие деньги. По этому поводу существуют две различных в психологическом плане версии. Согласно одной из них (автор – начальник Донского жандармского управления Страхов), товарищи Азефа выманили у него чужие деньги, поставив его перед необходимостью бежать за границу, но по другим сведениям, он просто присвоил деньги одного из мариупольских купцов. Вскоре молодой человек объявился в Германии, в г. Карлсруэ, где начал учиться в Политехническом институте. Специальность инженера-электротехника тогда была весьма перспективной.

Но для жизни в Германии нужны были деньги. В марте 1893 года Департамент полиции в Петербурге и жандармское управление в Ростове-на-Дону стали получать короткие письма от неизвестного корреспондента с предложением освещать деятельность русского студенческого кружка в Карлсруэ. В Ростове по почерку быстро выяснили, кто автор писем, и доложили в Петербург, и вскоре Азеф был зачислен секретным сотрудником Охранного отдела Департамента полиции с окладом в 50 рублей в месяц. Вряд ли кто мог тогда предположить, что очень скоро его жалованье достигнет 14 тыс. рублей в год, что несколько больше, чем у некоторых царских министров. С тех пор Азеф жил и работал в России и за рубежом, и в полицейских отчетах проходил под фамилиями Е. Ф. Виноградов, С. М. Валуйский, Гире, И. Даниельсон, Деканский, А. Неймайер, Петров, Раскин, Росс, Филипповский. Были у него и псевдонимы: «Валентин Кузьмич», «Великан», «Евгений Филиппович», «Иван», «Иван Николаевич», «Новый приятель», «Сергей Милитонович», «Толстый».

В течение шести лет Азеф являлся заграничным корреспондентом Департамента полиции и в качестве осведомителя быстро совершенствовался. Один из руководителей Департамента и куратор Азефа Ратаев отмечал: «Сообщения Азефа поражают своей точностью, при полном отсутствии рассуждений». А в письме к своему агенту он писал: «Больше всего на свете я боюсь Вас скомпрометировать и лишиться Ваших

услуг». В 1899 году Азеф по заданию полиции примкнул к заграничной организации эсеров, а затем вернулся в Россию и вошел в состав Северного союза эсеров. К этому времени он был уже дипломированным инженером, служащим электрической компании и, на первый взгляд, жизнь вел довольно серую. Никто ведь еще не догадывался, что у него есть еще две тайные жизни. Он жил тогда в Москве и находился в распоряжении начальника московского Охранного отделения С. В. Зубатова. Два события произошли в этот момент: выдача полиции Азефом Союза социалистов-революционеров, которым руководил А. А. Аргунов, и продвижение Азефа в руководство эсеров. По мнению Зубатова, секретный агент должен был проникнуть в центр революционной организации, выявить руководство, что дало бы возможность покончить с ними одним ударом.

В декабре 1901 года Азеф вновь оказался за границей. В Берлине он вместе с Г. А. Гершуни, признанным эсеровским лидером, участвовал в объединении разрозненных кружков в партию эсеров. Здесь же произошло их сближение. Вместе они разрабатывали теоретическое обоснование террористической деятельности. Эсеры, в отличие от большинства революционеров, особенно марксистского толка, считали, что привести Россию к революции может только террор. Для его осуществления в недрах партии была создана глубоко законспирированная Боевая организация, которую возглавил Гершуни, а после его ареста в мае 1903 года – Азеф. Санкцию на это, в нарушение всех существующих тогда правил для секретных агентов, с подачи начальника Департамента полиции А. А. Лопухина и С. В. Зубатова, возглавлявшего отдел политического сыска, дал не кто иной, как министр внутренних дел В. К. Плеве. Но теперь перед Азефом открылись новые горизонты. Теперь только от него зависит, казнить или миловать самых высоких царских чиновников. От него же зависит и жизнь революционеров – участников террористических акций. У него в руках огромная власть, и ему, человеку, в общем, беспринципному, теперь глубоко наплевать и на революцию, и на полицию.

Однако игра, которую он вел и которая затягивала его все сильнее, была очень опасна и рискованна для него самого, для его собственной жизни. Узнай об этой игре какая-либо из сторон?! Но ему безгранично доверяют и те и другие, да он и требует полного доверия. «Мне кажется, – пишет Азеф Ратаеву, – что у Вас нет ни одного факта, который бы мог Вас заставить думать, что я способен Вам солгать. Кажется, ни разу не лгал, это не лежит в моей натуре… Ваше недоверие для меня оскорбительно и страшно обидно». Написано достаточно цинично

и с чувством полного самообладания. Точно так же можно расценивать и встречу Азефа в 1912 году с разоблачившим его Бурцевым. Бурцев вспоминал: «“Ну, вы сравните сами, – убеждающим голосом говорил он [Азеф]. – Что я сделал? Организовал убийство Плеве, убийство великого князя Сергея… – и с каждым новым именем его правая рука опускалась все ниже и ниже, как чаша весов, на которую кладут гири… – А что я дал им? Выдал Слетова, Ломова, ну еще Веденяпина…” – и, называя эти имена, он не опускал, а наоборот, вздергивал кверху свою левую руку, наглядно иллюстрируя все ничтожество полученного полицией по сравнению с тем, что имела от его деятельности революция». Мало того, он обвинил Бурцева, что своими разоблачениями тот помешал ему убить царя: «Если бы не вы, я его убил бы…» Да, пожалуй, именно эти качества – самообладание, наглость, цинизм – помогали Азефу столько лет ни разу не попасться. Правда, не следует сбрасывать со счетов и его смелость, феноменальную память и, главное, метод действий. Этот метод заключался в следующем. Азеф организовывал сразу несколько террористических акций. Некоторые из них – удачные – он проводил в глубокой тайне от полиции. Это страховало его от любых подозрений со стороны товарищей по партии и создавало вокруг него ореол таинственности и поклонения. Другую часть задуманных террористических акций Азеф своевременно выдавал полиции, и каждая из противостоящих сторон была убеждена, что он всецело предан именно ей.

К моменту разоблачения, к 1908 году, в «революционном активе» Азефа числилось свыше 30 терактов, и он считался одним из самых проверенных членов партии (в январе 1906 года на I съезде Азефа избрали в состав ЦК партии эсеров). Но в это же время, после 1905 года, он провалил ряд групп БО (казнено семь человек), готовящих убийства министра внутренних дел П. Н. Дурново, министра юстиции М. Г. Акимова, военного министра А. Ф. Редигера, генералов Г. А. Мина и Н. К. Римана, председателя Совета министров С. Ю. Витте, великого князя Николая Николаевича, императора Николая II. С его помощью в 1905 году были арестованы все члены эсеровской группы по изысканию оружия и формированию особых вооруженных групп для уличных боев, провален ввоз в Россию на пароходе «Джон Графтон» огромной партии оружия, предназначавшегося для будущей организации Талона. Кстати, как только Гапон заподозрил в этом Азефа, его немедленно уничтожили. В это же время он «сдал» в полном составе боевой комитет, готовящий восстание в Петербурге. В общем, почти все, кто принимал участие в подготовленных им терактах, попадались, кроме тех, естественно,

кто своим присутствием должен был подтверждать легендарность самого руководителя БО. Те же, кто пытался проводить теракты самостоятельно, изначально были обречены.

Помимо денег, получаемых за секретную службу, Азеф, как глава БО, сосредоточил в своих руках огромные суммы, предназначаемые для проведения террористических актов. В то время как некоторые товарищи по партии с умилением говорили, что Азеф «живет на хлебе и селедке», он спокойно «заимствовал» огромные суммы из партийной кассы. Считается, что он на этом сколотил капитал в 250 тыс. немецких марок, но если прислушаться к мнению А. А. Аргунова, то окажется, что названная цифра весьма скромна. «Денег было много, – вспоминал Аргунов. – Кроме специальных “боевых сумм”, оставшихся в особом фонде Боевой организации… и находившихся в распоряжении и на отчете Азефа (отчета он никому не давал, в том числе и ЦК), были изысканы новые источники пожертвований на боевое дело… Насколько богата была касса ЦК, можно судить по тому, что в 1906 году расход доходил до 1000 рублей в день, не считая трат на боевые дела… Отношение к боевому делу всегда было такое: сколько просит Боевая организация, столько и давать надо». Вот так – сколько просит!

Постоянный риск требовал постоянного расслабления. Часть денег Азеф откладывал в заграничных банках, а часть тратил на шансонеток, певичек и актрис варьете. Его часто можно было видеть в петербургском «Аквариуме», в московском «Яре». Пил он, однако, очень мало. Его интересовали только женщины. На них Азеф денег не жалел, благо деньги все равно были «грязные» – за убийства и предательства. Мало кто знал, что у него были жена и сын, которые, узнав о его истинной роли, сменили фамилию и эмигрировали в Америку. За год до разоблачения Азеф в «Аквариуме» познакомился с певицей, немкой Хедди де Херо. С ним она осталась до конца его дней.

В 1906 году у Азефа появился новый начальник, полковник А. В. Герасимов, который возглавлял петербургское охранное отделение. Еще до этого, после выхода царского Манифеста 17 октября 1905 года, Азеф начал выступать за прекращение террора и роспуск БО. Этого не произошло, и тогда он попросту «сдал» БО Герасимову. Вплоть до 1908 года никаких громких акций эсерам провести не удалось. Мало того, Азефом очень стал интересоваться новый премьер России П. А. Столыпин, и не только его деятельностью как секретного агента, но и его взглядами и суждениями по тем или иным вопросам внутренней политики России, настроениям в революционной и

оппозиционной среде. По сути, по этим вопросам Азеф стал для Столыпина главным консультантом. Его информация была исключительно богата фактическими указаниями, ценна и точна. И недаром в первом правительственном сообщении после разоблачения Азефа он будет назван «сотрудником правительства».

Насколько Азеф оказался изобретателен как «сотрудник правительства», настолько, а может, и более, он оказался изобретателен как террорист. То, что он придумал, «благополучно» используется и сегодня. Кто сейчас не слышал о «поясах шахидов»? А тогда?.. В начале 1905 года Азефу стало казаться, что он стоит на грани провала, что его двойная игра станет известна партии. Тогда у него появился план послать в помещение Охранного отделения боевиков и ценой их гибели взорвать полицейский архив. В тот же период, как впоследствии вспоминал Ратаев, Азеф занимался обучением иностранных революционеров, в частности, организаций армян-дрошакистов и македонцев, связанных с русскими террористами и занимавшихся транспортировкой оружия и взрывчатки с Балкан на Кавказ. По заданию полиции Азеф побывал в Константинополе, и вскоре после его отъезда, 12 июля 1906 года, с помощью начиненного взрывчаткой автомобиля было совершено покушение на турецкого султана Абдул-Гамида. Это был тот способ, который Азеф еще в 1904 году хотел применить против Плеве. Интересно, что уже в 1907 году он поставил на обсуждение партии вопрос о применении последних достижений науки и техники в целях политического террора. Особые надежды возлагались на подкопы с использованием зарядов, воспламеняемых на расстоянии, а также на использование только что появившихся самолетов для доставки к цели взрывчатки. А целью, как считал ближайший соратник Азефа Б. В. Савинков, был царский дворец. Видимо, уже тяготясь своей двойной карьерой, Азеф решил выйти из игры, громко хлопнув дверью, осуществив все же мечту русских террористов начала XX века, акт центрального террора – покушение на царя. Это предполагалось сделать в 1903 году во время торжественного царского смотра по случаю приемки нового корабля, только что построенного в Англии крейсера «Рюрик». Азеф накануне побывал в Англии, сумел даже проникнуть на крейсер и подобрать исполнителей акции – двух матросов, сочувствующих эсерам, – Авдеева и Каптеловича. Они получили от БО револьверы и написали прощальные письма, которые Азеф забрал с собой. 7 октября 1908 года царский смотр состоялся, но выстрелов не последовало. Однако разбираться, почему так случилось, у Азефа уже не было времени: со своими

разоблачениями в его адрес выступил Владимир Бурцев.

Подозрения против Азефа высказывались в разное время и разными людьми. Об этом эсеров информировали даже некоторые сотрудники полиции. Но руководство партии – от Гершуни до Савинкова – отнеслось к этому с недоверием. Даже за три месяца до разоблачения Б. Савинков заявил: «Если бы против моего брата было столько улик, сколько их есть против Азефа, я застрелил бы его немедленно. Но в провокацию Ивана я не поверю никогда!» Да и кто бы мог поверить?! В это не поверили даже тогда, когда осенью 1907 года появилось так называемое «саратовское письмо», разоблачавшее провокаторскую роль Азефа. Оно было оглашено на заседании ЦК партии эсеров. Но несмотря на произведенное впечатление, письмо осталось без последствий, а эсер, которому все же поручили рассматривать это дело, вскоре был арестован.

Бурцеву же, издававшему в те годы в Петербурге «Былое», еще в мае 1906 года от одного сотрудника Департамента полиции, сочувствовавшего эсерам, стало известно о провокаторе в руководстве партии, действовавшем под кличкой «Раскин». Сопоставляя различные детали, он пришел к выводу, что Раскин – это Азеф. Но нужны были веские доказательства. И Бурцев их получил, и с самой неожиданной стороны – от бывшего начальника Департамента полиции, который в тот момент являлся эстляндским губернатором. Их разговор состоялся в августе 1908 года в купе поезда, следовавшего из Кельна в Берлин, и продолжался шесть часов. Правда, Лопухин молчал, говорил Бурцев. Когда же до Лопухина дошло, чем занимался секретный агент полиции, будучи главой БО эсеров, и особенно то, что он готовил цареубийство, Лопухин подтвердил Бурцеву, что Раскин и Азеф – одно и то же лицо. По прибытии в Россию он написал письмо своему бывшему однокашнику П. Столыпину с предложением самому премьеру покарать провокатора. Ответом на это письмо было появление на квартире у Лопухина самого Азефа, примчавшегося из Берлина, чтобы заставить того отказаться от своих слов. Это стало ошибкой Азефа, которая усугубилась неудачно подготовленным для него алиби. Лопухин сообщил о неожиданном визитере А. Аргунову, а Азеф же говорил, что в это время он был в Берлине. Но агент Герасимова, который должен был подготовить ему алиби, остановился не в той гостинице, что нужно; и проверка, устроенная эсерами, не подтвердила пребывания Азефа в Берлине.

Для Лопухина встреча с Бурцевым стала роковой. После доклада П. Столыпина царю он был осужден и сослан в Сибирь. Премьер горой встал за Азефа, заявив на слушаньях по этому

делу в Государственной Думе: «Обстоятельств, уличающих его в соучастии в каких-либо преступлениях, я, пока мне не дадут других данных, не нахожу». Не верили в предательство Азефа и в революционной среде. Известный террорист-революционер Карпович грозился перестрелять своих товарищей по партии, осмелившихся заподозрить главу БО в службе в полиции. А эсеры для выяснения всех обстоятельств устроили третейский суд над… Бурцевым. Судьями были назначены старые опытные революционеры Г. А. Лопатин, П. А. Кропоткин и В. Н. Фигнер. В. Бурцеву, «как клеветнику», на суде никто из эсеров не подавал руки, а после 17-го заседания суда (всего их было 18) В. Фигнер сказала ему: «Вы ужасный человек, вы оклеветали героя, вам остается только застрелиться!» Бурцев на это ответил: «Я и застрелюсь, если окажется, что Азеф не провокатор».

23 декабря 1908 года на квартиру к Азефу явились В. М. Чернов и Б. В. Савинков и предложили ему «честно обо всем рассказать». Азеф свою связь с полицией отрицал, но в ту же ночь бежал в Париж, хотя не так давно с возмущением написал в ЦК партии: «Оскорбление такое, как оно нанесено мне вами, знайте, не прощается и не забывается. Будет время, когда вы дадите за меня отчет партии и моим близким. В этом я уверен. В настоящее время я счастлив, что чувствую силы с вами, господа, не считаться. Моя работа в прошлом дает мне силы и подымает меня над смрадом и грязью, которой вы окружены теперь и забросали меня». Через два дня после бегства Азефа ЦК партии эсеров объявил его провокатором. Но почему же его не убили товарищи по партии? Ведь в революционной среде не принято было особенно церемониться! Ответ прост: все растерялись. Одни были потрясены, другие отошли от партии, некоторые покончили с собой. А Столыпин, выступая в Государственной Думе, заявил, что если один из главарей революции был, собственно, сотрудником Департамента полиции, то это, конечно, весьма печально, но никак не для правительства, а для революционной партии.

Между тем Азеф в 1909 году со своей пассией из «Аквариума» отправился путешествовать. Они посетили Италию, Грецию, Египет, а затем вернулись в Германию и поселились в Берлине. Теперь он стал господином Александром Неймайером и особенно не опасался своих вчерашних однопартийцев. Азеф не скрывался, не прибегал к гриму, он неплохо устраивался в своей новой жизни: в 1910 году снял квартиру, затратил на ее обустройство и подарки подруге свыше 100 тыс. марок, обзавелся немецкими приятелями и занялся коммерческими делами – стал играть на бирже. Жил, в общем, в свое удовольствие, посещал

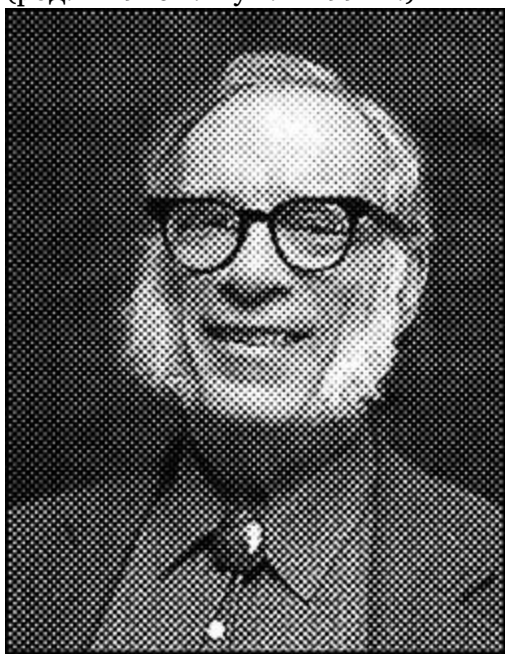
увеселительные места, театры, часто выезжал на дорогие курорты. Но летом 1912 года случилась неприятность: на курорте в Нейенаре его узнали и тут же сообщили Бурцеву. Тот, угрожая Азефу «отдать» его эсерам, настоял на личной встрече, которая состоялась 15 августа во франкфуртской кофейне. Разговор продолжался несколько часов, и Азеф почти убедил Бурцева, что просто жаждет суда над собой своих прежних товарищей и что в случае вынесения ему смертного приговора сам покончит с собой. Накануне этой встречи Азеф составил завещание, сдал квартиру в Берлине и заставил свою подругу переехать к матери в провинцию, а после встречи, на протяжении 1912–1913 годов, стал заметать следы: много ездил, менял гостиницы и паспорта.

Первая мировая война разорила Азефа. Все его состояние было вложено в русские бумаги, но с началом войны они утратили ценность в Германии. А в июне 1915 года германская полиция неожиданно арестовала его как опасного анархиста и террориста. Сколько он затем ни пытался доказать властям, что он не анархист, это ничего не дало – до декабря 1917 года Азеф находился в Моабитской тюрьме. Ему, правда, предлагали перейти из тюрьмы в лагерь для гражданских лиц русской национальности, но Азеф это предложение отклонил.

После прихода в России к власти большевиков провокатора неожиданно выпустили на свободу. Мало того, его приняли на службу, да не куда-нибудь, а в германское Министерство иностранных дел. Вряд ли Азеф годился для дипломатической работы, но он стал поговаривать о скором переезде в Швейцарию, которая и тогда являлась главным центром мирового шпионажа. Но этому случиться было не суждено. Резко обострилась болезнь почек, и 24 апреля 1918 года Азеф покинул этот бренный мир, унеся с собой в могилу не одну тайну. Хоронила его Хедди на Вильмерсдорфском кладбище в Берлине по второму разряду. Во избежание неприятностей надпись на могиле не была проставлена, только номер – 446.

АЗИМОВ АЙЗЕК

(род. в 1920 г. – ум. в 1992 г.)



Американский писатель-фантаст, популяризатор науки. Автор более 460 научно-популярных книг, сборников рассказов и романов, в том числе «Я, робот», «Стальные пещеры», «Обнаженное солнце», «Установление», «Установление и империя», «Второе установление», «Установление в опасности», «Камушки в небесах», «Космические течения», «Сами боги», «Конец Вечности» и др.

Американскому писателю Айзеку Азимову, видимо, принадлежит один из уникальных литературных рекордов. На его счету 467 научно-популярных книг, повествующих обо всем интересном, что создано человеком, как в мире вещественном, так и в мире безудержной творческой фантазии. Трудолюбие и плодовитость Азимова давно уже стали легендарными. Американский фантаст Артур Кларк по этому поводу шутил: «Он имеет четыре пишущих электромашинки и может печатать сразу

четыре книжки двумя руками и двумя ногами. А сколько он извел деревьев! Чтобы издать его произведения, пришлось уничтожить $5{,}7 \times 1016$ микрогектаров леса. Азимов – это настоящая экологическая катастрофа. Но, несмотря на все это, он – не робот».

Считается, что Азимов был научным фантастом, хотя это определение не совсем точное. Его произведения, скорее, можно назвать детективной фантастикой или фантастическими детективами, поскольку хитроумные логические построения сближают Азимова больше с К. Дойлом и А. Кристи, чем, например, с И. Ефремовым или Р. Шекли.

Блестящий ум сочетался у Азимова с мечтательностью. И поэтому ему не суждено было стать ни чистым ученым, ни чистым беллетристом. Зато ему, как редко кому из писателей, удавались произведения, в которых можно было излагать самые невероятные теории, строить умозрительные цепочки, предполагающие множество версий, но имеющие лишь одно верное решение. Возможно, поэтому в лучших книгах писателя заложено детективное начало, а его любимые герои Э. Бейли и Р. Оливо по профессии сыщики. И хотя романы Азимова нельзя причислить к «чистым» детективам, в них всегда присутствует некая тайна, безупречные логические выводы и тонкая интуиция героев.

Айзек Азимов родился 2 января 1920 года в Белоруссии. Когда мальчику исполнилось три года, родители эмигрировали в США и поселились в Нью-Йоркском Бруклине, где открыли кондитерскую лавку. Семейный бизнес позволил им жить вполне благополучно, а кроме того, собрать достаточно средств, чтобы дать любимому Айзеку приличное образование. Этой возможностью юный Азимов воспользовался сполна. Едва выучившись читать, он обнаружил тягу к точным наукам. В девять лет впервые прочитал научно-фантастический журнал, в одиннадцать окончил школу, в пятнадцать – колледж, в девятнадцать получил диплом бакалавра Колумбийского университета, через два года – ученую степень магистра, а в двадцать семь лет уже был доктором наук. В 1949 году молодой и талантливый ученый возглавил кафедру биохимии медицинского факультета Бостонского университета.

Такая научная карьера, впрочем, не казалась самому профессору слишком стремительной. Позже в романе «Дыхание смерти», весьма точно изобразив университетскую среду, он вывел образ доцента Льюиса Брейда, страдавшего из-за того, что слишком поздно получил профессорскую должность. Автобиографичность героя была очевидной: Азимов, вероятно,

полагал, что профессором он должен был стать гораздо раньше.

Молодой преподаватель избрал путь кабинетного ученого, так как путешествовать он не любил, потребности в резкой смене впечатлений не испытывал, а потому погрузился в присущий только ему мир фантазий и образов. Тот же Артур Кларк, приветствуя Азимова на заседании общества научных знаний в Лондоне, куда писатель наконец-то приехал после многочисленных приглашений, шутливо заметил, что нелюбовь Азимова к путешествиям лишает его возможности стать лауреатом давно заслуженной международной премии Калинги. Дело в том, что эта премия вручается слишком далеко от Америки, в Дели.

В молодости Айзек Азимов пополнял свои знания, в основном, в публичных библиотеках. Читал все подряд, от первой до последней книжки на полке, увлекался историей, естествознанием, точными науками. Как ученый он сначала сделал выбор в пользу зоологии, затем, будучи уже на втором курсе университета, решил посвятить себя химии. Но из всех ее разделов необходимо было остановиться на чем-то одном. Этим «одним» оказалась биохимия. Однако и это направление показалось Азимову слишком общим, чтобы заниматься серьезными научными исследованиями. И он еще более сузил поле деятельности, избрав для себя одну тему – нуклеиновые кислоты.

Достигнув определенных успехов в биохимии, Азимов почувствовал, что ему достался слишком ничтожный участок в «саду науки», а познать хотелось все. И тогда он решил освободиться от пут специализации, и если не обойти «весь сад», то, во всяком случае, оглядеть его сверху. Так возникло желание изложить на бумаге все то, что открывалось молодому ученому в обозреваемом научном мире.

Целую серию составили очерки Азимова по различным отраслям науки и техники. Частично эта серия складывалась из статей, ежемесячно публиковавшихся в журнале «Фэнтези энд сайенс фикшн», где Азимов 20 лет проработал научным редактором. Тематика была самой разнообразной – от физики и астрономии до истории и психологии.

Писатель отдавал преимущество не углубленному детальному анализу, а обозрениям и очеркам-эссе. Он выражал свои мысли образно, точно, писал просто о сложном, что и обеспечило успех его научно-популярных работ среди широкого круга читателей.

Фантастикой Азимов увлекся еще в юности. Уже в 19-летнем возрасте он опубликовал рассказ «Покинутый на Весте», а через

несколько лет, когда появились первые книги о роботах и новеллы из галактической эпопеи «Установление», стал, по мнению критиков, серьезным писателем.

В эпическом цикле «Установление» главным действующим лицом впервые в научной фантастике стал робот по имени Р. Даниэл Оливо. Он – существо совершенное, и по мере развития сюжета проявляет качества, не свойственные обычному человеку. А в пятой части книги он уже занимает чуть ли не место самого Творца Вселенной и вершителя человеческих судеб.

Вообще, азимовские роботы – это нечто наиболее поразительное из всего, созданного писателем. Он «очеловечил» эти мыслящие машины, придав им самые разнообразные черты и качества, проявляющиеся в отношениях с людьми. Сформулированные Азимовым «три закона робототехники», были приняты в научно-фантастической литературе практически безоговорочно. Они и звучат как самый серьезный научный постулат:

1. Робот не может причинить вред человеку или своей бездеятельностью позволить, чтобы человеку был причинен вред.

2. Робот должен подчиняться командам, которые дает ему человек, за исключением тех случаев, когда эти команды противоречат первому закону.

3. Робот должен оберегать свое существование, если это не противоречит первому и второму закону.

Как правило, главные герои произведений Азимова – это мыслящие машины различных конструкций, они действуют в сложных, а часто и критических обстоятельствах. Особенно привлек читателей образ исследователя Сьюзен Келвин, которая лучше, чем кто бы то ни было, понимает их тонкую психологию. Рассказы, объединенные в единый цикл «Я, робот», оказали, вероятно, не меньшее влияние на развитие научной фантастики, чем «Машина времени» Уэллса.

Позднее Азимов обратился к роботам в романах «Стальные пещеры» и «Обнаженное солнце», в которых человек Элайдж Бейли и тот же робот Даниэл Оливо раскрывают загадочные преступления. Писатель характеризует Даниэла как сильное, идеально уравновешенное, разумное, неподвластное эмоциям существо, действия которого, правда, ограничиваются тремя законами робототехники.

Этот робот оказался настолько привлекательным, что Азимов стал получать множество писем, особенно от читательниц, которые выражали свои искренние симпатии Даниэлу и настолько им увлеклись, что настоящие люди в произведениях писателя им уже казались менее интересными героями. Эти

отзывы заставили писателя задуматься над проблемой: если машина мыслит, как человек, и даже лучше, то, возможно, и не важно внешнее подобие человека и машины. И тогда на следующем этапе появилась совершенная ЭВМ, названная автором Мультиваком, – хранилище всей мировой статистики и ежедневных мировых новостей. Гипотеза о необозримом электронном мозге стала весьма распространенной в американской фантастике. Азимову она дала повод для дальнейших философских размышлений в романах «Все грехи мира», «Последний вопрос» и др. Подводя итоги своим творческим изысканиям, Азимов делает вывод: «Род людской выживет, если смелее будет смотреть в лицо настоящему, а не держаться за прошлое, если будет иметь мужество принимать исторические изменения, а не противоборствовать им».

Айзек Азимов прожил 72 года. Он умер 6 марта 1992 года в клинике Нью-йоркского университета. За несколько лет до своей кончины писатель произнес один из самых блестящих монологов о книге, настоящий панегирик древнему и самому совершенному средству познания. В нем, в частности, он утверждал: «Пусть книга – вещь давняя, для нас она в то же время и самая совершенная, и читателей от нее ничто не может отлучить. Таким образом, вопреки всем заявлениям о кассетах и компьютерах, писатели не выйдут из моды никогда и не уйдут в безвестность. Писанием книг богатства, возможно, и не наживешь (в конце концов, что такое деньги?), но профессия эта будет существовать всегда».

Эти слова Айзек Азимов подтвердил всем своим творчеством, подняв писательскую профессию до уровня великой мысли, синтезировав высокое искусство и серьезную науку.

БАБЕЛЬ ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ

(род. в 1894 г. – ум. в 1940 г.)

Советский писатель. Автор сборника «Конармия» (1926 г.), «Одесских рассказов» (1931 г.) и множества пьес.

Нежная привязанность одесситов к своему городу стала уже почти легендарной. Наши предки сравнивали Одессу ни много ни мало с Парижем: те же модные вернисажи, банк «Лионский кредит» на Ришельевской, живописный «Привоз» – чем не «Чрево Одессы», – блистательная опера, множество поэтов и собственный Мопассан, известный под именем Исаака Бабеля…

«Я родился… на Молдаванке», – написал Исаак Эммануилович в своей автобиографии. И это событие определило весь его дальнейший жизненный и творческий путь. В генетической памяти, на слуху, да и в сознании Бабеля она осталась, как когда-то говорили, местом «больше, чем сама Одесса». Молдаванка – явление, мораль целого города. Это предместье Одессы воспитало в Исааке Бабеле особую

нравственность, одарило память щемящей грустью, стало стилем его жизни.

Исаак Эммануилович Бабель родился 1(13) июля 1894 года в Одессе в довольно зажиточной еврейской семье. Его прабабушка по материнской линии Фейга вышла замуж в 1818 году за приехавшего из Галиции еврея-сверстника Мозеса-Фроима Лейзова-Швехвеля, который через некоторое время поступил «подмастерьем еврейского мужского цеха». Один из их сыновей, Арон Мозесов Швехвель, впоследствии стал дедом знаменитого писателя Исаака Бабеля. Его старшая дочь Фейга (названная в честь бабушки) вышла замуж за Эммануила Бабеля в 1890 году. На следующий год у них родился первенец Арон, в 1892 году – дочь Анна, а затем Исаак – будущий знаменитый писатель.

Прожив недолго в Одессе, семья Бабель уехала в Николаев, где Эммануил Исаакович поступил на службу в фирму Бирнбаума по торговле сельскохозяйственными машинами. Его бизнес процветал. Кроме техники старший Бабель торговал пожарными насосами, медным купоросом и чугуном в чушках. Среди друзей удачливого коммерсанта был даже французский консул.

К сожалению, несчастья личного характера преследовали семью. Один за другим умерли старшие дети Арон и Анна. Выжить удалось лишь Исааку. Мальчишка оказался крепким и смышленым. Нужно сказать, что Исаак всегда был окружен любовью и заботой близких. Бабушка по папиной линии, Миндли Ароновна, обожала внука и окружала его суровой, требовательной любовью. Она была абсолютно уверена в том, что ее ненаглядный Исаак прославит их фамилию. Миндли Ароновна даже сердилась, если кто-нибудь пытался с ней соперничать в любви к маленькому внуку. Первоначальное образование он получил дома. В своей автобиографии Бабель писал: «По настоянию отца изучал до 16 лет еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе». Учился мальчишка хорошо. Особенно легко давались ему языки. Исаак легко освоил английский и немецкий, в совершенстве знал идиш и иврит, а по-французски говорил так же бегло, как и по-русски. В Николаеве он поступил в приготовительный класс коммерческого училища им. графа С. Ю. Витте. Там же 16 июня 1899 года в семье Бабелей родилась единственная сестра Исаака– Мера (Мари).

Сколотив достаточный капитал, семья переехала в 1905 году в родной город Одессу и на некоторое время поселилась у родной сестры матери Гитл (Кати) на Тираспольской, 12, в квартире № 3. Эту квартиру, дом и двор взрослый Исаак опишет в рассказе

«Пробуждение». Через четыре года семья Бабелей поселилась на Ришельевской в доме № 17, квартире № 10. Отец всегда мечтал о том, чтобы сын пошел по его стопам и стал коммерсантом. Именно ему Эммануил Бабель хотел оставить доходный семейный бизнес. Поэтому под давлением отца Исаак поступил в Одесское коммерческое училище им. императора Николая I. Программа училища была очень насыщенной. Изучались химия, политэкономия, законоведение, бухгалтерия, товароведение, три иностранных языка и другие предметы. «Отдохнуть» на переменах можно было в греческих кофейнях или гуляя по порту. Иногда ученики сбегали на Молдаванку «пить в погребах дешевое бессарабское вино». Отец души не чаял в сыне, буквально боготворил его. Если кто-то ему очень нравился, старший Бабель говорил о таком человеке: «Тип красоты моего Изи». Эти слова в устах любящего отца были наивысшей похвалой.

Исаак Бабель активно участвовал в любительских спектаклях и сочинял пьесы. По настоянию отца он обучался игре на скрипке у знаменитого маэстро Петра Соломоновича Столярского. Во время учебы Исаак начал писать. В то время ему едва исполнилось 15 лет. В течение двух лет он сочинял по-французски под влиянием Г. Флобера, Ги де Мопассана и своего учителя французского языка Вадона. Отец так отзывался о его литературном творчестве: «Были “заскоки” – ночами марал бумагу, что-то писал по-французски, а написанное прятал». Эммануил Исаакович шутя называл за это сына «графом Монтекристовым». Сам Исаак Бабель позднее вспоминал о своих первых рассказах: «Я беру пустяк – анекдот, базарный рассказ – и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться…» Французский обострил ощущение литературного языка и стиля молодого писателя. Уже в первых своих рассказах Бабель стремился к стилистическому изяществу и к высшей степени художественной выразительности. Рано было сформировано главное свойство прозы: начинающий писатель смог соединить разнородные пласты жизни и языка.

В 1912 году Исаак Бабель окончил Одесское коммерческое училище. Но, к сожалению, не имел права поступить в Одесский университет, потому что для этого требовался гимназический аттестат. Поэтому родители решили отправить сына в Киев, где был Коммерческий институт. Во время Первой мировой войны Исааку Бабелю пришлось эвакуироваться вместе с институтом в Саратов. Несмотря на трудности, юноша в 1916 году окончил институт, получив звание кандидата экономических наук.

В Киеве, куда отец и в дальнейшем посылал его по коммерческим делам, Исаак познакомился с Евгенией

Борисовной Гронфайн, отец которой поставлял старшему Бабелю сельскохозяйственные машины. 9 августа 1919 года молодые люди обвенчались по всем правилам синагоги. Отец невесты не принял этот брак, считая его настоящим мезальянсом, лишил дочь наследства и проклял весь род Бабелей до десятого колена.

В 1916 году юноша приехал в Петербург, решив для себя зарабатывать на жизнь писательским трудом. Он обивал пороги различных редакций и издательств, предлагал свои рассказы, но абсолютно безуспешно. Многие редакторы в известных петербургских журналах советовали молодому писателю забросить бумагомарание и заняться торговлей. Ситуацию осложняло и то, что Бабель проживал в Петербурге на нелегальном положении. В Российской империи существовала черта оседлости для евреев, и без специального разрешения они не могли поселиться в крупных городах. В это же время Исаак Бабель увлекся психологией, психиатрией и юриспруденцией. В 1916 году он поступил на четвертый курс юридического факультета Бехтеревского Петроградского психоневрологического института, который, к сожалению, не окончил.

Хуже всего было то, что Исаак оставался без поддержки родных и близких. Отчаявшись, начинающий писатель обратился за помощью к Максиму Горькому. Он показал знаменитому писателю несколько своих ранних произведений. Горький, прочитав их, дал совет: идти в люди, набираться жизненных впечатлений, как когда-то сделал он сам. Алексей Максимович в то время был главным редактором журнала «Летопись». Два рассказа молодого писателя были опубликованы в 11-м номере журнала за 1916 год. Они вызвали огромный интерес у читателей и… судебных органов. За рассказы «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна», «Мама, Римма и Алла» Бабеля собирались привлечь к уголовной ответственности за распространение порнографии. Только Февральская революция спасла его от суда, назначенного на март 1917 года.

Приближался конец Первой мировой войны. Исаак Бабель успел побывать солдатом на французском фронте. А летом 1918 года был активным участником продовольственных экспедиций наркомпрода. За годы революции и Гражданской войны он сменил множество профессий: работал в наркомпроде и одесском губкоме, воевал на румынском, северном, польском фронтах, работал репортером тифлисских и петербургских газет. Бабель-публицист был всегда идеологически правильным, а вместо юмора использовал отточенный слог революционной лексики.

В 1919 году начинающий писатель поступил в ряды чрезвычайной комиссии в качестве корреспондента Первой

конной армии. Документы на имя Кирилла Васильевича Лютова ему помог получить секретарь одесского обкома С. Б. Ингулов – «товарищ Сергей». По документам корреспондент Лютов был русским, что дало ему возможность принимать участие в боевых действиях. Во время пребывания в Первой конной Бабель постоянно вел дневник, ставший основой цикла рассказов о конармии 1923–1926 годов. «Конармия» Бабеля сильно отличалась от красивой легенды, которую сочиняли о буденовцах официальные средства информации. Молодой писатель показал и неоправданную жестокость, и животные инстинкты солдат, которые затмевали слабые ростки человечности, что писатель видел в революции и очистительной Гражданской войне. Без преувеличения можно сказать, что «Конармия» стала документом и литературным шедевром, ради создания которого писатель пожертвовал собой.

Вокруг книги разгорелся нешуточный скандал. Рассказы о Первой конной армии принесли автору славу и одновременно ненависть таких могущественных лиц, как командующий Первой конной армией Буденный: «Требую защитить от безответственной клеветы тех, кого дегенерат от литературы Бабель оплевывает художественной слюной классовой ненависти». Начдив Первой конной армии С. К. Тимошенко, ставший впоследствии маршалом и наркомом обороны, был взбешен, прочитав рассказ «Тимошенко и Мельников». Как-то он сказал одному из друзей Бабеля – Охотникову, – что убьет писателя «к чертовой матери, попадись тот ему на глаза». Когда Охотников решил помирить начдива и Бабеля, он уговорил Тимошенко прийти в гости к автору нашумевшего произведения. Они пришли в Обуховский переулок, где жил писатель, средь бела дня. Исаак Эммануилович работал… Позднее он рассказывал школьному товарищу: «И тут они входят ко мне в комнату, вижу впереди Тимошенко. Ну, думаю, надо хоть перед смертью молитву прочитать».

В защиту бабелевской «Конармии» встал Горький. В рецензии, своих критических статьях он часто повторял, что Бабель описал бойцов Первой конной армии «правдивее, лучше, чем Гоголь запорожцев». Можно с уверенностью сказать, что без вмешательства Горького писатель сразу же попал бы под военный трибунал. «Конармия» была высоко оценена коллегами Бабеля по писательскому цеху: Маяковским, Фурмановым, Андреем Белым и другими. Вскоре появились первые переводы. В 1928 году «Конармия» была переведена на испанский. Во Франции его роман имел оглушительный успех. «Конармией» зачитывались Ромен Роллан, Анри Барбюс и Мартен Дюгар. В числе поклонников творчества Бабеля были Томас Манн, Лион

Фейхтвангер. Вопреки недоброжелателям, творчество одесского писателя рассматривалось как самое значительное явление в современной литературе. Литературный критик А. Лежнев писал: «Бабель не похож ни на кого из современников, но прошел недолгий срок – современники начинают понемногу походить на Бабеля. Его влияние на литературу становится все более явным».

Во время Гражданской войны Исаак Бабель чудом остался жив, перенес тяжелое ранение, переболел тифом. Только в ноябре 1920 года он смог вернуться в Одессу. А уже в феврале 1921 года становится редактором журнала «Коммунист» и работает в Госиздате Украины. Несмотря на мировую известность, писатель оставался все таким же скромным и отзывчивым человеком. Его доброта была безграничной. Исаак Бабель раздавал свои галстуки, рубашки и говорил: «Если я хочу иметь какие-то вещи, то только для того, чтобы их дарить». Его тетка Катя часто приходила к людям, которым Бабель имел неосторожность подарить что-нибудь из мебели или семейных реликвий и говорила: «Извините, мой племянник – сумасшедший. Эта вещь – наша фамильная, поэтому верните мне ее, пожалуйста». Именно так ей удалось сохранить кое-что из семейной обстановки. К тому же у Бабеля легко можно было занять денег. А долги знаменитому писателю никто не возвращал. Очень часто писатель сам нуждался в деньгах и поэтому брал предоплату в разных журналах в счет будущих рассказов, не успевая вовремя выполнить заказ. В семейном архиве писателя сохранились запросы, которые посылали ему из различных журналов: «Дорогой товарищ Бабель, когда же мы все-таки получим “Дорогу”? Время течет, читатель читать хочет. Сейчас делаем шестой выпуск, хорошо бы поместить ее там, но срок в срок». Бабель действительно работал очень медленно. Как скульптор, он постепенно отсекал ненужные детали, шлифовал каждое слово, подбирал наиболее яркие способы выражения. Язык его произведений лаконичен и сжат, ярок и метафоричен. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки хранится дружеский карандашный шарж Е. Зозули на Бабеля. Текст под рисунком: «И. Бабель задумал новый рассказ. Чувствуется, что он будет написан быстро, всего через какой-нибудь год».

Исаак Эммануилович был необычайно требователен к себе. Бытует легенда, что только один рассказ «Любка Казак» имел около 30 серьезнейших редактур, над каждой из которых писатель работал по нескольку месяцев. Очень часто он повторял: «Стилем-с берем, стилем-с. Я готов написать рассказ о стирке белья, и он, может быть, будет звучать, как проза Юлия Цезаря». Свои произведения Бабель писал в небольшой комнате с

огромными окнами. Он никогда не имел пишущей машинки, да и попросту не умел на ней печатать. Писал он пером и чернилами. Рукопись Исаак Эммануилович хранил в нижнем ящике платяного шкафа. И только дневники и записные книжки находились в тяжелом металлическом ящике с замком. Обычно у него под рукой были нарезанные листочки 10×15 см, на которых он записывал свои рассказы.

В 1923–1924 годах Бабель работал над циклом «Одесских рассказов», которые стали вершиной его творчества. В это время писатель переживал настоящий душевный кризис: «Почему у меня непроходящая тоска? Потому что я на большой, непрекращающейся панихиде», – писал он в дневнике. Выход из душевного и творческого кризиса он нашел в гиперболизированном, почти мифологическом городе, населенном персонажами, в которых, по словам писателя, есть «задор, легкость и очаровательное то грустное, то трогательное чувство жизни». Одесса и ее реальные жители – Мишка Япончик, Сонька Золотая Ручка – в воображении писателя превратились в художественно достоверные образы: Бени Крика, Любки Казак, Фроима Грача. Подробно рассказывая о жизни одесского криминала, он очень часто примерял их жизнь на себя. Для того, чтобы окунуться в атмосферу одесских будней, Бабель снимал комнату на Молдаванке у старого еврея Цириса, который был наводчиком у бандитов и получал свой «карбач» от каждого грабежа. По легенде, именно там и подсмотрел Бабель сюжеты для своих известных на весь мир «Одесских рассказов». Но знаменитый писатель получал информацию и из других источников. 29 мая 1923 года из губкома в одесский угрозыск Барышеву пришла совершенно секретная бумага о допущении т. Бабеля как литератора к изучению некоторых материалов угрозыска в пределах возможного. Кроме этого, Исаак Эммануилович посещал открытые судебные заседания. В основу полного юмора, ярких красок рассказа «Карл Янкель», над которым писатель работал семь лет, был положен судебный процесс, состоявшийся 24 июня 1924 года в клубе трамвайщиков.

Год от года популярность Бабеля-писателя росла. Его часто приглашали на вечера, устраиваемые кремлевскими женами. В ту пору было модно иметь свой литературный салон. По Москве тогда ходили слухи о том, что у Бабеля сложились близкие, даже интимные отношения с женой Ежова, красавицей Евгенией Соломоновной. В ее доме часто собирались молодые и уже известные авторы. Завсегдатаи салона ценили Бабеля за любовь к жизни. Недаром Илья Эренбург сказал как-то о писателе: «Он был падок на жизнь». Связь с Евгенией Ежовой впоследствии сыграла

роковую роль в жизни Бабеля.

Сам знаменитый писатель считал, что человек рождается для веселья и наслаждения жизнью. Он обожал смешные истории и ситуации. Исаак Эммануилович часто выдумывал всевозможные розыгрыши и при этом очень веселился. Однажды в воскресенье из комнаты Бабеля раздались невероятные душераздирающие стоны. На вопрос «Что случилось?» великий мистификатор самым серьезным тоном ответил: «Я хотел показать вам еврейские стоны». По воспоминаниям друзей, писатель был человеком высокой культуры и к тому же великолепным рассказчиком. Он говорил ровным голосом без акцента, никому никогда не подражал. Особенностью Бабеля-рассказчика было то, что иногда перед смешными местами он начинал хохотать, да так заразительно, что невозможно было не смеяться вместе с ним.

К сожалению, жизнь писателя с Евгенией Гронфайн сложилась неудачно. Красавица Евгения очень часто критиковала написанное мужем. В 1925 году она навсегда уехала в Париж. Супруги расстались из-за частых измен Бабеля. Сам же Исаак Эммануилович говорил о том, что жена уехала в Париж упражняться в художествах. После ее отъезда Бабель смог открыто сойтись с артисткой театра им. Мейерхольда Татьяной Кашириной. В июле 1926 года у них родился сын, которого счастливые родители назвали Эммануилом. Их роман оказался недолгим. Так и не узаконив отношения, Бабель покинул свою возлюбленную и уехал в Париж к Евгении Гронфайн, где у них родилась дочь Натали. За это время Каширина вышла замуж за Всеволода Иванова, который усыновил Эммануила и дал ему новое имя Михаил. Ивановы сделали все возможное, чтобы оградить Михаила от встречи с настоящим отцом. Из Парижа Исаак Бабель возвратился один. А в 1932 году встретил свою третью и последнюю любовь – Антонину Николаевну Пирожкову. Исаак Эммануилович стал ее первым и последним супругом. В 1937 году у них родилась дочь Лида. Антонина Николаевна всю жизнь оставалась верна своему мужу-писателю.

Смерть Горького стала одной из самых значительных потерь в жизни Бабеля. Вместе с ним ушло в небытие зыбкое равновесие между создателем «Конармии» и властями. Сразу же после того, как роковое известие дошло до писателя, он произнес фразу, предвосхитившую дальнейшие события: «Теперь мне жить не дадут». Исаак Эммануилович хорошо понимал, что смерть Горького была насильственной, но открыто говорить об этом не мог. В это же время к одесскому писателю был приставлен литературовед Эльсберг. Этот человек работал в издательстве «Академия», что позволяло ему постоянно опекать Бабеля и его

семью. Спустя много лет, уже после XX съезда партии, на одном из писательских съездов Эльсберг был исключен из Союза писателей за информаторскую деятельность.

Хрущев в своих мемуарах вспоминал, что Сталин и Берия в конце 1930-х годов планировали арест жены Ежова. Предупрежденная мужем Евгения Соломоновна покончила с собой в больнице. 11 мая 1939 года комиссар госбезопасности Кобулов допрашивал арестованного Ежова о том, что представлял собой литературный салон его жены. Бывший железный нарком рассказывал о том, что особая дружба связывала его жену с Бабелем, который, как известно, все время вертелся в подозрительной троцкистской среде и, кроме того, был тесно связан с французскими писателями. А15 мая 1939 года был арестован и сам Бабель – на даче в Переделкино, в связи с тем, что дома писателя застать не смогли.

Уже во дворе Лубянской тюрьмы арестованный Бабель произнес: «Ужасно, что не будет писем от матери». Не выдержав пыток, Исаак Эммануилович назвал десятки имен и фамилий, но в архивах НКВД сохранилось заявление писателя, в котором он отрекался от своих слов. Судебный приговор был краток: Бабеля обвинили в заговорщицкой и террористической деятельности и подготовке терактов в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства. В материалах следствия упоминалось имя лорда Бивербрука, с которым писатель будто бы установил контакты с целью реализации своих подрывных заданий. Приговор (расстрел) был приведен в исполнение комендантом НКВД Блохиным 26 января 1940 года в помещении Лефортовской тюрьмы.

При аресте писателя были конфискованы 24 папки с его рукописями. О поисках архива Бабеля хлопотал секретарь правления Союза писателей А. Сурков, который направил письмо министру МГБ генералу Серову. «Рукописи не найдены», – был получен короткий ответ. Он пришел так быстро, что стало ясно: никаких тщательных поисков не велось.

После падения «железного занавеса» Пирожкова-Бабель выехала за границу. Там она написала книгу «Семь лет с Бабелем», разошедшуюся миллионными тиражами.

«Бабель был обречен как выдающаяся личность, как писатель, не способный к сделке с правительством. Писать об этом для меня очень трудно, – вспоминала Антонина Пирожкова. – Горечь утраты не оставляет меня никогда. И мысли о том, что за восемь месяцев в НКВД он должен был испытать массу унижений и оскорблений, пытки, а свой последний день пережить как день перед смертью после приговора, разрывает мне сердце».

В одном из писем к родным Исаак Бабель писал: «При рождении своем я не давал обязательства легкой жизни». Теперь мы знаем, что эти слова стали пророческими.

БЕГИН МЕНАХЕМ

(род. в 1913 г. – ум. в 1992 г.)

Премьер-министр Израиля (1977–1983 гг.), лидер блока крайне правых сионистских партий Ликуд, юрист, доктор права. Лауреат Нобелевской премии мира (1978 г).

Менахем Бегин – неординарная и противоречивая личность, являющаяся одновременно и ярким политиком, и опасным террористом, и национальным героем Израиля. Многие из его сторонников считают, что если бы не его громкие террористические акции против англичан, на современной карте не появилось бы еврейское государство.

Менахем родился 16 августа 1913 года в небольшом польском городке Брест-Литовск, население которого на 70 % состояло из евреев. В городе были синагога, еврейские школы, театры, но вместе с тем там процветал махровый антисемитизм, и еврейское население постоянно страдало от кровавых погромов. Отец Менахема, Вольф Бегин, служил в банке и был старшиной местной еврейской общины. Мать мальчика, Хася Коссовская,

вела хозяйство и воспитывала детей. Семья вела размеренную, привычную жизнь, и все делала вместе. С детства Менахем впитал убежденность отца, что евреям суждено вернуться на родину предков. Еще в десятилетнем возрасте он вступил в юношескую сионистскую организацию, занимающуюся подготовкой детей и подростков к жизни в Палестине, а в 16 лет стал активным членом организации «Бетар», основателем которой был Зеев (Владимир) Жаботинский. В этой «школе мужества» каждый был обязан научиться «владеть кулаком и палкой, маршировать и ползать, трудиться, быть опрятным, презирать любые формы разгильдяйства, уважать женщину, старика, молитву, демократию…»

После окончания школы, в 1931 году, Менахем поступил на юридический факультет Варшавского университета. Случай, произошедший с ним в годы учебы, укрепил Бегина в его политических взглядах. Однажды сокурсники-поляки схватили его на улице, связали и начали насильно кормить свининой, приговаривая при этом: «Жри, жид пархатый!» По окончании университета Менахем занялся адвокатской практикой, имея степень доктора права. Но его карьера развивалась не по профессиональной, а по партийной линии. В течение двух лет он был генеральным секретарем чехословацкого отделения «Бетара», а затем в 1933 году возглавил польское отделение.

Бегин сразу же показал себя как прекрасный агитатор и организатор. Он разъезжал по Польше, набирая в ряды новых членов. Он спал по пять-шесть часов в сутки, посвящая остальное время разработке стратегии организации и ее укрепления. С 1935 года Бегин стал секретарем «Бетара», в ряды которого входило более 70 тысяч человек. В мае 1939 года у английского посольства в Варшаве он руководил массовыми акциями протеста против ограничения эмиграции евреев в Палестину – в то время она являлась подмандатной территорией Англии. Тогда же Менахема арестовали, и он провел несколько месяцев в тюрьме.

Лидеру сионистского движения в Польше исполнилось всего 26 лет, когда началась Вторая мировая война. Он предложил польскому правительству создать еврейский легион для борьбы с фашистами, но руководство страны отказалось. Бегину пришлось бежать в Вильно (Вильнюс, Литва), но в сентябре 1940 года там его арестовали сотрудники НКВД. Он уходил в тюрьму в тщательно начищенных ботинках, костюме с галстуком, прихватив с собой самую дорогую реликвию – томик Танаха (Библии).

Менахем пробыл в заключении несколько месяцев. Несмотря на ночные пытки (например, 60-часовую бессонницу), он не

подписал протокол со словами: «Признаю себя виновным в том, что был председателем “Бетара” в Польше». 1 июня 1941 года по решению особого совещания, как социально опасный элемент, был на восемь лет отправлен по этапу в Печорлаг. В лагере он вынес изнурительный труд, постоянные издевательства охраны и уголовников, голод, холод, болезни. Позднее бывший советский заключенный описал свои злоключения в книге «Белые ночи», раскрыв на ее страницах тему взаимоотношения евреев, занимающих разные ступени в тоталитарном государстве – от партийного функционера до тюремщика. В вильнюсской тюрьме его допрашивал следователь-еврей, как, впрочем, охранник и сокамерники, убежденный коммунист-переводчик тоже был евреем. (Кстати, Бегин был полиглотом и владел свободно девятью языками, но русский на тот момент знал плохо и давал показания на идиш и иврите.) Менахем не отсидел назначенный срок, так как через год попал под сталинскую амнистию вместе с другими польскими заключенными. В это время советское правительство стремилось создать на своей территории польскую армию под командованием генерала Андерса. Под крики уголовников: «Это же жид, а не поляк!» – Бегин без денег и документов вышел на свободу.

Менахем колесил по бескрайним просторам СССР, спал на вокзалах, часто «путешествовал» на крышах товарных вагонов, голодал. Он сам отыскал польскую армию и записался в ее ряды добровольцем. В 1942 году его воинская часть была отправлена в Палестину. Вскоре Бегин дезертировал и возобновил активную деятельность в «Бетаре» – возглавил его группу в Иерусалиме. В то время на территории Палестины существовало несколько еврейских организаций, боровшихся за создание независимого еврейского государства. Одни придерживались мирных методов борьбы, а другие, находясь в подполье, признавали только террор. К последним принадлежала подпольная милиция ЭЦЕЛь (Иргун Цваи Леуми), куда и вступил Бегин. Он активизировал работу организации, став в 1943 году ее командиром. ЭЦЕЛь выступала против британской администрации и боролась за свободный въезд на родину евреев-беженцев.

В это же время очевидцы рассказали Менахему о гибели его близких: «Маму фашисты вывели из больницы и расстреляли. Отца утопили в реке вместе с еще 500 евреями. Он шел во главе колонны пленных, и все они запели по его предложению “Ани маалит” (“Я верю в приход Машиаха”) и “Хатикву” – и пели, пока их не сбросили в реку». В одном из лагерей погиб и родной брат Менахема.

С 1944 года Бегин развернул активную деятельность. ЭЦЕЛь

развязала жестокий террор против английских властей в Палестине. 12 февраля 1942 года в Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе были взорваны английские иммиграционные офисы, препятствующие въезду евреев на историческую родину. А еще через две недели там же прогремели взрывы в офисах налоговых служб, в результате чего погибло шесть чиновников и два террориста. Спустя два месяца от рук боевиков ЭЦЕЛь погиб британский министр по делам Ближнего Востока. Оружие террористы добывали разбойными акциями, а деньги – грабежами: однажды они остановили поезд, который вез зарплату рабочим, а затем похитили бриллианты на 38 тысяч фунтов. В ноябре по распоряжению Бен-Гуриона была начата операция «Сезон», поставившая еврейскую общину на порог гражданской войны. Не началась она только благодаря вмешательству Бегина. Михаэль Бар-Зоар, автор биографии Бен-Гуриона, писал об этих событиях: «по всей стране захватывали членов ЭЦЕЛь, во главе которого стоял Менахем Бегин. Их отводили для допросов в кибуцы, били. Члены “Хаганы” сдавали их британской полиции. Эта кампания легко могла перерасти в братоубийственную войну. Этого не произошло потому, что Менахем Бегин обратился с призывом к членам Иргуна: “Вы не должны поднимать оружие на молодых евреев. Это наши братья. Их обманули”. Бен-Гурион выиграл сражение в борьбе за власть, хотя победа была горькой. Слепая ненависть разделила еврейскую общину».

1945 год стал для англичан сплошным кошмаром. Еврейские террористы нападали на британские военные гарнизоны, уничтожая людей и военную технику. Их не останавливали карательные меры правительства. 29 июня 1946 года англичане начали тотальную антитеррористическую акцию под кодовым названием «Агата». В ней были задействованы практически все силы, находившиеся на тот момент в Палестине: 80 тысяч военнослужащих и 20 тысяч полицейских охраняли от боевиков подмандатные территории. В стране был введен комендантский час. В результате акции были арестованы около трех тысяч человек и захвачены склады оружия. В ответ ЭЦЕЛь взорвала бомбу в южном крыле отеля «Король Давид» в Иерусалиме, в котором размещались несколько штабов британской администрации, военная полиция и отдел специальных расследований. Общее число жертв составило 100 человек, 46 получили ранения. Но только 28 человек из погибших оказались англичанами. Военные почти не пострадали, а жертвами стали евреи – рядовые служащие отеля. После трагедии подпольная радиостанция ЭЦЕЛь заявила, что сожалеет о гибели своих соотечественников, переложив вину за их смерть на английскую

администрацию отеля, не предпринявшую никаких мер для спасения людей после полученного за 25 минут предупреждения о теракте. Британское правительство назначило за поимку Бегина десять тысяч фунтов стерлингов, и ему пришлось уйти в глубокое подполье. Полгода он жил в квартале йеменских евреев в лачуге без воды и электричества, а однажды безотлучно просидел трое суток в крошечной коморке на чердаке.

Со своей будущей женой Менахем познакомился еще в 1937 году в Дрогобыче. Очаровательной 17-летней Ализе он написал спустя два дня: «Я видел вас один раз, но мне кажется, что я знал вас всю жизнь». Их переписка и редкие встречи продолжались два года. В 1939 году они поженились. Бегин предупредил любимую, что их совместная жизнь не будет легкой: не всегда в семье будут деньги и достойное жилье, им предстоят долгие разлуки, ссылки и тюрьмы. Ализа ответила, что сможет выдержать любые испытания и останется верной ему и общим идеалам, и сдержала свои обещания. Она не только разделила нелегкую жизнь мужа, но и стала для него верным другом и соратником. В семье вначале родились две дочери – Хася и Лия, а в 1943 году на свет появился сын Беньямин Зеев – будущий министр науки и депутат израильского парламента от блока Ликуд.

Летом 1947 года боевики Иргуна напали на английскую тюрьму, но англичанам удалось взять в плен 15 террористов, троих из которых повесили. В ответ боевики Бегина казнили заложников – двух английских военнопленных. Только спустя 35 лет выяснилось, что один из погибших офицеров был евреем. Массовые протесты потрясли Англию. Британцы, проживающие в Тель-Авиве, устроили еврейский погром. Даже спустя десятки лет расправа над заложниками вызывала у англичан ненависть к Бегину. А Маргарет Тэтчер заявила, что «никогда не подаст руки убийце английских солдат». Но в результате всех террористических акций уже в августе 1947 года действие британского мандата в Палестине было приостановлено, а 14 мая 1948 года Израиль стал независимым государством. Менахем смог выйти из подполья. Он и его сторонники утверждают, что именно их действия помогли евреям обрести государственную независимость.

В том же году у берегов Тель-Авива появился корабль «Алталена», принадлежащий ЭЦЕЛь, с грузом оружия, закупленным Иргуном. Операцией по перевозке оружия из Франции руководил Бегин. Молодое государство укрепляло свою мощь и крайне нуждалось в оружии, которое могло изменить ход борьбы за независимость. Но если бы оно попало в руки бойцов ЭЦЕЛь, то могло получиться, что именно эта организация внесла

решающий вклад в победу. В преддверии будущих выборов соперник Бегина Бен-Гурион допустить этого не мог, потому что его убедили, что Менахем готовит захват власти. Позднее Бен-Гурион сделал в дневнике две записи, из которых становится ясно, что не было ни прямых, ни каких-либо косвенных доказательств мятежа. Однако понимая, какой у него серьезный противник, Бен-Гурион решил расправиться с ним. Он отверг все варианты перехвата груза и решил уничтожить корабль. После отказа высших офицеров ВВС разбомбить «Алталену», он приказал расстрелять судно из береговых артиллерийских орудий. И этот приказ был выполнен: корабль с грузом оружия ушел на дно. Вместе с ним погибли и 16 евреев добровольцев. И вновь только благодаря Бегину удалось избежать гражданской войны между приверженцами разных еврейских организаций. Он призвал своих бойцов не открывать огонь: «Не будет гражданской войны, когда враг стоит у ворот». Ури Мильштайн в своей книге «Рабин – рождение мифа», посвященной тем событиям, писал, что «женщины и мужчины плакали, слушая его».

Спустя некоторое время еврейские социалисты (Голда Меир, Давид Бен-Гурион, Хаим Вайцман) создали социальную инфраструктуру страны, перевезли в Палестину 70 тысяч эмигрантов, обеспечили их жильем и работой. Они по всему миру собирали денежные пожертвования от евреев, в которых нуждалось молодое государство. Израиль получил признание на мировой арене. Организация Иргун 22 июня 1948 года объявила о своем самороспуске, а Бегин создал оппозиционную правительству партию Херут (Свобода), как политическую наследницу Иргуна. «Бог избрал нас, чтобы править!» – таков был лозунг его партии. В том же году Бегин был избран в кнессет и на протяжении 29 лет находился в оппозиции однопартийному правительству, сформированному партией МАПАИ (Труд). Под руководством Бегина партия Херут выдвинула лозунг создания Великого Израиля в Палестине (в границах 1948 г.), Королевстве Иордания и на территории Ливана. Отстаивая свои убеждения, партийный лидер часто вступал в конфронтацию с политикой Бен-Гуриона, возглавлявшего партию МАПАИ. В одной из словесных перепалок Бен-Гурион, не сдержавшись, выкрикнул: «Не смейте прерывать меня! У вас пока нет ни ЧК, ни гестапо!»

В 1952 году Бегин возглавил кампанию, направленную против репарационного соглашения, подписанного правительством страны с Западной Германией. Он долго не мог войти в члены правительства. Это случилось лишь накануне Шестидневной войны в 1967 году. Бегин занимал пост министра без портфеля до августа 1970 года и покинул его после того, как

большинством голосов была принята концепция «территории в обмен на мир», выдвинутая США и ратифицированная ООН. В 1956 году партия Херут вступила в коалицию с Либеральной партией, создав избирательный блок ГАХАЛ, который в 1973 году, присоединив к себе несколько мелких партий, образовал национальный блок Ликуд (Единство), который возглавил Бегин.

Победа Ликуда на выборах 17 мая 1977 года позволила Бегину сформировать новое коалиционное правительство и стать его премьер-министром. За его блок проголосовало большинство населения, в том числе и городская беднота, выходцы из восточных общин. Вскоре после избрания Менахем инициировал тайные контакты с Египтом. Узнав о высказанном Анваром Садатом предложении мирных переговоров, прозвучавшем в египетском парламенте: «Я готов поехать даже в Израиль, в кнессет, чтобы обсуждать возможности мира с Израилем», Бегин направил ему приглашение посетить его страну. В сентябре 1978 года Дж. Картер пригласил глав двух держав в Кэмп-Дэвид, где лидер Израиля согласился на вывод израильских войск с Синайского полуострова и возвращение его территории Египту.

26 марта 1978 года на лужайке Белого дома Израиль и Египет подписали мирный договор, основанный на кэмп-дэвидских соглашениях. В ознаменование заслуг лидеры обоих государств были удостоены Нобелевской премии мира. В своем выступлении Бегин говорил о «поисках мира в ядерную эпоху». Он выразил надежду «на уничтожение с лица Земли всех орудий убийств и благословил мир, о котором мечтали и молились ушедшие поколения…» В одном из интервью премьер-министр заявил, что хотел бы войти в историю как «человек, утвердивший границы Израиля навечно». Премию в размере 85 тысяч долларов он передал в фонд помощи умственно отсталым детям.

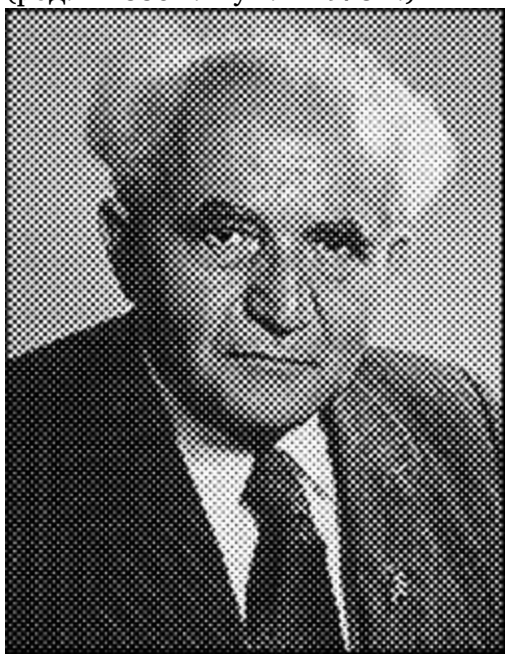
С мая 1980 года по август 1981 года Бегин совмещал посты премьер-министра и министра обороны. По его инициативе кнессет принял закон, в соответствии с которым Иерусалим был провозглашен «вечной и неделимой» столицей Израиля. После очередной победы на выборах Бегин вновь занял кресло премьер-министра. Но «голубем мира» оставаться ему было трудно. В июле того же года он приказал израильским ВВС бомбардировать иракский ядерный реактор в Осираке, а через год санкционировал ввод израильских войск в Ливан в рамках операции «Мир Галилее». Ее целью было уничтожение Организации освобождения Палестины, создававшей постоянную напряженность на северных границах Израиля. В ходе войны израильская армия осадила Бейрут, что привело к эвакуации отрядов ООП из города. Однако израильские войска увязли в

Ливане, задержавшись там до 1985 года.

Несмотря на шквал критики и пошатнувшееся здоровье (сердечные приступы, перелом ноги, после которого Менахем передвигался с палочкой, а иногда в инвалидном кресле), Бегин крепко держал власть в своих руках. Вот как описал тонкого и проницательного политика и зажигательного оратора корреспондент «Нью-Йорк тайме»: «Хрупкий лысоватый человек в роговых очках с бледными и впалыми щеками после недавнего приступа… Он очень строг в отношении своей внешности. В израильском парламенте, где никого не удивляют короткие рукава, он ни разу не появился без пиджака и галстука». И только смерть любимой жены Ализы, которая последнее время подолгу болела, вынудила израильского лидера уйти в отставку 28 августа 1983 года. В последние годы бывший премьер-министр Израиля жил замкнуто, не появлялся на людях и не давал интервью. Возле него постоянно находился сын, родственники и немногочисленные друзья. На закате дней известный политик стал очень набожным. Менахем Бегин, преданный сын Израиля, скончался 9 марта 1992 года в Тель-Авиве.

БЕН-ГУРИОН ДАВИД

Настоящее имя – Давид Грюн
(род. в 1886 г. – ум. в 1973 г.)



Государственный деятель Израиля, один из основателей сионистского движения. Премьер-министр и одновременно министр обороны в 1948–1953, 1955–1963 гг. Генеральный секретарь еврейского профсоюзного объединения Гистадрут. Один из основателей социал-демократической партии МАПАИ, до 1965 г. ее руководитель.

Знаменитый сионистский лидер Давид Бен-Гурион вошел в мировую историю как создатель государства Израиль. Его жизнь была подчинена одной идее – возрождению еврейского народа на родине своих предков. Недаром президент Израиля Хаим Герцог писал о нем: «Целенаправленность и воодушевление, с которыми руководил Бен-Гурион, ставят этого политика в один ряд с Иисусом Навином, царем Давидом и Иудой Маккавеем, а также с такими современными государственными деятелями, как

Черчилль, Рузвельт и де Голль… Без его способности к предвидению, без его воображения и решительности едва ли возникло бы еврейское государство».

Настоящее имя знаменитого сионистского лидера – Давид Грюн. Такова была фамилия его родителей – скромных польских евреев, проживавших в захолустном городишке Плоньск в 60 км от Варшавы. Новую ивритскую фамилию Бен-Гурион принял уже в Палестине.

Давид родился в 1886 году. Начальное образование получил в хедере – духовной начальной школе, где образование велось на иврите, но дальше учиться не пошел. Нужно было помогать отцу, местному нотариусу, писать жалобы и прошения для местных жителей. Это не значит, что будущий основатель Израиля пренебрегал образованием. Он много читал, что в значительной степени компенсировало недостаток «организованного» обучения.

Под влиянием отца юноша увлекся социализмом и в 18 лет, перебравшись в Варшаву, вступил в просоциалистическую революционную партию «Паолей-Цион», члены которой стремились на историческую родину евреев в Сион. Молодые люди видели в соединении социализма и сионизма воплощение образа жизни древних иудейских пророков. А общественная деятельность была для них целью жизни.

Будущий глава израильского правительства горячо верил в национальное возрождение еврейского народа, основой которого, по его мнению, должен был стать созидательный труд на земле предков. Через три года юноша перебрался в Палестину, которая в то время находилась под контролем Турции, и обосновался в еврейском сельскохозяйственном поселении Петах-Тиква. Здесь он развозил удобрения по цитрусовым плантациям, возделывал землю и осуждал тех евреев, которые нанимали на тяжелую работу арабов. Не оставлял он и политическую деятельность.

В 1911 году Бен-Гурион участвовал в работе Сионистского конгресса в Вене. Примерно в это же время лидер «Паолей-Цион» Ицхак Бен-Цви пригласил его в Иерусалим для работы в партийной газете «Ха-ахдут» («Единство»). Вскоре они подружились и отправились в Стамбул изучать право. К этому времени сестра Давида вышла замуж за богатого купца, и отец смог оплатить образование сына.

Закончив учебу, Давид прибыл в Яффу, и тут разразилась Первая мировая война. В 1915 году Турция вступила в войну на стороне Германии и Австрии. До этого турецкое правительство сквозь пальцы смотрело на стремление евреев основать на ее территории самостоятельное еврейское государство. Теперь его позиция кардинально изменилась. Бен-Гуриону предъявили

обвинение в нелегальной деятельности, и он был вынужден перебраться в Египет, а потом в США.

В Америке он занялся молодежным движением «Хе-хахалуц», члены которого собирались после войны переселиться в Эрец-Исраэль – Землю Израильскую – историческую родину евреев. Однако большого успеха его идеи здесь не имели. На свою сторону ему удалось привлечь всего около сотни молодых людей.

В 1917 году в Нью-Йорке молодой человек познакомился с медсестрой Полой Манвейс и вскоре они стали жить вместе. Их гражданский брак был на редкость удачным. Вместе они провели более 50 лет, и разлучить их смогла только смерть. Пола умерла в 1968 году, Давид пережил ее всего на 5 лет.

Сразу после свадьбы, несмотря на уговоры молодой жены, Бен-Гурион отправился в Канаду в учебный батальон, где получил всестороннюю боевую и физическую подготовку и чин капрала, а затем перебрался в Эрец-Исраэль.

В 1919 году он призвал еврейскую рабочую партию в Палестине и диаспоре объединиться на принципах социалистического хозяйствования, кооперации, взаимопомощи и коллективизма для построения нового общества на земле предков. Через два года его усилия увенчались успехом. В Палестине появилась организация рабочего движения Гистадрут – Всеобщее объединение трудящихся. В 1921 году Бен-Гурион стал его генеральным секретарем и бессменно возглавлял его в течение 14 лет. Под его руководством Гистадрут превратилось в мощное объединение, под эгидой которого были созданы сеть здравоохранения, образования и даже оборонные организации. Будучи на посту генерального секретаря Гистадрут, Бен-Гурион посетил Москву, пытаясь добиться от советского правительства разрешения на выезд советских евреев в Палестину, но успеха не достиг.

В 1930 году Бен-Гурион создал рабочую партию МАПАИ, вскоре ставшую бесспорным лидером во всемирном сионистском движении. Кроме того, он стал членом Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства, а с 1935 по 1948 год был председателем последнего.

В этот период на землях Палестины произошли огромные изменения. 31 октября 1921 года в Великобритании, которой в то время подчинялась эта территория, была одобрена декларация Бэлфора, поддержавшая идею создания еврейского национального государства на землях Палестины. По мнению ее автора, будущего президента Израиля, Хаима Вейцманна, это не повлекло бы за собой ущемление гражданских и религиозных прав нееврейских общин на этой древней земле. Вскоре

декларация была одобрена конференцией союзных держав в Сан-Ремо (июль 1922 года) и президентом США Вудро Вильсоном. 24 июля 1922 года ее включили в текст мандата Великобритании по поводу Палестины, принятого Лигой Наций. Началась борьба за реализацию этого мандата, продолжавшаяся 30 лет.

Бен-Гурион принимал в ней живейшее участие, отстаивая идею создания в британских войсках еврейских подразделений, и даже в мае 1918 года вступил в особый батальон Еврейского легиона. Но этим сфера деятельности сионистского лидера, конечно, не могла ограничиться.

Прошло время, и позиция британских властей в связи с непрекращающимися актами насилия со стороны арабов изменилась. В начале 1930-х годов сионисты находились в куда более тяжелом положении, чем во времена декларации Бэлфора. Еврейское государство не было создано. А в это время в Европе набирал силу фашизм, и это вело к катастрофе – массовому уничтожению евреев. Британии не было дела до этого. В 1939 году ее правительство опубликовало Белую книгу, до минимума сократившую переселение евреев в Палестину, и запретило покупку земли почти по всей подмандатной территории.

Конечно, Бен-Гурион был возмущен английской политикой и пользовался любым моментом для критики. Он всячески стремился к увеличению переселенцев для создания критической массы евреев на исторической родине и призывал соотечественников к нелегальной репатриации и освоению запрещенных для этой цели земель. Однако, когда началась Вторая мировая война, он изменил свою политику и призвал сионистское движение поддерживать Англию в ее борьбе с Гитлером.

После войны Бен-Гурион все силы сосредоточил на создании независимого еврейского государства, которое должно было стать составной частью новой демократической мировой системы. При этом он готовился даже к вооруженному восстанию. Много внимания уделял самообороне евреев и в определенной степени может считаться родоначальником израильских вооруженных сил.

Вместо Британии Бен-Гурион нашел себе другого, более сильного союзника – США. Постепенно он превратил американское еврейство в первостепенный политический фактор воздействия на правительство. Позиция Соединенных Штатов сыграла немаловажную роль в Организации Объединенных Наций, которой Великобритания передала вопрос о создании еврейского государства.

29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла

решение о разделении Палестины на еврейское и арабское государства. Бен-Гурион возглавил Совет еврейской общины, а 14 мая 1948 года стал главой временного правительства Израиля. Всю ночь перед этим событием он работал над окончательным вариантом Декларации независимости, а вечером зачитал ее в Тель-Авивском музее, где собрались руководители вновь созданного государства. Суверенитет еврейского народа после перерыва в 2 тыс. лет был восстановлен.

Арабские государства выразили недовольство. Уже 15 мая египетские самолеты бомбили Тель-Авив. Бен-Гуриону пришлось возглавить оборону страны. Но первая израильско-арабская война не затормозила процессов формирования нового государства. На земли Израиля сыпались бомбы, а в стране проходили первые всеобщие выборы в кнессет (парламент). Партия МАПАИ получила наибольшее количество голосов, и Бен-Гуриону было поручено сформировать первое законно избранное правительство. Пост премьер-министра он совместил с постом министра обороны.

После перемирия, заключенного в июле 1949 года, правительство занялось решением законодательных проблем, в том числе законами о переселении евреев и их израильском гражданстве, о всеобщем и бесплатном образовании и другими. В первые же годы независимости Бен-Гурион выдвинул лозунг «мамлахтиют» (государственность), что означало подчинение всякого группового, классового, социального или экономического интереса высшим интересам государства.

Еще в самый разгар войны в страну стали прибывать беженцы из лагерей на Кипре, в Германии, из стран Восточной Европы, Йемена, Ирака, Сирии. Правительство Бен-Гуриона принимало всех, стремясь к скорейшему заселению территорий, освобожденных от арабов. Однако это создало много экономических, социальных и культурных проблем, что в конечном итоге вызвало враждебное отношение к МАПАИ со стороны населения.

В 1953 году Бен-Гурион ушел в отставку, поселился в кибуце Здех-Бокер в пустыне Негев и занялся сельскохозяйственным трудом. Он пас овец и изучал греческий язык, отвечал на сотни писем. Всеми силами и средствами бывший премьер стремился подчеркнуть важность освоения пустынных земель для будущего процветания Израиля. Однако ему недолго пришлось оставаться вне активной политической деятельности.

В 1954 году на границе вновь возросла напряженность с арабами. Бен-Гуриона призвали на пост министра обороны. В ноябре следующего года после выборов он вновь стал премьер-

министром, оставив за собой портфель министра обороны. Осенью 1956 года он руководил Синайской кампанией, в результате которой были захвачены Синайский полуостров и сектор Газа. Важным достижением внешней политики премьера стал так называемый «периферийный альянс» с Турцией, Ираном и Эфиопией. Теперь у Израиля появились союзники, пробившие брешь во враждебном кольце арабских стран.

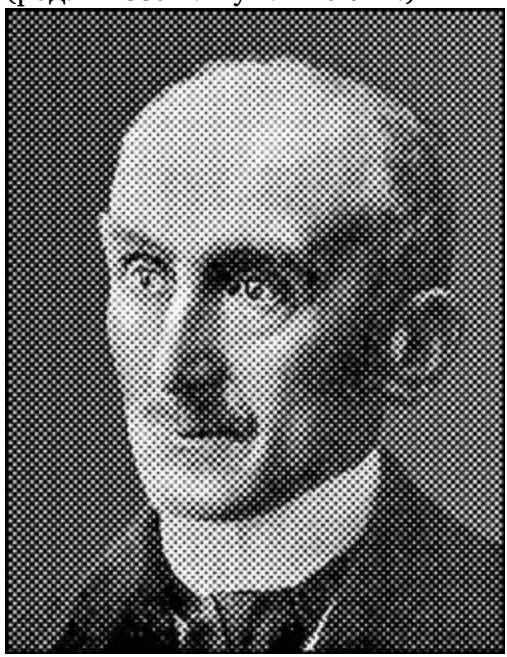
После неудачной попытки в 1959 году изменить закон о выборах Бен-Гурион вступил в конфликт с верхушкой собственной партии МАПАИ, а чуть позже с руководством Гистадрута. В 1961 году он вынужден был уйти в отставку, в августе того же года по результатам выборов вновь возглавил правительство, но в июле 1963 года опять ушел с поста премьера. Некоторое время он продолжал заниматься политической деятельностью в рядах созданной им независимой рабочей партии Рафи, но в 1968 году окончательно покинул кнессет и поселился в Здех-Бокере, сосредоточившись на литературной деятельности.

Знаменитый политик умер в 1973 году, почитаемый всей страной. В Тель-Авиве на улице, названной его именем, создан музей. Многие почитатели его политического таланта и патриотизма посещают и дом в Здех-Бокере, где Бен-Гурион провел последние годы.

Государственная деятельность Бен-Гуриона основывалась на глубоком осмыслении духовного и политического опыта древности и нового времени. В Библии он видел стимул к воссозданию Израиля. Он занимался поиском новых форм общественной и политической жизни, черпая идеи у Будды, Платона, Спинозы. Он любил повторять слова Аристотеля: «Государство возникло во имя жизни, но цель государства – хорошая жизнь».

БЕРГСОН АНРИ ЛУИ

(род. в 1859 г. – ум. в 1941 г.)



Французский философ, крупнейший представитель интуитивизма и эволюционистского спиритуализма, возродивший традиции классической метафизики, один из основоположников гуманитарно-антропологического направления западной философии. Испытал влияние идей неоплатонизма, христианского мистицизма, Б. Спинозы и Г. Гегеля, психоанализа и психоаналитически ориентированных учений. Профессор философии, член Академии моральных и политических наук (1901 г.), ее президент (с 1914 г.); член Французской Академии наук (1914 г.), первый президент (с 1922 г.) Комиссии Лиги наций по интеллектуальному сотрудничеству (будущая ЮНЕСКО), лауреат Нобелевской премии в области литературы (1927 г.). Основные работы: «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889 г.), «Материя и память» (1896 г.), «Смех. Очерки о значении комического» (1900 г.), «Введение в метафизику» (1903 г.), «Творческая

эволюция» (1907 г.), «Сновидения» (1914 г.), «Духовная энергия» (1919 г.), «Длительность и одновременность. По поводу теории относительности Эйнштейна» (1922 г.), «Два источника морали и религии» (1932 г.), «Мысль и движущееся» (1934 г.) и др.

Философия «жизненного порыва»… Так кратко, но емко можно определить основную концепцию философских воззрений Анри Бергсона. По Бергсону, «жизнь есть единственная великая сила, единственный огромный жизненный порыв, данный единожды, в начале мира». Суть учения этого философа можно определить как генеральное возражение против материалистически-механистического и позитивистского направления философской мысли.

Свои философские позиции Анри Бергсон изящно выразил в многочисленных трудах, завоевавших огромную популярность в начале XX века. Ученые и философы высоко ценили динамизм картины мира у Бергсона, критику им «атомистического» истолкования духовного мира человека и развитие идеи целостности сознания. Основой философии Бергсона, поскольку она представляет нечто большее, чем просто поэтический и образный взгляд на мир, является его учение о пространстве и времени. Постоянно интересовали ученого и такие проблемы, как душа и тело, идея духовной энергии, сновидения. Они имели для него особое значение, во-первых, потому что он желал «освободить» дух от тела и тем самым доказать возможность бессмертия души, а во-вторых, с ними был связан его интерес к спиритизму и телепатии; он усматривал в этом путь к опытному подтверждению возможности непосредственного общения сознания без обращения к языку и телесным движениям.

Само литературное творчество Бергсона отличалось увлекающим за собой порывом, борьбой, полемикой, «движением вперед во времени и самовоспламенением». Труды мыслителя приветствовали даже как революционную философию. Например, У. Джеймс назвал его философию благой вестью, а некоторые ученики Бергсона видели в своем учителе пророка.

Родился Анри Бергсон 18 октября 1859 года в семье евреев-космополитов. Его отец, Мишель Бергсон, великолепный музыкант, которого, по семейному преданию, учил сам Шопен, покинул однажды родную Варшаву и отправился путешествовать по Европе. Пребывая в Англии, он женился на Кэтрин Левинсон, женщине ирландско-еврейского происхождения. Их сын Анри родился в Париже, но детство его прошло на родине матери – в

Лондоне. Когда мальчику исполнилось восемь лет, семья вернулась во Францию, а в 21 год Анри Бергсон принял французское гражданство.

Бергсон получил классическое образование, традиционное для кругов французской интеллектуальной элиты. С 1868 по 1878 год он учился в парижском лицее Кондорсе, подавая большие надежды как в области гуманитарных наук, так и в математике. В 19-летнем возрасте юноше удалось решить сложнейшую математическую задачу, за что он был удостоен почетной премии. Несмотря на блестящие перспективы в естественных науках, Бергсон, тем не менее, предпочел изучать философию в Высшем педагогическом институте, где увлекся, казалось бы, несовместимыми учениями Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера.

Завершив учебу, Бергсон начал преподавать в лицее д'Анжер, а спустя год перешел в лицей Блеза Паскаля в Клермон-Ферране, где возглавил кафедру философии. В Оверне молодой ученый написал свою первую серьезную работу «Опыт о непосредственных данных сознания» (1889). Хотя философскую известность Бергсону принес труд «Творческая эволюция», уже в «Опыте…» он заложил основные положения своего учения. Переосмыслив понятие времени, Бергсон разработал концепцию «чистой длительности». В полемике с теориями психологического детерминизма и психофизики он описывает человеческое сознание как непрерывно изменяющуюся творческую реальность, как поток, в котором мышление составляет лишь поверхностный слой, подчиняющийся потребностям практики и социальной жизни. В глубинных же своих пластах сознание может быть постигнуто лишь усилием самонаблюдения и интуицией. За эту работу, а также за небольшую диссертацию на латинском языке «Идея места у Аристотеля» в 1889 году Анри Бергсон был удостоен степени доктора философии Парижского университета.

В 1891 году Бергсон вернулся в Париж, а в следующем году женился на Луизе Нойбергер, родившей ему дочь. На протяжении последующих восьми лет Бергсон преподавал в лицее Генриха IV, затем в Коллеж Ролен и Высшем педагогическом институте. В этот период он написал свою вторую основополагающую работу «Материя и память», которая была опубликована в 1896 году. Размышляя над отношением физиологии мозга к сознанию, Бергсон приходит к выводу, что сознание – это нечто большее, чем корреляция между ментальными образами и физическими раздражителями. Мозг функционирует не только как пассивный записывающий инструмент, но и как исключительно тонкое просеивающее устройство, цель которого направлять внимание на

жизнь. Нейрофизиология объясняет лишь действие обычной памяти как процесса механического, психологический же подход необходим для проникновения в процесс воспоминаний, для постижения живой памяти.

В 1900 году Бергсон возглавил кафедру греческой философии в Коллеж-де-Франс, учебном заведении, уступающем по интеллектуальному уровню лишь Сорбонне. Следующей работой философа стал «Смех» (1900), небольшое, но острое эссе о природе смешного, а спустя три года вышел труд «Введение в метафизику». Третья, ставшая эпохальной, книга Бергсона «Творческая эволюция» (1907) оказала огромное влияние не только на академические круги, но и на широкую читающую публику. «Даже в консервативной профессорской среде, где новаторские идеи Бергсона успехом не пользовались, о его таланте говорили, затаив дыхание, – писал американский философ Уильям Джеймс, горячий поклонник Бергсона, – а студенты ходили за ним по пятам с разинутыми ртами». По мнению Джеймса, читателей подкупало не только содержание книг этого философа, но и их стиль. «Ясность изложения, – писал он, – это первое, что поражает читателя. Бергсон захватывает вас настолько, что сразу же возникает желание стать его учеником. Это просто чудо, он настоящий волшебник». В «Творческой эволюции» Бергсон отвергает механистическое описание реальности. Он отрицает, что функционирование каждого организма подчинено действию какой-либо цели, утверждая, что творческой эволюцией каждого управляют жизненная сила, жизненный порыв, жизненный дух. Эта основная энергия не имеет специфической цели. Именно эта творческая и порождающая сила производит бесконечные вариации форм. Бергсон стремится рассматривать человеческие существа как организмы, которые определяются жизненной силой.

Всем тем, кто находит неодарвинизм и позитивизм слишком скучными и утомительными, Бергсон предлагает живую и вдохновляющую альтернативу. По его мнению, эволюция представляет собой не просто пассивное, механическое приспособление организмов к среде обитания, но целенаправленный и творческий процесс. Жизнь невозможно понять при помощи исключительно интеллектуального анализа, считает философ, поскольку она подвижна и изменяема и поскольку «поток сознания» находится в постоянной борьбе с инертной материей. Правда, у таких философов-скептиков, как Бертран Рассел, поэтическая пылкость стиля Бергсона большого энтузиазма не вызывала. «Как правило, – писал Рассел, – Бергсон не утруждает себя доказательством справедливости своих

суждений, полагаясь на изящество логических построений и на красоту слога».

«Творческая эволюция» принесла Бергсону славу не только философа, но и писателя. После этой работы ученый долгое время писал только статьи (вошли в сборники «Духовная энергия» (1919), «Мысль и движущееся» (1934)). Единственную книгу «Длительность и одновременность» (1922) он посвятил теории относительности А. Эйнштейна. Во времена всеобщего энтузиазма, охватившего Европу перед Первой мировой войной, популярность Анри Бергсона еще более возросла, его приглашали читать лекции в Соединенные Штаты Америки, Англию, Испанию. В 1914 году Анри Бергсон был избран президентом Академии моральных и политических наук и членом Французской академии наук. Его воззрения сделались настолько модными, что и либеральные католики, и синдикалисты попытались приспособить его философию для своих целей. И тогда же книги Бергсона были включены в Индекс запрещенных книг католической церкви, так как антиинтеллектуализм Бергсона считался вредным для римского католицизма. Но философия Бергсона продолжала пользоваться широкой известностью и популярностью. Идеи мыслителя оказали значительное влияние на интеллектуальную атмосферу во Франции и других странах; воздействие его воззрений испытали Д. Дьюи, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, С. Александер, А. Тойнби, Дж. Сантаяна, А. Н. Уайтхед и многие другие. Такие разные люди искусства, как К. Дебюсси, К. Моне, П. Валери, А. Моруа, Ш. П. Пеги и Н. Казанцакис, обращались к Бергсону за вдохновением и интеллектуальной поддержкой. Бергсоновские представления о времени и сознании постоянно фигурируют у М. Пруста и В. Вулф, а также в романе Т. Манна «Волшебная гора».

В период Первой мировой войны Анри Бергсон проявил себя на дипломатическом поприще в Испании и США. В 1922 году он стал первым президентом Международной комиссии по интеллектуальному сотрудничеству. В 1920 году философ серьезно заболел артритом; к этому времени оптимизм, который порождала его философия в предвоенные годы, начал сходить на нет. Тем не менее, в 1927 году ученый был удостоен Нобелевской премии в области литературы «в знак признания его ярких и жизнеутверждающих идей, а также за то исключительное мастерство, с которым эти идеи были воплощены». Представитель Шведской академии П. Хальстрем в своей вступительной речи так охарактеризовал главное достижение Бергсона: «Проделав брешь в стене рационализма, он высвободил колоссальный творческий импульс, открыл доступ к живой воде времени, к той атмосфере,

в которой человек сможет опять обрести свободу, а стало быть, – родиться вновь».

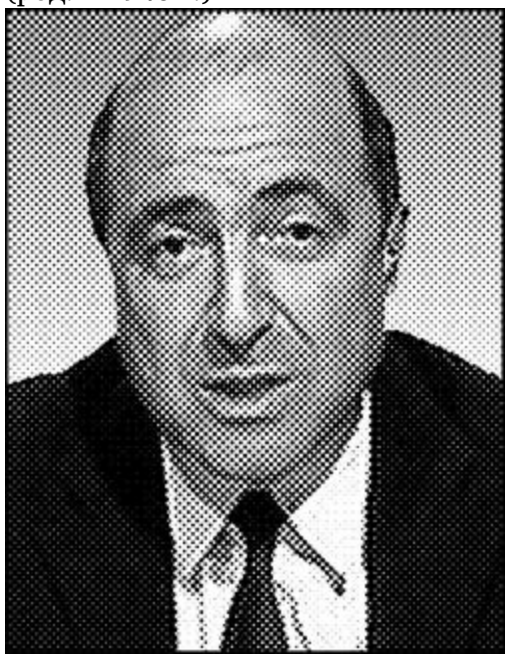
Философ не смог лично присутствовать в Стокгольме на церемонии вручения премии и послал в Шведскую академию письмо, в котором, в частности, говорилось: «Исторический опыт доказал, что технологическое развитие общества не обеспечивает нравственного совершенства живущих в нем людей. Увеличение материальных благ может даже оказаться опасным, если оно не будет сопровождаться соответствующими духовными усилиями».

В последние годы жизни Анри Бергсон погрузился в христианскую мистику и принял католичество, что, впрочем, не помешало ему, когда началась Вторая мировая война, и нацисты стали преследовать евреев, сохранить, невзирая на последствия, верность своим национальным традициям. Когда правительство Виши, решив сделать для известного философа исключение, сообщило ему, что на него антиеврейская мера не распространяется, Бергсон от подобного привилегированного положения отказался и, как все евреи, прошел унизительную регистрацию, несмотря на свой преклонный возраст и болезни. Как писал Е. Томлин, «этот молчаливый протест, никем не замеченный и почти анонимный в своем смиренном величии, предрешил его конец». Вскоре после этого, 4 января 1941 года, философ скончался от воспаления легких. Надгробную речь произнес давний друг мыслителя Поль Валери.

Годы спустя в «Бергсонианском наследии» (1962) Томас Ханна написал: «Бергсонианство не оставило в философии сколько-нибудь заметного следа, чего нельзя сказать о самом Бергсоне, ибо Бергсон-человек привнес в философию красноречие, воображение, экспансивность, заботу о ценности и уникальности человеческой личности, единственной и незаменимой».

БЕРЕЗОВСКИЙ БОРИС АБРАМОВИЧ

(род. в 1946 г.)



Одна из самых загадочных фигур постсоветского бизнеса. Российский финансовый олигарх, бизнесмен-авантюрист и политический деятель. Основатель и акционер: АО «Логоваз», НК «Сибнефть», авиакомпании «Аэрофлот», Объединенного банка, банка «СБС-Агро», охранной компании «Атолл», АОЗТ «Транспосервис», ТОО «Лого-Консулът», АОЗТ «Лада-Конверсия». Учредитель и акционер телевизионной компании ОРТ, МНВК (ТВ-6), спонсор «Независимой газеты», основатель негосударственного благотворительного фонда «Триумф». Имеет российское и израильское гражданство. Обладатель состояния около 3 млрд долларов.

В идеале кризисный менеджер – это врач, который должен стереться из памяти пациента вместе с излеченной болезнью. А такой врач, которого сама болезнь не интересует и который забывает о больном сразу же после полученной предоплаты, по

идее, не должен претендовать на расширение частной практики. Если, конечно, он не является щедрым другом семьи главврача, распределяющего лицензии. В результате больных становится с каждым днем все больше, а сведения о них и секреты системы оригинального здравоохранения остаются надежным залогом процветания такого врача-менеджера. И, конечно, главврача. Ведь выбора у больных все равно нет.

Подобным кризис-менеджером при главвраче – президенте России Б. Ельцине – был политический авантюрист, финансовый олигарх Борис Березовский. На его счету множество успешных афер, принесших ему личную выгоду: «Логоваз», «Сибнефть», ОРТ, чеченская война, президентские выборы Ельцина, предвыборная кампания и. о. президента Путина…

Однако последний оказался неблагодарным и, придя к власти, пошел в наступление на доморощенных олигархов, которые за весьма короткое время успели прибрать к рукам почти всю страну. Больше всего претензий у новой власти возникло к самому главному предпринимателю России – Березовскому. Сейчас он вынужден отсиживаться за границей, и все, что ему осталось, – это раздавать направо и налево пространные интервью. В них он сетует на свое незавидное положение «добровольного» изгнанника и пророчествует о будущем страны, которая «осиротела» без талантливого кризис-менеджера Березовского и приобрела «неблагодарного» президента Путина.

Финансовый магнат Березовский не сразу стал заниматься большой политикой. Он долгое время был успешным советским ученым, а затем не менее удачливым бизнесменом. Только потом, когда достойный продолжатель экономической теории Маркса заменил в его известной формуле «деньги – товар – деньги» компонент «товар» на «власть» и сделал ее своим девизом, он и оказался за пределами России. Страны, где Березовский до сих пор считается самым богатым и влиятельным человеком.

Борис Березовский родился 23 января 1946 года в Москве в обычной интеллигентной семье и уже в детстве проявлял себя неглупым мальчиком. Его отец всю жизнь трудился главным инженером различных строительных трестов, а потом и сам стал проектировать строительные предприятия – уже в должности главного инженера проекта в одном из московских научно-исследовательских институтов. Мать – сначала домохозяйка, а потом лаборантка в институте педиатрии, где она проработала около двадцати пяти лет. Именно от нее сын унаследовал многие черты характера. Семья Березовских долгое время жила в Подмосковье, по месту работы отца: сначала в Загорске, а потом в Истре.

В школу Боря пошел с шести лет, а в 1962 году сразу по окончании десятилетки поступил в Московский лесотехнический институт на только что открывшийся там факультет электроники и счетно-решающей техники: «У меня не было специальных учителей, я начал в стандартной сельской школе. Потом в Москве я опять пошел в обычную школу. В шестом классе я перешел в английскую спецшколу – она только-только открылась. Я сам туда пошел, записался и заканчивал уже английскую школу. Точно так же, без протекции, пытался сам поступить в университет. Не поступил. Многие говорили, из-за того, что я еврей. Но другие евреи поступали. Я поступил в лесотехнический институт, тоже не весть какой элитарный. Но там Сергеем Павловичем Королевым был открыт факультет вычислительной техники. Закончил этот институт, но осталось что-то неприятное от того, что не поступил в свое время в университет. И вот после окончания института поступил в университет, на мехмат».

По окончании учебы Борис в 1968–1969 годах работал инженером НИИ испытательных машин, приборов и средств измерения масс Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления, а также инженером Гидрометеорологического научно-исследовательского центра.

С 1969 по 1987 год Березовский был инженером, младшим, а затем старшим научным сотрудником Института проблем управления Академии наук СССР. Здесь в 1975 году он окончил аспирантуру. Уже в это время одна из работ Бориса была отмечена премией Ленинского комсомола.

Казалось, академическая карьера молодого ученого складывается весьма благополучно. Он прошел все ступеньки служебной лестницы и после защиты в 1983 году докторской диссертации по одному из разделов теории принятия решений стал заведовать сектором в Институте проблем управления, а затем был избран членом-корреспондентом Академии наук. За этот период Березовский написал более 100 научных работ и ряд монографий: «Бинарные отношения в многокритериальной оптимизации», «Задача наилучшего выбора», «Многокритериальная оптимизация – математические аспекты» и др. Отдельные его труды были опубликованы в США, Англии, Японии, Германии и Франции.

Однако, достигнув этой вершины, Березовский достаточно круто изменил сферу деятельности, перейдя из науки в бизнес: «Я был абсолютно счастлив, потому что занимался любимым делом. А потом эта жизнь закончилась, в 1989 году, когда в институте перестали платить зарплату, я почувствовал, как повисла в воздухе какая-то неопределенность, угроза, и жить стало

неуютно. Я – человек, чувствительный к внешним изменениям. Эту угрозу, эти подземные гулы я почувствовал раньше других. Хотя внешне все оставалось спокойным: жена, двое детей, квартира, машина напополам с приятелем, докторская зарплата. Однако я почувствовал, что прежняя жизнь завершается. И попытался предугадать новую, еще неявную жизнь, перемены, грядущие в огромной стране. И принял абсолютно нетривиальное решение: больше не заниматься наукой, а начать заниматься бизнесом, который в то время назывался “спекуляцией”».

Первым его шагом стало сотрудничество с директором Волжского автомобильного завода В. Каданниковым, для которого группа Березовского разрабатывала системы автоматизированного проектирования. Завязав связи с руководством завода, предприимчивый ученый в 1989 году организовал вместе с С. Жабоевым акционерное общество «Логоваз», основным направлением деятельности которого стала продажа автомобилей. АО «Логоваз» за четыре года выдвинулось на одно из первых мест в частном бизнесе России – к 1993 году его оборот превысил 250 млн долларов: «Когда я ушел в бизнес из научного института, где проработал двадцать с лишним лет, мне говорили: ты сумасшедший. Зачем? У тебя есть перспектива стать директором института. Сейчас бы, наверное, стал… Никто никогда не продавал в России иномарки. Мы привезли первую партию – 886 «фиатов». Мы взяли кредит 7 млн долларов, выложились до копейки, мне говорили: ты сумасшедший. Их никто не купит. Их по дороге растерзают. И вот приходит замдиректора АвтоВАЗа – и стоят эти «фиаты» на стоянке, как летающие тарелки с Марса».

В это же время бывший ученый, а ныне преуспевающий бизнесмен, его супруга Галина Алексеевна и их дети Артем и Анастасия предусмотрительно получили гражданство Израиля – на всякий случай. (С тех пор, правда, семейное положение Бориса Абрамовича не раз менялось – он сменил двух официальных жен, еще одной, гражданской женой бизнесмена стала Елена Горбунова. Сейчас он отец шестерых детей, самый младший из которых родился в 1997 году.)

Весной 1994 года Березовский возглавил созданный им «Автомобильный всероссийский альянс», главной задачей которого считалось создание завода для производства так называемых «народных автомобилей» – небольших малолитражек. Под широко разрекламированный проект ему удалось собрать около 50 млн долларов. Правда, до настоящего времени этот автомобиль все еще находится в стадии научного проектирования. Но в своих интервью глава Альянса заверял, что

в Финляндии уже начато строительство завода. Тем не менее, критики справедливо обвиняли его в создании банальной «финансовой пирамиды» и «обогащении за счет народа». Березовский огрызался: он «и не обещал вкладчикам немедленной отдачи, а дело идет туго еще и потому, что их прежние взносы съела инфляция».

В июле 1994 года на председателя Совета директоров АО «Логоваз», которое стало компанией холдингового типа, было совершено покушение: «В 15 сантиметрах от меня оторвало голову моему водителю, а должны были оторвать голову мне – взорвалась машина. После этого я посмотрел на мою жизнь по-другому. Я понял, что жизнь – это подарок Всевышнего, и относиться теперь к этому нужно как к подарку. Либо я испугаюсь, забьюсь в угол, постараюсь исчезнуть в тайге, в джунглях, с глаз долой, стану цепляться за жизнь. Либо решу, что это подарок Господа, и я весь в его власти. Это не значило, что я должен подставлять себя под пули, но появилась вера в судьбу, в промысел, а это своеобразное бесстрашие».

В январе следующего года Березовский участвовал в создании Общественного Российского Телевидения и вошел в совет директоров ОРТ: «Никто не верил, что можно акционировать Центральное телевидение. В рекламе бардак, все ведущие телевизионщики распилили время по часам, вокруг бандиты. Я верил, что можно…»

Следующий шаг: в сентябре 1996 года на общем собрании Сибирской нефтяной компании «Сибнефть» он был избран членом совета директоров.

Это разнообразие деловых интересов Березовского – вовсе не признак легкомыслия. По мнению одного эксперта в области бизнеса, крупные предприниматели как вид подразделяются на два подвида: «оседлых земледельцев» и «кочевников». Первые столбят себе один участок и всю жизнь на нем сидят, извлекая из него все возможное; вторые регулярно мигрируют с делянки на делянку, снимают с каждой первый (самый богатый) урожай, а затем утрачивают к ней интерес и устремляются на поиски нового места вложения капиталов.

Березовский по натуре – типичный «кочевник». Мог стать крупным ученым, академиком, но бросил все и ушел в мир бизнеса. Достиг и там больших высот – если судить хотя бы по способу, который был избран для покушения на него: неизвестные преступники взорвали рядом с его автомобилем не какой-нибудь «запорожец», а вполне престижную иномарку. Бизнесмен уехал на время за границу, там пересидел, но дела не оставил.

В октябре 1996 года секретарь Совета безопасности России А. Лебедь обвинил Березовского и президента группы «Мост» В. Гусинского в том, что они составляли списки, в которых значилось, «кого убрать». Тогда же бывший начальник Службы безопасности президента РФ А. Коржаков заявил журналистам, что Березовский уговаривал его убить видных предпринимателей В. Гусинского, Ю. Лужкова, И. Кобзона и С. Лисовского.

Сразу после этих заявлений строптивый А. Лебедь был смещен со своего поста, на его место указом президента был назначен более уравновешенный и осторожный И. Рыбкин, а его заместителем – бизнесмен Борис Березовский. Многие политики и эксперты расценили это назначение как следствие протекции главы администрации президента А. Чубайса.

Березовский заявил, что «готов прекратить любую коммерческую деятельность» в связи с назначением его на этот высокий пост. При этом предприниматель отметил, что он – «законопослушный гражданин, выполняющий все правовые нормы действующего законодательства, которые накладывают определенные обязательства на всех, кто поступает на государственную службу». Не откладывая в долгий ящик, он, воспользовавшись ситуацией, тут же сложил с себя полномочия генерального директора «Автомобильного всероссийского альянса», который был ему уже не нужен.

До начала горбачевских реформ Борис практически не имел шанса приобщиться к большой политике. Еврей-математик мог «вступить» в нее только на известных условиях, которых – к чести Березовского – он не принял. Но, видимо, эта сфера была для него всегда притягательна. Альянс с АвтоВАЗом сильно продвинул его в этом направлении. Директор Каданников не только слыл одним из главных «рыночников-реформаторов» от промышленности, но и был очень близок к верхам, являясь неофициальным представителем директорского корпуса при российском руководстве. Его даже неоднократно пытались сделать главой правительства. Он и ввел Березовского в «высший свет».

Математик оказался хорошим алхимиком. Он нашел своеобразный «философский камень», превращающий дружбу с могущественными людьми в политический капитал, а политический капитал – в твердую валюту.

Карьеру государственного человека Березовский начал с того, что профинансировал издание мемуаров Бориса Ельцина – «Записки президента». Таким путем он фактически получил доступ к высочайшему телу. После этого удачливый коммерсант быстро оторвался от Каданникова. Расстались они не лучшим

образом. Директор ВАЗа, успевший побывать в первых вице-премьерах, любит рассказывать в приватных беседах, как Борис Абрамович взял у него немалую сумму на свой Автомобильный альянс и до сих пор не вернул.

Много чего рассказал о Березовском и другой его приятель – руководитель службы президентской охраны А. Коржаков: «У этого человека очень коварный ум. Но я не сомневался, что Березовский лоялен к президенту. И вовсе не из-за того, что он очень любил Бориса Николаевича, просто деваться ему было некуда. Мне стали рассказывать, что Борис Абрамович повсюду хвастается нашими отношениями и на этом «влиянии» выстраивает свои контакты с другими бизнесменами. На него за это я не обижался. Частенько бывало – просидит у меня в приемной часа три-четыре, зайдет на пять минут, ничего особенного не скажет. Но ему важно было показать, что он поехал ко мне и проторчал в Кремле чуть ли не весь день. Когда он ко мне заходил, всегда начинал с одной и той же фразы: «Александр Васильевич! У меня ни крошки во рту сегодня не было, дайте, пожалуйста, хоть бутербродик с чайком». А я про себя думал: «Вот какой жадный миллионер попался! Столько ждал, а дойти до буфета и перекусить не мог». И только потом я сообразил – он же не поесть бесплатно хотел, а время тянул, чтобы подольше продержаться в моем кабинете».

Съев пуд хлеба с маслом вместе с главным президентским визирем, Березовский покинул и его. Покинул тогда, когда положение Коржакова казалось незыблемым, и сдружился с шефом президентской администрации А. Чубайсом, который был в то время всего лишь отставным чиновником и активистом избирательного штаба. По всему было видно, что бизнесмен умеет играть на опережение, чутко реагирует на постоянно меняющуюся политическую конъюнктуру и вовремя занимает выгодную позицию. Так что Борис Абрамович явился в Совет безопасности не с улицы. И отнюдь не случайно он взялся за исполнение там роли «миротворца».

Первым шагом Березовского на новом посту стало урегулирование конфликта в Чечне. Именно он смог добиться реальной договоренности с руководством республики, в результате чего там были проведены выборы и начался постепенный переход к мирной жизни. С его именем связывают освобождение ряда российских пленных и заложников. Видимо, успех чиновника-бизнесмена был вызван тем, что за ним стояла не только реальная сила, но и реальные денежные средства. Руководители Чечни надеялись на восстановление экономики страны за счет притока капитала из разных источников.

Березовский был первым, кто всерьез заговорил с чеченцами о нефти. Ичкерийские повстанцы руководствовались самым простым соображением: если Чечней занимается такой крупный предприниматель, следовательно, деньги будут. Один видный полевой командир говорил: «А почему бы нам не любить Березовского? Он если и украдет, то не у нас, а у России. Что-то и нам перепадет, и мы ему спасибо скажем».

Весной 1997 года предприниматель был введен в состав федеральной комиссии по проблемам Республики Чечни и одновременно на собрании акционеров АО «Логоваз» освобожден от должности председателя совета директоров компании.

Однако уже в конце года президент Б. Ельцин подписал указ об отставке Березовского с должности заместителя секретаря Совета безопасности «в связи с переходом на другую работу». Никакой информации о новом назначении в указе не содержалось. По данным печати, главным «виновником» отставки следовало считать парламент, который «решительно осуждал его подстрекательские, провокационные призывы к вооружению казачества и высказанную им готовность добиваться этого, используя свое служебное положение». Сыграло свою роль также и наличие у Березовского двойного гражданства.

В феврале 1998 года отставной государственный функционер был госпитализирован в Центральную клиническую больницу Минздрава России с диагнозом «сотрясение мозга». Официальное объяснение этого случая звучало так: «после неудачного катания на снегоходе». Однако в прессе высказывались различные догадки, и никто не верил в случайность бытового травматизма…

Бориса Березовского заслуженно называли создателем новых экзотических форм приватизации. Одна из них – «виртуальная» – заключалась в том, что в ее результате появлялась возможность полностью распоряжаться ресурсами фирмы, имеющей совершенно других собственников. То есть, имея все финансовые права, не нести никакой финансовой и юридической ответственности за ее хозяйственную деятельность. Осуществляется этот способ «приватизации» путем внедрения «своих людей» в высшее управленческое звено компании и установления контроля над ее финансами с помощью обслуживающих ее счета дружественных банков.

Так были выстроены отношения «империи Березовского» с авиакомпанией «Аэрофлот». В мае 1996 года руководители 152 зарубежных представительств «Аэрофлота» получили распоряжение начальства направлять 80 % вырученных ими средств в Лозанну на счета некоей фирмы «Андава». До этого все деньги, заработанные от продажи билетов и топлива, а также за

услуги, оказанные иностранным компаниям, зарубежные представительства оставляли на счетах в местных банках. И хотя раз в месяц они должны были отчитываться перед Центром международных расчетов «Аэрофлота», проконтролировать их деятельность из Москвы было довольно трудно. По предложению заместителя гендиректора компании Н. Глушкова было решено аккумулировать все деньги на счетах одной фирмы. Почему была выбрана именно «Андава», понять нетрудно. Совладельцами этой созданной в 1994 году фирмы с уставным капиталом 2,5 млн швейцарских франков являлись сам Глушков (37 %) и Березовский (41 %).

Распоряжение Генерального директора «Аэрофлота» было выполнено. «Андава» и ее владельцы стали получать процент за оказываемую фирмой коммерческую услугу, а также прокручивать проходящие через счета «Андавы» деньги. Оценочно, фирма ежегодно приносила доход, исчисляемый несколькими десятками миллионов долларов.

Более традиционными методами Березовский действовал при распространении сферы своего влияния на средства массовой информации. С целью прорыва на информационный рынок еще в августе 1991 года в Москве было зарегистрировано АОЗТ «Московская Независимая Вещательная Корпорация» (МНВК). Заявленными видами деятельности ее были: телевещание, радиовещание, социологические исследования, проведение фестивалей. Среди учредителей значились, естественно, АОЗТ «Логоваз» и лично Б. Березовский. Впоследствии на базе корпорации возникло ТВ-6, которое несколько лет возглавлял Э. Сагалаев. С его помощью «Логовазу» удалось купить 26 % акций шестого канала.

Наиболее примечательной, однако, стала затеянная Березовским в начале 1995 года кампания по созданию Общественного российского телевидения. Под «проект ОРТ» руководитель «Логоваза» подвел сразу три «теоретические базы». Для руководителей политического движения «Наш Дом Россия» было заготовлено такое объяснение: новый канал необходим для обработки общественного мнения в ходе кампании по подготовке к выборам в Госдуму. Своим политическим покровителям – Сосковцу и Коржакову – Березовский приготовил версию активного использования возможностей ОРТ на президентских выборах. А банкирам, которым было предложено стать инвесторами и частными акционерами новой телекомпании, он обещал высокие доходы проекта и получение от него долгосрочных политических дивидендов.

Разумеется, Березовский намеревался сам «торговать»

информационной направленностью канала и, соответственно, лично получать «благодарности» от власть имущих. Банкиры этот замысел поняли, поэтому, пообещав крупные инвестиции, они все же не вложили «живых» денег в ОРТ. Единственным реальным спонсором оказался только «Логоваз». Ему и достались командные высоты на телеканале. Под непосредственным контролем Березовского находились примерно 16 % акций ОРТ, обошедшихся ему в 320 тыс. долларов. Сам же бизнесмен стал первым заместителем совета директоров компании, проведя в руководство канала еще одного своего надежного человека – Б. Патаркацишвили, который участвовал с ним во многих коммерческих начинаниях.

В январе 2002 года Генпрокуратура России возобновила следственные действия по возбужденному ранее «уголовному делу “Аэрофлота”», по которому проходят предприниматели Березовский и Патаркацишвили. Дело о пособничестве при хищении валютных средств этой авиакомпании было приостановлено в октябре 2001 года «в связи с неустановлением местонахождения фигурантов». В настоящее время Березовский находится в федеральном розыске, а Патаркацишвили – в международном.

Борис Березовский категорически отрицает предъявленные обвинения. Об этом он заявил по телефону из Лондона в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы». По словам финансового олигарха, действия представителей прокуратуры – «это фарс, который они демонстрируют перед всей страной, показывая полную свою импотентность, полное бездействие». Он подчеркнул, что Генпрокуратура «ни одно из серьезных преступлений не раскрыла и пытается имитировать деятельность».

Известный предприниматель также отметил, что сообщение о первом уголовном деле, возбужденном против него, «все-таки произвело эффект, но пятая ходка уже совсем не действует». Комментируя сообщения о том, что предварительным следствием предпринимаются меры к розыску его собственности для наложения на нее ареста, «олигарх в изгнании» заявил: «Чтобы арестовать мой бизнес, нужно арестовать весь бизнес, существующий в России».

И добавил: «Бизнес у меня остался в России, просто им неизвестно, какой».

БЕРНАР САРА

(род. в 1844 г. – ум. в 1923 г.)

Великая французская театральная актриса, создатель и руководитель «Театра Сары Бернар» (1898–1922 гг.), скульптор, живописец, автор двух романов, четырех пьес и мемуаров «Моя двойная жизнь» (1898 г.). Награждена орденом Почетного легиона (1914 г.).

Ее величали Великой Бернар, Великолепной Сарой, Мадемуазель Бунтовщицей. Это была изумительная женщина. Необычайно красивая, грациозная, изящная, с буйной от природы золотистой курчавой гривой волос и глазами цвета морской волны. От нее веяло неповторимым шиком, а каждый поступок воспринимался как очередная эксцентрическая выходка. Впечатлительная, страстная, чувственная, импульсивная. За ней шлейфом тянулись скандалы, которые превращались в легенды. Она умела покорять зрителей и мужчин, дружить с женщинами так же естественно, как дышать. Необыкновенная жажда жизни, неуемное любопытство в сочетании с другими яркими качествами

характера превратились в редчайший человеческий сплав, в «чудо из чудес», в гениальную актрису по имени Сара Бернар. Но вдумаемся в слова В. Гюго: «Это больше чем актриса, это – женщина…» Великая женщина.

Сара родилась 23 октября 1844 года. Ее мать, Жюли ван Хард (Юдифь фон Хард), в жилах которой текла еврейская и голландская кровь, была очень хороша собой. Переселившись в Париж, она сделала стремительную карьеру высокооплачиваемой содержанки и была принята в высшем свете. В 16 лет Жюли родила первую из трех незаконнорожденных дочерей. Кто был отцом Сары, точно не известно, но большинство биографов называют морского офицера Мореля Бернара. Слабенькая от рождения девочка воспитывалась у кормилицы до пяти лет. Та звала ее Пеночкой и любила как родное дитя. Затем ее «комфортабельной детской тюрьмой» стал пансион г-жи Фрессар и привилегированный католический монастырь Гран-Шан, где еврейскую девочку окрестили.

Мать редко навещала Сару. Но появлялась, словно мадонна, всегда, когда больная туберкулезом дочь, подверженная лихорадкам и горячкам, особенно после неконтролируемых приступов «дикого гнева», находилась между жизнью и смертью. Сара очень любила мать, от которой исходил неповторимый аромат другой, закрытой от девочки жизни. Чтобы подольше удержать ее рядом с собой, она в пять лет выпрыгнула из окна, сломала руку и сильно травмировала колено, но добилась своего. Два года мама и ее покровители опекали малышку.

В 14 лет впечатлительная Сара убедила себя, что должна стать монахиней. Мадам Бернар считала, что ее дочерям суждена судьба прекрасных куртизанок (впоследствии Сара была согласна, что эта «работа очень доходная», но сама никогда не жила за счет любовников). А один из покровителей матери, герцог де Морни, внимательно присмотревшись к потрясающему темпераменту юной Бернар, посоветовал ей учиться театральному искусству в Консерватории. Сара, впервые переступившая порог театра почти в 15 лет и ничего не знавшая о профессии, тем не менее была зачислена в актерскую школу. Занималась она упорно, и педагоги прочили ей успех.

Все были уверены, что на выпускных экзаменах Бернар получит первые награды в трагедийном и комедийном жанрах. Но ее, как и на протяжении всей творческой жизни, подвел страх перед выходом на сцену. Она часто играла в таком возбужденном состоянии, что после окончания спектакля падала в обморок. Несмотря на неудачу, в 1862 году Сара была зачислена в лучший театр Парижа – «Комеди Франсез» – благодаря протекции А.

Дюма и герцога де Морни. В дебютной роли Ифигении в одноименной пьесе Расина она была «невыразительна». Критики отметили приятную наружность молодой актрисы и безупречность дикции. Ее неповторимому голосу, о котором Дюма говорил, что он звучит «хрустально чистым ручейком, журчащим и прыгающим по золотой гальке», еще предстояло заворожить публику.

Бернар не продержалась в этом театре и года. За нанесенную обиду своей младшей сестре Режине она дала пощечину толстой примадонне. Извиниться отказалась и вынуждена была уйти. Затем Бернар недолго играла в театре «Жимназ». Постепенно она начала раскрываться как драматическая актриса. У нее появились поклонники. В числе первых известных любовников Сары был красивый лейтенант, граф де Катри, а ее первой любовью стал отпрыск знатного бельгийского рода – герцог Анри де Линь. Против их чувств восстала семья юного принца, и Сара была вынуждена отказаться от своего счастья. Через несколько месяцев после грустного возвращения в Париж она родила сына Мориса (1884 г.) и стала любящей и преданной матерью. Позже принц Анри де Линь предлагал Морису признать его и дать свое высокородное имя, но сын знаменитой актрисы Бернар отказался от этой чести.

Сара с головой окунулась в работу в театре «Одеон», который хотя и был менее знаменит, чем «Комеди Франсез», но стал для актрисы родным домом. Она нравилась публике своей оригинальностью и стала кумиром студентов, с успехом играя в спектаклях «Кин» А. Дюма (1868 г.) и «Прохожий» Ф. Коппе (1869 г.). В последнем она произвела сенсацию, исполнив роль юноши-менестреля Занетто. Упоительный путь актрисы к славе был прерван войной с Германией. Вспыхнувший в ней дух патриотизма не позволил ей оставить осажденный врагами город. Отправив всю семью подальше от боевых действий, Сара оборудовала в «Одеоне» госпиталь и наравне с другими женщинами стала рядовой заботливой сестрой милосердия.

Франция проиграла войну, но мужественная Бернар одержала победу над собой, спасая чужие жизни в холодную и голодную осень и зиму 1870–1871 годов. А уже в январе следующего года Сара стояла на вершине театрального Олимпа. Она стала «Избранницей Публики», перед ней преклонил колени прославленный автор В. Гюго и благодарил за поистине королевскую игру (роль королевы) в его пьесе «Рюи Блаз». Спустя годы Бернар записала в мемуарах, что теперь о ней можно спорить, но пренебрегать ею нельзя.

После этого триумфа актрису со всеми ее чудачествами с

радостью принял «Комеди Франсез». Сара рассталась с «Одеоном», так как получала там «сущие гроши», а предпочитала свободу и независимость во всем, в том числе и в материальном плане. Подарки от любовников – вещь естественная, но свои чувства она не продавала. Сара окружала себя талантливыми мужчинами. Насколько были с ней близки Гюстав Доре, Эдмон Ростан, Виктор Гюго, Эмиль Золя, неизвестно. Современники называли их среди тысячи ее любовников. А в одной из книг Саре приписали «особые отношения» со всеми главами европейских государств, включая Папу Римского. Страстная в любви актриса была той гремучей смесью эротики и свободы духа, которая возбуждала мужчин. Но заявив о себе, что она «была одной из величайших любовниц своего века», в мемуарах «Моя двойная жизнь» (1898 г.), она обошла молчанием все любовные связи, наверное, чтобы никого не обидеть. Современники заявляли, что Бернар переспала со всеми театральными партнерами. О Саре и Пьере Бертоне писали, что их страсть «могла освещать улицы». А длительная связь с великолепным актером Жаном Муне-Сюлли чуть не закончилась как шекспировская трагедия «Отелло». Отверженному и обиженному отставкой любовнику «привести приговор в исполнение» помешал режиссер, опустивший занавес на несколько минут раньше драматической развязки.

Но Бернар обожала острые ощущения. Она поднималась на высоту 2600 м в корзине воздушного шара, доведя этим директора театра до белого каления, спускалась в подземные пещеры, съезжала с Ниагарского водопада по льду на собственном пальто. Эта увлекающаяся женщина ко всем своим сумасбродным и серьезным идеям относилась с таким же пылом, как к театру и мужчинам. Когда Сара решила попробовать свои силы в скульптуре, она не выходила ночи напролет из своей мастерской. Даже сам Роден не отказал ей в таланте, хотя назвал произведения «несколько архаичными». Скульптурная группа «После бури» получила награду на выставке (1878 г.) и была продана «царьку из Ниццы» за 10 тыс. франков.

Увлекшись живописью, Бернар вместо лечения малокровия в Ментоне отправилась в Бретань, лазила по горам и часами не отходила от мольберта на берегу моря. И казалось, что после очередного чудачества у этой хрупкой и болезненной женщины прибавлялось сил. Врачи напророчили ей смерть еще в детстве. Узнав об этом, впечатлительная девочка уговорила мать купить ей гроб, чтобы не лежать «в каком-нибудь уродце». Она не расставалась с ним даже на гастролях. Разучивала в нем роли, спала, фотографировалась и даже занималась любовью, если это не смущало партнера. И все это обилие идей и приключений

Бернар ухитрялась соединять с репетициями и триумфальными выступлениями в театре.

Каждый новый спектакль открывал зрителю неповторимые по своей выразительности грани таланта актрисы («Федра» Расина, «Заира» Вольтера, «Иностранка» Дюма-сына). На премьере своей пьесы «Эрнани» В. Гюго плакал, очарованный Сарой в роли доньи Соль. К своему письму в благодарность актрисе он приложил бриллиантовую слезу на цепочке-браслете.

На гастролях с «Комеди Франсез» Бернар покорила Лондон, но теперь ей уже было тесно в рамках одного театра. После неудачной постановки «Авантюристки» Дюма-сына, которую она назвала «своим первым и последним провалом», Сара, заплатив стотысячную неустойку, ушла из театра и создала собственную труппу (1880 г.). Совершив стремительное турне по Англии, Бельгии и Дании, которое назвали «28 дней Сары Бернар», актриса заключила выгодный американский контракт. С девятью спектаклями Бернар объездила 50 городов США и Канады, дав 156 представлений и получив огромные гонорары. Теперь ее имя означало успех, и драматурги создавали пьесы под Бернар: Дюма-сын – «Дама с камелиями»; В. Сарду – «Федора», «Тоска», «Колдунья», «Клеопатра», Ростан – «Принцесса Грёза», «Орленок», «Самаритянка». Актрисе были подвластны любые роли. В 32 года она играла 70-летнюю слепую римлянку Постумию в «Побежденном Риме» Пароли, а в 56 – вышла на сцену двадцатилетним принцем, сыном Наполеона, в «Орленке». Сара ухитрилась захватить себе и извечно мужские роли – Лорензаччо в одноименной пьесе Мюссе и покорила зрителей изысканным нетрадиционным решением роли Гамлета.

Ее неуемная жажда деятельности поражала. Сара несколько раз пыталась создать собственный театр, ив 1898 году на площади Шатре в Париже распахнул двери «Театр Сары Бернар». Со своей труппой, в которой играла ее сестра Жанна, актриса объехала полмира, побывала с гастролями в Австралии, Южной Америке, в Европе, была девять раз в США и трижды в России. Только Германия не увидела ее – Сара не могла простить немцам осады Парижа. Во время первого посещения России Бернар познакомилась в Санкт-Петербурге с советником греческой миссии Аристидисом (Жаком) Дамала. Он был младше Сары на девять лет, очень красив и легко покорял женские сердца. Бернар была настолько очарована им, что даже вышла за него замуж (1882 г.). Однако их брак был недолгим. Муж волочился за молоденькими актрисами, играл по-крупному в карты, а затем пристрастился к наркотикам. Но даже будучи с ним уже разведена, Сара опекала его, умирающего от морфия и кокаина

(1889 г.). Сама Бернар еще долго привлекала мужчин. В 66 лет она познакомилась в США с Лу Теллегеном, который их четырехлетнюю любовную связь назвал «самыми лучшими годами» в своей жизни. А ведь он был младше Сары на 35 лет.

Стремление чувствовать и жить открывало перед Бернар новые горизонты. Сара серьезно занималась литературным творчеством. После удачной новеллы «Среди облаков» она написала два романа-пособия для молодых артистов («Маленький идол» и «Красный двойник») и четыре пьесы («Андриена Лекуврер», «Признание», «Сердце мужчины», «Театр на поле чести»). А мемуары Сары Бернар – это не занудные воспоминания, это море чувств и мыслей. Она была такой разной, оставаясь собой. Поступки Сары многих шокировали, но никого не удивляли ни ее бескорыстная щедрость к друзьям-артистам, попавшим в нужду, ни совместные с Э. Карузо благотворительные концерты в пользу русских раненых в ходе войны с Японией. Бернар выступала перед солдатами на фронтах Первой мировой войны (1915 г.), а в поездке ее сопровождал знаменитый французский генерал Ф. Фош, которого она выходила 35 лет назад в своем госпитале. Сара очень нуждалась в таком верном друге, так как незадолго до поездки ей ампутировали ногу значительно выше колена. Но преодолевать трудности, как и создавать их, было ее излюбленным делом, ведь недаром своим жизненным девизом она избрала слова: «Во что бы то ни стало».

Бернар приковывала внимание к своей персоне не только незаурядными творческими достижениями, но и эксцентричным поведением и шокирующими публику капризами. В одну из холодных зим она потратила две тысячи франков на хлеб, чтобы накормить голодных парижских воробьев. А ее особняк в центре Парижа чем-то напоминал зверинец. В нем обитали четыре собаки, удав, обезьяна и огромный какаду. Еще Сара мечтала иметь двух львят, но их с успехом заменили «очень забавный гепард» и белоснежный волкодав, которых она приобрела на деньги, вырученные от продажи своих картин и скульптур на выставке в Англии.

Бернар получала баснословные гонорары, но и жила с присущим ей шиком. Тратить заработанные упорным трудом деньги ей помогал и любимый сын, изысканный красавец Морис, просаживавший баснословные суммы в игорных домах. Чтобы погасить его долги, Сара была вынуждена работать до последних дней жизни. Она была одной из первых великих театральных актрис, решившейся появиться на киноэкране в 1900 году. Первые попытки – сцена «Дуэль Гамлета» и экранизация пьесы Сарду «Тоска» – были настолько неудачными, что Сара добилась, чтобы

картину не выпустили в прокат. Но, зажатая кредиторами в тиски, она была вынуждена согласиться играть главные роли в картинах «Дама с камелиями», «Королева Елизавета», «Андриена Лекуврер», «Французские матери», «Жанна Доре» и «Его лучшее дело». Мнение критиков было неоднозначным – от восторга до полного неприятия. Ее манера игры, грим, речь были рассчитаны на театрального зрителя и воспринимались на экране довольно странно. Но большинство фильмов получило всемирный успех, а «Королева Елизавета» оказала значительное влияние на стиль Голливуда.

С 1915 года Бернар играла на сцене только сидя. И если кто-то мог иронизировать, увидев, как ее выносят на подмостки в изящных носилках, то с началом пьесы любые насмешки исчезали. Чтобы увлечь зрителя, Саре было достаточно выразительных жестов тщательно загримированных рук. А ее голос, льющийся в зал, завораживал публику, заставляя соизмерять дыхание с темпом ее речи. На сцене неподвижная Бернар оставалась театральной богиней. Эта мужественная женщина заслуженно носила высшую награду Франции – орден Почетного легиона.

С молодым задором и упоением прожила Бернар жизнь. Тяжелый приступ уремии прервал репетиции фильма «Провидица», но не сломил ее дух. В последние часы жизни Сара отобрала шестерых молодых актеров, которые должны были сопровождать вечно юную, страстную и безбрежно талантливую женщину в последний путь. И скандально известный гроб из красного дерева дождался своего часа. 26 марта 1923 года Сара Бернар скончалась, шагнув из жизни в легенду. Она стала национальной гордостью Франции, символом страны, как Эйфелева башня, Триумфальная арка и «Марсельеза». Она «не побоялась взойти на пьедестал, который зиждется на сплетнях, небылицах, наветах лести и подхалимаже, лжи и правде, – говорила ее подруга, актриса Мадлен Броан, – потому что оставшись наверху, одержимая жаждой Славы, Бернар укрепляла его талантом, трудом и добротой».

БЕРРИ КЛЕР И МЕРНА

Настоящие имена – Клара и Мина Бейгельман

Американские певицы, выступавшие дуэтом. Исполнительницы эстрадных аранжировок популярных песен на девяти языках. Первыми адаптировали популярные еврейские народные песни для массовой аудитории.

Уже само словосочетание «сестры Берри» кому-то ностальгически напомнит далекое детство, кому-то юность. Оттепель в Союзе потихоньку сошла на нет, «железный занавес» все надежнее перекрывал доступ в страну всего «западного» и «загнивающего». Правда, страху у людей поубавилось, но евреям приходилось не сладко: еврейские книги, еврейский театр, еврейские школы все еще были под запретом. В Москве работало всего две синагоги, да и те наводненные осведомителями КГБ. Сионизм был обвинен во всех всемирных грехах, поэтому ни еврейской культуре, ни еврейской музыке пробиться не удавалось. Практически все пути проникновения музыки из

свободного мира на необъятные просторы нашей социалистической Родины оказались под пристальным вниманием соответствующих органов, представители которых, кстати, с удовольствием слушали редкие заграничные пластинки, конфискованные у арестованных, у «несознательного элемента». Естественно, что среди многих «вражеских» исполнителей сестры Берри – две еврейки, да еще и американки! – были на особом счету: душевные и оптимистичные голоса сестричек пели о далекой сказочной Америке, где живут – и поют при этом – счастливые и свободные евреи… Достать их пластинку и переписать песни на огромную магнитофонную бобину почитали за огромную удачу. Но мало кто из «охотников за голосами» Клер и Мерны знали в те годы, что корни их семьи уходят на Украину, в прекрасный Киев.

В начале XX века на Подоле жил человек по фамилии Бейгельман. Как и его предки, он был бубличником – пек и продавал бублики. В Киеве 1918–1919 годов человеку его национальности выжить было трудно: беспрерывно менялась власть – белые, красные, желто-блакитные и прочие. В поисках лучшей жизни один из сыновей Бейгельмана – Хаим – сбежал из родных мест в Америку. Он поселился в еврейском квартале Ист-Сайд в Нью-Йорке, где преобладающим контингентом в те годы были выходцы из России. Здесь Бейгельман-младший нашел себе угол и еврейскую жену Эстер, тоже эмигрантку, но только из Австрии. Она знала немного польский, немецкий, французский, но свободно, как и Хаим, говорила на идише. Молодая семья поселилась в Бронксе. «Там же мы родились с Мерной, и другие наши сестры, – вспоминает Клер. – Семья была большой и дружной, несмотря на все, казалось бы, внешние различия. Мы всегда ели только вместе, отдыхали вместе, гуляли, помогали маме по хозяйству. Это сегодня дети могут неделями не общаться с родителями, а у нас, к счастью, было не так. И, став уже сама мамой, я всегда говорила дочери: “Семья должна быть у женщины на первом месте. Запомни: семья – это номер один, всегда”».

Телевидения в те годы еще не было, и для Клары и Мины таким окном в мир было еврейское радио «Форвертса». Каждое воскресенье с одиннадцати часов утра до трех часов пополудни девочки буквально замирали у радиоприемника. Именно тогда они узнали о таланте Германа Яблокова, услышали знаменитые «Папиросн», «Бублички». Там же, на еврейском радио, была и получасовая детская музыкальная передача, во время которой юные таланты пели, играли на скрипке или на пианино. Обратив внимание, как Клара и Мина замирают у приемника при звуках еврейских песен и мелодий, Эстер решила: «Если те дети могут,

почему мои девочки не могут?» Первая прошла испытание Клара. Ей было всего девять лет, когда мама отвезла ее на Манхэттен, где располагалось радио, которое по вторникам организовывало прослушивание детей, желающих выступать. Девочка сразу понравилась, и ее пригласили выступать в воскресной передаче. Но на запись Клару отвел отец, так как считал, что «выступление – серьезное дело, не то что прослушивание». Юное дарование в присутствии самого Нахума Стучкова (в Витебске он возглавлял еврейский театр, а в Америке вел на еврейском радио «Форвертса» воскресные передачи для детей «Час дядюшки Нахума») исполнило песню «Папиросн».

Одной удачной попытки ее маме показалось мало. Клер Берри рассказывала: «Но мама на этом не успокоилась. Через пару дней она повела меня в музыкальный магазин Metro Music на Второй авеню и попросила его хозяйку, госпожу Левкович, подобрать для меня что-то из народной музыки, какую-нибудь песенку попроще. Песня называлась “Либстэ майнэ” («Самая любимая моя»). А потом мы вернулись домой, и мама пошла к матери моей подруги Беллы Коэн, которая брала уроки фортепиано, и моя мама спросила у ее мамы: “Сколько это вам стоит?” Та ответила: “Пятьдесят центов за урок”. Моя мама сказала: “Я буду платить вам двадцать пять центов – пусть ваша дочь учит мою”. И Белла начала меня учить тому, чему сама только что научилась…»

С первого выступления на радио прошло чуть больше года. Клара продолжала выступать и пела только еврейские песни. Однажды ее аккомпаниатор Заславский решил отобрать трех девочек для новой программы, научить их музыкальной грамоте. За каждое выступление девочкам было обещано по пять долларов. Это было настоящим богатством для 11-летней Бейгельман. «С большим трудом мы осваивали музыкальную грамоту, и я бы, конечно, давно плюнула на это нудное дело, если бы не… обещанные пять долларов». Мать ужала семью в расходах, и в доме появилось старенькое фортепиано. Но при этом она сказала Кларе: «Я хочу, чтобы ты научила петь Мину». Семилетней сестре это было неинтересно, и она поначалу заупрямилась, но оказывается, «устраивать дела» могла не только мама, но и Клара, которая подчинила Мину одной лишь фразой: «Ты должна научиться. Не ради меня – ради мамы».

Так родился будущий знаменитый дуэт. Высокий голос Клары и низкий голос Мины так удачно совпадали, что их хвалил не только Заславский, но даже Стучков. «А я на протяжении всех лет, что мы выступали с Мерной, всегда смотрела на портрет мамы и говорила: “Мамочка, спасибо тебе, это только твоя заслуга, что

мы стали петь и известны во всем еврейском мире”».

Их первое выступление – начало музыкальной карьеры всемирно известного дуэта. Мина стала Мерной, Клара – Клер, а фамилию Бейгельман переделали в Берри. Юные певицы записали на радио несколько серенад. Их заметил известный шоумен Эдди Селиван. Он ввел сестер в мир большого фольклорного и джазового искусства, сделал из них профессиональных певиц. В их репертуаре были песни на иврите, идише, арамейском, английском, испанском и русском. Хорошая вокальная школа, удивительное сочетание таких двух разных, противоположных друг другу голосов – низкий, бархатный, нежный Мерны и высокий, звонкий, чистый Клер, звучавшие по-особому привлекательно в дуэте, – и помогли сестрам создать на эстраде свой стиль и приобрести всемирную известность.

За каждой их песней стоит, как они признавались, титанический труд, но именно благодаря ему зрителя, слушающего сестер с эстрады, не покидает ощущение импровизации и полной вокальной свободы, как будто все, что разворачивается перед ним, рождается сейчас, в эту минуту, как плод вдохновения, – легко, непринужденно, без какого-либо напряжения. Сестрам Берри удалось создать на эстраде свой стиль. И где бы они ни выступали – по телевидению в шоу Эдди Салливана, на гастролях в Европе или Америке, – их песни приносили им неизменный успех. Возможно, что, если бы на пути сестер не повстречался Абрам Элынтейн, талантливый композитор и музыкант, их восхождение на музыкальный Олимп не было бы таким стремительным. Известные в его аранжировке песни «Бублички» или «Тум-Балалайке» и др. зазвучали по-новому, свежо и интересно. Он стал руководителем, аранжировщиком, продюсером и композитором дуэта.

Сестры Берри объездили весь мир. Выступали даже в Южной Африке и Австралии. Очень часто давали концерты и в Израиле. И хотя песни в исполнении сестер Берри были понятны и доступны не только еврейскому слушателю, мелодии местечкового еврейства в джазовом сопровождении в первую очередь воскрешали ностальгию по еврейской традиции, по языку бабушек и дедушек. «А однажды на гастроли нас пригласило израильское правительство. Во время войны Судного дня, – вспоминает Клер. – Видимо, решили, что мы сможем психологически помочь солдатам. Мы много выступали, особенно перед ранеными. Помню, в одном из госпиталей мы вошли в палату, где лежал молодой парень – нога в гипсе поднята на растяжке, руки и лицо забинтованы, из-под повязок видны только глаза… Рядом сидела его мать. Мы заговорили с ней на идише, и

она тут же со слезами на глазах отозвалась: “Он здесь уже три недели, но еще ни разу не сказал мне ни слова”. Что нам с Мерной оставалось? Мы переглянулись и потихоньку запели: “Хава нагила…” И вдруг парень шевельнул перебитой ногой – как бы в такт мелодии… Это было поразительно! Его мать не могла поверить своим глазам и только обнимала нас и плакала…»

Пожалуй, нет ни одного еврея в мире, который бы не слышал песенного репертуара сестер Берри. Особенно их знают и любят русскоговорящие евреи, которым выпало счастье, кажется, единственный раз в истории Советского Союза слышать, а кое-кому из москвичей даже увидеть живых евреев-иностранцев, к тому же поющих на идише. Это произошло по случаю открытия американской выставки в 1959 году в Москве. Именно тогда сестры Берри дали несколько концертов в порядке «культурного обмена» в Зеленом театре парка имени Горького. Скорее всего, организаторы этих концертов даже не подозревали, что дуэт сестер пел еврейские песни. Билеты на эти концерты достать было невозможно: молва о сестрах, поющих еврейские песни, разнеслась по всей стране, и евреи съезжались в Москву, чтобы увидеть и услышать это чудо. Для них действительно было чудом то, что в Америке евреи не должны стыдиться или скрывать свое еврейство, что им позволяют петь свои песни, что еврейская культура там на равных со всеми прочими. А еще они узнали, что еврейские песни не обязательно должны быть грустными, что бывают и веселые, радостные еврейские песни, под которые ноги сами просятся в пляс. Сестры Берри – очаровательные, стройные, сияющие улыбками эдакие секс-бомбочки – своим искусством подарили советским евреям несколько часов счастья и свободы, а такое не забывается. Тогда же в Союз вернулась песня «Бублички», написанная в 1920-х годах в Одессе Ядовым. Певиц долго не отпускали, а когда они, тронутые приемом, как бы чуть смущаясь, объявили дуэтом в микрофон «Отчи чьорные», зал вскочил и заревел от восторга. Этот известный русский романс на слова Гребенки в джазовой оранжировке Абрама Элынтейна приобрел совершенно новое звучание, давно стал хитом мирового музыкального искусства, а в России прозвучал впервые. Первый куплет певицы исполнили на русском языке. Затем звучали «Подмосковные вечера», «Ямщик, не гони лошадей»… и после каждой песни – шквал аплодисментов. Зрители долго не отпускали певиц и даже после окончания концерта не покидали парк Горького. Был еще один их сольный концерт в Москве.

Записи их концертов были в каждом еврейском доме, и на них воспитывались целые поколения. С тех летних дней 1959 года в больших и маленьких городах Союза в тысячах еврейских домов

зазвучали сотни раз переписанные магнитофонные записи легендарного дуэта, и все эти «Ба мир бисту шейн», «Тум-балалайке», «Чири-бим», «А идише мамэ», «Папиросн», «Цу мир из гекумэн а кузинэ», «Ву нэмнт мэн а бисэлэ мазл», «Хава нагила» стали в СССР как бы первым «еврейским самиздатом».

В то время никто особо не решился откликнуться на это событие в печати. Но вот музыкальный обозреватель «Нью-Йорк тайме» написал: «Сестры весело дарят миру удивительную коллекцию еврейских песен на фоне потрясающих аранжировок. Девушки легко варьируют знакомое и неизвестное и, для полного удовольствия, ошеломляют нас неожиданными еврейскими интерпретациями песен разных народов. В их исполнении нет стыков, есть органичное действо, подчиняющееся внутреннему ритму».

Дуэт распался трагически. В бывшем СССР распространились слухи о гибели Мерны в авто– или авиакатастрофе. Но они оказались несостоятельными: «Ничего подобного! – говорит Клер. – Она умерла в 1976 году от опухоли мозга. Никогда ничем не болела – и вдруг… Много лет после ее смерти я не пела. Не могла. И только лет пятнадцать-двадцать спустя снова запела, но уже с мужчинами. Например, с великолепным, мудрым и обаятельным Эмилем Горовцом, к великому сожалению, недавно ушедшим от нас. Пела я и с Яковом Явно – талантливым и целеустремленным певцом… Летом 2000 года Клер выступила в Лос-Анджелесе, где проходил фестиваль «Салют Израилю». Ей уже более 80 лет, живет она в Манхэттене, но уже в другом, аристократическом районе. У нее есть дочь, которую она воспитала в национальных традициях. «По-американски ее зовут Джой, а еврейское ее имя – Рохл-Ента. Она декоратор во Флориде. У нее прекрасный муж, дочь Кимберли и сын Брэд, пожарный. Я их всех очень люблю. У них настоящий еврейский дом. Кошерный…»

Замечательного дуэта внучек киевского бубличника, выросшего, казалось бы, на безликой американской культуре, больше нет, но их исполнение продолжает волновать не только тех, кто их помнит и любит, но и новое поколение, которых, кажется, ничем удивить невозможно.

БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1898 г. – ум. в 1929 г.)

Жизнь этого человека до сих пор окутана множеством легенд, домыслов и мифов, за которыми не просто разглядеть одного из самых опасных и удачливых авантюристов XX века. Историки оценивают его по-разному: одни называют Герострато́м, другие – Остапом Бендером, третьи – посланцем самого Боланда. Этот блестящий авантюрист стал прототипом Наума Бесстрашного, главного героя повести В. Катаева «Уже написан Вертер».

Ранним мартовским утром 1898 года в Одессе в бедной еврейской семье родился мальчик, которому по старой еврейской традиции родители на восьмой день дали имя Симха-Янкель. Ребенок рос болезненным. Его отец, Герш Блюмкин, мелкий

коммерческий служащий, умер от сердечного приступа, когда Яков, так называли мальчика друзья, был еще маленьким. Мама отдала сына в духовное училище – первую в Одессе талмуд-тору. В еврейской школе он успешно изучил идиш и иврит.

Окончив духовную семинарию, Яков в 1913 году поступил учеником в электротехническую школу Ингера, а в ночное время подрабатывал в Ришельевском трамвайном парке.

Те, кто хорошо знал Блюмкина до 20-х годов XX века, вспоминали, что уже тогда за ним тянулся целый шлейф криминальных историй. Во время службы в торговой компании у некого Перемена Яков Блюмкин умело подделывал документы и подписи высокопоставленных лиц, выписывая всем желающим отсрочки по отбыванию воинской повинности. Благодаря природному уму и небывалой изворотливости Якову не только удалось избежать наказания, но и умело свалить свою вину на начальника. К тому же Яков Блюмкин вместе с Мишей Япончиком промышлял налетами. Уже тогда за юным Симхой-Янкелем утвердилась слава жестокого человека.

Во время учебы в техническом училище он примкнул к партии социал-революционеров – эсеров. Блюмкин стал завсегдатаем их кружков и даже водил дружбу с одесскими анархистами. А в 1917 году Яков переехал жить в Харьков. Харьковские эсеры отправили его в Симбирск, проповедовать их идеи. И Блюмкин в девятнадцать лет совершил головокружительную карьеру: он прошел путь от рядового члена Симбирского совета народных депутатов до помощника начальника штаба Красной Армии. Молодой командир участвовал в боях с войсками Центральной рады и с гайдамаками.

Симха-Янкель вскоре был замешан в криминальной истории, которая впоследствии оказала большое влияние на его судьбу. Бывший одесский налетчик, а теперь командир Красной Армии был патологически жадным. Поэтому, выполняя по приказу Реввоенсовета задание по экспроприации в Государственном банке 4 млн рублей, Блюмкин решил обманным путем присвоить основную часть средств себе. Под угрозой расстрела деньги пришлось возвратить, хотя судьба 500 тыс. рублей так и осталась неизвестной.

Когда волнения поутихли, ловкий авантюрист появился в Москве, где его приютили товарищи по партии. Яков Григорьевич – отныне так он стал себя именовать – был зачислен в охрану партии левых эсеров. Лучшую кандидатуру действительно трудно было найти: он метко стрелял из любого вида оружия, умел обращаться с бомбами. Террористические наклонности открыли Блюмкину дорогу в ВЧК, где его хотели использовать для

подготовки терактов против видных политических деятелей Германии и России для срыва Брестского договора. Кроме того, Блюмкин свободно владел несколькими иностранными языками и обладал магическим даром располагать к себе людей, поэтому ему было поручено организовать отделение по борьбе с международным шпионажем. (Интересен тот факт, что некоторые разработки даровитого чекиста до сих пор используются в работе спецслужб.)

Работа в ВЧК вскружила самолюбивому и амбициозному Якову голову. Он возомнил себя человеком, наделенным правом решать судьбу других людей, и нередко кичился этим. Его друзья по партии быстро поняли, кто он такой, ив 1918 году приговорили Якова Блюмкина к расстрелу за отступничество от идей левоэсеровского движения. На него было совершено несколько покушений, но он каким-то чудом остался жив.

Лето 1918 года вошло в историю мирового терроризма убийством германского посла графа фон Мирбаха.

О готовящемся покушении посольству Германии было известно задолго до 6 июля 1918 г. Члены посольства официально обратились в ВЧК с просьбой обеспечить графу фон Мирбаху безопасность. Однако Лубянка молчала. Хотя официальным властям было известно, что ЦК левых эсеров вынесло приговор немецкому послу. По мнению большинства эсеров, это убийство было единственной возможностью сорвать Брестский мир, который Советское правительство заключило с Германией в счет платы за помощь большевикам по захвату власти в России. Это решение держалось в строжайшей тайне. Была назначена дата и объявлены имена террористов – Яков Блюмкин и фотограф ВЧК Николай Андреев.

Почему исполнителем был выбран именно Яков Блюмкин? Как уже упоминалось, он был мастером организации разного рода провокаций, умел прекрасно стрелять и метать бомбы, к тому же был молод, энергичен и жаждал славы. Яков Григорьевич понимал, что его имя войдет в историю, и об этом мечтал.

Как же выглядел этот человек? Его портрет – это типичный портрет революционера того времени. У Якова Блюмкина было худое мужественное лицо, острая бородка под Троцкого, бесноватые темные глаза (левый глаз был похож на лисий). Его большие пухлые губы разбрызгивали слюну на окружающих, когда Блюмкин волновался или кричал – у него не было передних зубов, которые в Киеве ему выбили петлюровцы. Известна еще одна способность Якова Григорьевича – он мог в считанные секунды менять свою внешность, превращаясь в старика или молодого.

6 июля 1918 года германский посол Мирбах был убит. Весть об этом разошлась очень быстро. В германское посольство приехал сам Дзержинский. В адрес террористов неслись самые яростные угрозы: «Я их на месте убью как изменников».

В тот же день за подписью В. И. Ленина была передана телефонограмма, в которой категорически требовалось: «Мобилизовать все силы, немедленно поднять на ноги всех для поимки преступников». Но по свидетельству наркома просвещения А. Луначарского эта телефонограмма весьма своеобразно заканчивалась: «Искать, очень тщательно искать, но не найти».

Сам Яков Блюмкин позднее признавался, что о плане покушения на Мирбаха хорошо знал Ленин. Именно поэтому убийца германского посла исчез для властей бесследно. В то время, когда преступников «тщательно разыскивали», во двор особняка Морозова в Трехсвятительском переулке въехал «паккард». Выбор этого дома оказался не случайным – там находился особый отряд ВЧК под командованием левого эсера матроса Д. Попова. Товарищи по партии поместили Якова в лазарет, предварительно обрив и выдав новые документы.

Между тем в стране начались беспорядки, которые впоследствии были названы левоэсеровским мятежом.

Дзержинский явился в отряд Попова с требованием выдать Якова Блюмкина, но был разоружен восставшими эсерами.

Через некоторое время левоэсеровский мятеж был подавлен. Всех, кто каким-либо образом был причастен к террористическому акту и мятежу, расстреляли. Хотя главное действующее лицо – Яков Блюмкин остался в стороне. Сначала он залечивал раны в Рыбинске и Гатчине, а затем отправился в Украину, чтобы заслужить доверие советской власти.

16 мая 1919 года Президиум ВЦИК специальным постановлением амнистировал Блюмкина. Спустя несколько месяцев по рекомендации чекиста № 1 – Дзержинского Якова Григорьевича приняли в члены партии ВКП(б).

В дальнейшем он возглавил штаб бригады Красной Армии. В 1919–1921 гг. учился в Военной академии РКК и служил секретарем у Троцкого. В это время Блюмкин проживал в Москве в шикарной четырехкомнатной квартире. Дорвавшись до власти, Яков жил на широкую ногу, попирая все нормы морали. На его рабочем столе всегда лежал раскрытый на одной и той же странице томик Ленина, в котором он прятал кокаин.

В 1925 году его убрали из Москвы за болтливость и перевели на работу в ОГПУ Закавказья. Именно там он сдружился с Берией.

К этому же времени относится попытка Блюмкина найти

загадочную страну – Шамбалу. Во время экспедиции Яков познакомился с Николаем Рерихом и даже стал вдохновителем его первого завещания, по которому все имущество и литературные права Рерих передавал в ВКП(б), назначая распорядителями Сталина и Чичерина. Загадочную страну так и не удалось найти, но под руководством Блюмкина были собраны богатейшие коллекции лекарственных растений и минералов.

В декабре 1926 года по заданию центра экс-террорист был отправлен в Китай, а затем был переведен на повышение в Монголию. 24 сентября 1928 года, выполняя очередное задание партии, Яков Блюмкин (купец Якуб Султанов) отправился в Турцию. Со своими задачами он справлялся удачно. Не зря ОГПУ считало его суперразведчиком и многое прощало.

Но 16 апреля 1929 года Яков Блюмкин допустил роковую ошибку. На Кипре он встретился со своим бывшим руководителем – Львом Троцким, который предложил ему начать работать на оппозицию. И тщеславный авантюрист, уверовавший в свою безнаказанность, согласился. Возвращаясь на родину, Блюмкин, подвыпив, разболтал Карлу Радеку о встрече с Троцким. Радек сразу же донес обо всем Сталину.

На родине Блюмкина встретили как героя, но сразу же установили за ним наблюдение. Его новая любовница – Лиза Горская оказалась агентом ОГПУ. Именно она и сдала его властям.

3 ноября 1929 года дело Якова Григорьевича Блюмкина было рассмотрено на судебном заседании в ОГПУ. Он обвинялся по статьям 58 п. 4, 58 п. 10 УК РСФСР (за повторную измену делу пролетарской революции и советской власти, за измену революционной чекистской власти). Приговор – расстрел.

В архивах ЧК сохранилось покаянное письмо Якова Блюмкина. Любопытно, что даже перед смертью он не переставал гордиться собой и не капли не раскаивался в совершенных преступлениях, прикрываясь служением революции. Когда его поставили к стенке, он не нашел ничего лучшего, как крикнуть: «Да здравствует Троцкий!» По воспоминаниям участника расстрела Александра Орлова, Блюмкин мужественно шел на казнь и держался достойно, за несколько секунд до смерти пел «Интернационал».

Яков Григорьевич Блюмкин хотел быть рыцарем плаща и кинжала, романтиком революции, ее демоном. Но общеизвестно, что революция всегда пожирает своих детей.

БОР НИЛЬС ХЕНДРИК ДАВИД

(род. в 1885 г. – ум. в 1962 г.)

Выдающийся датский физик, создатель теории атома, автор работ по теории металлов, теории атомного ядра, ядерных реакций, трудов по философии и естествознанию, борец против атомной угрозы. Лауреат Нобелевской премии по физике (1922 г.)

«Бор не только был основателем квантовой теории, которая открыла человечеству путь к познанию нового мира – мира атомов и элементарных частиц – и тем самым проложила путь в атомный век и позволила овладеть атомной энергией, – писал академик И. Е. Тамм. – Труды Бора наряду с работами Эйнштейна оказали решающее влияние не только на физику нашего века, но и на современное научное мировоззрение в целом».

Жизнь Нильса Бора связана с красивым и древним городом Копенгагеном. Здесь он родился 7 октября 1885 года в интеллигентной образованной семье. Его отец Христиан Бор, начав свою карьеру как врач-терапевт, стал впоследствии

выдающимся физиологом и был профессором Копенгагенского университета. Известный ученый активно участвовал в политической жизни страны, выступая против шовинистической и милитаристической политики Дании, а в 1870-е годы принял активное участие в борьбе за эмансипацию женщин. Христиан Бор стал преподавателем женских классов на аттестат зрелости. Именно там он познакомился с Эллен Адлер, девушкой из богатой еврейской семьи, хорошо известной в банковских, политических и интеллектуальных кругах. Молодая красивая ученица покорила ученого своим обаянием, и вскоре они поженились. В семье Бор было трое детей: два сына и дочь Дженифер. Она была первым ребенком в семье, вслед за ней появился на свет Нильс Хендрик Давид, а спустя полтора года – младший Харольд, ставший впоследствии знаменитым математиком.

Дом Боров находился в самом центре столицы, и глава семейства очень любил совершать с детьми прогулки по улицам Копенгагена, посещать с ними те места, где можно было увидеть разнообразные технические диковинки: маяки, судоверфи, башни с часовыми механизмами. Отец всячески стремился привить сыновьям интерес к познанию природы вещей, трудолюбие и стремление проникнуть в неведомое, что и стало в будущем залогом их успешной карьеры.

Родители рано заметили выдающиеся способности сыновей и способствовали их развитию. Так, еще мальчиком Нильс под руководством отца проводил несложные физические опыты. Позднее, став знаменитым физиком, он вспоминал: «Я рос в семье с глубокими духовными интересами, где обычными были научные дискуссии; да и для моего отца вряд ли существовало строгое различие между его собственной научной работой и его живым интересом ко всем проблемам человеческой жизни». В детстве Нильс и Харольд были очень дружны и чувство взаимопонимания сохранили на всю жизнь. Братья постоянно переписывались, обсуждали новые научные идеи и зачастую учились и работали вместе. Нильс рос спокойным, уравновешенным, открытым и добродушным ребенком, а Харольд был его полной противоположностью. Их объединяла не только наука, но еще и одна страсть, перешедшая по наследству от отца, – футбол. В студенческие годы братья играли за сборную команду страны. Нильс был вторым запасным вратарем. Когда ему вручили Нобелевскую премию, то одна из датских газет писала: «Награда присуждена известному футболисту Нильсу Бору». А став старше, физик увлекся лыжным спортом и парусными гонками.

В 1903 году Нильс окончил Гаммельхольмскую

грамматическую школу. Он был прилежным учеником. Единственной проблемой для него были сочинения на вольную тему. Текст получался очень коротким, а предложения длинными и тяжеловесными для понимания. Успешно сдав выпускные экзамены в школе, Нильс поступил в Копенгагенский университет. Сокурсникам он запомнился погруженным в себя медлительным юношей, с крупными чертами лица и большой головой, вечно таскающим с собой что-то напоминающее внешне школьную сумку. Когда сверстники организовали кружок «Эклиптика», братья Бор вошли в его состав. Успехи Нильса в учебе были столь велики, что уже на втором курсе он стал помощником профессора физики. Начинающий ученый интересовался и гуманитарными науками, посещая лекции философа Хёффдинга по формальной логике и теории познания.

В 1907 году Нильс окончил университет. За экспериментальное исследование поверхностного натяжения воды он был награжден золотой медалью Копенгагенской академии наук. Как и многие ученые-экспериментаторы того времени, Бор проводил свои опыты, используя самодельные приборы. Он так основательно занимался разработкой той или иной проблемы, что окончание работ всегда откладывалось на неопределенный срок. Как вспоминал сам ученый, отец часто отсылал его к деду и бабушке, чтобы в сельской глуши он мог изложить результаты исследований на бумаге. Так случилось и с магистерской диссертацией, посвященной вопросам тепло– и электропроводности металлов. Защита прошла успешно, и перспективный ученый сразу же засел за докторскую, озаглавив ее «Анализ электронной теории металлов». Спустя день после этого знаменательного события Бор на вечере у своего друга Нормунда познакомился с его сестрой Маргаретт, и вскоре молодые люди поженились.

Защита докторской прошла блестяще 13 мая 1911 года. В сентябре того же года Бор был направлен на годичную стажировку в Англию и стал работать в Кавендишской лаборатории в Кембридже. С этим назначением Нильс связывал много надежд. В то время в университете работали такие всемирно известные ученые, как Дж. Джю Томсон, Лармор, Джинс. В докторской диссертации Бор затронул проблемы, связанные с электронной теорией. Он надеялся обсудить возникшие у него вопросы с первооткрывателем электрона Томсоном, но их отношения не сложились, да и работа в Кавендишской лаборатории доставила Нильсу больше трудностей, чем достижений.

Когда стажировка подходила к концу, Бор по приглашению

Резерфорда присоединился к Манчестерской группе ученых, в которой работали Гейгер, Маковер, Хевеши, Чадвик, Дарвин. Эта группа проводила масштабные исследования радиоактивности и строения атома. Молодой ученый быстро освоился в новом кругу и благодаря аналитическому складу ума стал теоретиком проводимых исследований. Работая под руководством Резерфорда, Бор создал свою экспериментальную модель строения атома.

Вернувшись в Данию, он приступил к чтению лекций по термодинамике в Копенгагенском университете. Но преподавание так и не стало его коньком. По мнению большинства его коллег, у Бора «не было никакого природного дарования к чтению курса лекций в соответствии с принятыми в университете требованиями. Он говорил заикаясь, тихо и невнятно и, как свидетельствуют, в самые ответственные моменты закрывал к тому же ладонью рот». Зато Бор-теоретик блистал на коллоквиумах, где выступления зачастую принимали форму научного диалога. Здесь он, по словам Франка, чувствовал себя «легко и совершенно как дома». Быстрота и глубина мышления Бора, его способность тотчас же схватывать сущность каждый раз заново поражали тех, кто с ним сталкивался.

Мысли Бора постоянно вертелись вокруг модели атома. Он пришел к убеждению, что квант действия, введенный Максом Планком, можно использовать в качестве величины, ограничивающей определение координат и скорости электронов. Свои мысли ученый изложил в статье «О строении атомов и молекул», а основные выводы из нее вошли в историю физики как «постулаты Бора». Эта работа получила широкий резонанс в научном мире, и чаша весов, на которую была положена судьба атомного мира, неуклонно склонялась на сторону боровской трактовки мира атомов. Против этой модели выступил А. Эйнштейн. Прочитав одну из работ молодого ученого, он сказал физику-атомщику Хевеши: «Такую работу я сам, пожалуй, мог бы написать, но если она правильна, то это конец физики как науки».

В сентябре 1916 года Бор был избран Председателем датского физического общества. После прочтения ряда лекций по механике, теории упругости, термодинамике, электронной атомной теории он получил мировое признание. Вскоре Бор стал членом Датского королевского общества. Собрав вокруг себя сторонников и заручившись поддержкой в муниципалитете и среди деловых кругов, он приступил к реализации давнишней мечты – строительству первого в Дании Института физики. Несмотря на разгар Первой мировой войны и множество других препятствий, здание было сдано в срок и 15 сентября 1920 года

состоялось открытие института.

Бор собрал вокруг себя молодых, талантливых ученых, которых потом назвали Копенгагенской группой. Основным направлением ее работы стала теория атома. Эта проблема была очень актуальной, и ученый получал множество заявок на чтение лекций в различных вузах мира. Он старался не отказывать, испытывая при этом огромные перегрузки. Оставаясь без отдыха, Бор серьезно заболел и смог вернуться к работе только спустя полгода.

В 1922 году Бор стал лауреатом Нобелевской премии в области физики «за заслуги в исследовании строения атомов и атомного излучения». В своей торжественной речи на церемонии награждения он обобщил все, что существовало и было достигнуто в квантовой теории строения атома, при этом четко дал понять, что теория находится лишь на начальной стадии, и основные решения еще впереди.

Нильс Бор был физиком до мозга костей. Он обладал, как говорил в одном из писем Эйнштейн, гениальной интуицией и необычной силой внутреннего видения проблем физики. Вместе с тем в математике он уступал многим коллегам. Однажды в разговоре с Паули он сделал характерное признание, что его интерес к физике – это интерес не математика, а скорее, ремесленника и философа. Карл Вайцзеккер рассказывал, что среди сотрудников и учеников Бора ходила шутка: «Он знает только два математических знака: “меньше, чем…” и “приблизительно равно”».

Теория Бора стала промежуточным звеном между классической физикой и новым направлением. Теоретико-познавательный вклад Бора в развитие атомной физики заключается в установлении двух принципов: соответствия и дополнительности. Принцип соответствия он выдвинул еще в 1916 году. Он означал, что квантовая теория может быть согласована с классической теорией, то есть «соответствовать» ей.

Осенью 1924 года в лабораторию Бора пришел Гейзенберг, выдвинувший теорию, названную «гейзенберговским формализмом», которая и помогла, по словам Бора, «рассечь гордиев узел при помощи философского принципа и заменила догадки математическим правилом». В результате их совместной работы была создана матричная механика.

В 1927 году в итальянском городе Комо состоялся Международный физический конгресс, где основным стал доклад Бора «Квантовый постулат и новейшее развитие атомной теории». В нем ученый сформулировал принцип дополнительности, позволивший ответить на все вопросы, которые на тот момент

стояли перед теорией атома. Выдвинутый Бором принцип гласил, что любой предмет может проявить себя и как частица, и как волна. Во время Сольвеевских конгрессов (1927 и 1930) дело даже дошло до драматического спора между Эйнштейном и Бором, который затянулся более чем на четверть века.

В 1932 году Датская академия наук передала Нильсу Бору и его семье виллу с колонным залом, расположенную в великолепном парке. Этот дом стал центром научной жизни столицы. Здесь бывали именитые гости, ученые, художники и политики из разных стран. А его хозяин всегда был готов прийти на помощь. Шрёдингер сказал, что считает Нильса Бора «одним из самых добрых людей, каких он когда-либо встречал». К тому же загруженный работой Бор оставался прекрасным отцом и мужем. В семье было пять сыновей и дочь, и каждому он уделял время. Дети вспоминали впоследствии, что для них отец в первую очередь был лучшим другом, сумевшим открыть для них большой и интересный мир. «Больше всего, – писал Ханс Бор, – в моей памяти остались вечера, когда отец читал вслух или мы, дети, собирались вокруг него и засыпали кучей вопросов, на которые он с удовольствием отвечал».

На 50-летие Бора правительство Дании выделило 199 тысяч крон для закупки 0,6 грамма радия в подарок Институту теоретической физики. В 1938 году был построен первый в Европе циклотрон, и как только начались опыты по бомбардировке тяжелых ядер, стало ясно, что ученые стоят на пороге нового открытия. Через год Бор совместно с американским физиком Уилером создал теорию расщепления ядра.

После прихода к власти Гитлера многие ученые-физики, особенно с еврейскими корнями, вынуждены были покинуть родные страны. Они нашли приют в доме Бора, где он вместе с братом Харольдом создал Комитет поддержки изгнанных интеллигентов. Бор использовал свой огромный авторитет для предоставления эмигрантам возможности работать. После захвата Дании фашистскими войсками весной 1940 года он остался в стране, несмотря на то что был известен как антифашист. А как «полуеврей» подвергался ежедневной опасности. Нацисты считали его опасным врагом и готовились к аресту его и Харольда. Перед отъездом из страны ученый растворил свою золотую медаль Нобелевского лауреата в царской водке и оставил бутыль на видном месте в шкафу. После возвращения на родину он заказал новую медаль из извлеченного из раствора золота. Датские антифашисты переправили семью Бора лодкой в Швецию, а оттуда они выехали в Англию. Затем вместе с сыном ученый вылетел в США. «И этот полет имел свои опасности, –

рассказывал Джеймс Франк. – Череп Бора был слишком велик для дужек, с помощью которых в этих самолетах прижимали к ушам необходимые для связи микрофоны. Поэтому он не слышал требования пилота надеть кислородную маску и потерял сознание. Он пришел в себя лишь после того, как Оге Бор указал пилоту на его состояние и тот перевел самолет в нижние слои атмосферы».

В Америке ученый принял участие в создании атомной бомбы в Лос-Аламосе. Работал он под именем Бейкер. Его решение заниматься этим делом определялось той же горькой необходимостью, которая заставила Эйнштейна обратиться с письмом к Рузвельту. Когда стало ясно, что гитлеровская Германия уже не в состоянии овладеть атомным оружием, Бор употребил все свое влияние для того, чтобы воспрепятствовать применению американских атомных бомб. С этой целью он лично беседовал с президентом Рузвельтом. Смерть президента еще до окончания войны стала одной из причин того, что усилия ученого оказались напрасными. Бор, так же как и Эйнштейн и все гуманистически настроенное человечество, был поражен и возмущен позорным актом правительства Трумэна, его преступлением в Хиросиме и Нагасаки. Следует упомянуть и меморандум, который Нильс Бор направил в 1950 году в Организацию Объединенных Наций. В нем он заявил, что следует бороться с атомным вооружением для того, чтобы предотвратить угрозу атомной войны. Главным пунктом его предложения было создание «открытого мира». Под этим он понимал мирное сотрудничество всех государств, свободное сообщение между ними и беспрепятственный обмен информацией.

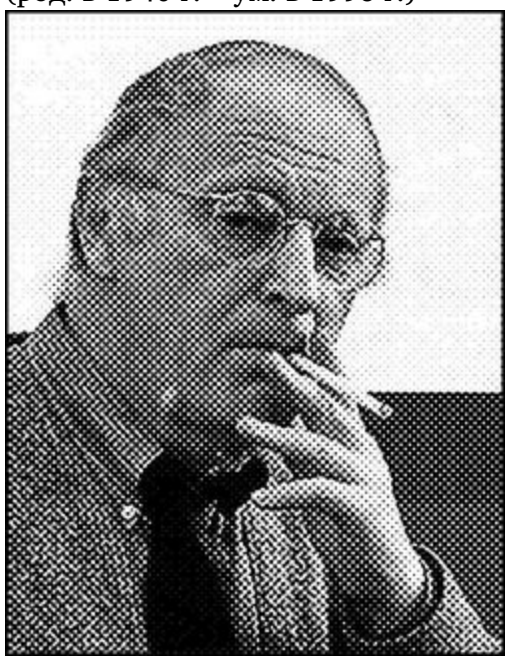
В июне 1962 года он прилетел в Европу для участия в традиционной встрече лауреатов Нобелевской премии в Линдау. «Нас беспокоили его усталость и очень непродолжительное, но серьезное заболевание, которое он перенес в последние дни пребывания в Линдау, – писал Джеймс Франк. – Но он чрезвычайно быстро поправился, и можно было надеяться, что ему суждена еще долгая жизнь. Однако эти надежды не сбылись». 18 ноября 1962 года, отдыхая от работы, великий физик заснул и больше не проснулся.

«Нильс Бор прожил исключительно богатую и счастливую жизнь, – писал Франк в заключение своей мемориальной статьи. – Его гений и его сила позволили ему открыть новую эру в науке. Он был окружен одаренными учениками и сотрудниками; его брак был счастливым и гармоничным; он видел, как его сыновья, за исключением трагически рано погибшего старшего, выросли настоящими людьми. Его сын Оге стал физиком, пользовавшимся

большим уважением. Он видел, как росла семья, и радовался многочисленным внукам. Бор завоевал любовь всех, кому посчастливилось близко знать его, и уважение всего мира».

БРОДСКИЙ ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1940 г. – ум. в 1996 г.)



Поэт, лауреат Нобелевской премии (1987 г.). Сборники стихов «Остановка в пустыне», «Конец Прекрасной эпохи», «Часть речи», «Урания», «Новые стансы к Августе», «Пейзаж с наводнением», «Перемена Империи», «Холмы. Большие стихи и поэмы», «В окрестностях Антарктиды», «Новые стихи»; книги и эссе «О Скорби и Разуме», «Меньше чем единица»; пьеса «Мрамор».

Иосифа Бродского нередко называют последним поэтом Серебряного века, хотя, возможно, он вообще последний большой русский поэт ушедшего столетия. Понятие Серебряный век относится не столько ко времени, сколько к уровню культуры. Бродский был человеком высочайшей культуры, в совершенстве овладел несколькими языками, великолепно знал мировую поэзию, был знаком с лучшими поэтами своего времени. Следуя

своим предшественникам, великим поэтам века Золотого, он сумел создать свою поэзию, идущую из самой глубины сознания, свой образный язык.

Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, в семье скромного советского служащего, занимавшего должность фотокорреспондента в журнале «Балтийский флот». Когда ребенку исполнился год, началась Великая Отечественная война. О блокаде Ленинграда Бродский впоследствии говорил, что был слишком мал, чтобы понимать происходящее, знает только из рассказов взрослых, что голод и бомбежки были постоянными спутниками ленинградцев. А его мать вспоминала, как ей не раз приходилось уносить маленького сына в убежище в бельевой корзине.

Ненамного счастливее была жизнь и после войны. Семья жила в крохотной комнатке в старой коммуналке в бедности и страхе перед сталинским режимом. Единственным утешением были книги, они, по словам поэта, «держали нас в абсолютной власти. Диккенс был более реален, чем Сталин и Берия».

Школу Иосиф оставил в пятнадцатилетием возрасте, закончив только восемь классов, чтобы начать зарабатывать. После неудачной попытки поступить в мореходное училище он сменил несколько мест работы. Был фрезеровщиком на заводе, истопником в котельной, смотрителем маяка, подумывал о врачебной профессии, для чего даже устроился работать санитаром морга. Романтика странствий увлекла его в путешествие по стране в составе геологической экспедиции, с которой Бродский побывал в Сибири, Якутии, на Дальнем Востоке и Тянь-Шане. С ранних лет он не искал благоустроенности, придерживаясь своей формулы: «человеку не следует устраивать пир из своих страданий». Наверное, поэтому бремя самостоятельной жизни, а затем и нелегких испытаний Бродский нес легко и почти беззаботно. Более того, в этих условиях он находил время для самообразования, много читал, изучал языки.

В шестнадцать лет Иосиф написал свои первые стихи, привлекшие внимание друзей и знакомых. Стихи не печатали, но молодой поэт имел возможность выступать с ними перед многочисленной студенческой аудиторией, с восторгом принимавшей каждую строчку.

1960 год стал для 20-летнего поэта временем знакомства со многими известными ленинградскими поэтами: Д. Бобышевым, А. Найманом, Е. Рейном. Последнего через много лет Бродский назовет своим учителем. В том же году он познакомился с Анной Ахматовой, посвятившей ему одно из своих четверостиший:

О своем я уже не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотое клеймо неудачи
На еще безмятежном челе.

Ахматова, относившаяся к молодому поэту с восхищением и нежностью, в 1960-е годы предсказала ему славную судьбу и трудную жизнь. Большую поддержку Бродский ощутил со стороны Надежды Яковлевны Мандельштам, вдовы его любимого поэта. Один из знакомых поэта Я. Гордин вспоминал: «Определяющей чертой Иосифа в те времена была совершенная естественность, органичность поведения. Он никогда не стремился к духовному вождизму, но возможности и место свое понял достаточно рано».

Растущая популярность поэта вызвала обеспокоенность властей. Весной 1961 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни». Согласно этому указу можно было привлечь к ответственности любого «свободного художника». Однако решающим моментом в борьбе с независимой интеллигенцией стала встреча Хрущева с работниками культуры, положившая начало гонению неугодных. Жертвой хрущевской кампании стал и Бродский. 29 ноября 1963 года в газете «Вечерний Ленинград» появился унизительный фельетон о молодом поэте под названием «Окололитературный трутень». Травля не ограничивалась такого рода статьями. После нескольких вызовов в милицию 13 февраля 1964 года Бродского арестовали по обвинению в «тунеядстве». В марте его дело рассматривалось Дзержинским районным судом Ленинграда. Несмотря на то что крупнейшие деятели культуры – Ахматова, Чуковский, Маршак, Паустовский, Шостакович – дали положительную характеристику творчеству Бродского, он был признан виновным в «паразитическом образе жизни» и приговорен к 5 годам ссылки.

Полтора года поэт провел в деревне Норенское Архангельской области, после чего был освобожден досрочно по причине, как объясняли власти, излишней суровости приговора.

В 1965–1972 годах Бродский жил в Ленинграде, изредка печатая свои стихи и переводы в периодических изданиях. Подготовленная для издания книга была отклонена издательствами, но его стихи публиковались в эмигрантских журналах «Грани», «Новом журнале», а также в альманахе «Воздушные пути». В 1965 году в Нью-Йорке вышел составленный

без участия поэта сборник «Стихотворения и поэмы». Первый сборник «Остановка в пустыне», составленный самим поэтом и изданный в Нью-Йорке в 1970 году, стал итоговым для раннего творчества Бродского.

Тягостная обстановка, сложившаяся вокруг Бродского из-за его зарубежных публикаций, вынудила его летом 1972 года эмигрировать в США. Живя в Нью-Йорке, он пишет стихи, прозу на английском и русском языках, преподает поэзию в различных американских университетах: Мичиганском, Колумбийском, Нью-Йоркском.

В эмиграции Бродский опубликовал сборники стихов «Часть речи», «Конец Прекрасной эпохи», «Римские элегии», «Новые стансы к Августе», «Урания», пьесу «Мрамор».

В биографическом плане интересна книга «Новые стансы к Августе», состоящая из 60 стихотворений и имеющая подзаголовок «Стихи к М. Б., 1962–1982». В течение двадцати лет одна и та же женщина была адресатом любовной лирики поэта – случай достаточно редкий в истории русской поэзии.

Большой резонанс среди литературной общественности вызвал сборник эссе «Меньше чем единица», признанный в 1986 году лучшей литературно-критической книгой США.

В 1987 году Иосиф Бродский был удостоен Нобелевской премии по литературе. В своей речи при вручении награды он говорил о своем понимании сущности поэта и поэзии: «Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение – колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадают в зависимость от наркотиков и алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом».

Прагматичная Америка тоже признала талант русского поэта: в 1991 году Иосиф Бродский занял должность поэта-лауреата при библиотеке Конгресса США.

Вспоминая о прожитых годах в России, Бродский как-то заметил: «На моей родине гражданин может быть только рабом или врагом. Я не был ни тем, ни другим. Так как власти не знали, что делать с этой третьей категорией, они меня выслали». Для него была важна духовная связь с родиной. Как реликвию хранил он галстук Бориса Пастернака, хотел даже надеть на вручение Нобелевской премии, но не позволяли правила протокола. Тем не менее Бродский все-таки пришел с галстуком Пастернака в кармане.

После перестройки Бродского не раз приглашали в Россию,

но он так ни разу и не приехал на родину, которая его отвергла. «Нельзя войти в одну реку дважды, даже если это Нева», – сказал он. А в одном из интервью поэт уточнил свою позицию: «Я не хочу видеть, во что превратился тот город Ленинград, где я родился, не хочу видеть вывески на английском, не хочу возвращаться в страну, в которой я жил и которой больше нет. Знаете, когда тебя выкидывают из страны – это одно, с этим приходится смириться, но когда твое Отечество перестает существовать – это сводит с ума».

Будучи открытым в общении с друзьями и собратьями по перу, Бродский, тем не менее, тщательно скрывал от посторонних подробности своей личной жизни. Известно только, что в сентябре 1990 года состоялось его бракосочетание с Марией Содзони, итальянкой русского происхождения из старинного дворянского рода. В июне 1993 года у них родилась дочь, которую назвали Анной в честь Ахматовой.

Казалось, слава и семейное благополучие станут источником новой энергии поэта, но годы мытарств, моральные травмы, разрыв с родиной не могли не сказаться на здоровье Бродского. В 1990-х годах он перенес три операции на сердце, а от четвертой, как говорили друзья, отказался. Это был тот случай, когда разум уже ничем не мог помочь телу.

Иосиф Бродский скончался в ночь с 27 на 28 января 1996 года от сердечного приступа в своем доме в Нью-Йорке. Умер во сне, как умирают праведники, считают в народе. Согласно желанию поэта его прах захоронен в Венеции на кладбище Сан-Микеле.

Бродский словно предвидел свою судьбу, написав за несколько лет до своей смерти: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я». То, что его пророчество сбылось, удивляет мало – поэтам, видимо, такой дар дан свыше. Важнее то, что Бродский стал последним в ряду русских гениев, имеющих право на подобные пророчества.

ВАЙНЕР АРКАДИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

ВАЙНЕР ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1931 г. – ум. в 2005 г.)

Аркадий Вайнер

(род. в 1938 г.)

Георгий Вайнер

Советские писатели детективного жанра, сценаристы. Сочинения: «Часы для мистера Келли» (1967 г.), «Ощупью в полдень» (1968 г.), «Я, следователь» (1970 г.), «Визит к Минотавру» (1972 г.), «Эра милосердия» (1976 г.), «Петля и камень в зеленой траве», «Евангелие от палача», «Умножающий печаль» (2000 г.), «Райский сад дьявола» (2003 г.) и др. Сценарии: «Ночной визит» (1974 г.), «Свидетельство о бедности» (1977 г.), «Лекарство против страха» (1978 г.), «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.), «Город принял» (1979 г.), «Гонки по вертикали» (1983 г.), «Потерпевшие претензий не имеют» (1986 г.), «Вход в лабиринт» (1989 г.), «Нелюдь, или В раю запрещена охота» (1990 г.) и др. Лауреаты премий Союза писателей СССР и МВД СССР.

По роману А. и Г. Вайнеров «Эра милосердия» был поставлен один из самых популярных отечественных фильмов – «Место встречи изменить нельзя». Всего же на их творческом счету 22 фильма, 152 книги, выпущенные в разных странах общим тиражом более одного миллиона, а также театральные пьесы.

Старший из братьев, Аркадий Александрович, родился 13

января 1931 года в Москве. Как он говорил в одном из интервью: «Мы с братом выросли в нормальной советской семье. Отец был шофером, механиком. В анкетах он писал о своем образовании: “Один класс”, и слегка лукавил. Я не встречал человека мудрее. Все те заповеди, каноны, нормы нравственности, которыми мы дорожим по сей день, – от него. Мама была учительницей. Она вслух читала наши романы отцу, и для нас главным было не то, что нас знали в 43 странах мира, а понравится ли ему то, что мы сочинили».

А первое свое произведение Аркаша написал в детстве. Как он сам говорил: «Окрыленный своим творением, на свой день рождения я поставил табуретку перед своими родственниками и стал читать. Двоюродный брат, который учился тогда в девятом классе, сказал, что эта сказка прекрасна и была бы еще прекрасней, если бы ее не написал Аксаков. Мое произведение на самом деле оказалось вольным изложением сказки “Аленький цветочек”. Но я же тогда еще не знал, что существует такое понятие, как плагиат. Я громко рыдал и поклялся, что никогда моей ноги в литературе не будет. Но клятву я нарушил».

Окончив школу с золотой медалью, Аркадий поступил в Московский авиационный институт (МАИ), а после первого курса перешел на юридический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. После выпуска работал адвокатом, затем следователем в 21-м отделении милиции г. Москвы, дослужился до должности начальника следственного отдела Московского уголовного розыска (МУР).

Младший из братьев Вайнеров, Георгий Александрович, родился 10 февраля 1938 года в Москве. По образованию – юрист, учился в одной группе с будущим писателем Николаем Леоновым. Работал электромехаником, техником, инженером, был журналистом в многотиражной печати. Впоследствии стал специальным корреспондентом ТАСС.

В 1967 году вышла первая детективная повесть Георгия и Аркадия Вайнеров «Часы для мистера Келли», через год – «Ощупью в полдень». А начиналась их литературная деятельность так.

«Я был дежурным следователем, когда прозвучал вызов на Сретенку, где в квартире был обнаружен труп старика, – вспоминал Аркадий Александрович. – В убогой обстановке обычной московской квартиры наш эксперт обнаружил в стене деньги, валюту, драгоценности… И там же – стеклянный пузырек из-под валокордина, в котором поместилось множество крохотных металлических деталей. Потом мы узнали, что называются они аксами, служат основанием баланса часового

механизма и стоят дороже бриллиантов. А было их в том пузырьке около десяти тысяч штук. Откуда у нищего старика это сокровище? Стало ясно, что убийцы шли по наводке, но в отличие от нашего эксперта Кости Воронцова, не сумели найти клад.

Однажды наш с братом общий приятель-журналист сказал, что вместо того, чтобы рассказывать все ваши басни во время застолья с водкой, вы просто напишите это на бумаге, страниц восемь, и пообещал хороший гонорар – 400 рублей. Практически два моих оклада… И мы согласились. И написали. Правда, не рассказ, а роман на 600 страниц, но он понравился и стал нашей первой книгой “Часы для мистера Келли”».

Потом были другие книги и сценарии к фильмам, в частности знаменитая кинолента «Место встречи изменить нельзя», по «Эре милосердия». В связи с ней писателей часто спрашивали, мол, как вы, трезво мыслящие люди, могли допустить такой ляпсус – пообещать наступление эры милосердия через 20 лет?

«При этом как-то никто не вспоминает, что разговор идет между Шараповым и Варей в 1945 году, – отвечал Аркадий Александрович. – А роман написан в 1975 году, когда мы, и авторы и читатели, прекрасно знали, что ничто не искоренилось и вряд ли искоренится. Нам важно было показать наших героев – романтических идеалистов, которые не хотели понимать, что преступность зародилась в Эдемском саду, когда по предварительному сговору Евы со Змием была совершена первая кража. И с тех пор она только нарастает. Кроме, может, Швеции, где так хорошо жить и так прекрасно работают органы, что на городской тюрьме поднимают флаг, когда в ней появляется хотя бы один преступник. Тогда у начальника тюрьмы праздник».

В 2004 году Аркадий Александрович сообщил общественности, что планируется продолжение сериала «Место встречи изменить нельзя». От фильма 1979 года остались некоторые неиспользованные прижизненные съемки В. Высоцкого, поэтому Глеб Жеглов появится на экране в начале первой серии и погибнет, потому что его предаст коллега. Остальной сериал будет посвящен раскрытию этого преступления.

Любовь к Михоэлсу побудила братьев написать роман «Петля и камень в зеленой траве», в основу которого была положена трагическая судьба замечательного режиссера и актера Михоэлса – его жизнь и его гибель.

«Я его знал с младенческих, можно сказать, лет как посетитель ГОСЕТа, еврейского театра на Малой Бронной в Москве, где я бывал почти каждый день школьником, – говорил в одном из интервью Аркадий Александрович. – Спектакли шли на

идиш, который я, к счастью, знаю. Я знал наизусть все спектакли и переводил своим друзьям. Когда я стал студентом, увы, уже такой возможности не оказалось, потому что его убили и театр разогнали.

При советской цензуре быть свободным писателем исключалось. У нас с братом было множество идей, мы хотели писать правду о нюансах жизни людей в СССР, но многое не разрешалось. Поэтому мы приняли решение: половину своего времени посвятить зарабатыванию денег, а вторую – написанию романов для души. Мы разъезжали и выступали в разных городах страны, тем самым ухитрялись заработать на хлеб, правда без черной икры. А в свободное от поездок время секретным образом создавали роман «Петля и камень», посвященный теме преследования евреев в Советском Союзе. Наша деятельность заслуживала, по крайней мере, пять – семь лет лагерей. Мы располагали секретными сведениями, хотя никогда не переступали порог этого учреждения. Просто у нас было много знакомых среди бывших работников КГБ, пострадавших от этой организации, и влиятельных адвокатов. Таким образом, роман с каждой страницей приобретал антисоветский накал. Дома мы с Жорой никогда не держали более трех страниц, а хранили все в разных местах. Тогда мы сами превратились в своих же персонажей. Но зато мы впервые в жизни писали без внутренней цензуры, которая жила в каждом советском литераторе. И уже потом мы стали писать “Евангелие палача” о “Деле врачей-убийц”. Это – книги о том, как в СССР должен был произойти еврейский Холокост, по масштабам соотносимый с гитлеровским.

Нас постоянно спрашивают – как вы пишете вдвоем? – продолжал старший из братьев Вайнеров. – Да очень просто. Сначала мы решаем, о чем будем писать. Потом составляем примерный план, разбиваем его на главы и решаем, кто какую будет писать. Если про войну– значит, Георгий, если про любовь – я. А потом, когда каждый напишет те главы, которые выбрал, мы снова заглядываем в план и смотрим, что осталось. И чаще всего оказывается, что главы, которые изначально никто из нас не выбрал, просто не нужны».

По поводу творческих планов Аркадий Александрович говорил: «Надеюсь, что следующая книга выйдет в конце 2005 года. Она создана в соавторстве с моим младшим братом Георгием, посвящена истории очень почтенной московской семьи – своего рода Сага о Форсайтах. Мы прослеживаем ее историю от 1913 года до сегодняшних дней. Один потомок тех славных предков служит в уголовном розыске, а другой возглавляет мафию».

Еще знаменитого писателя спрашивали, мол, не возникала ли у вас мысль уехать жить за границу?

«Был такой период, еще при советской власти, когда мы с Георгием думали, что будет лучше для нас, наших близких и для нашего творчества жить и работать в другой стране, – поделился мыслями старший из Вайнеров. – Но когда навели справки, поняли, что советская власть скорей сгноит нас, чем выпустит. Ведь мы с братом имели видное положение. Георгий был специальным корреспондентом ТАСС, и я тоже имел соответствующие звания и чины. В то время мы были уже авторами как литературных, так и кинематографических произведений. Поэтому СССР посчитало бы наш выезд предательством, и мы предпочли тихо сидеть. Писали про милицию, выбирали интересные истории и персонажи, людей честных, которые служили в органах не по принуждению, а по призванию. Все наши романы реалистичны, но вместе с тем свободны от насилия. Несмотря на трудности, наши книги издавались, а фильмы снимались».

Что касается семьи, на эти вопросы знаменитый автор детективов отвечал следующее:

«Будущая моя жена, Соня Дарьялова, была студенткой мединститута. Но нам всегда было о чем поговорить, и наши вкусы во многом совпадали. Первым с нею познакомился мой отец. Случайно. Он просто увидел в магазине красивую блондинку и попросил у нее номер ее телефона. А она возмутилась и сказала ему: “Вы же пожилой человек! Как вам не стыдно!” А отец объяснил, что просит телефон не для себя, а для сына. Но она все равно не дала номер и ушла. Но он все-таки как-то узнал ее телефон и настоял, чтобы я с нею познакомился. Я встретился с ней, а через неделю мы уже поженились.

В первый день знакомства она вскользь спросила, кем я работаю, я также “вскользь” ответил, что я – директор комиссионного магазина. Но, когда пришел к ней на день рождения, а заодно и знакомиться с ее родителями, они сильно засомневались, что я директор магазина, увидев у меня пистолет в кобуре – подумали, что я налетчик. Впрочем, для отца моей невесты милиционер был не лучше чем налетчик, поскольку он пострадал от милиции».

Софья Львовна Дарьялова стала врачом-онкологом, профессором, доктором медицинских наук, лауреатом Государственной премии, заслуженным врачом России.

Дочь Вайнера – Наталья – специально взяла фамилию мамы – Дарьялова. В юности она стала сочинять рассказы и носить их по издательствам. Ее принцип был таков, чтобы ее принимали в

редакциях не по знаменитой фамилии отца – Вайнер, а по качеству литературного материала. И она своего добилась – пишет романы, публикует. Затем она с отцом основала телеканал «Дарьял-ТВ» («ДТВ»), потом уехала в США.

20 апреля 2005 года в московском кинотеатре «Космос» Аркадий Александрович Вайнер открывал Международный фестиваль детективного кино, где был президентом. А в ночь с 24 на 25 апреля того же года он скоропостижно скончался и был похоронен на Востряковском кладбище столицы.

Младший из братьев Вайнеров, Георгий Александрович, в 1990 году уехал в США, где был обозревателем, а затем два года – главным редактором газеты «Новое русское слово». Он много раз пересекал океан и прилетал в Москву к старшему брату, Аркадию, для продолжения совместного творчества. В 2000 году в России была опубликована книга Вайнеров «Умножающий печаль», а спустя три года вышло ее продолжение «Райский сад дьявола». События в ней разворачиваются в час пик – грозный для всех россиян день дефолта 17 августа 1998 года. В этот день сошлись судьбы современных русских олигархов, матерых ментов, веселых уголовников, олимпийских чемпионов и… евреев.

– Быть евреем – это наказание или награда? – спросила Георгия Александровича израильская журналистка летом 2004 года.

– Я думаю – это не наказание и не награда, а высокая и трудная честь, – ответил знаменитый мастер детективного жанра. – Потому что каждый еврей евреем считается не по крови, с моей точки зрения, не по месту проживания, а от своего осознания, что он еврей – от Моисея и до сегодняшних дней. Это большая честь. Это – избранничество.

Существует промысел Господень. Никто, как евреи, не имели и не имеют столько тягот и сложностей в своей судьбе. И для преодоления всех этих испытаний в течение нескольких тысячелетий существования с Торой Господь снабдил евреев большими талантами. При этом их еврейское избранничество не дает им никаких преимуществ, оно дает им только обязательства.

Недавно Георгий Александрович благодаря своим связям получил доступ к секретным файлам Интерпола. «Я был в очень хороших взаимоотношениях с генсекретарем Интерпола. Мы с ним хотели снять огромную, 50-серийную документальную картину о деятельности Интерпола. Но грянул дефолт 1998 года, и все собранные на картину деньги сгорели. А потом мне уже начинать как-то не было сил».

На вопрос о жене и детях знаменитый писатель ответил израильской журналистке: «Лучшей жены, чем у меня, не бывает.

А познакомились мы в лесу. Она каталась на лыжах, упала и сломала ногу. Я решил, что не могу ее бросить, лучше подберу. И вот, недавно отметили 35 лет, как мы совместно мучаемся.

Старший сын – кардиохирург, работает в Техасе. Младший сын, переехавший в Израиль, – системный программист, а дочка – компьютерный веб-дизайнер».

Себя Георгий Александрович считает лентяем, обжорой и выпивохой, обожает всякого рода гулянки, девушек, шумную, яркую светскую жизнь. «Но так же я люблю лежать на диване, – продолжал он. – Моя жена на вопрос интервьюеров, чем занимается всегда ее муж, говорит, что пять рабочих дней в неделю он лежит на диване и говорит, что думает, а в уик-энд он просто лежит на диване».

На вопрос о наступлении эры милосердия младший из братьев Вайнеров ответил так:

«Думаю, она не придет раньше, чем мы к ней будем готовы. Вот когда мы станем жить не по блатным понятиям, а по законам Божьего разумения, наступит та самая эра. Все-таки светлых начал в жизни больше. Иначе мир давно бы рухнул. Но человек ориентирован на благо, счастье, радость, взаимное уважение. И, несмотря на все искушения и ужасные обстоятельства нашей жизни, добра в людях всегда будет больше, чем зла. И эра милосердия все-таки когда-нибудь обязательно наступит».

ВОЛЧЕК ГАЛИНА БОРИСОВНА

(род. в 1933 г.)

Известная актриса, режиссер, художественный руководитель и главный режиссер московского театра «Современник». Народная артистка СССР (1989 г.), лауреат Государственной премии. Первый советский режиссер, приглашенный в США для постановки спектакля «Эшелон» М. Рощина (1978 г.). Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени за выдающийся вклад в развитие театрального искусства. Постановки: «Обыкновенная история» (1966 г.), «Эшелон» (1975 г.), «Крутой маршрут» (1989 г.) и др.

Галина Волчек принадлежит к тем женщинам, которые удивительным образом сочетают в себе жесткие принципы лидера с обаянием и изысканным шармом. После ухода во МХАТ Олега Ефремова, легендарного создателя «Современника», на ее плечи легла ответственность за театр – гордость шестидесятников, глоток свободы нашей недавней истории. С тех пор она живет

только жизнью «Современника». Олег Ефремов возглавлял его четырнадцать лет, Галина Волчек руководит больше тридцати. Сейчас в этом смысле в Москве с ней сопоставимы лишь Ю. Любимов в театре «На Таганке» и В. Андреев в Ермоловском театре. «Я считаю себя счастливым человеком, хотя прожила очень непростую жизнь, и в театре тоже. Но я прожила ее в одном доме. То есть я работала и в других театрах как гость-режиссер, но жизни в другом театре я никогда не знала. Может быть, где-то лучше. Но я прожила жизнь здесь – все невзгоды, все радости, все плохое и хорошее я прожила в своем доме», – говорит Галина Борисовна.

Родилась Галина Волчек в кинематографической семье. Ее отец, знаменитый кинооператор Борис Израилевич Волчек, известен работой над фильмами Ромма «Пышка» и «Ленин в Октябре». Кино было для маленькой Гали бытом, ежедневной реальностью, в которой она выросла. Термины «кадр» и «крупный план» она слышала с утра до ночи. Известнейшие на всю страну актеры были для нее «родными, дергавшими за косички людьми». «Дядя Боря Чирков обещал, когда кончится война, сводить меня в московский зоопарк. Дядя Миша Жаров, у которого не было своих детей, водил меня за ручку на прогулки вместе с тетей Люсей Целиковской. Я уже не говорю про Роммов, в доме которых я просто выросла», – вспоминает Г. Волчек. Но самым близким человеком для нее был отец. «У меня с папой была интенсивная внутренняя связь, – рассказывает Г. Волчек. – Это был замечательный человек, я не понимала это взрослым сознанием – его еще не было, а было лишь интенсивное ощущение и, главное, восторг, которого я сформулировать тогда и не могла… Я очень любила мать, но я папина дочка. Мой отец был уникальным человеком – очень добрым, простым, без всякого гонора. Со своими учениками-вгиковцами отец обращался, как с собственными детьми». Мама Г. Волчек, по воспоминаниям тех, кто ее знал, была замечательной женщиной, но ее отличало «абсолютно авторитарное отношение и к жизни, и к людям». «Мама, которую я, безусловно, люблю, не была мне так близка, как это обычно бывает. Мы с ней просто разные люди. Ей почему-то казалось, что ребенка надо воспитывать в строгости. Я испытала на себе все ее правила: нельзя ходить в капроне, нельзя плохо учиться, нельзя поздно приходить домой. Все это, конечно, рождало во мне чувство протеста, с которым я и прожила всю жизнь. До сих пор на некоторые вещи могу отреагировать не просто резко, а даже глупо и неоправданно», – вспоминает Волчек.

Когда Гале было 13 лет, ее родители развелись. По

собственному решению она осталась жить с отцом. Это был ее первый серьезный жизненный выбор. Помимо отца Галину воспитывала няня, которая была ей ближе мамы. Она же вынянчила и сына Галины Волчек и Евгения Евстигнеева, Дениса, впоследствии ставшего известным кинооператором и кинорежиссером, снявшим фильмы «Лимита» и «Мама».

Борис Волчек всегда хотел, чтобы дочь поступила в Литературный институт, но она с детства мечтала стать актрисой, хотя стремление это всегда таила в себе. «Я очень стеснялась своей мечты и никогда никому не рассказывала об этом. Когда моя строгая мама выходила из комнаты, где я занималась уроками, я из-под учебника вытаскивала спрятанного Чехова. А папа был так занят съемками, что ничего не знал», – вспоминает Волчек. Повзрослев, Галина не изменила своей детской мечте и поступила в школу-студию МХАТ. На своем сильном курсе (рядом учились И. Кваша, Л. Броневой) она считалась самой способной. Педагоги ценили ее раннее мастерство, своеобразную природу драматического актерского таланта – «на грани гротеска». В годы учебы Галина просто бредила МХАТом – тем, легенды которого еще были живы. Едва ли она подозревала тогда, что через год после окончания Школы-студии МХАТ судьба предложит ей стать одной из создательниц новой легенды – театра «Современник», который будет символом «оттепели» 1960-х годов. Едва ли Галина Волчек осознавала тогда и то, что, став у истоков новорожденного театра, совершает свой второй и определяющий жизненный выбор. Здесь, в «Современнике», пройдет вся ее жизнь. Здесь она сыграет свою первую роль Нюрки-хлеборезки в спектакле «Вечно живые». Здесь поставит «Двое на качелях», «Обыкновенную историю», «На дне», «Три сестры», «Вишневый сад», «Крутой маршрут». Здесь станет народной артисткой СССР. И этот театр возглавит после того, как уйдет во МХАТ О. Ефремов.

Среди блестящего ансамбля раннего «Современника» Галина Волчек выделялась не только яркими актерскими способностями, но и явным характером лидера. Какой-то чиновник того времени среди прочих укоров «Современнику» однажды высказал Олегу Ефремову: «Вообще, Олег, у тебя там сплошные евреи. Есть одна настоящая русская баба – Галя Волчек».

Когда в 1970 году Ефремов объявил о своем уходе, труппа «Современника» пережила настоящий шок из-за потери руководителя. А перед «настоящей русской бабой» Волчек снова встал вопрос выбора: уйти за Ефремовым или оставаться в «Современнике». Она осталась и через два года стала руководителем театра. Волчек не пошла за Ефремовым, несмотря на то, что тот всегда был и остается для нее единственным

Учителем. «Остальные на меня влияли. И Товстоногов, и Вайда, и Феллини, который, я думаю, на всех влиял. Но Учитель был один – Ефремов. Он был и остается моим учителем, человеком, создавшим не только этот дом под названием “Современник”, но и всех нас, его “жителей”. Он бывал жестким, даже жестоким, частенько использовал ненормативную лексику. Но я не могла ни гневаться, ни обижаться на него. Обычно это бывал секундный укол в сердце, а уже следующая мысль: да нет, это не Ефремов, это кто-то вместо него… В “Крутом маршруте”, который я ставила, есть персонаж – маленькая Аня. Ей уже дали срок, она сидит в тюрьме, но по-прежнему считает: нет, это не Сталин, это другие… так же, видимо, думала и я. Ему я прощала и простила все», – говорит Г. Волчек. Она не пошла за своим Учителем, может быть, потому, что, по ее словам, главное, что она ценит в людях, – это дар верности: верности слову, верности долгу, верности делу: «Верность я ценю больше всего и избегаю людей, способных к предательству, не важно, в чем оно выражается».

Волчек никогда не скрывала, что перемена судьбы, обрушившаяся на нее после ухода О. Ефремова, надолго лишила ее счастья. «На свете счастья нет, но есть покой и воля», – так вослед Пушкину могла бы сказать о себе Волчек. Когда судьба распорядилась так, что Ефремов ушел, осиротевшим «современниковцам» казалось, что под ними рухнула земля. «Сейчас-то это вспоминают как какое-то далекое темное пятно – с оттенком грустного пафоса. А на самом деле это была большая беда. Кто такие были мы в 1970 году? Да, мы 14 лет просуществовали в любви зрителя, в поглаживании по головке критиками – мол, какие молодые и задорные… Но с Ефремовым ушли все драматурги, постепенно стали уходить артисты. Поэтому, сколько бы мы ни ссорились за эту жизнь с Игорем Квашой и Лилей Толмачевой, но в экстремальные моменты я им – думаю, так же, как они мне, – готова простить все. Потому что только мы остались из тех, кто был в “Современнике” с первого дня», – с горечью рассказывает Г. Волчек.

Боль множилась много раз, когда Ефремов стал уводить за собой ведущих артистов «Современника»: Мягкова, Вознесенскую, Лаврову, Вертинскую, Табакова… Казалось, театр полностью обескровлен…. Но Волчек сумела заново вдохнуть в свой театр жизнь. Сначала она угадала в маленькой девочке, потрясающе сыгравшей в спектакле А. Эфроса «Турбаза» на сцене Театра Моссовета – в М. Нееловой, ту актрису, которая определит существование театра в последние тридцать лет. В следующем поколении Волчек открыла М. Хазову и Е. Яковлеву, потом Ч. Хаматову и П. Рашкину. Мудрая Волчек и сегодня продолжает

формировать труппу. Огромная воля созидания театра пронизывает всю ее деятельность. И еще преданность идее и какая-то особая ответственность за все, чем она занимается. Именно благодаря своей «гипертрофированной» ответственности, Волчек с ее максимализмом и, как считают многие, нелегким характером сумела столько лет продержаться в театральной сфере. «Чувство ответственности у меня ненормальное. Завышенное, – говорит актриса. – Свою театральную судьбу я оплатила своим здоровьем. Правда, я должна честно сказать, что для меня самые страшные стрессы – это не когда нападают извне, а когда внутри театра что-то начинает разрушаться». Театр – сложный механизм, и внутри него происходят разные, не всегда приятные вещи. Волчек очень переживает, что театр для артистов сегодня перестал быть главным делом их жизни. Первостепенным стало зарабатывание денег, т. е. съемки в сериалах и телешоу. Волчек не ханжа и понимает, что жить трудно, но чтобы продолжать любить своих актеров, она никогда не смотрит ни одного сериала, ни одной передачи с их участием. «Я не хочу их видеть в таком качестве», – говорит она, предпочитая видеть своих подопечных на родной сцене. «Современник» – «звездный» театр, в который идут «на Неелову», «на Квашу», «на Яковлеву», «на Гафта». Сама Волчек слово «звезда» не любит и тех, кто действительно заслуживает почестей, называет «талантливыми артистами»: «Слово “звезда” в нашей стране слышать уже невозможно. Титулы “великий”, “выдающийся”, “звезда” присваивают себе кто ни попадя, лепят их себе, как турецкие гостиницы – звезды. Артисты же “Современника” настолько замечательные, что мне не хотелось бы называть их растиражированными словами». К своим актерам у нее особые чувства. В этом отношении показательны слова О. Табакова, который сказал: «Она – единственный в моей жизни режиссер, который остановил работу над спектаклем, где я был занят как актер. Остановила репетиции, потому что я перенес инфаркт. И возобновила она работу только тогда, когда я после инфаркта оправился. Мне было двадцать девять лет. Это был поступок, который, конечно, аналогов не имеет».

Галина Волчек – не просто режиссер, она созидатель, строитель «Современника». Так, после яркой и вызвавшей много споров версии «Марии Стюарт» в постановке известного литовского режиссера Р. Туминаса Волчек приглашает для работы в свой театр двух молодых режиссеров – К. Серебренникова и Н. Чусову, которые на целый сезон превращают «Современник» в самый востребованный театр Москвы. Потом Чусова ставит на сцене «Современника» необычную «Грозу», и кажется, что

чусовское «хулиганство» Волчек по душе. Ей нравится приглашать самых разнообразных режиссеров, и география для нее – не ограничение. Вслед за Чусовой к репетициям «Бесов» приступил давний друг Г. Волчек, выдающийся польский режиссер театра и кино А. Вайда. «Я без конца ищу молодую режиссуру не потому, что мне хочется в этом быть впереди планеты всей. Я ищу ее с тех пор, как стала руководителем театра, потому что считаю, что театр, в который не вливаются молодая кровь и идеи молодых, не может не превратиться в музей. Он может быть живым только в борьбе противоположностей, только в соединении “если бы молодость знала, если бы старость могла”». С какой смелостью и решительностью, пренебрегая неприязнью и многолетней предубежденностью театральной среды, Галина Волчек строит свой театр! Вот эта способность движения, сохранения ядра «Современника», привлечение ярких режиссеров говорит еще об одном качестве Волчек – о ее даре художественного руководства, который позволяет «Современнику» быть тем, чем он есть: не только явлением первых пятнадцати лет при Ефремове, но и последующих тридцати с лишним – при Г. Б. Волчек.

Судьба «Современника», как и судьба его руководителя, никогда не была легкой. С того самого момента, как ушел во МХАТ Ефремов, критики стали наперебой предрекать театру скорую смерть. Даром, что театр выпустил «Валентина и Валентину», «Балалайкина и К°», «Эшелон», «Двенадцатую ночь», цикл чеховских спектаклей, эти «оракулы» не умолкают и сегодня, выматывая душу театрального коллектива. «Критика в лице некоторых своих “влиятельных представителей” вот уже более тридцати лет заколачивает наш театр в гроб. Трудно работать под такой аккомпанемент», – говорит Волчек. Ее родной театр переживал разные времена, но всегда Галина Волчек принимала его судьбу как собственную: радуясь и печалясь, поддаваясь собственным слабостям и не изменяя собственной силе. Так, словно выполняя высокую миссию. А театр для Г. Волчек всегда был и остался именно миссией. Поколению, росшему вместе с «Современником», повезло. Задуманный и созданный как протест против официального искусства, возникший с претензией стать властителем дум, театр эту власть выстрадал, укрепляя ее на протяжении долгих десятилетий. В былые времена театру приходилось бороться за выпуск каждого спектакля. На сдачу «Эшелона», «Провинциальных анекдотов», «Восхождения на Фудзияму» комиссия приходила по пятнадцать раз, это был рекорд, не сравнимый с тремя попытками в спорте. Галина Борисовна тогда с горечью пошутила, что чиновники изобрели новый вид спорта: «Каждый раз мы боролись за выпуск

спектаклей. На это уходило полжизни». Когда же само понятие «властитель дум» утратило свою целостность, Волчек осталась едва ли не единственной, кто пытался всеми силами эту власть над умами удержать. Свидетельство тому – ее спектакли: «Обыкновенная история», «На дне», затем «Крутой поворот», «Три товарища». Все они стали подлинными событиями в истории русского театра.

Режиссура – неженская профессия. Недаром слово «режиссер» мужского рода – это вполне естественно. Но Галина Волчек всей своей жизнью доказывает, что женщина-режиссер ни в чем не уступает мужчине. С улыбкой она вспоминает: «В моей далекой молодости замечательная актриса Вера Петровна Марецкая, встретив меня в доме отдыха в Рузе, спросила: ”Галя! Мне сказали, ты собираешься заниматься режиссурой. Неужели ты будешь всю жизнь ходить в мужском костюме и с портфелем под мышкой?” Таков был стереотип профессии режиссера, которого я, видимо, подсознательно ужасно боялась. И я пообещала Вере Петровне, что к каждой премьере я буду шить новое платье и никогда не надену мужской костюм и не возьму портфель». На основе своего профессионального и жизненного опыта Волчек вывела формулу профессии, в которой ей постоянно приходится доказывать свою индивидуальность: «Режиссер соединяет в себе и психолога, и психотерапевта, и экстрасенса, и гипнотизера. Энергетика, которой мы способны заразить партнера, не основывается только на интеллекте. Гениально рассказывая и рассуждая, вы достигнете проникновения только в рациональный “этаж” артиста. Не пробьетесь к его природе, к импульсам, к внутреннему темпераменту. Эйзенштейн гениально назвал кинорежиссера “вулканом, извергающим вату”».

Волчек – одна из тех немногих театральных режиссеров, которых узнают на улицах. Взрослые всех поколений смотрели фильм с ее участием «Осенний марафон», а дети – «Красную Шапочку», где Волчек сыграла Волчицу. Роли не очень большие, но Волчек, актриса широчайшего диапазона, всегда могла даже незначительную эпизодическую роль возвести до уровня символа. Сама же она вспоминать о своей «актерской составляющей» не желает категорически. «Все! Победила до конца, нет во мне актерского сознания! И никакой борьбы не было, я ничего для этого не делала. Так сложилось. Когда мне сейчас говорят: “Сыграйте эту роль, она прямо для вас!” – я удивляюсь: какие идиоты, да я этих ролей играю в год по сто штук. Каждую роль, которую играют артисты в моих спектаклях, я играю с ними. Так я работаю, в этом моя природа режиссерская…. Может быть, поэтому у меня актерство не осталось занозой», – говорит Волчек.

Всю свою жизнь она посвятила театру, на семью времени у нее почти не хватало. «Всей моей жизнью я подвела себя к тому, что семья для меня стала невозможной. Это естественное состояние человека, который продался в рабство театру. Театр перемолол меня в своей мясорубке настолько, что соединить его с чем-то еще было бы неестественно. И это было предопределено мне судьбой, я в этом убеждена». Первый муж Г. Волчек, гениальный, стихийно одаренный актер Е. Евстигнеев – отдельная глава ее воспоминаний: «Он был славный человек, Женя. Необычайный талант, стихия, человек-планета. Когда я, девочка из благополучной профессорской семьи, сказала, что выхожу за него замуж и привела в дом, грянул гром. На фоне моих преуспевающих ухажеров из МГИМо человек в лиловом бостоновом костюме, справленном на вырост, с длинными рукавами, в трикотажной рубашке-бобочке и крепдешиновом галстуке поверх нее, смотрелся невероятно. У него был один длинный ноготь на мизинце, выражавший его представления о шике и интеллигентности… Так в его понимании должен был выглядеть настоящий столичный лев». Вопреки всеобщему мнению Галина вышла за Евстигнеева замуж. Они часто работали вместе, как актер и режиссер, сделали множество ролей. У Евстигнеева всегда было много поклонниц, и однажды Волчек, услышав очередные сплетни о новом увлечении своего мужа, не выдержала и подала на развод. «Я не умею быть второй. И даже первой не умею. Только единственной, – говорит актриса. – У нас были удивительно теплые с Женей отношения. Через, наверное, 25 лет, как мы с ним расстались, незадолго уже до смерти, он вдруг стал мне говорить, как я ему жизнь разрушила, какая я максималистка. И что со своим максимализмом не могла простить что-то, а должна была».

Вторым ее мужем стал М. Абелев, профессор строительного вуза. Сам он говорит о своем браке с актрисой так: «Я прожил с ней десять почти лет, и эти все десять лет были совершенно разные. Трудно было знать, что тебя ждет. Галя многослойная, она большая. Как кочан капусты – один листочек, другой листочек. Все видят только верхнюю пару листков, и, только прожив с ней много лет, можно понять, насколько это большая и интересная личность. Она очень женщина, во всем, в пластике, в разговоре, в том, как она одевается. Яне знаю, почему мы с Галиной расстались. Наверное, наступил такой период, когда я как личность перестал ей быть интересным». О третьем гражданском муже Волчек известно немного. Говорят, он был человеком высокообразованным, занимал большой государственный пост. 10-летняя история их взаимоотношений

закончилась разрывом.

Последние годы Галина Волчек живет одна, ее дом, ее семья – это «Современник». Когда Волчек спросили, что бы она пожелала своему театру, она ответила: «Только одного – чтобы “Современник” был живым до конца. Хочу, чтобы нашлись продолжатели и не позволили растащить театр по разным антрепризам. Для меня самым большим комплиментом было сказанное однажды Зиновием Гердтом: “Есть два места, где никогда не обманывают. Это Консерватория и “Современник”. Пожалуй, это самое ценное в нашем театре – то, что мы никогда не врали. Даже когда не могли сказать всю правду до конца, не обманывали никогда. Люди доверяют “Современнику”. И большей награды не надо».

Как истинного профессионала, Волчек волнует судьба не только родного «Современника», но и русского театра вообще. Увы, прогнозы ее ужасающие: «Сегодня театр – лишь одно из развлечений. С тех пор как в 16 лет попала в студию, я живу под аккомпанемент слов о театральном кризисе. Но его никогда не было. Это вам говорю я, человек, проживший в театре длинную жизнь. А вот сегодня кризис действительно наступил, причем очень глубокий. То, что сейчас происходит, – агонистические судороги. Театр гибнет. Это выражается во всем! В отношении к театру, в количестве вранья вокруг него. Антрепризы испортили зрителю вкус, растлили мозги… Театр умрет обязательно…Не “Современник”, а вообще театр, в том понимании, в котором мы его застали. Пройдет много времени, потраченного на всякую пустоту и ерунду, которую будут называть театром, а потом… на этом пепелище будет какой-нибудь художественный бунт, из которого родится настоящий театр… Однако каким он будет, я не знаю».

На протяжении долгих десятилетий Галина Волчек при своем твердом характере и мужской профессии вершит исконно женское дело – она хранит огонь в очаге, имя которому «Современник». Пламя горит порой неровно, то вспыхивая, то рассыпаясь искрами, но огонь не угасает. Его хранительница Галина Волчек – счастливый человек. Она счастлива, потому что у нее есть сын, были и есть друзья – Г. А. Товстоногов, А. Вайда, А. Миллер, В. Редгрейв. «Бог дал мне в друзья самую лучшую “человеческую коллекцию” в мире! Я умею ухаживать за своей коллекцией. Они мне нужны не тогда, когда мне это нужно, а когда это нужно им. Наверное, они это чувствуют», – говорит Волчек. Счастлива она и потому, что есть у нее «Современник», который по-прежнему любим зрителями. Когда Галина Борисовна встречается с людьми на улице, они говорят ей: «Дай вам Бог здоровья». Откуда они

знают, что этой сильной и одновременно такой ранимой женщине так необходимы эти теплые пожелания? «Я ощущаю “доброе поле” вокруг себя и моего театра. Я всю жизнь прожила в Доме, который вместе со своими товарищами построила. Но моя судьба – трудная, – говорит Волчек. – Если начинаю вспоминать свои счастливые моменты, то понимаю, что не умела и не умею удержать их надолго. Ведь человек всегда бежит, летит за ощущением гармонии. И только ему кажется, что он ее ощутил, как она улетучивается. Но ощущения абсолютного счастья в моей жизни бывали. Рождение сына. Утро после премьеры в Хьюстоне, куда меня, первого советского режиссера, пригласили на постановку. В то утро я поняла, что такое победа. Или Бродвей. Издерганная нашей критикой, столько лет пытавшейся меня уничтожить, доказать, что я бездарь и загубила “Современник”, я приехала в Америку. Несмотря на великолепный прием нашего спектакля, ждала рецензий… Когда вышла положительная, я расплакалась. Расплакалась от счастья».

Счастливейшая из женщин, она не стоит на месте, продолжая бежать по жизни. И как признается с улыбкой сама: «Если бы не физическая одышка – бежала бы еще быстрее…» Ее жизнь – в постоянном движении, в процессе работы, в одном ритме с театром, который остается для нее самым дорогим. «Живу ради того, чтобы театр жил, в том числе и после меня, – говорит Галина Волчек. – Иначе зачем работать?»

ГЕЙНЕ ГЕНРИХ

(род. в 1797 г. – ум. в 1856 г.)

Немецкий поэт, прозаик, публицист. Поэзия: «Книга песен», сборники стихотворений, сонеты; поэмы: «Атта Тролль. Сон в летнюю ночь», «Германия. Зимняя сказка», «Бимини»; проза и публицистика: «Путевые картины», «Путешествие по Гарцу», «Идеи. Книга», «Путешествие от Мюнхена до Генуи», «Флорентийские ночи».

Генрих Гейне соединял в себе две, казалось бы, противоположных стихии – лирическую и публицистическую. Он был проникновенным лирическим поэтом и в то же время журналистом, сатириком, обличавшим все пороки современного ему общества. Возможно, если бы он остался только «певцом любви», его жизнь не сложилась бы так драматически. Но Гейне был сыном своего времени, о котором сказал: «Над моей колыбелью играли последние лучи восемнадцатого и первое утро девятнадцатого века». Надо ли уточнять, что вся эта эпоха была озарена отблесками Великой французской революции,

наложившей отпечаток на творчество всех европейских писателей и мыслителей.

Публицистика Гейне всегда вызывала яростные нападки критиков, называвших поэта «осквернителем родины, трона и алтаря», «жалким фельетонистом», что, безусловно, его задевало, но отнюдь не ослабляло силу его сатиры. Гейне так и остался до конца своей жизни беспощадным политическим аналитиком, эмигрантом, отщепенцем в глазах многих немцев, словно забывавших о том, кто принес стране поистине мировую поэтическую славу.

Генрих Гейне (в детстве его называли Гарри) родился 13 декабря 1797 года в семье бывшего гвардейского офицера Самсона Гейне, сменившего воинскую службу на профессию коммерсанта. Это был человек добрый и приветливый, от души желавший счастья четырем своим сыновьям. Однако в коммерции ему не особенно везло, и семья постоянно испытывала нужду. Гарри любил отца самой нежной сыновней любовью, тянулся он и к матери. Бетти ван Гольдерн была женщиной образованной и хотела, как и отец, дать детям хорошее образование. Но учеба, сначала в начальной школе, а затем в католическом лицее будущему поэту мало что давала. Постоянная зубрежка религиозных текстов навсегда отвратила Гарри от религии. Зато сказки, приключенческие романы, произведения Гете и Шиллера доставляли мальчику большое наслаждение.

Когда Гейне исполнилось семнадцать лет, встал вопрос о будущей профессии. Самсон и Бетти, увлеченные романтической судьбой Наполеона, сначала мечтали о военной карьере для сына. Но затем на семейном совете решено было сделать из Гарри коммерсанта, тем более что перед глазами родителей был весьма достойный пример: брат Самсона, т. е. дядя Гарри, Соломон Гейне за короткое время из простого клерка стал миллионером. Уважая волю отца, Гейне отправился во Франкфурт, чтобы изучать науку коммерции.

Вскоре наставник Гарри, один из франкфуртских банкиров, деликатно намекнул Самсону Гейне, что у его сына нет никаких способностей к накопительству вообще и к банковскому делу в частности. Тогда богатый дядюшка вызвал Гарри к себе в Гамбург и заверил семью Гейне, что уж он-то сделает из племянника настоящего купца. Но и торговое дело не очень-то заинтересовало Гейне, зато под конторскими книгами Соломон все чаще стал находить листки, густо исписанные стихотворными строчками. Разгневанный дядя рвал их на кусочки, приговаривая: «Если бы этот парень хотя бы на что-либо был способен, он никогда бы не занимался стишками». На что юный племянник в тон своему

покровителю отвечал: «Знаешь, дядя, лучшее в тебе то, что ты носишь мою фамилию». Уже в этой фразе можно ощутить тот горделивый дух, который в будущем станет определяющим для Гейне-прозаика.

И все же жилось Гарри в доме дяди не слишком комфортно. Даже слуги относились к бедному родственнику с пренебрежением. Но больше всего Гейне страдал от неразделенной любви к дочери Соломона Амалии. Свою кузину будущий поэт любил страстно и самозабвенно. Она же относилась к нему высокомерно, пренебрегая искренними стихотворными посвящениями молодого поэта.

Когда Гейне спустя одиннадцать лет встретился со своей первой большой любовью, он так описал эту встречу: «Эта госпожа Фридлендер из Кенигсберга, она, видите ли, моя кузина. Вчера на закуску я получил ее избранника, мужа… Мир дурен, вульгарен и безрадостен, и пахнет засохшими фиалками».

Убедившись в том, что коммерсанта из племянника не выйдет, дядя согласился помочь ему в получении высшего образования. С 1819 по 1823 год Гейне учится на юридическом факультете университетов в Бонне, затем в Геттингене и Берлине. Но и юриспруденция интересовала молодого поэта не больше, чем торговля. Он самостоятельно изучает историю, литературу, лингвистику и философию, встречается с ученым, теоретиком романтизма Августом-Вильгельмом Шлегелем, в Берлине слушает лекции Гегеля, знакомится с писателями Гофманом и Шамиссо, посещает художественные салоны, где собирался цвет немецкой интеллигенции.

Весной 1821 года Гейне появился в кабинете редактора берлинского журнала «Собеседник», положил ему на стол тоненькую тетрадь стихов и сказал: «Я никому не известен, но хочу стать известным благодаря вам». Стихи были приняты и напечатаны, а в качестве гонорара молодой поэт получил сорок экземпляров своей первой книги.

Во второй половине 1820-х годов Гейне весь в поисках какой-либо работы. Он пытается устроиться то адвокатом, то преподавателем. Но для него, автора памфлетов, направленных против реакции, места нигде не находится. Более того, за ним постоянно следит полиция, угрожая арестом. Повод для преследования журналиста, по мнению властей, был более чем убедителен. Это книга «Путевые картины», которую сам Гейне называл «военным кораблем, на борту которого слишком много пушек». «Путевые картины» – сборник публицистических очерков. В них нет сюжетов, типов или характеров, но есть журналистские впечатления и чувства, пережитые автором при знакомстве с

феодальной Пруссией. Сатире подвергалось все – аристократия, церковь, схоластические науки, продажная литература, собственно, вся современная Гейне страна. Эта книга метафорична, эмоциональна, дышит то гневом, то оптимизмом. Она насыщена афоризмами, один из них стал крылатым: «Сквозь мое сердце проходит большая мировая трещина».

Избегая худших последствий за свои сатирико-публицистические произведения, Гейне 1 мая 1831 года уезжает во Францию и становится пожизненным политическим эмигрантом. К этому времени Гейне известен не только своей публицистикой, но и поэзией. Лирическая «Книга песен», опубликованная в 1827 году, принесла поэту мировую славу. В этой поэтической исповеди одна тема – неразделенная любовь, пронизанная горечью и страданиями. О ней сам Гейне сказал: «Книга эта – только урна с прахом моей любви». Вот где проступила печаль былой любви к Амалии Гейне, которую поэт так и не смог забыть.

На французской земле Гейне обрел вторую родину. Здесь он встречается с выдающимися артистами, музыкантами, учеными, политическими деятелями. Его друзьями становятся Бальзак, Беранже, Жорж Санд, Мюссе, Дюма-отец, Шопен.

Гейне было 37 лет, когда он познакомился с молодой и красивой француженкой Кресценцией-Евгенией Мира, которую он называл Матильдой. Крестьянка по происхождению, Матильда приехала в Париж в поисках счастья и жила у своей тетки, помогая ей торговать обувью. Через год Генрих и Матильда поженились. Избранница поэта была девушкой капризной и вспыльчивой, по словам Генриха, «настоящим домашним Везувием». До конца жизни она так и не выучила ни единого немецкого слова и, наверное, толком не знала, что представляет из себя Гейне как литератор. Но она пленила Генриха своей естественностью, непринужденностью, жизнерадостным характером и безграничной преданностью. Во время свадьбы Матильда сказала: «Анри, знай, что я тебя никогда не брошу, любишь ты меня или нет, будешь хорошо ко мне относиться или плохо, я все равно тебя никогда не брошу». И свое обещание она сдержала.

Еще с молодости Гейне страдал туберкулезом спинного мозга. С годами болезнь прогрессировала, все чаще болела голова, утончалась левая рука, временами пропадало зрение. В мае 1848 года Гейне последний раз вышел из дома. Он пришел в Луврский музей и обессиленный упал возле прославленной статуи Венеры Милосской. Впоследствии поэт рассказывал друзьям: «Я долго лежал у ее ног и горько плакал так, что слезы

могли тронуть даже камень. А богиня смотрела на меня сверху сочувственно и безутешно, словно хотела сказать: разве ты не видишь, что у меня нет рук, и я не могу тебе помочь».

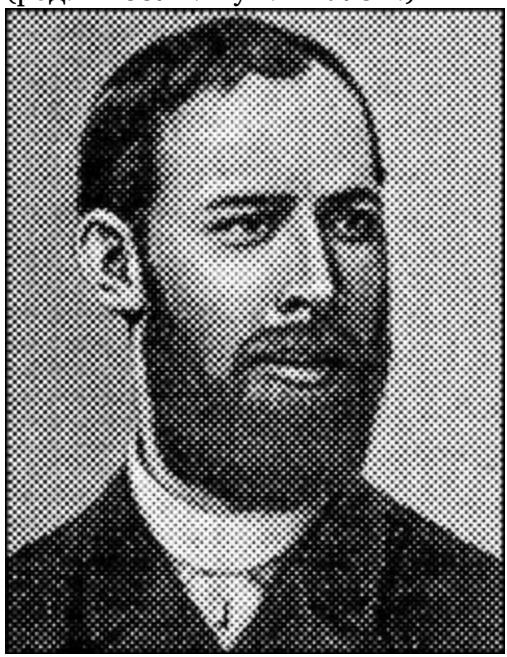
Последние восемь лет жизни Гейне, испытывая физические страдания, пролежал в тесной парижской квартире на ложе из матрацев, которое он называл «матрацной могилой». И все же поэт продолжал писать; полуслепой и неподвижный, он правой рукой поднимал одно веко, чтобы хоть немного видеть, а левой выводил на бумаге большие буквы.

Всю жизнь великий поэт испытывал материальные затруднения. Он зависел от своих богатых родственников, ему приходилось унизительно торговаться со своим гамбургским издателем Кампе, который нажил на издании его произведений миллионы, а самого автора держал в «черном теле». С горькой иронией Гейне говорил, что ему при жизни сооружен надежный памятник – огромный каменный дом Юлиуса Кампе в Гамбурге. Эту борьбу за деньги Гейне вел не ради себя, он хотел обеспечить жену после своей смерти. До последних дней Генрих беспокоился о комфорте для своей жены, нарядах и развлечениях. И при этом не терял мужества и ироничного отношения к себе. Когда к умирающему Гейне пришел его знакомый и спросил, как теперь поэт относится к Богу, Гейне ответил: «Бог меня простит, это его профессия».

На рассвете 17 февраля 1856 года Генриха Гейне не стало. Его последними словами были: «Писать! Бумагу, карандаш!» Выполняя волю писателя, его похоронили на Монмартрском кладбище в Париже без религиозных обрядов и надгробных речей. Со дня погребения и до наших дней французы заботливо ухаживают за могилой великого немецкого поэта.

ГЕРЦ (ХЕРЦ) ГУСТАВ ЛЮДВИГ

(род. в 1887 г. – ум. в 1975 г.)



Немецкий физик-экспериментатор, доктор наук, профессор. Разработал диффузионный метод разделения изотопов, написал труды по спектроскопии, физике плазмы и др. Иностранный член АН СССР по Отделению физико-математических наук (физика) с 20 июня 1958 года, член Немецкой академии наук в Берлине и Геттингенской академии наук, а также академий наук Венгрии и Чехословакии. Лауреат Нобелевской премии (1925 г., совместно с Джеймсом Франком), Сталинской премии (1951 г.) и Национальной премии ГДР (1955 г.). Обладатель медали Макса Планка Германского физического общества.

Его дядя Рудольф Генрих Герц (1857–1894) был одним из наиболее выдающихся физиков в области электродинамики. Подтверждая идеи Дж. К. Максвелла, Генрих Герц в 1886–1889 годах доказал реальность электромагнитных волн и установил

тождественность их свойств со свойствами световых волн. В 1935 году на VIII съезде Международной электротехнической комиссии именем выдающего ученого названа единица частоты – Герц (Гц) – одно колебание в секунду. А «волны Герца», получившие в дальнейшем название радиоволн, вошли в число важнейших доминант жизни современного общества.

Племянник, Густав Людвиг Герц, тоже внес существенный вклад в развитие науки. Он и его коллега Джеймс Франк стали первыми физиками, которым удалось непосредственно измерить энергию кванта.

Знаменитый ученый родился в Гамбурге 22 июля 1887 года в семье адвоката Густава Герца и Аугусты (Арнинг) Герц. Получив среднее образование в гамбургском Иоханнеуме, Густав в 1906 году поступил в Геттингенский университет, где изучал математическую физику и математику у Карла Рунге и Давида Гильберта. Затем студент продолжил свое образование в Мюнхенском университете у Арнольда Зоммерфельда, где познакомился с новой тогда квантовой теорией, и в Берлинском университете у Джеймса Франка и Роберта Поля. В столичном учебном заведении будущий ученый заинтересовался экспериментальной физикой. В 1911 году он защитил диссертацию в Берлинском университете об инфракрасном поглощении двуокиси углерода и получил степень доктора наук.

Спустя два года Густав был назначен ассистентом в Физический институт при Берлинском университете, где вместе со своим коллегой Джеймсом Франком приступил к исследованию изменений энергии при столкновении атома с электроном. В 1912–1914 годах они впервые экспериментально показали, что внутренняя энергия атома дискретна, т. е. не может принимать любые значения, за что впоследствии удостоились мирового признания.

Во время Первой мировой войны оба ученых служили в германской армии. В 1915 году Герц был тяжело ранен. После длительного лечения он в 1917-м стал внештатным преподавателем Берлинского университета.

В 1922 году Густав, используя газовые мембраны, предложил новый метод разделения газовых смесей изотопов, названный масс-диффузией. В 1925 году за «открытие законов соударения электрона с атомом» Густав Герц совместно с Джеймсом Франком был удостоен Нобелевской премии по физике. Это открытие подтвердило квантовую теорию атома датского физика Нильса Бора. Немецкие физики стали первыми учеными, которым удалось непосредственно измерить энергию кванта.

Представляя лауреатов, К. В. Озеен из Шведской Королевской

Академии наук заметил: «Еще недавно никто и не помышлял о том, что атом может существовать в различных состояниях, каждое из которых характеризуется определенным уровнем энергии, и что этими энергетическими уровнями определяются спектральные линии… Теория Нильса Бора выдвинула эти гипотезы; методы их экспериментальной проверки разработали Густав Герц и Джеймс Франк».

Позднее Дж. Франк признался, что они не оценили по достоинству фундаментальное значение теории датского ученого – настолько, что даже не упомянули о ней в своей статье. Однако Нильс Бор и его единомышленники поняли всю важность экспериментов немецких коллег и неоднократно ссылались на них в подтверждение своих идей.

С 1920 по 1925 год Густав Герц работал в физической лаборатории на заводе ламп накаливания фирмы «Филипс» в Эйндховене (Нидерланды). «Филипс» была одной из первых частных компаний, финансировавших фундаментальные исследования. В 1925 году немецкий ученый стал профессором физики университета в Галле и директором Физического института при том же университете.

Три года спустя Герц вернулся в столицу Германии, где ему предложили пост директора Физического института при Шарлоттенбургском техническом университете. За время руководства этим учебным заведением нобелевский лауреат разработал газодиффузионный метод разделения изотопов неона и написал другие научные труды.

В 1933 году к власти в Германии пришел Гитлер, но знаменитый физик отказался принести клятву на верность фюреру и в 1934 году был вынужден уйти в отставку. С 1935 по 1945 год Герц возглавлял научно-исследовательскую лабораторию фирмы «Сименс и Хальске» в Берлине. Неясно, почему ученому, отец которого был евреем, а первая жена выступала против нацизма, разрешили занимать столь важный пост.

Еще во время своего визита в США в 1939 году Густав сказал своим друзьям, что уровень физических исследований в Америке весьма высок, но он чувствует, что был бы более полезен в СССР. Герц, видимо, надеялся, что ему и его семье удастся переехать работать в Советский Союз и полностью раскрыть свой потенциал ученого. После Второй мировой войны советские компетентные органы предоставили ему такую возможность.

Журналист С. Пестов в своей книге «Бомба. Тайны и страсти атомной преисподней» пишет, что едва в мае 1945-го отгремели бои в Берлине, как советские физики Харитон и Арцимович в

форме полковников госбезопасности с группой советских ученых из разных областей науки и техники были уже в поверженной Германии. Представительную «делегацию» возглавлял заместитель Л. П. Берии Аврамий Завенягин, проинструктированный лично Лаврентием Павловичем. Предстоял розыск ученых, лабораторий, оборудования, запасов сырья и промышленных объектов, входивших в немецкий урановый проект. Работы по поиску «трофейных» ученых, оборудования и технологий курировал со стороны военной администрации Германии заместитель маршала Жукова Иван Серов. Советской стороне достались: Густав Герц, М. фон Арденне (работы в электронной оптике, электронной и ионной физике), М. Штеенбек (работы в области физики газовых разрядов, электродинамики, физики плазмы, магнитогидродинамики, прикладной физики) и некоторые другие, менее значительные фигуры.

Всех их тайно, под конвоем, вывезли в СССР, рассадили по одиночным камерам и держали впроголодь. Время от времени хмурые люди из НКВД спрашивали немцев, не хотят ли они котлет и горячего супа, для чего необходимо было их письменное согласие на хорошо оплачиваемую работу в соответствующих военно-оборонных отраслях Советского Союза. Почти все они «добровольно» согласились.

Аналогичным образом в СССР появились электронщики, химики, специалисты по радарам и др., а также ученые ракетного центра из Пенемюнде, где еще в 1937 году был создан ракетный полигон и исследовательский центр фашистской Германии. С 1942 года здесь испытывались ракеты V-2 (Фау-2), применявшиеся для бомбардировок Лондона и других городов.

Немецких ученых и инженеров заставили заключить десятилетний контракт и как «добровольцев» пригласили в закрытые учреждения (типичные «шараги»), связанные с осуществлением атомных проектов СССР. Для этого в Сухуми, Челябинске-40, Малоярославле-10 и других местах были созданы соответствующие НИИ и лаборатории. Например, в Сухуми основали два института (филиалы МИФИ), которые возглавили Герц и фон Арденне. Добровольцы-узники за колючей проволокой в условиях сверхсекретности разработали и изготовили сверхскоростную центрифугу для разделения изотопов урана. Центрифугирование резко сократило себестоимость конечного продукта, значительно повысило производительность выработки стратегического сырья, поэтому стало возможным проводить разделение в промышленных масштабах. Новая технология позволила Советскому Союзу сэкономить огромное количество

электроэнергии. Кроме того, Густав Герц возглавлял исследования по атомной энергии и радарам.

Немало сделали немецкие ученые и в области добычи и обогащения урановых руд, химии и металлургии урана и плутония. Случалось, что результаты исследований «добровольцев» публиковались в СССР, но за подписями советских «надсмотрщиков»-ученых, которые успешно защищали таким образом свои диссертации. Естественно, никто из немцев, пока они находились в Советском Союзе и под конвоем, не посмел даже возмутиться этим.

В середине 1950-х годов после окончания работ и некоторого периода «рассекречивания» узникам разрешили вернуться в Германскую Демократическую республику и наградили автомобилями. Густав Герц, кроме того, получил в 1951 году Сталинскую премию, М. фон Арденне дважды был удостоен Сталинской премии (в 1947 и в 1953) и дважды награждался Национальной премией ГДР (1958, 1965). С 1955 года он занял пост директора научно-исследовательского института в Дрездене. М. Штеенбек тоже стал дважды лауреатом Национальной премии ГДР. С 1956 года он – профессор Иенского университета, в 1956–1959 годах занимал должность директора Института магнитной электродинамики. С 1965 года он занял пост президента Научного совета Германской Демократической республики.

В 1955 году (по другим сведениям – в 1954) Г. Герц из СССР уехал в Лейпциг, где стал профессором Университета Карла Маркса, получил Национальную премию, позже – медаль Макса Планка Германского физического общества. В качестве директора Физического института при Лейпцигском университете немецкий ученый, кроме всего прочего, руководил строительством нового здания института взамен разрушенного бомбардировками во время Второй мировой войны. Его избрали членом Немецкой академии наук в Берлине и Геттингенской академии наук, а также членом академий наук Венгрии и Чехословакии.

В 1961 г. (по другим данным – в 1962) Густав Герц вышел в отставку и поселился в Восточном Берлине, где прожил последние 14 лет своей жизни. Говорят, знаменитый ученый был замкнутым человеком, любил фотографировать и делал это вполне профессионально.

О его семейной жизни известно следующее: в 1919 году Густав женился на Эллен Дильман. У них родились два сына, оба стали физиками. В 1943 году, через два года после смерти первой жены, он вступил во второй брак с Шарлоттой Йолласс.

Умер Густав Людвиг Герц на 89-м году жизни, 30 октября 1975 года, предположительно в столице Германии.

ГЕРШВИН ДЖОРДЖ

(род. в 1898 г. – ум. в 1937 г.)

Выдающийся американский композитор и пианист, крупнейший представитель симфонического джаза.

На долю этого композитора выпала великая честь сделать в американской музыке то, что еще в XIX в. осуществили Глинка в России, Монюшко в Польше, Эркель в Венгрии, Сметана в Чехии. Гершвин смог создать популярнейшие произведения, в которых очень удачно сочетаются принципы симфонической и джазовой музыки.

Американский дирижер Уолтер Дамрош так высказался о творчестве своего именитого соотечественника: «Леди Джаз, украшенная интригующими ритмами, шла танцующей походкой через весь мир. Но нигде ей не встретился рыцарь, который ввел бы ее как уважаемую гостью в высшее музыкальное сообщество. Джордж Гершвин совершил это чудо. Он смело одел эту крайне независимую и современную леди в классические одежды концерта. Однако нисколько не уменьшил ее очарования. Он –

принц, который взял Золушку за руку и открыто провозгласил ее принцессой, вызывая удивление мира и бешенство ее завистливых сестер».

Джордж (Яков) родился 26 сентября 1898 г. в Нью-Йорке в еврейской семье Гершович, эмигрировавшей из России. Он был вторым ребенком после брата Айры. Дела у его родителей шли в то время неважно. Гершвины (Гершович) снимали небольшую квартирку в деревянном доме на Снедикер-авеню, и братья все свое время проводили на улицах Ист-Сайда. Мальчики были очень живые, Джордж даже стал чемпионом улицы по конькам. А вот в школе особым усердием не отличался и явно не оправдывал надежд матери, мечтавшей видеть детей школьными учителями.

Когда мальчику было восемь лет, на одном из школьных концертов он испытал настоящее потрясение. «Виновником» был Макс Розенцвейг, впоследствии известный в Америке скрипач, который прекрасно сыграл на концерте «Юмореску» Дворжака. После того вечера Джордж и Макс подружились. «Макс открыл для меня мир музыки», – вспоминал позже Гершвин.

Мама будущего композитора не оставляла надежды дать сыну хорошее образование. В 1912 г. она записала Джорджа в Коммерческую школу, но бизнесменом ему стать не довелось. В доме у Розенцвейга было фортепиано, и мальчик сам научился играть на нем, подбирая на слух популярные мелодии. Вскоре он так преуспел в этом, что, к большому удивлению родителей, за короткое время намного обогнал старшего брата Айру. На семейном совете было решено, что из них двоих заниматься музыкой будет Джордж.

С преподавателями юному музыканту сначала не везло: три первые учительницы разучивали с ним скучные упражнения, а четвертый учитель – мистер Гольдфарб – техникой вообще не занимался, и воспитывал своего подопечного на попурри из опер. И только Чарльз Хамбицер оказался именно тем музыкантом, который нужен был Гершвину. По его совету в 1915 г. Джордж брал уроки гармонии и оркестровки у виолончелиста и композитора Э. Киленьи.

Школу он так и не закончил, юношу больше привлекала американская индустрия популярной музыки, так называемая Тин-Пэн-Элли. В пятнадцать лет Джордж поступил на должность пианиста-популяризатора в издательство «Ремик и К°» с оплатой 15 долларов в неделю. Работая в магазине, он играл классику, а на вопросы коллег: «Зачем ты играешь фуги Баха? Ты хочешь стать концертирующим пианистом?» Гершвин отвечал: «Нет, я изучаю Баха для того, чтобы писать популярную музыку».

Первый успех пришел к начинающему композитору в 1916 г.,

когда его песню «Когда вы захотите» с успехом исполнила модная в то время певица ревю Софи Такер. Постепенно он стал своим в музыкальных кругах Бродвея. В феврале 1918 г. Макс Дрейфус, возглавлявший издательство Хармса, предложил Гершвину работу с оплатой 35 долларов в неделю. Это позволило Джорджу посвятить все свое свободное время творчеству и совершенствованию мастерства – у композитора Джерома Керна он учился искусству гармонии и мелодического варьирования.

9 декабря 1918 г. на Бродвее состоялся дебют первого ревю Гершвина, который оказался не очень удачным. Продюсер не смог собрать полный состав женской труппы, и сценическая жизнь постановки закончилась, не успев начаться. Несмотря на первую неудачу, в 1919–1923 годах композитор стал автором или соавтором около пятнадцати бродвейских постановок. Большой успех имела музыкальная комедия «Ля-ля, Люсиль», а песня «Суони», которую исполнял Эл Джолсон, буквально вознесла Джорджа к высотам славы. Имя Гершвина все чаще стало появляться на страницах газет и журналов. А 6 сентября 1922 года Берил Рубинштейн, известный американский пианист и педагог, в газетном интервью заявил: «У этого молодого человека есть искра гениальности. Я действительно верю, что Америка в недалеком будущем будет им гордиться…»

Вскоре песенные рамки стали тесными для молодого композитора, и он взялся за написание оперы. В рекордно короткий срок, всего за пять дней, из-под его пера вышла одноактная джазовая опера из жизни негров под названием «Голубой понедельник». Партитура ее была довольно «сырой», но музыкальные «прозрения» получили развитие в дальнейшем творчестве Гершвина.

Один из столпов Голливуда Рубен Мамулян вспоминал: «Впервые я встретился с Джорджем Гершвином в конце 1923 года в Рочестере, штат Нью-Йорк. Сыграв, к нашему огромному удовольствию, несколько известных своих песен, Гершвин сказал, что сейчас работает над сочинением совсем другого рода и что оно вполне могло бы попасть на настоящую концертную сцену, как он надеется… Я никогда не забуду своего сильнейшего первого впечатления от новизны и свежести этой музыки – от чудесных красок, яркости разнообразнейших ритмов, силы и властности, которые еще подчеркивали громадные достоинства его идей. После того, как он сыграл, я решился спросить его: “А как вы думаете назвать это, мистер Гершвин?” Он сказал, что хотел бы, чтобы в названии было слово Blue (не только синий или голубой цвет, но в Америке – еще и своего рода “хандра-печаль”) – видимо что-то вроде “Рапсодии в грустях”, или

Rhapsody in blue».

Так родилась «Рапсодия в блюзовых тонах», принесшая композитору мировую известность. Премьера состоялась в Иоулиэн-холле 12 февраля 1924 года, концерт закончился шквалом аплодисментов. В зале присутствовали Л. Годовский, С. Рахманинов, Ф. Крейслер, Л. Стоковский, И. Стравинский, Э. Блох. На следующий день в газетах появились рецензии, в большинстве которых преобладал восторженный тон. Вскоре после премьеры Нью-йоркское симфоническое общество заказало Гершвину произведение для оркестра. Композитор избрал жанр концерта и создал «Фортепианный концерт Фа-мажор». Публика приняла новое творение с не меньшим энтузиазмом, чем «Рапсодию».

Сценическая судьба музыкальных комедий Гершвина, в большинстве своем на либретто брата Айры, складывалась так же удачно. Премьера спектакля «Первоцвет» в Лондоне прошла с большим успехом. Английское издательство тут же напечатало его партитуру, и композитор, вместе с признанием в Старом Свете, получил хороший гонорар. На Бродвее мюзиклы Гершвина шли на «ура»: «Будьте добры» выдержал 330, «Тип Тоуз» и «Песня пламени» – по 194, «О'кей!» – 256 представлений.

Вместе со славой к Джорджу, наконец-то, пришла материальная обеспеченность. В 1925 году Гершвины переехали в пятиэтажный особняк на 103-й улице. Впереди была триумфальная поездка по Европе по маршруту: Лондон – Париж – Вена. Домой композитор вернулся окрыленным, с наброском нового произведения, объединяющего в себе черты сюиты и симфонической поэмы. Премьера фантазии «Американец в Париже» состоялась 13 декабря 1928 года в Нью-Йоркском филармоническом обществе под управлением Уолтера Дамроша. Вскоре это произведение Гершвина прочно вошло в постоянный репертуар многих оркестров мира.

Каждая последующая работа композитора начала 30-х годов XX в. вносила что-то новое в музыкальную культуру США. Сатирический памфлет «Грянь, оркестр!», мюзикл «Безумная девушка», сатирический мюзикл «О тебе я пою» – стали исключительным явлением в театральном мире Америки тех лет. Со временем успех на Бродвее стал волновать Гершвина все меньше, в его голове зарождались новые грандиозные замыслы.

Как-то, в одну из бессонных ночей, Джорджу попалась в руки пьеса Д. Хэйуарда «Порги». С самых первых страниц она захватила его силой поэтических образов главных персонажей, помимо воли возникали отрывки мелодии, аккордовые созвучия. Гершвин решил написать оперу на сюжет пьесы, мысли об этом не

оставляли его ни на минуту. Весной 1932 года Хэйуард получил от композитора письмо, где были такие слова: «В поисках сюжета для композиции я вновь вернулся к мысли положить “Порги” на музыку. Это самая выдающаяся пьеса о народе». В процессе работы Джордж дважды посетил Чарльстон, чтобы обсудить с автором детали будущей оперы и послушать народную музыку. Возвратившись в августе 1934 года в Нью-Йорк, Гершвин с головой окунулся в работу. Через двадцать месяцев на суд зрителей было предъявлено лучшее, среди созданных композитором, произведение – самая знаменитая американская опера «Порги и Бесс».

Премьера оперы состоялась 30 ноября 1935 года в «Колониэл-театре» Бостона. Публика приняла новую оперу восторженно, овации продолжались четверть часа. Критики в один голос восхищались драматическим и композиторским даром Гершвина. За полтора года опера выдержала 124 постановки в «Алвин-театре» Нью-Йорка. И опять композитор оказался первопроходцем. Впервые в истории музыкального театра США в «Порги и Бесс» сквозило глубокое уважение и сочувствие к негритянскому народу. Музыка оперы объединяла в себе блюзы и спиричуэлс, духовные гимны и элементы джаза, трудовые негритянские песни и уличные напевы разносчиков, а также европейскую классику.

Несмотря на огромный успех оперы, вложенные в ее постановку деньги не окупились, и братья Гершвины потеряли на этом 10 тыс. долларов. Настоящее признание «Порги и Бесс» пришло уже после смерти композитора. Опера вышла за пределы американской музыкальной культуры и начала свое триумфальное шествие по театральным подмосткам мира.

От перенапряжения во время работы над «Порги и Бесс» здоровье композитора пошатнулось. Нарушился сон и аппетит, Гершвин стал раздражительным и часто выглядел очень усталым. Врачи порекомендовали ему поменять климат и на время оставить музыку. Джордж последовал их совету и переехал в Голливуд, но оставить музыку он, конечно же, не смог. Самочувствие композитора продолжало ухудшаться, и 9 июля 1937 года врачи поставили Гершвину страшный диагноз – опухоль головного мозга. Больного срочно поместили в Лебенен-клинику, но спасти его не удалось. Он умер 11 июля 1937 года, в расцвете творческих сил, не дожив два месяца до тридцати девяти лет.

Композитор, еще при жизни завоевавший мировую популярность, часто страдал от мысли, что у него недостаточное музыкальное образование. Однажды он решил поучиться

композиции у Мориса Равеля. Тот был очень удивлен и сказал Гершвину: «Я мог бы вам дать несколько уроков, но скажите откровенно, зачем вам учиться?» Джордж продолжал настаивать на уроках, тогда Равель спросил, сколько тот зарабатывает в год, и, услышав сумму в сто тысяч, воскликнул: «Потрясающе! Тогда я хотел бы брать уроки у вас! Сколько вы по знакомству возьмете за один урок композиции?» А затем уже серьезно добавил: «Право, зачем вам становиться второстепенным Равелем, будучи уже и так первостепенным Гершвином?»

Очень точно выразил суть творчества Джорджа Гершвина Сергей Кусевицкий, русский дирижер и контрабасист, руководитель Бостонского Симфонического оркестра: «Говорить о природе его дара – значит понять, что Гершвин сочинял, как поет птица, потому что в нем это было прирожденное, естественное, часть его самого. Как ключ, бьющий сам собой из-под земли. Щедро одаренная, наделенная и душой, и слухом натура Гершвина словно впитывала саму Америку, и Америка изливается в его музыке мелодией и ритмом, изливается спонтанно, живо и с неповторимой силой, которую уже добавить мог только он сам. Не претендуя на величие, никогда даже не задумываясь о собственном “бессмертии”, Гершвин остался в музыке навсегда – как тот человек, которому суждено влиять на музыку не только современную ему, но и созданную после него, как тот, чей след непременно останется на Песке Времени».

ГОРОВИЦ ВЛАДИМИР САМУИЛОВИЧ

(род. в 1903 г. – ум. в 1989 г.)

Выдающийся пианист XX века, представитель романтической школы исполнителей, неповторимый интерпретатор Листа, Шумана и Рахманинова. Признан символом пианизма ушедшего века. 16 дисков музыканта удостоены премии «Грэмми».

«Вы знаете, что интересно. Я часто слушаю сохранившиеся аудио– и видеозаписи и сделал важное открытие – они не надоедают, – пишет в своей книге “Вечера с Горовицем” американский музыковед, пианист, педагог Джульярдекой музыкальной школы Дэвид Дюбаль. – Ведь когда умирает большинство музыкантов, то разрушается их мир. Люди перестают покупать их записи. А тиражи произведений, записанные Владимиром Горовицем, неуклонно растут. По себе скажу – кажется, все знаешь наперед, но все равно находишь что-нибудь новое. В Америке слава Горовица не уменьшается. Недавно фирма Steinway праздновала создание полумиллионного

рояля, демонстрируя знаменитый инструмент, на котором играл великий маэстро, организовав тур по крупнейшим городам страны. В шоу принимали участие лучшие американские пианисты. Зрители приходили послушать не только лекцию о музыканте, но и просто дотронуться до рояля самого Горовица». Для большинства это означало прикоснуться к легенде, ведь в прессе музыканта еще при жизни называли легендой пианино, императором музыки, последним великим романтиком XX столетия. А еще – самым непредсказуемым музыкантом современности, гением коммуникации, электрическим зарядом в 6000 вольт. Обидно только, что во всех энциклопедиях Владимир Самуилович почему-то считается американским пианистом, хотя как исполнитель он состоялся в Украине. Но в его биографии, как и у каждого гения, достаточно белых пятен, начиная с даты рождения.

До последнего времени считалось, что Горовиц родился в 1904 году в Бердичеве. Но вот текст подлинного документа из метрической книги еврейского населения г. Киева за 1903 год: «Сентября восемнадцатого дня от отца, закончившего физико-математический факультет университета Св. Владимира с дипломом первой степени Самуила Иоахимовича Горовица и матери Софии (Сони) родился сын и наречен именем Владимир». Печать и подпись раввина С. Лурье. Теперь уже не узнать, когда и что побудило родителей подправить дату рождения сына, но большинство биографов пианиста склоняются к общей версии: они уменьшили возраст, чтобы избежать призыва в армию.

Отец музыканта (по специальности инженер-электрик) был выходцем из богатой еврейской семьи, он основал фирму в партнерстве с немецкими бизнесменами. В газетах тех лет можно было часто встретить рекламные объявления: «Самуил Горовиц: электрические моторы, насосы, лампочки». Семья матери Софьи Бодик была очень музыкальной: хотя ее отец и дед были купцами первой гильдии, но всем 12 детям дали профессиональное музыкальное образование. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, ведь дед Владимира, Иоахим Горовиц, с 1874 года был одним из директоров киевского отделения Русского музыкального общества. Сам Самуил Горовиц играл на виолончели, но именно мать привила любовь к музыке и младшему сыну Володе, и его братьям, Якову и Григорию, и сестре Регине. Владимир начал играть на фортепиано с пяти лет, а к десяти годам знал наизусть все оперы Вагнера. Он был хорошо воспитан, элегантен и безумно любил музыку. Можно считать, что Владимиру очень повезло в жизни: его необыкновенный талант лелеяли, оберегали и развивали могучие силы – музыкальная

семья, высокопрофессиональные педагоги Киевского училища, а затем консерватории.

В 1912 году Самуил Горовиц написал прошение о зачислении сына в Киевское музыкальное училище, которое на протяжении многих десятилетий было едва ли не единственным профессиональным культурным центром города. Владимир проучился там лишь один год и был зачислен в так называемые «младшие классы» в консерватории. Первые пять лет Горовица обучал В. Пухальский, который был не только великолепным педагогом, но и известным музыкантом-исполнителем, дирижером и композитором. Затем мальчик продолжил учебу в классе С. Тарновского, а последние полтора года учился в классе Ф. Блуменфельда – блистательного пианиста, дирижера, композитора. За мальчиком признавали огромный талант, но все, в том числе и сам Владимир, считали, что он станет композитором, но никак не пианистом (который, к слову сказать, продержится на вершине славы почти 70 лет).

В 1914 году произошло событие, которое определило всю дальнейшую жизнь Горовица. Володя гостил у своего дяди Александра Горовица – известного преуспевающего педагога по классу фортепиано в Харькове, игравшего с племянником на публичных концертах. Именно тогда состоялась незабываемая встреча Владимира со Скрябиным. Впоследствии Владимир Самуилович рассказывал об этом событии так: «Я пришел на встречу с мамой. Я играл минут десять: “Мелодию” Падеревского, немного Шопена и, кажется, что-то из Бородина и Донаньи. Он слушал взволнованно, потом вывел мою мать и сказал ей: “Ваш сын будет пианистом. У него настоящий талант… пианистом он будет безусловно”». Великий музыкант сразу же увидел и оценил в 11-летнем мальчишке ту неотразимую и неповторимую горовицевскую исполнительскую интонацию, которая принесла ему впоследствии мировую славу.

Октябрьская революция 1917 года перевернула вверх дном жизнь всей страны и каждого человека. Чтобы прокормить родных, Владимир вынужден был меньше внимания уделять учебе, оставляя время на вынужденные концерты: он старался заработать хоть немного денег для семьи, которая оказалась выброшенной из жизни. В 1986 году он так вспоминал о том времени: «За 24 часа мы потеряли все. Все! Мы все еще не понимали, как всеобъемлюща была революция. Она потрясла весь мир. После революции все стало совершенно иным. После революции мы потеряли наш дом и все имущество. Мы переехали в плохую часть города. Мы больше не жили в достатке. Мой рояль украли коммунисты, они забрали даже нашу одежду. Ввели

комендантский час. Это было ужасно. Мой отец был сломлен. Он, как белка, собирал еду на улицах. Это было намного ужаснее, чем я сейчас могу рассказать… Мы почти голодали, и теперь все наши родственники жили в нашем доме, включая и дядю Александра».

Но все же, несмотря на смутное время, в 1920 году Горовиц закончил консерваторию. На выпускном концерте слушатели устроили ему овацию. Он исполнял 3-й фортепьянный концерт Рахманинова – композитора, который с семи лет стал его кумиром. Уже с самого начала творческого пути пианист не придерживался правил и канонов во всем: технике, манере игры – он шел своим путем, да и в жизни был непростым человеком. Порой своими озорными выходками Владимир шокировал окружающих. Спустя годы Горовиц и Рахманинов встретились в США. Владимир играл концерт, который, оказывается, композитор создал для себя. Услышав его игру, Сергей Васильевич убрал это произведение из своего репертуара. Горовиц стал первым человеком, который исполнял Рахманинова лучше него самого, который не только принял и разделил его манеру игры, но и сделал большой шаг вперед. «Именно так я всегда представлял себе свой концерт… – сказал Сергей Васильевич, пожимая руку Горовицу, – но никогда не осмеливался думать, что услышу такое исполнение еще на земле».

В 1920 году советская власть не нашла ничего лучшего, чем отправить начинающего виртуоза вместе с Натаном Мильштейном (впоследствии одним из лучших скрипачей XX века) играть перед рабочими провинциальных заводов в обеденных перерывах. Концерты проходили в обугленных Гражданской войной городах юга России, а гонорары музыкантам зачастую выплачивались мукой или маслом. Гастрольные поездки по городам России, Украины, Белоруссии длились несколько лет. Успех был невиданный, и о Горовице вскоре заговорили всерьез. Через два года пианист дал серию из двадцати трех концертов в Петрограде, ни разу не повторив программы и исполнив около двухсот произведений. А в течение трех месяцев, с октября 1924 по январь 1925 года, Владимир Горовиц сыграл там же 150 произведений в 11 концертах. Ни один пианист мира такого никогда не повторил. Он собирал полные залы в Москве и Ленинграде, в его репертуаре было 10 сольных программ, перед ним открывались перспективы, но… В свободной Стране Советов музыкант задыхался: он не принял ее идеологии и решил уехать за границу. В тот период такую возможность большевики предоставили многим знаменитым людям – Горькому, Есенину, Маяковскому, Глазунову, Шаляпину. Устроить зарубежные

гастроли Владимиру помог Артур Шнабель, покоренный его абсолютной виртуозностью. Кстати, Шнабелю принадлежит высказывание о Горовице: «Он получеловек-полупианино».

Последнее выступление Горовица на родине состоялось в 1925 году в зале Киевской филармонии. Решение эмигрировать далось Владимиру нелегко, ведь здесь оставались родители, друзья. Он уехал на гастроли, чтобы остаться за границей навсегда. Горовиц надеялся, что как только нормально устроится, заберет к себе своих близких. Неизвестно, на что он рассчитывал, ведь в открытую называл Союз тюрьмой. У него были основания так считать: Яков погиб в Гражданскую войну, Григорий повесился в середине 1920-х годов, не выдержав нервной нагрузки, отец и сестра стали невыездными. Долгие годы им не разрешали даже переписываться с перебежчиком. Вскоре после эмиграции сына Самуил Горовиц был объявлен контрреволюционером и арестован на четыре месяца. В 1929 году от неудачной операции аппендицита умерла мать Владимира. Позже отец женился вторично и переехал в Москву, поближе к дочери Регине, которая тогда работала в Госконцерте, аккомпанировала Ойстраху и Берштейну. С отцом Владимиру удалось повидаться на нейтральной территории в Швейцарии лишь в 1934 году. После возвращения оттуда Горовица-старшего арестовали как «врага народа», и он погиб в сталинских застенках. Все эти трагические события до конца жизни довлели над Горовицем.

Но тогда, в 1925-м, Владимир все же остался в Берлине, несмотря на красноречивые уговоры советского консула. Успех в Германии и потом в Париже поначалу не дал ему ни имени, ни ангажементов. Первые два концерта в Берлине провалились. Владимир любил раскованную игру, но немецкая публика его пассажи не оценила. Да и время было тяжелое: Германию наводнили толпы эмигрантов из России, готовых на любой труд, лишь бы заработать на пропитание. Горовицу на первом этапе эмиграции помогли выжить скудные денежные сбережения (их он сумел провезти через границу в носке), но они катастрофически таяли. Подарком судьбы стало приглашение выступать с симфоническим оркестром. Осенью того же года Горовиц собрал все имеющиеся деньги, вложил их в рискованные гастроли – Берлин, Гамбург, Париж – и стал самой головокружительной новостью десятилетия на фортепианном фронте. Вскоре публика уже сходила по нему с ума: молодой, красивый (в молодости он очень походил на Шопена), феерический виртуоз – Горовиц был обречен на успех. Дальше были поездки по Европе (в Париже даже появился термин «горовицемания»).

Американский дебют Горовица был ошеломляющим (1928 г.). Уверенный в себе, умеющий подчинить звуку рояля любой зал и любой оркестр, он был признан всеми, кто в это время стоял на вершине музыкального Олимпа. Америка стала не просто новым местом жительства, а второй родиной пианиста. Он играл по три концерта в неделю, совершенно не чувствуя усталости. В 1933 году музыкант познакомился со знаменитым дирижером Артуро Тосканини. Их совместные выступления стали большим успехом. Маэстро ввел Владимира в свой дом и познакомил с дочерью Вандой. Вскоре молодые люди поженились, а через год у них родилась дочь, названная в честь матери Горовица Соней. Период безденежья закончился, появился достаток. Молодая семья поселилась в Нью-Йорке.

Но сказать, что Горовиц был счастлив в семейной жизни, нельзя. Ванда была аристократкой до мозга костей, а Владимир – увлекающимся человеком. Его называли диким котом, даже пантерой. Знавшие его люди считали, что приручить маэстро нельзя, а можно только воспринимать таким, каким он хотел быть. И хотя Ванда – женщина со сложным и твердым характером – властвовала в доме и старалась, как могла, быть полезной, но в свою творческую жизнь композитор ее так и не впустил. Никакие ее доводы – что исполнять, где выступать, – на маэстро не действовали. Тут он проявлял характер, хотя в быту часто становился беспомощным. Порой Ванда с печалью говорила: «Он меня не любит, но я ему нужна, иначе пропадет».

В США Владимир Самуилович прожил всю жизнь, время от времени выезжая с гастролями в города Южной Америки и Европы. Его ждали огромные залы, бурные овации. Он был неповторим, он был Горовицем, и больше не требовалось никаких слов. Музыкант имел огромный репертуар, но многие его коллеги-пианисты переиграли за свою карьеру во много раз больше. У Горовица, как считают специалисты, была не самая лучшая техника в истории пианизма: ранний Гилельс, Чиффра, Хамелин, Гофман в чем-то превосходили его. Он не был самым изощренным и креативным мастером транскрипций и к тому же довольно часто ошибался во время исполнения. Но… Когда он играл неверную ноту, то заставлял ее звучать так, чтобы можно было клясться всеми святыми, что сыграно это лучше, чем в оригинальном тексте. Никто и, наверное, никогда не сможет сравниться с Горовицем по силе и степени воздействия его игры на эмоции человека. Его игра перехватывала дыхание, заставляла смеяться, плакать, бояться, трястись, хвататься за голову. У многих пианистов после прослушивания исполнения Горовица появляется желание закрыть крышку своего инструмента

навсегда. Те, кому посчастливилось побывать на его концертах, вспоминают, что при первых аккордах слушатели поначалу переглядывались – ведь пианист ломал каноны, – но к финалу с восторгом аплодировали. После выступлений начинались жаркие обсуждения, а рецензенты писали: «Так играть Моцарта, Листа, Скарлатти, Шумана, Чайковского, Шуберта и т. д. – нельзя, а Горовицу – можно».

Да, маэстро вобрал в себя все лучшие черты пианизма XX столетия, которым не владел ни один музыкант того времени. Он был первооткрывателем даже в классике, находя собственные штрихи и оттенки, делая такие интерпретации уже известных произведений, что они приобретали новое звучание. Горовиц настолько глубоко проникал в сочинение композитора, что его трактовки зачастую были достаточно неожиданными. Музыка для него была процессом, постоянной импровизацией. Однако Горовиц никогда не ставил себя выше других исполнителей: «Знаете, я категорически против сравнений как в искусстве в целом, так и в музыке в частности… – говорил он. – Что лучше – Третья или Девятая симфония Бетховена? Они как будто написаны разными композиторами. И обе – великие! Нечего тут сравнивать. Победителей нет. Мне никогда не нравились музыкальные конкурсы… У каждого отрывка может быть много совершенно равнозначных интерпретаций. Беда сегодняшнего дня – похожесть всех исполнителей, даже одинаковость. Когда я первый раз приехал в США, множество совершенно разных людей собирали тут полные залы – Падеревский, Гофман, Шнабель, Рахманинов, Розенталь… Все они могли сказать что-то свое, и люди хотели слушать всех… – И добавлял: – Я дерево, но не знаю какой высоты, а Рахманинов – самое большое дерево на свете». Зато маэстро был всегда самым строгим судьей себе, и если по какой-то причине ему не нравилось собственное выступление, то никакие восторженные отклики не могли переубедить его в обратном.

Но не все было так гладко в творческой жизни великого музыканта. Он работал много, работал на износ, и надо сказать, не ради денег. Скажем только, что во время Второй мировой войны Горовиц дал рекордное число концертов в фонд помощи России, только один из которых сразу собрал 11 млн долларов! Музыка, открытие новых для себя произведений, концертная деятельность были смыслом его существования. Такие темпы могли загнать любого человека. Еще до войны, в 1936 году, Горовиц пережил тяжелый физический и духовный кризис. Возможно, только вмешательство властного и жесткого тестя Тосканини сохранило ему жизнь. До 1938 года он прекратил

давать концерты и жил в Швейцарии. (Именно там, как уже упоминалось выше, Владимир последний раз видел отца, которого отпустили на две недели для свидания с сыном.)

В 1953 году Горовиц покинул сцену. Он устал от всех прибыльных гастролей, к тому же очень подкосило маэстро самоубийство его дочери Софьи. Ей он посвятил большую концертную фантазию, которую написал на темы оперы «Кармен» Бизе в 1957 году. Горовицу было трудно в новом мире, который его так восторженно принял. Он редко мог найти общий язык с людьми из-за языковых проблем. Как-то шутя он сказал: «Я одинаково плохо говорю на пяти языках». Дома с женой Владимир разговаривал по-французски, с трудом справлялся с английским, но выразить свои мысли хорошо мог только по-русски.

Двенадцать лет молчания и триумфальное возвращение с программой… из легких сонаток Муцио Клементи, которые дают играть детям для школьной беглости. Смешно? Ничуть! Известие о возвращении Горовица всколыхнуло весь музыкальный мир, в Нью-Йорке за билетами с ночи выстроилась такая очередь, что ее показывали в выпусках новостей. И супруга пианиста, ужаснувшись лишениям, которым люди подвергли себя ради счастья послушать ее мужа, всю ночь раздавала в этой очереди кофе и пирожки. Следует сказать, что все эти годы музыкант хоть и выступал перед публикой, активно записывался на студии, оборудованной у него дома. (16 дисков Владимира Горовица были удостоены премии «Грэмми».) И продолжал свой вечный поиск иного звука, иных интерпретаций… Он не был похож на усталого отшельника! Слушатели были в восторге: «Тот же блеск техники – но гораздо более узкий репертуар, та же сверхъестественная свобода музицирования – но другой, более осторожный подход к материалу, тот же “сверкающий” звук – но теперь при большей экономии выразительных средств. Кажется, что пианист говорит: “Слушайте музыку, а не меня!”»

Это был период накопления материала. В это время Горовиц изучил произведения А. Скрябина, которых раньше никогда не исполнял, считая музыку композитора космической. Пианист любил исполнять сонаты Скарлатти и прелюдии Скрябина и всегда подчеркивал: «Я никогда не играю одинаково». Он очень ответственно относился к подбору репертуара. Например, прежде чем записать один из концертов Моцарта, он переиграл их все.

Третий перерыв последовал в 1975 году, когда Горовицу исполнилось 72 года, и всем показалось, что он действительно ушел со сцены навсегда. Однако музыкант вернулся. Многие музыкальные критики прочили ему провал, а Горовиц вновь

оказался победителем. Его первый европейский концерт – в Лондоне, в 1981 году, записанный на пленку, неоднократно демонстрировался по телевидению. С годами исполнение Горовицем различных вещей становится все более непохожим не только на интерпретации других пианистов, но и друг на друга – во время студийных записей Горовиц играл одно и то же произведение совершенно по-разному. Его игра отличалась исключительной виртуозностью, бурным темпераментом, динамическим напором, блестящая техника сочеталась с романтической приподнятостью и поэтическим изяществом. Особенно он прославился исполнением концертов П. Чайковского, С. Рахманинова, С. Прокофьева, произведений Ф. Листа и его виртуозных транскрипций, некоторые из них (в том числе «Пляски смерти» К. Сен-Санса) Горовиц играл в собственных, еще более виртуозных переработках. По свидетельству немногочисленных друзей пианиста, он помнил наизусть чуть ли не всю существующую музыку – не только все сонаты Бетховена, но и оперы Вагнера и квартеты Брамса.

До конца своих дней Горовиц играл на рояле фирмы Steinway, который неизменно возил с собой на гастроли. Не изменил он себе и во время выступления в Москве и Ленинграде (1986 г.). Очевидцы рассказывают об ажиотаже, вызванном его концертами. Те, кому посчастливилось слушать 83-летнего маэстро, до сих пор не могут без волнения вспоминать это событие, называя его эпохальным, запомнившимся на всю жизнь. В прессе были только восторженные эпитеты. Владимир Самуилович не скрывал, что он счастлив, хотя глаза его оставались печальными. Ведь триумфа не видела сестра – Регина Горовиц, легенда харьковского пианизма советской фортепианной педагогики, – умершая за месяц до гастролей. Но в Киев маэстро приехать не смог – была чернобыльская весна.

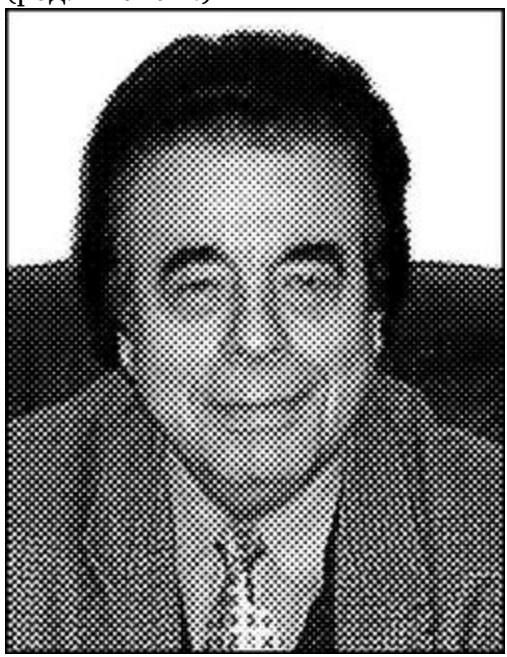
С годами пианист не утратил ничего в игре. Еще за пять дней до смерти он записывал для фирмы Sony этюды Шопена и Листа, ноктюрн Вагнера, демонстрируя фантастическую технику. Он отсылал слушателей к эпохе романтической виртуозности – небрежной и дерзкой, слепяще-светлой и подернутой дымкой утонченного эротизма. Малочисленные противники упрекали Горовица в салонности – но это была салонность Шопена и Скрябина, исполненная живости духа, принципиальности фантазмов и пронзительности открытий.

Его не стало 6 ноября 1989 года. Великого музыканта похоронили в фамильном склепе Тосканини в Венеции. В некрологе о нем написали: «Умер последний великий романтик XX столетия». Но все же он вернулся в родной Киев – в 1995 году

там начал свое существование Международный конкурс молодых пианистов памяти Владимира Горовица.

ГРОДБЕРГ ГАРРИ ЯКОВЛЕВИЧ

(род. в 1929 г.)



Солист-органист Московской государственной филармонии, единственный среди органистов страны народный артист России (1992 г.) и лауреат Государственной премии России, а также единственный из России почетный член Баховского общества в Лейпциге.

26 апреля 1986 года, когда произошла Чернобыльская катастрофа, в столице Украины висело множество афиш, извещавших о выступлениях известных советских артистов и музыкантов. Состоялись же концерты только одного из них – Гарри Гродберга. Он был единственным, кто не отменил свои гастроли в Киеве.

Европейские музыкальные критики нарекли Гродберга «выдающимся просветителем» и самым тонким знатоком творчества Баха. Он первый в СССР исполнил циклы из произведений этого композитора – сейчас в его репертуаре они составляют 16 сольных программ. Благодаря этому гениальному

органисту количество органов в стране увеличилось в десять раз.

Гарри Гродберг родился в немецкой семье 3 января 1929 года в Ниде, на Куршской косе, на территории Восточной Пруссии, а его детство прошло в литовской Клайпеде. Отец, Яков Гродберг, был модельером (в 1937 году на Всемирной выставке в Париже он стал обладателем золотой медали за коллекцию женской одежды). «В Клайпеде преобладало немецкое население, – вспоминал Гарри Яковлевич. – Я учился в немецкой гимназии, моим родным языком был немецкий, и моей гувернанткой была немка. Но я успел почувствовать, что такое фашизм и расизм. Для меня стало потрясением узнать, что к немецкому народу и его культуре я не имею никакого отношения. Мне говорили: ты еврей. В 1939 году мы были вынуждены бежать от нацистов в Каунас».

На новом месте Гарри вновь оказался чужаком – немцем, не знающим литовского языка. В десятилетнем возрасте он почувствовал, что значит быть не таким, как другие. В 1940 году Литву оккупировала Красная Армия, и вновь мальчишка страдал – уже из-за того, что не знал русского языка.

В 1941 году, в первые дни войны, Каунас захватили немцы, и еврейской семье Гродберг снова пришлось скрываться от нацистов. Затем они переехали в Среднюю Азию, в узбекский город Наманган. Там Гарри продолжил занятия музыкой у профессоров эвакуированной Минской консерватории.

В 14 лет он решил, что станет профессиональным музыкантом. Вернувшись из эвакуации в Литву, окончивший школу с золотой медалью Гродберг поступил в Вильнюсское музыкальное училище. Так как класса органа не существовало, одаренный юноша осваивал технику игры на фортепиано. Затем он приехал в столицу СССР, где поступил в музыкальное училище при Московской государственной консерватории и, наконец, в консерваторию. Там Гарри учился сразу на двух отделениях – фортепиано и органа. Его педагогами были выдающиеся музыканты – пианист А. Б. Гольденвейзер и органист А. Ф. Гедике. Профессор Александр Федорович Гедике, основатель московской органной школы, говорил о своем любимом ученике: «У Гарри редкая, врожденная виртуозность в ногах». (Для непосвященных: органист играет на нескольких клавиатурах для рук и отдельно для ног.) По выражению Гарри Яковлевича, к органу его вела сама любовь.

В 1955 году талантливый музыкант окончил консерваторию с золотой медалью. Знаменитый пианист Святослав Рихтер, уловив нечто фанатичное в облике игравшего на консерваторских панихидах Гарри Гродберга, дал молодому органисту

рекомендацию на работу солистом Московской государственной филармонии. Иначе кто бы его, иногородца, без московской прописки, взял на работу в столице? Директор филармонии принял Гарри на договор без гарантии оплаты (должности органиста здесь тогда еще не существовало) и заметил ему сочувственно: «Вы, молодой человек, умрете с голоду. Ваш Бах в концертных залах народа не соберет».

Когда молодой Гродберг начинал свою карьеру, залы на органных концертах пустовали, а органистов называли неудачниками «из несостоявшихся пианистов». Органы в основном использовались только для исполнения траурной музыки или в качестве аккомпанирующего вокалистам инструмента. В ту пору в СССР было всего семь органов, из них три – в Москве. Для советской музыкальной культуры этот инструмент являлся экзотическим. Да что говорить об органах, если тогда даже хороших роялей не хватало! Например, в Большом зале Московской консерватории стояли еще «Бехштейны», подаренные когда-то Советскому Союзу министром иностранных дел Германии Риббентропом.

Однако с первых же выступлений нового солиста Московской филармонии, посвященных Баху, публика буквально повалила в Большой зал филармонии. Именно тогда слушатели впервые познакомились с баховскими прелюдиями, фантазиями и знаменитой Токкатой и фугой ре минор – сочинением, ставшим визитной карточкой органиста Гродберга. Консерваторские острословы не преминули сочинить насмешливую рифму «Гродберг – Бах – аншлаг», не подозревая, что сей незатейливый афоризм на 50 лет вперед предскажет судьбу знаменитого музыканта.

Гарри Яковлевич был первым органистом, который в СССР начал давать сольные концерты, привив, по его словам, «бациллу Баха» тысячам отечественных меломанов. Кроме этого композитора, за время своих выступлений Гродберг открыл публике целый пласт немецкой органной музыки (Иоганн Пахельбель, Иозеф Райнбергер), французскую романтическую музыку (Альфред Лефебри-Вели, Гильман). Он также первым в Советском Союзе исполнил органные произведения Феликса Мендельсона и Клары Шуман. Помимо блестящей виртуозности и полной самоотдачи, отличительной чертой знаменитого музыканта всегда были убедительность и свежесть трактовки, будь то произведение столь любимого им Баха или какой-нибудь малоизвестный опус.

Через некоторое время Гродберга стали считать не только лучшим органистом страны, но и большим специалистом по этим

уникальным инструментам. Его назначили на должность заместителя председателя Совета по органостроению при Министерстве культуры СССР.

Новый заместитель, для которого музыка была единственной религией, а орган – великим призванием, с энтузиазмом взялся за дело. Он организовывал заказы в Германии и Чехословакии, приглашал лучших мастеров органного дела из этих и других стран, занимался выбором помещения, доставкой и установкой органов, а также контролировал качество инструментов.

«Качество звучания органа – это довольно тонкое дело, хотя бы потому, что уши у всех разные, – говорил знаменитый маэстро. – И надо обладать оптимальным слухом, чтобы точно определить качество и, что немаловажно, количество звука. Орган может быть слишком резким, слишком громким. Или наоборот, маломощным, не заполняющим звуком большое пространство. И этот момент имеет колоссальное значение. Кроме того, звук должен быть не только правильным, но и красивым».

Нередко обнаруженные им дефекты оказывались умышленными (доработка инструмента – это дополнительный заработок для изготовителя). Выводя на чистую воду бракоделов, Гарри Яковлевич за несколько десятилетий работы на этой должности сэкономил Советскому Союзу сотни миллионов рублей. И все «на общественных началах». Единственная оплата его многочисленных командировок от Прибалтики до Восточной Сибири – суточные в размере 2 рубля 60 коп.

Первой ласточкой российской органной весны стал гигантский орган чешской фирмы «Ригер-Клосс», установленный в Концертном зале им. Чайковского в 1959 году. Затем при содействии гениального органиста были установлены органы в 70 филармониях и органных залах бывшего СССР. Большинство из них «открывал», то есть играл первые концерты, сам маэстро Гродберг. Существовала даже такая примета: если первым за созданный и установленный в органном зале инструмент сядет Гарри Яковлевич, то орган ожидает удачное будущее.

Великий музыкант припоминал такой случай из коммунистических времен: «Некоторые партийные начальники, насмотревшись на соседей, хотели себе такую же диковинку. Вызывает как-то меня начальник и приказывает ехать в казахстанский Петропавловск, потому что там орган хочет иметь первый секретарь обкома партии. “Ты, Гарри, беспартийный, ты ничем не рискуешь”. Приезжаем в гостиницу обкома. И я несколько дней не мог добиться, чтобы мне показали “объект”. В конце концов, когда весь джентльменский набор был выполнен – посещение ликеро-водочного завода, бани, чего-то еще, – меня

отвезли к какой-то руине без крыши. “Это что у вас – свой Дом Павлова, как в Сталинграде?” – спрашиваю. “Нет, это наш памятник архитектуры, мельница”. – “А что же я должен сделать?” – “Вы должны определить акустику и утвердить проект”. Вы видели когда-нибудь орган на мельнице? Просто люди захотели под “органным соусом”, под мое имя протащить реставрацию здания для своих нужд. Конечно, я “объект” не утвердил.

У меня никакого пиетета к властям не было. Будучи беспартийным, я никогда не боялся говорить правду и всегда защищал интересы музыки. В каком состоянии в вашем городе рояли? Есть ли инструменты у народного оркестра? Почему не делаете ремонт в музыкальном училище? Многих это раздражало. Моя принципиальность плюс «плохая» анкета – родственники за границей, еврей, да еще немецкий, – наверное, продлевали мою невыездность за границу. Я многие годы был прочно “невыездным”».

Не баловала его советская власть ни орденами, ни премиями. И свое первое звание – заслуженный артист России – Гродберг получил только в 1982 году. «Народного» дали еще через десять лет. А использовали знаменитого артиста охотно и практически даром.

«Мне часто приходилось играть для партийных шишек из Политбюро, – вспоминал именитый маэстро. – Естественно, не потому, что его члены были меломанами. Суслов, Косыгин, Капитонов и компания любили послушать орган на отдыхе в Пицунде, что называется, для экзотики. Тогда меня вызывали из любого города, где я находился на гастролях, и надо было срочно лететь в Сухуми. Играл для них в пицундском храме, совершенно пустом, поскольку, кроме охраны, там не могло никого быть. Денег за такие концерты не платили, подразумевалось, что мне оказана очень большая честь».

Известный музыкант много гастролировал по стране, вел активнейшую концертную и просветительскую деятельность, записывал диски. Когда с развалом СССР открылся «железный занавес», Г. Я. Гродберг наконец-то смог показать свое непревзойденное мастерство во многих странах Европы и Америки. Его самобытный талант и удивительно чуткое понимание органа не могли оставить равнодушным ни одного зрителя. Случалось, что он играл несколько сольных программ в неделю, что совершенно непостижимо, поскольку игра на органе, помимо напряжения интеллектуального, еще и тяжелая физическая работа, где задействованы руки, ноги и спина органиста. Нагрузка такая, что его жене, Наталье Владимировне,

приходилось в антракте менять мужу мокрую рубашку. «Первая и последняя ученица – Наталья Гродберг, моя любимая супруга и бессменный ассистент, – говорил о ней маэстро. – Мы с нею – сиамские близнецы».

Супружескому и творческому союзу Гарри Яковлевича и Натальи Владимировны, окончившей музыкальное училище им. М. Ипполитова-Иванова, уже 44 года. И везде они вместе – в турне по странам и континентам, на отдыхе в Клайпеде или в Испании. Лишь однажды он вынужден был один поехать на гастроли в Италию, и там впервые за многие годы заболел. Гарри Яковлевич до сих пор уверен, что произошло это лишь потому, что рядом с ним не было его любимой второй половины.

В совершенстве владеющий немецким языком и не раз получавший очень заманчивые приглашения из той же Германии, маэстро мог покинуть страну. Почему не сделал этого? «Германия дала мне гены, а Россия – всю себя. Физически Россию покинуть можно, но душой и сердцем – никогда. Здесь моя жизнь, мой Бах», – отвечал знаменитый музыкант.

В его обширнейшем репертуаре также Моцарт, Шуберт, Гендель, Мендельсон, Шуман, Лист, Сен-Санс, Франк. И множество сочинений для органа композиторов XX столетия – Шостаковича, Хачатуряна, Слонимского, Таривердиева. Тираж грамзаписей и компакт-дисков именитого маэстро достигает цифры, рекордной для органиста, – полутора миллионов экземпляров.

Концерты гениального музыканта звучат особенно часто в немецких городах. Там органисты концертируют в действующих соборах, публика музыканта не видит, аплодисменты не допускаются. Но как-то в Винтерберге, где Гродбергу доверили открыть новый орган, после концерта русского артиста все собравшиеся в соборе встали и устроили ему бурную овацию.

Еще Гарри Яковлевич вспоминал: «Я помню, как однажды в немецком городе Альтенбурге играл на органе, к которому прикасались руки Баха. Меня охватила дрожь, мне казалось, что я ощущаю его присутствие в зале. Я понимаю логику его музыкального мышления, сопереживаю его эмоциям, даже вижу его облик – и все благодаря его музыке. Все девять томов органных сочинений Баха входят в мой концертный репертуар. Я горжусь тем, что мне удалось открыть многим людям красоту и величие этой музыки.

Я служу господину Баху свыше 50 лет и не перестаю преклоняться перед его гением. Это буйство фантазии и одновременно строгий расчет, потрясающее знание полифонических канонов и импровизационная свобода. Музыка

Баха, даже самая драматическая, устремлена к свету, добру, она созвучна стремлению человека к идеалу».

Благодаря энтузиазму великого органиста в нескольких городах России проходили Баховские фестивали. Так, в Твери ежегодно, в марте, ко дню рождения этого немецкого композитора проводятся такие праздники, всего их было уже одиннадцать. Маэстро мечтает где-нибудь в живописном месте обрести собственный орган, а еще лучше зал, чтобы «творить» в нем новые фестивали, открывать новые имена.

К 75-летию со дня рождения и 50-летию творческой деятельности Гарри Яковлевича Московская филармония открыла в 2004 году юбилейный абонемент из десяти концертов. Первые же осенние и зимние концерты цикла прошли в переполненных залах.

О себе «властелин органной державы», как его называют, рассказал следующее: «Конечно, у каждого человека есть свои слабости, я, например, люблю фарфор. Стараюсь из каждой поездки привезти какую-нибудь чашечку. У меня очень большая коллекция посуды – я очень люблю пить кофе каждый день из другой чашки. Драгоценная жемчужина моей коллекции – старинный саксонский фарфор, это маленький чайный сервиз, который мне подарили очень давно. Кроме того, я очень люблю живопись, театр, природу».

Гродберг продолжает собирать полные залы. Люди идут на его концерты, чтобы хоть немного очиститься от будничной суеты, ощутить дыхание Вечности. «Орган – гениальное изобретение человека, инструмент, доведенный до совершенства, – говорил маэстро. – Он действительно способен быть властелином душ. Сегодня, в наше напряженное, полное трагических катаклизмов время, минуты самоуглубленного размышления, которые дарит нам орган, особенно ценны и благотворны».

ГУДИНИ ГАРРИ

Настоящее имя – Эрик Вайс
(род. в 1874 г. – ум. в 1926 г.)

Великий маг-иллюзионист.

Гарри Гудини еще при жизни стал легендой. Его способности, казалось, не знали границ. Эрудит, атлет, изобретатель, авиатор, библиофил, суперпрофессиональный пиарщик, кинопродюсер, исследователь паранормальных явлений и «Король наручников», Гарри с легкостью мог проникнуть в любое помещение, не оставляя следов взлома. Закованный в наручники, он без страха нырял в ледяную воду, освобождался из самых надежных тюремных камер, часами находился в гробу под землей. Совершая очередное чудо, великий маг вновь и вновь был готов покорить публику.

Эрик Вайс родился 6 апреля 1874 года в городке Пешта под Будапештом в ортодоксальной еврейской семье. Его отец Рэбби Майер Мамуэль Вайс был раввином и прекрасно владел несколькими языками: идишем, венгерским, немецким. Мать

мальчика, Сесилия Штайнер Вайс, была домохозяйкой. Когда Эрику исполнилось четыре года, семья переехала в местечко Эплтон, штата Висконсин в США. Позже знаменитый иллюзионист утверждал, что он родился именно в этом городе. Только в старости в одном из интервью он сказал: «Самый успешный побег мне удалось совершить, когда я уехал из Эплтона, штат Висконсин». В 1876 году родился брат Эрика – Теодор (Тео) Вайс.

Эрик очень любил фокусы. Он увлекался ими с шести лет. О своих первых шагах на поприще мага иллюзионист вспоминал с улыбкой всю жизнь. Первый фокус, который научился делать мальчик, был трюк под названием «Игра с горошиной». Его суть заключалась в том, чтобы «заставить» высушенную горошину появиться под одной из трех чашек (причем не под той, на которую указал зритель). В наше время этот фокус применяют «наперсточники».

Семья Вайс жила бедно, поэтому детям рано пришлось начать работать. С восьми лет Эрик торговал газетами и чистил обувь. В 12 лет подросток сбежал из дома в поисках лучшей жизни. Однажды, в 1886 году, он увидел на ярмарке выступления испанского иллюзиониста Торреса и твердо решил стать магом. Через год, когда его отец переехал в Нью-Йорк, Эрик отправился путешествовать по стране. Подросток сменил множество занятий, но при первой же возможности отсылал часть заработка матери. Когда отец обосновался в Нью-Йорке и вызвал туда семью, Эрик тоже приехал и устроился на фабрику по пошиву галстуков «Рихтер & Санз». Он, чтобы помочь родителям, совмещал сразу две должности: посыльного и закройщика. В это же время Эрик увлекся спортом и завоевал несколько наград на соревнованиях по плаванию и легкой атлетике. Позднее эта серьезная спортивная подготовка поможет ему стать великим мастером освобождений.

Подросток мечтал стать фокусником и посвящал мечте все свободное время. Поначалу он называл себя Великим Эриком, а затем выбрал более звучный псевдоним. В то время начинающий маг прочитал две книги, полностью изменившие его жизнь: «Откровения спиритического медиума» А. Медиума и автобиографию одного из величайших иллюзионистов того времени «Мемуары Роберта Гудина». Желая во всем походить на своего кумира, подросток взял себе имя Гарри Гудини, изменив только последнюю букву на «и», что означало «подобный Гудини».

Во время своих первых представлений Гарри показывал простые фокусы с картами и несложные трюки, именуя себя «Королем карт». Но, решив создать свой, абсолютно новый фокус,

начал экспериментировать с наручниками и использовать их во время представлений. Этот трюк вызывал особый интерес у публики. Зрителям казалось, что наручники ненастоящие и все, что происходит на сцене, тщательно спланировано и заранее подготовлено. Начинающий артист больше времени уделял шлифовке мастерства исполнения, не обращая должного внимания на постановку эффектного шоу. Его ранние выступления были обрывочными и бесцветными. Нужно ли говорить о том, что отец Эрика не одобрял увлечения сына. Он хотел, чтобы старший из детей тоже стал раввином. Постоянная тревога за судьбу сына постепенно подтачивала его здоровье.

Вскоре Гарри начал выступать с напарником – молодым человеком, работавшим с ним на фабрике. Их дуэт назывался «братья Гудини». Вскоре название стало ближе к реальности: Гарри уговорил выступать Тео. Весь 1890 год братья разрабатывали собственное шоу и уже были готовы отправиться на гастроли. Правда, шоу не хватало эффектных трюков. Гвоздем программы был фокус «Метаморфоза» (современному зрителю он известен как «Сундук перемещений»). В исполнении «братьев Гудини» этот номер выглядел так: Тео со связанными руками запирали в деревянный ящик, на который взбирался Гарри. Занавес открывался на счет «три» – и братья менялись местами.

Несмотря на множество приглашений, заработок дуэта совершенно не покрывал расходов: братья зарабатывали лишь десять долларов в неделю. Но они продолжали работать в надежде, что их дела вскоре пойдут лучше. Но жизнь внесла свои коррективы в их планы. В октябре 1892 года умер отец, оставив на попечении 18-летнего Эрика мать, брата и сестру. В последние минуты жизни он заставил старшего сына поклясться на Торе, что он позаботится о родных.

В надежде на приличный заработок Гарри отправился на гастроли в Чикаго и не ошибся. Дуэт вскоре приобрел широкую известность, но не настолько, чтобы жить безбедно. Постоянно подрабатывая в мелких и больших клубах, братья во время одного из представлений случайно познакомились с одним из чикагских гангстеров, научившего их взламывать замки. Позже он очень удивился, что, овладев искусством взлома, Гарри не стал медвежатником. Молодой иллюзионист сразу начал думать, как применить полученные знания в своих выступлениях. Он решил стать мастером освобождений и принялся разрабатывать новые трюки.

В 1894 году в Кони-Айленде Гарри познакомился с Вильгеминой Беатрис Ранер, которая пела и танцевала в группе «Флорал систерс». Девушка произвела на него такое сильное

впечатление, что спустя две недели молодые люди поженились. Их брак с уверенностью можно назвать удачным. Еще в начале семейной жизни они договорились любыми путями избегать мелких размолвок и скандалов. Гарри был вспыльчив, и, зная это, молодожены условились, что как только он три раза поднимет правую бровь – жена обязана замолчать. Если сердилась Бесс, то муж должен был выйти из дома, обойти его и забросить шляпу в окно. Гарри мог вернуться, только когда шляпа больше не вылетала из квартиры на улицу.

Супруги стали выступать вместе, а Тео занялся самостоятельной карьерой. Гарри тщательно пересмотрел свою концертную программу: убрал большую часть фокусов и сосредоточился на трюках освобождения. Гудини стал не просто профессиональным иллюзионистом, теперь он выполнял номера, которые требовали не только физической силы, но и поразительной выносливости и ловкости. Во время выступлений он позволял связывать себя любыми путами, заковывать наручниками – и всегда освобождался. Тысячные аудитории неистовствовали, пока он, запертый в ящике, развязывал ремни и освобождался от оков. Если Гудини выполнял номер очень быстро, он, чтобы продлить зрительское напряжение, сидел за ширмой и читал журнал, а затем появлялся, отдуваясь и тяжело дыша, старательно изображая человека, приложившего немало сил для спасения.

В 1899 году одно из выступлений Гарри посетил весьма влиятельный агент Мартин Бек, владевший крупной сетью театров варьете «Орфеум». И вскоре Гудини уже выступал в нескольких его театрах по всей стране.

В 1900 году иллюзионист по совету своего лучшего друга и популярного в то время фокусника Нельсона Даунза отправился вместе с женой на гастроли в Европу, где за короткий срок приобрел огромную популярность. Гудини ввел новый трюк: стал предлагать награду тому, кто сможет связать или заковать его так, чтобы он не смог освободиться. Правда, награда так никому и не досталась и это создало вокруг артиста ореол сверхчеловеческих возможностей. Настоящий фурор иллюзионист произвел в Лондоне, выполнив сложный и рискованный трюк: его заковали в наручники, зашили в мешок и сбросили в Темзу. Вскоре он всплыл на поверхность, помахивая кандалами. Затем Гудини с триумфом гастролировал в Германии и России. В Европе у него был такой объем работы, что популярный иллюзионист привлек к выступлениям брата, который взял псевдоним Хардин.

Вернувшись в США звездой первой величины, Гудини купил себе прекрасный дом в Нью-Йорке. Но не все было так гладко в

его карьере. Его успехом воспользовались другие фокусники и повторяли его трюки. Это заставляло Гарри придумывать все более сложные и опасные номера. Он стал первым человеком, выполнившим трюк освобождения из наручников в мешке, подвешенном к карнизу небоскреба. Великий иллюзионист с легкостью освобождался из железного ящика, закрытого от зрителей ширмой. Он быстро появлялся из-за нее, а мощные болты, гайки и закрепляющие их шпильки в крышке ящика при этом оставались на месте. В ящике не было никаких люков, секрет заключался в особой конструкции болтов.

27 января 1908 года в Сент-Луисе впервые был представлен сенсационный номер «Освобождение из молочного контейнера». Гарри залезал в большой молочный бидон с широкой горловиной, доверху заполненный водой. Зритель имел возможность запереть крышку принесенным из дому замком, затем на несколько секунд бидон закрывали ширмой и… Гудини появлялся мокрый, но свободный. Секрет этого трюка до сих пор не разгадан.

Чтобы выполнять такие невероятно сложные номера, Гарри не достаточно было знаний конструкций любого замка или запора. Он удивительно владел своим телом, постоянно тренируясь. Когда его заковывали или связывали, Гудини до предела напрягал мышцы, значительно увеличивая их объем, а затем расслаблял и освобождался. Маг использовал для этого тончайшие приспособления: складные отмычки, спрятанные в обуви. У шпагоглотателей он научился прятать их даже в пищеводе, привязав ниткой к зубу. Гарри также мог «сложиться напополам» и задержать дыхание на две минуты.

Знаменитый иллюзионист не избежал зависти коллег и коварства зрителей. Однажды сыщик предложил ему свои наручники, заклинив их механизм фольгой. После этого случая Гудини всегда проверял пригодность изделия, ведь испорченная вещь могла стоить ему жизни.

В 1906 году иллюзионист показал трюк с освобождением из камеры смертников. В официальном отчете тюремного полицейского: «Сим удостоверяется, что сегодня господин Гарри Гудини в тюрьме Синг-Синг в Соединенных Штатах был полностью раздет, полностью обыскан и заперт в камере номер 2… Господин Гудини приблизительно через две минуты смог выйти из камеры».

После непродолжительных гастролей в Англии и Германии Гудини в 1908 году вновь посетил Россию. В Москве и Петербурге он повторил свой номер по освобождению из камеры перед охранниками Петропавловской крепости и Бутырской тюрьмы. Спустя год маг отправился в Гамбург. Там он приобрел самолет и

все свободное время учился им управлять. Затем в разобранном виде Гарри перевозит самолет в Австралию и 16 марта 1910 года становится первым летчиком, взмывшим в небо над этим континентом. Не оставляя своего нового увлечения, маэстро освобождений придумывает очередные рискованные трюки. В Англии он впервые представил номер «Освобождение из жерла пушки», в котором успевал выбраться из ствола орудия до того, как срабатывал запал. Вернувшись в США, Гудини продолжал шокировать соотечественников. Только однажды он получил тяжелую травму и вынужден был пролежать в больнице несколько недель.

В 1913 году Эрик Вайс официально изменил свое имя на сценический псевдоним. В том же году маг впервые продемонстрировал свой легендарный номер «Китайская водная камера». Он был полон свежих идей и планов, но их на время отдалила смерть матери, ставшая сильнейшим потрясением для Гудини. Он прервал свои гастроли в Германии и срочно вернулся домой.

В 1914 году иллюзионист был избран президентом Клуба магов в Англии, а два года спустя начал свою кинокарьеру. Теперь миллионы поклонников великого волшебника по всему миру получили возможность увидеть его в необычных амплуа актера, сценариста и режиссера. Он стал единственным в истории иллюзионистом, снявшимся в пяти фильмах («Мастер тайны», «Мрачная игра», «Остров страха», «Человек из другой реальности» и др.) и написавшим несколько интересных сценариев. К 1923 году Гудини-режиссер успел снять пять полнометражных фильмов и был удостоен одной из первых звезд на знаменитой Аллее славы в Голливуде (за вклад в киноиндустрию).

В 1917 году Гудини был избран президентом Общества американских магов и купил в Нью-Йорке специализированный магазин для иллюзионистов «Martinika’s Magic Shop». Будучи очень богатым человеком, он постоянно занимался благотворительностью, жертвуя солидные суммы в пользу нуждающихся. Однажды к нему со словами благодарности бросился пожилой незнакомец, и иллюзионист с удивлением узнал, что вот уже год оплачивает его квартиру. Жертвовал он деньги и на достойное содержание могил известных фокусников прошлого. Один из биографов Гудини писал, что делать добро людям его учили с детства.

В 1918 году в память об отце Гудини организовал «Театральное общество для детей раввинов», став его президентом.

Иллюзионист был другом президента Т. Рузвельта и не раз

принимал у себя особ королевской крови. Среди его знакомых был и сэр Артур Конан Дойл, который считал, что Гудини по роду своей деятельности должен быть последователем спиритизма. Однажды друзья поссорились из-за неудачного сеанса. Гарри был убежденным материалистом и часто разоблачал мошенников и шарлатанов, совершавших «удивительные чудеса». «Ложь для развлечения, и никогда для выгоды», – таким был девиз популярного мастера побегов и освобождений. Благодаря ему на «чистую воду» были выведены десятки мнимых чудотворцев и ясновидящих. В ряде книг и статей Гудини продолжил разгромные разоблачения. В книге «Верный путь для неверных поступков» он рассказал правду о деятельности псевдочудотворцев; «Маг духов» была направлена против псевдопсихологов; «Разоблачение Роберта Гудина» – самый обширный труд по теории магии для того времени. А еще иллюзионист читал широкой аудитории лекции, объясняющие трюки и фокусы (но, конечно, не все). В 1925–1926 годах Гудини продемонстрировал «Триумфальное представление», состоящее из трех актов, плотно заполненных известными номерами и трюками.

Одного не мог избежать прославленный маг– освободиться из цепких рук смерти. 22 октября 1926 года после очередного выступления в Монреале к нему за кулисы зашел молодой человек и поинтересовался, правда ли, что он может выдержать несколько сильных ударов в живот. Гудини даже не успел напрячь мышцы, как незнакомец нанес сильные удары. Боль Гарри привык терпеть, но это нападение спровоцировало разрыв аппендикса. Не подозревая об этом, Гудини продолжал выступления в Монреале, а затем в Детройте. 1 октября он почувствовал себя плохо и был доставлен в больницу, где и умер в тот же день. Позднее газетчики выдумали, что иллюзионист погиб на одном из представлений, исполняя опасный трюк, ведь аппендицит – это так банально. Его похоронили в том же бронзовом гробу, в котором он спускался под воду для своих трюков. На могиле Гудини, на кладбище Мэннила в Нью-Йорке, помещен герб Общества американских фокусников, которому он завещал крупную денежную сумму.

Бесс в течение десяти лет проводила спиритические сеансы, ожидая, что он, как и договорились, подаст ей условный знак с того света. Последний сеанс состоялся в Лондоне в 1936 году, после чего вдова официально заявила, что больше не станет этим заниматься, так как «десять лет – это достаточно, чтобы дождаться любого мужчину». Она передала в Библиотеку Конгресса США уникальную семейную библиотеку Гудини,

насчитывавшую 5200 томов, большая часть которых была посвящена магии. В 1976 году все американские СМИ застыли в ожидании сенсации: через 50 лет вскрыли плотный конверт, хранящийся в одном из банков. Надежда узнать секреты мастера рассыпалась в прах – все листки в так называемом завещании были чистыми…

В городе Эплтон открыт музей Гудини, который не только знакомит всех желающих с историей жизни знаменитого иллюзиониста, но и раскрывает тайны некоторых его трюков. Популярность его была столь велика, что в память о нем в английском языке осталось слово «гудинайз», означающее «умение выпутываться из любой ситуации и проходить через все преграды».

ГУДМЕН БЕННИ

Полное имя – Бенджамин Дейвид Гудмен
(род. в 1909 г. – ум. в 1986 г.)

Американский музыкант, кларнетист, саксофонист и руководитель джаз-оркестра.

Его называли Королем свинга[1], хотя он играл и традиционный джаз, и кул, и бои. Совместно с негритянскими импровизационными ансамблями знаменитый музыкант создал ряд камерных джазовых сочинений, снимался в кино. Его блестящая творческая биография ставит маэстро в ряд великих джазовых мастеров XX века. Для него писали музыку такие представители академической школы XX ст., как американец Аарон Копленд, немец Пауль Хиндемит и др. Гудмен прекрасно играл также классику, записав два альбома с музыкой Моцарта.

Одна из главных заслуг всемирно известного музыканта – не только создание первого замечательного джаз-оркестра, положившего начало «эре свинга». Он был фактически первым белым лидером биг-бэнда (большого оркестра), пригласившим к

себе чернокожих музыкантов, чем внес огромнейший вклад в развитие джаза и разрушение расовой дискриминации.

История джаза началась с того, что белые поселенцы Северной Америки в качестве рабов привезли в трюмах кораблей тысячи негров из Африки. Чернокожие невольники смогли взять с собой только врожденное чувство ритма и музыкальной гармонии. После работы на плантациях, на лесосеке или на стройках они исполняли свои африканские протяжно-унылые песни из негритянского фольклора, в которых главным музыкальным сопровождением был барабанный бой диких племен Черного континента. То есть все началось с «голого» ритма, с барабана. Вот эти грустные песни «блюз» – (blue – грустный) – и стали позже основой джаза, который возник из четырех компонентов: блюза, духовных гимнов (спиричуэлс), рабочих песен и африканского ритма.

После американо-испанской войны 1898 года были распущены сотни духовых военных оркестров США. Музыкально одаренные, но бедные негритянские парни раскупили за бесценок инструменты демобилизованных солдат. При помощи развитого от природы слуха они переложили свои песни на трубу, кларнет, тромбон, банджо и, конечно, на свой любимый барабан.

Так примерно в 1900 году в Новом Орлеане, где жили представители разных народов, родился джаз и дал название первому джазовому стилю – нью-орлеанский. Это были, в основном, бесшабашно веселые, даже оптимистически-бравурные песенки на основе блюза, в котором переплелись африканские и европейские традиции.

Нью-орлеанский джаз – пример «горячего», или хот-джаза, то есть страстного, темпераментного исполнения мелодий небольшими ансамблями – джаз-бандами (band – оркестр). Позже к вышеперечисленным инструментам присоединилось фортепьяно, и в моду вошла импровизация – не заранее сочиненная музыка, а придуманная на ходу, «под настроение».

Основа импровизации в джазе – темы, которые музыканты называют «стандартами». Обычно это популярные мелодии из мюзиклов и просто песни, созданные известными композиторами. (Допустим, Леонид Утесов использовал в своем джаз-оркестре даже некоторые мелодии Исаака Дунаевского.)

Сам термин «джаз» появился, наверное, после 1910 года от выражения «jazzing it ap» – играть с воодушевлением, энергично, в быстром темпе.

Взяв пример с чернокожих музыкантов, белые исполнители стали тоже играть новую музыку. Чтобы отмежеваться от негров, они переименовали джаз в диксиленд (символическое название

южных штатов США). Белые, по достоинству оценив новую музыку, старались играть, как черные. Иногда для выступлений они даже красили свои лица сажей, чтобы было «более похоже». Тем не менее, негритянские ансамбли существовали сами по себе, а белые – сами по себе. Никому из белых и в голову не приходило пригласить играть в свой оркестр черного музыканта (как, впрочем, и наоборот).

Многие джазовые артисты переехали в Чикаго, где оккупировали кафе, рестораны, парковые танцплощадки. Чикагский стиль ознаменовал приход биг-бэндов и характеризовался появлением инструмента, символизирующего джаз, – саксофона. Ключевой фигурой композиции являлся музыкант, играющий соло. Пьеса могла состоять из нескольких, следующих одна за другой, сольных партий. При этом личность каждого музыканта раскрывалась значительно полнее.

В Чикаго, ставшем, можно сказать, джазовым городом родился 30 мая 1909 года будущий Король свинга Бенни Гудмен. Его отец был бедным эмигрантом из Белой Церкви. С десяти лет одаренный мальчик начал учиться игре на кларнете, занял место ведущего музыканта в ансамбле при чикагской синагоге. Спустя два года он уже выступал в концертах как виртуоз-кларнетист, исполнитель классической и современной музыки. В 14 лет подросток достиг такого мастерства, что его приняли в Союз музыкантов, и он регулярно выступал в своем родном городе. Спустя год Бенни уже считался профессиональным исполнителем эстрадно-танцевальной музыки и с блеском выступал на концертах. В августе 1925 года, когда ему исполнилось 16 лет, Гудмен стал одним из главных солирующих музыкантов оркестра Поллака (вместе с признанными мастерами Гленном Миллером, Джимми Макпортландом и Джеком Тигарденом). В декабре 1926 года Бенни сделал свою дебютную запись в составе этого оркестра.

Через три года 20-летний Гудмен покинул оркестр Поллака, начал работать с Редом Николсом и вскоре стал очень востребованным студийным музыкантом. (Являясь искусством исполнения, джаз не мог быть записан нотами. И только благодаря изобретению грамзаписи он стал распространяться по всему миру.) В 1929–1933 годах популярный кларнетист записался в огромном количестве выступлений. Иногда он не менее блестяще играл на саксофоне или трубе.

С 1933 года мир разделился на тех, кто любил джаз и разбирался в нем, – и на всех остальных. Началась «свинговая эра». Флагманами здесь являлись Каунт Бэйси (так сказать, «черная» струя) и Бенни Гудмен («белая» струя).

В 1934 году Бенджамину удалось создать оркестр, состоящий только из белых музыкантов высокого класса. Они освоили репертуар и манеру игры негритянского джаза нового направления – свинга. Этот стиль отличался профессионализмом, красивыми мелодиями, четкостью, но в то же время ему была присуща излишняя развлекательно-эстрадная направленность. Открыв для широкой публики новые формы негритянской музыки, Гудмен способствовал развитию джаза на всей планете.

Его джаз-оркестр и большинство белых биг-бэндов стали исполнять только коммерческо-развлекательную музыку. Она нравилась большинству слушателей, была мелодичной, но во многом утратила индивидуальность, касающуюся личности исполнителя или композитора. Хотя профессиональный уровень ее был высок. (Взять, к примеру, «Серенаду Солнечной долины» Гленна Миллера.)

В том же 1934 году Бенни начал записываться на студии Columbia и появился в радиоэфире в популярной американской программе «Давай потанцуем». Используя аранжировки Флетчера Хендерсона, ансамбль Гудмена показал, что вполне возможно играть одновременно и джаз, и танцевальную музыку. Свинговый оркестр 1930-х годов обычно включал в себя около 15 музыкантов и состоял из секции труб и тромбонов, секции саксофонов и ритм-секции (рояль, бас, ударные, иногда ритм-гитара). Аранжировка строилась на противопоставлении секции труб секции саксофонов, а рояль, бас, ударные держали четкий ритм. Саксофонная секция вела мелодию, в то время как трубы шли в такт сильным долям. Эффект создавался потрясающий, и вся Америка танцевала под эту музыку.

В мае 1935 года радиошоу «Давай потанцуем» прекратило свое существование, и жизнь бэндлидера Гудмена стала далеко не безоблачной. Тем не менее, он с трубачом Банни Бэриганом записал на студии популярные композиции «King Porter Stomp» и «Sometimes I'm Happy». Знаменитый музыкант также объединился с Тедди Вилсоном и Джини Крупа в трио под названием «Benny Goodman Trio», выпустил альбом в этом составе и отправился на гастроли на запад США.

В Лос-Анджелесе известный мастер джаза, наконец, стал национальной сенсацией, все билеты на его концерты были распроданы. С этого момента начался успех биг-бэнда Бенджамина Дейвида Гудмена, первого популярного подлинно джазового оркестра, состоящего из одних только белых исполнителей.

Ансамбль стал набирать стремительные обороты на пути к всемирному успеху. В него входили такие известные музыканты,

как саксофонист Артуро Роллини, трубачи Харри Джеймс и Зигги Элман, барабанщик Джини Крупа – родоначальник неподражаемого барабанного соло. В ноябре того же года биг-бэнд вернулся в Чикаго и с большим успехом выступал в Конгресс-Отеле до весны 1936 года.

Но вершиной популярности для знаменитого кларнетиста, пожалуй, явился его концерт в Карнеги-холл в январе 1938 года, а композиции «She's Funny That Way» и «Swingtime In Rockies» стали джазовой классикой. Через два года Бенни пригласил в свой новый секстет гитариста Чарли Крисчена и подписал новый контракт с фирмой Columbia. Он начал использовать в своем репертуаре сложные аранжировки Эдди Саутера, для чего пригласил таких замечательных оркестрантов, как Джорджи Элд, Кути Вильямс, Джонни Гарньери.

К 1945 году музыка оркестра Гудмена стала звучать несколько старомодно. На следующий год он распустил свой оркестр и затем на некоторое время отдался течению бибопа – «черной», протестующей, импровизационно-надрывной, истеричной музыке, возникшей в противовес «белой» коммерческой.

В 1949 году биг-бэнд Гудмена с успехом использовал прогрессивные аранжировки Чико О'Фаррила. Но в следующем году Бенджамин опять вернулся к свингу, который давал ему возможность демонстрировать слушателям свой филигранный стиль и отточенное мастерство, за что публика всегда ценила Короля свинга.

В 1957 году часть музыкантов решила отмести всяческие правила в музыке. Никаких правильных аккордов, никакого подчинения постоянному ритму – играй, освободившись от всего! Представьте: восемь музыкантов играют что есть силы каждый что-то свое, налегая при этом на динамику и экспрессию. Освободившись от всего, фри-джазмены, очевидно, освободились и от смысла. Однако фри-джаз стал модным, поскольку брались его исполнять люди, почти не умеющие играть, но выдающие свое неумение за «свободу выражения творчества».

В 1962 году в США пришло ошеломляющее известие: правительство СССР разрешило приехать в Советский Союз американским музыкантам. Решено было послать Короля свинга, который срочно собрал «оркестр» и отправился в Москву.

Это стало неповторимым событием для советских любителей джаза. Желающих своими глазами увидеть и послушать «живого» Бенни Гудмена было предостаточно. В ходе концертного турне знаменитый маэстро посетил синагогу в Тбилиси. А вот в Киеве его просьба дать бесплатный концерт на родине отца – в Белой

Церкви – получила отказ властей. Как известно, коммунистические идеологи считали эту музыку тлетворным влиянием загнивающей буржуазии и всячески ее запрещали: «Кто сегодня слушал джаз – завтра родину продаст!» И это несмотря на то, что он был популярным и любимым, и играли его такие известные на всю страну музыканты, как, скажем, Леонид Утесов. Интересно заметить, что ненавидели и запрещали джаз власти только двух государств – фашистской Германии и большевистской России.

Со второй половины 1960-х годов Бенджамин Дейвид Гудмен стал выступать редко, а в 1973–1977 годах вообще не выпустил ни одного альбома. Но в 1978 году многочисленные поклонники снова увидели замечательного мастера. Он вернулся на сцену и блестяще выступил на своем юбилейном концерте в Карнеги-холл. В начале 1980-х годов знаменитый музыкант собрал свой последний оркестр и стал появляться на телевидении, участвовать, как в молодости, в различных шоу-программах. Но годы брали свое – 13 июня 1986 года Бенни Гудмен умер в Нью-Йорке.

И поныне любители джаза с удовольствием слушают записи знаменитого кларнетиста, в которых звучат неподражаемые импровизации Короля свинга.

ГУСИНСКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

(род. в 1952 г.)

Крупнейший российский предприниматель, олигарх и медиамагнат. Создатель первой информационной империи в России. Председатель совета директоров ЗАО «Медиа-Мост», генеральный директор компании «Группа “Мост”», президент «Мост-банка» и вице-президент Ассоциации российских банков. Вице-президент Всемирного еврейского конгресса и президент Российского еврейского конгресса. Имеет российское и израильское гражданство. В 1997 г. журнал «Форбс» оценивал его состояние приблизительно в 400 млн долларов.

«Я никогда не был готов к роли политического диссидента, я лишь бизнесмен, привыкший делать деньги. Однако избранный мною в России бизнес оказался весьма своеобразным. Если бы я занялся нефтью, газом или драгоценными металлами, как это

делают остальные, то у меня было бы намного больше друзей в правительстве и у меня были бы хорошие отношения с президентом.

Я наивно считал, что прошлое в Россию уже не вернется. Я думал, что 10 лет демократии достаточно для укрепления основ свободной системы и свободного общества. Когда я начал работать в информационной сфере, я был убежден, что Россия не сможет поменять направление своего развития. И я ошибся…» Так в январе 2001 года говорил в интервью журналистам глава холдинга «Медиа-Мост» Владимир Гусинский, пребывая в Испании под домашним арестом.

Родился будущий «международный преступник» и российский медиамагнат 6 октября 1952 года в Москве, в семье, где старшее поколение подверглось сталинским репрессиям: дед Гусинского был расстрелян в 1937 году, бабушка тогда же была арестована и отсидела 9 лет в лагере.

По окончании средней школы Володя поступил в Московский институт нефти и газа им. Губкина, но на втором курсе был отчислен за неуспеваемость, несмотря на то что мать работала там преподавателем. Его призвали на военную службу, которую он проходил в войсках ПВО под Белгородом. Затем Гусинский вновь стал студентом МИНГа, но вскоре ушел оттуда сам. В 1975 году он поступил в Государственный институт театрального искусства на режиссерский факультет, который окончил в 1981 году.

Театральное образование, несомненно, пригодилось Владимиру, хотя в профессиональной карьере он не достиг значительных высот. Окончив ГИТИС, он поработал некоторое время режиссером в Туле, где уже тогда демонстрировал характер очевидного лидера. Одна из актрис вспоминала: «Как-то он подвозил меня из Тулы, где мы ставили спектакль, до Москвы на своей “четверке”. Погода была неважная, темнело. Кроме того, в машине была еще его жена с совсем крошечным ребенком. “Спорим, – сказал Гусинский, – что я не пропущу вперед себя ни одной машины!” Так и было: никого не пропустил до самой Москвы. А потом сказал: “Я должен быть первым! Всегда! Во всем!”».

В начале 1980-х годов молодой режиссер перебрался в Москву и подвизался в сфере организации культурно-массовых мероприятий. Заведовал художественно-постановочной частью Международного фестиваля молодежи и студентов, был главным режиссером московских Игр доброй воли и вообще брался за любую работу подобного рода: проводил дни культуры, дни печати, праздники районов и т. д. Такая деятельность требовала

не только режиссерских, но и менеджерских талантов в сугубо советском их понимании: надо было уметь договариваться, «доставать» все необходимое для мероприятий. Требовалось также умение «неформально» оперировать денежными средствами.

При всем при том эта деятельность не обеспечивала стабильных доходов, а потому Володя подрабатывал частным извозом на своей машине и играл в карты. По некоторым сведениям, не брезговал он и ростовщичеством, махинациями с антиквариатом и драгоценностями и т. п.

В 1986 году Гусинский с приятелем Борисом Хаитом создал кооператив «Металл». Они занимались производством различных металлических изделий – от женских украшений до гаражей. В 1987 году был организован новый кооператив. Будущий медиамагнат и его партнеры осваивали технологию специального литья из меди, получили первую лицензию на внешнеэкономическую деятельность.

Именно в это время зародилось тесное сотрудничество Володи с Юрием Лужковым, который, занимая пост зампреда Мосгорисполкома, отвечал за развитие кооперации в столице. Сейчас сложно сказать, на какой почве сдружились чиновник Лужков и картежник Гусинский, но ясно одно: дружба получилась весьма прочной и была «пронесена через года». Возможно, молодой энергичный предприниматель, имевший через родственные и деловые контакты выходы на различных «деловых людей» и располагавший обширными связями в среде номенклатуры среднего уровня, привлек внимание будущего мэра своей хваткой и талантом «чувствовать время».

В 1988 году Владимир создал консультационно-информационный кооператив «Инфакс», который специализировался на консалтинге в сфере права и финансов, занимался политическим анализом по заказу клиентов, в основном иностранных, а также торговлей сигаретами и компьютерами. В значительной мере это была посредническая деятельность по налаживанию самых разнообразных связей между представителями зарождавшегося частного бизнеса и чиновниками различных уровней.

Совместное предприятие «Мост» было создано в 1989 году на паритетных началах с солидной американской фирмой «Арнольд и Портер». Этот шаг молодого кооператора был вполне оправдан – СП предоставлялись налоговые льготы. Позже, когда срок льгот истек, необходимость в иностранных участниках отпала и Гусинский выкупил долю у американцев «по номиналу», став полноправным хозяином дела, быстро набиравшего обороты. На

базе этой компании сразу же возник и акционерный коммерческий «Мост-банк», президентом которого также стал Гусинский. А уже через три года активной деятельности был образован холдинг АО «Группа “Мост”», в котором объединились банк и 42 предприятия.

Благодаря «особым» отношениям с московскими властями «Мост» успешно внедрился в строительный бизнес, а также занялся производством стройматериалов, операциями с недвижимостью и т. д. Как указывалось в средствах массовой информации, холдингу доставалась самая престижная московская недвижимость, которая оценивалась по остаточной стоимости. Так, в 1992 году «Мосту» были переданы на правах собственности 7 зданий общей площадью 70 298 кв. м. Это позволило группе активно заняться риэлторской деятельностью. На одной только сдаче офисов в аренду Гусинский мог, не прилагая особых усилий, «зарабатывать» несколько миллионов долларов в год.

Владимир производил впечатление человека безмерно самоуверенного. Как он сам признавался, от «дискомфорта» по поводу пресловутого «пятого пункта» он избавился еще в детстве, когда за «жидовскую морду» якобы побил ржавой трубой «во дворе игроков в домино». Вместе с тем еще в самом начале 1990-х годов, едва достигнув высокого положения в бизнесе, он уделял исключительное внимание вопросам обеспечения личной охраны. Численный состав и оснащенность службы безопасности «Моста» издавна были предметом зависти и подражания многих начинающих олигархов, а также объектом постоянного раздражения для МВД.

В феврале 1993 года на средства Гусинского была открыта газета «Сегодня». Редакция расположилась на трех этажах бывшего общежития Высшей партийной школы на Миусской площади. В кабинетах были установлены новейшие компьютеры «Макинтош», а сотрудники, даже рядовые, получали самые высокие в Москве журналистские зарплаты. По словам редактора, «Сегодня» создавалась как «газета влияния», прибыли от нее не предполагалось. Но Гусинский относился к такому подходу критически. Хорошо понимая ценность «влияния», он хотел вкладывать деньги в СМИ и для получения прибыли. И, обильно финансируя «Сегодня», стал создавать другие средства массовой информации.

В то время «Мост-банк» был на подъеме. Поскольку Владимир дружил с тогдашним министром финансов Б. Федоровым, «Мост» стал уполномоченным банком правительства РФ и агентом по продаже «золотых» сертификатов Минфина. Тогда же банк Гусинского получил и триллионный кредит госкомпании

«Росвооружение», одного из своих клиентов.

Но для создания медиаимперии денег требовалось еще больше. В начале 1993 года была создана телекомпания НТВ. Средства в нее вложили банки «Столичный» и «Национальный кредит», а также Национальный фонд спорта Шамиля Тарпищева, беспошлинно ввозивший в Россию табак и спиртные напитки. Эти гигантские прибыли дали хороший толчок развитию НТВ, которое в октябре начало вещание на пятом канале Санкт-Петербурга. В конце года «Мост-банк» предложил популярной радиостанции «Эхо Москвы» кредитную линию в обмен на 51 % акций, а в январе 1994 года НТВ перешло на четвертый общероссийский канал.

Главный офис «Моста» разместился в здании московской мэрии на Новом Арбате, которое было занято им после разгона многолюдного Моссовета, фактически поддержавшего Р. Хасбулатова в октябре 1993 года. Тогда же начались резкие антисемитские нападки на Гусинского. В статьях газеты «Завтра» он упоминался среди тех, кто «развязал братоубийственную бойню» у Белого дома. Говорилось также, что через «Мост» благодаря дружбе Гусинского с Лужковым проходят все триллионные платежи по городскому бюджету, с каждого из которых банк оставляет себе 3–4 %. Владимир подал в суд два иска о защите чести и достоинства и вскоре выиграл оба дела.

Между тем в марте 1994 года «Мост-банк» получил подтверждение статуса уполномоченного банка правительства Москвы, а сам Гусинский стал председателем Совета представителей уполномоченных банков. «Мосту» были переданы счета 20 бюджетных и муниципальных учреждений, московских внебюджетных организаций и фондов.

Через три месяца на Владимира «напала» уже влиятельная международная газета «Уолл Стрит Джорнал». В статье делался акцент на том, что аналитический отдел «Моста» возглавляет бывший первый зампред КГБ Филипп Бобков, «прославившийся» борьбой с инакомыслящими. И вместе с ним трудится еще полсотни бывших высокопоставленных сотрудников КГБ. Газета делала вывод, что работа группы «Мост» – «самый крупный и наиболее явный симптом нового влияния чекистов». Гусинский и в этот раз подал судебный иск, и издатель был вынужден извиниться.

Приблизительно в то же время, 11 октября 1994 года, случился «черный вторник». Совет безопасности РФ во главе с Олегом Лобовым возложил всю ответственность за обвал рубля на коммерческие банки. В ответ Гусинский сделал Лобова своей главной мишенью. Его обвиняли в полной экономической

бездарности, связях с сектой «Аум Синрике» и массе других грехов. Газета «Сегодня» даже ввела уничижительный термин «экономическая лоботомия». Почти открыто смеялись журналисты «Моста» и над тогдашним председателем верхней палаты парламента В. Шумейко. Тот, в свою очередь, заявлял, что «Мост-банк» заработал на обвальном падении рубля 14 млн долларов. В решении Совета безопасности предлагалось лишить банки валютных лицензий. Гусинский пригрозил, что отстаивать свои права он будет в независимом арбитражном суде. Решение Совета так и осталось на бумаге.

Почти год работа телекомпании НТВ шла нормально, но затем между партнерами начались разногласия. В результате все «посторонние» из НТВ были вытеснены, а Гусинский вместе с полным контролем над каналом приобрел «заклятого врага» в лице одного из бывших учредителей – Тарпищева, близкого друга Ельцина.

Хотя Шамиль мог серьезно навредить «Мосту», но во всех начавшихся после этого случая неприятностях глава охраны президента РФ Александр Коржаков обвинял Бориса Березовского. По его словам, именно Березовский создал в глазах Ельцина негативный образ «Гуся». В своей книге генерал писал, как однажды за обедом «хозяин» устроил разнос ему и тогдашнему главе ФСК Барсукову: «Почему вы не можете справиться с каким-то Гусинским?! Что он вытворяет?! Почему везде разъезжает?! На него все жалуются, и семья тоже. Сколько раз случалось, что Таня или Наина едут, а им перекрывают дорогу из-за этого Гусинского. Его НТВ распоясалось, ведет себя нахально. Я вам приказываю: разберитесь с ним».

«Эта тирада означала, что Березовский отыскал верную дорогу к ушам Ельцина», – заключал Коржаков и рассказывал далее, как 2 декабря 1994 года он организовал известную операцию по «укладыванию мордой в снег» охранников Гусинского средь бела дня у бывшего здания СЭВ на Новом Арбате.

В результате перестрелки в центре столицы была «засвечена крыша» Владимира – глава управления ФСК (Федеральной Службы Контрразведки) по Москве и области Е. Савостьянов. В свое время он работал в аппарате знаменитой Межрегиональной депутатской группы и был в прекрасных отношениях с вице-мэром Лужковым. За помощь Гусинскому Савостьянов был снят, а глава «Моста» на пять месяцев «эмигрировал» в Лондон.

Отношения Гусинского с Кремлем стали беспокоить Лужкова. И в январе 1995 года мэр столицы подписал распоряжение о создании Московского муниципального банка и постепенном

переводе туда счетов городского бюджета. Валютный баланс «Мост-банка» составлял тогда 2,3 трлн руб. Однако сразу же поползли слухи, что после потери бюджетных счетов у банка возникли серьезнейшие проблемы.

Весной «наступление» на Гусинского пошло полным фронтом. На заседании Госдумы Станислав Говорухин заявил, что в «Мосте» хранились деньги Дудаева и его бандформирований. Говорухин ссылался на слова генерала А. Куликова в интервью газете «Завтра». В те же дни правительственная «Российская газета» опубликовала статью «Под снегом только грязь». В ней приводились «мошеннические» истории 1985–1986 годов, связанные с Гусинским, и делались намеки на его «неформальные» отношения с мэром Москвы.

В начале 1996 года Гусинский финансировал создание Российского еврейского конгресса и был избран его президентом. Он регулярно проводил встречи представителей российского бизнеса еврейской национальности, которые преднамеренно носили демонстративный характер. Владимир рассчитывал, что власти будут сдерживать расследование его финансовых махинаций и связей с криминальным миром, так как он всегда может выступить в роли «жертвы антисемитизма». Кроме того, он стремился стать казначеем средств еврейской общины, которые оказались бы весьма кстати, учитывая финансовые трудности «Мост-банка».

Между тем срок первого президентства Бориса Ельцина подходил к концу. Война в Чечне, с резкой критикой которой выступала в первую очередь телекомпания НТВ, вконец подорвала его популярность. Его шансы избрания на новый срок были минимальными. Но в то же время олигархи были крайне обеспокоены возможностью победы коммунистов. Поэтому в марте случилось почти невозможное – на международном экономическом форуме в Давосе Гусинский помирился с Березовским, и они решили создать группу влиятельных предпринимателей для поддержки Ельцина на предстоящих выборах.

Сразу после Давоса Гусинский, Березовский, Потанин, Смоленский, Ходорковский, Фридман и Авен – так называемая «семибанкирщина» – были приняты президентом России. В результате переговоров была создана аналитическая группа во главе с Анатолием Чубайсом при избирательном штабе Ельцина. Знаменитая кампания «Голосуй или проиграешь!» была проведена именно штабом банкиров. Борис Ельцин на выборах победил. 25 июля 1996 года Гусинский получил «благодарность за активное участие в организации и проведении выборной кампании», а в

октябре стал членом Совета по банковской деятельности при правительстве РФ.

В январе 1997 года Гусинский сложил с себя полномочия генерального директора «Группы “Мост”» и президента «Мост-банка» и стал президентом ЗАО «Медиа-Мост». Кресло президента банка занял старый друг олигарха Борис Хаит, у которого «сложились хорошие отношения с московским мэром». Журнал «Итоги» стал из номера в номер публиковать книгу Лужкова «Мы дети твои, Москва». И уже летом счета столичного метрополитена были переведены из Монтажспецбанка в «Мост-банк». Остались в нем и счета московского департамента образования и комитета по культуре.

В это же время случился еще один скандал: в прессе была опубликована информация о средствах Чубайса на счетах «Мост-банка». Автор статьи, журналистка Эрикссен, заявила, что копии банковских выписок ей предоставили друзья-бизнесмены, которые некогда занимались с Чубайсом приватизацией и были им обмануты. Имела место и другая версия: кому-то нужно было испортить репутацию «Мостбанка», чья служба безопасности считалась самой серьезной в России.

Лена Эрикссен вскоре удостоилась чести подготовить к печати скандальное интервью Коржакова под многозначительным заголовком «Березовский просил меня убить Гусинского». Эта публикация вновь поссорила олигархов, хотя еще совсем недавно их отношения были прекрасными. Березовский якобы помогал Гусинскому готовиться «к борьбе» за компанию «Связьинвест», которую он обещал помочь приобрести за участие в подготовке выборов Ельцина.

Летом 1997 года Гусинский привлек на Западе кредиты, чтобы участвовать в конкурсе по продаже 25 % акций этой компании. Но конкурс выиграла кипрская фирма, представлявшая интересы «Онэксимбанка». И закончилось все крупным скандалом. Глава «Онэксима» Потанин заявил, что незадолго до проведения конкурса у него состоялась встреча с Чубайсом, Березовским и Гусинским, которые предложили ему не вступать в борьбу за «Связьинвест». После этого заявления Гусинский снова обратился с иском в суд о защите чести и достоинства, но в сентябре дело было прекращено по мировому соглашению сторон.

В декабре 1997 года Антимонопольный комитет РФ обязал Госкомсвязь брать с «Медиа-Моста» деньги за ретрансляцию его телесигнала по коммерческим ставкам, а не по государственным, как это было раньше. НТВ заявило, что будет отстаивать свои права в суде. Комитет пригрозил Госкомсвязи гигантскими

штрафами. Но в январе следующего года Арбитражный суд Москвы вынес решение в пользу телекомпании, а президент еще раз отблагодарил Гусинского за участие в подготовке победы на выборах. Ельцин подписал Указ, согласно которому НТВ включалось в состав «общероссийских телерадиовещательных организаций» вместе с ВГТРК, ОРТ и «Петербург – 5-й канал».

Летом 1998 года дочерние организации «Медиа-Моста» учредили две радиостанции – «Спорт-ФМ» и «До-радио», приобрели в собственность популярное «Радио “Деловая волна”». В начале следующего года, когда страна стала серьезно готовиться к новым президентским выборам, а отношения Кремля с Лужковым окончательно испортились, Гусинский вновь близко сошелся с мэром Москвы и НТВ стало активно поддерживать его фракцию «Отечество – Вся Россия».

Занявшись медиабизнесом, Гусинский неоднократно заявлял, что ставит целью лишь получение прибыли. В 1996 году эта позиция «несгибаемого прагматизма» позволила сделать неплохие деньги на президентской избирательной кампании. А после победы Ельцина «Медиа-Мост» в течение некоторого времени пользовался благоволением верховной власти.

В этот период были получены льготные кредиты Внешэкономбанка, которые затем регулярно пролонгировались. РАО «Газпром» на весьма выгодных для «Моста» условиях приобрел часть акций холдинга. В дальнейшем отечественный газовый монополист стал поручителем по обязательствам «Моста» перед иностранными кредиторами на сотни миллионов долларов, что впоследствии дорого обошлось самому «Газпрому». Высокозатратные проекты «Моста» оказались практически неокупаемыми после августовского дефолта 1998 года, когда резко снизилась прибыльность рекламного бизнеса, а возможности подпитки холдинга за счет прочих его структур были исчерпаны.

Поэтому в 1999 году Гусинский вынужден был вновь активно войти в политику. Он явно рассчитывал сыграть «на победителя», сделав ставку на политический тандем Лужков – Примаков. В случае выигрыша все финансовые проблемы «Медиа-Моста» исчезли бы. Но расчет оказался неверен, и к концу года «Мост» оказался в удручающем положении. Кредиторы требовали возврата долгов, а конкурирующая пресса начала рассуждения о том, кому и как Гусинский вынужден будет передать контроль над НТВ. Однако телекомпания не была отдана ни «Газпрому», ни другим кредиторам. Вместо этого хозяева «Моста» каким-то непостижимым образом стали выплачивать долги по старым займам, хотя конъюнктура информационного и рекламного

бизнеса оставалась отнюдь не блестящей.

На рубеже 1999–2000 годов внутриполитическая ситуация в России стабилизировалась, поскольку вопрос о власти был решен еще до президентских выборов. В Кремле появился новый хозяин – представитель спецслужб Владимир Путин. Но как будто не замечая этого, медиаструктуры Гусинского продолжали «информационную войну», сделав главной целью своих атак политику российской власти на Кавказе. Неизвестно, кто первым вбросил в информпространство версию о причастности ФСБ к взрывам в Москве и Волгодонске. Но только после умелой подачи этого сюжета «Медиа-Мостом» соответствующее толкование происшедших трагедий стало доминировать на Западе, что незамедлительно сказалось на международном имидже страны. В итоге империя Гусинского стала восприниматься в качестве «главного внутреннего врага» не только среди дремучих патриотов, но и в достаточно широком кругу функционеров действующей власти.

Генпрокуратура заинтересовалась холдингом «Медиа-Мост» в начале 2000 года. Занимаясь историей с хищениями в петербургской телекомпании «Русское видео», следователи выяснили, что эта государственная телекомпания была фактически присвоена «Мостом». Именно по этому делу 13 июня Гусинского арестовали и предъявили обвинение в мошенничестве. Находясь в Бутырской тюрьме, медиамагнат, по его собственным словам, подписал соглашение о продаже акций холдинга в обмен на освобождение из-под стражи и прекращение уголовного дела. Дело было закрыто. Бывший арестант улетел в Испанию, где сразу заявил, что не будет ничего продавать, так как бумаги подписал под давлением.

Следователи объявили Гусинского в розыск, но испанцы в экстрадиции отказали. После серии обысков в офисах «Медиа-Моста» дело его начало стремительно разрастаться, и среди прочих появился эпизод об уводе из холдинга активов. По версии следствия, главный финансист «Медиа-Моста» Антон Титов, действуя по указанию шефа, разработал схему выведения за рубеж денег, полученных холдингом в качестве кредитов и займов от РАО «Газпром», а также других предприятий. Как подсчитали в прокуратуре, таким образом за рубеж было переправлено 68,5 млн долларов, а «Газпрому» был причинен ущерб на сумму свыше 5 млрд рублей.

В ноябре 2002 года именитый клиент Генпрокуратуры – Владимир Гусинский – без проблем вернулся из почти двухлетней эмиграции и обосновался в своем подмосковном коттедже на Рублево-Успенском шоссе. Не исключено, что гарантии

сравнительно безопасного пребывания на родине опальный олигарх получил после того, как продал «Газпрому» остававшиеся у него акции НТВ, ТНТ, «Эха Москвы» и прочих компаний, ранее принадлежавших «Медиа-Мосту». Полностью утратив контроль над крупнейшей российской медиаимперией, Гусинский перестал быть угрозой для Кремля, у которого появилась возможность закрыть периодически осложняющую российско-американскую дружбу тему «гонений на свободу слова».

Пока вернувшийся репатриант не пытается выйти за флажки, расставленные Кремлем. Гусинский даже закрыл некоторые из новых издательских проектов. В свое время он первым создал негосударственную телекомпанию, затем стал первым олигархом, арестованным при Путине. Теперь его первым реабилитировали.

ДАВИД

(род. ок. 1043 г. – ум. в 973 г. до н. э.)

Царь и создатель централизованной державы – Израильско-Иудейского государства, отец царя Соломона.

Иногда трудно бывает воспринять библейские персонажи в качестве живых людей, а не просто героев литературного произведения. И, тем не менее, многие из них действительно являются частичками реальной истории человечества– правда, очень и очень древней… Эти люди, которые за прошедшие века обратились в прах, имели свои биографии, достоинства и недостатки, были негодяями или становились примерами для подражания. Что осталось нам от них? Лишь увлекательный сюжет да совет учиться на чужих ошибках. Но определить, действительно ли данный человек существовал в реальности и был ли он подлецом или праведником, не так-то просто. Библейских героев надежно погребли под собой мифы, которые с течением веков образовали практически непробиваемую «броню» вокруг ветхозаветных имен. Однако иногда историки и археологи отыскивают реальные сведения о том или ином персонаже и шаг за шагом восстанавливают достоверную картину минувшего. Так случилось и с одной из самых интересных личностей, описанных в Библии, – царем Давидом.

В Книге Книг об этом человеке говорится как о пастухе, сумевшем победить великана Голиафа и впоследствии ставшем правителем Израиля. Каким же он был на самом деле? Если верить работам современных археологов и историков, Давида трудно было назвать безгрешным, а в безжалостности с ним вообще мало кто мог тягаться…

Итак, данный библейский герой являлся праправнуком Руфи и Вооза. Его отец, Иессей, жил в иудейском селении Вифлеем. Давид, младший ребенок в семье, пас скот и не особо задумывался над своей дальнейшей судьбой. Однако у него с раннего детства проявился редкий музыкальный талант; юношей Давида призвали в царский дворец – развлекать игрой на гуслях Саула, страдавшего тяжелой меланхолией. Правитель был очарован музыкантом и решил сделать его личным оруженосцем.

(Разве это достойная профессия для молодого здорового мужчины – терзать струны?! Иное дело – меч… А музыку оставим для отдыха.) Воинскую славу Давиду действительно удалось стяжать – в сражении с бойцом-филистимлянином Голиафом, личностью весьма крупногабаритной… Причем поединок юноша выиграл благодаря своей меткости: камень, пущенный им из пращи, проломил бойцу-гиганту голову…

Интересно, что в Библии Голиаф погибает дважды: второй раз смерть настигает этого воина в той битве, в которой сам сильно постаревший Давид едва не покинул сей мир. Скорее всего, именно этот эпизод является реальным событием, тогда как поединок подростка и умудренного опытом бойца – всего лишь… банальный плагиат. Такую же историю старец Нестор рассказывал под Троей данайцам, не рискнувшим принять вызов Гектора. Тогда богатыря Эревфалиона убил совсем еще юный Нестор… Похоже, эту историю сам Давид услышал от филистимлянского царя Анхуза.

Последний правитель – личность весьма интересная. Известно, что Анхизом звали престарелого троянского героя, отца Энея, родоначальника римской аристократии. После гибели Трои он вместе с сыном некоторое время жил на главной морской базе филистимлян – острове Крите. Похоже, Вергилий погорячился, заявив, будто Анхиз там же и умер. Историки считают, что троянский герой, в чьем имени изменилась всего одна буква, закончил свои дни в Палестине. Он и ознакомил своего оруженосца Давида с историей троянско-греческого конфликта. Так что впоследствии пересказами троянских историй и преданий Давид преспокойно «украсил» собственную биографию… Но это было значительно позже. А пока…

Пробившись вверх по карьерной лестнице, бывший пастух женился на дочери Саула Мелхоле и завел близкие приятельские отношения с сыном царя, Ионафаном.

Воинское счастье неизменно сопутствовало Давиду в сражениях с филистимлянами. Постепенно рост его популярности в войсках и в народе начал беспокоить Саула. Наконец, престарелый меланхолик люто возненавидел своего вчерашнего любимца: теперь правитель думал лишь о возможном перевороте. К тому же царь просто… ревновал! Народ стал забывать о нем ради бывшего пастуха?! Что ж, тем хуже для последнего…

Давиду пришлось бежать от греха подальше, спасаясь от «милостей» высочайшего покровителя, который превратился для него в злейшего врага. Некоторое время бывший пастух, низвергнутый с высоты своего положения (честно заслуженного, между прочим!), скрывался в степях Южной Палестины. Затем

решительный молодой воин, которому уже нечего было терять, кроме своей жизни, и в самом деле превратился в мятежника. Кто вправе осудить его за это?

Изворотливый, умный, честолюбивый и жестокий, Давид решил открыто выступить против Саула. Прежде всего он со своей дружиной поступил на службу к Анхузу – правителю филистимлянского государства Геф (давнему непримиримому врагу древнееврейских племен). Борьба с Давидом изрядно вымотала Саула, он постепенно утратил доверие окружения и, наконец, потерпел сокрушительный разгром в войне с филистимлянами. А поскольку в ходе боевых действий у горы Гелвуе погибли трое сыновей Саула, путь к власти для бывшего пастуха был открыт.

Обычно Давида принято считать вторым царем государства Израиль. Но это не совсем так. Почему-то забылось, что после смерти Саула всеми «коленами» Израиля, за исключением «колена» Иуды, в течение двух лет правил Иевосфей, и лишь после его кончины Давид получил вожделенную царскую корону.

За несколько лет до этого (около 1004 года до н. э.) пророк Самуил лично помазал Давида на царство в качестве преемника Саула. Причиной такого решения пророка стало нарушение Саулом в войне с амалекитянами Божьего повеления. Так что когда противник претендента на престол вслед за своими детьми отправился к праотцам, «пришли мужи Иуды и помазали там Давида на царство над домом Иуды» (II Ц. 2, 4). Провозглашение нового царя южных «колен» произошло около 1017 года до н. э. в Хевроне (сегодня Эль-Халиль) – одном из главных культовых центров Южной Палестины. Таким образом, Давид заручился поддержкой влиятельного святилища: новому царю, под властью которого в первые годы правления находилось только «колено» Иуды, предстояла нелегкая война с «северными коленами». «Северяне» никоим образом не желали мириться с утратой главенствующих позиций в возникающем новом государстве. И в первую очередь не желал признавать нового «помазанника» Иевосфей, единственный оставшийся в живых сын Саула. Неизвестно, чем бы закончилось это противостояние, если бы не банальное предательство. Военачальник Иевосфея, Авенир, поссорился с царем из-за… наложниц Саула. Точнее, причиной предательства бравого вояки и его перехода на сторону Давида стала одна женщина – некая Рицпа. Стараниями Авенира Иевосфей недолго прожил на свете… Но для Давида война за престол на этом не закончилась.

Изнурительная борьба за власть длилась долгих семь лет. По истечении этого срока Давид все же смог сломить сопротивление

оппозиции и стал полноправным царем Израиля, заключив со старейшинами завет (берит) перед Яхве. Новейшие исследования, кстати, позволяют утверждать, что в древности на Ближнем Востоке подобные договоры-заветы были нормой, стандартным регулятором отношений между государствами, правителем и подчиненными, Богом и людьми. Заветы регулировали отношения партнерства или зависимости и закрепляли их в обязательном порядке.

Итак, при установлении в Хевроне пределов власти Давида, а также обязанностей и прав «колен» в политике государственного строительства этого царя четко проявились две противоречивые тенденции. С одной стороны, Давид хотел добиться поддержки «колен»; с этой целью он охотно признавал и сохранял родоплеменные институты и традиции. С другой стороны, новый правитель стремился во что бы то ни стало укрепить свое государство и собственную власть. А для этого требовалось обязательное усиление территориально-административной организации, что, в свою очередь, обязательно приводило к ущемлению родоплеменных устоев. Данное противоречие, заложенное в основу политики Давида, являлось залогом силы создаваемого государства и одновременно – ахиллесовой пятой державы.

В начале своей государственной деятельности Давиду удавалось лишь поддерживать весьма непрочный союз двух групп «колен» – северной, возглавляемой Эфраимом, и южной, с Иудой во главе. Укрепить эфемерное согласие было очень непросто, особенно если учесть, что территории противоборствующих племен не соприкасались: между ними «вклинилось» независимое ханаанейское государство Иерусалим. Решил эту проблему Давид эффективно и просто: однажды он с боями взял укрепленный Иерусалим и, не мудрствуя лукаво, провозгласил его своей столицей. Произошло это еще в 995 году до нашей эры.

Перенос столицы в столь стратегически важный город, не подпадающий под влияние какого-то конкретного «колена», значительно усилил царскую власть. Продолжая это похвальное начинание, Давид реорганизовал вооруженные силы. Если ранее в распоряжении правителя находились только племенные ополчения, то теперь под его командованием были более дисциплинированные и менее строптивые профессиональные воинские соединения: постоянное войско наемников-чужеземцев (в основном, критян и филистимлян) и зависимый лично от Давида отряд витязей (гибборим). Теперь царь мог не так сильно опасаться предательства или избыточного давления со стороны «колен».

Перемены коснулись и территориального деления страны. Ее разделили на 12 округов; каждый из них соответствовал границам владения отдельных племен, но при этом включал и покоренные ханаанейские города. Давид не без резона решил поставить над каждым округом конкретного начальника-сара, что, в свою очередь, являлось грубым нарушением племенной автономии.

Как разумный политик, Давид не забыл позаботиться и о создании центрального государственного аппарата. Располагался он, естественно, в Иерусалиме. Новая организация включала в себя большое количество «отделов» (чиновники царского сектора экономики, советники и т. д.) Именно при Давиде приблизительно в 973 году до н. э. была произведена первая перепись населения; он же «порадовал» подданных введением налогов. С функциями царя тоже, наконец, определились: отныне правителю надлежало одновременно числиться верховным предводителем войска, принимать активное участие в культе, иметь ограниченную судебную власть. А вот являться «по совместительству» еще и жрецами ни Давид, ни его преемники уже не могли.

Таким образом, Давиду за довольно короткий срок удалось создать вполне дееспособный современный государственный аппарат. Это, в свою очередь, помогло ему успешно заниматься внешнеполитической деятельностью. А поскольку в то время государства-гегемоны Передней Азии переживали период существенного ослабления, и ни Египта, ни Ассирии особо бояться не приходилось, Давид сверг господство филистимлян, расширил территорию в завоевательных походах против соседних народов и впервые за всю еврейскую историю заложил основы еврейского государства. Израиль стал державой, чье господство распространялось от Нила до Евфрата.

Однако время шло, и последствия двойственной политики хитрого и удачливого правителя стали все чаще напоминать о себе. Причем не самым лучшим образом. Поскольку упор делался на укрепление государственных начал, среди северных «колен», недовольных отстранением от власти, естественно, формировалась достаточно сильная оппозиция. Она особенно усилилась, когда к светским влиятельным лицам примкнули священники ряда крупных местных святилищ. Особенно активными оппозиционерами стали служители древнего национального святилища в Силоме: их крайне взволновало решение Давида выстроить в Иерусалиме новый культовый центр, имеющий первостепенное государственное значение, – храм Яхве. К тому же царь перенес в новый столичный храм и Ковчег завета,

до этого постоянно пребывавший в Кириаф-Иариме. Кстати, величественное сооружение, о котором мечтал бывший пастух, так и не было воздвигнуто; вместо него в Иерусалиме выросла скиния – так посоветовал правителю пророк Нафан.

Оппозиция откликнулась на прожекты Давида мятежом, который возглавил третий по старшинству сын царя, Авессалом. Тогда с восставшими справились с огромным трудом. Не успев перевести дух, Давиду пришлось противостоять еще одному сыну, Адонии, который решил, что отец слишком уж засиделся на престоле… Однако настоящий кошмар стареющему правителю пришлось пережить тогда, когда на борьбу поднялся вениаминит Савей, призвавший израильтян к отделению. Тогда при царе остались фактически только «мужи Иуды»; исправить ситуацию помогло лишь чудо.

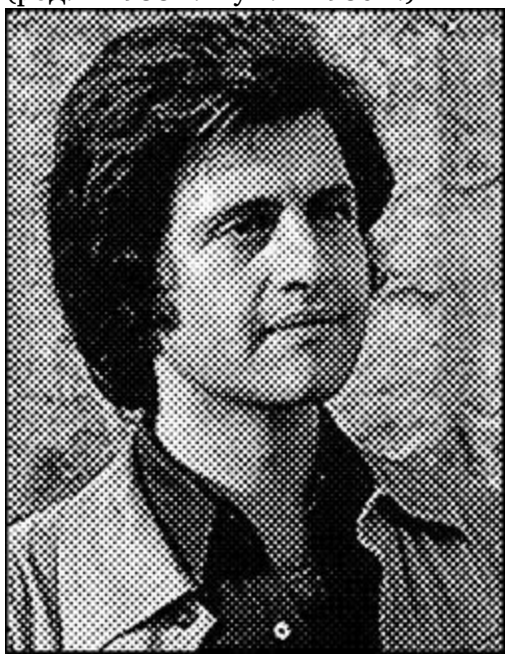
Но не только война и власть занимали помыслы Давида. Он буквально бредил красавицей Вирсавией. А поскольку сия достойная дама была замужем, правитель, не мудрствуя лукаво, решил проблему просто: отправил супруга Вирсавии на передний край жестокого сражения, в самое гиблое место. После чего женился на безутешной вдове… Плодом этого союза, кстати, стал небезызвестный Соломон, которого отец под давлением Вирсавии и с подачи все того же Нафана объявил своим наследником и помазал на царство Израильское.

Давид ушел из жизни, немного не дотянув до 70 дня рождения, после сорока с половиной лет правления. Он основал династию, которая непрерывно царствовала на протяжении почти 500 лет (до 538 года, когда в Палестину из вавилонского плена вернулся Зоровавель). К тому же, согласно мессианской доктрине, именно Давид является прародителем Мессии.

То, что сделал для еврейской истории этот человек, не сравнимо с деятельностью других его соплеменников. Неудивительно, что после смерти Давид стал легендарной фигурой, почти мифом; а вот утверждать, что сей правитель действительно являлся автором Псалмов, пожалуй, все же не стоит…

ДАССЕН ДЖО (ДЖОЗЕФ)

(род. в 1938 г. – ум. в 1980 г.)



Певец, композитор, поэт, актер, режиссер. Обладатель шести золотых дисков и Гран-при Академии имени Шарля Кроса за альбом «Les Champs-Elysés».

Говорят, Дассен до конца жизни так и не мог разобраться, где его родина. Бабка Джо по отцовской линии была родом из Одессы. Его отец, Жюль Дассен, родился в Америке, а мать, Беатрис (Би) Лонер, родом из Венгрии. Их первенец Джозеф появился на свет 5 ноября 1938 года в Нью-Йорке, но вскоре родители переехали в Лос-Анджелес и поселились неподалеку от легендарных киностудий. Такой выбор был не случайным, потому что Дассен-старший в то время подвизался на ролях второго плана и пытался создать себе имя в театральном мире. Актером он был слабым, и семью, которая вскоре пополнилась двумя дочерями – Жюли и Ришель (Рики), – приходилось содержать матери. Беатрис была довольно известной скрипачкой, играла в женском оркестре и работала с такими грандами классической

музыки, как Пабло Казальс. Но Жюль Дассен сумел проявить себя как режиссер: поначалу он работал ассистентом у самого Хичкока, а затем начал снимать фильмы самостоятельно. Финансовое положение семьи стало надежным, в доме царила любовь, в которой купался Джо. Родители обожали его и ни минуты не сомневались, что сына ждет блестящее будущее. Сам же Джо с детства не боялся никакой работы и, хотя был на вид беспечным и легкомысленным, умел самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность. Он всегда заботился о сестрах, ощущая себя по-настоящему старшим братом.

Но тихое благополучие оказалось недолгим: сразу после окончания Второй мировой войны Америка погрузилась в кошмар «охоты на ведьм». Жюлю Дассену, к тому времени уже знаменитому режиссеру, припомнили его фильмы о жизни рядовых американцев, показавшие, как часто из-за неудачных поисков работы люди становились на скользкую дорогу воровства и убийств. Он оказался в списке тех самых 200 деятелей культуры, обвиненных сенатором Маккарти в симпатиях к Москве. Глава семьи лишился работы, бывали дни, когда все сидели буквально на чемоданах, ожидая высылки.

Дассены вынуждены были эмигрировать, некоторое время скитаясь по Европе в поисках пристанища. Провожая с палубы тонувшие в смоге небоскребы, Джо еще не знал, что отныне его домом станет весь мир, и ни одну страну в отдельности он не сможет назвать родиной. Об этих скитаниях Джо позже рассказал в своей знаменитой песне «Америка». Наконец, когда Джо исполнилось 12 лет, родители решили обосноваться во Франции. За время мытарств их сын слету выучил несколько языков и диалектов и сменил 14 школ. Впрочем, мальчишке нравилась бродячая жизнь и переезды из страны в страну, но только во Францию он влюбился самозабвенно. Так, никогда не сменив американского гражданства, в душе Дассен превратился в истинного француза. Уже будучи знаменитым, он, отвечая на вопросы журналистов, признался: «Я влюбился в эту страну, едва приехав сюда. Несмотря на то что у меня американский паспорт, в душе я стопроцентный француз. Они умеют жить. Умеют ценить хорошую еду, хорошее вино… и красивых женщин. Они по-настоящему наслаждаются жизнью. В Америке люди настолько напряжены, атмосфера настолько отравлена агрессивностью и злобой, что трудно от чего бы то ни было получить удовольствие…»

Семья обосновалась в Париже. Несмотря на изгнание, Дассены не испытывали финансовых затруднений, и Джо отправился учиться в дорогой элитный коллеж Розей в

Швейцарии. В 1951 году он едет в Италию, в 1953-м поступает в международную школу в Женеве, а год спустя отправляется в Гренобль, где получает степень бакалавра – диплом, который в Швейцарии не выдавался. К 16 годам Джо превратился в очень красивого юношу с чуть кокетливым выражением глаз. Он бегло говорил на трех языках, увлекался лыжами и плаванием и считал себя счастливым человеком. Но оказавшийся для него таким неожиданным развод родителей ударил по нервам сильнее, чем эмиграция. Отец почти сразу связал свою судьбу со знаменитой греческой актрисой и депутатом парламента Афин Мелиной Меркури, а мать с тех пор предпочитала оставаться в тени. Чтобы как-то оправиться и привыкнуть к мысли о разлуке родителей, Джо с тремя сотнями франков в кармане возвращается в Америку и поступает в университет Анн-Арбор (Мичиган). Вначале своей профессией он избрал медицину, но, проучившись три года, понял, что не выдерживает вида крови и перевелся на факультет этнографии, где изучал санскрит, итальянский и русский языки.

Все студенческие годы, чтобы не зависеть от родных и их поддержки, он вечерами подрабатывает мусорщиком, мойщиком посуды, барменом, сантехником, библиотекарем, проводит психологические тесты… В конце концов ему предлагают место водителя-дальнобойщика, и в течение шести месяцев он ездит из Анн-Арбор в Сан-Франциско и обратно. Это приносило неплохой доход, но он проводил в пути четыре дня из семи, что не лучшим образом сказывалось на его успеваемости. Чтобы сдать экзамены, Джо пришлось отказаться от этой работы. На каникулах он объехал автостопом всю страну, побывал в Вирджинии, на Западном побережье, во Флориде, Новом Орлеане, Техасе, Неваде, Сан-Франциско, Айдахо, а также в крупнейших национальных парках.

В конце концов Джо заключил договор с владельцем студенческого кафе и по вечерам начал петь под гитару. Оказалось, что Дассен поет гораздо лучше, чем готовит или моет посуду, но тогда он не считал, что его призвание – музыка. В его репертуаре не Элвис и не Эдди Кокрен, «французский фольклор», за который он выдавал поэзию Жоржа Брассанса. Одновременно образцовый студент пишет новеллу «Wade in water», которая получает вторую премию на национальном конкурсе. Студенческие годы Джо ознаменовались также и мировым триумфом его отца, теперь уже великого режиссера Жюля Дассена. В 1958 году он попросил сына записать несколько песен к фильму «Закон» с участием Джины Лоллобриджиды. Все складывалось довольно удачно, если бы не одно печальное предзнаменование: Дассена освободили от военной службы из-за

шумов в сердце. Но на этот грозный симптом он не обратил никакого внимания.

Без особых затруднений Дассен защитил докторскую степень и собирался стать исследователем или преподавателем. Свое будущее он видел только в доброй старой Европе. Карманы Джо были пусты: денег хватило только на койку-гамак в багажном трюме отплывавшего в Италию теплохода, а там рукой подать до Парижа, который встретил его, как родного. Отец приглашает его к себе ассистентом на съемки своего второго великого фильма – «Топкапи». Мировая пресса постоянно публикует фотографии отца и сына на съемочной площадке. Легко заработанные на съемках деньги Джо тратит на покупку машины. А сразу после этого он начинает работать музыкальным обозревателем на радио RTL и журналистом в «Плейбое». Джо пишет новеллы, которые публикуются в прессе и дают ему неплохой доход. Он также дублирует два американских фильма, продолжает сниматься в фильмах отца и других режиссеров («Красный клевер» и «Леди Л.», «Тот, кто должен умереть», «Закон»), кроме того работает ассистентом режиссера на съемках картины «Что нового, киска?». Дассен играл рядом с такими звездами, как Джина Лоллобриджида, Марчелло Мастроянни, Мелина Меркури, Ив Монтан, Максимилиан Шелл, Питер Устинов, Софи Лорен, Пол Ньюман, но очень быстро понял, что это не его призвание.

Как корреспондент в скандальном «Плейбое», Джо должен был присутствовать на бесконечных вечеринках. На одной из них, 13 декабря 1963 года, он повстречал девушку, в которую влюбился сразу и бесповоротно. Джо не испытывал недостатка в подружках, но теперь все было иначе: любили не его – полюбил он. Девушку звали Мариз Массьера, и через несколько дней Дассен пригласил ее на уик-энд за город, прихватив с собой гитару. Мариз была не первой и далеко не последней, кто полюбил Дассена «ушами». Но если бы им тогда сказали, что их роман продлится десять лет, то не поверили бы оба.

Гитара продолжает оставаться для Дассена страстью, и Мариз разделяет его увлечение музыкой, из которого он и не думает извлекать какую бы то ни было выгоду. Однако жизнь распоряжается по-другому. И если Мариз почти три года не могла подвигнуть Джо на женитьбу (они поженились только 18 января 1966 г.), то сумела превратить своего избранника в певца. И не просто в певца, а в звезду! Подруга Мариз работала секретаршей в компании звукозаписи CBS, которая двигала на французский музыкальный рынок американскую продукцию. Решив сделать любимому сюрприз, Мариз попросила приятельницу переписать на студии с магнитофонной пленки на виниловый диск песни

Джо. Пластинку предполагалось выпустить в единственном экземпляре, как подарок на его 26-летие. Дальше произошло непредвиденное: пленку прослушал кто-то из сотрудников и отнес руководству, которое решило срочно выпустить альбом! Но сам Джо согласился на эту авантюру только через два месяца и смеха ради, так как он не намеревался становиться певцом! Диск спроса не имел, но эта неудача словно подстегнула Дассена, и он неожиданно для самого себя «завелся». То, что успех принадлежит другим, вдруг стало доводить Джо до белого каления, и он мертвой хваткой вцепляется в карьеру певца, от которой прежде решительно отказывался.

Чудо произошло в ноябре 1965 года, когда третий диск Джо, как говорят, «пошел», и вскоре Дассена узнала вся Франция. Никому не известный молодой певец обладает волнующим бархатным голосом, оригинальной манерой исполнения, несомненным чувством ритма и французским шармом. Слушатели попадали под магнетическое влияние того непонятного, что исходило от него. Его голос – это основа успеха: полный обаяния и теплоты, он буквально очаровывал публику. Внешность Джо, его элегантность, манера держаться на сцене были его основными козырями.

Дассен все же нашел «свою» первую песню – это американский хит «Shame And Scandal In The Family», для которого был написан французский текст. В те годы, как, впрочем, и сейчас, авторы отдавали лучшие песни признанным звездам, а Джо приходилось довольствоваться тем, что останется. Но постепенно Джо «оброс» своими авторами, гениальным продюсером Жаком Пле, небольшим оркестром, танцевальной группой и бек-вокалистками. Первым хитом, который принадлежит только ему, стала песня «Bip-Bip», и с тех пор популярность Дассена стремительно росла. С Джо нелегко было работать – он был настолько же дотошным и мелочным в работе, насколько очаровательным в жизни. Его авторы Пьер Деланоэ и Клод Лемель называли певца блистательным занудой. Но все, кто работал с Джо – музыканты, поэты, композиторы, – становились его друзьями, и практически все его песни с 1966 года попадали в верхние строчки хит-парадов, причем не только во Франции, но и в Италии, Бельгии, Германии, Испании. И для каждой страны он пел на ее языке. Прекрасный американец, ставший парижанином, записал альбом даже в Нью-Йорке. Тому времени принадлежит и обошедшая весь мир фотография, сделанная у подножия здания Тайм Лайф, где Джо опирается на мотоцикл «Харлей Дэвидсон», владельца которого он даже не знал. «Харлей Джо» вскоре появится на конверте альбома и станет мечтой целого поколения.

В том же году выходит пятая по счету сорокапятка и одновременно с ней первый долгоиграющий диск. Они обречены на успех, а лучшая песня «Excuse Me Lady» выходит на вершины хит-парадов. Количество проданных пластинок растет так же стремительно, как и повальное увлечение Дассеном.

Не смогла устоять перед Джо и Латинская Америка, да так, что зашатался на пьедестале Хулио Иглесиас. Дассен и сам был потрясен своим успехом: здесь, на краю света люди пели его песни по-французски! В королевстве танго потрясающие песни-слоу, «сделанные во Франции», пользовались огромной популярностью. С концертами Джо исколесил полмира. Его рабочий график был расписан по минутам, но он успевал еще и сам писать замечательные стихи и песни, вот только исполнял их крайне редко. Большинство из них Дассен отдавал своему другу-певцу Анри Сальвадору. А однажды Пле, можно сказать, «лег грудью на амбразуру», чтобы заставить Джо исполнить «Les Dalton». Он соглашается записать песню – в первый и последний раз. Все последующие творения в ковбойском стиле – «takata takata voilà les Dalton, takata takata y a plus personne…», – написанные Джо, будут исполняться Карлосом. Дассен был достаточно закомплексован относительно своих авторских возможностей. А хитов у него и без личного творчества было и так достаточно. Можно было без устали слушать такие шлягеры, как «Dans les yeux d'Emilie», «Salut…», «Darlin» и «Le jardin du Luxembourg». Последнюю стоит отметить особенно, это очень длинная и очень красивая песня, которая длится двенадцать минут. Весь мир танцевал под «L'été indien» Дассена. Знаменитая песня «Les Champs-Elysés» стала гимном чешских студентов во время знаменитой Пражской весны, а его пластинки продавались там на черном рынке. Его песни будут петь даже китайские студенты во время печально известных событий на площади Тяньаньмынь. А удачно переведенная на русский язык песня «L'été indien» («Бабье лето»), как написал один исследователь, «стала неотделима от русской осени семидесятых». А ведь правда, если вдуматься, до сих пор эти два понятия «осень» и «Дассен» очень подходят друг другу…

Дассен словно вклинился между двумя большими эпохами – «йе-йе» и диско, между слащавостью и ритмом. Он не просто пел, он разговаривал со слушателем – так на сцену пришла доверительная интонация, которая близка и понятна всякому без перевода. Ему удалось уловить и выразить шум и ритм своего времени. Так мог спеть только тот, кто понимал, что реальная жизнь лишена, в общем-то, романтики, однако кое-какая теплота в ней все-таки есть. Просто ее нужно отцедить, заметить в

случайной утренней полуулыбке прохожего и – сохранить… Мир нуждался в певце правдивом, и Дассен предложил слушателю совершенно иной способ релаксации: не безудержно оптимистический, а более приземленный, но в то же время и сглаживающий острые углы действительности. Джо сумел зафиксировать в своих песнях, как на мгновенном фото, этот едва уловимый отблеск простого человеческого счастья – тихого, не заоблачного, с некоторой грустью, но настоящего. Такого, которое приходит само собой утром или поздним вечером, когда вдруг внезапно понимаешь, насколько здорово все в мире устроено.

Главный поп-идол 1970-х, сам того не желая, выполнил задачу-максимум, стоящую перед любым «мастером культуры»: он до сих пор почему-то воспринимается как неотъемлемая часть нашего представления о домашнем уюте, очаге, об обывательском таком тепле. Сколько бы сейчас отдала каждая из нынешних поп-звезд, чтобы быть в каждой семье вот таким обязательным «атмосферным явлением», а не просто числиться одним из сотни стоящих на полке дисков… Дассен – явление труднозаменимое. С ним мир эстрады из черно-белого превратился в цветной: он первым из западных артистов начал выпускать свои синглы в цветных конвертах из плотного картона; и пластинка превратилась в красивую вещь. Как будто в пику расхристанным битлам и роллингам и словно дистанцируясь от модных рок-н-ролльных ужимок, Дассен впервые вышел на сцену в знаменитом белом костюме, заявив, что и эстрада является достойным делом…

Жизнь Дассена превратилась в сплошную череду концертов и звукозаписывающих марафонов. Так, только летом 1970 года его французское турне включало 200 концертов. На знаменитых аренах в Безье (где на корриду ходят с большей охотой, чем на концерты эстрадных звезд) зафиксировали 13 000 зрителей – это абсолютный рекорд. В Марвежоль в зале не смогли поместиться 2000 человек, многие из которых серьезно пострадали в давке. Чтобы покататься на лыжах в Альпах, оставаясь не узнанным, Джо был вынужден гримироваться. Покой ему удается обрести разве что в Ирландии или на Карибских островах, где он предается одной из своих страстей – рыбалке в открытом море. Надо сказать, что Мариз была готова путешествовать хоть в чемодане, только бы не разлучаться с мужем. После серии концертов на Таити Джо и Мариз двенадцать дней отдыхали на островке Тахаа неподалеку от Папеэте. Оба сразу и навсегда влюбились в это место, и Джо, очарованный прекрасной природой острова, купил там восемь гектаров земли с километровой полосой песчаного пляжа. Отныне он будет проводить отпуска только здесь. Но как

мало их будет…

Колоссальные перегрузки, испытываемые Джо, впервые дали знать о себе 1 апреля 1968 года. Инфаркт. Но он не любил врачей и больниц. Лечиться Дассен не будет и концертную гонку не остановит. И не потому, что нуждается в деньгах – их у него предостаточно, есть несколько прекрасных домов, выстроенных по его вкусу, – но его ждут тысячи слушателей, и их он не может обмануть. Три концерта в Олимпии заканчиваются невиданным триумфом. И Джо только увеличивает темп.

1973-й начинается с очередного подъема. Джо счастлив до безумия: Мариз ждет ребенка. Но осенью разражается самая страшная драма в его жизни. Ребенок – сын Джошуа – рождается преждевременно и умирает через пять дней. Джо с головой бросается в работу – ничто другое не может отвлечь его, помочь ему не сорваться и не сойти с ума от тяжелой депрессии. Карлос, близкий друг, с которым они не раз вместе ездили в турне, старается поддержать Джо. И Дассен пишет для него целый альбом – отдает ему песни, которые не смог бы петь сам. Певец продолжает записывать прекрасные баллады-слоу и быстро возвращается в зенит популярности, но вот его семейная жизнь разладилась вконец, и 5 мая 1977 года Джо и Мариз объявляют о своем разводе. А в декабре выходит знаменитый альбом «Les femmes de ma vie», посвященный всем женщинам, сыгравшим важную роль в судьбе Дассена, особенно его сестрам Рики и Жюли и его новой подруге Кристин Дельво. Их свадьба состоялась 14 января 1978 года. Он по-прежнему безумно много работает, но лето проводит рядом со своей беременной женой. А 14 сентября, ровно через восемь месяцев после свадьбы Джо и Кристин, родился их первый сын Джонатан. И Дассен считает себя счастливейшим из смертных. Он уже не испытывает прежнего интереса к работе, а полностью поглощен своим нынешним и будущим отцовством.

Дассены ждут рождения второго ребенка, а их семейная жизнь постепенно превращается в постоянное выяснение отношений и скандалы. Едва певец возвращался из гастрольного турне или с концерта, как дома его ожидало громкое выяснение отношений и хлопанье дверью. Чем был вызван разлад, выводивший из себя впечатлительного, как все талантливые люди, и, несмотря ни на что, безумно любившего Кристин Джо, – неизвестно. Он никогда не посвящал журналистов в свои личные дела, а друзья тактично молчат. По всей видимости, Кристин оказалась очень ревнивой, подозрительной и абсолютно несдержанной натурой, что довело ее до больницы. Состояние здоровья Дассена тоже оставляло желать лучшего. Его срочно

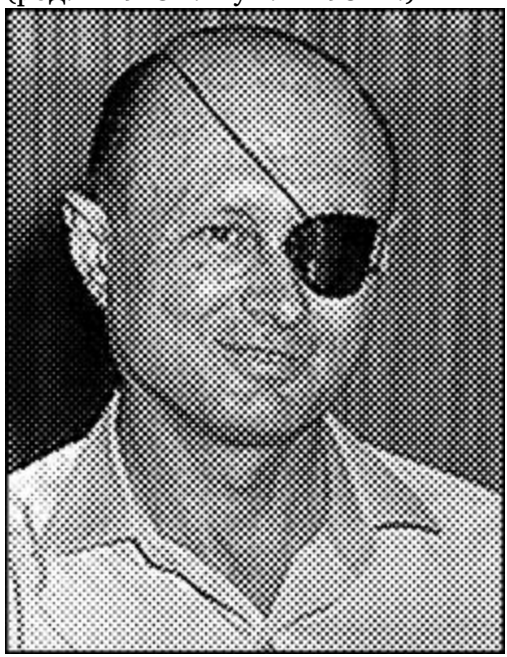
госпитализировали во время гастролей в американский госпиталь в Нейи с диагнозом: микроинфаркт. 22 марта 1980 года родился второй сын Дассена – Жюльен, а через три недели после его рождения началось дело о разводе. Ожидая развода, Кристин уезжает с малышами к своим родителям в Руан и ревностно охраняет детей от встреч с отцом. Джо мучительно переживал все это. На этой почве он снова переносит тяжелый сердечный приступ. Достигнув сорокалетнего возраста, Дассен решает постепенно прекратить концертную деятельность и больше заниматься детьми. «Мои сыновья растут, и я не хочу ничего пропустить». Но это – в ближайших планах. А пока певец, одержимый идеей совершенства, по 12–15 часов в сутки работает на сцене.

Наконец, суд позади, и дети с ним. 26 июля 1980 года, несмотря на строжайшие предупреждения врачей, Джо с сыновьями и своей матерью, которая взялась помочь ему в воспитании детей, летит на Таити. Он хотел забыть о проблемах и начать новую жизнь. Но судьба отказала ему в этом. 20 августа в ресторане «У Мишеля и Элиан» Дассен скончался от сильного сердечного приступа.

Сразу после того, как трагическая новость обрушилась на Францию, на всех радиостанциях зазвучали песни Джо. Возможно, для того, чтобы именно они проводили Дассена в его последнюю «деревушку на краю света». А последним пристанищем певца стало тихое еврейское кладбище в Голливуде. Рядом с гробом стояло всего десять человек. Семья Дассен собралась, чтобы проводить Джо в последний путь. За два дня до похорон были приняты все меры предосторожности, чтобы никто не знал места и времени проведения церемонии, на которой должны присутствовать только близкие. Возможно, так даже лучше. Джо Дассен говорил: «Я боюсь своей славы». Он был богат, знаменит, его хвалили, им восхищались. Но ему бы понравились эти скромные похороны.

ДАЯН МОШЕ

(род. в 1915 г. – ум. в 1981 г.)



Израильский военачальник, принесший Израилю победы в первой арабо-израильской войне 1948 года и в войнах 1956 и 1967 годов. Политик. Автор книг «Дневник Синайской кампании» (1966 г.), «Новая карта – другие взаимоотношения» (1969 г.), «Повесть о моей жизни» (1976 г.), «Жить с Танахом» (1978 г.).

Моше Даян – самый известный и наиболее значительный из военачальников государства Израиль. Этот военный и политик, легко узнаваемый по повязке на одном глазу, пользовался в Израиле немалым авторитетом. Он воплощает борьбу за существование, которую вели многие годы израильский народ и армия. Даян известен как хладнокровный, решительный руководитель, упорно отстаивавший свои взгляды, мужественный и жесткий воин. Но на самом деле – это человек сложный, не однозначный, знавший взлеты и падения. По свидетельству знавших Даяна людей, – это был «одинокий волк», который ни с

кем не делился своими мыслями и переживаниями. То ли потому, что не был способен на это, то ли потому, что не ощущал в этом потребности. В одном из интервью, до которого он однажды снизошел, генерал так сказал о себе: «Я не презираю людей. Они просто нагоняют на меня скуку. Нет такого человека на земле, в обществе которого я был бы заинтересован, если только у меня нет чего-либо конкретного сказать ему».

Моше Даян – представитель поколения «сабра» (евреев, родившихся в Палестине), но его родители были выходцами из России. Отец – Шмуэль Даян (Китайгородский) – приехал в Палестину в 1908 году и поселился в первом кибуце в Эрец-Исраэль (Земля Израиля), насчитывавшем в то время 11 человек. Позднее он стал одним из лидеров партии МАПАИ, депутатом кнессета (парламента) 1–3 созывов. Мать Даяна – Дебора (в девичестве Затуловская), приехавшая в Палестину, была столь привлекательной и образованной девушкой (позднее она стала одной из руководительниц женского рабочего движения в Палестине), что в кибуце оказалась не ко двору. В 1915 году Дебора вышла замуж за Шмуэля, и только после свадьбы пара была принята в кибуц Дгания, где 20 мая того же года родился Моше. Он был первым ребенком, родившимся в этом первом израильском кибуце.

Говорят, что от отца Моше унаследовал скрытный, замкнутый характер. А от матери, которая была сильной и яркой личностью, наделенной недюжинным умом, приобрел значительную часть своих интеллектуальных качеств. Детство Моше было нерадостным. В Дгании, а затем в Нахалале поселенцы боролись с бедностью, убогими условиями жизни, жарой и болезнями, в основном малярией и трахомой. Отец постоянно отсутствовал, занимался делами движения «мошавов», Партии Труда и Гистадрута (Всеобщая федерация еврейских трудящихся). Мать была вынуждена выполнять тяжелую работу на ферме и растить троих детей – Моше, его сестру Авиву и младшего брата Зохара, убитого во время Войны за независимость. С детства Моше должен был помогать по хозяйству и одновременно посещать сельскую школу. На его глазах малярийные болота превращались в цветущие поля, обрабатываемые руками еврейских крестьян. В эти годы он познакомился с арабами из близлежащих деревень, подружился с ними, научился разговорному арабскому языку и, как считали многие, «мог думать, как араб».

Можно сказать, что судьба Даяна с самого рождения была переплетена с историей создания и становления Израиля. Уже с первых лет жизни Моше столкнулся с трудностями, связанными с жизнью на ферме, а также с неприятностями, которые доставляли

евреям турки, а потом арабы. Еще подростком Даян стал активным членом Хаганы – еврейских вооруженных отрядов в период действия в Палестине британского мандата. В 12 лет он умел обращаться с винтовкой, участвовал в охране поселений от набегов бедуинов, в 14 лет – ходил в ночные дозоры. В Хагане он прошел обучение приемам партизанской войны, там же начал участвовать в боевых действиях.

В годы учебы в сельскохозяйственной школе, созданной в Нахалале Всемирной сионистской организацией, он встретил свою будущую жену – одноклассницу Рут Шварц, дочь преуспевающего адвоката из Иерусалима, которая была на два года моложе его. Впрочем, прежде чем пожениться, они провели одну «операцию», в ходе которой 19-летний Моше показал, что способен на благородные поступки. По просьбе невесты он оформил фиктивный брак с ее подругой – еврейской девушкой-беженкой из Германии. Цель «операции» состояла в том, чтобы дать ей возможность получить палестинский паспорт и тем самым предотвратить ее высылку из Палестины обратно в Германию. Год спустя «брак» был расторгнут и Рут и Моше поженились. Ее родители устроили для них поездку в Англию, чтобы будущий генерал мог учиться в Лондонской академии и посмотреть мир. Однако затея оказалась неудачной. Моше плохо знал английский и ему было трудно устанавливать контакты, не понравился климат и непривычная одежда: пиджак, галстук и ботинки вместо сандалий. Через несколько месяцев молодожены вернулись в Палестину. Именно в это время началось арабское восстание 1936–1939 годов.

Даян служил в специальных еврейских охранных подразделениях, взаимодействовавших с английскими патрулями вдоль жизненно важного нефтепровода иракской компании, который проходил через Палестину к нефтеперегонным заводам Хайфы. В 1938 году шотландский офицер капитан артиллерии Чарльз Орд Уингейт получил разрешение набрать группу добровольцев из Хаганы и использовать их на северной границе против арабских вооруженных отрядов, которые проникали с территории Ливана. Даян и другие будущие военачальники Израиля приобрели в ночных дозорах такие качества, как находчивость, умение проводить внезапные и быстрые операции, устраивать засады и передвигаться в темноте.

Однако политический курс Англии постепенно смещался в проарабском направлении, и к Хагане перестали относиться терпимо. В октябре 1939 года Даян был одним из 43 бойцов Хаганы, арестованных мандатными властями. Военный трибунал приговорил его к десяти годам заключения. Несмотря на то что в

тюрьме города Акко к Моше относились, как к уголовнику, он не пал духом и даже, по воспоминаниям сокамерников, сочинял стихи. Отсидеть весь срок ему «помешала» угроза вторжения немецких войск – еврейское население Палестины все свои силы бросило на войну, выступив на стороне Англии. В феврале 1941 года 43 узника были освобождены, а Даян получил приказ сформировать и возглавить группу из добровольцев Хаганы. В его задачу входило проведение разведки в Сирии с целью подготовки вторжения англичан.

8 июля 1941 года Даян перешел границу с небольшой авангардной группой. Они захватили полицейский пост, но попали под тяжелый обстрел с французской стороны. И когда Даян искал с крыши дома огневую точку, используя бинокль убитого французского офицера, пуля разбила линзу, и осколки попали в левый глаз. Только через шесть часов его смогли эвакуировать и доставить в госпиталь в Хайфе. Хирурги извлекли остатки стекла и металла, а глазное отверстие зашили. Так появилась черная повязка, знаменитая во всем мире, ставшая своего рода символом воинственного Израиля и характерной деталью для карикатур. Для Даяна это закончилось долгим мучительным лечением и проблемами с мозгом в конце его активной жизни. Некоторые обвиняли Даяна в излишней театральности за то, что он носил черную повязку, но в действительности травма была столь серьезной, что стеклянный глаз сделать было невозможно.

После выхода из госпиталя Даян был направлен на штабную работу и установил тесные связи с британской военной разведкой на Ближнем Востоке. В конце 1942 года, когда после поражений при Эль-Аламейне и под Сталинградом угроза вторжения стран Оси в Палестину уменьшилась, Даян вернулся в Нахалал и занялся земледелием. Однако пять лет спустя, когда обострилась борьба с арабами и усилилась подготовка к войне, угрожавшей разразиться после провозглашения еврейского государства, он вернулся на службу в Хагану и занялся организацией бронетанковых и артиллерийских частей.

Когда началась война евреев за независимость (18 мая 1948 г.), Даян, ставший к тому времени майором, возглавил военные действия в секторе Иорданской долины, защищая родную Дганию от численно превосходящих сил сирийской армии. Из Дгании он возвратился на центральный фронт и командовал подразделениями, захватившими Рамле и Лидду. Назначенный после первой победы командиром батальона, Даян считался только с собственными установлениями, подбирая нужных людей и технику из других подразделений. Вскоре он

заслужил репутацию храброго, толкового командира, совершившего ряд рейдов против более многочисленных арабских частей. Даян был вызван к Бен-Гуриону (первому премьер-министру и министру обороны Израиля), которого просто очаровал. Эта встреча способствовала быстрому продвижению Даяна по служебной лестнице во вновь организованной Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ). Уже в августе Даян, получивший чин подполковника, продемонстрировал также и свои дипломатические способности, приняв участие в переговорах с целью окончания войны. Ко времени окончания войны в 1949 году он уже был генерал-майором и возглавил Южное командование.

После окончания военных действий Даян остался служить в армии и стал одним из главных сторонников «военной линии». Он работал над созданием Израильских сил обороны (ИСО), потому что Израиль, как и прежде, был окружен врагами, помышлявшими о его уничтожении. В 1953 году он стал начальником штаба ИСО. Даян провел реорганизацию и заменил многих старших командиров на молодых, более агрессивных офицеров. Он сократил число вспомогательных подразделений и вместе с тем усилил пехоту и бронетанковые части. Даян создал элитную авиационную часть и следил за тем, чтобы армия в целом состояла из отборных подразделений. От подчиненных командиров Даян требовал продолжения операции, если их потери не достигали по крайней мере 50 %. Своим людям (среди которых он был весьма популярен) Даян обещал не оставлять на поле боя раненых на произвол противника.

Израильские акции возмездия все более усиливались. После особенно резкого осуждения Израиля Советом Безопасности ООН за нападение на иорданскую деревню Кибия в декабре 1953 года ушел в отставку с постов премьер-министра и министра обороны Бен-Гурион. Однако перед своим уходом он отозвал Даяна с учебы в Англии и назначил его начальником генерального штаба. «Старик», как называли Бен-Гуриона сподвижники, восхищался умом Даяна, его нетрадиционными методами и уважением к нему со стороны армии, и генерал в военно-политическом плане продолжал проводить линию «старика».

В 1956 году, во время кризиса, охватившего весь Ближний Восток, Даян получил возможность испытать свою армию на деле. Не дожидаясь формального объявления войны, он сосредоточил свои десантные войска на горных дорогах в нужных местах и провел молниеносное наступление на Египет силами бронетанковых войск и мотопехоты. Утром 29 октября израильские войска перешли границу на трех участках. В течение

ста часов непрерывных боев египетская армия была разбита и окружена. Синай и сектор Газа были оккупированы, шесть тысяч солдат взяты в плен вместе с огромным количеством вооружений и боеприпасов. Почти все время Даян, вместо штаба, провел на передовой. Он не мог иначе: «Мое место – среди бойцов на передовой линии».

Сразу же после завершения боевых действий Даян приступил к созданию военного управления в секторе Газа. Он стремился выявить среди арабского населения силы, готовые сотрудничать с Израилем, хотя бы для того, чтобы обеспечить нормализацию жизни населения этого района. Надо сказать, что Даян отчаянно сопротивлялся уходу израильтян с Синайского полуострова в обмен на международные гарантии и пытался убедить вернувшего власть Бен-Гуриона не уступать давлению со стороны мирового общественного мнения. Когда ему стало ясно, что отвод войск неизбежен, он предложил, чтобы Израиль передал Синайский полуостров Египту, а не войскам ООН, с тем чтобы получить непосредственно от египтян гарантии свободы судоходства и спокойствия на границах.

Наступило десятилетие относительного затишья. Разумеется, что полная эвакуация войск с Синайского полуострова стала для Даяна «горькой пилюлей». Но он сумел проявить при этом чувство юмора. В январе 1958 года он закончил свою службу на посту начальника генерального штаба, демобилизовался из армии и вступил в партию МАПАИ, ожидая, что Бен-Гурион предложит ему место в партийном руководстве. Его решением вернуться к политической деятельности ветераны партии были недовольны, усматривая в нем соперника по борьбе за лидерство. Тем не менее, Даян принял участие в выборах 1959 года и был избран в кнессет. Глава правительства Бен-Гурион назначил его министром сельского хозяйства, что явно не удовлетворило амбиций генерала, да и не принесло реальных плодов. Именно тогда он понял разницу между армией, где отдают и выполняют приказы, и гражданским министерством. Даян оставил этот пост, и новый премьер-министр Леви Эшкол в 1963 году передал ему портфель министра финансов.

Спустя год Даян окончательно подал в отставку. Он занялся работой в рыболовецкой фирме и написанием «Дневника Синайской кампании», но в 1967 году, незадолго до Шестидневной войны, правительство Израиля назначило его министром обороны. Хотя подчиненные Даяна уже в основном разработали план войны, именно он руководил наступлением, в ходе которого 5 июня был нанесен упреждающий удар с воздуха, уничтоживший большую часть египетских воздушных сил на

аэродромах. Даян не только нанес поражение Египту меньше чем за неделю, но и захватил у Сирии стратегически важные Голанские высоты. То, что произошло между понедельником 5 июня и субботой 11 июня 1967 года, вошло в мировую историю. Шесть дней израильская армия удерживала фронт по периметру, протянувшемуся вдоль Суэцкого канала, Суэцкого пролива, залива Акаба, долины реки Иордан и Голанскими высотами. Даян активно участвовал в осуществлении боевых операций. Его фотографии в джипе в песках Синая обошли газеты всего мира. Характерно, что, будучи к тому времени давно лицом штатским, он появлялся на фронтах исключительно в военной форме. Шестидневная война принесла Даяну славу.

Став министром обороны, он играл важную роль в управлении оккупированными территориями, и, надо признать, что после 1967 года израильская политика на оккупированных территориях была весьма успешной. Об успехе политики Даяна свидетельствовало и пресечение деятельности террористов в Иудее и Самарии, их ликвидация в полосе Газа, широкое участие арабов в выборах в местные органы власти на Западном берегу реки Иордан. Даже после того, как Голда Меир в 1969 году возглавила правительство, Даян остался на своем посту. Постепенно между ними установились нормальные отношения и появилось взаимное уважение.

Слава Даяна лишь временно померкла после первоначального поражения, вызванного внезапным нападением египтян в октябре 1973 года – война «Судного дня» («Йом-Киппур»), когда израильтяне понесли беспрецедентные потери. Хотя Даяну все же удалось одержать победу, он подвергся критике за то, что его армия оказалась не подготовленной к войне, и после окончания войны ушел в отставку. Правда, комиссия Аграната, расследовавшая причины неудач, сняла с Даяна обвинение в личной ответственности за это. Однако в состав правительства, сформированного Ицхаком Рабином в 1974 году после отставки Голды Меир, он не был включен. Во власть он вернулся при весьма неожиданных обстоятельствах. После победы на выборах в 1977 году блока правых партий Ликуд Менахем Бегин, занявший кресло премьер-министра, предложил Даяну портфель министра иностранных дел. Тот принял предложение. Вместе с Бегином он сыграл решающую роль в переговорах, приведших к достижению мира между Израилем и Египтом. В 1980 году он вышел из правительства из-за разногласий по палестинской проблеме.

Даян был абсолютным индивидуалистом как в военном деле, государственной работе, так и в личной жизни. Ему было трудно

установить близкие отношения с другими людьми. О разладе в супружеской жизни генерала было известно задолго до того, как он развелся с женой. Его дочь Яэль рассказала, что однажды он заявил, что если бы пришлось начать жизнь сначала, то он не стал бы создавать семью. С первой женой Рут он прожил 36 лет и ушел от нее лишь после того, как встретил Рахель. Да и то не сразу. Она была женой преуспевающего иерусалимского адвоката, и ее роман с Даяном продолжался более 20 лет. По его словам, он нашел в Рахели то, что искал – материнское начало и рабскую преданность. Именно ей, а не детям, он оставил наследство в несколько миллионов долларов. Яэль и его младший сын Аси спокойно отнеслись к решению отца. Первенец же Даяна, Уди, написал книгу, порочащую память генерала.

Даяна мало трогало, что говорили и писали о его частной, не слишком добродетельной жизни, о его политических взглядах, о его не совсем чистых методах коллекционирования археологических находок, относительно законности присвоения которых поднимались вопросы в прессе и кнессете. Единственно, где он был чувствителен к малейшей критике, – это в военной области. В последние годы жизни Даян был увлечен археологией – раскопками в поле с последующей тщательной квалификацией глиняных черепков в павильоне, построенном во дворе его дома. Это увлечение способствовало уединению. «Это время, когда я размышляю…» – говорил он.

Моше Даян умер от рака 18 числа месяца «тишрей» (16 октября 1981 г.) в возрасте 66 лет. Государственный секретарь США Генри Киссинджер писал: «Война была призванием Даяна, мир – его стремлением…» Одноглазый генерал стал символом израильского военного профессионализма.

ДИЗРАЭЛИ БЕНДЖАМИН

(род. в 1804 г. – ум. в 1881 г.)

Лорд Биконсфилд, писатель, британский государственный и политический деятель, один из основателей и лидер Консервативной партии Великобритании, премьер-министр (1868 и 1874–1880 гг.), министр финансов (1852, 1858–1859, 1868 гг.). Автор Проманов: «Вивиан Грей» (1826), «Юный герцог» (1831 г.), «Конингсби» (1844 г.), «Лотарь» (1870 г.), «Эндимион» (1881 г.) и др.

Английский историк Р. Ситон-Уотсон в 1962 году, сказал, что Б. Дизраэли – «величайший представитель и идеолог империализма». Именно он основал английскую Консервативную партию в том виде, в котором она без особых изменений существует на протяжении последних полутора столетий. Дизраэли вооружил ее двуединой политикой торийского демократизма и империализма, позволяющей консерваторам в различных ситуациях сохранять власть в своих руках.

Он по праву считается самым выдающимся государственным деятелем Англии XIX столетия со времен окончания наполеоновских войн. Исследователи говорили, что если бы Бенджамин не стал политиком, то был бы не менее выдающимся литератором.

Родился он в Лондоне 21 декабря 1804 года. Его дед, сефардский еврей, эмигрировал из Италии в Англию, где сделал успешную карьеру купца и биржевого маклера. Отец мальчика, писатель Исаак Дизраэли, в 1802 году женился на Марии Басеви, дочери еще одного еврейского эмигранта из Италии. Бен был их вторым сыном. В школе мальчишка выделялся оригинальными мыслями, богатой фантазией, лидерством, умением постоять за себя, несмотря на свой маленький рост. В то время в Англии у католиков и иудеев не было перспективы сделать государственную карьеру. Возможно, поэтому отец решил, что его четверым детям следует принять господствующее в Британии вероисповедание. Так 13-летний Бен прошел обряд крещения ив 1817 году стал христианином.

В 15 лет юноша окончил школу и продолжил дальнейшее образование самостоятельно. Спустя два года он поступил в одну из адвокатских контор лондонского Сити. Многие сотрудники и друзья отца удивлялись его ранней развитости, умению вести разговор, оживляя его шутками и цитатами из классиков. Вскоре Бен счел профессию юриста слишком банальной и решил разбогатеть спекуляциями на бирже, но в 1824 году прогорел. Тогда банкрот начал писать новеллы, попытался организовать совместно с другом своего отца и издателем Джоном Мюрреем выпуск новой ежедневной газеты – и вновь неудача.

Бенджамин взялся сочинять роман, и через четыре месяца произведение «Вивиан Грей» было завершено. В нем автор изобразил неординарную личность, пытающуюся нащупать собственный путь в мире лжи, фальши и лицемерия. Издать произведение 22-летнему писателю удалось через жену соседа-адвоката, не указывая своей настоящей фамилии.

Сатирический роман имел шумный успех у аристократии, но через некоторое время совершенно случайно тайна авторства была раскрыта. Те же аристократы теперь восприняли книгу как злую шутку над ними и неблагодарную сатиру. Они возмутились, что роман написал Дизраэли, не только не принадлежавший к высокому сословию и не имевший престижного образования, но и запятнавший себя сомнительными сделками на бирже и большими долгами.

В 1828–1831 годах Бен путешествовал по Европе и Ближнему Востоку. Возможно, он кого-то неосторожно задел в своей книге

(некоторые персонажи были там легко узнаваемы), и ему посоветовали на время удалиться из страны. По возвращении в Лондон на правах начинающего писателя Дизраэли стал бывать в домах В. Скотта, внучек Шеридана и других знаменитостей. Его начитанность и остроумие снискали ему расположение многих влиятельных людей. Друг Бенджамина, писатель Э. Булвер-Литтон, ввел его в салоны леди Блессингтон и других литературных деятелей, вращавшихся в высшем обществе. За короткий срок новоиспеченный писатель написал еще два романа из светской жизни – «Юный герцог» и «Контарини Флеминг».

Однажды на каком-то светском рауте его представили известному министру, лорду Мельбурну. Оригинальные идеи и красноречие молодого писателя понравились лорду, и он предложил ему свою помощь: «Скажите, чего бы вы хотели?» – «Стать премьер-министром», – последовал дерзкий ответ Бена. «Нет, нет! Вряд ли это может быть возможным». Но Дизраэли так не думал и поставил перед собой цель: к 30-летнему возрасту занять этот высокий пост. Но сначала нужно было попасть в парламент.

В 1833 году любовницей Бенджамина стала одна из самых популярных женщин Лондона – Генриетта, жена лорда Френсиса Сайкса (ее образ писатель запечатлел в романе «Генриетта Темпл», 1836). Возможно, он надеялся осуществить свою мечту с помощью ее связей. Четыре раза подряд честолюбивый молодой человек выставлял свою кандидатуру, но избиратели не спешили отдавать за него свои голоса. Не помогли ни набиравшая силу литературная известность, ни риторические выступления на тему народных бедствий и паразитизма правящей верхушки.

В 1835 году вышла книга Дизраэли «Защита английской конституции». Она вызвала одобрение критиков и палаты лордов, отметивших зрелость мыслей автора в освещении теории создания новой консервативной партии. К тому времени писатель отошел от вигов и принял принципы тори – консерваторов, представителей аристократической Англии.

Муж одной из почитательниц Бена предложил ему выступить с ним вместе от избирательного округа в городке Мейдстон. Предложение с удовольствием было принято – финансовые дела Дизраэли к тому времени пришли в плачевное состояние, т. к. на избирательную кампанию он занимал деньги у ростовщиков под большие проценты. Его могли арестовать как несостоятельного должника прямо на предвыборном выступлении. Но местный шериф был в числе его сторонников, и до ареста дело не дошло. Так в 1837 году с пятой попытки кандидат прошел в палату общин от партии тори.

Первая речь новоизбранного депутата в нижней палате британского парламента провалилась. Еще во время прошлых выборов он поссорился со своим конкурентом Д. О'Коннеллом. Теперь ирландские члены парламента отомстили за своего лидера, с помощью крика и смеха заставив оратора замолчать. Но Бен не смутился, заявив, что придет время, и они будут слушать его в полной тишине.

В 1839 году 35-летний Дизраэли женился на вдове одного из своих парламентских коллег. Мэри Энн Эванс была старше мужа на 15 лет, однако отличалась преданностью, имела годовой доход в четыре тысячи фунтов стерлингов и дом в Лондоне. Они всю жизнь прожили в любви и согласии.

Мэри Энн держалась просто и естественно и не старалась играть роль аристократки. Ее наивная откровенность забавляла. Однажды в гостях, когда хозяин за столом сказал, что он собирается съездить в Оксфорд, Мэри тут же среагировала: «О да! Я люблю Оксфорд. Все они там без ума от моего супруга и аплодируют ему».

В 1841 году, после 11 лет оппозиции, партия тори наконец пришла к власти, но премьер-министр сэр Роберт Пиль не предложил Дизраэли место в новом правительстве. Но блестящий успех у читателей его новых, с социальной подоплекой, романов «Конингсби» (1844), «Сибилла, или Две нации» (1845) на сей раз способствовал его парламентской карьере. Бену удалось объединить вокруг себя молодых, романтически настроенных тори, известных под названием «Молодая Англия», и превратить их в ядро будущей консервативной партии нового типа.

В 1847 году он опубликовал роман «Танкред, или Новый крестовый поход», после которого наступил 23-летний перерыв в его литературной деятельности. В 1853 году Дизраэли закончил биографию лорда Джорджа Бентинка и в дальнейшем уже мало занимался литературой.

Вдвоем с лордом они возглавили консерваторов, создали большинство в парламенте и отправили правительство ранее несокрушимого Роберта Пиля в отставку. После смерти Бентинка в 1848 году Дизраэли стал лидером этой партии в палате общин.

На деньги, одолженные семьей лорда, Бенджамин приобрел поместье Хьюэнден. Он очень любил свой роскошный загородный дом, расположенный в красивом месте недалеко от Лондона. Здание постепенно становилось все красивее и благоустроеннее; его совершенствованием занималась супруга. Несмотря на большую разницу в возрасте, они прекрасно уживались, оказывали максимальное внимание друг другу.

Как правило, Дизраэли жил в усадьбе с августа до

рождественских праздников включительно, всегда наслаждался «бабьим летом» (в Англии этот сезон называется «индейским летом»). Иногда в Хьюэндене гостили друзья и знакомые хозяина – приглашалась только знать вроде Солсбери и крупные финансисты типа Ротшильдов. Дизраэли в свою очередь получал приглашения погостить в некоторых знатных и богатых усадьбах.

Уже будучи признанным вождем партии, Бенджамину совсем неожиданно пришлось изложить в палате общин свои религиозные взгляды. Дело в том, что Лайонел Ротшильд не мог приходить на заседания, так как присяга требовала, чтобы депутат клялся «истинной верой христианина». Лорд Джон Рассел предложил отменить эту часть формулировки. Вся партия проголосовала «против», кроме двух депутатов – Рассела и Дизраэли.

Бен разъяснил соратникам, что было бы большой ошибкой партии, считающей себя демократической, преследовать евреев, которые, по сути, консервативны. Из-за такого отношения евреи будут вытеснены в лагерь революционеров и мятежников. Он как христианин поднял свой голос за евреев и закончил речь словами: «Я не могу заседать в палате, если останется неясность относительно моих мнений на этот счет. Каковы бы не были последствия, я не могу голосовать за то, что не соответствует моим религиозным принципам».

В 1852 году он стал министром финансов в кабинете Дерби. Тори находились у власти как правительство меньшинства в течение десяти месяцев, затем парламент выразил ему недоверие в связи с плохо подготовленным бюджетом, и правительство ушло в отставку. (В 1858 и в 1868 годах ситуация повторилась, правда кабинет Дерби продержался чуть дольше.).

В этой ситуации Бену была необходима достоверная информация о предпринимаемых новым правительством внешнеполитических акциях, чтобы более эффективно критиковать его в палате общин и при этом завоевывать авторитет специалиста еще и по международным вопросам.

В 1854 году Дизраэли завербовал атташе английского посольства в Париже Ральфа Эрла, и тот собирал для него секретные данные, находившиеся в распоряжении посольства. Организация лидером партии системы шпионажа в государственных учреждениях находилась в прямом противоречии с законом. Действия Бена усугублялись еще и тем, что его агенты в Лондоне, Париже и других местах работали на него не бескорыстно – тут уже попахивало преступлением. Шпионскую сеть он использовал долгие годы.

В 1868 году Диззи (так стали звать Бенджамина в

парламенте) снова занял пост канцлера казначейства. В том же году престарелый Дерби ушел в отставку, и в марте 64-летний Б. Дизраэли стал премьер-министром Великобритании. Наконец сбылась мечта его жизни! Более 40 лет шагал он к заветной цели. Но уже в декабре на выборах победили либералы, и он вновь очутился в отставке и в оппозиции. Перед уходом Диззи отказался от пожалованного ему титула пэра, и королева Виктория по его просьбе присвоила этот титул его жене, которая стала виконтессой Биконсфилд.

Четыре года спустя, в 1872 году, она умерла от рака. Вдовец тяжело переживал потерю. Возникли финансовые проблемы, однако благодаря щедрости крупного йоркширского землевладельца Эндрю Монтегю, а также наследству, полученному от почитательницы его таланта, вдовы Бриджес Уильямс, денежные затруднения были преодолены. Кроме того, когда Дизраэли не работал в правительстве, государство выплачивало ему пенсию в две тысячи фунтов в год.

В 1874 году консерваторы снова завоевали большинство в палате общин, и Дизраэли опять стал премьер-министром. С этого, четвертого по счету прихода к власти началась настоящая популярность Диззи в правящих кругах Англии и упрочилась его репутация, как одного из величайших английских государственных деятелей.

Он уделял первостепенное внимание колониальным и внешнеполитическим проблемам, вел работу по расширению империи. «Вопрос этот нельзя считать незначительным, – заявил он еще в 1872 году во время своей знаменитой речи в Хрустальном дворце. – Он заключается в том, будете ли вы довольны существованием в качестве уютной Англии, смоделированной и отлитой по континентальным принципам и спокойно ожидающей неизбежной судьбы, или вы станете великой имперской страной».

Кроме того, он добился принятия законов о здравоохранении, равенстве взаимных обязательств рабочих и работодателей, расширении прав профсоюзов, охране труда женщин и малолетних, сокращении рабочего дня до 56 часов в неделю, обязательном начальном обучении детей, отмене наказаний за агитацию среди рабочих, строительстве дешевого жилья для работников предприятий и др.

Премьер выработал стройную программу организации Британской империи. Это – автономия колоний с имперским таможенным тарифом; право империи занимать вновь открытые земли и, наконец, создание в Лондоне имперского парламента. Такая политика была настолько новой, что шокировала многих

парламентариев. С присущей ему энергией Диззи приступил к реорганизации армии, необходимой для поддержания могущества Британии. В сентябре 1874 года англичанам удалось захватить о. Фиджи.

В 1875 году с помощью банкирского дома Ротшильда английское правительство за бесценок скупило контрольный пакет акций Суэцкого канала, принадлежавший предпоследнему хедиву Египта Исмаил-паше, и присоединило Индию к короне. Королева Виктория получила титул императрицы индийской, а Дизраэли стал вождем английской нации, получил титул лорда Биконсфилда и пэра Великобритании.

Бен был блестящим мастером тайной дипломатии, интриги и казуистических политических хитросплетений. Он видел британские интересы и в Египте, и в Азии, и в Европе.

Например, опасаясь захвата Стамбула Россией вследствие надвигавшегося распада Османской империи, лорд Биконсфилд занял враждебную по отношению к балканским славянам позицию. Временами казалось, что война с Россией неизбежна. Однако Бенджамин Дизраэли смог и сохранить мир, и соблюсти интересы Великобритании, а по ходу дела включить о. Кипр в состав британских владений, не потеряв ни одного солдата.

На Берлинском конгрессе 1878 года по «Восточному вопросу» немецкого лидера Бисмарка спросили, кто является центральной фигурой конгресса. Тот указал на Дизраэли: «Этот старый еврей и есть тот самый человек». Лорду тогда удалось договориться с канцлером Германии и свести на нет многие завоевания России в войне с Турцией 1877–1878 годов.

Дизраэли был истинным евреем, гордился своим происхождением. Однажды во время его парламентской речи вскочил лорд и презрительно прокричал: «Сэр, вы еврей!» Дизраэли ответил: «Я горжусь своей национальностью и хотел бы вам напомнить, сэр, что одна половина христиан поклоняется и молится еврею, а другая – еврейке. Я хотел бы еще вам напомнить, что мои предки уже молились живому истинному Богу в то время, когда ваши прародители были еще дикарями и бегали голыми по лесам».

Последний период премьерства Диззи оказался несчастливым. Военные неудачи в Южной Африке и Индии почти дискредитировали политику империализма. Кризис в финансах и сельском хозяйстве множил всеобщее недовольство. В 1880 году консерваторы потерпели поражение на выборах, и Дизраэли перешел на положение лидера оппозиции. В следующем году он завершил самый увлекательный из своих политических романов – «Эндимион».

Весной 1881 года лорд заболел. К застарелым подагре и астме присоединилась тяжкая простуда и бронхит. 19 апреля того же года в Лондоне Б. Дизраэли умер. Согласно завещанию его похоронили на маленьком кладбище рядом с женой. Благодарная королева Виктория лично возложила цветы на могилу Дизраэли и на свои средства поставила ему памятник. В сквере перед парламентом установили его скульптурное изображение.

ДУНАЕВСКИЙ ИСААК ОСИПОВИЧ

(род. в 1900 г. – ум. в 1955 г.)

Советский композитор, народный артист России (1950 г.), лауреат Государственной премии СССР (1941 и 1951 гг.), кавалер двух орденов. Автор песен (в том числе к кинофильмам): «Песня о Родине» (1936 г.), «Марш энтузиастов» (1940 г.), «Летите, голуби» (1951 г.), «Школьный вальс» (1952 г.) и других, а также музыки к фильмам: «Веселые ребята» (1934 г.), «Вратарь», «Цирк», «Дети капитана Гранта» (1936 г.), «Волга-Волга» (1938 г.), «Светлый путь» (1940 г.), «Весна» (1947 г.), «Кубанские казаки» (1949 г.). Создатель 12 оперетт: «Женихи» (1927 г.), «Золотая долина» (1937 г.), «Вольный ветер» (1947 г.), «Сын клоуна» (1950 г.), «Белая акация» (1955 г.) и других.

Романтические увертюры, благородные вальсы, радостные марши, опереточные партии еще в 1930-е годы принесли Дунаевскому мировую славу. После триумфального успеха

«Веселых ребят» за рубежом Дунаевского называли «московским Штраусом». Его вокальные произведения пели такие великие мастера искусств, как Надежда Обухова, Ирина Архипова, Сергей Лемешев, Борис Гмыря, Георг Отс и др. В 1930–1940-х годах к сочинениям Исаака Осиповича обращались выдающиеся дирижеры – А. Орлов, К. Элиасберг, Е. Мравинский. «Мелодия для меня – это живое, дышащее существо», – говорил знаменитый композитор. Это был, наверное, один из секретов того, что почти все его песни находили дорогу к сердцам людей.

Родился Исаак Осипович 18 (30) января 1900 года в местечке Лохвица на Полтавщине, в семье банковского служащего. С детства он увлекался музыкой, учился играть на скрипке. В десятилетнем возрасте мальчик поступил в Харьковское музыкальное училище и одновременно посещал гимназию. Через девять лет он окончил учебу по классу композиции С. С. Богатырева и по классу скрипки И. Ю. Ахрона. После этого работал в оркестре скрипачом, концертмейстером. В 1920 году Исаак был принят в Харьковский русский драматический театр. В том же году состоялось его первое выступление как театрального композитора (он сочинил музыку к спектаклю «Женитьба Фигаро»).

В 1924 году Дунаевский переехал в Москву, где руководил музыкальной частью театра «Эрмитаж», работал в Театре сатиры. Спустя год он женился на Зинаиде Судейкиной, в 1932 году у них родился сын Евгений. В 1929–1934 годах молодой музыкант работал композитором и главным дирижером Ленинградского мюзик-холла. В городе на Неве он стал популярным автором вальсов, романсов, куплетов, частушек, написал первые советские оперетты, оформил несколько театральных спектаклей. Так, для джаз-оркестра Леонида Утесова Исаак создал несколько театрализованных эстрадно-песенных программ, сочинил яркую «Еврейскую рапсодию», а для Передвижного театра еврейской музыкальной драмы – оперетту «Трест воров».

Но всенародная слава пришла к композитору, когда он стал писать музыку к первым советским звуковым фильмам (до 1933 года кино называли «великим немым» – оно еще не было звуковым). Композитор стал одним из создателей советской музыкальной кинокомедии, сделав музыку одним из главных компонентов драматургии фильма. После выхода на экраны страны в 1934 году знаменитой картины Георгия Александрова «Веселые ребята» песни Исаака Осиповича подхватили миллионы людей. Правда, коллеги тут же обвинили его в краже мелодий у американцев. (Позже они даже поговорку пустили в ход: «С миру по нотке – Дунаевскому орден».) Спустя два года в фильме «Цирк»

прозвучала «Песня о Родине» («Широка страна моя родная…») на стихи В. И. Лебедева-Кумача и сразу же стала очень известной и любимой в народе. Композитор сочинил мелодию почти за полтора года до того, как поэт написал к ней стихи. А писал он музыку, повинуясь лишь собственному вдохновению.

Советский музыковед С. Хентова впоследствии написала, что «одна эта песня обеспечила бы композитору место в пантеоне великих, как обеспечила его «Марсельеза» безвестному саперному капитану… Руже де Лилю, а «Интернационал» – Эжену Потье и Пьеру Дегейтеру». Во второй половине 1930-х годов эта песня стала позывными Центрального радио, и ее передавали каждое утро. Писатель Виктор Астафьев позже назвал это «ежеутренней молитвой, исполняемой по радио народным артистом СССР М. О. Рейзеном». С его точки зрения такая «молитва» звучала кощунственно на фоне массовых арестов, расстрелов, бараков, высылок «во имя светлого будущего». Так ни в чем не повинная песня аккомпанировала сталинским залпам, поражавшим наркомов и маршалов, рабочих и служащих, женщин и детей. Возможно, трагедия Дунаевского в том, что его лучшие сочинения, полные оптимизма и веры в жизнь, становились как бы ширмой для прикрытия беззаконий, творившихся в те страшные годы в Стране Советов. Мысль, что, воспевая мечту, он грешит перед истиной, преследовала композитора долгие годы. Позднее «Литературная газета» писала: «Случалось, что в его песнях слова лгали, но музыка – никогда. Она выжила благодаря своему благородству».

В том же 1936 году на экранах страны появился еще один популярный фильм – «Дети капитана Гранта» с потрясающей увертюрой и песнями Дунаевского. «Песня о веселом ветре» («А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер…») и «Песенка о капитане» («Жил отважный капитан, он объездил много стран…») мгновенно разлетелись по всей стране. Что касается увертюры к фильму, то Д. Д. Шостакович писал, что она «является симфоническим произведением большого накала и темперамента». Автор и сам считал ее одной из самых удачных. В кинокартине «Вратарь» зазвучал «Спортивный марш» на стихи Лебедева-Кумача и тоже сразу покорил сердца людей. Этот футбольный марш, как и другие произведения, пронизан духом молодости, юной жизнерадостности, задором и бодростью поколения, строившего новую жизнь. Через год композитор-новатор написал оперетту «Золотая долина» с певучей и нежной страстностью грузинских мелодий, роскошным восточным колоритом.

В 1938 году на экранах кинотеатров появилась «Волга-Волга».

(Позже, еще при жизни Исаака Осиповича, по этой реке курсировал пароход «Композитор Дунаевский».) Поговаривали, что «Волга-Волга» сразу стала одной из любимых картин Сталина. Ему, как и миллионам людей, нравилась музыка Дунаевского вообще и мелодии из этого фильма в частности. Но самого композитора, как считает его биограф Н. Шафер, вождь недолюбливал. Очевидно, «отца всех времен и народов» раздражала популярность Дунаевского. К тому же он затаил обиду на композитора, чья маловыразительная «Песня о Сталине» («От края до края, по горным вершинам») носила явно вымученный характер и никак не могла сравниться с вдохновенной, эпически мощной и лирически проникновенной «Песней о Родине».

Среди музыкантов ходила история о том, что Иосиф Виссарионович, впервые прослушав «Песню о Сталине», сказал: «Товарищ Дунаевский приложил весь свой талант, чтобы эту песню о товарище Сталине никто не пел». И действительно – солисты, хоры и ансамбли предпочитали исполнять другие новейшие песни о хозяине Кремля: «На дубу зеленом» В. Захарова (стихи М. Исаковского), «Взмыл орлом от гор высоких» Л. Ревуцкого (стихи М. Рыльского), «На просторах Родины чудесной» М. Блантера (стихи А. Суркова). Наконец появилась «Кантата о Сталине» А. В. Александрова, и песня И. О. Дунаевского, написанная ранее на те же самые слова, была тут же предана забвению. Конечно, никто не застрахован от творческих неудач. У Дунаевского были и другие бесцветные песни («Комсомольский марш», «Письмо в Кострому»), но многое зависело и от текста. Кстати, Михаил Матусовский вспоминал, что Дунаевский с большим уважением относился к поэтам, с которыми сотрудничал, и никогда не говорил: «слова песни» или «текст песни», а только: «стихи песни».

В годы войны Исаак Осипович возглавлял ансамбль Центрального Дома культуры железнодорожников, объехал с ним пол страны. Эта деятельность принесла композитору новые творческие успехи, и он отразил романтику трудовых будней советских железнодорожников в таких песнях, как «Дальняя сторожка» или «Колеса, бегите». К «железнодорожным мотивам» Дунаевский обращался и впоследствии: «Пути-дороги», «Дорожная», «Московские огни». Артисты давали концерты в тыловых воинских частях, на фабриках, заводах, в госпиталях и даже на разъездах и в железнодорожных тупиках. Скажем, «Песня о Москве» («Дорогая моя столица, золотая моя Москва»), сочиненная Дунаевским в первый год Великой Отечественной войны, впервые прозвучала на Урале, на железнодорожной

станции Дивизионная. Там солистка Марина Бабьяло вместе с хором и оркестром ансамбля ночью, со сцепленных нескольких железнодорожных платформ, с любовью и страстью спела эту песню для стоящего на соседних путях эшелона с солдатами, направлявшимися на фронт. Ее пришлось исполнить на «бис» пять раз, после чего все бойцы знали слова уже наизусть и пели сами!

Как вспоминала бывшая танцовщица этого ансамбля, Лидия Михайловна Печорина, на гастролях случалось всякое. На одной из дальневосточных станций у них утащили все одеяла и мыло. Конечно, это не могло не отразиться на самочувствии и настроении, но они по-прежнему пели, плясали, декламировали и везде встречали восторженный прием зрителей. «А еще был случай, – рассказывала Лидия Михайловна, – когда мы плакали во время концерта… Выступали мы как-то в одном из эвакуированных военных госпиталей в Средней Азии, исполняли танцевальную сюиту. Когда представление окончилось, к художественному руководителю подошла медсестра и сказала, что нас просят потанцевать слепые воины из отдельной палаты… И вот мы перед ними танцуем. Слезы из наших глаз льются ручьями, а мы – танцуем, танцуем…» До 9 Мая 1945 года ансамбль дал более 700 концертов, а композитор написал около 40 песен. Последняя – «Ехал я из Берлина» – многие годы звучала в День Победы из распахнутых настежь окон.

Когда его родная Украина была оккупирована гитлеровцами, композитор делал обработки для однородных и смешанных хоров известных украинских народных песен: «Дивлюсь я на небо», «Скажи мені правду», «Жниці», «Добрий вечір, дівчино»… В разные годы композитор занимался также обработкой английских, норвежских, французских, испанских, финских народных напевов.

Дунаевский прокладывал новые музыкальные пути, тесно связав советскую массовую песню и народное творчество с опереттой. Скажем, в «Вольном ветре» он ввел оркестровые эпизоды, большие ансамбли, развернутые финалы. В этом же произведении композитор впервые в жанре оперетты отразил тему борьбы за мир. 19 апреля 1947 года коллеги уже поздравили Дунаевского со Сталинской премией за эту оперетту, а в это время «лучший друг советских композиторов», в последний раз просматривая списки, собственноручно вычеркнул его фамилию. В том же 1947 году композитора первый раз выпустили за границу – в Чехословакию на съемки фильма «Весна». Но на кинофестиваль в Вену, где ему присвоили главный приз за музыку в этой картине, – не пустили.

Несмотря на эти унижения со стороны хозяина Кремля, Дунаевский продолжал боготворить его. «Я бы погрешил против истины, – пишет библиограф Исаака Осиповича Н. Шафер, – если бы стал в угоду времени доказывать, что Дунаевский не испытывал к Сталину симпатии, что его из-под палки заставляли воспевать “отца народов”, а он этого не хотел. Нет… В книге избранных писем композитора опубликовано его письмо к Р. П. Рыськиной от 23 декабря 1949 года, в котором можно прочитать такие строки: “Москва отпраздновала 70-летие И. В. Сталина. Мне, как творцу, надлежит видеть в событиях окружающей жизни ту романтику, которую, может быть, не все ощущают. Но не надо здесь никаких романтических взглядов, чтобы сказать, что Сталин является величайшим человеком не только нашей эпохи. В истории человеческого общества мы не найдем подобных примеров величия и грандиозности личности, широты, популярности, уважения и любви. Мы должны гордиться, что являемся его современниками и пусть крохотными сотрудниками в его деятельности. Как часто мы (особенно молодежь) забываем, что одним воздухом дышит с нами, под одним с нами небом живет Сталин. Как часто у нас кричат “Дорогой любимый Сталин”, а потом уходят в свои дела и пакостят на работе, в жизни, в отношениях к людям, друзьям, товарищам. Сосуществование со Сталиным требует от его современников безграничной чистоты и преданности, веры и воли, нравственного и общественного подвига. Сама жизнь Сталина является примером такого подвига во имя лучшей жизни на всей земле”». «Наивная и страстная душа», Дунаевский полагал, что цинизм и безнравственность существуют в нашем обществе не благодаря Сталину, а вопреки ему.

Между тем продолжался бойкот композитора. Его 50-летний юбилей прессой замечен не был: даже в музыкальных журналах не появилось ни посвященной ему статьи, ни просто дежурной строчки поздравлений. Правда, ему наконец-то в 1950 году присвоили давно заслуженное звание народного артиста, но не СССР, а только России. В том же году композитор сочинил одну из лучших своих оперетт «Сын клоуна», а за год до этого – сразу ставшую очень популярной песню к фильму «Кубанские казаки» «Ой, цветет калина в поле у ручья». Этим он еще раз опроверг мнение некоторых коллег, что «Исаак – иссяк». «Боже мой, – писал композитор в декабре 1949 года Р. П. Рыськиной, – сколько людей за последние годы радовались тому, что, как им казалось, Дунаевский исписался! Торжествовали они рано. Изредка я бью их по голове весьма ощутительно. Почему изредка? Потому что здесь много “потому что”. И, прежде всего потому, что мне надо

выпускать в свет только хорошее. Срывов мне не прощают. Я думаю, что “Кубанские казаки” явятся очередным ударом, хотя, пожалуй, уже все убедились в том, что причислять меня к творческим трупам еще рановато».

Как известно, условия жизни в сталинские годы были таковы, что любое самовыражение творческой личности могло быть расценено как государственное преступление. Казарменному социализму нужны были добросовестные исполнительные ремесленники, а не талантливые независимые мастера. Незаурядная личность уничтожалась если не лагерями, то самой этой же личностью – путем униженного самобичевания. Был период, когда Шостаковича, Хачатуряна, Прокофьева, Мясковского и других композиторов заставляли «каяться», отречься от «формализма». Дунаевского родная Коммунистическая партия призывала отказаться от любимого джаза. Он написал статью для «Вечерней Москвы», где посыпал свою голову пеплом: дескать, виноват, слишком уж увлекся джазом, сочиняя музыку для кинофильма «Моя любовь».

Этого власть имущим показалось недостаточно, и в Горьковской консерватории, спустя почти два месяца после речи композитора перед студентами, 23 февраля 1951 года был сочинен «Акт». В нем говорилось, что выступление Дунаевского 27 декабря 1950 года было антивоспитательным, политически невыдержанным и недостойным народного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии, советского композитора и гражданина и т. д., и т. п. Его подписали: заместитель директора Горьковской государственной консерватории по научно-учебной работе, секретарь и зам. секретаря партбюро, старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма, председатель месткома, редактор стенгазеты, секретарь комитета ВЛКСМ и председатель студпрофкома, директор консерватории. На следующий день в стенгазете этого вуза отмечалось, что выступление Дунаевского не только не окрылило студентов сознанием новых значительных побед советской музыки после исторического Постановления ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели «Великая дружба» (1948 г.), но, напротив, вызвало глубокое недоумение и разочарование, было крайне нескромным в отношении себя, пренебрежительным и недружелюбно-критическим в отношении других композиторов, порочащем советскую музыкальную общественность и т. д., и т. п.

В продолжение травли 6 марта 1951 года, в газете «Советское искусство» появился грозный фельетон «Печальный акт» некоего И. Верховцева с целью скомпрометировать композитора, посеяв семена недоверия в сердцах его многомиллионных поклонников.

И вывод: Дунаевский неисправим, надо перекрыть ему все пути – никаких встреч, никаких выступлений в СССР, не говоря уже о зарубежных! К концу жизни Дунаевскому невыразимо тяжело было сознавать, что он долгие годы находился в положении художника, которого никуда не выпускали. После появления в печати фельетона у композитора случился сердечный приступ. Оправившись, он не находил себе места, обычная незлобивость композитора вдруг обернулась жаждой мщения. Его старшая сестра Зинаида Осиповна рассказывала, что были моменты, когда он порывался куда-то поехать, перебрать всю «камарилью» по одному человеку, которые, по его мнению, организовали эту «горячую кампанию». Возбуждение сменялось депрессией. Композитор долго не мог справиться с чувством глубокого унижения. Романтик, он страдал еще и от несоответствия идеала и действительности. 2 сентября 1950 года в одном из своих писем Дунаевский писал: «Нам все время тычут в пример Толстого и Чехова, Чайковского и Глинку… Но забывают, что нам не дают писать так, как писали они…»

3 апреля 1951 года газета «Советское искусство» предоставила слово композитору Тихону Хренникову, ознакомившему широкого читателя с «историческим» решением секретариата: «Секретариат Союза советских композиторов СССР указал И. О. Дунаевскому, что его выступление на встрече со слушателями Горьковской консерватории порочно и недостойно советского композитора. Секретариат принял к сведению заявление И. О. Дунаевского о признании допущенных им ошибок и о том, что он исправит эти ошибки в своей дальнейшей творческой и общественной деятельности». Хренников действительно сделал все возможное, чтобы замять «дело». Сестра композитора, Зинаида Осиповна, вспоминала: «В период этой кутерьмы я позвонила Исааку из Полтавы и спросила его о самочувствии. “Зиночка, – ответил он мне, – я отвык молиться. Если ты не потеряла этой способности, то помолись нашему еврейскому Богу за русского Тихона – я ему обязан честью и жизнью”».

Но Исаак Осипович не знал, что кто-то все никак не может угомониться и хочет сделать лидером советской песни русского по крови Соловьева-Седого. Предпринимались отчаянные попытки дискредитировать наиболее талантливые произведения Исаака Осиповича. (Это продолжалось по инерции даже после смерти Сталина 5 мая 1951 года.) «Советское искусство» объявило, что Дунаевскому не место в советском обществе. Удар композитору был нанесен руками начинающей журналистки Валентины Жегис. «Советские люди, – писала она, – простят

художнику ошибку, но они не терпят халтурного отношения к порученному делу. Они привыкли к тому, что каждый человек относится к своему труду как к творчеству. Как заботливые и требовательные хозяева, они стремятся изгнать из своего богатого, прекрасного дома все, что мешает им жить по-новому».

Для Дунаевского опять наступили черные дни. От него давно отвернулись бывшие соратники – Григорий Александров и Любовь Орлова. Знаменитый композитор спасал себя тем, что постоянно играл на рояле Бетховена, Рахманинова, Скрябина. Кроме того, в лице актера Ивана Александровича Пырьева он обрел нового друга, который всячески старался его растормошить, пробудить в нем творческую энергию и радость жизни. В письме Р. П. Рыськиной от 22 июня 1951 года Исаак Осипович написал: «Все труднее и труднее становится работа на творческом поприще. И не потому плохо, что трудно. Не потому плохо, что вырастают все новые и новые задачи, требующие своего осуществления и творческого выражения. Нет! Плохо и мучительно невыносимо то, что никто не знает, какая дорога правильна, что все запутались, боятся, перестраховываются, подличают, провоцируют, подсиживают, меняют каждый день свои убеждения, колотят себя в грудь, сознаваясь в совершенных и несовершенных ошибках… Страшно, что прозвучавшее слово отрицательной критики является уже непререкаемым законом, открывающим столько гадкого и мутного словоговорения и пакости людской, против которой нет никакой защиты, кроме собственной совести».

В конце июля 1951 года Дунаевский должен был вылететь в Берлин на Всемирный фестиваль молодежи и студентов для съемки документального фильма. Но вот уже наступил август, а его, единственного из съемочной группы, по-прежнему не выпускали. «Все это время я находился в пекле подготовки к фестивалю, – писал он Р. П. Рыськиной. – Моя песня о мире (“Песня молодых”) премирована третьей премией… Надо считать это удачей, так как к песне я стал подходить с некоторым творческим равнодушием и не очень горел огнем вдохновения. Кроме того, для моего происхождения и этот результат достаточен. Видимо, это же обстоятельство играет немалую роль в том, что я до сих пор сижу, что называется, на чемоданах в ожидании полета. Сегодня уже третье число, а я тут как тут. Не буду удивлен, если будет сочтено, что мне можно не ехать и что фестиваль молодежи ничего от этого не потеряет».

5 сентября в прессе появилась фотография Дунаевского в числе участников фильма «Кубанские казаки», удостоенных Сталинской премии. Исаак Осипович получил два месяца

спокойной жизни, в течение которых он, не побывав в Берлине, спокойно занимался музыкальным оформлением «берлинского» фильма Пырьева «Мы за мир» («Юность мира»). Среди прочих инструментальных и хоровых номеров он сочинил для картины замечательную лирическую песню «Летите, голуби». Вскоре после этого взлета Исаака Осиповича поджидал удар. В письме от 2 января 1952 года он написал: «К сожалению, мерное и мирное течение моей жизни было нарушено 7 ноября 1951 года нелепым несчастьем, случившимся в компании моего сына. Сам-то он не был виноват, но его исключили из Института кинематографии по обвинению в организации попойки, закончившейся автомобильной катастрофой, в результате которой погибла студентка 3-го курса ВГИКа Зина Халеева. Машина была моего сына, вечеринка происходила в праздник на нашей даче во Внуково. Сын попал в эту историю как искупительная жертва общественного возбуждения в институте. И хоть все это нелепо и несправедливо, но до сих пор мне не удалось его восстановить. Это ужасно портит жизнь и настроение. Надеюсь все-таки, что удастся восстановить. Очень жалко парня, который уже около двух месяцев слоняется подавленный и растерянный происшедшим».

Восстановить сына во ВГИК Исааку Осиповичу не удалось. Даже несмотря на то, что судом он был признан абсолютно невиновным. (Компания молодых людей без ведома Евгения воспользовалась его машиной, а за руль села подвыпившая девушка, не умевшая водить. В результате произошло непоправимое.) Мало того, суд вынес решение о возмещении ему материального ущерба за разбитую машину.

На этом несчастья Дунаевского не закончились. В 1952 году по делу «врачей-вредителей» был арестован его двоюродный брат – профессор-уролог Л. Дунаевский, а сам композитор едва не стал одной из многочисленных жертв «борьбы с космополитами». Его пытались заставить подписать так называемое «коллективное письмо» советских евреев, якобы возмущенных действиями своих соплеменников, но композитор с возмущением отказался.

Между тем «Музгиз» не печатал партитур замечательной музыки Дунаевского к кинофильмам: музыканты учили мелодию и слова на слух. Композитор писал в издательство в мае 1953 года: «Почему мои симфонические произведения, благодаря отсутствию изданий, отдаются на растерзание слухачам, которые сами оркеструют, делают всякие фантазии и попурри иногда ужасающего качества? Имеется несколько так называемых оркестротек, то есть универсальных партитур для оркестров кинотеатров и ресторанов. Но по этим изданиям ни один

дирижер симфонического оркестра, конечно, дирижировать не будет. И я опять-таки не пойму, почему мои симфонические вещи предстают перед потребителями не в подлинном авторском виде, а в виде искалеченных комбинаций на любой состав, комбинаций, делаемых к тому же зачастую ремесленнически и халтурно? Почему, например, партитура увертюры «Дети капитана Гранта» издана для духового оркестра, а не издана в первую очередь для симфонического оркестра, для которого и делал ее композитор?»

Высокие партийные чиновники сжалились и в 1954 году из всех блистательных оркестровых сочинений Дунаевского разрешили напечатать одну только увертюру к кинофильму «Дети капитана Гранта». Даже популярнейший «Выходной марш» из «Цирка» и волшебный вальс из картины «Светлый путь», исполняемые почти всеми профессиональными и любительскими оркестрами, не был напечатан в авторской версии!

Несмотря на унижения и болезни (у композитора пошаливало сердце, были проблемы с ногой) он в последние месяцы своей жизни сочинил полную юношеской свежести оперетту «Белая акация». Также продолжал собирать долгоиграющие пластинки, которые ему привозил из Греции его друг Костакис – сотрудник греческого посольства в Москве, известный коллекционер, собиратель живописи русского авангарда. (В 1978 году под давлением советских властей он вынужден был уехать на историческую родину. Значительная часть его собрания осталась в СССР.)

В личной жизни Дунаевский разрывался между двумя семьями. В конце концов, ему удалось получить для себя и молодой любовницы квартиру в композиторском кооперативе в столице на улице Огарева, купить ей дачу в Снегирях. Вскоре должно было состояться новоселье. Однако 25 июля 1955 года Исаак Осипович внезапно скончался от сильнейшего сердечного спазма. В народе сразу пошли слухи о доведении знаменитого композитора до самоубийства.

Некролог разрешили опубликовать лишь «Литературной газете» и «Советскому искусству». «Правда» и «Известия» поместили только традиционные маленькие «квадратики» в траурной рамке. Никто из членов Политбюро ЦК КПСС и членов правительства не подписался под некрологом. Похоронили И. О. Дунаевского в Москве на Новодевичьем кладбище.

Его старший сын, Евгений Исаакович, стал профессиональным художником. Младший сын, Максим Исаакович, родившийся в 1945 году от гражданской жены Зои Пашковой, пошел по стопам отца и занялся композицией.

ЖАБОТИНСКИЙ ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Настоящее имя – Зеев Вольф Ионов
(род. в 1880 г. – ум. в 1940 г.)

Писатель, журналист, переводчик, видный деятель сионистского движения. Свободно владел русским, французским языками, ивритом.

Долгие годы имя Владимира Евгеньевича Жаботинского находилось в СССР под запретом. Только в годы перестройки о нем вспомнили и заговорили открыто не только в родной Одессе, но и на просторах СССР, а потом СНГ. Талантливейший журналист, автор множества статей, написанных на нескольких иностранных языках, Жаботинский вошел в мировую литературу как блестящий прозаик и переводчик. Незаурядность его личности и оригинальное мировоззрение часто вызывали споры и открытую неприязнь. Но даже самые непримиримые оппоненты воздавали должное его исключительным человеческим качествам,

преданности своему народу, идейности, таланту оратора. В историю этот выдающийся человек вошел как известный сионист и политик, а в жизнь Израиля – как вдохновитель партии (Херут), посвятив всю свою жизнь служению еврейскому народу.

Владимир Евгеньевич Жаботинский (Зеев Вольф Ионов) родился 5 (18) октября 1880 года в Одессе в еврейской семье. Одесса тех лет была большим, оживленным, относительно молодым городом, переживавшим период экономического расцвета. Еврейское население составляло в нем 30 %, потому широкое распространение получило движение «Ховевей Цион». Иврит был в чести у населения Одессы во многом благодаря тому, что туда часто приезжали и подолгу жили Ахад а-Аи, Бялик, Усышкин.

Отец Зеева (Владимира) Жаботинского был крупным коммерсантом, торговцем хлебом на Днепре и в Одессе. Жаботинский-старший служил одним из главных агентов РОПИТа и пользовался огромным авторитетом и уважением высшего начальства. Родился Иона (Евгений) Жаботинский в Никополе, где его отец держал семь почтовых станций и один из главных трактиров. От матери он унаследовал умение совершать в уме сложнейшие расчеты «до осьмушки копейки». Иона Жаботинский регулярно посещал синагогу и соблюдал все заповеди Торы. Мать Зеева, Хава (Ева), была домохозяйкой. Она родилась и выросла в Бердичеве, самом еврейском из всех городов Украины. Ее отец – реб Меир Зак, торговец, человек несомненно просвещенный и прогрессивный, – дал дочери хорошее образование. Он настоял на том, чтобы Хава закончила обновленный хедер, где учили немецкому языку и западным манерам. Она прекрасно владела ивритом, идишем, древнееврейским, языком Пятикнижия и досконально знала все молитвы. Создав свою семью, молодая женщина педантично придерживалась всего, что касалось религиозных установлений и обрядов.

В семье Жаботинских было трое детей: старший сын Мирон, или Митя – первенец, который умер, не дожив до 10 лет, дочь Тамара и сын Володя (Зеев). Первоначальное образование Зеев получил дома, а затем мать определила его в детский сад мадам Бухтеевой, где, по воспоминаниям К. И. Чуковского, учили «маршировать под музыку и рисовать картинки».

Когда Володя был еще совсем маленьким, на семью обрушилось страшное горе – у отца обнаружили рак. Мать, как могла, поддерживала мужа и боролась за его жизнь, нанимая лучших докторов. Семья Жаботинских на два года выехала для его лечения в Германию, заложив мебель и драгоценности. Потеряв надежду на спасение мужа немецкими врачами, Ева

отправила его на лечение в Киев и Харьков, показывала медицинским светилам. Но все ее попытки были тщетны. Иона Жаботинский умер в 1886 году в небольшом городке Александровске (Запорожье), где прошли его детство и юность.

После смерти отца положение семьи стало очень тяжелым. Мать с двумя детьми вернулась в Одессу, надеясь на помощь родственников, но, получив отказ, порвала с ними навсегда. Лишившись каких бы то ни было средств к существованию, семья Жаботинских едва сводила концы с концами. Сам Зеев позднее вспоминал: «Родители моих богатых товарищей, с которыми я играл во дворе, не позволяли им меня навещать, чтобы к ним не пристал дух бедности…»

Несмотря на проблемы, Ева стремилась дать детям самое лучшее образование. Зеев в свои 7 лет знал не только русский, но и древнееврейский язык. Общаясь с матерью, с тетушками, сумел выучить немецкий и идиш. Тогда же он поступил в частную школу, получив традиционное еврейское образование. У мальчишки был специально нанятый учитель, который готовил его к бар-мицве. Благодаря ему Зеев познакомился с творчеством знаменитого еврейского поэта И. Л. Гордона. Три раза в неделю мальчик посещал небольшую синагогу ювелиров, но не участвовал ни в каких молитвах, кроме кадиша. Но, по его собственному признанию, не испытывал «никакого внутреннего соприкосновения с еврейством». Окончив школу, Владимир поступил во 2-ю одесскую гимназию, в которой проучился до 1898 года. «…Я был отпетым и закоренелым лентяем… И не было счета конфликтам и скандалам, которые возникали у меня с чиновниками от российской педагогики», – вспоминал Жаботинский о годах учебы в гимназии. Мальчик обожал книги и чуть ли не каждый день бегал в библиотеку, чтобы заменить один «проглоченный том» на другой. С 10 лет Володя начал писать стихи, а к 16 годам он уже был автором целого ряда статей, очерков, рассказов. В творческом активе начинающего писателя был роман и несколько серьезных переводов. «Я перевел на русский язык “Песнь песней”, “В пучине морской” И. Л. Гордона и послал их в “Восход” – не напечатали… Не сосчитать всех рукописей, что я посылал редакторам и получал обратно…»

22 августа 1897 года в одной из одесских газет была впервые опубликована статья юного писателя «Педагогические замечания». Так началась его журналистская карьера. В 1898 году в качестве корреспондента газеты «Одесский листок» 17-летний Жаботинский едет в Берн (Швейцария). Там он не только работал, но и посещал лекции на юридическом факультете университета. За границей Владимир познакомился с русскими эмигрантами.

Осенью того же 1898 года Владимир Жаботинский переехал в Рим, где в течение трех лет продолжал слушать лекции на юридическом факультете университета. Италия заворожила юношу: «Если у меня есть духовная родина, – писал он, – то это скорее Италия, чем Россия». На итальянский период пришелся расцвет его журналистской карьеры. Молодой публицист регулярно печатал свои фельетоны в газете «Одесские новости», подписывая их псевдонимом Альтален. Его заметки выходили в «Одесском листке», петербургском «Северном курьере», римской «Аванти». В Италии формировалось мировоззрение молодого писателя. Знакомясь с историей национально-освободительного движения этой страны, Жаботинский выработал принципы собственного либерализма, принявшего форму «мечты о порядке и справедливости без насилия, всечеловеческого идеала, сотканного из милосердия, терпения, веры в то, что добро и счастье заложены в человеке». Это и послужило первым шагом на его пути к сионизму.

Летом 1901 года Владимир Жаботинский вернулся в Одессу и продолжил свою работу в «Одесских новостях». Его фельетоны пользовались неизменным успехом у читателей. В 1902 году молодой публицист был арестован, но вскоре отпущен в связи с отсутствием криминала, а в его итальянских статьях не нашли «посягательств на достоинство государства».

В начале 1903 года в связи с угрозой погрома в Одессе Владимир Жаботинский вместе с Меиром Дизенгофом выступил с инициативой создания отряда еврейской самообороны. Он активно участвовал в сборе средств для закупки оружия, а затем отправился в Кишинев – «город резни» – раздавать одежду пострадавшим. До глубины души юноша был потрясен зрелищем кишиневских зверств. Между развалинами разрушенной во время погрома синагоги Владимир нашел клочок пергамента одной из разорванных книг Торы. На нем можно было разобрать лишь несколько слов «…в чужой земле…» («Я стал пришельцем в чужой земле», Исход 2:22). Он посчитал это знаком свыше.

С этого времени произошел решающий перелом в жизни Жаботинского: он стал сионистом. Как свидетельствовал сам Владимир Евгеньевич, с момента, когда его мировоззрение определилось, он начал ощущать себя «получужаком» в России и стал безразличен к ее судьбе. Много лет спустя, перед самой смертью, он писал: «Зная половину Пушкина наизусть, я готов отдать всю модернистскую русскую поэзию лишь за 7 букв квадратного еврейского шрифта». Знаменитый сионист нисколько не преувеличивал, он просто выражал свои сокровенные мысли. Но совсем иначе Владимир Жаботинский относился к родному

городу. Он любил Одессу нежной любовью, «что вовек не проходила и не пройдет». «Жемчужине Черного моря» посвящены его рассказы и повести. Город стал полноправным героем его автобиографического романа «Пятеро».

Сионизм Жаботинского основывался на «чуждости» евреев всем странам, в которых они жили в диаспоре, и единственным решением, вытекающим из этого положения, стал бы новый, объединяющий всех «Исход». В 1903 году Владимир Евгеньевич стал делегатом Сионистского конгресса, который был для него овеян личностью Герцля, излучавшей царственное величие, веру в идею и чувство избранности. Для молодого сиониста Герцль стал воплощением «человека-князя». К сожалению, Жаботинский не разделял мнения большинства делегатов, которые были склонны продолжать традицию палестинофильства, ограниченную «днем малых дел», созданием поселений в Эрец-Исраэль. Он выступал с идеей формирования «нового национального движения еврейского типа», способного вести наступательную войну против самого галута и всего, что он олицетворяет.

Десятилетие до Первой мировой войны стало наиболее плодотворным для Владимира Жаботинского. Еврейское общество России считало его своим «баловнем». Популярность ставшего широко известным сиониста была необычайной. Его публицистический дар достиг в этот период наивысшего расцвета. Ни одна из его статей, напечатанная в эти годы в общероссийской и еврейской прессе, не оставалась без внимания. Залы, в которых выступал блестящий оратор, всегда были забиты до отказа. Владимир Жаботинский очень много путешествовал. В эти годы он объездил Литву, Волынь, Подолье, Киев, где выступал в поддержку сионистского движения. Знаменитого сиониста дважды арестовывали за активную деятельность и участие в первых революционных митингах. Блестящий пропагандист, Жаботинский привлек в ряды сионистского движения тысячи юношей и девушек, увидевших в нем свой идеал. В 1905 году он участвовал в создании Союза, поставившего перед собой цель бороться за равноправие евреев в России. А в ноябре 1906 года он стал одним из докладчиков на Гельсингфорсской Всероссийской конференции сионистов, на которой была принята программа борьбы за равноправие и национальное возрождение еврейства.

В 1907 году Владимир Жаботинский женился на Иоанне Гальпериной, с которой познакомился в 15 лет на одном из вечеров, устроенных товарищами по гимназии. Анне тогда не исполнилось и 10 лет, и она весело смеялась, глядя на важного подростка с негритянской внешностью под густой шапкой курчавых волос. В 1900 году на одной из дружеских вечеринок

Володя подарил своей избраннице золотую монету и в присутствии своих друзей и родителей девушки произнес: «Теперь ты посвящена мне этой монетой согласно вере Моисея и Израиля…» По еврейским законам это был настоящий, официальный брак, и отец Анны (Иоанны), покачав головой, с полной серьезностью предупредил дочь, что ей следует «потребовать развода, если она захочет вступить в другой, более солидный брак». Но лишь в 1907 году состоялся официальный (церковный) брак в присутствии родных. На долгие годы Иоанна Жаботинская стала мужу верной спутницей, советчицей и помощницей на тернистом пути еврейского и сионистского лидера. В честь нее любящий муж написал мадригал, в котором были такие строки: «Вся жизнь моя – цикл стихов, и в них царишь лишь ты одна». В 1910 году в Одессе у счастливых супругов родился единственный сын – Эри-Теодор Жаботинский.

До начала Первой мировой войны лидер сионистского движения занимался в основном журналистикой и писательской деятельностью. Владимир Жаботинский стал одним из руководителей сионистской газеты «Рассвет» в России, хотя успешно сотрудничал и в популярной русской прессе. Он блестяще перевел на русский язык стихи знаменитого еврейского поэта Бялика, которые высоко оценил Максим Горький. Многие из русских писателей сожалели, что сионизм «похитил» Жаботинского у литературы. Но для Зеева Ионова важнее было, чтобы иврит занял равное место среди других языков мира. Знаменитый писатель приложил немало усилий для введения иврита в качестве языка преподавания в еврейских школах на территории России, работал над идеей создания еврейского университета в Эрец-Исраэль.

С началом Первой мировой войны Владимир Жаботинский в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» отправился в Западную Европу, побывал в Швеции, Англии, Бельгии и Франции. 30 октября 1914 года Турция вступила в войну на стороне Германии. Владимир Жаботинский оценил ситуацию и понял: падение Турецкой империи откроет перед еврейским народом совершенно новые возможности. Он последовательно отстаивал идею о том, что сионисты должны стать соперниками Великобритании, чтобы в борьбе освободить Эрец-Исраэль от турецкого господства. Жаботинский воскресил идею еврейской военной силы. Но многие лидеры сионистского движения выступили с резкой критикой. Травля Зеева Ионова закончилась отлучением его от сионистского общества. Летом 1915 года Жаботинский последний раз посетил родной город, который встретил его с неприязнью. Поддержку Владимир Евгеньевич

получил только от матери: «Если ты уверен, что ты прав, не сдавайся!» Этими напутственными словами Жаботинский гордился до конца жизни.

Несмотря на то что жизнь Владимира Жаботинского и его близких превратилась в кошмар, этот мужественный человек разработал принцип «науки терпения»: «Поражение – не поражение; “нет” – не ответ; обожди – и начни сызнова».

В августе 1917 года судьба улыбнулась известному сионисту – английское правительство дало согласие на создание еврейского легиона. Был сформирован 38-й полк «королевских стрелков» ив 1918 году отправлен на фронт. Владимир Жаботинский записался в него рядовым, дослужился вначале до младшего офицера, а затем и до старшего. Позднее он провел несколько дней в Тель-Авиве, помогая сформировать новый батальон, который должен был состоять из молодых евреев Эрец-Исраэль. Дальновидный политик, Жаботинский предвидел нападение палестинских арабов на еврейские поселения и стремился сохранить еврейский легион в боевой готовности. Но все усилия оказались напрасными: англичане распустили его солдат по домам.

В 1920 году во время праздника Песах Палестину захлестнула волна нападений арабов на евреев. В. Жаботинский выступил с воззванием к еврейскому народу. На его пламенный призыв откликнулось около 800 молодых людей. Англичане жестоко подавили деятельность отряда Жаботинского, в результате чего он сам и 19 его бойцов оказались под арестом и предстали перед британским военным судом. Жаботинский как организатор был приговорен к 15 годам лишения свободы и каторжных работ. Сам Зеев Ионов со стоическим спокойствием выслушал приговор и в своем последнем слове призвал еврейскую молодежь извлечь из этого урок: каждое национально-освободительное движение неотвратимо идет дорогой тюрем. Но в тюрьме Жаботинский провел всего три месяца: под нажимом мировой общественности английские власти были вынуждены освободить опального политика. В 1921–1923 годах Зеев Ионов тщетно борется за предотвращение упадка сионистского движения, болезненно осознавая провалы в его деятельности. Никого не обвиняя, Жаботинский решил полностью оставить политическое поприще и пытался найти другие средства к существованию.

В конце 1923 года Жаботинский переехал в Париж и вошел в редакцию сионистского еженедельника «Рассвет», а затем стал его главным редактором. Чтобы хоть как-то улучшить финансовое положение журнала, он отправился в лекционное турне по Латвии. Жаботинский увлек молодых активистов из Риги,

выдвинув новый принцип «только одно знамя», то есть единая национальная цель, в отличие от двойственной сионистско-социалистической идеологии. После резни в Хевроне 1929 года иерусалимская группа сторонников активных действий организовала «Национальную военную организацию» («ЭЦЕЛь»), которую возглавил Жаботинский. Эта организация предпринимала «ответные действия», реагируя на арабский террор.

Приход к власти Гитлера в Германии в 1933 году кардинально изменил на долгие годы отношение к евреям в Европе. В 1936 году Жаботинский с семьей переехал в Англию. Он провозгласил программу массовой миграции евреев в Эрец-Исраэль. Причиной этому было чувство надвигающейся катастрофы, которое преследовало Зеева десятилетиями, с тех пор как 17-летнему юноше приснилось страшное видение Варфоломеевской ночи в Европе. Его выступления вызвали негодование в еврейской среде и даже обвинения в антисемитизме! Вместе с сыном Эри он организовал нелегальную эмиграцию евреев в Эрец-Исраэль.

В 1937 году Жаботинский давал показания перед комиссией Пиля по Палестине и выступил с требованием к Великобритании вернуть мандат на страну Лиге Наций. Он также отверг предложение о разделе Западной Палестины на три части: еврейское, арабское государства и английскую зону.

В сентябре 1939 года началась Вторая мировая война. Жаботинский, предвидя катастрофу евреев на территориях, занятых фашистскими войсками, предложил план эвакуации 1,5 млн евреев в Палестину, но лидеры большинства еврейских организаций Европы в очередной раз отвергли его предложение.

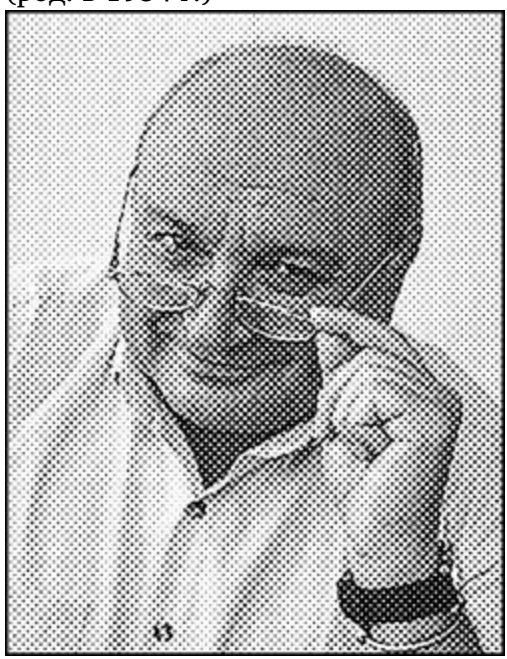
Зеев Ионов решил создать еврейские батальоны, численностью до миллиона человек, которые, сражаясь с союзниками-англичанами, приняли бы участие в разгроме войск нацистской Германии, обретя после победы суверенные права на Эрец-Исраэль. Свою последнюю кампанию знаменитый политик начал в США, но тяжелая болезнь сердца резко прогрессировала. К тому же возле Зеева Ионова не было близких: сын Эри томился в застенках тюрьмы в Акко, куда английское правительство бросило его за нелегальный провоз эмигрантов в Эрец-Исраэль, а жена осталась в Лондоне и не могла приехать к нему из-за активных боевых действий, начавшихся на море. И наконец, Жаботинский не имел достаточных средств для проведения широкомасштабных акций. Сердечный приступ случился с ним во время посещения летнего лагеря Бейтара, расположенного неподалеку от Нью-Йорка. 4 августа 1940 года В. Е. Жаботинского

не стало. В своем завещании великий сын еврейского народа распорядился перенести свои останки в независимое Еврейское государство по постановлению его правительства.

Один из политических противников – Шнеур Залман Рубашов (Шазар) – так оплакивал его кончину: «Разбилась многострунная арфа». Спустя 24 года предсмертная воля знаменитого политика была выполнена. Прах В. Е. Жаботинского был перезахоронен в Иерусалиме, рядом с могилой основателя политического сионизма Т. Герцля, ставшего для него идейным наставником, человеком, с которым он сверял каждый свой шаг на пути к созданию свободного еврейского государства. В память о Жаботинском в Тель-Авиве названа одна из центральных улиц, открыт научно-исследовательский институт им. Жаботинского, которым руководит его внучатый племянник – доктор Пелек Тамир. Неправы те, кто считает судьбу Зеева Ионова Жаботинского трагедией. Этот человек, оставивший неизгладимый след в истории своего народа, зажегший в душах тысяч соотечественников волю к победе, по праву может считаться национальным героем своей страны.

ЖВАНЕЦКИЙ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1934 г.)



Писатель-сатирик, исполнитель своих произведений, народный артист Украины (1999 г.), президент Всемирного клуба одесситов, член Российского Пен-клуба, лауреат премии «Триумф» (1994 г.). Автор книг «Встречи на улице» (1982 г.), «Год за два» (1989 г.), «Кому нужны герои» (1992 г.), «Моя Одесса» (1993 г.).

Однажды Алла Пугачева сказала о Жванецком: «Почему Жванецкий сатирик? Что такое сатирик? Маленький какой-то сатирик… Он Сатир!» Действительно, в слово «сатирик» сложно вместить всю творческую разносторонность Михаила Михайловича. Когда Жванецкий выходит на сцену и начинает говорить, зал замирает и жадно ловит каждую фразу, время от времени разражаясь бурными аплодисментами. Он всегда появляется перед зрителями в привычном пиджаке и свитере, с

потертым портфелем, с тетрадками, разнимающимися на страницы. Писатель не скрывает отсутствия интереса к моде, несовершенства фигуры, лысины. В нем нет ничего, отвлекающего от таланта: никаких украшений, вокруг не суетятся стилисты и визажисты. Но несмотря на это, он «свой», куда бы ни приезжал. На концерты Жванецкого приходят даже иностранцы, и непереводимость текста – для них не препятствие. Каждый находит в его рассказах, фельетонах и миниатюрах что-то свое, родное. И никому в голову не придет пояснять, кто автор таких популярных в народе фраз: «Одно неверное движение – и ты отец», «Не берем: борщ со сметанкой, селедочка с лучком и сто грамм: не берем», «Раки по пять рублей, но сегодня, по три рубля, но вчера». Или облетевшее всю страну «Миш, а Миш? Это ты?» – вопрос сонной жены, реагирующей на разбудившего ее ночью мужа. Да что там фраза, достаточно порой и одного слова, например «тщательней».

Однако так было не всегда. Жизненный и творческий путь народного артиста начинался более чем скромно и отнюдь не был усыпан лепестками роз.

Жванецкий родился 6 марта 1934 года в Одессе, в семье врачей. Ранние годы его прошли в г. Томашполе Винницкой области, где отец был главврачом больницы. По воспоминаниям Михаила Михайловича, они жили прямо при больнице, в квартире, оставшейся еще с царских времен. Целыми днями он играл в больничном саду, гонял там на маленьком трехколесном велосипеде. Когда началась война, отец ушел на фронт, а Миша вместе с матерью отправился в эвакуацию в далекий Ташкент. Здесь мама будущего писателя стала заведовать медпунктом в ремесленном училище, а сам он поступил в школу. Из всех предметов, которые, надо сказать, преподавали лучшие учителя, съехавшиеся со всего Советского Союза, Жванецкий предпочитал русский язык и историю. А вот математика ему никогда не нравилась.

В 1943 году отец Михаила был ранен и приехал в Ташкент. Будучи талантливым хирургом, он почти сразу стал главным врачом большого госпиталя. Как отмечал Жванецкий, золотые руки отца не только спасали раненых, но и неоднократно выручали семью в трудные минуты.

После победы Жванецкие в 1945 году вернулись в Одессу. Спустя много лет Михаил Михайлович прославит этот город в своих произведениях, веселых и грустных, станет его почетным гражданином, построит здесь дом; а тогда он жил с родителями в жуткой коммуналке без каких-либо удобств. И хотя в туалет надо было выходить во двор, а ванну Миша увидел только в 16 лет, он

полюбил Одессу, которую считает своей родиной – «и большой и малой». Послевоенные воспоминания писателя связаны не только со сложностями восстановительного периода, но и с замечательными летними ночами, когда подростки выносили раскладушки во двор и разговаривали до утра, шептались, делились мечтами, и с одесскими дворами, где все были одной семьей, радость и горе делили поровну. Эти одесские дворы стали прекрасным материалом для фельетонов Жванецкого. В них царила особая атмосфера – грустная, но вместе с тем во многом смешная. Этот, по меткому выражению самого Михаила Михайловича, «смех из слез» присутствует в каждом произведении писателя, заставляя нас не только смеяться, но и задумываться. «Человек, создающий юмор, всегда почему-то грустный, – говорит Жванецкий. – У весельчака и балагура юмор, как правило, не рождается. От него исходят шутки, подначки, анекдоты, а юмор присущ лишь тем, кто сам тонко чувствует грусть…»

По окончании школы Михаил поступил в Одесский институт инженеров морского флота на факультет механизации портов. В жизни находчивого, веселого паренька наступил совершенно новый этап. Жванецкий вполне успешно совмещал изучение премудростей профессии с написанием сатирических скетчей и монологов для студенческих эстрадных спектаклей и сам принимал в них активное участие, исполняя свои же произведения. Со студенческими годами связано и первое серьезное романтическое увлечение писателя. «Я сидел вместе с Аллой (она сейчас работает в Ильичевском порту вместе со своим мужем), и преподаватель страшно раздражался, когда видел, что я держу ее руку под партой. Всегда кричал: “Жванецкий, отпустите руку соседки!”…Ничего между нами не было в смысле того, о чем все сразу подумали, но в то же время все было. А завершающих аккордов не прозвучало. Я не мог на нее спокойно смотреть», – вспоминает Жванецкий.

Красный диплом давал Михаилу право выбора места работы. И хотя молодого человека очень тянуло в Ленинград, ему пришлось по семейным обстоятельствам остаться в Одессе и устроиться в порт на должность механика ремстройконторы. О своей работе Жванецкий вспоминает с присущей ему тонкой иронией: «В моем подчинении были четыре или пять человек и техника: катер “Вьюга”, подъемный автокран “Канадец”, старый автопогрузчик, списанный с участка порта, и потом пришел электрический кран. Я разъезжал на этих кранах со страшной силой, ломал шлагбаумы, потом сам же их и ремонтировал. Однажды заехал автопогрузчиком в “победу” начальника порта. Я

въехал вилами ей в зад, пробил крыло, а там шофер спал. В тот раз я впервые сел за руль, надо мной шефствовал – до сих пор помню – крановщик Ялычук. В общем, он потом за свой счет и ремонтировал эту машину, потому что я считался практикантом, за которого он отвечал. Мне его так жалко стало». Несмотря на работу, которая отнимала много сил, Жванецкий еще ухитрялся писать эстрадные программы для знаменитого в то время в Одессе студенческого театра «Парнас». Тогда же он успел и первый раз жениться. Брак оказался неудачным: молодые люди быстро поняли, что абсолютно не подходят друг другу. Жена Михаила не разделяла взглядов супруга и не понимала, что за необходимость – каждый вечер бежать на репетиции или выкраивать минуты для того, чтобы делать в тетради какие-то пометки. А талант требовал своего. В общем, Жванецкий пришел к выводу, что так жить нельзя; бросил семью и Одессу, уехал в Ленинград. К Райкину.

«Совершенно непонятно – почему к Райкину. Райкин что, звал? Не звал. Приглашал? Не приглашал. Как это просто сняться и уехать?» – Михаил Михайлович до сих пор задает себе эти вопросы. Очевидно, это была судьба. Так или иначе, но несколько лет Жванецкий «сидел» без денег и жилья в Ленинграде «в попытках продать одно произведение, потом второе», пока в 1963 году Райкин пригласил его в свой театр на должность заведующего литературной частью. В течение нескольких лет Михаил Михайлович написал много рассказов, широко известных в исполнении Аркадия Исааковича: «В греческом зале», «Дефицит», «Авас – доцент тупой» и другие. Позднее Райкин писал в мемуарах о Жванецком: «Острота и парадоксальность его жизнеощущения… умение улавливать фантастичность действительности – все это покорило меня». Именно «острота жизнеощущений» Жванецкого неоднократно становилась причиной того, что многие его произведения и программы запрещались официальными властями. И это не удивительно: партийная верхушка не хотела обращать внимание на недостатки тоталитарного режима, а тем более позволять их высмеивать и выставлять подноготную страны на всеобщее обозрение. Но Жванецкий продолжал творить. В 1970 году он вместе с давними одесскими товарищами Р. Карцевым и В. Ильченко, которые также работали в театре Райкина, вернулся в Одессу и создал при филармонии Театр миниатюр. Спектакли Жванецкого, полные искрометных шуток, – «Как пройти на Дерибасовскую», «Встретились и разбежались», «Искренне Ваш» – вскоре приобрели широкую популярность. С этого времени началось его неуклонное восхождение. В 1978 году он был принят в Союз писателей, а в

театре «Эрмитаж» из его отдельных миниатюр были созданы целые спектакли «Когда мы отдыхали» (1980 г.), «Избранные миниатюры» (1982 г.), «Браво, сатира» (1987 г.).

В 1983 году Жванецкий переехал в Москву, а спустя пять лет основал Московский театр миниатюр, художественным руководителем которого и является в настоящее время. На основе его рассказов и зарисовок поставлены спектакли «Птичий полет» (1988 г.), «Избранное» (1988 г.), «Политическое кабаре» (1989 г.), «Моя Одесса» (1994 г.), «Бенефис» (1995 г.), «Престарелый сорванец» (1999 г.) и другие.

В 2002 году издательство «Время» выпустило собрание сочинений Жванецкого в четырех томах. В каждом из них собраны монологи и рассказы за одно десятилетие, поэтому книги и называются «60-е», «70-е», «80-е», «90-е». Иллюстрированные известным художником и режиссером Резо Габриадзе книги являются своеобразным итогом многолетней творческой деятельности писателя.

В 2004 году Жванецкому исполнилось семьдесят. Несмотря на возраст, он по-прежнему много работает, активно пишет и выступает со своими произведениями. Кстати, как он пишет? Нет ли в этом какого-то секрета? Этот вопрос волнует многих. Жванецкий всегда готовится к этому серьезно, закрывает двери, зашторивает окна, включает настольную лампу и… пишет. Вот и весь секрет. Просто Жванецкий гениален, поэтому он так и пишет.

Михаил Михайлович любит жизнь во всех ее проявлениях: «Я наслаждаюсь сейчас своим возрастом, наслаждаюсь, потому что наконец приобрел спокойствие, приобрел благородство. И перестал суетиться, и стал сейчас лучше, чем тридцать лет назад. Это сто процентов. С возрастом, мне кажется, в нашу жизнь приходит что-то хорошее, ты приобретаешь вкус. Он не может появиться в молодые годы, вкус появляется позже – в одежде, в мыслях, в стиле. Так что с возрастом мы становимся лучше».

В своем плотном гастрольном графике Михаил Михайлович находит время для того, чтобы насладиться обществом друзей, послушать музыку и почитать любимых авторов – Тургенева, Чехова, Сэлинджера. Жванецкий не любит модных тусовок и шумных рекламных акций. Каждую свободную минуту он отдает семье – любимой жене Наташе и маленькому сыну Мите. И о детях от прежних браков Михаил Михайлович не забывает, тем более что в них уже дают о себе знать гены юмориста: «У меня детей целая куча, человек шесть, за которых я несу ответственность… Мой старший сын Максим, который живет в Америке, свой первый доллар заработал тем, что удачно

пошутил. И рассказал мне об этом с нескрываемой гордостью».

Своими главными качествами писатель считает умение чувствовать человека и талант. Размышляя о природе таланта, он считает, что это «нечто от Бога. Человеку он неподвластен, а следовательно, им не контролируем. Я иной раз сам диву даюсь, как это такое написал».

Говорят, что Жванецкий – это не писатель, не судьба и не диагноз. Это – наша среда обитания, то, как мы себя видим и ощущаем. Мы воспринимаем его как Учителя и просто говорим его словами. И пока этот усталый человек с доброй улыбкой выходит на сцену, чтобы рассказать нам о нас самих и обо всех «прелестях» нашей жизни, рассказать так, чтобы хотелось смеяться и плакать, мы, как и его герои, говорим себе: «Нормально, Григорий! Отлично, Константин!»

ЗИНГЕР ИСААК МЕРРИТ

(род. в 1811 г. – ум. в 1875 г.)

Американский изобретатель и бизнесмен. Глава старейшей мультинациональной фирмы по производству и продаже швейной машинки собственной конструкции.

Не каждая промышленная компания может похвастаться тем, что ее основатель вошел во все мировые энциклопедии. Более того, этот предприниматель попал в небольшую группу людей, чьи имена стали именами нарицательными. Благодаря «Зингеру» домохозяйка впервые смогла справиться с шитьем без посторонней помощи, а швейная машинка перестала быть исключительно промышленным оборудованием, превратившись в предмет домашнего обихода.

Будущий легендарный изобретатель Исаак Меррит Зингер родился 27 октября 1811 года в городке Трой, штат Нью-Йорк. Поскольку его отец был мастером по ремонту телег, мальчик с детства любил мастерить всевозможные механические штучки. Правда, большой усидчивостью он никогда не отличался.

Размеренная и неторопливая жизнь провинциального Питстона, куда семья вскоре переехала, наводила на непоседливого Исаака тоску, и ему приходилось развлекать себя самостоятельно. От его шалостей и проделок в городке не было покоя ни родителям, ни учителям, ни соседям. Поэтому когда в 12-летнем возрасте Исаак сбежал из дому, его не очень-то и искали.

Объявился он в Рочестере – городе на берегу озера Онтарио. Там подросток устроился подмастерьем к механику и принялся осваивать ремесло. Природная сообразительность позволила ему довольно быстро научиться ремонтировать немудреную технику того времени, но терпения хватило ненадолго. Исааку хотелось приключений, и достаточно было легкого толчка, чтобы он снова сорвался с места. В качестве такого толчка выступило знакомство с труппой бродячего театра, прибывшего в Рочестер. Когда артисты, отыграв программу, покидали город, вместе с ними уезжал и вчерашний подмастерье, уже прочно вошедший в их труппу.

В начале 1840 годов судьба занесла двадцатилетнего «певца»[2] в город Фридериксбург, штат Огайо, где любимец театральной публики устроился работать на завод. Правда, бывшему актеру доверили не самую интересную работу – он просто стоял у станка и изо дня в день вытачивал деревянные болванки. Рутина скоро Исааку наскучила, и тогда он усовершенствовал свой станок и изобрел деревообрабатывающую машину оригинальной конструкции. С механизацией в те времена дела обстояли неважно, и новое приспособление имело определенный успех. Наладив производство и сбыт своего изобретения, Зингер мог бы безбедно существовать в провинциальном Фридериксбурге до конца своих дней. Но скромная жизнь была не длящего. В 1849 году он бросил налаженный бизнес и перебрался в Нью-Йорк.

Однако там дело пошло не очень хорошо, и через некоторое время фирма перебралась в Бостон. Теперь предприниматель Исаак Зингер был не один – у него появился компаньон Джордж Зибер, ранее занимавшийся издательским бизнесом. Но и это объединение капиталов не спасало фирму от грозящего банкротства – ее специфическая продукция по-прежнему не находила спроса. Нужно было срочно искать выход из создавшейся ситуации.

По счастливому стечению обстоятельств, офис фирмы «Зингер и Зибер» располагался в мастерской механика Орсона Фелпса – мелкого производителя швейных машин. Однажды Исаак от нечего делать стал изучать устройство «чудо-техники», которой было завалено соседнее помещение. Конструкций

швейных машин в то время было довольно много, и первую из них запатентовали еще в 1846 году. Однако все эти агрегаты функционировали не так хорошо, как этого хотелось их создателям. К тому же это были слишком дорогие и громоздкие устройства, чтобы стать предметом массового спроса.

Машинка, которую производил Фелпс, была запатентована некими Дж. Лероу и С. Блоджеттом. Подгоняемый угрозой разорения, Исаак решил усовершенствовать ее конструкцию. Ему удалось найти блестящее техническое решение, которое стало настоящей революцией в этой области. Зингер убрал барабан, расположил челнок горизонтально и сконструировал ножку-держатель так, что игла стала двигаться не по кругу, а вверх-вниз. Изобретатель-самоучка использовал также поистине гениальную находку, сделав ушко для продевания нитки в нижней части иглы. Кроме того, он соорудил специальный стол-доску для ткани и ножную педаль для вращения маховика. Получившаяся машинка отличалась такой эффективностью, что запросто могла прострочить свинцовую пластину. Это была настоящая победа.

Первый же проданный опытный образец не только окупил все затраты на предварительные разработки, но и принес прибыль. Это был крайне редкий, если не единственный случай в истории предпринимательства. Новое изделие легко завоевывало рынок. Однако его стоимость поначалу была очень высока: 125 долларов США по курсу 1850 года. Такие траты могли себе позволить только крупные промышленные предприятия – не каждому состоятельному портному подобное приобретение было по карману.

Для производства швейных машин оригинальной конструкции Зингера была организована новая фирма, в которую компаньоны приняли своего арендодателя Орсона Фелпса. Ее первым клиентом стала фабрика по производству рубашек в Нью-Хэйвене, закупившая оборудование сразу на 30 рабочих мест. К лету 1851 года компания «Зибер, Зингер и Фелпс» уже чувствовала себя устойчиво и едва успевала выполнять заказы.

Однако не обошлось и без неприятностей. В это время в Штаты вернулся американский инженер Элиас Хоуи, автор одной из первых швейных машин, которую он безуспешно пытался продавать сначала на родине, а затем в Англии. Дома он с изумлением обнаружил, что за время его отсутствия были запатентованы две модели, бывшие, по его мнению, чистейшим плагиатом. Хоуи подговорил еще трех коллег-изобретателей и подал в суд на «какого-то выскочку» Зингера. Так начался знаменитый процесс под названием «война швейных машин», затянувшийся на несколько лет.

С началом «судебной тяжбы века» партнеры Зингера дрогнули. Сначала Джордж Зибер, а за ним и Орсон Фелпс вышли из дела, посчитав, что первых полученных прибылей им вполне достаточно и дальше рисковать не стоит. Но Исаак верил в себя и в свое детище. Собственных средств, чтобы выкупить акции компаньонов, ему не хватало, и он привлек перспективного инвестора – известного адвоката Эдварда Кларка. Новые совладельцы образовали гармоничную пару: трезвая расчетливость Кларка и богатое воображение Зингера составили тот дуэт, который позволил очень быстро опередить всех конкурентов.

Массовое производство продукции новой фирмы началось уже в 1852 году. Однако основными ее потребителями по-прежнему оставались преимущественно швейные фабрики, поскольку стоимость «зингера» составляла примерно четверть годового бюджета средней американской семьи. Кларк предложил компаньону выгодный коммерческий ход – организовать продажу швейных машин в кредит. Партнеры разработали систему сбыта своей продукции в рассрочку, не скупились на скидки оптовым покупателям, навербовали целую армию коммивояжеров, добиравшихся до самых отдаленных уголков американской провинции.

«Зингер» вошла в историю бизнеса как первая фирма, тратившая более миллиона долларов в год на рекламу. Во время Гражданской войны Севера и Юга Исаак лично разработал рекламную кампанию, выдвинув девиз: «Мы одеваем армию». При этом активно использовалась пресса – газеты пестрели фотографиями индейской женщины, склонившейся над швейной машинкой и одетой в яркие национальные одежды. Вместе с тем, следует признать, реклама Зингера никогда не была голословной и не вводила покупателей в заблуждение – качество его продукции было всегда очень высоким, к тому же сами машины постоянно совершенствовались.

Другой частью рекламы являлась личная жизнь знаменитого бизнесмена. Похоже, что те драмы и комедии, которые он в свое время не доиграл в театре, Зингер продолжал играть в жизни. Он был трижды женат, «официально» имел четырех любовниц, а перипетии его непростой судьбы давали обильную информацию для светской хроники.

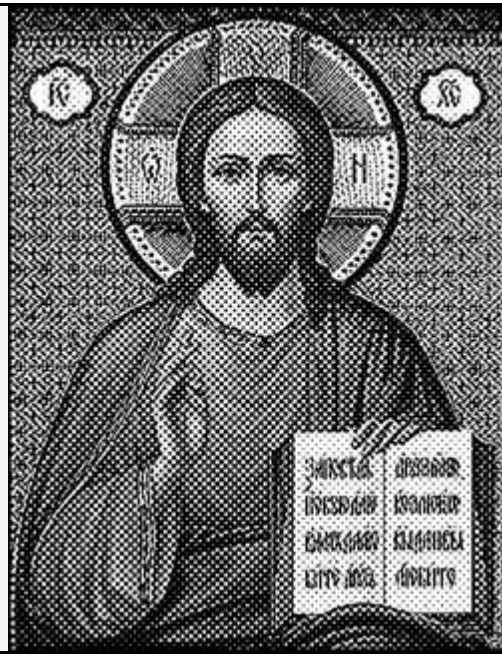
Через шесть лет торговли на Зингера уже работали четыре завода в штате Нью-Йорк, а количество проданных машин достигало 3 тыс. в год. Спустя 10 лет ежегодные продажи выросли до 20 тыс. экземпляров, и в 1863 году на смену старой фирме пришла «Зингер мэньюфэкчерин компани». Теперь разбогатевший

изобретатель мог почивать на лаврах. Он передал бразды правления наемному президенту – Инсли Хопперу, который стал претворять в жизнь международные планы своего шефа. Так, в 1867 году в шотландском Глазго был открыт первый завод, производящий швейные машинки Зингера за пределами Америки. А следом такие предприятия стали появляться по всему миру: во Франции, Германии, России, Ирландии и других странах.

С течением времени знаменитый предприниматель все больше отходил от дел и посвящал все свое время развлечениям. Большую часть года он проводил на Британских островах и в Европе, поражая публику своими необычными проектами – начиная с сооружения повозки для трех десятков пассажиров, со спальней и кухней, и кончая приобретением роскошного дворца в греко-римском стиле стоимостью в 500 тыс. долларов.

Прожив всего лишь 64 года, став богатым и уважаемым членом американского общества, Исаак Меррит Зингер умер 23 июля 1875 года. Инсли Хоппер продолжала успешно вести процветающее дело, перешедшее по наследству многочисленным потомкам знаменитого бизнесмена-изобретателя.

ИИСУС ХРИСТОС



Самая удивительная личность в том периоде истории человечества, который известен нам под названием «новая эра». Традиционно Христос считается сыном Бога-Отца и Девы Марии, принявшим мученическую смерть на кресте и тем самым искупившим грехи людей. Согласно Святому Письму, на третий день после гибели Иисус воскрес и вознесся на небо, чтобы занять место «одесную» своего отца…

Если вдруг кто-нибудь попробует создать список личностей, повлиявших на историю развития земной цивилизации, первое место в нем по праву займет человек, известный в европейской культуре как Иисус Христос (греч. Christos, евр. Mashiah – Мессия, Помазанник). На вопрос, заданный приверженцу христианства, к какой же национальности принадлежал Иисус, ответ будет однозначен – «иудей». Подобный же вопрос, обращенный к самим

потомкам древних иудеев, даст диаметрально противоположный результат – «не еврей». Столь же противоречивы для людей, имеющих разные убеждения, и другие факты жизни этой уникальной личности…

Вера людей в Христа и его миссию вызывала огромные по накалу страстей социальные бури. Вслед за временами распространения христианства в Европу пришли времена пыток и жестокости Инквизиции. За Вселенскими Соборами следовали периоды атеизма. Но, как бы то ни было, история жизни и убеждения этого жителя древней Иудеи не оставляют людей равнодушными на протяжении вот уже более 2000 лет… Влияние христианства в мире настолько велико, что даже летоисчисление большей части стран земного шара ведется с момента рождения Иисуса.

Религия, порожденная верой в Христа и его предназначение, была и остается мощнейшей силой, способной как подарить надежду целым народам, так и быть использованной в корыстных целях. Все это объясняет вполне понятный интерес к биографии человека, ставшего основоположником одной из ведущих мировых религий.

Первые письменные свидетельства о жизни этой удивительной личности относятся к периоду 50–90-х годов н. э., когда ближайшие сторонники Иисуса начали распространять воспоминания о своем Учителе. Таких откровений (в переводе с древнееврейского – Евангелий) было много, зачастую они противоречили друг другу. Но в целом все источники, с исторической точки зрения, утверждали следующее: место появления Мессии на свет – город Вифлеем; место проживания его родителей – город Назарет в Галилее; мать Иисуса – Мария. Согласно легенде, несмотря на зачатие и рождение сына, она, тем не менее, оставалась девственницей.

В то время император Август издал указ о проведении переписи населения на всей территории Римской империи. Это была первая перепись со времен правителя Сирии Квириния. Согласно указу императора, каждый житель отправился в свой родной город для регистрации. Так что некоему Иосифу тоже пришлось идти из Назарета в Иудею, в город Давида Вифлеем (ничем не примечательный плотник принадлежал к дому и роду знаменитого царя). На перепись этот человек отправился вместе с Марией, которая была обручена с ним и ожидала ребенка. Отцом будущего Мессии считался сам Всевышний… Согласно Новому Завету Иисус был рожден Девой Марией после непорочного зачатия. Для христиан это является одним из доказательств вмешательства высших сил и говорит о божественной природе

Христа. Те же, кто не приемлет христианскую доктрину, ставят этот факт под сомнение. Иисус принял крещение от Иоанна Крестителя, проповедовал в Палестине, творил чудеса, в годы правления прокуратора Понтия Пилата был распят за то, что объявил себя сыном Божиим, но вскоре воскрес и вознесся на небо.

В первые века развития христианства буквально все моменты биографии Иисуса приводили к ожесточенным диспутам в кругах приверженцев новой религии. Наконец, в 325 году на Никейском Соборе был утвержден Канон – официальный список воспоминаний последователей сына Божьего. Наряду со многими другими, в него не вошли тексты, названные позднее апокрифическими, а также «Первоевангелие» от сводного брата Иисуса – Якова и откровение Марии Магдалины.

Если верить последнему, то эта женщина вовсе не являлась блудницей, а была супругой Иисуса, имела от него ребенка… После казни мужа Мария перебралась на территорию современной Франции, где позднее ее потомки стали основателями королевской династии Меровингов. Некоторые намеки на то, что Иисус был женат, содержатся также в записях апостолов…

Известный противник распространения христианства, римский аристократ Цельс, друг Марка Аврелия, провел свое расследование истории жизни Иисуса Христа. В конце II века он побывал в библейских местах и дополнил евангельские тексты рассказами людей, написав труд «Правдивое слово», датируемый 178 годом. Он содержит местное предание о том, что настоящим отцом Христа был римский легионер, грек по кличке Пантера… Независимо от Цельса эта версия попала в Талмуд, где Иисус назван «Иешуа бен Пандера», т. е. «Иисус, сын Пантеры».

Когда Иосиф с супругой находились в Вифлееме, для Марии наступило время родов. Согласно описаниям, в момент появления ребенка на свет в небе зажглась яркая звезда, позднее известная как Вифлеемская. Описание этого явления дало возможность более-менее точно установить год рождения человека, впоследствии названного Спасителем.

По одной из версий, этот феномен был результатом видимого сближения на небосводе двух или более планет. Николай Коперник рассчитал, что в районе первого года нашей эры действительно наблюдалось такое сближение Сатурна и Юпитера. Позднее, в XVII веке, немецкий астроном И. Кеплер, описавший сближение Сатурна, Юпитера и Марса, подтвердил, что в результате данного явления с земли на самом деле можно было в течение некоторого времени видеть звезду необычайной яркости.

Такое событие происходит раз в 800 лет; исходя из этого, Кеплер вычислил возможную дату рождения Христа. Ученый утверждал, что Спаситель появился на свет 25 декабря шестого года до нашей эры.

Недавно астрономы установили еще один интересный факт: в 4 году до н. э., в первый день Нового года, который тогда отмечался весной, в созвездии Орла вспыхнула сверхновая звезда. Предполагается, что взрыв должен был быть виден из тех мест, где, собственно, и родился Иисус. Может, именно вспышку этой звезды люди приняли за знак скорого пришествия Мессии?

Кроме того, существует версия, что Вифлеемская Звезда – не что иное, как комета. Информация о ней была найдена в китайских хрониках, и она датирована весной 5 года до н. э. Сама же перепись населения, на которую пришла семья Иисуса, судя по сохранившимся документам, должна была происходить в 6–7 годах н. э.

Примечательно, что до III века христиане вообще не интересовались обстоятельствами рождения Спасителя и не пытались установить точную дату этого события. Только в начале IV века сторонники новой религии начали праздновать день рождения Иисуса Христа 25 декабря.

В настоящее время за точку отсчета новой эры и, следовательно, за дату рождения Спасителя принято брать версию Дионисия Малого. В 525 году он вычислил дату появления на свет Христа по римским хроникам, сопоставив с ними события, описанные в Новом Завете. Но даже этот историк в своих записках высказывал сомнение в точности конечной цифры, предполагая, что мог ошибиться на четыре – шесть лет.

Понятно, что если такие затруднения вызывает определение года рождения человека, названного Мессией, то выявление конкретного числа месяца, когда он впервые увидел мир, на сегодняшний день – практически неразрешимая задача. Существуют три версии даты, за каждой из которых стоит христианское направление и огромное количество людей, уверенных в истинности своих убеждений. Католики, протестанты и униаты отмечают день рождения Иисуса в ночь с 24 на 25 декабря, а христиане восточного (греческого) обряда – 7 января. Сирийские же и армянские христиане и копты отмечают Рождество 6 января.

Не менее интересен вопрос национальной принадлежности Иисуса. Несмотря на привычное причисление Спасителя к иудеям, в Новом Завете описывается чуждость Христу ортодоксальных иудеев Иерусалима, судей Синдреона и служителей храма. Равно как и наоборот. Объясняется это тем,

что государство «детей Давида» начала I века н. э. состояло из трех частей. В центре Палестины, вокруг Иерусалима, находилась собственно Иудея, населенная этнически однородными иудеями, строго придерживающимися закона Моисея.

К северу была расположена Галилея – область со смешанным в этническом отношении населением. Там, кроме иудеев, во времена Христа проживало множество иностранцев – финикиян, сирийцев, арабов и даже греков. В результате такой многонациональное™ в этой области законы Моисея имели более вольную трактовку. И именно там развернулась проповедническая деятельность Иисуса Христа, оттуда вышли его сторонники и ученики, одиннадцать из двенадцати апостолов.

Третья область, Самария, находилась ближе к Средиземноморью и была населена в своем большинстве вавилонянами. Для правоверных последователей закона Моисея они считались врагами, «гоями».

Исходя из этого, многие историографы, в том числе и такие известные, как Э. Ренан, считали, что Иисус не был иудеем, т. е. евреем, хотя и проживал на территории государства народа Израилева. Данную версию подтверждает Евангелие от Иоанна (8.48), где описывается, что евреи говорили Христу: «Ты – самарянин!» – и Спаситель этого не отрицал. В целом отношение евреев к Христу можно объяснить в соответствии с еврейской концепцией Мессии. Приверженцы Торы признали Иисуса из Назарета лже-Мессией по той же причине, почему признали таковым Бар-Кохбу: Иудейское государство не восстановлено, восстание проиграно; истинный же Спаситель не может потерпеть поражение… Но, несмотря на все эти доводы, в сознании мировой общественности Иисус Христос традиционно считается евреем.

В записках всех четырех евангелистов зафиксирован случай, произошедший с двенадцатилетним Спасителем в Иерусалимском храме. Войдя в него, юный Христос почувствовал себя сыном Бога и вступил в теологическую полемику с местными мудрецами, из которой вышел победителем.

Последующим событием, описанным в Новом Завете, было крещение в тридцатилетием возрасте. Описание того, что происходит с Иисусом в промежуток между двенадцатью и тридцатью годами, есть только в предположениях противников христианского учения.

Цельс в своем трактате «Правдивое слово» писал, что Христос отправился в Египет, в Александрию, где работал поденщиком. Там Иисус «искусился во многих способностях», которыми египтяне славятся. Этим высказываниям вторит Талмуд: в трактате Шаббат (104В.) записано, что Иисус Христос «вынес свои

чары из Египта» (перевод А. Л. Вассоевича). Многие обозреватели считают, что пребывание в Египте сильно отразилось на взглядах Мессии. Существует также предположение, что тот период жизни, который «выпал» из описания учеников, Спаситель провел… у ессеев, которые считались к тому же великолепными врачевателями. Некоторые общие черты приверженцев учения, практиковавшегося в общине, располагавшейся неподалеку от знаменитых Кумранских пещер, и самого Иисуса, неоднократно упоминаются в текстах Священного Письма. Возможно, именно у ессеев Христос познакомился с Иоанном, позже названным Крестителем… Да и само таинство крещения состоялось неподалеку от поселения ессеев и согласно их обрядам священного омовения.

Начиная с тридцатилетнего возраста Иисус, согласно описаниям евангелий от апостолов, посвятил себя служению Новой Вере. Это, а также апофеоз истории земной жизни Христа, очень широко описано и разработано священнослужителями, теологами и учеными. Особый интерес вызывают современные исследования знаменитой Туринской плащаницы – куска ткани, в которую, по преданию, было завернуто тело Спасителя после казни. На грубом холсте отпечатались… лицо и тело умершего. Причем изображение, созданное элементами крови, пота и мочевины, представляет собой вполне качественный негатив! Если верить выводам специалистов разных профилей (в том числе и патологоанатомам), то человек, некогда завернутый в плащаницу, действительно умер во времена Понтия Пилата, после казни на кресте. К тому же у него имелись раны, нанесенные копьем и терновым венцом… А вот каким образом изображение было перенесено на ткань – до сих пор остается загадкой. Может, и впрямь пора говорить о чуде? Тем более что многие специалисты утверждают: подобное было бы возможным, если бы тело попросту… превратилось в некий поток энергии и прошло через ткань… В таком случае стало бы понятным, почему Христос, явившийся ученикам после своей смерти, был окружен сияющим ореолом и не позволял к себе прикасаться.

Ряд философов, среди которых числятся Рерихи и Елена Блаватская, утверждают, что после своего воскресения Спаситель предпочел… удалиться в Тибет. Якобы в одном из древних монастырей обнаружено свидетельство того, что туда в указанные Библией времена действительно пришел из Иудеи некий Исса, имевший характерные для казни на кресте раны. Имеет ли данное утверждение под собой хоть сколько-нибудь реальную подоплеку? Вряд ли кто-нибудь сможет сегодня ответить на данный вопрос категорически.

Однако, несмотря на порой непримиримые разночтения, имеющиеся в текстах последователей Христа, никто не в силах отрицать тот след, который оставил Иисус в жизни нашей планеты. А сама противоречивость фактов жизни этого человека, не присущая ранее ни реальной личности, ни мифическому персонажу, позволяет говорить о нем как о феномене планетарного масштаба. Так что история земного бытия Иисуса Христа в любом случае будет существовать до тех пор, пока продолжается Наша Эра.

ИЛЬФ ИЛЬЯ

Настоящее имя – Илья Арнольдович Файнзильберг
(род. в 1897 г. – ум. в 1937 г.)

Советский писатель, журналист, фельетонист. В соавторстве с Е. Петровым написал романы «12 стульев», «Золотой теленок», «Одноэтажная Америка».

«В уездном городе N…» так начинается один из самых известных сатирических романов времен нэпа – «12 стульев». Каждый из нас, не задумываясь, назовет авторов этой чудесной книги. И. Ильф и Е. Петров стали не только литературными отцами великого комбинатора, но и отчасти наделили Остапа Бендера своими чертами характера, своим мироощущением. Многие фразы, вложенные в уста сына турецкоподданного, были взяты из записных книжек Ильи Ильфа, который даже молодым производил впечатление «очень взрослого, совсем взрослого человека». Именно с его легкой руки миллионы читателей по всему миру отправляются в путешествие по «краю непуганых идиотов».

Илья Арнольдович Файнзильберг родился 3 (15) октября 1897 года в Одессе в семье мелкого банковского служащего. Он стал третьим из четырех братьев. Семья Файнзильбергов жила очень трудно: дома была полная неустроенность по причине тяжелой болезни матери. Отцу было трудно обеспечить большую семью, поэтому он решил дать детям практическую профессию. Но они жестоко обманули надежды Арнольда Файнзильберга. Старший сын Александр, окончив коммерческое училище, стал художником; второй сын Михай пошел по стопам брата. Отец решил добиться своего любым путем и отдал третьего, Илью, в ремесленное училище «Труд» на Канатной улице. Там, к радости отца, не было никаких гуманитарных соблазнов в виде курса литературы или рисования. Отец облегченно вздохнул, когда в 16 лет Илья, закончив техническую школу, начал самостоятельную трудовую деятельность. Юноша поступил на работу в чертежное бюро, откуда вскоре уволился, а затем работал монтером на телефонной станции, токарем на авиационном заводе и фабрике ручных гранат, и в статистическом управлении. Именно там и появилась знаменитая фраза: «Статистика знает все!» В качестве статистика Илья часто выезжал на различные участки Румынского фронта. Его отчеты были так хорошо написаны, что начальство удивлялось: «Что он у вас, писатель?» К сожалению, ни одна из этих профессий по-настоящему не увлекла молодого человека. Старику Файнзильбергу вновь пришлось переживать за судьбу сына.

Илья выбрал очень ненадежную профессию: он перешел на работу в юмористический журнал «Синдетикон», в котором печатал свои первые стихи под женским псевдонимом! В это же время юноша познакомился с группой молодых одесских поэтов и писателей «Коллектив поэтов», куда входили Э. Багрицкий, Ю. Олеша, В. Катаев. Это был своего рода литературный клуб, где молодые литераторы читали свои стихи, спорили, мечтали о Москве… Ю. Олеша вспоминал: «Однажды у нас появился Ильф. Он пришел с презрительным выражением на лице, но глаза его смеялись, и ясно было, что презрительность эта наиграна. Он как бы говорил нам: я очень уважаю вас, но не думайте, что я пришел к вам не как равный к равным…» Илья Файнзильберг посещал литературные сборы, как правило, он не вступал в разговоры и бурные поэтические дискуссии, а просто сидел и слушал. Но стоило кому-нибудь прочесть плохие стихи, как стихоплета останавливало точное едкое замечание Ильфа. Молодого писателя побаивались и вместе с этим уважали за острый язык и умную колкую язвительность. Многие из членов литературного клуба не знали, что же пишет сам Илья Файнзильберг – стихи или

прозу, – но его абсолютный слух к стихам и нетерпимость к пошлости и ложному пафосу признавались безоговорочно.

Вскоре состоялся авторский дебют Ильи Файнзильберга. В это же время молодой писатель придумал свой литературный псевдоним, состоящий из начальных букв его имени и фамилии – Ильф. Он прочел перед своими коллегами по писательскому цеху стихи, в которых не было ни рифм, ни размера. Ю. Олеша так рассказывал о дебюте своего друга: «Я не помню содержания стихов, но помню, что оно состояло из мотивов города и чувствовалось, что автор увлечен французской живописью и что какие-то литературные настроения Запада, неизвестные нам, ему известны…»

Действительно, Илья Файнзильберг был книгочеем. Именно он познакомил своих друзей-поэтов с творчеством Стерна и Рабле, Франсуа Вийона и Артюра Рембо, Саади и Омара Хайяма… Великолепный рассказчик, Ильф приносил на собрания литературного клуба старые номера «Вестника иностранной литературы», читал и пересказывал лучшие статьи.

В 1920-е годы Илья Файнзильберг увлекался тремя писателями: Лесковым, Рабле и Маяковским. Свое первое восхищение поэзией Маяковского писатель пронес через всю жизнь. Лев Славин писал: «От Маяковского он (Ильф) усвоил, главным образом, сатирический пафос, направленный против мерзостей старого мира и призывающий к подвигу строительства новой жизни. В сущности, это осталось темой Ильфа на всю жизнь…»

Ильф обладал даром видеть жизнь с особой стороны. Он очень любил прогулки и всегда, возвратившись домой, приносил необычные, яркие рассказы о том, что видел, с кем разговаривал, о чем думал. Сам себя молодой писатель шутливо называл зевакой. Но его рассказы были полны воображения, яркости и мастерства. Ильф не был простым зевакой. Он делал выводы из всего, что видел и слышал. Все старался объяснить, облекая в четкую формулировку каждую мысль, пронизанную чувством…

Илья Файнзильберг всегда стремился воздерживаться от выступлений, но были случаи, когда он показывал свои артистические способности. Он принимал участие в постановках пьес, затеянных группой молодых литераторов. Роли Ильф вел, как настоящий актер, но быстро утомлялся. В то время еще никто не догадывался о том, что Илья смертельно болен. Не догадывался об этом и он сам…

Илья Ильф очень редко раскрывался перед кем-либо и трудно сходился с людьми. С ним очень трудно было подружиться. Каждый, кто претендовал на это, должен был пройти множество

испытаний. Ильф экзаменовал своих знакомых язвительными замечаниями, насмешливыми вопросами, проверял их чувство юмора, умение дружить. Все это испытание могло закончиться вопросом: «Я не обидел вас?» Илья Арнольдович не был затворником. Он имел дар слушать и слышать. Всем своим существом юноша вникал в собеседника. Лев Славин говорил о том, что молодой писатель имел почти безупречное чувство формы, способность эмоционально воспламеняться, проницательность и особую глубину суждений, тонкое понимание людей… Многие из молодых поэтов и писателей пророчили ему славу крупного, широко известного писателя.

В начале 1920-х годов многие друзья Ильфа уезжали в Москву, поэтому, ощутив духовную пустоту, молодой писатель тоже начал готовиться к отъезду. В 1923 году он приехал в столицу. Поскольку найти жилье было очень трудно, Ильф поселился вместе с Ю. Олешей в его комнатушке. По соседству с ними жил какой-то энтузиаст-механик, строивший из всевозможного металлического лома, купленного на Сухаревском рынке, мотоциклетку. Жалкая перегородка комнатки все время сотрясалась от оглушительного грохота и лязга.

Вскоре Илья Файнзильберг поступил на работу в редакцию газеты «Гудок» и получил комнату в общежитии типографии, расположенной в Чернышевском переулке. Помещение это было очень мало и ограничивалось половинкой окна да тремя фанерными перегородками. Все убранство комнаты составлял матрац, лежащий на четырех кирпичах, и стул. После того как Ильф женился, в комнатке появился еще один стул и примус. Спустя еще четыре года эта «квартира» была описана в романе «12 стульев» в главе «Общежитие имени монаха Бертольда Шварца». Интересное зрелище представляла и редакционная комната, в которой работали Ильф, Олеша, Гехт; она носила странное название «Четвертая полоса». Одну из стен комнаты украшала стенгазета с красноречивым названием «Сопли и вопли».

Ильф и его товарищи из «Могучей когорты», как они сами себя называли, занимали должность «правщиков». В их обязанности входило готовить к печати письма читателей, превращая их в небольшие рассказы с емкими, ядовитыми названиями: «Шайкой по черепу!», «И осел ушами шевелит», «Станция Мерв – портит нерв». Именно на этой работе Илья Ильф проявил свое оригинальное дарование. В каждой заметке сверкал юмор и чувствовалось своеобразие стиля. Е. Петров в своих воспоминаниях писал: «Он (Ильф) сидел, вытянув перед собой ноги в остроносых красных башмаках, и быстро писал…» Именно эти башмаки представляли особую гордость молодого

журналиста. Ильф был щеголем и любил одеваться. Несмотря на то что в то время придерживаться моды было очень трудно, среди своих друзей Илья выглядел европейцем. «Когда на нем появлялся пестрый шарф и особенно башмаки, – он становился многозначительным…» – вспоминал Ю. Олеша.

В 1925 году Илья Файнзильберг по заданию редакции отправился в Среднюю Азию, в результате чего появилась серия очерков «Москва– Азия». Эта поездка превратилась в большое путешествие, о котором писатель всегда вспоминал с огромным удовольствием. Свои впечатления о поездке журналист записал в одной из множества своих записных книжек. Однажды Ильфу подарили огромную бухгалтерскую книгу. Эта книга очень понравилась ему. «Здесь должно быть записано все. Книга жизни», – восхищенно говорил писатель. Вскоре увлечение Ильфа книгой прошло и на страницах появились «небрежные и резкие рисунки».

Именно в «Гудке» произошла встреча Ильи Файнзильберга и Евгения Катаева (Петрова), переросшая в многолетнюю дружбу и соавторство. В железнодорожной газете Евгений Петров появился в 1926 году, вернувшись из Красной Армии, и тоже работал правщиком. У него не было своей комнаты, и он ночевал у брата – Валентина Катаева. Именно Катаев-старший, уже опытный литератор, подкинул друзьям идею написать роман о стульях. «Я хочу стать Дюма-отцом, – шутливо заявил он, – уже давно пора открыть мастерскую советского романа, вы будете моими неграми. Я вам (Петрову и Ильфу) буду давать темы, вы будете писать романы, а я их потом буду править… Соглашайтесь. Один роман пусть пишет Илья, а другой Женя… Молодые писатели, посовещавшись, решили, что им лучше будет писать вместе. Каждый день Ильф и Петров оставались в редакции газеты, чтобы работать над рукописью, потому что жилищные условия этого не позволяли. Первую фразу к роману «12 стульев» придумал Илья Ильф: «Давайте начнем просто и старомодно – “В уездном городе N”. В конце концов, не важно, как начать, лишь бы начать», – твердо произнес он. О работе над первой главой романа Е. Петров писал так: «Мы никогда не представляли себе, как трудно писать роман. Мы уходили из Дворца Труда в 2 или 3 часа ночи, ошеломленные, почти задохшиеся от папиросного дыма. Мы возвращались домой… не в состоянии произнести ни слова». Прочитав первую главу, В. Катаев решил, что им не нужна «рука мастера»: «Не прибедняйтесь, Илюша. Обойдетесь и без Дюма-пера. Продолжайте писать сами…»

Молодые авторы, вдохновленные похвалой мэтра, продолжили работу над романом, но один из его героев никак не

хотел влезать в приготовленные для него рамки. Остап Бендер из второстепенного героя стал основным действующим лицом книги. По одной из версий, прототипом Остапа Бендера стал человек, изображенный на фото, до сих пор хранящемся в семейном альбоме Ильфов. Оно было вырезано из одного дореволюционного журнала и подписано: «Это мой брат Сандро Фазини в костюме апаша». К сожалению, на фото изображен не Александр Файнзильберг, художник, выбравший себе такой необычный псевдоним. Но в независимом, нагловатом выражении лица мужчины, шарфе на шее легко можно угадать Великого Комбинатора.

Сюжет в романе «12 стульев» играет лишь служебную роль. Там почти нет выдуманных фигур. Все герои романа были взяты авторами из жизни, из действительности. Но вместе с халтурщиками, мошенниками, бюрократами и пошляками в книге появляется еще один персонаж – Одесса. В не вошедшей в «12 стульев» главе «Прошлое регистратора ЗАГСа» упоминается нынешняя филармония (здание биржи, сооруженное в ассиро-вавилонском стиле), а рядом с домом Ильфа – мясная лавка некоего Бендера, кафе «Флорида», ставшее местом дискуссий «пикейных жилетов» о возрождении в Черноморске порто-франко, – конечно же, знаменитое одесское кафе «Фанкони», расположенное на Екатерининской улице, а сам Черноморск – Одесса.

В своих воспоминаниях Е. Петров часто говорил о том, что им очень сложно работать вместе: «Надо думать, Гонкурам было легче. Все-таки они были братья. А мы даже не родственники. И даже не однолетки… Мы беспрерывно подвергали друг друга жесточайшей критике, тем более обидной, что преподносилась она в юмористической форме. Добрый-то он (Ильф), добрый, мягкий-мягкий, но вдруг как кусанет – долго будешь зализывать рану и жалобно скулить в углу. За письменным столом мы забывали о жалости…» Но несмотря ни на что, это был очень гармоничный писательский союз.

Роман «12 стульев» был закончен менее чем за полгода. В 1928 году его опубликовали в журнале «30 дней» и в издательстве «Земля и фабрика». Читатели буквально зачитывали до дыр роман о похождениях Великого Комбинатора, а критика просто не заметила. О. Мандельштам в 1929 году с возмущением писал, что этот «брызжущий весельем памфлет» оказался не нужен рецензентам. А. Тарасенков написал в «Литературной газете» статью о романе «12 стульев» с правдивым названием «Книга, о которой не пишут».

С 1928 года Ильф и Петров как фельетонисты работали в

журнале «Смехач», а через год они перешли в только что открывшийся сатирический журнал «Чудак». Илья Арнольдович вел отдел литературных рецензий и часто писал острые, смешные заметки о всевозможных курьезах и ляпсусах. Несмотря на то что такую работу чаще всего поручали второстепенным сотрудникам, Ильф вкладывал в крохотные заметки весь свой талант, всю изобретательность зрелого мастера. Нужно ли говорить о том, что сатирическая сторона заметки всегда была на высоте. В «Чудаке» родился псевдоним Ильфа и Петрова – Ф. Толстоевский. Этим псевдонимом авторы подписывали ряд новелл из жизни придуманного анекдотического города «Колоколамска». В журнале печатали и написанные Толстоевским сатирические сказки новой Шахерезады, а также театральные и киносценарии. Ильф и Петров вместе работали над рецензиями, подписывая свои статьи псевдонимом «Дон Бузилио».

После успеха первого романа соавторы начали работу над его продолжением. Они воскресили «зарезанного» Кисой Воробьяниновым в финале «12 стульев» Остапа Бендера. В этой книге О. Бендеру исполнилось 33 года, как и его создателю Илье Ильфу. Новый роман «Золотой теленок» был опубликован в 1931 году в журнале «30 дней», а спустя два года вышел отдельной книгой в издательстве «Федерация». Во время работы над «Золотым теленком» Илья Файнзильберг увлекся фотографией, о чем шутливо писал Е. Петров: «Было у меня на книжке 800 рублей и чудный соавтор. Я одолжил ему мои 800 рублей на покупку фотоаппарата. И что же? Нет у меня больше ни денег, ни соавтора… Он только и делает, что снимает, проявляет и печатает…» Это увлечение на год отлучило Ильфа от работы над «Золотым теленком». Вот почему в романе появилась шутка о фотографе, который даже консервы открывает при красном свете, опасаясь, что они испортятся. Фоторабо ты Ильи Файнзильберга поражают точностью, тонкостью. Его имя по праву может стоять в одном ряду с такими знаменитыми мастерами фотографии того времени, как Родченко.

После публикации второго романа дилогия о похождениях Великого Комбинатора стала очень популярной не только в СССР, но и за рубежом, где книги выходили огромными тиражами. Журнал «Крокодил» едко писал, что, выпуская ежегодно по 12 стульев во всех городах мира, Ильф и Петров приведут к перепроизводству мебели на Западе. Книга получила восторженные отклики М. Горького, А. Зощенко, А. Барбюса.

(В 1948 году секретариат Союза писателей постановил считать «12 стульев» и «Золотой теленок» пасквилянтскими и клеветническими книгами, переиздание которых «может вызвать

только возмущение со стороны советских читателей». Запрет на переиздание этих книг был закреплен и специальным постановлением ЦК ВКП(б), действовавшим до 1956 года.)

Несмотря на всю внешнюю хрупкость, Ильф был очень смелым человеком. Он смело вставал на защиту слабых, заставляя отступать хулиганов. Илья Арнольдович несколько месяцев служил в красных партизанских частях в годы Гражданской войны, но никому не говорил об этом из скромности. Одному из своих знакомых, офицеру войск МГБ, он подарил книгу с надписью: «Майору государственной безопасности от сержанта изящной словесности». О гражданской позиции Ильфа говорили его игры. Он называл фамилию какого-либо деятеля искусства, и затем кто-нибудь выкрикивал цифру. Илья Арнольдович пояснял, что здесь речь идет о том, сколько советская власть переплатила названному товарищу за его деятельность. В его записной книжке можно было найти фразу о «колбасе для идиотов» и целом ряде других товаров особого назначения. Ильф по своей природе не мог мириться с подлостью и угодничеством, хотя знал, что за эти смелые высказывания мог попасть в сталинские застенки.

С 1932 года И. Ильф и Е. Петров сотрудничали с газетой «Правда». В 1933–1934 годах они побывали в Западной Европе. До Италии друзья добрались на советском военном корабле, а затем поехали в Вену, надеясь получить гонорар за перевод «12 стульев». Получив деньги, Ильф и Петров отправились в Париж, где, по свидетельству Ильи Эренбурга, писали киносценарий по заказу одной из киностудий. Хотя картина оказалась провальной, авторы остались довольны: Илья Арнольдович разыскал там своего брата-художника, выехавшего из Одессы еще до революции, а Евгений Петрович пожил в Париже.

В 1935 году писатели совершили путешествие по США, позже написав книгу «Одноэтажная Америка». Это было первое произведение, которое они писали, пополам поделив главы между собой. А. Н. Толстой назвал этот роман «чрезвычайно зрелым художественно». Во время прогулки по знаменитому кладбищу Нового Орлеана Ильф закашлялся, на его платке появилась кровь. К этому времени Илья Арнольдович знал, что неизлечимо болен: туберкулез легких входил в последнюю стадию.

Вернувшись в Москву совершенно больным, он сказал однажды, изнуренный беспрерывной спешкой на всевозможные собрания: «Я решил больше не спешить. Опоздаю так опоздаю!»

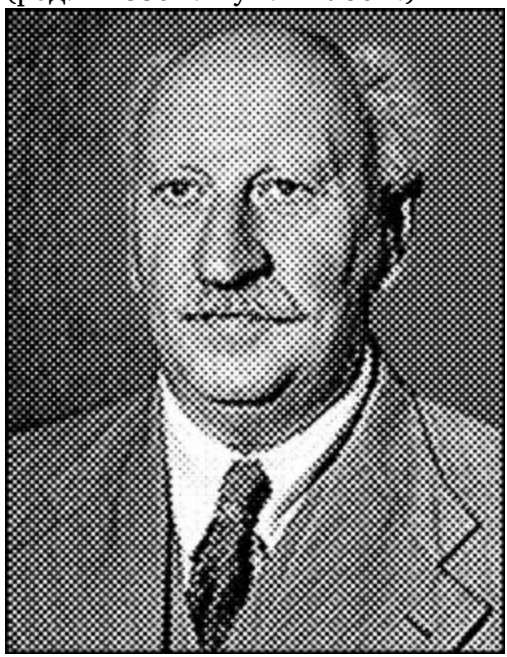
Илья Арнольдович в последние месяцы жизни вернулся к идее записывать свои наблюдения, но не в форме дневника, а в

виде коротеньких самостоятельных записей. Однако теперь он не записывал их, а печатал на машинке. Среди его записей остался и план фантастического романа, который так и не был закончен. О своей болезни Ильф старался никому не говорить. За несколько дней до смерти, сидя в ресторане, он взял в руки бокал и грустно сострил: «Шампанское марки “Ich sterbe”» («Я умираю» по-немецки).

13 апреля 1937 года Илья Арнольдович Файнзильберг умер у себя дома в квартире в Лаврушинском переулке. Проводить в последний путь знаменитого писателя и журналиста пришли его друзья, известные литераторы: В. Катаев, Е. Петров, Ю. Олеша, А. Фадеев и многие другие. Непрерывной вереницей шли люди в Дом писателей, чтобы отдать дань уважения прекрасному автору и благородному человеку Илье Файнзильбергу. Запомнились слова из прощальной речи поэта Асеева: «Ильф был из тех людей, которым можно доверить жизнь…»

ИОФФЕ АБРАМ ФЕДОРОВИЧ

(род. в 1880 г. – ум. в 1960 г.)



Советский физик, организатор физических исследований в СССР, педагог. Академик Петербургской АН (1916 г.), РАН (1920 г.), АН СССР (в 1942–1945 гг. ее вице-президент), заслуженный деятель науки РСФСР (1933 г.), Герой Социалистического Труда (1955 г.). Создатель и руководитель (1918–1951 гг.) Физико-технического отдела Государственного рентгенологического и радиологического института, директор Физико-технического института АН СССР, директор Института полупроводников АН СССР (с 1955 г.). Основные труды посвящены физике твердого тела. Его работы положили начало физике и технике полупроводников. Глава многочисленной школы физиков. Лауреат Сталинской (1942 г.) и Ленинской премий (1961 г., посмертно). Автор биографической книги «Встречи с физиками».

Когда речь заходит об Абраме Федоровиче Иоффе, создается впечатление, что большинство крупных отечественных физиков середины XX века прямо или косвенно были учениками этого питерского академика. Хотя он и не был Нобелевским лауреатом, его вклад в физику и в создание отечественной научной школы физиков огромен. Он практически создал школу, сравнимую по уровню со школами Э. Резерфорда в Кембридже и М. Борна в Геттингене. Из школы Иоффе вышли известные советские физики, многие из которых сами стали основателями собственных школ: академики А. П. Александров, А. И. Алиханов, Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, Б. П. Константинов, Г. В. Курдюмов, И. В. Курчатов, П. И. Лукирский, И. В. Обреимов, Н. Н. Семенов, Ю. Б. Харитон; член-корреспондент АН СССР Я. И. Френкель, академики АН УССР А. К. Вальтер, В. Е. Лашкарев, А. И. Лейпунский, К. Д. Синельников и многие другие. Среди ученых его называли «отцом советской физики» или даже «папой Иоффе». Во многом успехи советской физики были предопределены его личными качествами – большим талантом физика-экспериментатора, выдающимися организаторскими способностями, умением быстро и точно ориентироваться в сложных проблемах новой физики, рождавшейся в то время, его поразительным чутьем к новому, позволившим ему уже в 1920-е годы понять значение ядерной физики, а в 1930-е – физики полупроводников и полимеров. Чрезвычайно важным качеством всесторонне одаренной личности Иоффе был дар Учителя и высочайшая ответственность Иоффе перед страной, где физика находилась в зачаточном состоянии. Он вырастил физиков нового типа – людей «физически мыслящих», которые могли бы быстро разобраться в сущности новых, неожиданно возникающих перед ними проблем, а не просто хорошо бы знали всю теорию и практику тех или иных установившихся вопросов техники.

Абрам Федорович родился 29 октября 1880 года в Ромнах Полтавской губернии в семье купца 2-й гильдии. Так как в небольшом городке не было гимназии, а имелось лишь мужское реальное училище, то он в него и поступил. Примечательно, что одноклассником Иоффе оказался С. П. Тимошенко – впоследствии крупный механик. Физикой Абрам заинтересовался еще в училище. Он часто подчеркивал, что произошло это не благодаря влиянию учителей, а, скорее, вопреки: уровень преподавания в училище был очень низким. Одаренный юноша мечтал о поступлении в университет, но, как известно, до революции для поступления в университеты необходимо было знание древних языков, преподававшихся только в гимназиях. Поэтому по окончании реального училища Иоффе остановил свой выбор на

Петербургском технологическом институте, в котором, по его мнению, в наибольшей степени можно было научиться физике. В этом институте преподавали выдающиеся ученые, в частности И. И. Боргман, Н. А. Гезехус, Б. Л. Розинг. Наряду с физикой, Иоффе много работал в области ее биологических приложений, что в конце XIX – начале XX века было более чем необычно, и занимался еще и чисто инженерными работами, в основном во время летней практики.

В 1902 году выпускник Технологического института, заручившись рекомендациями, отправился в Мюнхен для приобретения опыта в постановке эксперимента по проверке созданной им еще в годы учебы в училище резонансной теории запаха и чувства обоняния. Там в те годы работал лучший, по отзывам петербургских профессоров, физик-экспериментатор В. К. Рентген. Сначала Абрам был практикантом и жил на собственные средства, а потом получил место ассистента. Между лауреатом Нобелевской премии и начинающим физиком сложились плодотворные и самые доверительные отношения. В годы работы в лаборатории Рентгена (1903–1906) Иоффе провел ряд крупных исследований, среди которых был эксперимент по определению «энергетической мощности» радия, работы по механическим и электрическим свойствам кристаллов и др. Эти исследования закрепили за ним репутацию физика, глубоко вдумывающегося в механизмы изучаемых им процессов и с исключительной точностью проводящего опыты, расширяющие представления об атомно-электронных явлениях в твердых телах. Уже в докторской диссертации, выполненной в лаборатории Рентгена в Мюнхене, Иоффе проявил мастерство экспериментатора и решил важный на тот момент вопрос упругого последействия в кристаллах, за что ему была присуждена степень доктора с высшим отличием.

В 1906 году Абрам Федорович, отказавшись от лестного предложения Рентгена остаться для продолжения исследовательской и преподавательской работы в Мюнхенском университете, вернулся в Россию и устроился на должность старшего лаборанта в Петербургском политехническом институте. В 1906–1917 годах в физической лаборатории института Иоффе выполнил блестящие работы по подтверждению эйнштейновской квантовой теории внешнего фотоэффекта, доказательству зернистой природы электронного заряда, определению магнитного поля катодных лучей. В 1913 году, после защиты магистерской диссертации, он стал экстраординарным профессором, а в 1915-м, защитив докторскую диссертацию, – профессором кафедры общей физики в своем

институте. За исследования по упругим и электрическим свойствам кварца и некоторых других кристаллов Академия наук в 1914 году наградила его премией им. С. А. Иванова.

Помимо этих важнейших исследований Иоффе занимался теоретическими разработками в области теплового излучения, в которых получили дальнейшее развитие классические исследования М. Планка. А результаты исследований по электропроводности ионных кристаллов (в соавторстве с М. В. Миловидовой-Кирпичевой) были впоследствии, уже после окончания Первой мировой войны, с блеском доложены им на Сольвеевском конгрессе 1924 года и, вызвав оживленную дискуссию у его знаменитых участников, получили их полное признание. Наряду с интенсивной исследовательской работой, Абрам Федорович много сил и времени уделял преподаванию. Он читал лекции не только в Политехническом институте, но также на известных в городе курсах П. Лесгафта, в Горном институте и в университете. Однако самым главным в этой деятельности Иоффе была организация в 1916 году семинара по новой физике при Политехническом институте. Именно в эти годы Иоффе – сначала участник, а потом и руководитель семинара – выработал тот замечательный стиль ведения такого рода собраний, который создал ему заслуженную известность и характеризовал его как главу школы. Семинар Иоффе в Политехническом институте по праву считается важнейшим центром в области кристаллической физики.

В октябре 1918 года по инициативе Иоффе был создан физико-технический отдел в Рентгенологическом и радиологическом институте (реорганизованном вскоре в Физико-технический институт), а через год – физико-механический факультет в Политехническом институте, деканом которого он также был более 30 лет. Создание Физико-технического института позднее породило разветвленную сеть научно-исследовательских институтов физического профиля (15 дочерних институтов, в том числе физико-технические институты в Харькове, Днепропетровске, Томске и др.).

Широкий кругозор и способность предвидения, выдающийся талант ученого и организатора позволили Иоффе осуществить реформу физики в СССР, воспитать большой отряд физиков, показать значение физики для техники и народного хозяйства. До 1954 года Иоффе был директором Физико-технического института АН СССР, а затем возглавил Институт полупроводников АН СССР.

Научная работа А. Ф. Иоффе в 1920-е годы была сосредоточена на изучении механических и электронных свойств

твердого тела, с началом 1930-х годов одним из основных направлений стала ядерная физика. Ученый быстро оценил ее грядущую роль в дальнейшем прогрессе науки и техники. Поэтому физика ядра прочно вошла в тематику работ ФТИ. В то же время собственная научная работа Иоффе сосредоточилась на другой проблеме – проблеме физики полупроводников как новых материалов для электроники. Им создана методика определения основных параметров, характеризующих свойства полупроводников, и система классификации этих материалов (1931–1940). Эти работы послужили предпосылкой развития новых областей полупроводниковой техники – создания термо– и фотоэлектрических генераторов и холодильных устройств. В конце 1930-х годов Иоффе предложил механизм выпрямления тока в полупроводниках, нашедший применение при производстве диодов, и выдвинул идею плазменного термоэлектричества. Все эти работы отличали феноменальная скрупулезность и аккуратность, а также неизменное стремление свести все наблюдаемые эффекты в единую стройную схему – черты, впитанные и всеми учениками школы Иоффе.

Однако жизнь крупного физика не была безоблачной. На его судьбе отразились все методы морального террора, с помощью которого власти пытались отлучить от науки многих крупных ученых. Правда, Иоффе никогда не конфликтовал с властями, всегда подчеркивал свою лояльность и даже преданность системе, что давало ему возможность занимать крупные административные посты в науке и непосредственно влиять на государственную политику в этой области. Но власти чувствовали, что по духу он им чужой: во-первых, он работал в Мюнхене и впитал в себя дух классической науки, не зависимой ни от чего, кроме истины. Поэтому он считался «трудно управляемым», всегда имел собственное мнение и не боялся его открыто высказывать. Во-вторых, Абрам Федорович, хотя и был членом КПСС с 1942 года, но активно не участвовал в политических мероприятиях. Ну, и в-третьих, Иоффе был евреем, а власти, особенно в годы борьбы с космополитизмом, «забывали» о пятом пункте только в том случае, когда у них не было выбора – без помощи ученых-евреев трудно было решать важнейшие оборонные задачи. Так, в годы войны Иоффе участвовал в строительстве радиолокационных установок в Ленинграде, во время эвакуации в Казани был председателем Военно-морской и Военно-инженерной комиссий.

Следует вспомнить хотя бы атомную проблему или проблему создания ракетного оружия. Еще зимой 1920 года в холодном и голодном Петрограде была создана Атомная комиссия, в которой

непосредственное участие принимал и А. Ф. Иоффе. Он считал необходимым проводить исследования атома быстро и напряженно и поставить работу по атомной физике в особые условия. Центром научных исследований стал Рентгенологический институт, а позже Физико-технический институт, возглавляемый им. Вокруг него объединялась плеяда талантливых исследователей. Знаменитый Ленинградский физтех, носящий сегодня имя академика Иоффе, называли по-разному: и «Парнасом новой физики», и «Могучей кучкой», и даже «Детсадом папы Иоффе». Академик И. К. Кикоин вспоминает: «Это действительно был детский сад – в том смысле, что основную силу, основную армию сотрудников института составляли студенты 1, 2, 3 курсов. Они и делали науку в Физико-техническом институте, а это значит, они делали науку – физику – и в стране. Но сад должен и плодоносить. Этот физтеховский детский сад принес свои плоды, и, я бы сказал, плоды неплохие. Например, советская атомная техника, атомная энергия – это есть плод того самого сада, который посадил и взрастил Абрам Федорович Иоффе».

У академика был особый нюх не только на талант, но он даже мог предсказать, в каком направлении тот или иной ученый сможет проявить себя с лучшей стороны. Так, Абрам Федорович способствовал переориентации И. В. Курчатова в начале 1930-х годов с сегнето-электрической на ядерную проблематику. И когда в годы Великой Отечественной войны Иоффе, как непревзойденному ученому-организатору, предложили возглавить это направление, он вновь выдвинул Курчатова, который в том тяжелом 1943 году не был еще академиком, а служил на флоте, занимаясь вопросами обезвреживания немецких мин и разрабатывая метод размагничивания боевых кораблей.

Многие физики обязаны своим ростом и карьерой Иоффе, но и завистников было предостаточно. Особенно усердствовали коллеги по академии – академик В. Ф. Миткевич и член-корреспондент А. А. Максимов. Последний не жалел бумаги, чтобы доказать, что Абрам Федорович «несознательный советский гражданин». Он писал на страницах журнала «Под знаменем марксизма»: «Самохвальство академика А. Ф. Иоффе, приписывающего себе заслугу, принадлежащую всему коллективу советских физиков и достигнутую под руководством партии и правительства, – это стиль хвастовства, сенсации, преувеличений, прямого очковтирательства». Ему вторил профессор физического факультета МГУ А. К. Тимирязев: «Надо надеяться, что советская общественность до конца вскроет, где враги и где друзья советской физики, и по достоинству оценит клеветнические

заявления акад. Иоффе». Это был прямой призыв к расправе. Но Иоффе не арестовали ни тогда, ни позже. Видимо, высокий международный авторитет и в целом лояльная позиция по отношению к властям спасли его от репрессий. Тем не менее тучи сгущались, особенно в разгар кампании по борьбе с «безродным космополитизмом». Все чаще среди «безродных» упоминалось имя Иоффе. В октябре 1950 года его вызвал к себе президент АН СССР С. И. Вавилов и после продолжительной беседы предложил уйти с поста директора ЛФТИ. Абрам Федорович написал заявление с просьбой освободить его от должности директора и перевести заведующим лабораторией в том же институте. 8 декабря 1950 года Президиум АН СССР утвердил это решение и назначил директором ЛФТИ А. П. Комара.

Однако обстановка в институте оставалась тяжелой. Новое руководство открыто третировало Иоффе, и хотя он все трудное время ощущал моральную поддержку друзей-коллег, его положение порой становилось невыносимым. Атмосферу, в которой жил и работал Иоффе в тот период, хорошо передает история обсуждения его книги «Основные представления современной физики» (1949). Это была первая послевоенная книга, в которой достаточно популярно и четко излагались основы современной физики: теория относительности, статистическая, атомная и ядерная физика. Читатели приняли ее хорошо, и первые научные отзывы были весьма благожелательны. Но как только прошел слух, что Иоффе снят с должности директора института, в специальных журналах почти одновременно появились разгромные рецензии, в которых указывалось на «очень крупные идейные срывы» (и это в книге по физике!) и неувязку проблем с «диалектическим материализмом». Естественно, Иоффе выступил с традиционным признанием ошибок. С позиций сегодняшнего дня его выступление можно было бы считать непринципиальным, но кто знает, какие чувства испытывал в те дни опальный академик, какую тактику защиты он выбрал?

Иоффе был вынужден совсем уйти из института. Президиум АН СССР организовал для него специальную лабораторию полупроводников, выделил штат и помещение. В 1950 году ученый разработал теорию, на основе которой были сформулированы требования к полупроводниковым материалам, используемым в термобатареях и обеспечивающим получение максимального значения их КПД. Вслед за этим в 1951 году Л. С. Стильбансом под руководством А. Ф. Иоффе и Ю. П. Маслаковца был разработан первый в мире холодильник. Это послужило началом развития новой области техники – термоэлектрического

охлаждения. Соответствующие холодильники и термостаты широко применяются ныне во всем мире для решения ряда задач в радиоэлектронике, приборостроении, медицине, космической биологии и других областях науки и техники.

Если попытаться составить список научных и гражданских достижений Абрама Федоровича, то это займет не одну страницу. Он автор множества монографий, статей, учебников и ряда мемуарных сочинений. Последним его организационным детищем было создание Института полупроводников АН СССР. А начиная с 1954 года число публикаций маститого ученого в научных журналах, отражавшее его научную активность, резко возросло. Его работоспособность не могла не вызывать удивление и восхищение. Недаром одну из книг А. Ф. Иоффе по термоэлектричеству назвали «Библией по термоэлектричеству». Абрам Федорович был членом многих академий наук: Геттингенской (1924), Берлинской (1928), Американской академии наук и искусств (1929), почетным членом АН Германии «Леопольдина» (1958), Итальянской АН (1959), почетным доктором Калифорнийского университета (1928), Сорбонны (1945), университетов Граца (1948), Бухареста и Мюнхена (1955). Дважды он награждался Государственной премией СССР (1942, 1961 – посмертно) и был удостоен звания Героя Социалистического Труда (1955).

Абрам Федорович скончался 14 октября 1960 года, две недели не дожив до своего 80-летия, и был похоронен на Литераторских мостках. Имя выдающегося физика увековечено не только в его делах и памяти благодарных потомков, но и в названии его любимого детища – ФТИ им. А. Б. Иоффе, перед зданием которого установлен памятник его создателю – «папе Иоффе».

ИРОД I ВЕЛИКИЙ

(род. ок. 73 г. – ум. в 4 г. до н. э.)

Царь Иудеи, чье более чем 30-летнее правление (37–4 годы до н. э.) отличалось неслыханной жестокостью. Один из наиболее кровавых, неприятных и… загадочных персонажей древней истории, которого иудейский историк Иосиф Флавий именовал «самым жестоким тираном, когда-либо находившемся у власти».

По сути, правление Ирода во многом напоминало времена царствования Ивана Грозного: оба тирана больше всего на свете опасались заговоров и возможных переворотов, были невероятно мнительными и подозрительными; оба были подвержены припадкам дикой ярости. В такие моменты возможные претенденты на престол уничтожались вместе со всеми родственниками; многие древние иудейские рода при Ироде прекратили свое существование. Не избегали пыток и казней даже первосвященники. И царь иудеев, и московский царь «под горячую руку» отправили на тот свет собственных жен (о чем впоследствии горько сожалели). Каждый из них менял супруг, словно цыган коней: у Грозного их было девять, у Ирода – десять… Поступками обоих правителей во многом управляла тяжелая болезнь. Вот только сына своего русский царь убил во время припадка ярости, а библейский персонаж вполне осознанно, по трезвому расчету казнил троих своих наследников. На сегодняшний момент биография этого человека, имя которого стало олицетворением зла, воссоздана более-менее полно благодаря историческим источникам и евангельским сказаниям.

Печально знаменитый царь Иудеи был представителем племени идумеев – потомков ветхозаветного Исава, у которого брат Иаков хитростью выкупил право первородства (за пресловутую чечевичную похлебку). От ушлого Иакова, собственно, и пошло племя иудеев, с которым идумеи исторически не ладили. Зачастую дело доходило до открытой вражды.

Собственно, при таком происхождении Ирод вряд ли смог бы претендовать на трон Иудеи, хотя по своим личным качествам

вполне подходил на роль царя. В молодости Ирод отличался острым умом, силой, ловкостью, хитростью и большим личным обаянием. Талантливый политик, он из всех передряг и конфликтов выходил, приобретая еще большую власть. Трона же один из самых кровавых персонажей древней истории добился при помощи римлян. С законными престолонаследниками и их защитниками поборники Ирода расправились жестоко. И хотя жители Иерусалима выступали отнюдь не на стороне пришлого идумея, им пришлось смириться с новым правителем. Правда, кровавой расправы над соперниками Ироду так и не простили, впредь называя его не «иудейским царем», а «царем иудеев».

Все началось с того, что после смерти Антипатра, которого Юлий Цезарь назначил надзирателем Иудеи, наместничество перешло к его старшему сыну Фессаилу, а младший, Ирод, занял должность управителя Галилеи. Последний знаменовал свой приход к власти казнью приверженцев хасмонейской династии, объявив их «шайкой разбойников». Римляне такому повороту событий весьма обрадовались, а вот иудеи выразили яростное негодование. Ироду предъявили официальное обвинение и вызвали его на суд синедриона, обратившись к первосвященнику Гиркану II, с чьим мнением не могли не считаться ни сам Ирод, ни его римские покровители. Недаром Цезарь пожаловал Гиркана титулом этнарха – по сути, правителя народа. Но перед тем как предстать перед судьями, Ирод вручил первосвященнику послание римского прокуратора, в котором говорилось: обвинение в убийстве снять… Поразмыслив, Гиркан посоветовал Ироду скрыться, обещав отложить процесс на неопределенное время. Но бывший управитель решил не откладывать свое возвращение на вершины власти. Приехавшего в Рим беглеца сенат провозгласил законным царем Иудеи; теперь Ирод считался уже тетрархом – царственным властителем четвертой части страны. Он также добился предоставления военной помощи для восстановления собственного статус-кво.

Приблизительно в этот период из Рима сбежал законный претендент на престол, последний представитель рода Хасмонеев Антигон, и, заручившись поддержкой парфян, захватил Иерусалим. Иудеи охотно поддержали нового правителя, который первым делом заключил в темницу Фессаила. Тот не выдержал унижения и предпочел свести счеты с жизнью. Кроме того, Антигон позаботился о том, чтобы его собственный дядя, Гиркан II, никогда уже не смог занимать пост первосвященника. Для этого требовалось всего лишь «подарить» Гиркану физический недостаток; родственник победителя, виновный в том, что чересчур хорошо относился к Фессаилу и любил Ирода как

собственного сына, лишился ушей…

Ироду же удалось избежать незавидной участи брата. При помощи римских легионов он быстро захватил Иерусалим, казнил Антигона, которого римский сенат объявил «врагом римского народа», и в 37 году до рождества Христова стал единодержавным царем Иудеи… С той поры тиран опирался на четырех «китов», помогавших ему держать в своих руках власть: на военную силу Рима, интриги, клевету и убийства. Тем не менее, вопреки опасениям иудеев, в истерзанной междоусобицами стране на 30 с лишним лет воцарился мир.

Время правления идумея стало важным периодом еврейской истории: именно тогда произошли глобальные перемены в социальной структуре еврейского общества, на политическую арену вышла новая элита, не связанная с родом Хасмонеев. Тогда же Рим окончательно утвердил свое господство над Израилем, в стране начали действовать новые общественные силы, противостоящие такой политике.

Правление Ирода знаменовалось также массовым строительством. В то время когда тиран отвлекался от своих вечных интриг, он с не менее маниакальной страстью предавался архитектурному переустройству страны. Отстроенные города Кейсария и Себаста, создание величайшего портового сооружения древнего мира, летний дворец в Иерихоне, прекрасно защищенная крепость Массада на горе около Мертвого моря, Иродион (искусственно насыпанная в Иудейской пустыне гора с крепостью) – вот далеко не полный перечень осуществленных проектов царя. Самым же грандиозным творением стала реконструкция Иерусалима. В городе появилась новая цитадель, квартал с цирками и театрами, значительно улучшилась система водоснабжения. Но подлинным триумфом царя стала генеральная перестройка Иерусалимского Храма, начатая в 19 году до н. э. Новое сооружение потрясало воображение своей величиной, искусством зодчих, ювелиров, художников и скульпторов, а также ценностью употребленного при строительстве материала (пожалуй, ни одно здание в прошлом не могло похвастать таким обилием золота и драгоценностей). Однако это творение грозного тирана, превзошедшее шедевр, созданный Соломоном, постигла печальная участь Первого Храма: оно было разрушено римлянами в 70 году н. э. Интересно, что обе святыни прекратили свое существование в один и тот же день года… От грандиозного Второго Храма до наших дней сохранились только знаменитый кусок стены, известный как Стена Плача, и восторженные упоминания древних историков.

По весьма понятным причинам Ирод чувствовал шаткость

своего положения. И чтобы укрепить его, стал беспощадно истреблять представителей всего рода Хасмонеев и Маккавеев – законных наследников престола, которых с удовольствием поддержали бы все жители Иудеи. Кроме того, правитель избавился от большинства членов Синедриона. Царь, не без причин подозревая их в недостаточной преданности себе лично, решил обезопасить свою персону от возможных в будущем неприятностей. Ирод вообще жестоко расправлялся с подданными, ненавидевшими его. Иудеи роптали и ожидали рождения Мессии, наследника Давида, а в идумее видели только чужеземного ставленника, разрушителя еврейской традиции и убийцу.

Тиран не жалел не только своих истинных и мнимых политических противников. Так, во время одного из приступов бешенства он поверил нелепым обвинениям царедворцев и приказал казнить деда своей любимой жены Мариамны – Гиркана II. По традиции место первосвященника занял 17-летний внук убитого. Однако после первой же проповеди юноши, когда в храме плакали все присутствующие, талантливого первосвященника отправили в Иерихон. Там молодой человек «случайно» утонул в бане…

Естественно, Мариамна возненавидела своего супруга. От ее острого языка доставалось и лично Ироду, и его матери, и сестре правителя Саломее. Тиран, правда, на удивление благодушно терпел выходки жены, поскольку она была, пожалуй, единственным человеком, которого Ирод на самом деле безумно любил. Однако мать и сестра царя все же отыгрались на ней, сообщив, будто ненавистная скандалистка мечтает соблазнить римского развратника Антония. Ирод ужаснулся перспективе потерять жену, стал крайне подозрительным, обвинил Мариамну в связи с мужем собственной сестры, Иосифом, и… Мариамна, ее мать и еще несколько родственников отправились на эшафот. Смерть царица приняла достойно: похоже, она считала, что это не такая уж плохая альтернатива дальнейшей жизни с Иродом… А правитель, несмотря на то что у него еще оставалось восемь жен, едва не помешался окончательно: он повелел залить тело Мариамны медом и по ночам беседовал с убитой, убеждая себя, будто она жива.

Вообще, вся личная жизнь Ирода – это непрерывная полоса скандалов и убийств. Циничные выходки безнравственного самодура стали притчей во языцех как в самой Иудее, так и далеко за ее пределами.

Не хотели принимать подданные зловещего правителя и нравы эллинизированного царского двора с его бесконечными

династическими интригами. А придворные тем временем охотно использовали атмосферу, складывавшуюся благодаря частой смене жен правителя. Подозрительность и жестокость Ирода в нужный момент получала очередные «доказательства», и… какой-то род оказывался под угрозой уничтожения, а другой, напротив, дорывался до государственной «кормушки».

Не приводила иудеев в восторг и манера царя самостоятельно решать, кто имеет право занять место первосвященника. Обычно эту должность получали любимцы Ирода, по своим моральным и человеческим качествам весьма далекие от идеала и совершенно не достойные столь высокого сана. А поскольку правитель менял первосвященников слишком часто, под влиянием минутного каприза, народ окончательно потерял уважение к этому сану вообще.

Странно, но к детям Ирода иудеи относились значительно лучше. Особенно любили сыновей царя от Мариамны, Александра и Аристобула. Отличавшиеся красотой и благородством юноши в свое время получили блестящее образование при дворе римского императора Августа и в будущем могли бы стать великолепными правителями и политиками. Народ в Иерусалиме восторженно воспринял приезд обоих царевичей домой. Никто не подозревал, что им вскоре предстоит расстаться с жизнью.

Возвращение братьев отнюдь не привело в восторг старшего сына Ирода от первой жены-эдомитянки – Антипатра. Поскольку сей достойный отпрыск кровавого царя считал себя единственным возможным наследником трона, он позаботился о том, чтобы любимцы «черни», Александр и Аристобул, не перешли ему в будущем дорогу. Зная болезненную мнительность отца, Антипатр обвинил братьев в том, что они планируют убить Ирода и захватить престол. А поскольку союзницей клеветника выступила Саломея, правитель поверил в практически беспочвенные россказни и организовал для обоих младших сыновей суд, на котором сам же и выступил обвинителем. Естественно, молодые люди разделили участь своей матери; их казнили в Себастии в 7 году до нашей эры.

А вскоре после этого в Иерусалиме раскрыли настоящий заговор против Ирода, организованный Антипатром, стремившимся поскорее избавиться от папаши. Но царь медлил с вынесением смертного приговора. Бывшему наследнику пришлось хлебнуть лиха в заточении, пока Ирод сражался с самым страшным своим врагом – лютой болезнью, фактически приковавшей его к постели и причинявшей страшные муки. Долгое время считалось, что Ирода свели в могилу последствия гонореи. Но не так давно медицинские эксперты установили, что

речь должна идти о серьезном хроническом заболевании почек, закончившимся гангреной Форниера (очень редкой в наши дни). Болезнь тянулась долго и, по всей видимости, привела к обострению психических расстройств, наблюдавшихся у тирана и ранее. Постоянные боли стали причиной развития депрессии, чрезмерной раздражительности и паранойи. Мучительное состояние перед смертью длилось более недели. Тиран страдал от невыносимой чесотки, острых болей в кишечнике, одышки. К тому же у него опухли руки, был жар, сопровождаемый конвульсиями. Под конец у Ирода началась гангрена гениталий.

За полгода до смерти царь перебрался для лечения в Иерихон. Однажды по Иерусалиму даже пронесся слух о мнимой кончине тирана; после этого двое смельчаков сорвали изображение римского орла с ворот Храма Господня. Но Ирод был еще жив… И поспешившие избавиться от ненавистного символа иудеи отправились на костер.

За пять дней до смерти царь, узнав, что его сын пытался подкупить стражу и сбежать из заключения, приказал казнить заговорщика. Перед этим он обратился за разрешением к самому римскому императору Августу (поскольку Антипатр являлся римским гражданином и казнить его по собственной воле Ирод не мог). Август «уважил» просьбу тирана, сказав при этом слова, вошедшие в историю: «Гораздо лучше быть свиньей иудейского царя, чем его сыном!»

«Позаботился» Ирод и о том, чтобы в день его собственной кончины народ не радовался избавлению, а плакал – хотя бы поневоле. Для этого царь распорядился заманить знатнейших иудейских граждан в иерихонский цирк и убить их всех после собственной смерти. Последними словами тирана были: «Дабы не умереть мне неоплаканным…» Но, к счастью, предсмертная воля этого правителя так и не была исполнена.

В биографии Ирода существует очень сомнительное, с точки зрения современных исследователей, место. Традиционно считается, что на совести этого царя лежит так называемое избиение младенцев. Однако историки полагают – и надо сказать, не без основания, – что легенда о массовом убийстве детей в Вифлееме всего лишь… легенда! Дело в том, что сведения об этом ужасном злодеянии почему-то сохранились только в одном источнике – Евангелии от Матфея. Согласно ему, Ирод, опасавшийся, что Иисус свергнет его с престола, отдал приказ убить всех детей в возрасте до двух лет в Вифлееме и его пригородах. Но почему-то ни у других апостолов, ни в современных такому зверству хрониках и источниках нет ни единого упоминания об этом! А ведь даже в то варварское время

размах кровавого злодеяния весьма впечатлял… Молчит о массовом убийстве детей и дотошный иудейский историк Иосиф Флавий, люто ненавидевший Ирода и известный скрупулезностью, точностью и исторической достоверностью своих работ. Благодаря Флавию мы знаем о многих преступлениях тирана, так почему же он молчал о невинных младенцах? Может, потому, что в царствование Ирода никакого избиения детей не было?

Возможно, такая постановка вопроса покажется кощунственной, но все же! На совести полусумасшедшего правителя и без того реки крови, так стоит ли приписывать ему и чужие «заслуги»? Если посмотреть на факты непредвзято, без малого 70-летний старец (именно столько было Ироду в 4 году до н. э.), измученный страшными болями и осознающий, что стоит одной ногой в могиле, вряд ли мог испытывать страх перед конкурентом в виде новорожденного сына небогатой четы. К тому же полноправным властителем правитель Иудеи не являлся, и поэтому вынужден был утверждать все смертные приговоры у своего «начальства» – императора Августа. А тот никаких распоряжений на счет массового убийства детей никогда не отдавал, да и просто не допустил бы подобного зверства. Август становился относительно покладистым только в том случае, если речь шла о реальной угрозе власти, а не о мании… Самовольничать Ирод тоже не мог: такое преступление обязательно было бы упомянуто в римских хрониках, и к тому же повлекло бы за собой серьезную кару: спустя 10 лет после смерти Ирода его наследник поплатился троном за куда меньшие прегрешения.

Интересно, что Евангелие от Матфея имеет вполне очевидную перекличку с Торой – священной книгой иудеев. Исследователи полагают, что в некоторых случаях речь должна идти о прямом заимствовании. В первую очередь это касается избиения младенцев. Похоже, Матфей, описывая горе Вифлеемских матерей, пребывал под влиянием рассказа пророка Иеремии, сообщившего об участи детей, угнанных в Вавилон Навуходоносором. А поскольку волхвы откровенно ссылаются на Ветхий Завет, рождение Иисуса выглядит, как исполнение древних пророчеств. Не отсюда ли и своего рода воскрешение легенды о младенцах? Ведь таким же образом фараон хотел избавиться от маленького Моисея… Да и перепись населения заставляет задуматься о непричастности Ирода, по крайней мере к этому злодеянию. Ведь при нем никаких имперских переписей не проводилось вообще! Если верить евангелисту Луке, их ввели только в 6 или 7 году н. э., при прокураторе Квиринии (тогда

Ирода уже не было). Так что у тирана имеется железное алиби: по словам Матфея, преступление против младенцев было совершено в тот год, когда родился Иисус. То есть спустя четыре года… после смерти тирана! Так как же он мог отдать столь жестокий приказ? Из могилы?! Поэтому-то Лука ни словом не обмолвился о гибели малышей и о бегстве в Египет. Напротив, он говорит, что младенца Иисуса «принесли… в Иерусалим, чтобы представить перед лицом Господа». А такое было возможно лишь в том случае, если козни Ирода Великого Иисусу не угрожали.

Итак, один из самых кровавых правителей в истории, чье имя стало нарицательным при обозначении жестокости, умер в 4 году до н. э. – после более чем 33 лет правления. Похоронили сего библейского персонажа в крепости Иродион. Не так давно археологи обнаружили там несколько богатых захоронений, однако останков Ирода среди них не обнаружилось. Что случилось с прахом тирана – неизвестно.

КАПЛАН ФАННИ ЕФИМОВНА

Настоящее имя – Фейга Хаимовна Ройдман
(род. в 1890 г. – ум. в 1918 г.)

«Фиалка террора», совершившая, как считается, покушение на В. И. Ленина.

«Я сегодня стреляла в Ленина». Эти слова, произнесенные Фанни Каплан 30 августа 1918 года в 23 ч 30 мин на допросе в Замоскворецком военном комиссариате, положили началу мифу об этой женщине, самом этом событии и о партии эсеров, «подло стрелявшей рукой Ф. Каплан в спину вождя мирового пролетариата». И еще, уже далеко не мифичное, это событие привело к жуткой действительности под названием «красный террор». Тут уж нужно думать, кто же больший террорист: стрелявшая ли на самом деле Ф. Каплан, эсеры или верхушка большевистской партии. Судя по всему, эта несчастная молодая женщина (всего-то 28 лет), отсидевшая почти половину жизни на каторге, оказалась втянута в омут заговора, созревшего в верхушке партии большевиков и направленного против ее

создателя – Ленина. Революция пожирает своих детей – разве это новость в истории? Два события, инициированные Лениным – разгон Учредительного собрания и мир с немцами, – привели к поляризации общества и Гражданской войне и поставили саму правящую партию на грань раскола. Ленин стал мешать! Он привел большевиков к власти и теперь должен был уйти. Но об этом позже.

Советская литература и кинематография запечатлели образ Фанни Каплан, прямо скажем, малопривлекательным: чудаковатая оборванка с постоянной папиросой в зубах, в стоптанных башмаках с торчащими из подошвы гвоздями, с портфелем и зонтиком в руках. Такой она, мирно стоявшая под деревом, предстала в момент задержания. Сопротивления Каплан не оказала, а то, что происходило потом, даже после ее расстрела (настоящего или мнимого), ничего кроме удивления и недоумения вызвать не может.

На первом допросе Ф. Каплан о себе рассказала совсем немного. Да, собственно, что могло быть такого в ее куцей биографии? Родилась Фейга Хаимовна Ройдман (таково ее настоящее имя) в 1890 году в Волынской губернии. Фанни Каплан она станет только через 16 лет, когда при аресте полиция обнаружит у нее фальшивый паспорт на это имя. Под этим именем она пойдет на каторгу, под этим именем она войдет в историю. Фанни – в переводе с еврейского «фиалка», и как «фиалка террора» она уже многие десятилетия числится в истории русской революции. Семья ее, как и большинство еврейских семей, была многочисленной: кроме самой Фанни, еще три девочки и четыре мальчика. Отец ее работал учителем в еврейской начальной школе, так что особого достатка в семье не было. Начальное образование Фанни получила дома, от отца. А дальше, с началом революции 1905–1907 годов, началась революционная биография, впрочем, такая же куцая и несуразная.

В 1905 году Фанни примкнула к анархистам и стала известна в этих кругах под именем Дора. Задание ее, первое и, пожалуй, последнее – убийство киевского генерал-губернатора. Ничего из этого не получилось, зато открылся путь на каторгу.

Вечером 22 декабря 1906 года в одном из номеров 1-й купеческой гостиницы на Подоле в Киеве прогремел взрыв. В этом номере уже три дня проживали Фанни и ее кавалер. Мужчина после взрыва исчез, а девушку задержали. При обыске у нее обнаружили браунинг, чистый бланк паспортной книжки и фальшивый паспорт на имя Каплан. При взрыве она получила легкие ранения руки, ягодицы и левой ноги. Назвать свое настоящее имя новоявленная террористка отказалась и 30

декабря 1906 года под фамилией Каплан предстала перед военно-полевым судом. Приговор был жестокий – смертная казнь. Но поскольку Фанни была несовершеннолетней, его заменили пожизненной каторгой за хранение взрывчатых веществ «с противною государственной безопасности и общественному спокойствию целью». Вначале, до 1911 года, она содержалась в Мальцевской каторжной тюрьме. Фанни и представить себе не могла, что в тюрьме может быть так тяжело.

Летом 1908 года у Каплан вдруг произошло непонятное для всех расстройство зрения. После страшных головных болей она полностью ослепла. Через три дня зрение вернулось, но вскоре припадок повторился, и она утратила зрение надолго. Прежде довольно бодрая, она замкнулась в себе, отказалась от прогулок и даже обсуждала с некоторыми сокамерницами способы самоубийства. Администрация тюрьмы, ранее считавшая, что Фанни симулирует, теперь поместила ее в тюремный лазарет, где она под присмотром надзирательниц находилась почти весь 1910 год. Никто не мог понять причин случившегося. Некоторые считали, что это результат черепно-мозговой травмы, полученной при взрыве бомбы в 1906 году. Может быть, и так, но здесь стоит вернуться в тот год и к тому человеку, который скрылся после взрыва. Дело в том, что после осуждения Каплан полиция не закрыла дело о взрыве. Она разыскивала проживавшего у нее в номере по фальшивому паспорту на имя Зельмана Тома то ли румына, то ли выходца из Бессарабии, который уже ранее находился в розыске после ограбления вооруженной бандой магазина в Кишиневе. Еще раз он отличился там же при ограблении банкирской конторы. В подпольных кругах его знали под кличками Сашка-белогвардейщик, Реалист, З. Тома, Я. Шмидман. Человек этот являлся членом Южнорусской группы анархистов-коммунистов. В 1908 году его все же арестовали в Одессе. При задержании он оказал вооруженное сопротивление и ранил двух городовых и сторожа. Трех участников банды приговорили к повешению, а Шмидмана (под таким именем он предстал перед судом) как несовершеннолетнего – к тюремному заключению сроком на 12 лет. Через четыре месяца тюрьмы он вдруг неожиданно дал показания о взрыве в Киеве, подчеркнув, что Ф. Каплан непричастна к случившемуся и что бомбу принес он. Однако проверка его показаний затянулась, а затем и вовсе прекратилась. Тогда Шмидман задумал вооруженный побег, но он был пресечен в конце 1908 года. Интересно, что при обыске в его камере были обнаружены две упаковки цианистого калия и шифрованная переписка. Вполне возможно, что Фанни узнала о признании своего друга и рассчитывала на перемены в своей

судьбе. Когда же ничего не произошло, у нее и начались непонятные для всех припадки с потерей зрения: очевидно, охватило отчаяние и чувство обреченности.

В 1911 году «бессрочницу» Каплан из Мальцевской тюрьмы отправили в Акатуй, на Нерчинскую каторгу – самую страшную в России. И не просто отправили, а в ручных и ножных кандалах. В Акатуе она познакомилась с известной деятельницей революционного движения Марией Спиридоновой и под ее влиянием из анархистки превратилась в эсерку. Однако вскоре незрячую узницу поместили в лазарет, где находились больные прогрессивным параличом, слабоумием, скоротечной чахоткой. Здесь уже было не до идей: ни до анархистских, ни до эсеровских. Полная безысходность. Положение стало меняться с 1912 года, когда врач, инспектировавший пенитенциарные учреждения Нерчинского края, осмотрел Фанни и, увидев, что ее зрачки реагируют на свет, посоветовал перевести Каплан в Читу. В следующем году, после амнистии в связи с 300-летием дома Романовых, пребывание Фанни на каторге сократили до 20 лет, а затем положили ее в специальную лечебницу, где ее зрение стало улучшаться. Родители Каплан к тому времени эмигрировали в США, а ей самой пришлось оставаться на каторге до Февральской революции 1917 года.

После освобождения Фанни некоторое время жила в Чите, а в апреле переехала в Москву. Здоровья не было, зрение не восстанавливалось. Товарищи по партии эсеров отправили ее подлечиться в Евпаторию, где Временное правительство, проявив заботу о жертвах царизма, открыло санаторий для бывших политкаторжан. Затем она приехала в Харьков, в клинику известного офтальмолога Л. Л. Гиршмана, где ей была сделана операция на глазах. Здесь Каплан и застало известие об Октябрьском большевистском перевороте. Из Харькова Фанни вновь переехала в Крым и некоторое время вела в Симферополе курсы по подготовке работников волостных земств.

А дальше была Москва. Как попала туда Каплан и чем занималась до 30 августа 1918 года, неизвестно. Здесь, пожалуй, уместно будет опять упомянуть о ее дружке по киевскому делу – Я. Шмидмане. В марте 1917 года он вышел из тюрьмы. Оказалось, что его настоящее имя – Виктор Гарский, родом он из молдавского местечка Ганчешты (ныне Котовск). После большевистского переворота этот бывший анархист вдруг стал комиссаром продотряда в Тирасполе и до 28 августа 1918 года находился в одном из одесских госпиталей на излечении после ранения. Здесь он пытался восстановить свои прежние связи, а 28 августа, оставив относительно сытую Одессу, вдруг рванул в

Москву. До покушения на Ленина оставалось 48 часов. В Киеве Тарскому пришлось задержаться из-за каких-то проволочек в российском генеральном консульстве в Украине. Так что в Москву он приехал только после 17 сентября и сразу попал на прием к Я. М. Свердлову. Так ли уж просто было попасть на прием к самому председателю ВЦИК, к главе государства? Дальше – больше. Сразу последовало назначение Тарского комиссаром Центрального управления военных сообщений и вступление в РКП(б) без кандидатского стажа. Интересно, за какие ж это заслуги такие милости? Пережив все невзгоды и репрессии, Гарский благополучно дожил до 1956 года. А Фанни Каплан?

30 августа 1918 года Ленин должен был выступать на нескольких митингах. Последним значился митинг на заводе Михельсона в Замоскворецком районе. Накануне в Петрограде произошло убийство председателя петроградской ЧК Урицкого. Убийцу, кстати, не задержали. Родственники Ленина очень не хотели, чтобы он ехал в тот день выступать, тем более почему-то без охраны. Но он все равно поехал. На заводе Ленин был уже поздно вечером, говорил почти час. А около 23 часов, когда он уже находился на выходе, прогремели три выстрела. Одна из пуль угодила под левую лопатку. Ленин упал на землю лицом вниз. Никто еще толком не осознал, что произошло, но совершенно достоверно известно, что минут за двадцать до случившегося (!) председатель ВЦИК Свердлов подписал постановление «Всем советам рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов, всем армиям, всем, всем, всем»: «Несколько часов тому назад совершено злодейское покушение на тов. Ленина… Мы не сомневаемся в том, что и здесь будут найдены следы эсеров, следы наймитов англичан и французов». В этом постановлении поражают и время, и прямое указание на виновников. А ведь Каплан еще не была арестована и никаких допросов еще не проводилось!

Но вернемся к заводу Михельсона. После выстрелов люди в панике начали разбегаться в разные стороны. Шофер Ленина Гиль бросился к нему. Далее нужно процитировать самого Гиля: «…Я увидел сбоку, с левой стороны от него, на расстоянии не более трех шагов, протянувшуюся из-за нескольких человек женскую руку с браунингом, и были произведены три выстрела, после которых я бросился в ту сторону, откуда стреляли. Стрелявшая женщина бросила мне под ноги револьвер и скрылась в толпе… При мне револьвер никто не поднял… Поправляюсь: после первого выстрела я увидел женскую руку с браунингом». Надо сказать, что, поскольку все происходило ночью, ни один из

допрошенных свидетелей человека, стрелявшего в Ленина, в лицо не видел. А кроме этого в показаниях фигурируют два орудия покушения – браунинг и наган. И наконец, если Каплан, как потом утверждали, стояла слева, то ранить подходившего к подножке машины Ленина в спину она никак не могла. И тем не менее, из многих бежавших по улице, уже далеко от завода, комиссар С. Н. Батулин задержал именно ее. Следственной комиссии он показал: «На Серпуховке… позади себя около дерева я увидел с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования, запуганного и затравленного… Я, обыскав ее карманы и взяв ее портфель и зонтик, предложил ей пойти со мной… На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в тов. Ленина». Итак, достаточно одного испуганного вида (ночью да сослепу), достаточно, чтобы кто-то (неизвестно кто) узнал… Но ведь ни слова не сказано об оружии!

В 23 ч 30 мин в Замоскворецком военном комиссариате начался первый допрос Фанни Каплан. Протокол она подписать отказалась, но заявила: «Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному убеждению». Есть данные, что на этом допросе присутствовал Свердлов, задавший ей несколько вопросов: «Кто поручил вам совершить это неслыханное злодеяние? Вы эсерка? Агент мирового империализма?» На этом допросе Каплан не признала, что является членом партии эсеров, но ведь обвинение против этой партии уже было выдвинуто! Тут-то все понятно. Большевикам вообще никакие другие партии в стране не были нужны, а тем более имеющая боевое прошлое и выступающая с критикой их политики. На последующих допросах Каплан заявила, что решение о покушении на Ленина она приняла еще в феврале 1918 года в Симферополе, что она отрицательно относится к захвату большевиками власти, стоит за созыв Учредительного собрания (разогнанного большевиками), считает Ленина предателем революции, уверена, что его действия «удаляют идею социализма на десятки лет». Однако все это только слова, а вот с доказательствами оказалось туговато. Выяснилось, что подробностей покушения она не знает: «Сколько раз я выстрелила – не помню… Из какого револьвера я стреляла, не скажу», – и, вообще, ее задержали «у входа на митинг». У входа, а не у выхода – митинг же к тому времени закончился. Да и как же быть с показаниями Батулина и других свидетелей? И как вообще эта полуслепая женщина в такое время суток смогла так точно стрелять? Где и когда она этому успела научиться? Следствие на эти несуразности внимания не обращало – сама

ведь призналась. Но как быть с орудием преступления? При обыске у Каплан не обнаружили ни револьвера, ни браунинга. Их найдут позже и совсем не у нее.

1 сентября заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс сообщил в «Известиях ВЦИК», что арестованная – эсерка и что в покушении участвовала группа лиц. В течение четырех дней было допрошено свыше 40 свидетелей. Некоторые из них утверждали, что стрелял мужчина. Саму же Каплан перестали допрашивать еще 31 августа.

Теперь об оружии. 2 сентября рабочий А. В. Кузнецов принес в ВЧК найденный им «тот» револьвер. В нем не хватало трех патронов… Через год в ВЧК поступил донос на Зинаиду Легонькую, кстати, сотрудницу ВЧК, что якобы именно она стреляла в Ленина. Действительно, Легонькая после покушения была возле завода Михельсона и потом сопровождала на Лубянку раненую женщину. Она же участвовала в обыске Каплан. Но ведь оружия тогда не нашли! А теперь после обыска на квартире Легонькой нашли. Объяснение, которое она дала, довольно-таки дикое для сотрудницы ВЧК. Легонькая заявила, что нашла браунинг в портфеле Каплан и решила оставить себе на память как сувенир. Трудно себе представить, что должны были с ней тогда сделать за это. Действительно трудно: ее… отпустили.

После первых допросов на Каплан перестали смотреть как на организатора покушения. Это вытекало из содержания вопросов, которые ей задавали. Однако ее упрямо выставляли террористкой-одиночкой. Вполне возможно, что она не стреляла, но также возможно, что она действительно участвовала в этом деле. Только роль ее иная. Скорее всего, Каплан должна была отслеживать перемещения Ленина в тот день, чтобы знать наверняка, будет ли выступать он на митинге, и передать сообщение исполнителям. По собственным показаниям Фанни, она приехала «на митинг часов в восемь». Именно тогда многочисленные свидетели и видели эту странную, а потому легко запоминающуюся женщину. Но кто же являлся организатором теракта? Следствие, столь короткое, на этот вопрос ответа не дало, зато начались какие-то странности. 31 августа был арестован и расстрелян заместитель командира отряда ВЧК А. Протопопов. В тот же день был проведен последний допрос Каплан на Лубянке. На следующий день комендант Кремля П. Д. Мальков перевез ее с Лубянки в Кремль. Тут-то и начались новые вопросы. За что расстреляли Протопопова, кстати, бывшего эсера? Кто приказал перевести Каплан из ВЧК – неужели там подвалы были ненадежны? И здесь ниточки вновь сходятся к Свердлову. Приказ коменданту Кремля

мог дать только хозяин Кремля. А им был Свердлов. Власть его тогда была огромна и в государстве, и в партии: председатель ВЦИК, председатель Политбюро и ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б). Теперь же, после ранения Ленина, он по очереди с А. И. Рыковым председательствовал в Совнаркоме. Да это же почти абсолютная власть. Нужен ли был ему Ленин? «Вот, Владимир Дмитриевич, – как-то заявил он В. Бонч-Бруевичу, – и без Владимира Ильича справляемся». Все это Якову Михайловичу еще аукнется. Вскоре после выздоровления Ленина и их беседы с глазу на глаз Свердлов внезапно умрет – якобы от «испанки». Не нужно идеализировать отношения, сложившиеся в верхушке большевистской партии, показанные в фильмах и литературе. Дорвавшись до власти, «пламенные революционеры» вели себя, как пауки в банке. Об этом свидетельствует вся история коммунистического режима. Только Фанни Каплан легче от этого не стало. 3 сентября 1918 года (какая поспешность!) тот же комендант Мальков получил приказ о ее расстреле. Мальков никакого отношения не имел к расстрельным делам. Он по должности своей не мог и не имел права этого делать. Однако сделал. Труп вроде бы сожгли в бочке. Это впоследствии породило различные легенды, среди которых – что расстрелянная женщина вовсе не Каплан; ее тайно помиловали и в 1930-е годы видели в различных местах.

На следующий день «Известия ВЦИК» сообщили, что «по постановлению ВЧК расстреляна стрелявшая в тов. Ленина правая эсерка Фанни Ройдман (она же Каплан)». Да, по постановлению, а не по приговору суда, расстреливали почему-то не чекисты. Сидевшая в это время в московской тюрьме Мария Спиридонова, узнав о казни, написала Ленину: «Как это было возможно для вас, как не пришло вам в голову, Владимир Ильич, с вашей большой интеллигентностью и вашей личной беспристрастностью, не дать помилования Доре Каплан? Каким неоценимым могло быть милосердие в это время безумия и бешенства, когда не слышно ничего, кроме скрежета зубов».

Однако с расстрелом Каплан дело закрыто не было. В 1922 году был инсценирован открытый судебный процесс над партией эсеров, на котором выяснилось, что покушение на Ленина готовили внедренные в партию эсеров сотрудники ВЧК Г. И. Семенов-Васильев и Л. В. Коноплева. Последняя дала показания о подготовке ЦК партии эсеров террористических актов против Володарского, Урицкого, Троцкого, Зиновьева и Ленина. Этим она подписала смертный приговор руководству партии. Но тогда получается, что организацией покушения на Ленина занималась ВЧК, а Каплан работала под руководством чекистов. Что же

случилось с Семеновым и Коноплевой по окончании процесса? Да ничего, кроме продвижения по службе. Они еще дадут компрометирующие данные на Н. И. Бухарина – его ведь в 1937 году тоже обвинили в организации покушения на Ленина, и он, кстати, не особенно от этого отказывался, – и будут расстреляны в том же 1937 году.

В середине 1990-х годов была предпринята попытка пересмотреть дело Каплан. Но, как и в 1918 году, все спустили на тормозах. Так что еще, видимо, долго будет считаться Фанни Каплан «фиалкой террора» – она стреляла в сердце революции.

КАСПАРОВ ГАРРИ КИМОВИЧ

Настоящее имя – Гарри Кимович Вайнштейн
(род. в 1963 г.)

Известный шахматист, гроссмейстер. Самый молодой в истории шахмат чемпион мира, многократно завоевывавший это звание. Семикратный олимпийский чемпион. Публицист, политик и финансист.

Творческий взлет Каспарова удивителен. Уже в шестнадцать лет он становится чемпионом мира по шахматам среди юношей, в семнадцать – получает звание гроссмейстера, а в двадцать два – становится чемпионом мира среди взрослых. Регалии этого выдающегося шахматиста можно перечислять очень долго. Например, он пятнадцать лет удерживал звание чемпиона мира, а приз «Шахматный Оскар» получал девять раз. Конечно, время идет, появляются новые чемпионы, но не стоит забывать и тех, кто много лет составлял элиту международного спорта.

Гарри Кимович родился 13 апреля 1963 года в г. Баку. Его отец, Ким Моисеевич Вайнштейн, был по специальности

инженером-энергетиком. Мать, Клара Шагеновна Каспарова, фамилию которой Гарри позже взял, долгое время работала старшим научным сотрудником Азербайджанского научно-исследовательского электротехнического института.

Отец Гарри Каспарова был очень разносторонне развитым человеком, любил искусство, неплохо играл в шахматы. Мальчик научился играть в шахматы очень рано, наблюдая за игрой своих родителей. Когда встал выбор – заниматься шахматами или музыкой, отец, заметивший у сына аналитические способности, решил, что надо сделать выбор в пользу шахмат. Гарри начал серьезно заниматься шахматами в бакинском Дворце пионеров. Он отличался большим трудолюбием и именно этим обратил на себя внимание тренера, Олега Приворотского. Занятия во Всесоюзной школе экс-чемпиона мира Михаила Ботвинника дали Каспарову понимание стратегии игры и развили заложенные в нем аналитические способности. Впервые на серьезных соревнованиях Гарри проявил себя в 1973 году – тогда он в составе команды Азербайджана выступил на Всесоюзных молодежных играх в Вильнюсе. После этого Гарри уверенно выиграл юношеские чемпионаты СССР в 1976 и 1977 году. Фактически уже в это время он играл как мастер. Официально же это звание он получил после победы в 1978 году на Мемориальном матче памяти А. Сокольского. Уже через два года после этого Каспаров становится чемпионом СССР – самым молодым за всю историю.

К восемнадцати годам у Гарри уже был впечатляющий комплект шахматных наград и званий. Кроме этого он имел и золотую медаль за отличное окончание средней школы. И вот впереди осталась одна, но самая заветная цель – стать чемпионом мира. Колоссальный многолетний труд дал результаты: Каспаров побеждает в матчах претендентов и получает право на матч за мировое первенство, который и состоялся в 1984 году между ним и тогдашним чемпионом мира Анатолием Карповым. По драматизму борьбы и накалу отнюдь не спортивных страстей этому матчу нет равных до сих пор. Соперники «доигрались» до того, что президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес вынужден был прервать поединок без объявления результата. Новый матч, который начался 1 сентября 1985 года в Москве, принес Каспарову долгожданный чемпионский титул – тринадцатый в истории шахмат.

Однако Карпов не опустил рук и продолжил борьбу. Он попытался взять реванш через год, однако снова был побежден. И так продолжалось до 1990 года, когда Карпов проиграл последний, пятый матч и выбыл из борьбы за мировое первенство.

Одной из главных черт характера Каспарова является способность преодолевать трудности, невзирая на противодействие. Для того чтобы отточить свое и так незаурядное мастерство, он устраивал сеансы одновременной игры с национальными сборными Германии, Швейцарии, Аргентины, Израиля. И во всех побеждал.

В 1988–2000 годах Каспаров становится победителем многочисленных турниров и матчей. В результате серии побед в супертурнирах 1999 года его рейтинг поднялся до отметки 2851 единиц (рейтинг Эло – основной в современных шахматах показатель силы игры шахматиста). И это при том, что до сих пор никому не удалось преодолеть рубеж в 2800 единиц.

Выйдя в 1993 году из ФИДЕ, Каспаров спровоцировал серьезный раскол в среде шахматистов. Он создал альтернативную ФИДЕ Профессиональную шахматную ассоциацию, начавшую проводить международные соревнования и организовавшую розыгрыш мирового первенства 1995 года. После ее распада целых пять лет никто не брался организовать поединок за шахматную корону против Каспарова. Получилось, что пять лет чемпион почивал на лаврах, не отстаивая свой титул. И вот в 2000 году английская компания Brain Games Net Work организовала такой матч. Впервые претендента не определяли путем проведения предварительных отборочных игр, а назначили по желанию спонсоров. Таких претендентов изначально было два – Ананд и Владимир Крамник, но Ананда не устроили условия поединка. Матч состоялся в ноябре 2000 года. Каспаров потерпел поражение и уступил чемпионский титул Крамнику. Несмотря на внешне хорошие отношения с соперником, Каспаров регулярно критикует его за отказ от матча-реванша.

Гарри Кимович вообще в последние годы больше критикует, чем играет. С его точки зрения, весь мир плох и становится все хуже. Каспаров не сотрудничает с ФИДЕ, обвиняя ее президента Кирсана Илюмжинова в развале организаторской деятельности. Своих коллег-гроссмейстеров обвиняет в излишней любви к деньгам, заставляющей их выступать в чемпионате мира по версии ФИДЕ. При этом он ратует за профессионализацию спорта и стремится контролировать призовой фонд своих матчей. В начале 2003 года Каспаров попытался заключить контракт на матч за звание чемпиона мира с Русланом Пономаревым, официальным чемпионом по версии ФИДЕ. Несмотря на предполагавшуюся честную борьбу, включавшую еще и полуфинальный матч между Крамником и Петером Леко, Пономареву предложили подписать контракт, где указывалось, что его матч с Каспаровым является матчем за чемпионское

звание. Не договорившись об устраивающих обеих соперников условиях, адвокаты Пономарева не пошли на подписание контракта, в результате чего матч был сорван. Хотя возможно, если стороны сумеют договориться, он все-таки произойдет.

Противостояние Каспарова и ФИДЕ продолжается. И от этого проигрывают зрители, ради которых, собственно, и выступают спортсмены. Трудно представить дальнейшие чемпионаты мира, проводимые ФИДЕ, без Каспарова и Крамника. Да и им могут надоесть игры между собой.

Каспаров активно занимался и занимается пропагандой шахмат, а также сочетания шахматного искусства с новейшими технологиями. Огромную популярность снискали проведенные в 1996 году в Филадельфии и в 1997 году в Нью-Йорке матчи против суперкомпьютера Deep Blue, созданного компанией IBM. Игра Каспарова стала демонстрацией огромных возможностей человека, несмотря на итоговый проигрыш. Кстати, преемник Каспарова по чемпионскому титулу Владимир Крамник в ноябре 2002 года также не смог выиграть у компьютера, сведя партию вничью при счете 4:4.

Гарри Кимович – активный сторонник использования системы Интернет для прямой трансляции соревнований, организации учебного процесса, активной рекламы шахмат. Шахматный сайт «Клуб Каспарова», созданный в 1998 году, сейчас достаточно популярен. Во время матча «Каспаров против всего мира», организованного в 1999 году компанией Microsoft, сайт посетило более трех миллионов человек.

18 ноября 2003 года со счетом 2:2 закончился матч между Гарри Каспаровым и шахматным компьютером X3D Fritz. Поединок транслировался в сети Интернет в режиме реального времени. Одной из основных особенностей этого матча было то, что игра шла на виртуальной доске, которую гроссмейстер видел при помощи специальных очков, дающих трехмерное изображение. Как раз необычность и трудность условий, в которых проходил матч, и была выдвинута Каспаровым как аргументация поражения в двух партиях. На пресс-конференции после матча он заявил, что устроителям не удалось создать равные условия для участников, подразумевая в первую очередь себя. «По-моему, человеку должно было быть предоставлено больше времени», – заявил он. Однако, несмотря на поражение, призовой фонд матча в размере 250 тысяч долларов Каспаров и разработчики Fritz разделили поровну.

Несмотря на то что в жизни Каспарова шахматы занимают основное место, ими она все-таки не ограничивается. Он предпочитает гармонично совмещать спорт, семью и даже

политику. Правда, с разным успехом.

Любой спорт дается ему легко. Каспаров с удовольствием играет в футбол, теннис, занимается гимнастикой и бегом, плавает.

Своей семейной жизнью Гарри полностью доволен. Он второй раз женат, его супругу зовут Юлия. В 1996 году у них родился сын Вадим. От первого брака у него дочь Полина (1993 г.).

А вот попытки Каспарова заняться политикой не очень удались. Когда в 1991 году шахматист, неожиданно для своих поклонников, пошел в политику, он считал, что может повлиять на ситуацию в стране. Он стал председателем московской городской организации Демократической партии России. Потом объявил о создании собственной Либерально-консервативной партии. Но с годами нарастало разочарование, и постепенно Гарри Кимович отошел от активного участия в общественной жизни, а затем и окончательно оставил большую политику.

Сейчас Каспаров в интервью заявляет, что полностью разуверился в реформах, не хочет иметь никаких дел с Россией и все его интересы – за рубежом. Вообще с годами отзывы Каспарова о России становятся все резче. С его точки зрения, шахматы здесь умерли. Экс-чемпион, видимо, за что-то обижен на страну, которая вырастила из него гроссмейстера. Ну что ж, каждый имеет право на свое мнение. А мнения у Гарри Кимовича порой очень любопытные, как отмечал в начале 1990-х годов немецкий журнал «Спорт-ревю». Журнал решил создать портрет идеального чемпиона. И головой такого чемпиона, по мнению журнала, должна была стать голова Гарри Каспарова. В журнале отмечалось, что на тренинг мысли у Каспарова уходит по 6–8 часов в день, зато эти мысли оригинальные, а подчас – парадоксальные.

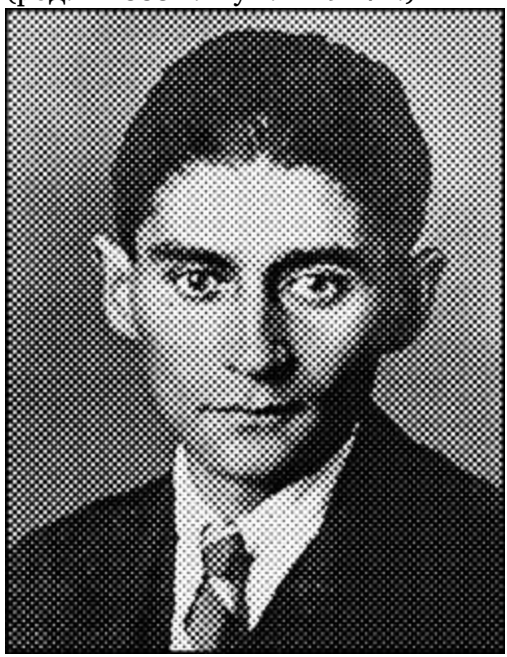
Эту парадоксальность мыслей Каспаров блестяще подтвердил, заинтересовавшись новой для себя областью деятельности – историей. Он написал в журнал «Огонек» статью, посвященную так называемой «новой хронологии». В этой статье он с апломбом любителя «разгромил», как он считал, профессионалов от истории. И все было бы ничего, если бы Гарри в исследовательском порыве не объявил себя буквально основателем и первооткрывателем жанра, по случайности забыв упомянуть действительных авторов широко разрекламированной им теории – ученых-математиков Носовского и Фоменко. А по уровню научного невежества он далеко превзошел даже этих реформаторов, чем блестяще подтвердил народную пословицу: «Не в свои сани не садись».

Несмотря на неудачи и разочарования последних лет, Гарри

Каспаров пока не думает уходить на покой из большого спорта. Он собирается бороться за будущее шахмат, за их внедрение в систему образования. С этой целью он даже занялся писательским трудом. Сейчас Каспаров работает над пятитомным изданием «Мои великие предшественники».

КАФКА ФРАНЦ

(род. в 1883 г. – ум. в 1924 г.)



Австрийский писатель. Гротескные романы-притчи «Процесс», «Замок», «Америка»; новеллы, рассказы, притчи; дневники.

Писательская судьба Франца Кафки сложилась так же необычно, как и вся его короткая и трагическая жизнь. Автор трех романов, два из которых остались неоконченными, нескольких десятков новелл, притч и рассказов спустя полвека после своей смерти стал одним из почитаемых мировых классиков. Наряду с Джойсом, Прустом и Музилем он определил главные тенденции прозы XX столетия, которую условно называют «модернистской». Исследования и комментарии, касающиеся произведений Кафки, давно уже по объему превысили все, что он написал. И все же феномен загадочного австрийца так до конца и не осмыслен критиками. Определенно можно сказать лишь то, что творчество Кафки в полной мере отразило как личную драму писателя, так и мировые потрясения начала XX века, которые были неведомы

предыдущим поколениям.

Франц Кафка родился 3 июля 1883 года в Праге, бывшей в 80-е годы XIX в. одним из культурных центров Австро-Венгерской империи. Отец Франца, еврейский торговец галантереей, пробил себе дорогу в коммерции благодаря исключительно деловой хватке. Это был властный и строгий человек, требовавший от всех членов семьи полного подчинения и дисциплины и желавший приобщить детей к какой-либо серьезной профессии. Франц же был больше склонен к созерцательности, сосредоточенности на внутренних переживаниях. Конфликты с отцом, требовавшим ответственного отношения к делам фирмы, угнетали будущего писателя и в отрочестве, и в юности. Коммерцию он считал для себя занятием чуждым и непосильным, что давало повод родителям видеть в сыне неудачника и отступника от семейных традиций.

Окончив немецкую школу, Кафка под давлением отца вынужден был поступить на юридический факультет Пражского университета. После нескольких лет учебы он начал работать в страховой конторе мелким служащим. Спасение от однообразной, тоскливой жизни и одиночества (а Кафка в молодые годы практически не имел друзей) будущий писатель увидел в искусстве, высшей, на его взгляд, реальности, которая является единственным убежищем для мыслящей личности. Но, уходя от мира внешнего в область творчества, он не мог уйти от тревоги и страха, владевших им постоянно. В своих дневниках 25-летний Франц писал: «Для меня это ужасная двойная жизнь, из которой, возможно, есть только один выход – безумие».

В эти годы Кафка открывает для себя Кьеркегора, Гоголя, Достоевского, Гофмана, Диккенса. От их произведений он унаследовал духовное и физическое смятение человека перед суровой реальностью жизни, оторванность личности от общества. Но было и свое, выстраданное в собственном сердце – это ощущение фантасмагоричности, абсурдности бытия, в котором человек не может понять, что вокруг происходит, каковы истинные отношения между людьми, порождающие обостренное чувство несвободы.

Первые публикации Кафки появились в 1908 году. В журнале «Гиперион» были опубликованы два небольших рассказа. Затем вышли сборники притч «Созерцание», «Кочегар», новеллы «Превращение», «Приговор», сборник новелл «Голодарь» и сборник рассказов «Сельский врач». Новеллы и притчи были встречены критиками и читателями с интересом. Молодой писатель даже удостоился премии Фонтане – одной из высших литературных наград в Германии.

Для Кафки собственное творчество, как и искусство в целом, было более реальной категорией, чем сама жизнь. Он рано нашел приемлемую для него форму повествования – притчу, которая преобразуется в художественную метафору. За видимой достоверностью и внешней простотой его новелл и притч скрывались глубинные символы, поражающие абсолютной ирреальностью. Человек для Кафки – незащищенное существо, теряющее силы перед чем-то необъяснимым и более мощным, чем его воля. В письме к своему другу Оскару Поллаку он так объяснял свое мироощущение: «Беспомощные, мы поистине подобны детям, заблудившимся в лесу. Не должны ли мы поэтому, мы, все люди, держаться друг перед другом с таким же почтением, серьезностью и любовью, как перед вратами ада?»

Эта беспомощность перед действительностью вообще и перед безжалостной судебной машиной в частности явственно обозначилась в самом знаменитом романе Кафки «Процесс». Некоего Йожефа К., работавшего банковским служащим, однажды утром арестовывают неизвестные власти, не предъявляя, собственно, никаких обвинений. Неприметный банковский служащий втягивается в судебный процесс, который еще более загадочен, чем сами причины ареста. Жертва этого действа полностью лишена возможности защищаться и не понимает, что происходит в недрах суда, кто творит этот суд и какова роль этого суда в судьбе обвиняемого.

В зале заседаний темно, из речей обвинителей и адвокатов ясно только то, что Йожеф К. в чем-то виноват. Но сама атмосфера суда настолько загадочна и нереальна, что он вообще перестает понимать, что происходит, и судят ли его на самом деле…

Процесс длится достаточно долго, но в какой-то момент к Йожефу К., уже готовому согласиться с любым приговором, являются два опереточного вида вежливых господина и приглашают следовать за ними. С величайшей учтивостью они ведут его в глухое предместье и закалывают обыкновенным мясницким ножом.

В чем вина Йожефа К., читатель никогда и не узнает, поскольку мысль Кафки развивается в метафорическом ключе: виновен каждый появившийся на свет человек. Зло невозможно преодолеть, какая-либо борьба с ним бессмысленна, жизнь превращается в поток событий, недоступных для понимания человека.

Идею абсурдности человеческих устремлений писатель развивал и в следующем своем романе «Замок». Землемер К., прибывший в некую местность, всеми силами стремится

приблизиться к загадочной и всевластной Силе, воплощенной в Замке. Все жители деревни находятся в подчинении властей Замка, хотя никто и никогда этих властей не видел. Как и Йожеф К., землемер капитулирует перед бесчеловечностью и бессмысленностью жизни.

Потребность в писательстве, сопровождаемая аскетизмом, отвращала Кафку от естественных мирских желаний. Семья настаивала на женитьбе, обретении хотя бы некоторого положения в обществе. Но душа Франца восставала против брачного союза: «Мне кажется невероятным, что я научусь жить с кем-то вместе. Мне надо много быть одному. Все, что мною создано, – это плоды одиночества. Все, что не относится к литературе, я ненавижу, оно мне надоедает. Страх перед соединением, растворением. Тогда я уже не буду один». Размышляя о собственном творчестве, Кафка приходил к выводу, что его душевное состояние нарушилось, он перестал воспринимать реальность, как нормальные люди. Строки из его «Дневников» наглядно отражают эту внутреннюю борьбу: «Я не могу спать. Только видения, никакого сна. Странная неустойчивость всего моего внутреннего существа. Чудовищный мир, который я ношу в голове. Как мне от него освободиться и освободить его, не разрушив?»

Счастливые и спокойные дни были для Кафки редкостью. Исключением можно считать 1911–1912 годы, когда он путешествовал по Италии, Франции и Германии.

В 1912 году к нему пришло и первое серьезное любовное увлечение: он познакомился с Фелицей Бауэр, стенографисткой из магазина. Между молодыми людьми возникла переписка, а затем и дружба, приведшая к тому, что Кафка сделал Фелице предложение. Девушка согласилась выйти за него замуж, но свадьба так и не состоялась. В одном из писем Франц признался своей подруге: «Мне препятствием служит страх перед возможностью быть счастливым». Тем не менее, через несколько месяцев он снова предлагает ей выйти за него замуж. Но снова происходит разрыв.

Всю жизнь Кафка боялся стать благополучным буржуа и окончательно связать себя узами брака. Даже когда он испытал глубокое чувство к чешской журналистке Милене Есенской, с которой познакомился в 1920 году, то и тогда его не оставляло душевное смятение. В одном из писем к Милене у Кафки вырвалось признание: «Куда я ни оглянусь, отовсюду мне бьет навстречу черная волна. Я болен душевно, легочное заболевание есть только вышедшая из берегов душевная болезнь. Вдобавок я люблю даже не тебя, а мое, через тебя мне подаренное бытие».

Упомянутое легочное заболевание – туберкулез, которым Кафка страдал с молодых лет.

В сентябре 1923 года Кафка уезжает в Берлин к Доре Димант, юной, очаровательной девушке, с которой он познакомился в пансионате отдыха Еврейского дома. С Дорой, которая фактически стала его женой, Кафка обрел наконец-то душевный покой и был счастлив последние месяцы своей жизни. Кстати, официальной регистрации брака помешало противодействие отца Доры, для которого Кафка не был достаточно благочестивым евреем.

Спустя шесть месяцев после приезда Кафки в Берлин его здоровье резко ухудшилось, лечение, к сожалению, не давало положительных результатов. Три месяца он пребывал в агонии: разрушался не только организм, но и разум. 3 июня 1924 года Франц Кафка скончался в санатории «Кирлинг» в Австрии в присутствии самоотверженной Доры Димант и друга Роберта Клопштока. Тело писателя было перевезено в Прагу и захоронено на еврейском Страшницком кладбище.

В своем завещании Кафка определил судьбу всех своих произведений, дневников и писем. По его распоряжению они должны были быть преданы огню. К счастью, друг и душеприказчик писателя Макс Брод осмелился не выполнить это условие завещания. И таким образом до современного читателя дошло почти все, что было написано Кафкой.

В литературном мире смерть Франца Кафки прошла незамеченной. Единственным откликом был некролог, который опубликовала Милена Есенская в пражской газете «Народни листы»: «Он был застенчив, беспокоен, нежен и добр, но написанные им книги жестоки и болезненны. Он видел мир, наполненный незримыми демонами, рвущими и уничтожающими беспомощного человека. Он был художником и человеком со столь чуткой совестью, что слышал даже там, где глухие ошибочно считали себя в безопасности».

КИССИНДЖЕР ГЕНРИ АЛЬФРЕД

(род. в 1923 г.)

Американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений, лауреат Нобелевской премии мира (1973 г.). Основатель и владелец международной консалтинговой фирмы «Киссинджер ассошиэйтс». Автор многочисленных трудов по внешней политике и мемуаров. Обладатель многих наград США, среди которых есть и высшая гражданская награда – Президентская медаль свободы.

Бывший госсекретарь США и один из наиболее влиятельных американцев Генри Киссинджер на протяжении нескольких десятилетий по праву считался символом внешней политики Соединенных Штатов. Начиная с 1969 года с именем этого человека ассоциировались чуть ли не все действия Америки на международной арене.

Г. Киссинджер родился 27 мая 1923 года в германском г. Фюрт в еврейской семье. По данным газеты «Вашингтон-

обсервер», его отец был раввином. С приходом к власти нацистов начались преследования евреев, и в 1938 году семья Киссинджер эмигрировала в Нью-Йорк. Через пять лет Генри окончил колледж, получил гражданство США и был призван в армию. Так 20-летний выпускник в 1943 году вновь оказался в Европе – в составе американских войск он служил офицером-переводчиком в разведке. После окончания Второй мировой войны Генри работал в контрразведке в американской оккупационной зоне Германии.

Вернувшись с военной службы, в 1947 году бывший контрразведчик поступил в престижный Гарвардский университет, который и дал ему «путевку» в большую политику. Киссинджер всегда считался одним из лучших студентов в истории Гарварда (за все время обучения он получил всего одну оценку «хорошо»). В 1950 году студент получил степень бакалавра, через два года – степень магистра. В 1954 году Генри Киссинджер стал профессором политологии, защитив докторскую диссертацию на тему «Восстановленный мир: Меттерних, Каслри и проблемы мирного периода 1812–1822 гг.» (Она стала одной из самых объемных за время существования университета.) Ученый-международник занимался преподавательской и научно-исследовательской работой, а в 1955 году вошел в исследовательскую группу Совета по внешним сношениям США.

В 1957 году Г. Киссинджер опубликовал книгу «Ядерное оружие и внешняя политика». В ней он предлагал отказаться от военно-политической доктрины «массированного возмездия» и перейти к более гибкой стратегии ограниченного применения ядерного оружия. Эта книга принесла автору известность в научных и политических кругах, он получил за нее премию Вудро Вильсона. Инициатива ученого получила широкое признание, была названа «стратегией гибкого реагирования» и в 1960-х годах стала официальной доктриной НАТО.

Киссинджера стали привлекать к работе в качестве внешнеполитического советника и эксперта по вопросам безопасности в администрации президентов Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Он работал консультантом Объединенного комитета начальника штабов (1956–1960), Совета национальной безопасности США (1961–1962), Агентства по контролю над вооружениями и разоружению США (1965–1969).

В 1968 году Киссинджер стал «правой рукой» Ричарда Никсона, которого к этому времени гарантированно ожидал пост президента США. В том же году победивший на президентских выборах Никсон официально назначил его на должность советника по вопросам национальной безопасности. (Этот пост играл ключевую роль в администрации при подготовке различных

вариантов внешнеполитических решений, предлагаемых на выбор президенту). Так в Белом доме прочно обосновался бывший немецкий еврей с «плохим» английским произношением и с группой энергичных помощников. Впоследствии этот коллектив выработал стратегию детанта – «разрядки международной напряженности». Президент США одобрил эту идею, и уже в начале 1970-х годов острое противостояние Востока и Запада осталось в прошлом.

Дипломатия Киссинджера совмещала в себе невиданную ранее интенсивность международных встреч – как публичных, между главами государств и внешнеполитических ведомств, так и закулисных переговоров. Только с 1969 по 1972 год он совершил 29 поездок в 26 стран мира. Такое урегулирование проблем путем интенсивных двусторонних переговоров получило название «челночная дипломатия».

Восходящая звезда политологии Генри Киссинджер в 1971 году неоднократно ездил в коммунистический Китай на переговоры с премьер-министром КНР Джоу Эньлаем. Это позволило подготовить состоявшийся в следующем году исторический американо-китайский саммит, на котором двум странам удалось нормализовать отношения, остававшиеся враждебными на протяжении многих десятилетий.

Во многом именно усилиями советника президента США по безопасности в мае 1972 года стал возможен первый визит Р. Никсона в Москву. Это невероятное по тем временам событие положило начало истории советско-американских саммитов, а торговые и культурные отношения СССР и США значительно улучшились. А самое главное, что две сверхдержавы подписали договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), и это позволило предотвратить казавшуюся тогда неминуемой ядерную войну. (До этого еще в 1971 году было подписано Четырехстороннее соглашение по Западному Берлину.) В Советском Союзе стали признавать права евреев на эмиграцию в Израиль, создались условия для зарождения реального диссидентского движения. Теперь исследователи утверждают, что у истоков развала советской империи стоял главный американский политолог – Г. Киссинджер.

Генри также был самым настойчивым инициатором Парижских мирных переговоров. Они завершились окончанием войны во Вьетнаме и принесли советнику американского президента по безопасности Нобелевскую премию мира за 1973 год (вместе с Ле Дук Тхо – представителем Северного Вьетнама). В том же 1973 году помощнику Р. Никсона по безопасности удалось убедить премьер-министра Израиля Голду Меир и

лидеров арабских стран подписать два соглашения о разъединении израильских и египетских войск на Синайском полуострове. Это положило конец войне Судного дня и в то же время значительно усилило американское влияние на Ближнем Востоке.

В сентябре 1973 года Киссинджер принес присягу в качестве государственного секретаря США и стал совмещать свою прежнюю должность советника президента по безопасности с постом госсекретаря, на котором оставался до 1977 года и при следующем главе Белого дома – Джеральде Форде. После окончания его президентского срока госсекретарь покинул свой пост, но при этом продолжал консультировать американские власти и частные компании по вопросам международной политики. Параллельно он преподавал в Джорджстаунском университете. Авторитет бывшего госсекретаря среди американцев был настолько велик, что его любое публичное суждение по внешнеполитическим проблемам способствовало созданию благоприятного общественного мнения внутри США. Поэтому в 1983 году Рональд Рейган пригласил его – своего бывшего противника по вопросам политики сближения с Китаем – возглавить Национальную двухпартийную комиссию по Центральной Америке.

В 1984–1990 годах Г. Киссинджер был членом Президентского Совета по иностранным делам, консультировал Рейгана и Буша-старшего при подготовке их встреч с советским лидером М. С. Горбачевым. В 1988 году в качестве эмиссара президента США Генри Киссинджер посетил столицу СССР, где встречался с советскими руководителями. В июле 2001 года он участвовал в форуме Международного олимпийского комитета в Москве и встречался с президентом России Владимиром Путиным.

Когда в 2002 году в США была организована независимая комиссия по расследованию нью-йоркских терактов 11 сентября 2001 года, Джордж Буш-младший назначил его председателем. К тому времени авторитет Киссинджера значительно снизился из-за просочившихся в прессу сведений о нелицеприятных сторонах его прошлой деятельности, и назначение вызвало волну общественных протестов. Конгрессмены США от Демократической партии настояли на том, чтобы он опубликовал свои финансовые документы, но Г. Киссинджер подал в отставку. Этот шаг несостоявшийся глава Комиссии мотивировал желанием предотвратить потенциальные конфликты с клиентами его частной консалтинговой фирмы, среди которых ряд правительств из стран Азии и Ближнего Востока.

Еще до этого и левые, и правые политики критиковали деятельность Киссинджера на государственных постах, приписывая ему обвинения в двойных стандартах и нарушениях прав человека в ходе операций спецслужб США по установлению подконтрольных Вашингтону диктатур в странах Азии, Африки и Южной Америки. А некоторые граждане во многих государствах считали его военным преступником.

В 2001 году журналист Кристофер Хитченс опубликовал книгу «Процесс Генри Киссинджера». В ней автор заявил, например, что именно советник президента по безопасности руководил первым этапом секретных бомбардировок Камбоджи, проведенных авиацией США в 1969–1975 годах, когда погибли около 200 тысяч мирных жителей. Журналист также обвинил Киссинджера в участии в подготовке путча в Чили в 1970 году. Этот переворот должен был сорвать инаугурацию коммунистического президента Сальвадора Альенде, но провалился, причем главнокомандующий чилийской армии Рене Шнайдер был убит заговорщиками. В своей книге Хитченс заявил, что смерть чилийского главкома – на совести Киссинджера. Он также возложил на него ответственность за случившийся в 1973 году приход к власти в Чили диктатора Аугусто Пиночета.

Под руководством чилийского диктатора проводились многие операции ЦРУ по физическому устранению неблагонадежных элементов с помощью «эскадронов смерти». Как свидетельствуют архивы, найденные в 1992 году в Парагвае, жертвами одной только «Операции Кондор», задуманной в 1975 году, стали чилийский генерал Карлос Пратс, уругвайские политики Зельмар Микелини и Эктор Гутьеррес Руис и десятки других высокопоставленных особ Южной Америки. Не секрет, что американцы оказывали всемерную поддержку Аугусто Пиночету. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний «Комитета 40», который возглавлял некто иной, как Генри Киссинджер.

В журнале американских правых «Глашатай свободы» как-то появилась сенсационная монография Франка Копелла «Генри Киссинджер – советский агент». В ней утверждалось, что бывший госсекретарь работал на КГБ и имел кличку «Бор».

Началось все с того, что на Запад сбежал полковник польской разведки Голеневский. В США он выдал имена крупнейших советских агентов в правительстве и разведке Великобритании, Швеции, Франции, Западной Германии и Израиле, которых арестовали и судили. Затем перебежчик заявил в ЦРУ, что имеет очень важную информацию, но ее он выдаст только лично президенту США. Ему сказали, что президент якобы отказался его принять, и предложили взамен начальника разведки ЦРУ.

Бывший польский полковник после долгих раздумий согласился и на этой встрече заявил, что агентом КГБ также является сам Генри Киссинджер! Назревал крупный скандал… Голеневскому заплатили 50 тысяч долларов, объявили сумасшедшим и выбросили из Вашингтона, а изобличающую информацию о Киссинджере похоронили, но она все же попала на страницы правой печати.

Поговаривали также о причастности Генри к Уотергейтскому скандалу в США, в результате которого Ричард Никсон в 1973 году вынужден был покинуть президентское кресло. В те годы Киссинджер являлся «правой рукой» главы Белого дома и занимал должность советника президента по безопасности.

Об этом человеке ходило много различных историй. Рассказывали, например, о докладе, над которым работал лорд Уинстон. Представив текст Киссинджеру, тот вскоре получил его назад с пометкой: «Это лучшее, на что вы способны?» Уинстон отредактировал доклад и вновь отнес его на рассмотрение. Листки вернулись с тем же замечанием. Переделав его еще раз – и снова получив тот же вопрос от Генри, лорд не выдержал: «Да, черт побери, это лучшее, на что я способен!» На что Киссинджер спокойно ответил: «Отлично, полагаю, на этот раз я его прочту».

А вот какой случай произошел с бывшим госсекретарем неподалеку от г. Маршфилда (штат Висконсин). Туда его пригласили на торжественное открытие медицинского центра. По пути из аэропорта лимузин, в котором везли Г. Киссинджера, столкнулся с неожиданно выбежавшим на дорогу оленем. Животное погибло, авто было изуродовано, а шофер и пассажир отделались испугом. Генри, как ни в чем не бывало, остановил проезжавший грузовик и продолжил путь к медицинскому центру. Добравшись на место, Киссинджер с самым невозмутимым видом вылез из кабины грузовика и заявил изумленной публике и набежавшим репортерам, что ему было очень интересно увидеть штат Висконсин из кабины такой огромной машины. И только после этого объяснил, что с ним произошло в дороге на самом деле.

В январе 2005 года новый директор ЦРУ Портер Госс отказался от услуг члена консультативной группы по вопросам разведки, одного из самых знаменитых американцев в мире – Генри Киссинджера. После увольнения из ЦРУ его политическая карьера, похоже, завершилась. Но 82-летний экс-политик остался почетным президентом близкого к Республиканской партии исследовательского центра имени Р. Никсона и председателем правления собственной международной консалтинговой фирмы «Киссинджер ассошиэйтс». Доктор Киссинджер также является

почетным и действительным членом руководства целого ряда фирм и организаций, вплоть до Национального Олимпийского комитета США. Он регулярно выступает в СМИ, пишет статьи и книги.

КОБЗОН ИОСИФ ДАВЫДОВИЧ

(род. в 1937 г.)

Советский эстрадный певец, предприниматель, политик, народный артист СССР (1987 г.), России (1980 г.), Украины (1991 г.), Дагестана, Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Южного Урала, заслуженный артист Адыгеи, Чечено-Ингушетии. Профессор Российской Академии музыки им. Гнесиных (с 1993 г.), действительный член Академии гуманитарных наук (1996 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1984 г.) и премии Ленинского комсомола (1975, 1976 гг.), лауреат конкурса «Золотой Орфей» в Болгарии (1968 г.). Депутат Госдумы России (с 1997 г.), президент многопрофильного АО «Московит». Награжден пятью афганскими орденами, орденом «Дружбы народов», «За заслуги перед Отечеством» III степени и орденом Мужества.

В 1994 году Всемирная лига евреев признала Кобзона

«Лучшим евреем года», его именем названа планета. За свою сценическую жизнь артист посетил с гастролями более ста стран. Он часто выступал на ударных комсомольских стройках Сибири, на целине, БАМе, Самотлоре, в Афганистане, в районе острова Даманский в 1967 году, когда там случился пограничный конфликт с Китаем, в Чернобыле после аварии на ЧАЭС в июне 1986 года.

«Я записал более четырех тысяч песен, не думаю, что кто-то перекроет этот рекорд. Мне смешно было читать, что Шарль Азнавур в пору его расцвета давал около 200 концертов в год. А я за год давал до 1500 концертов, по три выступления в день», – говорил Кобзон. Всего в репертуаре знаменитого певца более полутора тысяч песен. Одна из самых известных– «Мгновения» из телефильма «Семнадцать мгновений весны».

Иосиф Давыдович родился 11 сентября 1937 года в небольшом городке Часов Яр, Донецкой области. Жили голодно, на Новый год – одна мандаринка на всех. Отец, Давид Кунович, в 1941 году ушел на фронт. Спустя два года раненого и контуженого фронтовика привезли в Москву на излечение, где он обзавелся новой семьей. Иосиф с двумя братьями и матерью, Идой Исаевной, в это время находился в эвакуации в Узбекистане. Мать вышла замуж за пришедшего с войны Михаила Моисеевича, у которого было двое сыновей. Потом в новой семье появилась еще и сестра. Отчим был добрым и справедливым человеком, Иосиф называл его отцом.

Будущий певец собирал бутылки по дворам, сдавал их и получал деньги. Он активно занимался боксом, любил погулять, покурить, подраться, не давал себя в обиду. С детства Иосиф занимался пением в школьной самодеятельности, побеждал на школьных областных и республиканских конкурсах. Чтобы помочь семье, он после седьмого класса поступил в Днепропетровский горный техникум, который закончил в 1956 году по специальности «буровик-разведчик».

В том же году выпускника призвали в ряды Советской Армии. В первый год службы он был батарейным запевалой, затем голосистого солдата перевели в ансамбль песни и пляски Закавказского военного округа. После демобилизации в 1958 году вчерашний солдат решил стать профессиональным певцом. Он устроился лаборантом, чтобы заработать денег на дорогу. В солдатской форме Иосиф уехал в Москву и поступил в Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных на вокальный факультет в оперный класс Л. В. Котельниковой.

Три года учебы в институте студент совмещал с работой

вокалистом у Марка Местечкина в цирке на Цветном бульваре, где за вечер ему платили три рубля. В то время на арене блистали молодые клоуны Ю. Никулин, О. Попов, и Кобзон тоже мечтал о славе. Как-то раз известный клоун Р. С. Ширман предложил спеть Иосифу песню А. Пахмутовой «Куба, любовь моя!» в спектакле «Карнавал на Кубе». После удачного дебюта в спектакле Иосиф буквально измором взял популярного композитора А. Островского, добиваясь возможности выступить в одном из его концертов. Поначалу именитый маэстро отказывал, но настырный Кобзон звонил ему домой каждый день, и Островский сдался. Талантливого студента заметили профессионалы и стали приглашать на другие выступления.

Вначале Кобзон пел в дуэте с В. Кохно, а затем начал работать самостоятельно. Ему посчастливилось сотрудничать с такими известными советскими композиторами и поэтами, как А. Пахмутова, О. Фельцман, А. Новиков, Р. Гамзатов, В. Мурадели, А. Бабаджанян, М. Фрадкин, С. Туликов, Я. Френкель, Э. Колмановский, Л. Ошанин, М. Матусовский, Р. Рождественский, Е. Долматовский и др. В 1959 году Кобзона взяли солистом Всесоюзного радио, а с 1963 года – певцом «Москонцерта».

Существует легенда, что Л. О. Утесов, услышав Иосифа, произнес фразу: «Бог дал этому парню голос, но послал его очень далеко». Позже, правда, Леонид Осипович смягчился и по-достоинству оценил талант будущего народного артиста.

Первый гастрольный тур Кобзон совершил в 1962 году по стройкам Сибири. В том же году вышла его пластинка песен А. Островского и А. Пахмутовой, а певец выехал в творческую командировку в Венгрию с Э. Колмановским и К. Ваншенкиным. После успешных концертов за рубежом он продолжал выступать с сольными программами по Советскому Союзу, стал лауреатом многих Всероссийских и Всесоюзных конкурсов.

В 1964 году на Международном конкурсе в Сопоте он завоевал главную премию. К талантливому певцу впервые пришла мировая слава. В том же году Кобзону присвоили первое в его жизни звание «Заслуженный артист Чечено-Ингушской АССР». Вскоре в прессе появилось сообщение, что он во время декады культуры в Грозном пьяным врывался в номера к кинозвездам, пытался их насиловать… Коллеги, знавшие, что это ложь, отправили коллективное письмо в редакцию, но оно не помогло. Иосифа на год отлучили от эфира, отменили концерты.

В 1965 году он все же принял участие в международном конкурсе «Дружба», получил первые премии в Варшаве, Берлине и Будапеште. В 1968 году Кобзон – лауреат международного конкурса «Золотой Орфей» в Болгарии. Он также участвовал во

многих Всемирных фестивалях молодежи и студентов. В 1973 году уже знаменитый певец наконец-то завершил учебу в «Гнесинке».

Обязательный и трудолюбивый, Кобзон был одним из первых, кто попал на ТВ. В те годы нужно было петь только вживую, без дублей, т. к. в 1960-х годах записей на телевидении не существовало. У других артистов случались проблемы из-за алкоголя, голоса, настроения, а Кобзон всегда был в форме. Проблемы у него возникли в 1970-е, когда попасть на телевидение мешала «пятая графа». Тогда существовала негласная установка «сверху»: «евреев на праздничном экране быть не должно». Сам Иосиф Давыдович утверждал, что председатель ЦТ Лапин лично «не запрещал» Кобзона, а старожилы «Голубого огонька» рассказывали, как Лапин вызывал к себе редактора и говорил: «Зачем нам эти кобзоны?..» Несмотря на это, многие известные композиторы доверяли ему первое исполнение своих песен, и он полностью оправдывал их доверие.

Много раз артист давал концерты в Австралии, Израиле, Японии, США, государствах Европы, Африки, Южной Америки. Он пел русские, украинские, итальянские, испанские, еврейские песни, и публика его очень тепло принимала.

Еще в советские годы Кобзон понял, что любовь к Родине не означает бессребреничество. Чтобы заработать на первую кооперативную квартиру, он поехал с концертами по Сибири и Дальнему Востоку. В следующие гастрольные марафоны по СССР артист отправился, чтобы купить мебель и машину. Постепенно он приобрел и обставил еще одну квартиру, перевез в Москву мать, отчима, братьев, сестру. Затем певец обзавелся еще более престижным движимым и недвижимым имуществом. (Сейчас у артиста есть шикарный офис, большая пятикомнатная квартира, а дача недалеко от Переделкино – настоящая вилла с гектаром земли.) Некоторые знакомые просили денег в долг, потом «забывали» его вернуть, иногда речь шла о солидных суммах.

Когда говорили, что Кобзон очень высокооплачиваемый, он отвечал: «Да, но я работаю больше всех, поэтому и получаю больше всех». Певец первым ввел практику давать до трех концертов в день, его выступления длились два – три часа. А по длительности шоу вряд ли кто-то сумеет превзойти или хотя бы повторить юбилейный вечер Кобзона, транслировавшийся по телевидению на протяжении 12 часов! В Советском Союзе не оставалось города, который Кобзон не посетил бы с концертами. А по количеству налетанных часов, пожалуй, ни один пилот с ним сравниться не сможет: только в США певец летал раз 30, не меньше. За то, что в его репертуаре были любые песни – от

патриотических до городских романсов – некоторые коллеги прозвали его «проигрывателем». Иосиф Давыдович постоянно пел в концертах еврейские народные песни. Он был первым исполнителем цикла О. Фельцмана «Песни былого». «Я никогда не скрывал свое еврейство, но всегда подчеркивал, что родился на Украине и родина моя – Украина», – говорил артист.

В 1983 году партком Москонцерта исключил знаменитого певца из КПСС «за потерю политической бдительности и политическую близорукость». Он позволил генеральному секретарю Общества дружбы Израиль – СССР г-ну Гужанскому спеть в Колонном зале израильскую песню. И еще привез из Америки видеокассеты с боевиками и фильмами ужасов. Но Московский горком партии великодушно оставил Иосифа Давыдовича в рядах коммунистов.

С 1984 года Кобзон работал художественным руководителем вокально-эстрадного отделения Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных, а с 1985 – он начал преподавать эстрадный вокал в этом учебном заведении.

7 ноября 1985 года, после сенсационного выступления Б. Ельцина в Политбюро именитый певец во время концерта посвятил ему песню. А затем здоровался с Борисом Николаевичем за руку, будучи народным депутатом СССР, когда многие делали вид, что не замечают опального Ельцина.

После развала СССР коллеги тщательно пытались задвинуть народного артиста на задний план, как одиозный символ времени. А он, посмеиваясь, продолжал петь военно-патриотические и комсомольско-коммунистические песни.

В 1997 году патриарх эстрады объявил о своем уходе со сцены. Он за свой счет начал последний концертный тур по городам бывшего СССР, который закончился в Москве 11 сентября в день 60-летия певца. Во время гастролей был снят документальный фильм и записано около 300 песен для 15-ти компакт-дисков «Золотой коллекции».

Маэстро решил всерьез заняться бизнесом и политикой. Еще в 1985 году его пригласили на пост вице-президента по гуманитарным вопросам Ассоциации «XXI век». Ее создали известные своим криминальным прошлым братья Отари и Анзор Квантришвили, позже убитые неизвестными.

В 1990 году Кобзон стал президентом многопрофильного АО «Московит», занимающегося операциями с нефтью и нефтепродуктами, сахаром, продажами и производством ферросплавов, круизами, презентациями и т. д. В 1992 году, по публикациям в прессе, АО было замешано в сделке с поставками боевых самолетов в Малайзию и наркоторговлей. В довершение

скандала одна из газет в 1994 году признала Кобзона «авторитетом года». В 1993–1994 годах он вместе с партнером организовал несколько акционерных обществ «Лиат-Натали».

Знаменитый артист был другом известного авторитета Отари Квантришвили, с которым надеялся создать партию «Спортивная Россия». Он также контактировал с арестованным в 1995 г. в США вором в законе Вячеславом Иваньковым (Япончик) и вором в законе Алимжаном Тохтахуновым (Тайванчик), «смотрящим» воров в Европе. ФБР обвинила певца в криминальных связях, и 27 июня 1995 года консульство США отказало Кобзону во въездной визе.

11 августа 1995 года в одной из газет было опубликовано открытое письмо президенту России Б. Ельцину, в котором артиста под свою защиту брали десятки деятелей искусства (А. Пугачева, З. Соткилава, М. Магомаев, И. Моисеев, С. Говорухин и др.). Государственная Дума приняла специальное постановление о непричастности Иосифа Давыдовича к преступному миру. И все равно журналисты не унимались.

27 июля 1995 года Иосиф Давыдович на пресс-конференции в Тель-Авиве, заявил, что приехал в эту страну заручиться поддержкой против кампании, развернутой против него в российской и американской прессе: «Я был, есть и остаюсь евреем. Я хочу, чтобы израильское общество защитило меня от клеветнических нападок…» В 1996 году Кобзон в интервью признался, что знаком с Япончиком: «Скажу честно, с ним было интересно. По своему интеллекту он превышает многих известных людей». Артист говорил, что когда-то на гастролях пел в лагерях на Дальнем Востоке и в Заполярье, и это принесло ему определенную популярность среди уголовников.

В начале января 1996 года Кобзона и его жену задержали в аэропорту Тель-Авива, и они провели восемь часов в тюрьме. После вмешательства Российского посольства разрешение на въезд в Израиль дал лично премьер-министр Шимон Перес. Артист заявил: «Пока передо мной и моей женой не извинятся, ноги моей не будет в этой стране».

В 1997 году Кобзона избрали народным депутатом Госдумы России, и он стал заместителем председателя Комитета по культуре. Как один из инициаторов создания общественного объединения «За честь и достоинство гражданина России» и лидер Российской партии мира, И. Д. Кобзон причислял себя к людям, которые «не устраивают некие политические структуры». Он также сообщал, что ему угрожали и требовали покинуть Россию. Поэтому артиста, депутата и предпринимателя постоянно сопровождает личная охрана.

В 2003 году Кобзон приобрел компанию, которая специализируется на установке рекламных указателей в Москве. По оценкам специалистов, сумма сделки составила от одного до полутора миллионов долларов. В том же году Иосифа Давыдовича наградили орденом Мужества. Во время захвата заложников в Москве, в культурном центре на Дубровке, он пошел на переговоры с чеченскими террористами и смог вывести трех девочек с их мамой и англичанина. Еще в 1996 году артист приезжал в Грозный с певицей Натальей Борисковой, выступал перед российскими солдатами и перед чеченцами. Боевики аплодировали им и стреляли в воздух после каждого выступления.

Сейчас депутат и предприниматель И. Д. Кобзон – президент культурного фонда «АРТЭС», Фонда помощи семьям погибших милиционеров «Щит и Лира», президент благотворительного фонда «Московит». Он спонсирует Московский музыкальный камерный театр, хореографическое училище Большого Театра, два детских дома и др.

О нынешней своей жизни, работе и увлечениях знаменитый певец рассказывал следующее: «С 1980 года я много раз вылетал с концертами к воинам-интернационалистам в Афганистан. Они дарили трофейные клинки, сабли. Потом знакомые приносили на праздник что-нибудь режущее или колющее – так родилась коллекция холодного оружия. В ней есть дорогие экземпляры, например изделия золотых дел мастеров из дагестанского села Кубачи. Имеются у меня 24 охотничьих ружья, но ни одно не использовалось мною по назначению – я патологически не приемлю кровопролитие.

Есть еще коллекция зажигалок (хотя я давно уже не курю) и элитных спиртных напитков, где на этикетках имя и изображение Кобзона. Я не пью уже много лет, а бутылки несут и несут. Пивные кружки тоже давно пылятся на полках. Среди них – одна серебряная с позолотой, во второй почти пуд чистого серебра.

Коллекция старинных часов досталась мне от уезжающего на ПМЖ в Германию артиста Леонида Усача, а каталоги итальянских художников эпохи Возрождения – от конферансье Леонида Шапиро-Шипова. А еще ювелиры делают для меня замечательные фигурки из золота и полудрагоценных камней, воссоздавая сцены из Ветхого Завета. Я намереваюсь открыть экспозицию и выставить экспонаты на всеобщее обозрение…»

«В 1996 году мы с моей женой, Нелли Михайловной, отметили серебряную свадьбу. У нее есть удивительные способности хозяйки: за годы совместной жизни у нас никогда не было домработницы. Первый брак у меня был с артисткой

Вероникой Кругловой, которая потом вышла замуж за певца Вадима Мулермана. Второй – с актрисой Людмилой Гурченко.

У меня есть двое детей, четыре внучки. Дочь Наталья (1977) занимается торговым бизнесом в Москве вместе с мужем-австралийцем. Сын Андрей (1974) окончил музыкальный институт в Голливуде, музыкант-ударник. Ныне он – бизнесмен, в 1995 году стал управляющим московским рестораном “Максим”, женат на манекенщице Екатерине Полянской».

«Я сожалею, что не знаю еврейский язык, обычаи. Но я очень много помогаю евреям. Когда был народным депутатом СССР, то участвовал в восстановлении дипломатических отношений с Израилем, открывал еврейское кладбище, после пожара в синагоге закладывал первый камень и т. д.».

«Считаю недопустимым скрывать свои миллиардные доходы и обкрадывать страну. Я не занимаюсь разработкой финансовых схем, для этого есть профессионалы. Моя задача – следить за моральным лицом фирмы, налаживать дружеские связи».

«Я сам себе и народный певец, и спонсор, могу заказать для гастролей военный самолет или гражданский теплоход, чья аренда не покроется никакими сборами.

Что касается возвращения на сцену, то речь в 1997 году шла о том, что больше не будет моих сольных концертов. Когда я об этом говорил, считал, что принял правильное решение: дать дорогу молодым. Но ситуация изменилась: посмотрите, сколько бездарей рвется на эстраду. Как-то довелось мне балансировать на грани жизни и смерти. Я провел в коме 15 дней, но выжил. Теперь, несмотря на свой солидный возраст, я опять востребован, и меня это очень радует. Мой гастрольный график расписан на год вперед, и я счастлив!»

КОРЧАК ЯНУШ

Настоящее имя – Хенрик Гольдшмит
(род. в 1878 или 1879 г. – ум. в 1942 г.)

Один из самых почитаемых педагогов, известный детский писатель, врач, директор варшавского Дома сирот, всю свою жизнь посвятивший детям. Его педагогическая идея укладывалась в одну фразу: «Воспитатель должен любить детей…», а главная книга называлась «Как любить ребенка». В годы оккупации Польши он, имея возможность спастись, предпочел остаться со своими подопечными до конца и погиб в газовой камере Треблинки.

Хенрик Гольдшмит родился 22 июля 1878 или 1879 года в Варшаве, в интеллигентной, обеспеченной семье ассимилированных евреев. (Почему-то ребенку родители несколько лет не оформляли метрику, так что дата рождения Хенрика в известной мере условна.) В красивой большой квартире, где работала прислуга, царил дух космополитизма,

утонченной польской культуры. Отец мальчика был известным адвокатом, человеком умным, но довольно вспыльчивым. В детстве Хенрик часто слышал от строгого родителя такие прозвища, как «растяпа», «олух», а то и «осел», «идиот». Зато бабушка будущего писателя верила в талант внука и называла его философом. Как писал много лет спустя сам Корчак: «Они оба были правы. Поровну. Пятьдесят на пятьдесят».

Долгое время Хенрик считал себя поляком (родители старательно обходили в разговорах все, связанное с евреями; мальчик не знал другого языка, кроме польского). Только в пятилетнем возрасте он случайно услышал о своем еврействе от служанки. Позднее сын дворника, католик, сообщил приятелю, что ему уготовано место в раю, а вот Хенрику придется в свое время отправиться не в ад, конечно, но в место, где царит мрак. Это представление о темном еврейском рае в течение десятилетий оставалось одним из наиболее сильных переживаний Гольдшмита. Со временем связь с народом, к которому он принадлежал по крови, усилилась. Наконец, известный писатель и педагог сознательно и добровольно, по велению совести, выбрал именно еврейскую судьбу, хотя не знал ни идиша, ни иврита, никогда не читал Тору и не посещал синагогу…

В детстве будущего писателя всячески оберегали. С невеселой прозой жизни он столкнулся только в 11 лет. Тогда семью постигло страшное несчастье: отец мальчика, талантливейший человек, безнадежно заболел. У адвоката стало стремительно развиваться психическое заболевание… Душевнобольного поместили в клинику, однако когда-либо выйти из нее у Гольдшмита-старшего шансов не было. Семь лет, до смерти отца, Хенрик прожил в постоянном напряжении, боясь, что он может унаследовать тяжелую болезнь. К тому же семья быстро обеднела. Пришлось распустить прислугу, распрощаться с богатой квартирой и перебраться в очень бедный район. Еще в школе Хенрик начал заниматься репетиторством, чтобы содержать мать и сестру. Правда, мать будущего писателя тоже рано ушла из жизни: ухаживая за сыном, болевшим тифом, она заразилась и вскоре умерла.

Решив стать врачом, Хенрик после окончания школы, в 1898 году, поступил на медицинский факультет Варшавского университета. Параллельно с учебой он преподавал на тайных курсах, запрещенных царской администрацией, работал в бесплатной читальне для бедных, преподавал в школе. За участие в студенческих демонстрациях был арестован, но быстро отпущен на свободу. В 1903 году Гольдшмит получил диплом врача.

В 1898 году Хенрик впервые попробовал свои силы в поэзии,

публицистике и художественной прозе. В качестве псевдонима он взял имя одного из персонажей известного польского писателя Ю. И. Крашевского. Но Януш Корчак продолжал оставаться только литератором – свои медицинские труды врач по-прежнему подписывал настоящим именем.

Как российский подданный, Гольдшмит был мобилизован на Русско-Японскую войну (1904–1905) в качестве военного врача. На фронт он ушел из детской больницы для бедных (где проработал в общей сложности восемь лет). После окончания войны Хенрик не сразу вернулся домой; некоторое время он практиковался в известных клиниках Берлина, Лондона и Парижа.

В 29 лет молодой врач принял решение не заводить собственную семью, посвятив себя своим маленьким пациентам. А в 30 он снова пришел работать в варшавскую больницу. Вскоре о Гольдшмите заговорили, как об известном специалисте, великолепном диагносте, чьи гонорары высоки, но результат лечения превышает ожидания и надежды. Но что касается гонораров, то дело здесь обстояло не совсем так. Да, врач и писатель действительно получал от богатых пациентов приличные суммы, но детей бедняков всегда лечил даром, отказываясь брать хотя бы мелочь.

В 1908 году Гольдшмит стал членом правления благотворительной еврейской организации «Помощь сиротам» и душой сиротского приюта. Стараниями врача этот приют за пару лет превратился в солидное учреждение.

В 1911 году в жизни Корчака произошел переворот. Он, врач по образованию, решил посвятить себя педагогической деятельности и возглавил Дом сирот, который как раз переехал в новое трехэтажное здание. Это заведение, просуществовавшее в течение 30 лет, стало также собственным домом директора: Корчак занимал маленькую комнатку под самой крышей. На его попечении находились сначала 100, а затем 200 детей разного возраста. При этом в Доме работали всего восемь человек воспитателей (они же исполняли обязанности обслуживающего персонала) – такие же увлеченные и преданные своему делу люди.

Теперь Корчак методично создавал особый мир – детскую республику, основой которой были равенство, справедливость, отсутствие насилия, тирании и неограниченной власти. Например, в детском доме был создан суд. Дети имели право подать жалобу на воспитателя, поступившего несправедливо. А моральной обязанностью взрослого было требовать оценки своему поступку. Директор, кстати, и сам несколько раз подавал в

суд… на самого себя! Это случалось, когда он сомневался в справедливости своих действий (необоснованно заподозрил девочку в краже, оскорбил в сердцах судью, выгнал упрямого баламута из спальни). Интересно, что кодекс для «Товарищеского суда», состоящий из 1000 пунктов, сочинил сам Корчак. Обычно на заседаниях выносились только два приговора: оправдать или простить. А пункт «опасен для окружающих и подлежит исключению» за все 30 лет работы детского дома применялся лишь дважды… Во главе маленького детского «государства» стоял «Совет самоуправления». Удивительный директор создал также первую в мире печатную газету, которую делали сами дети. Называлась она «Maly Przeglad». Кроме того, Старый Доктор разрешил отдельные виды «неблагонравия»: драться по «дуэльному кодексу» (со свидетелями, секундантами, с занесением в специальный журнал повода драки), обмениваться вещами (но только честно, по составленному списку эквивалентов), заключать пари (оформлялось оно у самого директора).

А по вечерам, поднявшись в свою маленькую комнатку, Корчак писал сказки и повести для детей, а также книги о воспитании для взрослых. Печатался он с 1898 года; наиболее известными работами Корчака являются повести «Дети улицы» (1901), «Дитя гостиной» (1906), «Моськи, Иоськи и Срули» (1910), «Исповедь мотылька» (1914), «Король Матиуш I» (1923), «Когда я снова буду маленьким», «Банкротство маленького Джека», пьеса «Сенат безумцев» (1931), а также многочисленные статьи (1900–1939), беседы, книги «Как любить ребенка» (1914) и «Право ребенка на уважение» (1929), «Один на один с Господом Богом» («Молитвы для тех, кто не молится»), дневник (1940–1942).

Уже в 1933 году врач и педагог был одним из наиболее известных писателей и общественных деятелей Польши. Он вырастил не одно поколение и польских воспитанников, поскольку руководил еще одним домом – для детей польской бедноты. Помимо этого, Корчак читал лекции на Высших педагогических курсах и в Свободном Польском университете, готовил для радио цикл передач «Беседы старого доктора», вел работу в суде по делам малолетних преступников, а с 1934 года являлся не сионистским представителем Польши в Международной еврейской организации.

В это же время писатель начал все больше интересоваться судьбами своих воспитанников, живших в Эрец-Исраэле, задумываться над вопросами антисемитизма в Польше. По приглашению своих выпускников Корчак дважды (в 1934 и 1936 годах) побывал на Святой Земле, где встречался с беженцами из

Германии. Сам Старый Доктор начал мечтать о том, как под конец жизни поселится в Иерусалиме и в его маленькой комнатке будут с ним только тишина и много-много книг… Немолодой и больной директор уже неоднократно выслушивал советы медиков оставить столь нервную и напряженную работу. К тому же находиться в Польше было довольно опасно. Но… как мог бросить своих еврейских воспитанников их защитник?

В 1939 году, когда началась война, Корчак достал свой майорский мундир и потребовал, чтобы его тоже отправили в армию. А когда на Варшаву стали падать бомбы, Старый Доктор, который ранее проводил на радио беседы из области «шутливой педагогики для взрослых и детей», вновь стал к микрофону. Только теперь он рассказывал об обороне родного города и о том, как должны вести себя дети в случае опасности.

…Когда Варшава пала, Корчак упрямо продолжал носить форму офицера Войска Польского. Знакомые указывали, что писатель провоцирует немцев, мозоля им глаза мундиром. На это директор Дома сирот отвечал: «Это мундир солдата, которого предали». Гитлеровская администрация в 1940 году переселила детей и их наставников в полном составе в еврейское гетто. Когда писатель отправился хлопотать о возвращении сиротам подводы с картофелем, реквизированной властями, его за ношение формы арестовали и отправили в тюрьму Павьяк. Оттуда Старого Доктора его бывшим ученикам и деятелям гетто едва удалось вызволить. Форму строптивый директор снял лишь год спустя: дальнейшее упорство ставило под удар воспитанников…

Корчака неоднократно пытались спасти от смерти. Сотни людей занимались этим. В результате, писатель мог покинуть гетто в любую минуту. Но… он категорически отказывался это делать! Например, Старого Доктора хотел увести с собой его бывший воспитанник И. Неверли, который принес два пропуска. Но Корчак так посмотрел на молодого человека, что тот невольно съежился. Директор терпеливо объяснял: невозможно оставить своего ребенка в болезни, несчастье или опасности. Так почему же кто-то думает, что он способен бросить 200 детей одних, в запломбированных вагонах и газовой камере? Предложений спастись было так много, что при встрече с одним из коллег с «той» стороны Старый Доктор поблагодарил собеседника за такт и понимание: впервые ему не предложили сейчас же, немедленно покинуть страшное место.

И писатель продолжал ежедневно отправляться в рейд по гетто, всеми правдами и неправдами стараясь раздобыть хоть немного пищи для своих подопечных. А по ночам приводил в порядок тридцатилетние наблюдения за детьми и писал дневник.

Эти бумаги, вмурованные в стену на чердаке Дома сирот, нашли только в 1957 году. Последняя страница датирована 3 августа – за два дня до того как Корчак повел своих детей к поезду в Треблинку… Странно, но в последних своих записях автор дневника пытался найти человеческое даже в эсэсовцах.

Старый Доктор прекрасно знал, что его ждет. Всю свою жизнь он готовил детей к дальнейшей жизни, а весной и летом 1942 года столкнулся со страшной задачей: как подготовить ребятишек к смерти… И решение было найдено. В июле директор Дома сирот со своими воспитанниками занялись театром и поставили пьесу, написанную великим индийским мыслителем Рабиндранатом Тагором. В ней все было двусмысленно и говорило о буддистских представлениях о непрерывности жизни, о сансаре – колесе превращений. Репетируя, а затем показывая премьеру немногим зрителям, Корчак пытался внушить ребятам: смерти не существует, их ожидает только переход в иную жизнь.

5 августа 1942 года весь Дом сирот вместе с воспитателями выстроили на улице. Удивительный директор и его питомцы отправились в свой последний путь. Возглавлял колонну, над которой развевалось зеленое знамя Матиуша, сам Корчак. За руки он вел двоих детей. Впервые евреи гетто шли на смерть с честью… Двести ребят не плакали, никто не пытался убежать, спрятаться. Они лишь старались быть поближе к своему учителю – единственному родному для них человеку.

В Варшаве колонны направились на пункт перегрузки – привокзальную площадь. Люди, видевшие детей, плакали. А сами ребята сохраняли завидное спокойствие. Еще ни разу до этого смертников не приводили сюда строем, со знаменем, с руководителем во главе. Увиденное взбесило коменданта пункта. Но, узнав, что с детьми пришел Корчак, офицер задумался. Когда ребятишек уже погрузили в вагоны, немец спросил у директора, не он ли написал «Банкротство маленького Джека». Писатель подтвердил свое авторство и поинтересовался, какое это имеет отношение к отправке эшелона. Комендант сказал, что читал эту книгу в детстве и… предложил Старому Доктору остаться. Тот спросил, могут ли освободить детей; узнав, что его воспитанникам никто помочь не сможет, писатель сказал: «Дети – это главное!» – и захлопнул за собой дверь изнутри.

Корчаку удалось спасти только одного мальчугана: он поднял ребенка на руки, и тот смог выбраться через крошечное окошко товарного вагона. Но от судьбы не уйдешь: малыш, добравшийся до Варшавы, вскоре все же погиб. Чуда не произошло. Однако удивительный Доктор сделал то, что было в его силах, – не оставил ребят перед лицом смерти так же, как не оставлял их

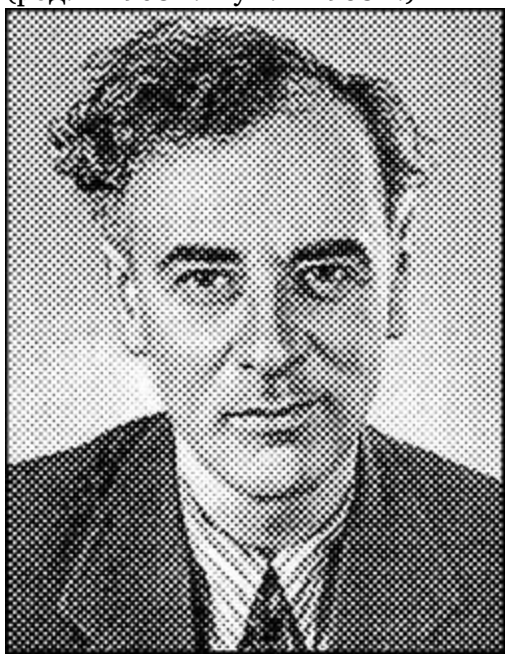
перед лицом жизни…

Могилы писателя, понятно, не сохранилось: 6 августа 1942 года (предположительно, поскольку документальных подтверждений не осталось) его вместе с детьми и сотрудниками Дома сирот отправили в газовую камеру, а затем сожгли, как мусор. И лишь детские рисунки на стене одного из бараков лагеря смерти в Треблинке стали немыми свидетелями разыгравшейся трагедии…

«Я никому не желаю зла. Не умею. Не знаю, как это делается…» – писал в своем дневнике Януш Корчак. Он никогда не обманывал своих подопечных. Почему же дети вели себя столь спокойно, с достоинством при отправке? Отступился ли в конце жизни Старый Доктор от своих принципов? Может, он выдумал для детей историю о поездке в сельскую местность? Вряд ли! Врать писатель действительно не умел, да и ребята сразу же почувствовали бы фальшь… Скорее всего, директор поддержал ребят не словами, а собственной уверенностью и спокойствием. Как бы то ни было, последний урок на немыслимую для учителя тему «Что такое смерть и как умирать достойно» Старый Доктор провел блестяще…

ЛАНДАУ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ

(род. в 1908 г. – ум. в 1968 г.)



Выдающийся советский физик-теоретик, основатель научной школы, академик Академии наук СССР (1946 г.), профессор Харьковского физико-технического института (1935–1937 гг.), Московского университета (1943–1947 гг.) и Московского физико-технического института (1947–1950 гг.). Лауреат Государственной (1946, 1949, 1953 г.), Ленинской (1962 г.) и Нобелевской (1962 г.) премий. Герой Социалистического Труда (1954 г.), кавалер трех орденов Ленина и других советских орденов и медалей, а также медалей Макса Планка (ФРГ) и Фрица Лондона (Канада). Иностранный член Лондонского Королевского общества, Датской Королевской академии наук, Национальной академии наук США, Голландской Королевской академии наук, а также почетный член Американской академии наук и искусств, Лондонского физического общества, Французского физического общества.

Ландау вошел в историю как выдающийся ученый, талантливый педагог, воспитатель теоретиков-физиков, причем не только как автор оригинальной системы их эффективной подготовки, но и как создатель крупной школы со своим стилем и традициями. С именем Льва Давидовича связан также его знаменитый десятитомный курс «Теоретической физики», переведенный на многие языки, поскольку аналогов в мире ему просто нет.

Глубина истинного ученого сочеталась в нем с чертами подростка – во всем, что не касалось науки. Подростка честного, свободолюбивого, иногда – очаровательного, порой – несносного, не терпевшего недосказанности в отношениях между людьми.

Его представления о том, как «надо жить», его «Теория счастья» весьма нетривиальны, логически последовательны, обоснованы, проверены на практике. Ландау создал также «Брачный пакт о ненападении». А свою теорию «Как надо правильно строить мужчине свою личную жизнь» Дау (прозвище Ландау) считал выдающейся работой. Он всегда сожалел, что его лучшая теория никогда не будет опубликована.

Он поражал окружающих своей пунктуальностью и обязательностью. «Я за свою жизнь ни разу никуда не опоздал ни на одну минуту, – говорил Лев Давидович. – А если что-то обещал, то всегда выполнял».

Родился один из величайших физиков мира 9 (22) января 1908 года в Баку. Его отец работал инженером-нефтяником на местных нефтепромыслах, а мать – врачом. Лева с малых лет всесторонне развивался, увлекался поэзией, изучал немецкий и французский языки. (Позже перед поездкой в Англию он самостоятельно за месяц выучил английский и мог свободно изъясняться с западными коллегами.) Отец, Давид Львович, много занимался с сыном, особенно математикой, что дало возможность мальчику очень рано проявить недюжинные математические способности.

В 1916 году Лева поступил в гимназию и уже в 13 лет получил аттестат зрелости. Родители считали, что для высшего учебного заведения сын слишком молод, и он год проучился в Бакинском экономическом техникуме. В 1922 году 14-летний Лева успешно сдал экзамены в Бакинский университет на физмат, а через два года перевелся в Петербургский университет. Он занимался так интенсивно, что по ночам ему снились формулы.

В 1926 году была опубликована первая научная работа 16-летнего студента – «К теории спектров двухатомных молекул». В декабре того же года он участвовал в работе V съезда русских

физиков в Москве. В 1927 году 19-летний Ландау окончил университет и был принят аспирантом в Ленинградский физико-технический институт, где работал над магнитной теорией электрона и квантовой электродинамикой. К этому времени Лева успел опубликовать четыре научные работы. В одной из них («Проблема торможения излучением») для описания состояния систем он впервые ввел в квантовую механику новое важнейшее понятие – матрица плотности.

В 1929–1931 годах аспирант побывал в Германии, Швейцарии, Англии, Нидерландах и Дании, где работал в лучших научных центрах и познакомился с основоположниками квантовой механики – В. Гейзенбергом, В. Паули и Н. Бором, которого считал своим учителем.

В 1929 году чекисты арестовали его отца за хранение царских золотых монет. Хотя Давида Львовича вскоре освободили, факт «контрреволюционной» деятельности отца стал неотъемлемой частью биографии академика Л. Д. Ландау. Это «пятно» сохранилось до конца его жизни.

В 1930 году была опубликована работа 22-летнего Льва о диамагнетизме (впоследствии это явление получило название «диамагнетизм Ландау») и другие труды. Необычайно высокие успехи выдвинули научного сотрудника в число ведущих физиков-теоретиков мира.

В марте 1931 года Лев вернулся в Ленинград, где, говорят, не поладил с директором физико-технического института академиком А. Ф. Иоффе. Возможно, поэтому на следующий год он переехал в Харьков – его пригласили в Украинский физико-технический институт (УФТИ). Здесь молодой, но уже всемирно известный физик возглавил теоретический отдел и одновременно заведовал кафедрами теоретической физики в Харьковском инженерно-механическом институте и в университете. Выросшая вокруг 24-летнего Дау (именно так с любовью называли его ученики и близкие сотрудники) научная школа превратила Харьков в ведущий центр советской теоретической физики. Здесь проводились не только всесоюзные, но и международные физические конференции с участием крупных западных ученых.

Для основательной подготовки будущих молодых научных теоретиков во всех областях физики Ландау разработал жесткую программу подготовки – знаменитый «теоретический минимум». Требования, предъявляемые к претендентам на право участвовать в работе руководимого им семинара, были настолько высоки, что за 30 лет, несмотря на большой поток желающих, экзамены по «теорминимуму» сдало лишь 40 человек. Зато тем, кто преодолел барьер, Лев щедро уделял свое время, предоставлял им свободу в

выборе предмета исследования. Кроме того, вместе с коллегой и другом, Е. М. Лившицем, Лев Давидович написал многотомный «Курс теоретической физики», по которому и сейчас учатся физики многих стран мира.

В 1934 году Всесоюзная аттестационная комиссия присудила 26-летнему Ландау ученую степень доктора физико-математических наук (без защиты диссертации), а спустя год он стал профессором.

Лев Давидович, несмотря на солидные звания и должности, никогда не важничал. Коллеги и ученики неизменно вспоминали о его искрометном юморе, сам себя он называл «веселым Дау». В общении с людьми профессор не признавал дистанций и шутками настраивал собеседника на доверительный лад. По институту из уст в уста передавались его меткие афоризмы типа: «Жрец науки?! Это тот, кто жрет за счет науки?» Или «Науки бывают сверхъестественные, естественные и неестественные (вариант – естественные, неестественные и противоестественные)». К 50-летнему юбилею Ландау была отлита медаль с прекрасным чеканным профилем юбиляра и латинской надписью его любимого выражения «От дурака слышу!»

Он не знал, что такое скука, очень любил всякие розыгрыши. Как-то сотрудник его института опубликовал свой научный труд, полный абсурда и плагиата. Ландау написал Н. Бору в Копенгаген, чтобы тот первого апреля прислал телеграмму в институт на имя данного горе-ученого. Мол, Нобелевский комитет заинтересовался научным открытием такого-то и просит, чтобы потенциальный лауреат первого апреля представил Л. Д. Ландау все свои работы, перепечатанные на машинке в двух экземплярах. Посматривая на всех свысока, несчастный «великий ученый» с утра бегал фотографироваться, всем совал читать международную телеграмму Бора. Пьяный от счастья, с самодовольной улыбкой «без пяти минут Нобелевский лауреат» даже перестал здороваться с некоторыми знакомыми. Можно себе представить, что с ним творилось, когда, положив на стол Ландау перепечатанные труды, он вдруг услышал: «Неужели вы подумали, что за эту чушь могут дать Нобелевскую премию? С первым апреля!»

Самая плохая оценка, которую Лев Давидович мог дать кому-то из окружавших его людей – скучный человек. Он создал шуточную «Теорию скуки», в которой была введена даже «единица скуки» со следующим определением: «Час общения с ним убивает слона».

В 1934 году в Харькове Лев познакомился со своей будущей женой, инженером-технологом пищевой промышленности

Конкордией Дробанцевой. «Он не пил, не курил, не был гурманом, был абсолютно равнодушен к роскоши… А вся красота природы для него сливалась в образ прелестной женской красоты!» – вспоминала Кора Ландау. В 1937 году они поженились, у них в июле 1946 года родился Гарик, работавший впоследствии физиком-экспериментатором в отцовском институте. Кора хотела, чтобы сын носил фамилию Ландау и был русским. Лев не согласился: «Если Ландау – то еврей, а если хочешь записать его русским, то пусть будет Дробанцевым. Это же смешно – Ландау – и русский». Поскольку переспорить его было невозможно, то супруга согласилась, и они сошлись на решении записать сына под фамилией отца.

По словам племянницы гениального ученого, Эллы, довольно долго жена Льва Давидовича оставалась его единственной женщиной. Но он еще до свадьбы говорил ей: «Фундаментом нашего брака будет личная свобода». У Ландау были любовницы, Конкордия это знала, но ее, очевидно, устраивала безбедная и беззаботная жизнь за счет мужа, и она терпела измены.

Лев был падок на красавиц. Так, он заявил одному диссертанту, что приедет в Ленинград оппонировать его докторскую диссертацию, только если для знакомства с ним будет найдена подходящая дама. Бедный диссертант обзвонил знакомых, и те нашли какую-то женщину. Но Дау, едва взглянув на нее, скривил физиономию, так что знакомство не состоялось. Тем не менее, защита диссертации прошла успешно.

Ландау создал «Брачный пакт о ненападении». Вот один из пунктов: «Все мои доходы делились так: 60 % жене на все потребности семьи, включая и мужа, 40 % – мужу в личное пользование.

– Коруша, ты должна знать: свои 40 % я буду тратить на филантропию, помощь ближнему и, естественно, на тех девушек, с которыми буду встречаться…

Его филантропия в основном заключалась в том, что он материально содержал семьи пяти физиков, умерших в тюрьме в эпоху сталинизма: «Знаешь, Корочка, я очень люблю дарить хорошим людям деньги…»

В 1935 году сталинские репрессии не миновали и УФТИ, который был в то время научным центром мирового уровня. К 1937 году Харьковский институт физики был разгромлен, а сам Ландау спасся от ареста лишь бегством в Москву. Его настоятельно приглашал известный ученый Петр Капица в свой Институт физических проблем. Но в апреле 1938 года Льва все равно арестовали, обвинили в шпионаже, вредительстве, участии в составлении антисталинской листовки. В течение 1938–1939

годов он находился под следствием в Бутырской тюрьме. В камере арестант «развлекался» тем, что дразнил подхалимов: «Я очень люблю дразнить, когда есть за что!»

В результате ходатайства П. Капицы и Н. Бора к Сталину и Берии с просьбой отпустить Ландау «на поруки» под личную ответственность Капицы Лев Давидович был освобожден, но реабилитировали его лишь в 1990 году.

Он был свободомыслящим человеком и прекрасно понимал, что живет в тоталитарном государстве. Тем не менее, несмотря на тяжкий тюремный опыт и предупреждения друзей, что за ним ведется постоянная слежка и его подслушивают на работе и дома, ученый высказывался о СССР так: «Наша система – фашистская система. Наши правители – фашисты с головы до ног. Они могут быть более либеральными, менее либеральными, но идеи у них фашистские. То, что Ленин был первым фашистом – это ясно». О политике Советского правительства во время Венгерской революции 1956 года: «Наши руководители решили забрызгать себя кровью… У нас это преступники, управляющие страной».

Во время Второй мировой войны Ландау занимался исследованием горения и взрывов и другими научными работами, за что в 1946 году ему вручили первую в его жизни Сталинскую премию. Затем академик руководил группой теоретиков, которые проводили фантастические по сложности расчеты термоядерных цепных реакций для создания ядерного оружия.

Работа над атомным проектом не привлекала ученого, и он старался свести ее к минимуму: «Разумный человек должен держаться как можно дальше от практической деятельности такого рода. Если бы не мой пятый пункт (национальность), я не занимался бы спецработой, а только наукой, от которой сейчас отстаю».

В 1953 году, когда первая советская термоядерная бомба прошла испытания, ее главные создатели, в том числе и Ландау, получили золотые звезды Героев Социалистического Труда, ордена Ленина и Государственные премии. Вот только выезжать за границу на международные симпозиумы было нельзя. Лев Давидович воспринимал свое научное одиночество как трагедию. Позже он обращался к Н. С. Хрущеву, но даже поездку в Китай ему не разрешили.

Те, кто близко знал Льва Давидовича, рассказывали, что он почти всегда находился в состоянии творческого напряжения. Временами, захваченный новой идеей, он терял сон и забывал о еде. Так появлялись новые фундаментальные труды и научные открытия.

Супруга Ландау вспоминала: «Дау занимался только дома. От

собственного кабинета в институте он отказался: “Заседать я не умею, а лежать там негде”… О науке разговаривал с физиками, студентами и посетителями дома, в фойе института или гуляя по длинным институтским коридорам, а в теплые времена года – по территории института.

– Коруша, я пошел в институт почесать язык.

Это означало, что его ждут сотрудники и ученики, он будет читать лекции, проводить семинары, разговаривать о науке или консультировать. Занимался же настоящей наукой Дау только в одиночестве, лежа на тахте в окружении подушек».

У гениального ученого была уникальная способность к математическим расчетам. Он никогда не пользовался ни логарифмической линейкой, ни таблицами логарифмов, ни справочниками. Все эти сложнейшие расчеты физик производил в уме. Но порой самые элементарные бытовые вопросы ставили его в тупик. Жена Ландау вспоминала эпизод, произошедший во время войны: «Снабдив Дау утром всеми накопившимися талонами на мясо, я сказала, что буду очень счастлива, если он действительно принесет мясо, но это граничит с чудом… Привезли баранину. У мужа сразу возник вопрос: “А баранина это мясо?” – разрешить который он не мог, здесь его мозг оказался бессилен. Он спросил об этом одну из сотрудниц в очереди, и та ответила: “Дау, мясо это говядина, а баранина – это баранина”. Идти против истины Лев не мог и очень расстроенный вышел из очереди».

7 января 1962 года по дороге в Дубну Лев Давидович попал в автокатастрофу. Он ехал помочь своей племяннице Элле, дочке его сестры Сони. (Случилось так, что племянница ушла от мужа и оказалась в сложном положении.) На скользком шоссе машина ученого столкнулась с грузовиком. Все отделались испугом, легкими ушибами и царапинами, а Дау получил серьезнейшие переломы, повреждения мозга и внутренних органов. В течение шести недель пострадавший оставался без сознания и почти три месяца не узнавал даже своих близких.

Несчастный случай всколыхнул всю научную общественность. Медики и физики разных стран стремились внести свой вклад в спасение великого ученого, и он чудом выжил. К Дау вернулась речь, он начал ходить, но творческой деятельностью заниматься уже не мог. Лев Давидович помнил стихи, какие-то давние события, но кто навещал его вчера, что было час назад – не помнил. И, что хуже всего, именитый физик потерял интерес к жизни и окружающим.

В 1962 году Л. Д. Ландау был удостоен Ленинской премии, а также Нобелевской премии по физике «за пионерские работы в

области теории конденсированных сред, в особенности жидкого гелия». (Так сложилось, что саму работу он писал перед своим арестом еще в 1938 году.) Поехать в Стокгольм лауреат не смог, и эту высокую награду вручил ему в Москве посол Швеции.

Незадолго до кончины великий физик сказал: «Я неплохо прожил жизнь. Мне всегда все удавалось». Это были его последние слова. 1 апреля 1968 года он умер в московской больнице.

В год смерти выдающегося ученого вышло собрание его работ в различных областях физики – квантовая электродинамика, магнетизм, сверхтекучесть и сверхпроводимость, физика твердого тела, атомного ядра и элементарных частиц, физика плазмы, астрофизика и других. Такая широта научного творчества Ландау беспрецедентна по своему диапазону.

ЛЕВИТАН ИСААК ИЛЬИЧ

(род. в 1860 г. – ум. в 1900 г.)

Выдающийся русский живописец-пейзажист, создатель «пейзажа настроения», превосходный рисовальщик и колорист. Академик живописи (1897 г.), член Товарищества передвижных выставок (с 1887 г.), действительный член Мюнхенского художественного общества «Сецессион» (1897 г.). Участник международных выставок в Мюнхене (1896, 1898, 1899 гг.), Всемирной Парижской выставки (1900 г.). Руководитель пейзажного класса в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (с 1898 г.).

Понятия «левитановский пейзаж», «левитановская осень» давно вошли в нашу жизнь, став синонимами красоты русской природы. Не каждому живописцу удавалось так поэтично и возвышенно увековечить свое имя в памяти потомков, как Левитану. А между тем к сложному искусству постижения природы этот гений пейзажа шел путем трудным, а порой и

мучительным. И даже будучи уже признанным мастером, он нередко чувствовал неудовлетворенность своим творчеством, страдал от невозможности передать на холсте всю божественную красоту мироздания. В письме к А. П. Чехову в 1887 году художник писал: «Может ли быть что-то трагичнее, как чувствовать бесконечную красоту окружающего, подмечать сокровенную тайну, видеть Бога во всем и не уметь, сознавая свое бессилие, выразить эти большие ощущения…»

Современники нередко называли Левитана «удачливым неудачником». В этом парадоксальном определении выразились и сладость творческих побед художника, и горечь его несчастливой человеческой судьбы. За свои неполные сорок лет он сполна испытал нужду и унижения, часто жил в разладе с самим собой и окружающими, переживал творческие кризисы и вновь возрождался к жизни через искусство. И потому, говоря о себе, Левитан утверждал: «…я не могу быть хоть немного счастлив, покоен, ну, словом, не понимаю себя вне живописи».

Будущий художник родился в местечке Кибарты бывшей Ковенской губернии в бедной еврейской семье. Его отец окончил раввинское училище, но затем, пристрастившись к иностранным языкам, стал зарабатывать на жизнь уроками. Знание французского языка особенно пригодилось ему, когда началось строительство Ковенской железной дороги, в котором участвовали инженеры из Франции. Левитан-старший стал служить на железнодорожной станции сначала переводчиком, а затем кассиром.

В 1869 году семья переехала в Москву. В 1873 году Исаак был принят в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где уже учился его старший брат Адольф. Семья жила бедно, а после смерти родителей (матери – в 1875 году и отца – в 1877 году) четверо детей, оставшихся сиротами, впали в крайнюю нужду. Известный художник М. В. Нестеров, бывший товарищем Исаака по училищу, вспоминал: «Левитан сильно нуждался, про него ходило в школе много полуфантастических рассказов. Говорили о его большом даровании и о великой нужде. Сказывали, что он не имел иногда и ночлега. Бывали случаи, когда Исаак Левитан после вечерних классов незаметно исчезал, прятался в верхнем этаже огромного старого дома Юшкова… выждав последний обход опустелого училища солдатом Земляникиным, прозванным «Нечистая сила», оставался один коротать ночь в тепле, оставался долгий зимний вечер и долгую ночь с тем, чтобы утром, натощак, начать день мечтами о нежно любимой природе».

Но, несмотря на голод и бесприютность, талантливый юноша учился гораздо лучше многих состоятельных одногруппников.

Уже в 1875 году Левитана, как получившего «первые номера по художественным занятиям», награждают ящиком красок и дюжиной кистей (для нищего художника это было целое состояние), а в 1876–1879 годах освобождают от платы за обучение «ввиду крайней бедности» и как «показавшего большие успехи в искусстве». И в это же время Исааку пришлось почувствовать на себе всю тяжесть унижения человеческого достоинства. В 1879 году, после покушения народовольцев на жизнь Александра II, он, так же как и другие евреи, вместе с братом и сестрой Анной был выслан из Москвы (второй раз Левитана, уже известного живописца, вышлют в 1892 году). «Изгои» поселились на даче в подмосковной деревне Салтыковка. Жили впроголодь, и, чтобы добыть средства к существованию, начинающий художник создает свою первую картину «Вечер после дождя». Писать ее было трудно: Исааку, одетому в красную старую рубаху, дырявые брюки и опорки на босу ногу, приходилось прятаться за кустами, чтобы своим жалким видом не привлекать внимание нарядной гуляющей публики. Попросив одежду у шурина, он поехал в Москву, где на Покровке продал эту картину за 40 рублей и был несказанно счастлив.

В октябре 1879 года Левитан был зачислен советом преподавателей училища на получение стипендии им. В. А. Долгорукого. Тогда же им написана картина «Осенний день. Сокольники», сразу же приобретенная П. М. Третьяковым. Уже в ней проявилась основная черта левитановского творчества – неотделимость природы от мира человеческих чувств. Все в этой картине – и низкие серые облака, и стоящие вдоль пустынной аллеи деревья, горящие последней, увядающей красотой, и опавшая осенняя листва – созвучно печали одиноко бредущей женской фигурки (она была нарисована художником Николаем Чеховым). Такому восприятию природы научили молодого живописца его замечательные учителя – А. К. Саврасов и В. Д. Поленов, которые всячески развивали и поддерживали дарование Левитана. К примеру, Поленов привлекал его к работе над декорациями для Частной оперы С. И. Мамонтова, часто приглашал в свое имение «пожить и поработать». Но даже эти маститые мэтры не смогли изменить решение Совета училища о том, что дипломная работа их ученика не достойна большой серебряной медали. И, закончив в 1883 году учебу, Левитан получил не звание художника, а диплом учителя чистописания.

Уже первые его пейзажи, написанные в 1883–1884 годах, очаровывали необычайной свежестью живописи. Картины «Мостик. Саввинская слобода», «Саввинская слобода под Звенигородом» и этюд «Первая зелень. Май» (одноименное

полотно было написано в 1888 году) наполнены ослепительным солнцем, сочной и ажурной зеленью трав и деревьев, ощущением радости от буйства красок и жизненных сил пробуждающейся природы. Между тем творческое настроение самого художника в это время было отнюдь не радостным. Крушение надежд, неотступная нужда, ощущение себя изгоем общества часто повергали его в состояние депрессии. В такие периоды он уходил от людей, из мягкого и деликатного человека превращался в молчаливого или грубого и непредсказуемого. Весной 1885 года он даже предпринял попытку самоубийства, первую и не последнюю.

Но лето, проведенное Левитаном с семейством Чеховых на даче в Бабкино, вернуло ему жизнерадостность и силы для работы. Это был редкий для художника период беззаботной жизни, полной молодого веселья, дурачеств и розыгрышей. Здесь Левитан особенно близко сошелся с А. П. Чеховым, и эта дружба, омраченная впоследствии единственным трехлетним перерывом, продлилась до конца жизни художника. Несмотря на прелести летней дачной жизни, он успевал много и плодотворно работать. Флигель, в котором жил Левитан, был сверху донизу завешан этюдами, которые потом стали основой многих его знаменитых картин.

Большую роль в творчестве художника сыграли его поездки на Волгу в 1887–1890 годах. Благодаря им он создал необычные пейзажные полотна, в которых органично соединились эпический размах и тонкая лиричность, задушевность и созерцательность, глубокие размышления о непреходящей красоте мира и светлая грусть («Вечер на Волге», «Вечер. Золотой плёс», «После дождя. Плёс», «Березовая роща», «Золотая осень. Слободка», «Тихая обитель»). Поездки на Волгу взбудоражили Левитана. Он перестал хандрить, повеселел, и это радостное настроение отразилось в его полотнах. А. П. Чехов очень их расхваливал: «Знаешь, – заметил он другу, – на твоих полотнах даже появилась улыбка». В волжских работах Левитана особенно сильно проявился национальный характер русского пейзажа. Они принесли художнику известность и признание. Одна из них – картина «На Волге», представленная на конкурсе Московского общества любителей художеств, была удостоена первой премии. С этого времени Левитан становится желанным гостем в домах московской художественной интеллигенции. Особенно часто он посещает вечера, устраиваемые художницей С. П. Кувшинниковой, которая сопровождала его во всех поездках по Волге. По словам М. П. Чеховой, сестры писателя, «Софья Петровна была не особенно красивая, но интересная по своим

дарованиям женщина». Она хорошо рисовала, и некоторые ее работы даже были представлены в Третьяковской галерее. Неудивительно, что пылкий и темпераментный Левитан не на шутку увлекся ею. Их отношения легли в основу чеховского рассказа «Попрыгунья», что надолго рассорило художника с Антоном Павловичем.

Это увлечение было не единственным в жизни Левитана. Долгое время он был влюблен в Лику Мизинову, делал предложение Марии Павловне Чеховой. Впоследствии она вспоминала: «У Левитана было восхитительное благородное лицо и очень выразительные глаза. Женщины находили его прекрасным, он знал это и сильно перед ними кокетничал… Левитан был неотразим для женщин, и сам он был влюбчив необыкновенно. Его увлечения протекали бурно, у всех на виду, с разными глупостями, до выстрелов включительно». История с выстрелом, о которой вспоминает Мария Павловна, была описана Чеховым в пьесе «Чайка». Она произошла в июле 1895 года в имении Турчаниновых, куда художник приехал писать этюды. Причиной, по которой Левитан хотел застрелиться, стало соперничество увлеченных им Анны Николаевны Турчаниновой и ее дочери Вари. К счастью, и на этот раз смерть миновала его. Но пережитое потрясение еще долго мучило душу художника. В письме В. Д. Поленову он писал: «…жить нет сил, умереть также; куда деть себя?!!» Целительную силу Левитан, как всегда, нашел в искусстве.

С 1891 года художник работает в мастерской, любезно предоставленной ему С. Т. Морозовым. Здесь он создает лучшие свои произведения: «У омута», «Владимирка» (обе в 1892 г.), «Над вечным покоем» (1893–1894 гг.), «Золотая осень», «Март», «Свежий ветер. Волга» (все в 1895 г.), «Весна – большая вода» (1897 г.) и др. Эти полотна поражают своим колоритом, продуманностью композиции, новыми, небывалыми для русской пейзажной живописи сюжетными мотивами, а главное – философским звучанием. Раздумья художника о мире и человеке в нем особенно сильно выражены в картине «Над вечным покоем». В ней отчетливо звучит тема бренности человеческого существования и безграничной власти природы. Сам Левитан писал об этой картине: «…В ней я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием…» Не менее монументальный пейзажный образ создан художником и во «Владимирке», которая, по словам М. В. Нестерова, «может быть смело названа русским историческим пейзажем, коих в нашем искусстве немного».

В последнее десятилетие своей жизни Исаак Ильич часто бывает за границей: во Франции, Италии, Швейцарии,

Финляндии. Там он знакомится с искусством старых и современных европейских мастеров, ищет новые живописные формы, пишет пейзажи («Близ Бордигеры. На севере Италии», «Берег Средиземного моря», 1890 г.; «Озеро Комо», 1894 г.). Но заграничные картины художника в России успеха не имели. Критика ядовито писала о том, что Левитан «уже спел свою песенку и умер для русского пейзажа». Знакомясь с подобными высказываниями, очень ранимый и чувствительный художник не мог найти себе места. К тому же все больше давали знать о себе признаки тяжелой сердечной болезни. В 1897 году врачи сказали Исааку Ильичу, что у него порок сердца и расширение аорты. Он был очень опечален тем, что болезнь не дает ему возможности работать, и говорил: «Так рано складывать оружие больно».

Но, несмотря на запреты врачей, Левитан продолжает много писать. Он создает тончайшие лирические поэмы в красках – «Сумерки», «Стога. Сумерки», «Летний вечер», «Поздняя осень» и большое, давно задуманное полотно «Озеро. Русь», которое современники назвали «песней без слов». Именно об этих работах художника А. П. Чехов писал: «…До такой изумительной простоты и ясности мотива, до которых дошел в последнее время Левитан, никто не доходил до него, да и не знаю, дойдет ли кто после».

Гениальный пейзажист скончался 22 июля 1900 года, в пору цветения любимых им флоксов. Они были положены на его могилу молодыми художниками – теми, кого он учил постигать природу глубоко и проникновенно, так, чтобы слышать «трав прозябанье».

ЛЕМ СТАНИСЛАВ

(род. в 1921 г.)

Классик польской и мировой литературы в жанре научно-философской фантастики. Драматург, критик, литературовед и оригинальный философ-энциклопедист, известный также произведениями других жанров (детективной литературы, поэзии, рядом философских и литературно-критических трудов). Почетный доктор Вроцлавского политехнического института. Лауреат многих национальных и иностранных литературных премий, в том числе Государственной премии ПНР (1976 г.), Государственной премии Австрии (1956 г.), лауреат премии Франца Кафки, Кавалер Ордена Белого Орла (1996 г.). С 2000 г. является членом комитета «Польша 2000», действующего под протекторатом Польской академии наук.

Будущий мэтр польской и мировой научной фантастики родился 12 сентября 1921 года во Львове в семье врача-

ларинголога. Тогда этот украинский город, как и вся Западная Украина, территориально относился к Польше. О раннем детстве Станислава невозможно рассказать лучше, чем он это сделал в книге «Станислав Лем о себе»: «Норберт Винер начал свою автобиографию словами: “Я был чудо-ребенком”. Пожалуй, про себя я бы мог сказать: “Я был монстром”. Возможно, это и преувеличение, но я, будучи еще совсем маленьким, умудрялся затерроризировать абсолютно всех окружающих. Скажем, я соглашался делать, что мне говорят, исключительно, если мой отец забирался на стул и начинал попеременно открывать и закрывать зонтик, кормить же себя я позволял исключительно под столом. Этого я на самом деле не помню; ведь это всего лишь начало, лежащее где-то за пределами памяти. Славным малым меня, судя по всему, считали лишь многочисленные тетушки». И таким вредным и довольно неуживчивым человеком Лем остается на протяжении всей жизни.

В четыре года он самостоятельно научился читать и писать и развлекался тем, что в письмах к отцу расписывал свои приключения в… деревенском туалете. Потом была учеба во 2-й мужской гимназии, окончание которой в 1939 году совпало с присоединением Западной Украины к СССР. Станислав в тот же год поступил во Львовский медицинский институт. «Попал я туда окольной дорогой, потому как сперва сдавал экзамен на политехнику, которую считал намного более интересной. Экзамен сдал успешно, но, поскольку я был представителем “неправильного социального класса” (отец – зажиточный ларинголог, то есть буржуа), меня не приняли… Отец использовал свои связи, и с помощью профессора Парнаса, известного биохимика, меня пристроили изучать медицину, без малейшего энтузиазма с моей стороны». Лем успел проучиться всего два года и был вынужден прервать обучение в связи с началом Великой Отечественной войны. В годы немецкой оккупации он работал помощником механика и сварщиком в гаражах германской фирмы, занимавшейся переработкой сырья. По окончании войны Станислав вместе с семьей был репатриирован в Польшу (1946). О том времени у Лема остались тяжелые воспоминания: «Я был выброшен, иначе нельзя сказать, из Львова, это теперь Украина. В чувственном отношении я думаю, что Украина украла один из наших прекрасных городов. Ну что поделаешь, не могу же я внезапно отменить то, что я там родился и прожил 25 лет. Но я также понимаю, что того Львова, в котором я жил, уже не существует и что это теперь действительно украинский город. Мне русские в Москве несколько раз предлагали: “Может, вы хотите поехать во Львов? Пожалуйста”. Я

всегда отказывался, это как бы если я любил какую-то женщину, а она ушла с кем-то, мне неизвестным. Зачем я буду выяснять, что с ней теперь? Не хочу знать, и все».

Станислав мог и не продолжать учебу в институте – он достаточно много зарабатывал, работая сварщиком. Но так как даже мысль о том, что сын мог бросить обучение, сильно огорчала отца, он не решился на это. Медицинское образование Лем получил, окончив медицинский факультет Ягеллонского университета в Кракове. В период с 1948 по 1950 год он работал младшим ассистентом в одной из клиник, возглавляемой Мичеславом Чойновским. По признанию Лема, этот человек сильно повлиял на его общее и интеллектуальное развитие. В результате чего Станислав получил только сертификат о завершении медицинского образования, но отказался сдавать последние экзамены, чтобы избежать карьеры военного врача: «Армия забрала всех моих друзей, причем не на год или на два, они остались там навсегда…»

Постепенно медицина была вытеснена из жизни Лема литературной деятельностью. Как писатель он дебютировал в 1946 году рассказами «Чужой» и «История одного открытия», а также романом «Человек с Марса». Стихотворения и рассказы Станислава печатались в различных периодических изданиях, а он в 1948 г. начал работать над романом «Госпиталь Трансфигурации», который не пропустила коммунистическая цензура. «…Каждые несколько недель ездил ночным поездом в Варшаву, – вспоминает Лем. – Я брал самые дешевые билеты, потому что был тогда слишком беден. Там, в Варшаве, я вел бесконечные дискуссии в издательстве “Ksiazka i Wiedza”. Эти ребята подвергали чудовищным истязаниям мой “Госпиталь Трансфигурации”, количество критических рецензий росло не по дням, а по часам, и в каждой из них роман называли декадентским и контрреволюционным. Мне указывали, что и как надо переделывать… Надежда, что роман все-таки опубликуют, продолжала тлеть, потому я старательно писал и переделывал… Поскольку “Госпиталь Трансфигурации” считался неправильным с “идеологической точки зрения”, я обязался написать в будущем дополнительные эпизоды, чтобы достичь “композиционного баланса”».

Все изменилось в 1950 году после знакомства Лема с представителем издательства «Czytelnik» Жерзи Пански, который, посетовав на практически полное отсутствие польской научной фантастики, предложил Станиславу написать фантастический роман. «Даже не представляя, о чем будет моя книга, я написал название “Астронавты” и в кратчайшие сроки написал свою

первую книгу, которая была без промедления опубликована» (1951). Роман, посвященный первому космическому полету на Венеру, агрессивные обитатели которой сначала предприняли неудачную попытку вторжения на Землю, а затем самоистребились в ядерной войне, оставив после себя бессмысленно функционирующую «автоматическую цивилизацию», был экранизирован и принес Лему известность. Несмотря на некоторый схематизм и перегруженность научными «обоснованиями», роман сыграл заметную роль в развитии национальной фантастики.

И с тех пор слава Лема как писателя-фантаста стремительно росла. Пришло к нему и личное счастье. В 1953 году Станислав «после 2-х или 3-х лет осады» женился на Барбаре Лесняк. Правда, первое время молодым супругам пришлось жить порознь: муж ютился в съемной сырой крохотной комнатке, а жена, заканчивающая медицинский институт, у своей сестры. «В эти политически безынтересные времена… мы убивали один месяц в году, катаясь на лыжах в Закопане. Туда же ездил я и в июне, из-за сенной лихорадки, против которой в те времена лекарств еще не было. Я оставался в доме Писательского Содружества и работал целые дни напролет. Кроме этого, ничего стоящего внимания не происходило – жена продолжала работать радиологом, я – продолжал оставаться рядовым членом Писательского Содружества… До сих пор помню свою поездку с делегацией польских писателей в Восточную Германию, равно как и поездки в Прагу и Советский Союз. Меня там обожали…»

Нечего скрывать, в те годы книги Лема были включены в число тех немногих переводов зарубежной фантастики, которые были разрешены к печати в Союзе. И «обожать» фантаста было за что: он открывал перед читателем не только неизведанные миры, но и делал это с удивительным разнообразием и психологической утонченностью. Не напрасно ведь его произведения относят не к общему жанру научной фантастики, а к научно-философской.

Научно-фантастические романы можно разбить на две категории: «Эдем» (1959), «Возвращение со Звезд» (1961), «Солярис» (1961), «Непобедимый» (1964), «Глас Господа» (1968), «Рассказы о пилоте Пирксе» (1968) – серьезные новеллы, написанные согласно традициям жанра, которые сам Лем расширил и качественно улучшил. Ко второй группе относят «Звездные Дневники» (1957) и «Воспоминания Ийона Тихого» (1960), «Рукопись, найденная в ванне» (1961), «Сказки Роботов» (1964), «Кибериаду» (1965), «Осмотр на месте» (1982), «Мир на Земле» (1987). Эти произведения наполнены гротеском и живым искрящимся юмором. Их стиль зачастую схож с традиционными

литературными формами, такими, как басни, мемуары или философские истории.

С научно-фантастическим творчеством Лема органически связана и его философская и литературоведческая эссеистика. В научных работах писателя можно найти истоки многих фантастических тем и сюжетов, позже перекочевавших в художественные произведения. Лем является автором таких фундаментальных работ: «Диалоги» (1957) – о системах управления и кибернетических принципах; «Сумма технологии» (1962–1963) – о путях развития цивилизации в далеком будущем, возможных тупиках на ее пути и многообещающих направлениях, в частности фантоматики; «Философия случая» (1968) – о культуре и этике технологических цивилизаций. И наконец, это объемное двухтомное исследование (проведенное в основном методами структурного анализа) современной западной научной фантастики – «Фантастика и футурология» (1970). Эта книга, а также ряд литературоведческих статей Лема, остро критиковавшие сюжетный примитивизм и общую «благостно-местническую» атмосферу в американской фантастике, привели к скандальному исключению писателя из Ассоциации американских писателей-фантастов, в которую он совсем недавно был принят. В знак протеста потребовали своей «отставки» такие известные фантасты, как Майкл Муркок и Урсулу Ле Гуин.

По мнению специалистов, среди всех эссе Лема главенствующую роль занимает «Сумма технологий», так как связана с проблемами, которые ныне даже более актуальны, нежели в те времена, когда книга была только написана. Многие прогнозы писателя в области культуры и технологии неожиданным образом оказались абсолютно точными. Одним из наиболее совершенных художественных произведений писателя является короткая повесть «Маска» (1974), представляющая собой емкую и стилистически выверенную (под готический роман) историю «обретения себя», самопознания героини, созданной для уничтожения дерзкого ученого, машины-убийцы, к которой вместе с искусственным интеллектом и личностью пришла любовь к своей жертве.

Ну а вершиной всего творчества Лема критики считают роман «Солярис» (1961) с его планетой-океаном, единым разумом, который стал одним из самых запоминающихся фантастических миров. Роман (своеобразно экранизированный А. Тарковским) не ограничивается художественным и философским значением проблем контакта. Гигантский одинокий разум во Вселенной, занятый непостижимой планетарной инженерией, пытающийся протянуть «ниточку понимания» к исследующим его

земным ученым – путем посылки к ним «фантомов», людей во плоти и крови, сконструированных на основе информации, выуженной из подсознания землян (и приносящих тем унижения, драмы, трагедии), – это не только естественнонаучные проблемы «соляристики». Благодаря этому научно-фантастическому приему, Лем поставил перед людьми серьезные философские и нравственные проблемы. Среди них не последнее место занимает «земная» проблема совести, моральной ответственности, искаженное зеркало-напоминание о которых земляне неожиданно нашли в космосе. Исследователи неоднократно отмечали и метафизический, и теологический контексты романа; не случайно полный вариант перевода на русский язык, содержащий глубокие и парадоксальные размышления автора о «боге-младенце», «боге, не ведающем, что творит», «боге-неудачнике», вышел с большим запозданием – только в 1976 году.

Одна из повестей о Пирксе и роман «Солярис» экранизированы. Причем картина А. Тарковского относится к шедеврам мировой кинофантастики. Но только не по мнению самого Лема: «У меня серьезные оговорки в адрес его киноинтерпретации моей книги. Во-первых, хотелось увидеть планету Солярис. Во-вторых, во время одного из наших споров я сказал Тарковскому, что он так и не снял “Солярис”, вместо него получилось “Преступление и наказание”. Из фильма мы узнаем, что этот жуткий парень Кельвин довел Хари до самоубийства, отчего потом каялся, причем покаяние усугублялось ее неоднократными повторяющимися визитами в странных и невероятных обстоятельствах. Что вообще ужасно, так это введение в сюжет родителей и тети Кельвина. Но хуже всех была его мать, потому что это была русская мать, то есть родина – мать-земля. Это меня по-настоящему взбесило. В тот момент мы стали похожи на двух лошадей, тянущих одну телегу в противоположные стороны. Жизнь людей на станции представляет собой не какой-то там экзистенциалистский анекдотец, а ставит серьезные вопросы о месте человека в космосе! Мой Кельвин решает остаться на планете, потеряв всякую надежду, в то время как Тарковский создал образ какого-то острова с хижиной. Меня он раздражает. Не выношу этого “эмоционального соуса”, под которым Тарковский “подает” героев моей книги, не говоря уже о том, что он начисто удалил научные описания планеты и заменил их серией чудачеств. О римейке Содерберга я мало что могу сказать. Знаю, что критики воспринимают его как фильм по мотивам картины Тарковского. С коммерческой точки зрения фильм Содерберга с треском провалился».

Угодить Лему трудно, да, впрочем, он ненавидит, когда ему угождают. Он человек, непримиримый со всем, что не входит в рамки его собственных понятий. После установления в Польше военного положения в 1980 году писатель уехал в Западный Берлин, жил также в Австрии, Италии и вернулся на родину в 1988-м. Живя за границей, он написал две свои последние научно-фантастические книги: «Мир на Земле» и «Фиаско». С тех пор Лем пишет в основном футурологические прогнозы, сотрудничает с католическим еженедельником «Tygodnik Powszechy», с ежемесячником «Odra», с польской версией журнала «PC Magazine». Еще в 1970-х годах писатель начал испытывать постоянный «интеллектуальный цейтнот» – невозможность адекватно, в художественных образах отразить все проблемы, волнующие его как мыслителя. Стремление ускорить их передачу читателю (а заодно и расширить границы традиционной научной фантастики) подтолкнуло Лема-писателя к активному поиску новых литературных форм. Эти поиски воплотились в оригинальном жанре, в котором успешно творил высоко почитаемый паном Станиславом Х. Борхес: рецензии, авторефераты, предисловия, отклики на ненаписанные книги и даже отдельные фрагменты из них. Лем стал таким же успешным и острым на язык критиком, причем иногда от него достается и собственным произведениям.

Известный писатель живет на окраине Кракова, в ничем не примечательном частном доме. На письменном столе, между новейшими номерами журналов «Природа» и «Наука», по-прежнему стоит старая пишущая машинка и какое-то самодельное устройство. Повсюду кипы его книг. «У меня то ли 1200, то ли 1600 мировых изданий, на 44 языках», – говорит писатель.

Станислав Лем, который своими книгами изменил наш взгляд на человеческую сущность, ведет образ жизни не духовного вождя, а отшельника и ломким старческим голосом отстаивает свои убеждения, подкрепленные жизненным опытом. Он признается, что мало читает, а уж тем более в области научной фантастики, и не относит себя к мэтрам этого жанра. Лем считает себя прежде всего философом, который просчитывает поведение людей на фоне развития технологий или модулирует новые общества. «Я огораживаю себя от всего, от чего возможно, – говорил писатель в одном из интервью, – в том числе от потоков электронных писем и информационного мусора в Интернете. Самые важные вещи подбирают для меня мой сын, который находится в Америке, и мой ассистент здесь, в Кракове. Я нуждаюсь в покое, зачем мне все это безумие? Я, господа, не

смотрю телевизор, только новости на немецком языке, так как они задевают меня менее всего. Я пытаюсь выискать что-то интересное, то, о чем не трубят на каждом углу. Это достаточно тяжело, даже в таких журналах, как “Science”, “Nature” и “New Scientist”». Лем ездит на «мерседесе» и бурчит так же, как эта старая машина: «Я возвращаюсь из книжных магазинов, а в руках практически ничего. Молодежь писала стихи и опять пишет стихи. Вроде как будто не было Второй мировой войны, перемены всего общественного строя. Единственная разница: теперь легко издавать всякую чепуху, всякую глупость – и все!» Поэтому он в сотый раз перечитывает своих любимых поэтов – Рильке и Целана. А на вопрос: «Если бы вы сегодня еще раз стали писать “Солярис”, у книги была бы другая концепция?» – отвечает: «Знаете, в чем самый большой вопрос: где найти мыслящих читателей?»

МАЛЕР ГУСТАВ

(род. в 1860 г. – ум. в 1911 г.)

Австрийский композитор и дирижер, оперный режиссер. Один из самых выдающихся симфонистов в истории музыки. Симфонии Малера, созданные с большим оркестровым и полифоническим мастерством, представляют собой грандиозные и впечатляющие музыкальные полотна. В музыке Малера проявились тенденции позднего романтизма и черты экспрессионизма, обусловленные трагическим осознанием социальных противоречий эпохи. Автор 10 симфоний, симфоний для солистов и оркестра «Песнь о Земле» (1908 г.), вокальных циклов, в т. ч. для голоса с оркестром («Песни об умерших детях», 1904 г.). Творчество Малера оказало сильное влияние на развитие музыкальной культуры XX века.

«Я трижды бездомный, – говорил Малер, – для австрийцев я чех, для немцев – австриец, для всего мира… – еврей». Он был во многом прав, но ошибся в главном: для всех почитателей музыки

он стал величайшим композитором, произведения которого вобрали в себя все человеческие эмоции – от самых радостных до наиболее трагических.

Густав Малер родился 7 июля 1860 года в чешской деревушке Калиште и был вторым из 14 детей в семье Марии Германн и Бернхарда Малера. Его отец был мелким торговцем. Вскоре после рождения Густава семья переселилась в маленький промышленный городок Йиглаву – островок немецкой культуры в Южной Моравии (ныне Чехия). Уже в шесть лет мальчик под руководством капельмейстера Жижки начал учиться игре на фортепиано и обнаружил незаурядные музыкальные способности. Вскоре он уже сам дает уроки начинающим, а в десять лет у Густава состоялся его первый публичный концерт. В 1875 году отец отвез его в Вену, где по рекомендации профессора Ю. Эпштейна он, сын провинциального кабатчика, поступил в консерваторию. На прослушивании преподаватель фортепиано Эпштейн сразу сказал: «Он прирожденный музыкант, – и когда отец отнесся к этим словам скептически, добавил: – В данном случае я не ошибаюсь». Но не сумев выиграть студенческий конкурс по композиции, Малер занялся дирижированием. Помимо занятий в консерватории Густав посещал лекции в Венском университете по истории, философии, психологии и истории музыки и познакомился с работавшим там Антоном Брукнером – одним из крупнейших австрийских симфонистов второй половины XIX века (позднее критики постоянно указывали, что Малер стал продолжателем творческий линии Брукнера). Глубокие знания в области философии и психологии позже самым непосредственным образом сказались на творчестве Малера.

Малер-музыкант раскрылся в консерватории прежде всего как исполнитель-пианист, но в то же время его очень интересовало и симфоническое дирижирование. Как композитор Малер не нашел признания в стенах консерватории. Первые крупные камерно-ансамблевые сочинения студенческих лет (фортепианный квинтет и пр.) еще не отличались самостоятельностью стиля и были уничтожены композитором. Единственное зрелое сочинение этого периода – кантата «Жалобная песнь» (1880) для сопрано, альта, тенора, смешанного хора и оркестра. Музыкальный язык кантаты, несмотря на заметное влияние опер К. М. Фон Вебера и Р. Вагнера, уже нес на себе печать малеровской индивидуальности, но все же произведение не получило консерваторской Бетховенской премии, и разочарованный автор решил посвятить себя дирижерской деятельности. Сначала Густав работал в маленьком опереточном театре под Линцем (1880), затем в

Любляне (Словения, 1881–1882), Оломоуце (Моравия, 1883) и Касселе (Германия, 1883–1885). Кассельские годы были отмечены трениями с руководством театра и несчастной любовью к одной из певиц. Любовная драма Малера нашла свое отражение в его первом шедевре – вокальном цикле «Песни странствующего подмастерья», к которому он написал стихи (музыкальный материал этих песен несколько лет спустя вошел в Первую симфонию).

Малер немало пострансствовал по сценам оперных театров Европы. Человеком он был довольно неуживчивым, и к тому же его музыкальные пристрастия значительно отличались от общепринятых. После ухода из кассельского театра Густав работал в пражском Немецком театре, где дирижировал операми Глюка, Моцарта, Бетховена и Вагнера. В Лейпциге репертуар Малера поначалу ограничивался менее серьезными позициями, однако в январе 1887 года он, заменив заболевшего первого дирижера, принял на себя руководство исполнением вагнеровского «Кольца нибелунга». Вскоре Малер завершил неоконченную комическую оперу Вебера «Три Пинто». Ее премьера в 1888 году, восторженно встреченная публикой и критикой, сделала молодого композитора знаменитым.

Тогда же у Малера завязался роман с женой внука К. М. Вебера. Не без влияния семьи Веберов он открыл для себя сборник немецкой народной поэзии «Волшебный рог мальчика», который был источником вдохновения едва ли не для всех австро-немецких романтиков. Почти все вокальные произведения Малера, созданные до начала 1900-х годов, написаны на стихи из этого сборника.

В мае 1888 года Малер из-за разногласий с коллегами покинул лейпцигский театр. По аналогичной причине он вскоре был отстранен от работы в Праге, куда его пригласили ставить «Три Пинто» и популярную в то время оперу П. фон Корнелиуса «Багдадский цирюльник». В том же году композитор завершил Первую симфонию, открывшую собой грандиозный цикл из десяти симфоний и воплотившую важнейшие стороны мировоззрения и эстетики Малера. Его творчество проникнуто глубоким психологизмом, позволившим передать в песнях и симфониях духовный мир человека в постоянных и острейших конфликтах с окружающим миром. Никто из современных Густаву композиторов, за исключением Скрябина, не поднимал в творчестве таких масштабных философских проблем, какие поднимал он сам.

Вскоре Малер получил назначение на более почетную должность музыкального директора Будапештской королевской

оперы, которая под его руководством вступила в полосу художественных и финансовых успехов. Тем не менее, ситуация зависимости от административного директора становилась для музыканта невыносимой, ив 1891 году он в очередной раз сменил место работы, став первым дирижером Городского театра в Гамбурге. Гамбургский период жизни Малера продлился до 1897 года. Несмотря на большую нагрузку и частые конфликты с интендантом театра Б. Поллини, Малер находил время и силы для сочинения музыки; во время ежегодных летних каникул в Зальцкаммергуте он завершил еще две симфонии. Вторая симфония для оркестра и хора по дерзновению сравнима с Девятой бетховенской. Третья симфония – самая грандиозная по замыслу и по размерам. В нее Малер попытался втиснуть все мироздание – траву, зверей, человека, ангелов и… любовь. Как-то раз Бруно Вальтер, заехавший к Малеру в гости в Штейнбах, попытался восхититься местными красотами. Нет тут-то было! «Вам уже нечего здесь рассматривать, – без ложной скромности заявил композитор, – все это я вобрал в свою музыку!» Критики утверждают, что Третья симфония при всей своей грандиозности – самая легкая для восприятия.

В Гамбурге Малер пережил увлечение певицей Анной фон Мильденбург из Вены и тогда же завязалась его многолетняя дружба со скрипачкой Натали Бауэр-Лехнер: они проводили месяцы летнего отдыха вместе, и Натали вела дневник, один из самых достоверных источников сведений о жизни и образе мыслей Малера. В 1897 году он принял католицизм, одной из причин обращения стало желание получить место директора и дирижера Придворной оперы в Вене. Однако на этот шаг он решился вовсе не только по конъюнктурным соображениям, а в полном соответствии со своими убеждениями. Достаточно вслушаться в его музыку, оценить концепцию хотя бы Второй симфонии, которую современники называли «Симфония Воскресения».

Десять лет, которые Малер провел на этом посту, многие музыковеды считают золотым веком Венской оперы: начав свою деятельность в качестве третьего дирижера придворной оперы, он через несколько месяцев занял пост директора и приступил к реформам, которые выдвинули Венскую оперу на первые роли среди европейских театров. Из-за художественного фанатизма Малера, его упрямого характера, пренебрежения некоторыми исполнительскими традициями, стремления проводить осмысленную репертуарную политику, а также необычных темпов, которые он выбирал, и его жестких замечаний во время репетиций, у него появилось немало врагов в Вене – городе, где

музыка рассматривалась скорее как объект наслаждения, чем жертвенного служения. В 1903 году Малер пригласил в театр нового сотрудника – венского художника А. Роллера; вместе они создали ряд постановок, в которых применили новые стилистические и технические приемы, сложившиеся на рубеже веков в европейском театральном искусстве. Крупнейшими достижениями на этом пути стали «Тристан и Изольда» (1903), «Фиделио» (1904), «Золото Рейна» и «Дон Жуан» (1905), а также цикл лучших опер Моцарта, подготовленный в 1906 году к 150-летию со дня рождения композитора.

В 1901 году Малер женился на Альме Шиндлер, дочери известного венского художника-пейзажиста и скульптора Эмиля Якоба Шиндлера. Она была на восемнадцать лет моложе мужа, занималась музыкой, даже пыталась сочинять, вообще ощущала себя творческой натурой и вовсе не стремилась прилежно исполнять обязанности хозяйки дома, матери и супруги, как того хотел Малер. Их союз не был безоблачным (в 1910 году напряженность в семейных отношениях побудила Густава даже обратиться за консультацией к З. Фрейду); тем не менее обретенная стабильность благотворно сказалась на его творчестве. В своем маленьком «композиторском домике», спрятанном в лесу на берегу озера Вёртерзее в Майернигге были написаны симфонии с Пятой по Восьмую и трагический вокальный цикл «Песни об умерших детях» на слова немецкого поэта-романтика Ф. Рюккерта (1901–1904). Этим произведением Малер словно предугадал трагическое событие собственной жизни: в 1907 году его старшая дочь умерла от скарлатины. Тогда же у Малера была диагностирована тяжелая болезнь сердца (впоследствии именно она стала причиной его смерти).

К 1902 году композиторская деятельность Малера получила широкое признание, во многом благодаря поддержке Р. Штрауса (тогда президента Всегерманского музыкального союза), который устроил первое полное исполнение Третьей симфонии, имевшее большой успех. Кроме того, Штраус включил Вторую и Шестую симфонии, а также малеровские песни в программы ежегодного фестиваля возглавлявшегося им Всегерманского музыкального союза. Малера стали часто приглашать дирижировать собственными произведениями, и это привело к конфликту композитора с администрацией Венской оперы, полагавшей, что Малер пренебрегает своими обязанностями художественного руководителя. В то же время Малер был недоволен Штраусом как человеком. Ему казалось, что тот не уделяет ему должного внимания, не воспринимает его серьезно как композитора, а стало быть, не относится серьезно и к музыке вообще.

Недовольство Штраусом с годами росло и сказалось на мировоззрении Малера. Однажды он написал жене: «Мое время придет, когда его – кончится».

Презрение Малера к публике было не более чем светской позой. Отношение ценителей музыки чрезвычайно его заботило, и когда сочинение имело успех, он был вне себя от радости. Так, почувствовав, что публика не поспевает за его инструментальными экспериментами в Пятой, Шестой и Седьмой симфониях, он пишет Восьмую, «подарок нации». По словам Малера, процесс сочинения напоминал ему «детскую игру, в которой из одних и тех же кубиков возводятся каждый раз новые постройки. Но сами эти кубики лежат в сознании с детства, ибо только оно есть время собирания и накопления». Шаг за шагом он одолевал скептиков, и в последние годы жизни триумф следовал за триумфом. Он сознательно и целеустремленно писал для аудитории своего времени. Малер и Штраус стремились к одному и тому же: к роскошному развлечению, в то же время утонченному и приправленному иронией. Но Густав никогда бы не признался, что хочет развлекать.

Мелочным Малер не был никогда. Его страстную преданность музыке отмечали и друзья, и враги. «Среди сумятицы каждодневной жизни я пытаюсь поддержать в себе позитивное, творческое состояние духа», – писал он Альме. Но это подчеркнуто «позитивное», «творческое» наводит на мысль, что давалось оно с трудом и дорогой ценой. В симфониях Малера присутствует воинственный пыл, разрушительная энергия: территория перед ними должна быть выжжена и выскоблена, чтобы на ней воздвиглись его сверкающие башни. В нем проявлялась ненависть к традиции, ко всем буржуазным ценностям. Многие присутствовавшие на премьерах Малера, в том числе и горячие приверженцы, отмечали неистовство, даже злобность музыки. Юлиус Корнгольд, один из самых стойких защитников Малера в прессе, рецензируя Шестую симфонию, писал о ее «сатанинской», «убийственной» силе. Другие отмечали желчность его пародий. В то время его бесчисленные цитаты выделялись больше, чем сейчас. Леон Ботштейн видел в Малере сатирика, типичного для Вены конца века, и говорил, что он воплощает в своей музыке венскую «культурную изощренность, насмешку над собой, лицемерие, иронию и нетерпимость».

Очень тяжелым выдался для Малера 1907 год. Он ушел из Венской оперы, заявив, что его деятельность здесь не умеют ценить по достоинству, и занял место главного дирижера нью-йоркской Метрополитенопера, но состояние здоровья не позволило ему заняться дирижерской деятельностью. В 1908 году

в Метрополитен-опера появился новый менеджер – итальянский импресарио Дж. Гатти-Касацца, который привез своего дирижера – знаменитого А. Тосканини. Малер в период 1907–1908 годов создал симфонию-кантату для солистов и оркестра «Песнь о земле» (на стихи китайских поэтов в переводе Г. Бетге), а затем принял приглашение на должность главного дирижера Нью-Йоркского филармонического оркестра, который в ту пору нуждался в срочной реорганизации. Благодаря Малеру число концертов вскоре возросло с 18 до 46, в программах стали появляться не только известные шедевры, но и новые партитуры американских, английских, французских, немецких и славянских авторов. В сезоне 1910/11 года Нью-Йоркский филармонический оркестр дал уже 65 концертов, но Малер, который плохо себя чувствовал, устал от борьбы за художественные ценности с руководством филармонии. В апреле 1911 года он окончательно уехал в Европу. В Париже композитор прошел курс лечения, а затем вернулся в Вену. За полгода до кончины Малер пережил величайший триумф на своем тернистом пути композитора: в Мюнхене состоялась премьера его грандиозной Восьмой симфонии, которая требует для исполнения около тысячи участников – оркестрантов, певцов-солистов и хористов. Смерть застала его за работой над Десятой симфонией, которая осталась незавершенной. (Ее первая часть закончена по эскизам и вариантам композитором Э. Кшенеком, а остальные четыре по наброскам – значительно позже (1960-е) английским музыковедом Д. Куком.) Умер Малер в Вене 18 мая 1911 года.

Густав Малер признан выдающимся симфонистом XX века, наследником традиций Бетховена, Шуберта и Брамса, претворившим принципы этого жанра в неповторимо индивидуальном творчестве. При жизни композитора его музыка часто недооценивалась. Симфонии Малера именовались «симфоническими попурри», их осуждали за стилевой эклектизм, злоупотребление «реминисценциями» из других авторов и цитатами из австрийских народных песен. Высокую композиторскую технику Малера не отрицали, но его обвиняли в том, что бесчисленными звуковыми эффектами и применением грандиозных оркестровых (а иногда и хоровых) составов он пытается скрыть свою творческую несостоятельность. Его сочинения порой отталкивали и шокировали слушателей напряженностью внутренних парадоксов и антиномий, типа «трагедия – фарс», «пафос – ирония», «ностальгия – пародия», «утонченность – вульгарность», «примитив – изощренность», «пламенный мистицизм – цинизм». Вызывало яростные споры и оркестровое письмо Малера. Он ввел в симфонический оркестр

новые инструменты, такие, как гитара, мандолина, челеста, коровий колокольчик. Он применял традиционные инструменты в нехарактерных для них регистрах и достигал новых звуковых эффектов необычными сочетаниями оркестровых голосов. Фактура музыки в его произведениях очень изменчива. И хотя в течение 1930-х и 1940-х годов музыку композитора пропагандировали такие дирижеры, как Б. Вальтер, О. Клемперер и Д. Митропулос, настоящее открытие Малера началось только в 1960-х, когда полные циклы его симфоний были записаны Л. Бернстайном, Дж. Шолти, Р. Кубеликом и Б. Хайтинком. К 1970-м годам сочинения Малера прочно вошли в репертуар и стали исполняться во всем мире. В настоящее время Малер – один из наиболее исполняемых композиторов, в его честь проводятся фестивали, о нем и его творческом наследии написано множество книг.

МАНДЕЛЬШТАМ ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ

(род. в 1891 г. – ум. в 1938 г.)

Русский поэт. Книги стихов «Камень», «Tristia», «Вторая книга», «Стихотворения »; циклы стихотворений «Армения», «Воронежские стихи»; автобиографическая проза «Шум времени», «Египетская марка»; сборник статей «О поэзии»; эссе «Разговор о Данте».

Литературоведы сломали немало перьев, чтобы обнаружить поэтические корни Осипа Мандельштама. И не найдя таковых, пришли к выводу: учителей у этого поэта практически не было. Он возник как бы сам по себе, словно не ведая о том, что было создано в классической поэзии, но, в то же время, не «вписался» и в русский модернизм начала XX века. По этому поводу Анна Ахматова заметила: «Я не знаю в мировой поэзии подобного факта. Мы знаем истоки Пушкина и Блока, но кто укажет, откуда донеслась до нас эта новая божественная гармония, которую называют стихами Осипа Мандельштама!»

«Божественная гармония» поэта при его жизни была

воспринята очень немногими. Канонизация Мандельштама состоялась сравнительно недавно, удивив даже старожилов поэтического цеха. Они помнили ироническое отношение к нему со стороны значительных писательских авторитетов, среди которых был, например, поэт В. Ходасевич, сказавший: «Знаете ли, Мандельштам не умен. Ну какой он поэт?» Ходасевич, безусловно, был умным человеком, но, как говорят, выше своей головы не прыгнешь. А вот для Мандельштама способность интуитивно подниматься «выше себя» была совершенно естественной и органичной. Читать его нелегко и сегодня, но если войти в его мир, то можно оказаться в удивительной стране, которую способен создать только Поэт.

Осип Эмильевич Мандельштам родился в Варшаве 15 января 1891 года. Отец, Эмиль Вениаминович Мандельштам – мастер перчаточного дела и сортировщик кож – в юности обучался в Берлинской талмудической школе, затем стал купцом 1-й гильдии. Мать, Флора Осиповна Вербловская, происходила из интеллигентной семьи и свою жизнь посвятила музыке. В 1894 году семья Мандельштамов переехала в Петербург, который поэт всегда считал своим родным городом. В 1900 году Осип поступил в одну из лучших петербургских школ – Тенишевское училище, которое закончил спустя семь лет. Шестнадцатилетний Мандельштам уехал в Париж, где посещал лекции на словесном факультете Сорбонны, одновременно знакомясь с творчеством выдающихся французских поэтов. «Годы странствий» продолжились в Германии, Швейцарии, Италии.

Вначале 1911 года Мандельштам возвратился в Петербург, «город, знакомый до слез» и поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. В студенческие годы он увлекается языками, поэзией, музыкой, театром. Итог этих увлечений – безукоризненное владение европейскими языками, знание античной литературы, древнеримской и древнегреческой истории, философии. Например, для того, чтобы написать эссе «Разговор о Данте», поэт специально изучил итальянский язык.

Будучи европейски образованным человеком, Мандельштам в то же время ощущал свою неразрывную связь с Россией, соединив с ней судьбу и творчество. Весной 1911 года начинающий литератор вошел в кружок поэтов-символистов, признанным главой которых был Вячеслав Иванов. Современники запомнили восемнадцатилетнего поэта «худощавым мальчиком с ландышем в петлице, с высоко вскинутой головой и пылающими глазами». Он уже писал вполне зрелые стихи, но еще далекие до «настоящего» Мандельштама. В этот период молодой поэт

определил для себя творческое кредо – «сочетать суровость Тютчева с ребячеством Верлена», то есть соединить высокую поэзию с детской непосредственностью. Сквозная тема стихов, по словам поэта, – «хрупкость земного мира и человека перед лицом непонятной Вечности и Судьбы». Одно время поэт искал выход и в религии, посещая заседания религиозно-философского общества. Правда, в его стихах религиозные мотивы звучат мягко и сдержанно.

Впрочем, Мандельштам скоро отошел от символистов с их «Обществом ревнителей художественного слова» и примкнул к Цеху поэтов, сблизившись с Ахматовой, Гумилевым, приняв их программу, стал «первым поэтом акмеистов». В 1913 году вышла первая книга его стихов под названием «Камень». Стихи из нее отличаются торжественностью интонаций, в них звучат классические мотивы. Теоретически свое поэтическое видение Мандельштам обосновал в статье «Утро акмеизма», в которой парадоксально противопоставил понятие «бытие» и «действительность». По Мандельштаму действительность есть материальная плоскость земного пространства, видимая всяким глазом. В отличие от действительности, бытие есть осмысленное существование в земном мире, который видится художником как целостное творение.

Вскоре Мандельштам стал известен не только в литературных кружках и богемной среде столицы, но и широкому читателю. Насыщенной была и его личная жизнь – он часто влюблялся. В 1914 году Осип Эмильевич увлекся красавицей-художницей Анной Зельмановой-Чудовской, написавшей позже его портрет. Марине Цветаевой были адресованы строки, написанные в Крыму и Москве. Обессмертил поэт и Саломею Андроникову в стихотворении «Когда, Соломинка, не спишь в огромной спальне…» Адресовал он свои стихи также многим другим женщинам, с которыми был связан и дружбой, и любовью. Всех этих дам он называл «нежными европеянками»:

> И от красавиц тогдашних, от тех европеянок нежных,
> Сколько я принял смущенья, надсады и горя.

Революцию 1917 года Мандельштам вначале воспринял как катастрофу. Затем это ощущение сменилось надеждой на то, что новое, «жестоковыйное» государство еще можно спасти от жестокости и насилия с помощью культуры. Хранители старой культуры вдохнут в него «эллинское тепло» человеческого слова, – считал поэт. Об этом он писал в лирических статьях

«Слово и культура», «О природе слова», «Гуманизм и современность».

В 1921 году Мандельштам уехал из голодного Петрограда на юг Украины, а затем на Кавказ. В Крыму он арестовывался белогвардейцами, а в Тифлисе – меньшевиками. Тем не менее, от эмиграции Мандельштам отказался и предпочел свободе зарубежья нелегкое житье в России. Писатель Н. Чуковский вспоминал: «У него никогда не было не только никакого имущества, но и настоящей оседлости – он вел бродячий образ жизни. Он приезжал с женой в какой-нибудь город, жил там несколько месяцев у своих поклонников, любителей поэзии до тех пор, пока не надоедало, и ехал в какое-нибудь другое место».

В 1922 году Мандельштаму удалось опубликовать лучшую свою книгу стихов «Tristia», получившую широкий резонанс в литературной среде. А в 1923 году вышла «Вторая книга».

К этому времени надежды на гуманизацию нового общества иссякли, и Мандельштам почувствовал себя «отзвуком старого века в пустоте нового». После 1925 года он пять лет вообще не писал стихов, и только в 1928 году вышел итоговый сборник «Стихотворения» и прозаическая повесть «Египетская марка» о судьбе маленького человека в провале между двумя эпохами.

Летом 1924 года Мандельштам познакомил Анну Ахматову со своей молодой женой Надеждой. Анна Андреевна вспоминала: «Осип любил Надю невероятно, неправдоподобно… Он не отпускал Надю от себя ни на шаг, не позволял ей работать, бешено ревновал, просил ее советов о каждом слове в стихах. Вообще я ничего подобного в своей жизни не видела. Сохранившиеся письма Мандельштама к жене полностью подтверждают это мое впечатление».

В 1928 году Мандельштам с женой переехал из Ленинграда в Москву. Жил он бездомно, безбытно, зарабатывал на жизнь переводами, горько шутя: «Чувствую себя должником революции, но приношу ей дары, в которых она не нуждается». В 1930 году он написал «Четвертую прозу», в которой резко обличал новый режим, а в 1933 году – написал ставшее впоследствии трагически знаменитым стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны», направленное против тирании Сталина.

Это стихотворение послужило поводом для ареста. В мае 1934 года Мандельштам был сослан в Чердынь на Северном Урале, а после попытки самоубийства переведен в Воронеж. Там Мандельштам находился до мая 1937 года. Жил почти нищенски, сначала на мелкие заработки, затем на скудную помощь друзей. Здесь была написана последняя книга стихов под названием «Воронежские стихи», опубликованная лишь в 1966 году. После

Воронежа Мандельштам прожил год в Подмосковье, а 2 мая 1938 года его арестовали вторично «за контрреволюционную деятельность» и сослали на Колыму.

Умер Осип Мандельштам 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере, по официальному заключению – от паралича сердца.

Судьба творчества поэта была не менее драматична. При его жизни тоненькие книжки стихов и прозы выходили из печати лишь до 1928 года. В течение последующих пяти лет – редкие журнальные и газетные публикации, а затем – более двадцати лет полного забвения. Возвращение Мандельштама к читателю было медленным. Вдова поэта Надежда Яковлевна Мандельштам с помощью друзей сумела сохранить его архив. Неопубликованные при жизни поэта стихи 1930-х годов стали распространяться в списках. В 1960-е годы начались журнальные публикации. Небольшими тиражами вышли две книги: эссе «Разговор о Данте» и неполный сборник стихотворений в «Библиотеке поэта».

Сегодня поэзия Мандельштама известна гораздо лучше, чем 30–40 лет назад. Но все же круг людей, знающих о трагической судьбе поэта, все еще гораздо шире круга его читателей. А ведь он не только великий поэт «серебряного века», но современник эпохи, стремившийся сохранить европейский масштаб русской литературы и ее духовные ценности.

МАРИЯ

Мария Богоматерь, Богородица, Небесная Царица, Царица Всех Святых

(род. ок. 20 г. до н. э. – ум. 48 г. н. э.)

Мать Иисуса Христа, дочь Иоакима и Анны, произошедшая из царского рода Давида.

Не было, нет и не будет девы, сияющей такой святостью и чистотой, как Дева Мария, считают христиане всего мира. Смирение сделало ее Дочерью Небесного Отца, чистота – Невестой Духа Святого, а любовь – Матерью Сына Божия. «Вполне естественно и, более того, закономерно, что в глубоком благочестивом понимании Дева Мария ассоциируется с благороднейшими чертами женского и материнского характера, почитается как высочайший образец женской чистоты, любви и благочестия, от которого исходит нежное благословение всем поколениям людей; ее имя и память о ней всегда будут неразрывно связаны с самыми святыми тайнами веры», – пишет Ф. Шафф в книге «История христианской Церкви».

Уже с древних времен Святые Отцы называли Деву Марию Богородицей. А окончательно утвердил это имя III Вселенский Собор в Ефесе. Для христиан Пресвятая Дева Мария – образ духовного совершенства, и Сама Она служит символом Церкви, бытие которой заключается в вечном совершенствовании душ, в вечном приближении их к Богу. Свое понимание пророчеств о Божией Матери Церковь воплотила в гимнах и канонах, сложенных в честь Небесной Царицы. С важнейшими событиями из земной жизни Девы Марии связаны почитаемые церковью праздники: Рождество Богородицы, Благовещение, Рождество Христово и, наконец, Успение. Кроме того, в православной церкви много праздников, посвященных «благоговейному чествованию явленных и чудотворных икон Богоматери» (среди них Иерусалимская, Казанская, Боголюбская, Иверская и др.). Самой древней иконой Божией Матери считается икона, написанная, по преданию, Св. Лукой, принесенная из Греции в Россию, в древний Киев, из Киева во Владимир и, наконец, оттуда в 1395 году в Москву, где икона находится и поныне в Успенском соборе и известна под именем Владимирской.

Рождество Богородицы… Мы не находим в Евангелии какого-либо описания этого великого события – вот уже два тысячелетия Церковь сохраняет его в своей живой памяти именно как Священное Предание, дополняющее и проясняющее для нас евангельское свидетельство о пришествии в мир Спасителя. Из этого-то предания мы и узнаем, что жили некогда в небольшом галилейском городке Назарете немолодые и бездетные супруги Иоаким и Анна. Иоаким происходил из колена Иудина, предком своим имея царя Давида, Анна – из священнического рода Аарона. До преклонных лет у Иоакима и Анны не было детей. У всех народов мира дети почитались Божьим благословением. Семья без ребенка сравнивалась с холодным и мрачным жилищем, в котором потух очаг. Долгие годы молились Иоаким и Анна о даровании им ребенка, поэтому Дева Мария – плод молитвы Ее родителей. Согласно преданию, в один из праздничных дней Иоаким пришел в храм с приношениями, но верховный священнослужитель отказался их принять. По закону Израиля, Иоакиму не было позволено делать подобные пожертвования, ибо он не являлся отцом. Анна оставалась дома, и в последний день религиозного праздника вышла в сад помолиться. Там ей явился ангел и сказал, что Бог услышал ее молитву, и в скором времени она родит младенца, которого будет боготворить весь мир. Другой ангел явился Иоакиму и тоже вселил в него надежду. Все случилось так, как обещали ангелы. У благочестивой четы родилась дочь, которую они нарекли Марией,

что в переводе с еврейского означает «возвышенная, превознесенная». Эта девочка была предназначена стать Матерью будущего Спасителя мира, Сына Божия.

Жизнь Иоакима и Анны, детские годы Девы Марии описаны в Евангелии от Иакова – старшего сына Иосифа Обручника. Это Евангелие не принято в Новозаветный канон, однако древняя Церковь относилась к нему с уважением. Евангелие от Иакова легло в основу храмового богослужения в праздники Пресвятой Богородицы. Празднуя Рождество Пресвятой Богородицы, верующие обращаются к Той, которая дала жизнь Иисусу: «Милосердия двери отверзи нам…» Современный проповедник говорит, что это не просто умилительное песнопение во славу Богородицы: «Мы словами этого тропаря выражаем свою веру, что именно Она отверзает нам дверь спасения и склоняет к нам милосердие Божие. И как не прославлять Ту, через Которую небо соединилось с землей и снова открылось людям Царство Небесное». Духовный смысл этого праздника образно раскрыл в одной из своих Богородичных проповедей православный подвижник архимандрит Кирилл (Павлов). «Представьте себе путника, – говорит он. – Ночь темная, непроглядная застигает его на пути; он сбивается с дороги, не знает куда идти, поднимается буря, идет дождь, холод пронизывает его насквозь, он изнемогает и в отчаянии падает на землю, в страхе и трепете взывая о помощи к Всевышнему Богу, ожидая уже себе смерти. И с каким же неописуемым чувством радости встретит он появление утреннего рассвета, предвозвещающего восход солнца! Вот такое бедствие испытывал весь род человеческий, был подобен несчастному путнику, когда окружала его в течение почти пяти тысяч лет духовная ночь блуждания и неразумных деяний… И утренней зарей, предвозвестившей сбытие утешительного обетования, стало для страждущих людей рождение Пресвятой Богородицы, Пречистой и Пренепорочной Девы Марии…»

Когда родители Марии, Иоаким и Анна, молились о том, чтобы Бог послал им ребенка, они дали обещание, что если их молитвы будут услышаны, то они посвятят свое дитя служению Господу. Едва Марии исполнилось три года, благочестивые родители исполнили свой обет. Мария была торжественно введена в храм Иерусалимский для воспитания. Легенда гласит, что когда девочку подвели к алтарю, она стала танцевать, так что весь дом Израилев возрадовался вместе с ней и возлюбил ее. В храме Мария проводила время за чтением святых книг и рукоделием. По церковному преданию, завеса, закрывающая вход во Святая Святых (алтарь ветхозаветного Храма), была вышита руками Девы Марии.

В четырнадцатилетием возрасте, когда родителей ее уже не было в живых, Мария решила всецело посвятить себя Богу, с обетом всю жизнь свою пребывать в девстве. Уже около десяти лет прожила она в храме, но вот наступил момент покинуть его: священники известили девушку, что она должна выйти замуж. Мария полагала, что замужество ее невозможно, ибо жизнь свою она всецело посвятила Богу. Но, как свидетельствует церковное предание, первосвященник Захария объявил, что ему явился ангел и велел собрать мужчин, готовых к браку, и попросить каждого принести в храм свой посох или жезл. Эти посохи оставили в храме на ночь, ибо было обещано, что на одном из посохов должен появиться знак, указывающий на то, что владелец его избран Господом стать мужем Марии. Утром обнаружили, что посох Иосифа Обручника, плотника из Назарета, зацвел. Так 80-летний Иосиф стал мужем Марии.

Жили Иосиф и Мария в Назарете. Для юной Марии муж-старец стал хранителем Ее девства, по сути – вторым отцом. В высшей степени трогательно евангельское повествование о пришествии архангела Гавриила к Деве Марии, оповестившего Ее о том, что Она даст рождение Христу. Вот как описывает это событие Св. Лука в своем Евангелии: «Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами… зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя Иисус» (Лк. 1:28 и далее). С этим эпизодом из жизни Пресвятой Девы Марии связан один из самых почитаемых религиозных православных праздников – Благовещение.

Неудивительно, что столь необычное благовестие смутило юную Марию. И все же она в безмолвии выслушала небесного посланника, который раскрыл перед Ней тайну «преславного воплощения Сына Божия» – «Он родится от Нее, примет человеческое естество, кроме греха, наречется Сыном Всевышнего, и Она наименует Его именем Иисус (Спаситель)». «Как будет это, когда Я мужа не знаю?» – удивленно спросила Мария ангела. «Дух Святой найдет на Тебя и Сила Всевышнего осенит Тебя, – ответил ей небесный посланник, – посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим». Тогда с глубочайшей верой и преданностью воле Божьей Мария воскликнула: «Се, Раба Господня. Да будет Мне по слову твоему!»

Иосиф, муж Марии, обнаружив, что она ждет ребенка, сильно разволновался. Но, «будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее. Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; Родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус; ибо Он

спасет людей Своих от грехов их» (Мф. 1:19 и далее). Церковное предание гласит, что после столь удивительных событий Мария отправилась в город Иудин, в дом первосвященника Захарии и там получила подтверждение архангельского благовестия. Едва услышав приветствие Пресвятой Девы, жена Захарии, Елизавета, воскликнула: «благословенна Ты между женами и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?» (Лк. 1, 42–43). Таким образом, именно Елизавета первая постигла истинную природу Иисуса. В ответ на это Пресвятая Дева Мария излила свои благочестивые чувства в величественной, торжественной песне «Величит душа моя Господа» – песне, которая ежедневно звучит на утренних богослужениях.

После визита к Елизавете Мария вернулась в свой дом в Назарете и жила там до тех пор, пока ее муж Иосиф не отправился в свой родной Вифлеем (по случаю народной переписи). В переполненном людьми городе Марии, которой суждено было родить Господа, не нашлось другого пристанища, кроме постоялого двора, а для Ее Сына, Богомладенца Иисуса, иной колыбели, кроме яслей. Сцена рождества Христа описана в Евангелии от Луки. Убогий постоялый двор осветила «блестящая небесная звезда, и ведомые ею волхвы с востока пришли с дарами поклониться Богомладенцу Иисусу».

Согласно религиозным канонам Израиля, женщина, родившая младенца-мальчика, должна была пройти обряд очищения в течение тридцати трех дней: «…должна она сидеть, очищаясь от кровей своих; ни к чему священному не должна прикасаться, и к святилищу не должна приходить, пока не исполнятся дни очищения ее» (Лев. 12:4). Мария, мать Христа, будучи израильтянкой, подчинилась этому закону, «а когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа…» (Лк. 2:22, 24). Эту сцену иногда называют «Очищением Мадонны».

Во время пребывания Богоматери и Иосифа в Вифлееме честолюбивый и кровожадный Ирод, услышав от волхвов о появлении на свет царя иудейского, время и место рождения которого ему было неизвестно, решил избить всех Вифлеемских младенцев-мальчиков, которым не исполнилось двух лет. Слухи об этом вынудили Марию вместе с Младенцем Иисусом покинуть Палестину. Сопровождаемая праведным Иосифом и его старшим сыном Иаковом, она скрылась от Ирода в Египте. Лишь после смерти этого царя святое семейство возвратилось в Палестину и снова поселилось в Назарете. Жилище Иосифа Обручника состояло из двух комнат, выбитых в скале одна над другой, к

которым вела каменная лестница. В верхней комнате жила Дева Мария. Внизу, в маленьком дворике, находилась мастерская Иосифа, где он занимался столярным ремеслом. Там ему помогал Иисус Христос, который, по преданию, часто делал ярма для упряжки быков и весы. Божия Матерь занималась домашним хозяйством, ткала пряжу и шила одежду. В праздники Святое Семейство посещало Иерусалимский храм. Когда Иисусу Христу исполнилось 29 лет, Иосиф Обручник умер на Его руках. Спустя год Господь с Матерью Своей покинул Назарет. Дева Мария поселилась в Капернауме, в доме апостола Петра. Здесь, в этом городе, подолгу останавливался Иисус Христос последние три года Своей земной жизни.

Из последующей истории жизни Богоматери в Евангелии немного сведений. Мы узнаем, что Мария Богородица лично присутствует при распятии сына и Его погребении. Кто мог описать Ее скорбь и душевные муки во время крестных страданий Христа – этого невыразимо страшного зрелища! Из книги Деяний следует, что по вознесении Господа на небо Дева Мария вместе с апостолами непрестанно пребывала в молитвах и после, до самого успения Своего (смерти), жила в Гефсимании, в доме Иоанна Богослова. Богородица посетила на Кипре святого Лазаря, которого Господь воскресил из мертвых, подарила ему вышитый Своими руками епископский омофор. Церковное предание повествует, что во время этого путешествия корабль, на котором плыла Дева Мария, пристал к скалистым берегам Афона, и Богородица сказала: «Это место да будет Моим жребием, данным Мне от Сына и Бога Моего! Да почиет благодать Его на этом месте и на живущих здесь с верою и благоговением и сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего!» Через несколько веков Афон стал заселяться монахами и превратился в целое «монашеское государство». По греческим законам, которые соблюдало после падения Византии и турецкое правительство, мирские люди не имели права селиться на территории Афона, а женская нога ступать на его землю.

Дева Мария посетила Ефес, где проповедовали Евангелие святой апостол Иоанн Богослов и святая равноапостольная Мария Магдалина. До сих пор в горах, в окрестностях Ефеса, показывают домик, в котором жила Дева Мария. Божия Матерь собиралась посетить Грузию, землю, в которой Ей, согласно жребию, надлежало проповедовать Евангелие. Но Господь повелел Богородице оставаться в Иерусалиме. Грузия должна была просветиться проповедью другой девы – равноапостольной Нины. Грузия и Афон – два удела Божией Матери – издавна связаны между собой духовными узами. Икона Иверской Божией Матери

хранится на Афоне, Ее чудотворный список прислан в Грузию как благословение афонских монастырей.

Посетив многие места, связанные с жизнью Ее сына, Дева Мария, в конце концов, осталась одна и взмолилась, чтобы Господь избавил Ее от жизни. Тогда Ей явился ангел, сказав, что через три дня Она должна войти в рай, где Ее ожидает Иисус. Скончалась Дева Мария в Гефсимании, там Она была и погребена. По преданию, дошедшему до нас от Евсевия, успение Богоматери было в 15 году по вознесении Господа, или в 48 году от Рождества Христова. В описании успения Божией Матери говорится, что ночью весь дом неожиданно наполнился шумом, из которого явился Сам Иисус в сопровождении сонма ангелов. Душа Марии покинула тело, и Иисус, приняв ее в свои руки, перенес на Небеса. Тело Марии оставалось на земле и было похоронено апостолами. Однако через три дня Иисус постановил, что душа Его матери должна воссоединиться с телом и Мария должна в теле вознестись на Небеса. Принятие Девы Марии своим Божественным Сыном на Небеса и наречение ее Царицей Небесной – это последняя сцена из жития Девы Марии. Предание о взятии тела Богоматери на небо восходит к древним временам христианства. О нем свидетельствуют Дионисий Ареопагит, Мелитон, епископ Сардийский и др.

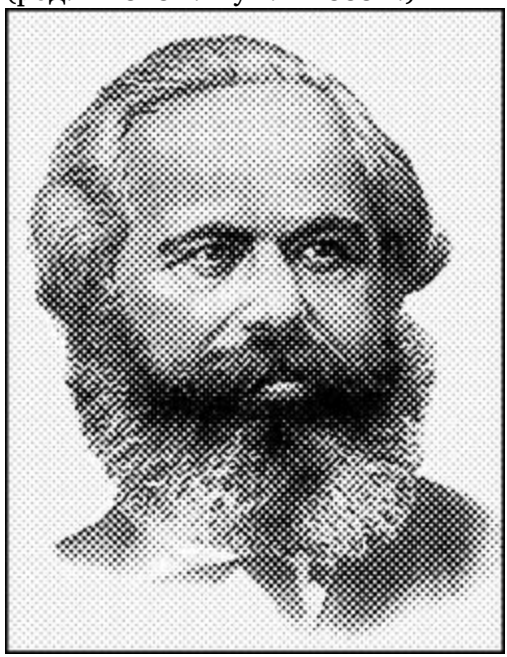
Церковное предание сохранило для нас образ Девы Марии – овальное лицо, золотистые волосы цвета спелой пшеницы и нежные очертания губ. Изображения Богоматери мы видим на многих картинах великих живописцев разных веков. Мария служила и служит олицетворением милосердия и чистоты. Она – сострадательная мать, выражающая своей природой всю красоту женственности. Святой великомученик Игнатий Антиохийский, именуемый Богоносцем, – тот ребенок, взяв которого на руки, Иисус Христос сказал: «Если… не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18,3), ученик апостолов Павла и Иоанна, – дает нам драгоценное свидетельство о Деве Марии. «Многие жены у нас, – пишет антиохийский святитель Иоанну Богослову, – желают посетить Пресвятую Деву, чтобы услышать от Нее о многих и чудесных тайнах. У нас пронеслась о Ней слава, что эта Дева и Матерь Божия исполнена благодати и всех добродетелей. Говорят, что в гонениях и бедах Она всегда весела; в нуждах и нищете не скорбит; на огорчающих не только не гневается, но и благодетельствует им; в благополучии кротка; к бедным милостива. С твердостью защищает веру против врагов и служит нашему еще юному благочестию мудрою Наставницею и Учительницею всех верных на всякое доброе дело. Более всего любит смиренных, потому что Сама исполнена смирения пред

всеми; и все, удостоившиеся видеть Ее, превозносят похвалами. Люди, достойные совершенного доверия, говорят, что в Марии, Матери Иисуса, по причине Ее святости, видимо соединены естество ангельское с человеческим».

Все известные нам события в жизни Марии – от бегства в Египет из-за смертельной опасности, грозившей Ее маленькому сыну, до страшного и мучительного предстояния у Креста с распятым Иисусом – исполнение спасительной цели земной судьбы самой Богородицы: эта цель была предуготована Марии вместе с Ее Рождеством, а позднее – в момент Благовещения – она была принята Ею сознательно и свободно. И потому житие Пресвятой Богородицы дает нам серьезный повод к размышлению о том высшем духовном призвании человека, которое он должен осуществить всею своей жизнью – от собственного «рождества» до «успения» – смерти. Ведь у каждого из нас есть своя цель бытия – как была она и у Пречистой Девы. И хотя цель эта, конечно же, не может сравниться с великим предназначением Богоматери – призвание каждого человека подлинно высоко и важно.

МАРКС КАРЛ

(род. в 1818 г. – ум. в 1883 г.)



Немецкий мыслитель, экономист, философ, создатель учения, получившего название по его имени.

Коммунистические воззрения стары, как мир. Своими корнями они уходят в добиблейские времена. И пока на свете существует социальная несправедливость, вера в светлое коммунистическое будущее не исчезнет никогда. Наиболее значительным из всех социалистических мыслителей был Карл Маркс. Он создал стройную систему мысли, получившую название «марксизм». Почти не признанные при жизни основные социальные и политические идеи Маркса получили широкое распространение после его смерти. Они оказали значительное влияние на социальную мысль и историю общества конца XIX и всего XX в. Еще в конце XX в. почти половина населения земного шара проживала в странах, режимы которых называли марксистскими. «Учение Маркса вечно, потому что оно верно», – говорил В. И. Ленин. И действительно, его идеи пережили своего

создателя.

Сам Маркс характеризовал свою концепцию как материалистическое понимание истории и утверждал, что ключом к постижению человеческой культуры и истории является производственная деятельность. Труд – это инструмент самосозидания человека. История – не результат случайности, не плод деятельности великих личностей или влияния сверхъестественных сил, а творение человеческой деятельности в целом, и ее развитие подчиняется вполне определенным законам. Все же идеи – и политические, и философские, и религиозные – вторичны. Большое внимание, особенно в главном труде Маркса – «Капитале», уделено первичному накоплению капитала, создавшему буржуазию, теории прибавочной стоимости, организации власти буржуазии, конкуренции. Маркс выдвинул положение о неизбежной гибели капитализма и переходе к коммунизму в результате пролетарской революции. Считая, что такая революция произойдет в индустриальных странах Западной Европы и она будет насильственной, он в то же время предполагал, что такие страны, как Великобритания и США, могли бы перейти к социализму и мирным путем. Указывая, что не намерен писать «рецепты для кухни будущего», Маркс все же набросал грубыми штрихами свою концепцию посткапиталистического общества – коммунизма, а также указал, что для перехода от капитализма к коммунизму нужен особый переходный период и государство этого периода может быть только революционной диктатурой пролетариата. Основные положения своей теории социализма он изложил в работе «Критика Готской программы» (1875 г.). В этом сочинении со всей полнотой проявились социально-философские взгляды выдающегося мыслителя.

В центре одного из старейших городов Германии – Трира (прирейнская Пруссия) – на улице Брюкконштрассе № 10 стоит типичный бюргерский домик в стиле барокко. 1 апреля 1818 года его арендовал адвокат средней руки, Генрих Маркс, и здесь же 5 мая родился его второй сын, которого нарекли именем Карл. Через полтора года семья Маркс переселилась в другой дом, в котором Карл прожил с родителями до 1835 года, до окончания гимназии.

Дед Карла служил раввином в Лемберге (Львове), а затем переехал в Трир. Отец, Генрих (Гиршель), был широко образованным человеком. На его мировоззрение большое влияние оказали идеи эпохи Просвещения и философия Канта. Чтобы не потерять должность, отец в 1824 году крестился по лютеранско-евангельскому обряду. Мать Карла, Генриетта Пресбург, также

происходила из семьи раввинов и приходилась четвероюродной сестрой поэту Генриху Гейне.

В маленьком городе, где все были соседями, потомок раввинов Генрих Маркс был вхож в дом прусских аристократов фон Вестфаленов. Тайный советник Людвиг фон Вестфален являлся сыном секретаря герцога Брауншвейгского Филиппа Вестфалена, получившего дворянство еще в 1724 году. Он сыграл особую роль в формировании юного Карла Маркса, привив ему любовь к античности, Шекспиру и романтизму, познакомив с идеями утопического социализма Сен-Симона. Тайному советнику очень нравился живой и сообразительный сын адвоката Маркса, и Карл часто играл с его детьми – маленьким Эдгаром и его старшей сестрой Женни. Когда Карлу исполнилось 17 лет и он еще не решил, кем станет, однако уже абсолютно точно знал: жениться он хочет только на Женни фон Вестфален. Да и сама Женни очень хотела стать его женой. Но ей уже исполнилось 22 года, и многочисленные аристократические родственники вовсю искали для нее подходящую пару. Людвиг фон Вестфален вряд ли мечтал заполучить в зятья молодого человека с неопределенными видами на будущее. Он как будто чувствовал, что брак с Карлом принесет его дочери много страданий и нищету. Генриху Марксу дочь фон Вестфалена нравилась, но он очень сомневался, что родственники невесты согласятся на брак Женни с его сыном. Карл, получивший за свой африканский темперамент прозвище Мавр, страстно убеждал родителей в серьезности своих намерений, но все было бесполезно. Однако молодые люди любили друг друга и решили соединиться во что бы то ни стало. Они обручились тайно, не предполагая, что между помолвкой и свадьбой пройдет долгих семь лет.

Маркс-старший надеялся, что сын получит университетское образование и станет серьезным ученым. В 1835 году, по окончании гимназии, Карл поступил в Боннский университет. Спустя год отец направил его в более престижный Берлинский университет, где юноша проучился четыре года. Здесь он оставил свои романтические взгляды под влиянием философии Гегеля, а затем Фейербаха. Много времени Карл проводил в компании левых гегельянцев во главе с Бруно Бауэром, стремившемся обратить мировоззрение Гегеля против сложившихся в обществе взглядов на религию, философию и политику. Представив докторскую диссертацию (посвящена Людвигу фон Вестфалену) о различиях между натурфилософией Демокрита и Эпикура, Маркс в апреле 1842 года получил степень доктора философских наук. В это время он начал сотрудничать в кельнской «Рейнской газете» – оппозиционном издании, основанном рейнскими

промышленными либералами, – и вскоре стал ее редактором с ежегодным жалованьем в 500 талеров.

К этому времени уже не было в живых отца Карла (он умер в 1838 году). Спустя четыре года за ним последовал и Людвиг фон Вестфален. Все эти годы Женни, которую в обществе называли «самой красивой девушкой в Трире», «королевой балов», с завидным упорством последовательно отказывала всем потенциальным женихам. Она ждала своего суженого. И Карл ни на минуту не забывал о своей «зачарованной принцессе». Еще в Боннском университете он написал три тетради сонетов и других стихов, посвященных Женни. «Моя невеста выдержала самые тяжелые… бои ради меня. Отчасти со своими аристократическими родственниками, для которых “Бог на Небе” и “Господин в Берлине” (другими словами – император) примерно равнозначные идолы. Отчасти также с моей собственной семьей», – писал Маркс. 19 июня 1843 года состоялась их свадьба. Карл не ошибся, выбрав Женни спутницей жизни. Она стала не просто женой, она была его соратницей, бесконечно преданной их общему делу. Женни переписывала его статьи, встречалась с его соратниками, собирала архив, а еще талантливо одалживала деньги, когда семья находилась на грани банкротства. Некоторые современники Маркса утверждали, что без Женни он никогда не стал бы тем, кем стал.

Женитьба не превратила оппозиционного редактора Маркса в почтенного буржуа, и вскоре власти, после публикации статьи о бедственном положении виноделов долины Мозеля, закрыли газету. По свидетельству Ф. Энгельса, это заставило Маркса перейти от чистой полемики к изучению экономики и далее – к социализму. Он написал серьезную работу с решительной критикой гегелевского оправдания современного немецкого государства, но больших денег она не принесла. Лишившись основного дохода, семья стала испытывать острейшую нужду. Женни была в это время на четвертом месяце беременности, однако Карл принципиально отказывался от какой-либо помощи со стороны семейства Вестфаленов. Удивительно, но жена покорно согласилась с его решением. Единственное, что молодожены согласились принять в «дар» от матери Женни, – экономку Елену Демут. Она вела хозяйство, распределяла деньги, которые Маркс брал взаймы. Когда ему стали отказывать кредиторы, деньги пришлось просить Женни. Позже Елена ухаживала за их детьми, стала лучшей подругой для Женни и постоянным партнером Карла за шахматной доской.

Не найдя работы в Германии, Маркс с семьей в том же 1843 году переехал в Париж. Этому переезду способствовали также его

интерес к проблемам социализма и перспектива издания журнала, соединяющего немецкую теорию с французскими политическими идеями. Париж был идеальным местом для начинающего социалиста. Вскоре Маркс познакомился с представителями социалистического и демократического движений. Здесь начал выходить «Немецко-французский ежегодник». Опубликовав в нем две статьи, Маркс вскоре порвал с другом и соредактором журнала А. Руге, увлекшись коммунистическими идеями и общением с немецкими и французскими рабочими. За лето он написал несколько работ, известных как «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В сентябре того же года Маркс познакомился с Энгельсом. Это знакомство затем переросло в крепкую дружбу, продолжавшуюся почти 40 лет. Благодаря своему отцу, компаньону текстильной фирмы в Манчестере, Энгельс снабжал Маркса практическими сведениями о капиталистическом производстве и оказывал постоянную финансовую поддержку. Без этой материальной помощи, а также его духовной и творческой поддержки Марксу, возможно, и не удалось бы осуществить свои научные исследования. Многие труды они написали в соавторстве. В короткий срок появились работы «Святое семейство», содержавшее критику Б. Бауэра, и «Немецкая идеология». Но в этом дуэте Маркс, бесспорно, играл первую скрипку.

Осенью 1844 года Маркс с семьей был вынужден покинуть Париж. И тогда, и впоследствии их преследовало одно и то же: долги и ссуды, которые они не могли вовремя вернуть, бесконечные письма с просьбами о помощи, которые им приходилось рассылать. Последующие три года семья прожила в Брюсселе. Здесь вышла работа Маркса с критикой взглядов Прудона «Нищета философии», здесь же он стал организовывать международную сеть комитетов для связи между немецкими, французскими и английскими коммунистами и социалистами и для обмена информацией. В 1847 году во время поездки в Англию он встретился с лидерами «Лиги справедливых» – полулегальной группы, в которую входили главным образом немецкие эмигранты-ремесленники, и вступил в члены этой организации. В этом же году на основе Лиги был образован международный Союз коммунистов, поручивший на своем 2-м конгрессе Марксу и Энгельсу составить программу организации, которая получила название «Манифест Коммунистической партии». Провозглашенный в нем девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на протяжении всего XX в. оставался ведущим в объединении коммунистов всего мира, а знаменитая фраза из предисловия «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»

превратилась в реальность, и призрак обрел вполне материальную оболочку. Идеи, изложенные в «Манифесте», были воплощены в жизнь, но то, как они воплощались и к каким результатам приводили, ужасало большинство цивилизованного человечества.

«Манифест» был только составлен, как начались революции во Франции, Италии, Австрийской империи. Маркс был выслан из Бельгии и вернулся в Париж по приглашению либерального правительства Франции. К марту 1848 года революция достигла Пруссии и вынудила Фридриха Вильгельма IV даровать народу парламент, свободную прессу и созвать ассамблею для принятия конституции. Тогда же Маркс выехал в Кельн и начал активную журналистскую деятельность, издавая вместе с Энгельсом «Новую рейнскую газету». После поражения революции Маркс был отдан под суд, а затем выслан из страны. Он вернулся в Париж, однако его пребывание там оказалось недолгим. В июле 1849 года он был выслан и из Франции. Теперь его путь лежал в Англию. В Лондоне Маркс прожил до конца жизни.

Первые годы жизни в Лондоне были отмечены глубокой хронической бедностью: Маркс не только не имел необходимых средств к существованию, но и не умел распоряжаться деньгами, когда они появлялись. В одном из писем к Энгельсу он писал: «Моя жена больна, моя маленькая Женни больна. У меня нет денег ни на врача, ни на лекарства. Восемь дней я кормил семью хлебом и картофелем – диета, не слишком подходящая в условиях здешнего климата. Мы задолжали за квартиру. Счета булочника, зеленщика, молочника, торговца чаем, мясника – все не оплачены». Было отчего впасть в отчаяние.

Вскоре по прибытии в Англию у супругов родился четвертый ребенок, а затем еще два малыша. Из семерых детей Маркса до взрослого возраста дожили только три дочери. Два сына умерли еще малолетними. Особенно тяжело в семье переживали смерть девятилетнего Эдгара. Но, переживая эту смерть, Маркс совершенно не интересовался судьбой другого своего сына – Фредерика, рожденного от экономки Елены Демут. Подлинная реакция Женни на это не известна, однако Маркс официально отрекся от ребенка. Верный ему Энгельс назвал отцом себя. У Женни хватило выдержки сделать вид, что она верит в это. Мальчика отдали на воспитание в чужую семью, для чего Энгельс оформил нужные документы, а затем платил алименты на содержание Фредерика. Некоторый просвет в море финансовых трудностей обозначился в 1856 году, когда благодаря небольшому наследству семья смогла переехать в новый дом. Только последние десять лет жизни Марксу уже не нужно было

заботиться о хлебе насущном. Проданная Энгельсом своя доля в бизнесе обеспечила Марксу приличное содержание.

По прибытии в Лондон Маркс присоединился к Союзу коммунистов и возобновил журналистскую деятельность. Регулярным источников средств к существованию тогда были статьи в радикальной американской газете «Нью-Йорк дейли трибьюн». Им было написано почти 500 статей. В этот период он временно отошел от активной политической деятельности и посвятил себя изучению экономики. Целыми днями Маркс просиживал в читальном зале библиотеки Британского музея, где собирал нужные материалы. Наряду с изучением политической экономии, социальной философии, права и других социальных наук Маркс осваивал огромный фактический материал различных научных дисциплин (вплоть до математики, агрохимии и минералогии). В 1867 году на свет появился первый том главного его труда – «Капитала». Второй и третий том, отредактированные Энгельсом, были опубликованы уже после смерти Маркса, а четвертый, отредактированный К. Каутским, вышел только в 1902 году. По признанию самого Маркса, «Капиталу» он принес в жертву здоровье, счастье и семью.

В 1864 году Маркс начал энергичную деятельность по созданию Международного товарищества рабочих, более известного как I Интернационал. В течение восьми лет он был самым влиятельным человеком Генерального совета этой организации, откликаясь на важнейшие события политической жизни: поддерживал стремление Польши к независимости и идею ирландского Гомруля – программы самоуправления Ирландии, призывал к сокращению рабочего дня, выступал в поддержку Парижской коммуны и за передачу земли в общественную собственность. Стремясь к объединению рабочего движения разных стран, он вел борьбу с прудонистами, лассальянцами и бакунистами. Эта борьба привела, в конечном счете, к ослаблению организации, особенно после переезда ее штаб-квартиры в Нью-Йорк. К этому времени секции Интернационала действовали в большинстве стран Европы и в США. Однако в 1876 году Интернационал был распущен, и Маркс выдвинул в качестве основной политической задачи создание пролетарских партий в отдельных странах.

К этому времени здоровье Маркса очень пошатнулось: его мучили фурункулез, болезни печени и глаз, а в 1873 году он перенес инсульт. Творческие способности мыслителя ослабли, однако он продолжал работать над «Капиталом», следил за развитием немецкой социал-демократии, особенно за деятельностью Ф. Лассаля. В 1881 году Маркса ждал еще один

тяжелый удар: от рака печени умерла Женни. Врачи запретили ему идти на кладбище и заставили лежать дома. Хоронил Женни Энгельс. Он произнес надгробную речь и оплатил похороны. А через два года умерла старшая дочь Маркса. Эти утраты лишили его всякого желания продолжать жить. 14 марта 1883 года он скончался и был похоронен рядом с женой на Хайгетском кладбище в Лондоне.

После смерти Маркса многие его произведения были подготовлены к печати и опубликованы Энгельсом. Взгляды основателя марксизма легли в основу социалистического движения и государственной политики многих стран. Они остаются достаточно влиятельными и в наши дни.

МАРСЕЛЬ МАРСО

Настоящее имя – Марсель Мангель
(род. в 1923 г.)

Выдающийся французский актер-мим, которого называют самым популярным французом современности. Его именем названы многие школы актерского и циркового мастерства, в его честь Парижский монетный двор выпустил медаль, специально изготовленную по эскизу Жана Мартена. Удостоен двух «Оскаров», двух высших телевизионных премий «Эмми», ордена Почетного Легиона и еще сотни других наград.

Марсо многолик. Он – человек-толпа, но толпа совершенно немая. Это трудно представить. Для этого надо увидеть артиста, который может «сказать все, не вымолвив ни слова». Его дар уникален. В своем искусстве – старинном и вечном, грустном и веселом – он бог. Искусство Марсо – пантомима, и имя этого великого мима знает и почитает весь цивилизованный мир, а Франция считает его своим национальным достоянием.

22 марта 1923 года в Страсбурге, куда, спасаясь от еврейских погромов, перебралась из Польши семья кошерного мясника Шарля Мангеля (Иоселовича), у его жены Анны родился первенец – Марсель, которому суждено было стать символом французского искусства XX века. Он всегда ощущал свои корни, «по-разному в разные годы. В детстве ощущал свое отличие от сверстников – по субботам я не мог ни читать, ни писать. Я стеснялся того, что был евреем, мне напоминали об этом ежедневно. Иногда я чувствовал себя, как в гетто. Отец не был глубоко религиозным, он был человеком своего времени, активным членом профсоюза, социалистом. Работал рядом с другими мясниками-христианами, и они часто говорили ему: “Ты хороший парень, похож на нас”». А впрочем, Марсель никогда не жалуется на свои детские годы. Он уже в девять лет во дворе давал спектакли-импровизации. Марсель так правдоподобно копировал своего кумира Чарли Чаплина и соседей, что детвора покатывалась со смеху, а взрослые только грозили пальцем. «Я быстро понял, что могу заставить окружающих плакать и смеяться даже без слов, – вспоминал потом Марсо, – и не в словах мое искусство!»

В период немецкой оккупации в годы Второй мировой войны Марсель и его брат Алаин стали одними из наиболее заметных деятелей подполья французского Сопротивления. Особенно Марсель прославился благодаря своему уникальному дару мгновенно менять выражение своего лица, которое так пригодилось при переправе еврейских детей из Франции в Швейцарию. Ему было чуть больше двадцати, когда он перевел через границу более 70 детей, то изображая из себя тренера небольшого отряда бойскаутов, то ведя одного-единственного «потерявшегося» мальчика, то копируя ужимки пятнадцатилетнего, который воспитывает братика и сестричку. Марселю Марсо удалось 10 раз пройти мимо одного и того же поста, и постовые всякий раз думали, что перед ними абсолютно другой человек!

В 1943 году братья Мангели решили изменить фамилию, а сам Марсель подделал документы – пригодились знания, полученные им еще до войны в школе искусств. Марсель и Алаин выбрали фамилию героя французской революции – молодого генерала, ровесника Наполеона, героя революционных войн Марсо, и возможно, тем самым спасли себя от того, от чего судьба не уберегла их отца – Шарль Мангель в 1944 году погиб в лагере Аушвиц. «Для мира – он один из миллионов безымянных, замученных нацистами в годы войны, – рассказывает Марсо, – а для меня – он тот, кому я посвятил свою работу, он – мой отец».

С 1944 по 1946 год Марсель служил в армии. Вместе с

американскими солдатами из Третьей армии Джорджа Паттона он воевал за освобождение Франции, а заодно в перерывах между сражениями выступал перед ними, показывая пантомимы на сюжеты из солдатской жизни. Тогда же увидел первую рецензию на свое выступление в армейской газете «Звезды и погоны». Но тишина появилась позже – она, как и следует тишине, бесшумно пробралась в жизнь будущего великого мима вместе с театральной школой Шарля Дюлана парижского театра Сары Бернар, где Марсо учился у великого мима Этьена Декру. Он научил Марселя новой грамматике миманса, которой тот следовал всю жизнь. Его учителем было и все мировое искусство со времен античной Греции и древнего Китая, от Микеланджело и Родена до белолицего романтического Пьеро. Появившись на сцене вскоре после окончания Второй мировой войны, Марсель Марсо сразу же заявил о себе, как о великом актере. Он был учеником и выдающегося актера Жана-Луи Барро, сыгравшего в фильме Марселя Карне «Дети райка» великого мима Франции XIX века – Дебюро.

В 1947 году Марсель придумал известного всему миру персонажа Бипа, принесшего ему мировую известность. Маленький человек в белой маске Пьеро с грустными глазами и пепельной шевелюрой, в котором больше соли, чем перца. Тельняшка, мятый котелок, приподнятые в немом вопросе дуги бровей и ярко-красный скорбный рот, необычайно трепетные большие руки. Свои миниатюры – нехитрые истории «Человеческой комедии» – он преподносил и раскрывал пластически. Его жест как будто пел. В нем были особые стаккато и легато. Послушное воле артиста тело отзывалось каждой клеточкой. Выразительными были не только руки, но и спина, плечи, шея, каждый поворот корпуса… Подобной виртуозности еще никто не видел! Вот Бип замирает, словно распятый. Его блаженные глаза напоминают капельки росы, маска превращается в лик, а тело – в полупрозрачный алебастр. Его душа тонет в тишине одиночества. Но зачем ему слова? «Я считаю, что рядом с жестом слово очень сильно проигрывает, – любит повторять Марсо. – Оно может нарушить поэзию тайны и тишины. Только музыка, которую я использую в редких случаях, может помогать драматическому развитию. Я принес тишину в мир театра, где звуки и слова были королями». Действительно, искусство Марселя не в словах – он окружил себя тишиной, он единственный способен в двухминутной «мимодраме» сказать столько, сколько не уместить в тома прозы, и главное – то, что ему есть что сказать.

Фактически Пьеро придумал величайший мим XIX века

Дебюро, а Марсель возродил его в образе Бипа. В 1948 году молодой выпускник школы драматического искусства был удостоен премии Дебюро. Марсель оставил себе сценический псевдоним Марсо. Миниатюры с участием Бипа наполнены сочувствием к бедняге, которому не слишком везет на пиру жизни. Вот, например, сценка «Бип на светском рауте»: герой, попав в обстановку роскоши, слегка «поднабрался», надо полагать, голова его закружилась, и он облокотился словно о буфетную стойку, о… краешек воздуха. Технически осуществлялся грандиозный трюк, ибо сцена пуста. Дабы создать видимость того, что он прислонился к чему-то, артист так «завис» на вытянутом носке и полуопрокинутой спине, что было абсолютно непонятно, где центр его тяжести, где опора… Ощущение головокружения он передавал взглядом, недоуменно-растерянно обводящим все вокруг. Казалось, все вокруг него покачивается.

Пожалуй, одной из самых популярных пантомим великого Марселя была и остается пантомима «Против ветра» – через всю сцену от кулисы к кулисе медленно – шаг вперед, два шага назад, преодолевая сумасшедшую силу ветра, движется человек. Преодоление пути дается ему неслыханным перенапряжением. И когда он завершает свой путь, то вызывает восхищение мужеством и человеческой волей. Это мучительная боль и торжество человека, достигнувшего своей цели. (Кстати, именно этот этюд и движения Марсо в нем стали основой знаменитой «лунной походки» Майкла Джексона. «Мне очень нравится, что он делает с тишиной», – часто повторяет Джексон.)

Его Бипа увидел весь мир и восхитился. Марсо признается, что его герой был создан под влиянием Чарли Чаплина и его маленького человека в неблагоприятных ситуациях. Но своего кумира – мэтра немого кино Чаплина – Марсо видел один-единственный раз. В 1967 году Марсель возвращался со съемок фильма «Барбарелла» Роже Вадима и в парижском аэропорту Орли встретил Чаплина. Уже всемирно известный Марсо, которого сопровождали два фотокорреспондента журналов «Лайф» и «Пари Матч», чувствовал себя слишком смущенным в присутствии великого мастера. Марсо строго запретил фотографировать встречу двух немых магов XX века, о чем жалеет до сих пор – боялся, что его обвинят в том, что он использует Чаплина в своих рекламных целях. Они проговорили около часа, и Марсель прямо в аэропорту изобразил походку героев учителя. Посреди аэропорта два величайших мима прошлого века играли Чарли. Когда объявили посадку, Марсо не знал, что сказать на прощание, и просто поцеловал руку Чаплину, а смешной чудак

расплакался. Это была их единственная встреча.

Штаты впервые увидели Марсо в начале 1950-х– после успешных гастролей в Канаде миму предложили проект на Бродвее, и он с радостью согласился, хотя очень боялся выступать перед американской публикой. Все-таки европейцы давно оценили искусство пантомимы, а новому Свету еще предстояло знакомство с тишиной. Однако выступления Марсо на Бродвее прошли более чем успешно – его вызывали 60 раз. С тех пор минимум раз в год он выступает на разных театральных подмостках США и всегда с ошеломляющим успехом. В первый же приезд ему предложили контракт в Голливуде, а великий мим согласился сняться только у великого пародиста – Марсо сыграл одну из ролей в фильме Мэла Брукса, где его Бип, с которым все ассоциируют тишину, при полном гриме снимает трубку и все же говорит: «Non!»

И не только Штаты покорил великий мим – в СССР приезд Марсо в 1957 году произвел такой фурор, что об этом вспоминают до сих пор. Официально в Союзе Марсель бывал с концертами три раза, а сколько раз был неофициально – знают только Ростропович и Вишневская, у которых он останавливался, а также Аркадий Райкин, с которым он всегда встречался, когда бывал в Москве. Вообще с Советским Союзом у Марсо связаны особые воспоминания – русские врачи в свое время спасли ему жизнь, когда артист был на гастролях со своим сыном Батистом. После одного из выступлений он чуть не умер от прободения язвы – прямо после спектакля в Театре Сатиры его увезли в Боткинскую. В палату пускали только троих – сына Батиста, посла Франции в СССР и девушку Галю (впоследствии жену режиссера Данелия), которая не отходила от постели Марсо и которой он впоследствии долго слал телеграммы и звал в Париж. В одном из писем появился автопортрет с летящим над миром Марселем. А подпись всегда была одна и та же – твой Бип. Когда Галину спрашивали, был ли у нее принц, то она отвечала так: «Мне повезло, у меня сразу был король» – Марсель Марсо. И добавляла, что «можно дружить, не переходя границы, даже с мужчинами и даже со знаменитыми».

Наверное, это наиболее известный эпизод из личной жизни актера, обычно тщательно скрываемой им от прессы: имена его трех жен и четырех детей для многих до сих пор остаются загадкой, а аскетическая жизнь вне сцены окутана тайной и тем, что он ценит превыше всего – тишиной. А глядя знаменитую четырехминутную сценку «Юность, Зрелость, Старость и Смерть», в которой заключена вся человеческая жизнь, поистине понимаешь: молчание – золото. Начинает он с позы эмбриона –

зарождение жизни. Далее – юность: человек вырастает, выпрямляется, делает первые шаги. Все увереннее идет он по жизни, движения его все раскованнее, увереннее… Постепенно шаг замедляется, преодолевая препятствия, фигура с годами становится меньше, горбится… Давит тяжесть лет, груз переживаний, опыта… Опущена голова… Вот тело принимает скрюченную позу, силы как бы на исходе, и, в конце концов, голова падает на безжизненное тело… Меньше чем за пять минут Марсо показывает целую эпопею человеческой жизни… И все это – без единого слова.

По словам Константина Райкина, Марсель Марсо открыл в свое время двери в пантомиму, а потом сам же их и закрыл. Им было сделано так много в пластическом искусстве, что теперь артистам этого жанра очень трудно искать собственный путь. Но тем не менее, учеников в основанной им Международной школе мимодрамы в Париже не убывает. Лучшие из них становятся актерами в труппе Марсо, и он учит их, что зачастую глаза, выражение лица, движение тела, жест выражают гораздо больше, чем произнесенные вслух слова. И потому немая грация человеческого тела, имя которой пантомима, говорит на всех языках. Мим – это яркая личность, обладающая даром перевоплощения. Общаясь в некоем воображаемом кругу, он открывает для себя двери иных миров и, проходя в них, пластикой выражает свое понимание увиденного. Такой человек мыслит нешаблонно, анализирует, ищет глубинный смысл вещей, и ему есть что сказать другим. Внутреннее наполнение требует выхода, превращаясь на сцене в безмолвный диалог с миром. Темы приходят из пережитого, превращаясь в картины нашей жизни, обретая аллегорический смысл. Обладая особым талантом пантомимы, Марсо привнес в этот вид искусства целую серию новых образов, расширив амплуа мима и значительно повысив его статус в мировой культуре. Его композиции «Клетка» и «Идущий против ветра» признаны классикой жанра пантомимы. Да, искусство Марселя Марсо отшлифовано годами неустанного труда, но самое главное – оно продолжает излучать свет и тепло, проникающие в самое сердце, осторожно и бережно его отогревая.

В 2000 году культовый мим, «тот самый Марсель Марсо» или, как его называют в западной прессе, «артист-легенда», «классик пантомимы», «вечно молодой гений», объявил об окончании своей творческой карьеры. Однако уже 23 февраля 2002 года в крупнейшем парижском концертном зале «Пале де Конгре» неутомимый актер представил свой новый спектакль «Руки», в котором под православную церковную музыку руки человека переживают весь спектр движений человеческой души… Артист

считает, что глубокая психологическая сила и эстетическая целостность спектакля как нельзя лучше отвечают его задаче – отразить суть человеческого бытия. Марсель Марсо сказал: «Я нисколько не изменился и чувствую в себе не только силы, но и огромное желание выступать на сцене». А следом появилась еще одна новая программа «Семь смертных грехов». В ней идет речь о зависти, жадности, похоти, скупости, нетерпимости, злобе и высокомерии. Все это Марсель Марсо передает мимикой, пластикой, держа зал в напряжении до последней минуты своего выступления. Всю свою любовь и ненависть, как истинный актер, Марсель Марсо переносит на сцену, передавая свою внутреннюю энергетику зрительному залу.

Зрители, его многолетние поклонники не перестают восхищаться талантом «вечно молодого гения». Да, великому миму уже за восемьдесят, но на сцену выходит прежний Марсель Марсо: изменений в лице увидеть невозможно из-за набеленной знакомой маски, изменений физических, телесных нет вовсе! И сейчас Марсо столь же изящен, как и при рождении Бипа! Энергии движений не убавилось. За маской Бипа он остался все таким же – подвижным, пластичным, мудрым, нестареющим, во всей амплитуде своего артистического дара.

МАРШАК САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ

(род. в 1887 г. – ум. в 1964 г.)

Советский поэт, классик детской литературы (стихи, сказки, пьесы). Автор книг «Избранная лирика» (1962 г.), «Воспитание словом» (1961 г.), «Вначале жизни» (1960 г.) и др. Переводчик В. Шекспира, Р. Бернса, У. Блейка, У. Вордсворта, Дж. Китса, Р. Киплинга, Э. Лира, А. Милна, Мао Цзэдуна, украинских, белорусских, литовских, армянских и других поэтов, сказок разных народов и т. д. Лауреат Ленинской премии (1963 г.), Государственных премий СССР (1942, 1946, 1949, 1951 гг.), кавалер орденов и медалей.

Старшее и среднее поколение при имени Маршака начинает улыбаться и вспоминать: «Жил человек рассеянный на улице Бассейной…», «Дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж…», «Разевает щука рот, а не слышно, что поет…» и т. д.

Знаменитый поэт и переводчик был неутомимым тружеником литературного цеха и фантастической фигурой: в Гражданскую

войну он работал в антибольшевистской газете, где в стихотворных фельетонах высмеивал советскую власть – и всю жизнь ходил у этой власти в любимцах. Маршак присваивал чужие переводы и стихи (об этом пишет в «Дневнике» К. Чуковский), но, редактируя чужое, делал шедевры. Несмотря на то что у Самуила Яковлевича были стихи, посвященные памяти главного теоретика сионизма Теодора Герцля, власть относилась к нему благосклонно, он получил четыре Государственные (тогда Сталинские) премии и одну Ленинскую. А о себе он писал:

На свете множество дорог,
Где заблудиться может муза,
Но все распутать превозмог
Маршак Советского Союза.

Родился знаменитый поэт 22 октября (3 ноября) 1887 года в семье заводского техника и талантливого изобретателя в Воронеже. Дед Самуила был раввином. Фамилия именитого литератора произошла от сокращения званий и имени выдающегося еврейского ученого, писателя-талмудиста XVII столетия Аарона-Шмуэла бен Исроэла Койдановера («М» – морейну, учитель, «Р» – раввин, «Ш» – имя Шмуэл, «К» – скорее всего, от местечка Койданово близ Минска, но возможно, что от родовой фамилии «Клюгер» – «умный»).

Раннее детство и школьные годы одаренный мальчик провел в городке Острогожске под Воронежем. Сочинять Самуил начал рано – первые стихи у него появились уже в четыре года. В гимназии учитель словесности привил одаренному ученику любовь к классической поэзии и всячески поощрял первые литературные опыты будущего поэта.

В начале 1893 года большая семья Маршака после длительных скитаний поселилась в Витебске, где жил отец матери, раввин Б. А. Гительсон, талантливый учитель (один из его учеников – скульптор Марк Антокольский). Будущий литератор получил еврейское духовное образование, изучал иврит, собирал книги, читал на иврите Священное Писание. Самуил Яковлевич, вспоминая о городе своего детства, заметил как-то, что в этом удивительном местечке «даже извозчики с лошадьми разговаривали на идише».

Когда будущему знаменитому поэту было 15 лет, семья переехала в Петербург, и тут юноше сказочно повезло: 4 августа 1902 года видный меценат Давид Гинзбург познакомил Самуила с почетным членом Петербургской академии наук, маститым

русским критиком Владимиром Васильевичем Стасовым. Стихи юного Маршака и веселые классные сатиры на товарищей, гимназию, директора и инспектора очень понравились критику.

22 декабря 1902 года на вечере, посвященном памяти скульптора М. Антокольского, была исполнена «Кантата в память Антокольского. (Из Библии)», автором текста которой являлся С. Маршак. Она принесла юному поэту известность. Сестра Самуила, Юдифь Яковлевна, вспоминала: «Когда после окончания кантаты публика потребовала авторов, на эстраду вышли маститые, всем известные Глазунов и Лядов, держа за руку третьего автора, которому на вид нельзя было дать и 14 лет».

Стихи «Памяти Антокольского…» явились как бы предисловием к следующему стихотворению Маршака «Над открытой могилой» (1904), посвященному памяти «отца сионизма» Теодора Герцля. На это стихотворение обратил внимание В. В. Стасов: «Искренне поздравляю тебя с первым напечатанным твоим стихотворением. Оно прекрасно…»

Потом появились и другие произведения талантливого юноши. Они публиковались в журналах «Еврейская жизнь» и «Молодая Иудея». Самуил также переводил еврейские стихи («Песнь песней» и др.), позже вышла его первая книга сионистских стихов «Синоды».

В дальнейшем набирающий силу литератор познакомился с Ф. Шаляпиным, М. Горьким, И. Репиным. У молодого поэта стал развиваться туберкулез, и Максим Горький пригласил его в Крым на свою дачу на Черном море, где почти два года Маршак лечился, учился, много читал. Когда семья Горького покинула Крым из-за репрессий царского правительства после революции 1905 года, Самуил вернулся в Петербург, куда к тому времени перебрался его отец.

В 1906 году Маршак познакомился с И. Бен-Цви – будущим президентом Израиля (1952), активным деятелем революционной организации молодых еврейских рабочих-сионистов «Поалей Цион». Под влиянием своего нового друга поэт перевел гимн еврейского рабочего движения «Клятва». В различных изданиях он печатал стихи на еврейскую тему – «Инквизиция», «О, рыдай», «Песня скорби» и др. В 1907 году в Вильнюсе в газете «Азман» («Время») публиковались два стихотворения Маршака на иврите.

Вначале 1911 года Самуила вместе с поэтом Яковом Годиным в качестве корреспондента «Всеобщей газеты» послали на Ближний Восток. Под влиянием увиденного он создал цикл стихов «Палестина», которые, быть может, являются вершиной его творчества. Правда, в советское время об этих стихах мало кто знал. По словам Алексея, старшего внука именитого поэта, эти

строки вдохновенно, но очень тихо когда-то читал ему дед. В 1967 году, в дни Шестидневной войны, по радиостанции «Голос Израиля» многократно звучало стихотворение С. Я. Маршака «Иерусалим».

Снится мне: в родную землю
Мы войдем в огнях заката
Запыленную одеждой,
Замедленную стопой.
И войдя в святые стены,
Подойдя к Ерусалиму,
Мы безмолвно на коленях
Этот день благословим.

Во время своего путешествия в Палестину, в 1911 году, на пароходе Самуил Яковлевич познакомился с необыкновенно красивой женщиной, замечательным человеком Софьей Михайловной Мильвидской. После возвращения из путешествия она стала его женой. Ей поэт посвятил много стихов, они вместе прожили 42 года.

До встречи с будущим мужем Софья Михайловна училась на химическом факультете Петербургских женских политехнических курсов. Она хотела продолжить свое образование после свадьбы, да и Маршак был не прочь углубить свои познания, поэтому в конце сентября 1912 года молодожены отправились в Англию.

Самуил Яковлевич позже писал: «Первые полгода я был всецело поглощен изучением английского языка. К счастью, этот приготовительный класс я прошел довольно быстро, читая всевозможные газеты, путеводители, слушая речи, проповеди, разговаривая со всеми, кто согласен был проявить достаточное терпение и до конца выслушивать мои неуверенные, спотыкающиеся на каждом шагу английские фразы.

Я с благодарностью вспоминаю “Риджет Стрит Политекникум”, где мне довелось учиться у превосходного учителя и очаровательного веселого человека, которого звали мистер Пейдж. Через несколько месяцев я уже был студентом Лондонского университета – “Ист Лондон Колледжа” (ныне он называется “Куин Мэри Колледж”). Вместе со мною поступила и моя жена. Я был на литературном отделении, а она – на отделении точных наук.

После некоторых довольно значительных усилий мне наконец удалось найти доступ к Шекспиру, не переведенному и не пересказанному, а настоящему Шекспиру – в подлиннике.

Ключи к Шекспиру мне были вручены на факультетских лекциях. А светлая, уютная библиотека колледжа каждый день дарила мне новые радости: я знакомился то с Вильямом Блейком и Джоном Китсом, то с народными балладами и Робертом Бернсом, то с причудливыми “Нерсери Раймс”».

Во время каникул молодожены путешествовали пешком по Англии, слушали английские народные песни.

В 1915 году по возвращении в Россию Маршак работал в провинции, писал для детей и взрослых, публиковал свои переводы в журналах «Северные записки» и «Русская мысль». Выступал он и в качестве газетного сатирика, рифмача-фельетониста под псевдонимом доктор Фрикен. В 1918–1920-е годы в Екатеринодаре (ныне Краснодар) поэт сотрудничал с антибольшевистской газетой «Утро Юга» и высмеивал советскую власть. С приходом в город Красной Армии Маршак с начала 1920-х годов участвовал в организации детских домов, создал детский театр, в котором началось его творчество детского писателя.

При большевистском режиме Маршаку и другим организаторам новой детской литературы пришлось бороться с непониманием и консерватизмом новых хозяев. Самуил Яковлевич считал, что для детей надо писать весело и забавно, а высокопоставленные литературные чиновники запрещали многие детские стихи Маршака и Чуковского, чья «Муха-Цокотуха» была признана идеологически вредной для пролетарского искусства.

В 1923 году Самуил Яковлевич вернулся в Петроград, где сочинил свои первые оригинальные сказки в стихах – «Пожар», «Сказка о глупом мышонке», «Почта» и др. Он также перевел с английского языка детские народные песенки («Дом, который построил Джек» и др.).

В середине 1920-х годов Маршак начал редактировать журнал «Новый Робинзон», где собрались талантливые детские писатели – Белых, Пантелеев, Житков, Хармс, Введенский и другие. Знаменитый поэт затем возглавил детский отдел Госиздата, но не бросал и свое сочинительство. В 1930-е годы он написал сатирический памфлет «Мистер Твистер», стихотворение «Рассказ о неизвестном герое» и др.

В те страшные годы в СССР начались массовые репрессии. Арестовали почти все окружение Маршака – Д. Хармса, Н. Олейникова, Н. Заболоцкого и др. Самуил Яковлевич был напуган и стоически ждал своей очереди. Но Сталин пощадил поэта и вычеркнул его имя из расстрельного списка. В 1937 году, когда коммунисты закрыли созданное Самуилом Яковлевичем детское издательство в Ленинграде, он поехал в Москву, к Вышинскому,

добился приема и сумел вызволить кого-то из арестованных.

В годы Великой Отечественной войны знаменитый литератор активно выступал в газетах – его политические памфлеты, пародии, эпиграммы высмеивали и обличали врага. Он передавал крупные суммы денег для созданных в Каунасе и Вильнюсе интернатов и садиков для еврейских детей-сирот, родители которых погибли от рук нацистов. В конце 1945 года началась нелегальная и конспиративная перевозка этих детей через Кенигсберг (Калининград) в Польшу, а оттуда – в Израиль (тогда еще Палестина). Маршак вновь прислал для этих целей большую сумму денег, собранных у проверенных людей втайне от советской власти.

Знаменитого поэта от ареста спасла смерть Сталина: известно, что 13 марта 1952 года было принято постановление начать следствие против лиц, чьи имена фигурировали во время допросов по делу еврейского антифашистского комитета.

Нелегкими стали для С. Маршака годы «борьбы с космополитизмом». В начале 1950-х в центральной печати был опубликован политический памфлет о «евреизации» русской детской литературы и о том, что «этот стиль создали Маршак, Барто, Кассиль». К счастью, травля не переросла в арест.

По воспоминаниям коллег, Маршак был кипучим человеком, клокотание которого передавалось окружающим с ощущением почти физическим. Он всегда был чем-то встревожен, словно чего-то ждал, словно куда-то спешил и очень боялся опоздать.

А его эпиграммы всегда были остры и разящи:

Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв названье тома.
Но для чего стучаться в дом,
Где никого нет дома?

Знаменитый литератор переводил баллады, песни, сонеты, статьи о поэтическом мастерстве, пьесы-сказки («Двенадцать месяцев», «Горя бояться – счастья не видать», «Умные вещи»).

Маршак сдружил русских читателей с героями Бернса – это Джон Ячменное Зерно и резвый, шустрый Робин, девчонка Дженни, Макферсон и Финдлей. А еще Маршак переводил Вордсворта, Блейка, Китса, Теннисона, Киплинга («На далекой Амазонке не бывал я никогда…») и, конечно, Шекспира. Он замечательно перевел 154 сонета великого англичанина. Знаменитый 121-й сонет «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть…» именитый советский поэт переводил несколько лет,

добиваясь полного совершенства.

В послевоенные годы вышли его книжки стихов – «Почта военная», «Быль-небылица», поэтическая энциклопедия «Веселое путешествие от А до Я» и др.

В жизни Самуил Яковлевич не терпел невежд. Когда он узнал, что шофер, возивший его, не читал «Анну Каренину», страшно возмутился: «Остановите машину, голубчик. Я не могу находиться рядом с человеком, который не знает, кто такая Анна Каренина». Шофер подумал, что его уволят. Поэт вышел из машины и вернулся с книгой Л. Н. Толстого: «Прочтите обязательно. А пока не прочтете, считайте, что мы с вами не знакомы».

Квартира Маршака была, наверное, самой гостеприимной в московском доме на Земляном валу (тогда – ул. Чкалова). Он любил посетителей и приглашал их по самым разным поводам. Композитор Д. Шостакович, например, впервые исполнял здесь некоторые свои произведения и при этом сам пел.

В последние годы жизни именитого литератора одолевали болезни, в частности астма, но он больше работал, чем лечился. Врачам Маршак говорил: «Я, как паровоз. Внезапная остановка в пути для меня опасна». Он проводил время в Барвихе, Ялте.

Писатель Исаак Крамов вспоминал: «Часу в 12 ночи я возвращался в ялтинский Дом писателей и уже внизу услышал сухой, надсадный кашель. Маршак сидел у дверей своего номера на втором этаже, курил. Каждый вечер Розалия Ивановна, его секретарь, неразговорчивая, прямая как жердь старуха лет 80, выставляла его за дверь, пока номер проветривался перед сном, и он сидел у двери, курил, молчал… После смерти жены Маршак остался целиком на ее попечении. Они были очень привязаны друг к другу и постоянно ссорились. Время от времени Розалия Ивановна собиралась уехать из Ялты, и тогда Маршак очень серьезно и немного нервничая, сообщал, что она решила его бросить и пойти в стюардессы.

Розалия Ивановна – всегда подобранная, аккуратная, деловитая и ворчливая старушка, была рижской немкой. Во время войны, когда выселяли всех граждан немецкого происхождения, С. Маршак добился, чтобы для нее сделали исключение. И немка осталась в Москве, в его квартире у Курского вокзала.

Но Маршак оставался Маршаком, и когда по радио объявлялась воздушная тревога, он тотчас же стучался к ней в комнату с неизменной фразой: “Розалия Ивановна! Ваши прилетели!”».

Вот как о Самуиле Яковлевиче отзывался К. Чуковский. Он, не комментируя, записал в дневник 2 февраля 1964 года: «Вчера в Барвиху приехал Маршак. (…) Говорит с большим одобрением о

Солженицыне: “Отличный человек: ему так нравятся мои переводы сонетов Шекспира”(…) Говорил Маршак о своем разговоре с Косолаповым, директором Гослита, по поводу поэта Бродского, с которым тот расторг договор: “Вы поступили как трус. Непременно заключите договор вновь”». Е. Ц. Чуковская пишет в примечаниях: «Чуковский и Маршак отправили в Ленинград, в народный суд Дзержинского района телеграмму. В ней говорилось: “Иосиф Бродский – талантливый поэт, умелый и трудолюбивый переводчик”. (…) Судья отказался приобщить эту телеграмму к делу, поскольку она не была заверена нотариально».

С. Я. Маршак умер на 77-м году жизни 4 июля 1964 года от острой сердечной недостаточности. Его похоронили в Москве на Новодевичьем кладбище.

Поэт, чьи стихи, написанные в начале XX столетия одобрили А. Блок и А. Ахматова, а позже – М. Цветаева, был вправе написать в конце жизни:

Я думал, чувствовал, я жил
И все, что мог, постиг.
И этим право заслужил
На свой бессмертный миг…

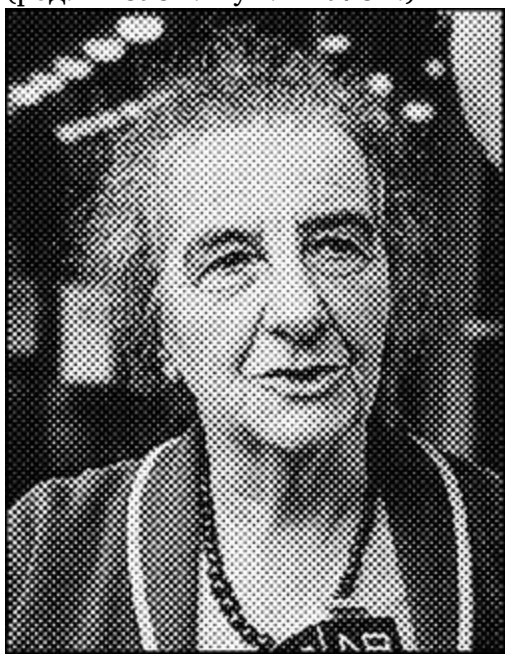
Маршак был полон планов: хотел продолжить «Беседы о мастерстве» и начатую статью о Шекспире, мечтал выпустить книжку «Лирических эпиграмм», собирался осенью на шекспировские торжества в Англию. Незадолго до смерти он написал:

Немало книжек выпущено мной,
Но все они умчались, точно птицы.
И я остался автором одной
Последней, недописанной страницы.

В 1972 году, уже после смерти Самуила Маршака, вышло в свет полное собрание его сочинений. Восемь томов добрых, светлых, жизнерадостных произведений – таков итог его творческой деятельности. О творчестве С. Я. Маршака написано множество статей, диссертаций, исследований, книг.

МЕИР ГОЛДА

Настоящее имя – Голди Мабовитц-Меерсон
(род. в 1898 г. – ум. в 1978 г.)



Первый израильский посол в Советском Союзе. Премьер-министр Израиля, ставшая «матерью еврейской нации».

Она была дочерью бедняка из Киева – и премьером израильского государства. Она закупала оружие и хорошо разбиралась в нем – и сажала деревья в пустыне. Создавая и защищая маленькую страну для своего народа, она стала легендой. Ее звали Голда Меир. Она была одной из первых в мире женщин, достигших положения главы правительства. До нее лишь на Цейлоне и в Индии государство возглавляли женщины – Сиримаво Бандаранаике и Индира Ганди.

Голди родилась 3 мая 1898 года в Киеве, где ее отец Моше Ицхак Мабовитц работал столяром. В ее детстве «радостных или хотя бы приятных моментов было очень мало». Эпизоды, которые она помнила, были связаны с мучительной нуждой, в которой

жила ее семья, бедностью, голодом, холодом и страхом погромов. В 8-летнем возрасте Голди с матерью, Блюмой, переехала в США, куда тремя годами раньше уехал отец, чтобы начать новую жизнь. Они обосновались в Милуоки, штат Висконсин, в самом бедном еврейском квартале города. Моше получал нищенскую зарплату, выполняя строительные работы, а Блюма открыла небольшую бакалейную лавку.

Закончив начальную школу в 14 лет, Голди собиралась поступить в среднюю школу и стать учительницей. Но родители хотели поскорее отдать ее замуж. Тогда она уехала к старшей сестре в Денвер, штат Колорадо, квартира которой была чем-то вроде центра для еврейских анархистов, социалистов и сионистов. Здесь девушка впервые услышала о национальном очаге для евреев, который они хотели создать в Палестине. Долгие ночные споры сыграли большую роль в формировании ее убеждений. Но пребывание в Денвере имело и другие последствия. Среди молодых людей, часто бывавших в доме, одним из самых привлекательных был тихий Моррис Меерсон, водивший девушку на лекции по литературе, истории и философии.

Вскоре Голди поссорилась с сестрой и ушла из ее дома. В 16-летнем возрасте она устроилась в магазин, где шили юбки на заказ. Так прошло около года, пока не пришло письмо от отца: «Если тебе дорога жизнь матери, ты должна немедленно вернуться домой». Вернувшись в Милуоки, Голди окончила среднюю школу и поступила в колледж для учителей, где начала изучать педагогику и стала активисткой в различных еврейских организациях. Сионизм наполнял ее жизнь и сознание. Она не сомневалась в том, что ее место в Палестине.

В декабре 1917 года Голди и Моррис поженились, а весной 1921 года, продав все свое имущество, отправились к берегам «земли обетованной». Добравшись до Тель-Авива, они подали заявление в колхоз (кибуц) с поэтическим названием «Божьи просторы», а Голди даже взяла себе новое имя – Голда («золотая»), подчеркнув этим начало новой жизни. Позднее она вспоминала, как наслаждалась тем, что находилась среди людей, разделявших ее общественно-политические взгляды. Но Моррису было не по себе: ужасный климат, малярия, плохая пища, работа в поле – все это оказалось для него слишком тяжело, и ради мужа Голда согласилась оставить кибуц.

Муж получил плохо оплачиваемую работу бухгалтера в Иерусалиме. Они нашли маленький домик из двух комнат, без электричества, так что готовить приходилось на примусе в сарае. Их первенец Менахем появился на свет в 1924 году, а спустя два

года родилась дочка Сарра. Чтобы платить за дом, Голда брала в стирку белье, которое стирала в корыте, нагревая воду во дворе.

Ее стремление к общественной работе нашло выход в 1928 году, когда она возглавила женский отдел Всеобщей федерации трудящихся. Вскоре все увидели, что Голда прекрасный организатор и оратор. К тому же ей пригодилось знание английского языка, на котором она говорила без акцента. В 1932 году на два года Голда отправилась в США, чтобы подлечить дочь, у которой было обнаружено заболевание почек. Все это время ее муж оставался в Палестине. После возвращения Голда была назначена руководителем политического отдела федерации в Тель-Авиве, а Моррис работал в конторе фирмы «Шелл Ойл» в Хайфе и навещал семью по субботам.

В первой половине 1930-х годов в Палестину, где рынок труда не был готов к принятию огромного количества людей, хлынули еврейские беженцы из Германии. Тогда же была предпринята попытка разрешения этой проблемы на международной конференции, проходившей во Франции. Практические результаты ее были ничтожны, так как каждая из 31 стран-участниц нашла важные причины для того, чтобы не открывать двери иммигрантам. Голда в очередной раз убедилась в том, что ее народу необходимо свое собственное государство.

В ноябре 1947 года Генеральная Ассамблея ООН приняла план раздела Палестины на две части, а в мае следующего года на карте мира появилась новая страна – Израиль. Голда была единственной женщиной среди политиков, подписавших Декларацию независимости: «Глаза мои наполнились слезами, руки дрожали. Мы сделали еврейское государство реальностью, и я дожила до этого дня». Многие ее соратники говорили позднее: «Если Бен-Гурион – отец Израиля, то Голда – его мать».

Через месяц после этого события она была назначена послом в СССР. Так, спустя 42 года после того, как Голда покинула Россию, она вернулась туда в качестве представителя еврейского государства. Ей было неинтересно заниматься рутинной дипломатической работой, но это продолжалось недолго – всего 7 месяцев. В начале 1949 года она была заочно избрана в первый кнессет и вернулась, чтобы занять должность министра труда в правительстве Бен-Гуриона.

Новая работа оказалась не из легких. Иммигранты стекались в маленькое, охваченное войной государство и размещались в палатках. Их надо было обеспечить всем необходимым, но продуктов питания, стройматериалов, оборудования, денег хронически не хватало. Министру труда пришлось выехать на сбор средств в США, Европу и Латинскую Америку. На этом посту

Голда полностью могла проявить свою заботу о людях. Вспоминая те годы, она признавалась, «что это был наиболее плодотворный период в ее жизни».

С 1956 года в течение 9 лет Голда исполняла обязанности министра иностранных дел. К этому времени она изменила свою фамилию Меерсон на еврейское имя Меир (в переводе с иврита – «озаряющая»). И к моменту своего избрания четвертым премьер-министром Израиля у нее было более 45 лет политического опыта: «Я поняла, что мне придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь миллионов людей. Однако на размышления времени не было, и раздумья о пути, который довел меня из Киева до кабинета премьера, надо было отложить на потом».

Это был период жестокого, но разумного правления. Соглашение о прекращении огня с арабской стороной было заключено, но на границах часто возникали конфликты. Правительство Израиля поддерживало боеспособность страны, искало пути мирного урегулирования.

В октябре 1973 года женская интуиция подсказывала Голде – что-то не в порядке. Ее советники и члены кабинета уверяли: «Не беспокойтесь, войны не будет». Позже Меир вспоминала: «Я должна была прислушаться к голосу своего сердца и объявить мобилизацию. Я уже тогда знала, что должна была так поступить, и мне предстоит прожить с этим ужасным знанием всю оставшуюся жизнь». Трагедия унесла 2,5 тыс. жизней, многие из которых могли бы быть спасены, если бы кабинет поверил в силу предвидения Голды.

Во время этой войны ей было далеко за семьдесят, но она никогда не покидала офис более чем на час. На пятый день конфликта, когда израильская армия несла потери и казалось, что разгром близок, она позвонила госсекретарю США Генри Киссинджеру среди ночи, заявив его помощнику: «Меня не заботит, который теперь час. Нам нужна помощь сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно». Сила и уверенность Голды сделали свое дело: американский воздушный мост заработал как раз вовремя, чтобы спасти нацию.

Она ушла в отставку 10 апреля 1974 года после пяти бурных лет работы в должности премьер-министра. В Палестине было 80 тыс. евреев, когда она приехала сюда в 1921 году, и 3 млн, когда она покинула свой кабинет. В своем прощальном заявлении Меир сформулировала концепцию выживания страны с позиций силы и агрессии: «Если Израиль не будет сильным, то не будет мира». Она могла бы сказать: «Если женщина не сильна и не уверена, то она не добьется власти». В этом выразилась бы

сущность этой энергичной и властной женщины.

Голда никогда не требовала от народа верности себе лично, призывая лишь сохранять идеалы, в которые верила сама. Она не признавала никаких компромиссов. Мир для нее делился на черное и белое, а любой, кто не принимал ее мировоззрения, становился противником.

В личной жизни она никогда не была одинокой. Меир дружила с блестящим оратором Залманом Шазаром, который был ее наставником и любовником. Они путешествовали по всему миру в 1930-е годы, и Шазар обещал развестись с женой и жениться на Голде, но так и не сдержал своего слова. И все же этот динамичный лидер, без сомнения, был тем мужчиной, который оказал на нее наибольшее влияние. Именно он стал тем президентом Израиля, который привел ее к присяге в качестве премьер-министра в 1969 году. Их отношения были началом большого количества подобных связей, что дало повод завистникам называть ее «Голда-матрац».

Интимные отношения связывали Меир со многими великими мужчинами в сионистском движении. Давид Бен-Гурион, Давид Ремез, Берт Кацнельсон, Залман Аранн и Генри Ментор были самыми выдающимися личностями, с которыми она работала и развлекалась на разных ступеньках своей карьеры. Все они помогли ей в продвижении на вершину.

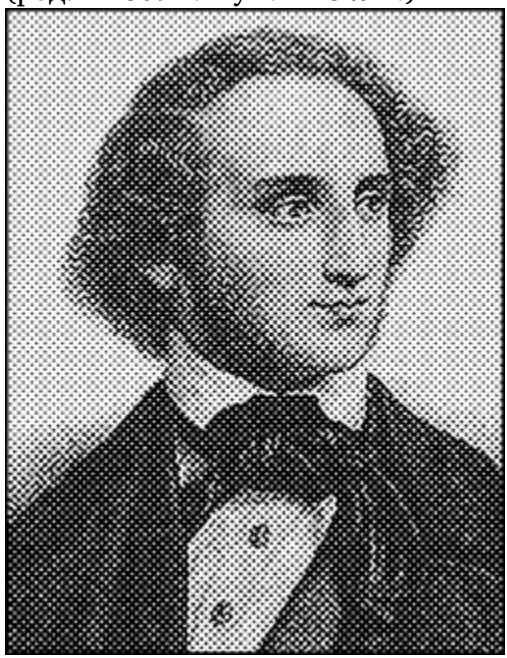
В действиях Меир не было злого умысла. Просто эта страстная женщина жила естественно, так, как она видела и чувствовала. В ней было столько неудержимой энергии, что некогда было останавливаться, чтобы побеспокоиться о тех, кто уходил. Сама Голда признавала для себя первенство карьеры перед семьей: «Я знаю, что мои дети, когда были маленькими, много страдали по моей вине».

Меир была очень сильной, но простой женщиной. Будучи избранной на высший пост своего государства, она говорила: «Я была ошеломлена. Я никогда не рассчитывала стать премьер-министром. Я вообще никогда ни на что не рассчитывала. Я планировала, что поеду в Палестину, стану активным участником лейбористского движения». Единственным Богом Голды был сионизм, мир, в котором у еврейского народа был бы свой дом. Делом ее жизни стало создание такого дома.

Она умерла 8 декабря 1978 года и была похоронена в Иерусалиме. Сегодня с уверенностью можно сказать, что нынешний облик Израиля сформирован не в последнюю очередь женщиной по имени Голда…

МЕНДЕЛЬСОН (МЕНДЕЛЬСОН-БАРТОЛЬДИ) ЯКОБ ЛЮДВИГ ФЕЛИКС

(род. в 1809 г. – ум. в 1847 г.)



Немецкий композитор, дирижер, пианист и органист, выдающийся музыкальный деятель, основавший в 1843 г. в Лейпциге первую немецкую консерваторию, автор знаменитых на весь мир симфоний «Итальянская», «Шотландская» и других музыкальных произведений.

Нет на земле человека, который смог бы сделать для всех влюбленных подарок более красивый и торжественный, чем тот, что подарил им Феликс Мендельсон. Именно под звуки его торжественного марша вот уже несколько сотен лет миллионы влюбленных пар начинают свой путь к семейному счастью и благополучию. Ну, а если звуки свадебного марша для кого-то оказываются началом ссор и разочарований – то, возможно, это

происходит потому, что они не знали секрета, который много лет назад стал известен знаменитому немецкому композитору…

Якоб Людвиг Феликс Мендельсон родился 3 февраля 1809 г. в Гамбурге. Мальчишка был первым сыном известной в Германии многодетной еврейской семьи, имеющей в то время значительное состояние и общественное положение. Дед Феликса был выдающимся философом, а отец – крупным банкиром.

История знаменитой семьи началась в далеком 1743 году, когда дед Моисей (Мозес) Мендельсон приехал в Берлин. 14-летний юноша был одет в какие-то лохмотья, а в карманах у него не было ни гроша. Тощий и непривлекательный внешне Моисей Мендельсон с волнением стоял у городских ворот, моля впустить его в город. Когда один из стражников спросил, для чего он пришел, то юноша, задыхаясь от волнения, произнес одно-единственное слово, которое знал по-немецки: «Lernen» – учиться. Охранники рассмеялись, отослали его к воротам, через которые в город загоняли скот, потому что в то время евреям не разрешалось пользоваться главными воротами. В книге регистрации, сохранившейся до наших дней, была сделана в тот день запись: «Сегодня через ворота пропустили 6 волов, 7 свиней и одного еврея». Спустя всего шесть лет смуглый, непривлекательный горбун стал самым известным, дерзким философом и писателем в Берлине. К 1767 году Моисей, знавший когда-то лишь одно немецкое слово, стал автором множества популярных книг, выпущенных на немецком языке. Многие ученые-современники называли его «современным Платоном», что было очень почетно и тем более значимо, если учесть, что он еврей. Известность принесла ему созданная и разработанная идея Хаскалы. При жизни Моисей Мендельсон стал прототипом легендарного «Натана Мудрого». Зато его старший сын Авраам (Абрахам) стал полной противоположностью своему отцу. Из восьми детей Моисея Мендельсона он был самым красивым и удачливым. Имея небольшой капитал, оставленный ему по наследству, он сумел организовать свой банк, со временем превратив его в крупное, доходное предприятие. Степенный и консервативный во взглядах Авраам всегда почитал свою семью: «прежде всего я сын своего отца, а теперь отец своего сына», – часто повторял известный берлинский банкир. Искра, которую зажег Моисей Мендельсон, поднявшись из нищеты до вершин славы, не погасла и у его внуков.

Мать Феликса – Леа Мендельсон была воспитана в ортодоксальной еврейской семье. Она прекрасно играла на клавесине, хорошо пела, превосходно знала европейские языки. К тому же, мать была тесно связана с семьей Бахов. Первой обратив

внимание на неординарные музыкальные способности Феликса, Леа Мендельсон стала для него и первым учителем музыки.

В 1812 году вся семья переехала в Берлин. С шести лет Феликс учился играть на скрипке и фортепиано, в девять лет он давал публичные концерты, а с десяти талантливый мальчишка начал сам сочинять музыку. Но на самом деле он научился мыслить движущимися нотами намного раньше, чем научился произносить первые слова. Феноменально быстрое освоение мальчишкой пространства классической гармонии удивляло впоследствии его педагогов. Понимая, что дети превзошли ее в музыке, мать отдала Фанни и Феликса на попечение Людвига Бергера – выдающегося пианиста и композитора. Занятия под руководством знаменитого педагога настолько развили способности юного музыканта, что уже в восемь лет он мог читать с листа самые сложные музыкальные произведения и безошибочно приписывать к любому предложенному басу гармонию. С 1818 года Феликс Мендельсон берет уроки композиции у другого знаменитого музыканта – К. Цельтера, друга Гете. Юный музыкант рос в одном из красивейших особняков Берлина в окружении друзей из самых богатых семей города. Очень часто в доме Мендельсонов устраивались вечера и приемы, звучала музыка. Такая обстановка как нельзя лучше содействовала творческому развитию начинающего композитора. К 1820 году Феликс Мендельсон написал целый ряд произведений, пока еще не слишком оригинальных и завершенных, но поразительно складных для ребенка его возраста.

В 11 лет мальчишка поступил в Берлинскую Певческую академию. В 1821 году Цельтер взял своего ученика с собой в Веймар, чтобы представить Гете. Мальчишка произвел на поэта очень сильное впечатление не только музыкальной одаренностью, но и личным обаянием. В своем письме к родителям Феликс дает настолько яркое описание встречи с Гете, что можно смело говорить и о выдающемся литературном таланте юного музыканта. Знаменитый поэт увидел в музыканте «искру Божью» и божественное присутствие в его даровании. Он пророчил мальчишке великую славу и не ошибся. Между зрелым поэтом и маленьким композитором возникла дружба, продлившаяся всю жизнь. Со временем Феликс писал стихи и песни о Гете, публиковал их в еженедельнике, который издавала невестка поэта.

Злые языки утверждали, что такой тесной дружбе между Мендельсоном и знаменитым поэтом сопутствовало то, что семья Мендельсонов приняла лютеранство. Потому что только

крещение становилось пропуском для евреев в высшее общество. Причиной, повлиявшей на это решение, стал случай, произошедший с Феликсом. Однажды мальчишка вернулся из певческой школы домой заплаканным. Он рассказал отцу, что дети насмехались над ним, когда они исполняли «Страсти по святому Матфею». Они кричали, всхлипывая, произнес Феликс: «Посмотрите на этого еврейского мальчика, поющего Христу». На следующий день Авраам Мендельсон отвел детей в лютеранскую церковь, где их окрестили. Сам Феликс, став взрослым, часто попрекал отца за этот поступок.

В 12 лет состоялось выступление юного музыканта перед знатоками музыки Германии, которые высоко оценили игру юного дарования. Удивительные способности и виртуозное мастерство Феликса Мендельсона были настолько очевидны, что знаменитый пианист Мошель записал в своем дневнике: «Феликс – чудо. Одаренные дети просто ничто по сравнению с ним! Этот мальчик уже зрелый исполнитель». Генрих Гейне отзывался о юноше как о «музыкальном чуде». Уже в 13 лет Феликс сочинял произведения практически во всех музыкальных жанрах. Лучшие из них он написал, когда ему было всего 15–17 лет. В то время начинающего композитора сравнивали с Моцартом или Бетховеном. В 1824 году Феликс Мендельсон написал Первую симфонию, второй концерт для двух фортепиано с оркестром, а также фортепианный секстет.

Несмотря на успехи сына, Авраам Мендельсон все еще не был уверен в его музыкальном будущем. Поэтому в 1825 году он отвез подростка в Париж, чтобы показать его Л. Керубини – крупнейшему музыкальному авторитету Франции и человеку, известному в широких кругах своей язвительностью и консервативными взглядами. К удивлению отца, Керубини благосклонно отнесся к Феликсу и предрек ему большое будущее. К своему совершеннолетию молодой композитор стал автором уже вполне самостоятельных произведений, среди которых было знаменитое Рондо-каприччиозо, октет для струнных ми-бемоль мажор.

Летом 1826 года за несколько недель была написана увертюра к комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь». Это произведение включает в себя хорошо всем известный свадебный марш. Увертюра, звучавшая всего 12 минут, принесла молодому композитору мировую славу. В этой музыке ярко обозначились основные черты его таланта. К. Цельтер так описывал это гениальное произведение: «В пьесе главная мысль находится за пределами музыки. Пьесу не должно знать, ее нужно знать. Она врывается как метеор, как воздух, подобно туче комаров».

1829 год стал эпохальным в музыкальной жизни Европы. По инициативе и под управлением 20-летнего Мендельсона были исполнены «Страсти по Матфею» И. С. Баха, что послужило возрождением вокальной музыки выдающегося композитора прошлого. Существует легенда о том, что ноты «Страстей по Матфею» Феликс Мендельсон получил от своей бабушки. По другой версии молодой композитор нашел ноты случайно в одной из библиотек. Другие источники утверждают, что Мендельсон решил больше узнать о вере, которую приняли его родители. Именно в этот период он познакомился с музыкой Баха и решил исполнить одно из самых известных его произведений в родном городе. Работа над «Страстями по Матфею» была долгой и кропотливой. С помощью своего друга и певца Эдварда Девриена Феликс Мендельсон создал оркестр и хор из четырех певцов. Он смог не только прекрасно дирижировать оркестром, он почувствовал это произведение изнутри, раскрыв его драматическую суть. Но в то же время композитор не забывал и о своих еврейских корнях. После концерта он гордо заявил знакомым: «Артист и еврей открыл это великое христианское сочинение человечеству». Впечатление от постановки было настолько сильным, что певческая академия решила ежегодно включать в свой репертуар «Страсти по Матфею», а Феликс Мендельсон получил международное признание.

В апреле 1829 года он поехал в Англию. Спустя несколько недель Мендельсон праздновал свой первый успех после исполнения концерта для двух фортепиано с оркестром и симфонии, написанной им еще в 15-летнем возрасте. По окончании музыкального сезона, ставший известным композитор отправился вместе с одним из своих друзей Клингеманом в Шотландию, а затем в Уэльс. Результатом этой поездки стала грандиозная «Шотландская симфония».

8 мая 1830 года молодой композитор осуществил свою давнишнюю мечту – отправился в запланированное большое путешествие по Европе. В начале октября Феликс Мендельсон приехал в Рим и остался там на всю зиму. В столице Италии им были написаны увертюра «Гебриды» и музыка к «Первой Вальпургиевой ночи». Кроме этого он сделал наброски к «Итальянской симфонии». Возвращаясь назад на родину, Феликс Мендельсон посетил Мюнхен, город, где известный композитор чувствовал себя «по-домашнему уютно». Ведь там жила его первая любовь – красавица Дельфина фон Шаурот. Ей Феликс Мендельсон посвятил свой знаменитый клавирный концерт, музыку к которому он написал и исполнил в присутствии баварского короля.

Побывав в Париже, популярный композитор приобрел множество новых друзей в музыкальном мире, среди которых были Лист и Шопен. Неожиданным провалом закончилось исполнение «Реформационной симфонии» Мендельсона. Уже во время второй репетиции оркестр отказался ее исполнять, так как она была слишком «схоластичной». Этот провал стал первым большим разочарованием избалованного успехами и признанием композитора. Прошло совсем немного времени после этой неудачи, и Феликс Мендельсон получил одно за другим печальные известия. Сначала он узнал о смерти своего близкого друга Эдуарда Ритца, а затем ушел из жизни Гете. Да и сам композитор тяжело заболел холерой. Вскоре приходит новое печальное известие – умер Цельтер, переживший своего друга Гете всего лишь на несколько недель. Так, за короткий срок Мендельсон потерял сразу двух друзей-покровителей.

25 июня 1832 года композитор возвратился в Берлин. Там в марте следующего года он завершил работу над «Итальянской симфонией». Ее яркое, ликующее начало раскрыло глубину восхищения автора красотами этой страны. Впервые эта симфония была исполнена 13 мая 1833 года в Лондоне. Во время премьеры Феликс Мендельсон сам дирижировал оркестром, что вызвало у слушателей особый интерес к его музыке. После триумфа композитор получил приглашение из Дюссельдорфа на музыкальный Нижнерейнский фестиваль в качестве дирижера. В скором времени Мендельсоном был подписан контракт, согласно которому он стал музыкальным руководителем Певческой академии Дюссельдорфа.

За эти годы выдающийся композитор написал несколько частей оратории «Павел», ставшей обобщением его духовного опыта. «Не мы выбираем тему, а тема – нас», – сказал об истории создания этого произведения один из близких друзей Мендельсона. В течение нескольких недель выдающийся композитор углубленно изучал труды апостола Павла. Он везде носил с собой Библию и томик истории ранней церкви. Впервые это музыкальное произведение было исполнено в 1836 году. Затем из-под пера мастера вышли несколько «Песен без слов». Одна из них – «Весенняя песня» – вскоре стала популярной во всем мире.

В январе 1835 года Феликс Мендельсон принял приглашение из Лейпцига занять место музыкального директора и руководителя Гевандхауза. Как дирижер, он коренным образом изменил принципы управления оркестром, который стал единым целым. Теперь музыканты равнялись не на первую скрипку, как это было принято ранее, а на дирижера. С присущим ему

магнетическим красноречием языка жестов он подчинил себе музыкантов. Композитор полностью изменил программы концертов, включив в них произведения великих композиторов, исполнявшиеся известными музыкантами. Мендельсон и сам часто принимал участие в концертах как дирижер и пианист. Оркестр Гевандхауза получил широкую мировую известность.

В самом начале лейпцигского периода творчества популярного композитора постигла тяжелая утрата: в ноябре 1835 года умер его отец. Во время печального Рождества мать взяла с сына обещание «найти поскорее подходящую женщину для брака». И вскоре судьба подарила ему эту встречу. Однажды, надолго уезжая по делам, Феликс Мендельсон получил в подарок от Союза святой Цицилии, покровительницы музыки, прощальный подарок – дорожный столовый набор. Его вручали несколько хористок, одной из которых была миловидная девушка Сесиль Жанрено. На крышке несессера были выгравированы буквы F. M. B. и C., означавшие единение Мендельсон-Бартольди и певческого союза. Но знаменитый дирижер понял это по-своему: Феликс Мендельсон и Сесиль. К тому же его любимая сестра тоже имела двойное имя – Фанни Сесиль. Симпатичная хористка Сесиль Жанрено происходила из зажиточной семьи гугенотов. 9 сентября 1836 года они обручились. Сесиль, по воспоминаниям современников, была красивой женщиной с приятным характером и очаровательными манерами. Хотя она была недостаточно умной для Феликса, молодой муж не обращал на это ни малейшего внимания – высокообразованные женщины были ему отвратительны. Сесиль Жанрено стала для мужа супругой, сестрой и одновременно страстной любовницей, которая смогла вернуть ему счастье юных лет. Она родила ему пятерых детей.

Гармоничная семейная жизнь благотворно влияла на воплощение его творческих замыслов, среди которых выделяются струнные квартеты. После возвращения из свадебного путешествия Мендельсон принял руководство фестивалем в Дюссельдорфе и Аахане, руководил церковным хором в Берлине, директорствовал во Франкфурте. Это была лишь небольшая часть общественной работы, которой занимался музыкант в те годы. В 1843 году в Лейпциге была открыта первая в Германии консерватория. Инициатором ее создания был Мендельсон. Со временем Лейпциг стал одним из центров музыкальной жизни Европы. В этой консерватории преподавали лучшие мастера, а Мендельсон вел класс композиции. В следующем году был написан гимн «Услышь мои мольбы, Господи», основная тема которого неозлобление и решительный протест против косности чиновников, зависти и злобы, происходивших в обществе. Летом

1844 года композитор завершил концерт для скрипки, до сих пор считающийся одним из самых ярких произведений этого жанра, затем он закончил работу над самой большой ораторией XIX в. «Илии», посвященной Альфреду Энштейну. В письме своему брату Мендельсон писал: «Еще никогда первое исполнение моего произведения не происходило так превосходно. Все три с половиной часа, которые оно продолжалось, большой зал с 2000 слушателей, весь оркестр, все были в таком напряжении, что не было слышно ни единого шороха».

С каждым годом здоровье покидало Феликса Мендельсона. Из-за усилившихся раздражительности и головных болей врач запретил ему публичные выступления. Как пианист Мендельсон в последний раз выступил 19 июля 1846 года во время благотворительного концерта. Тогда он исполнил «Крейцерову сонату» Бетховена.

14 мая 1847 года Феликса Мендельсона постигла тяжелая утрата – в Берлине от инсульта внезапно умерла его любимая сестра Фанни, его второе «я». После смерти сестры Мендельсон начал быстро угасать. Последние месяцы его жизни были отмечены напрасной борьбой с болезнью и усиливающейся утомляемостью. Вся глубина душевных переживаний отразилась в его последнем большом произведении, которое он написал в Интерлакине, Швейцария. Это одно из самых мрачных его сочинений – струнный квартет, который называется «Реквием для Фанни». Последние дни жизни он лежал в полубессознательном состоянии, отвечал только «да» и «нет». И однажды Сесиль нежно спросила, как он себя чувствует, он ответил: «Устал, очень устал». Затем Мендельсон спокойно заснул. Вечером 4 ноября 1847 года дыхание остановилось и жизнь покинула его. Похоронен Феликс Мендельсон рядом со своей сестрой Фанни.

Во время своего последнего посещения Англии знаменитый композитор дирижировал исполнением «Илии» в Лондоне. После завершения выступления принц Альберт передал ему программу с надписью: «Благородному художнику, который несмотря на окружение почитателей Ваала обесцененного искусства, оказался благодаря своему гению и умению в состоянии сохранить верность служению истинному искусству, Великому творцу».

МЕНУХИН ИЕГУДИ МОШЕВИЧ

(род. в 1916 г. – ум. в 1999 г.)

Великий скрипач, дирижер, общественный деятель, которого называют «гражданином мира» и подлинным гуманистом XX столетия. Родившись в Америке, он большую часть своей жизни провел в Европе. Этот человек, активно игравший на скрипке почти 65 лет подряд, был настоящим «музыкальным кочевником», единственным, кому удалось сохранить на европейской и американской концертной сцене дух скрипичного дела в оригинале. Менухин постоянно говорил о себе как о наследнике играющих цыган, хотя мало походил на своего учителя, румынского цыгана Джордже Энеску, чьи секреты «говорящего смычка» он перенес в классическую музыку.

Иегуди Мошевич Менухин родился 22 апреля 1916 года в Нью-Йорке, в семье русских эмигрантов. Отец скрипача был математиком, а мать – пианисткой. Менухины уехали из России в

Америку незадолго до революции и поселились в Сан-Франциско. Дети в семье воспитывались в строгости. Малыши привыкали вставать в пять утра, после завтрака помогать по хозяйству и весь день, с перерывом на обед, заниматься музыкой. Вечером родители знакомили детей с литературой, математикой, философией и языками. Выходные дни неизменно посвящались физическому развитию и спорту. По воскресеньям, например, семейство пешком отправлялось на пляж, который располагался в… восьми километрах от дома!

Иегуди проявил интерес к скрипке еще в трехлетнем возрасте. А в четыре он уже играл классику. Первый свой публичный концерт маленький вундеркинд дал в Сан-Франциско, в возрасте семи лет.

Он пришел в мир музыки, когда в нем царили такие великие скрипачи, как Крейслер, Эльман, Хейфец. Удивительно, но мальчик сумел не затеряться в их тени. В ноябре 1927 года, в 11 лет, Иегуди дебютировал в Карнеги-холл с Нью-йоркским филармоническим оркестром, сыграв скрипичный Концерт Бетховена. Причем так, что привел критиков в состояние ступора. «Быть может, это и прозвучит глупо, но Менухин продемонстрировал зрелую концепцию бетховенского концерта. И это факт», – писал о нем Олин Доунс в «Нью-Йорк тайме». Карьера удивительного скрипача сложилась как будто сама собой. Менухин-солист постоянно расширял свой репертуар; он был своеобразным «полиглотом от музыки» и с равным успехом исполнял произведения от Вивальди до Энеску.

В 1926–1936 годах Иегуди, можно сказать, жил в пути, «кочуя» с одних гастролей на другие. Его выступления, проходившие на сценах многих стран мира, имели неизменный успех. Однако в 1936 году молодой человек внезапно отошел от концертной деятельности: Менухин почувствовал, что ему необходимо время, чтобы осмыслить все наработки и совершенствовать свое мастерство. В результате он создал особую техническую базу – собственную, постоянно изменяющуюся эклектичную систему, которую много лет спустя изложил в книге «Искусство игры на скрипке».

В 1938 году Иегуди вернулся на сцену, но уже как зрелый артист. К середине века он занимал место одного из главных скрипачей мира. Так, для этого 22-летнего виртуоза, например, писал музыку сам знаменитый Бела Барток.

Такой успех покажется вообще фантастическим, если вспомнить, что в течение всей жизни Менухин боролся с профессиональным заболеванием рук. Несмотря на титанические усилия, в 1960-е годы музыкант пережил серьезный кризис:

правая рука внезапно отказалась ему служить и оказалась чуть ли не парализованной. Лечение особых результатов не дало, и скрипач отправился за исцелением в Индию. Там он прошел курс йоги и… снова смог взять в руки любимый инструмент! Вот только до последних дней Иегуди вынужден был постоянно, при любых обстоятельствах, делать особую гимнастику (в нее входило, кроме всего прочего, 15-минутное стояние на голове). И не важно, где находился музыкант, – у себя дома, в гостинице, в поезде или самолете. Привычные упражнения были для него залогом подвижности рук… Кроме того, Менухину пришлось раз и навсегда сесть на определенную диету и поддерживать особый режим питания.

В 1959 году музыкант переехал в Лондон. Он основал в столице Великобритании скрипичную школу, дав ей свое имя. В 1963 году Музыкальная школа Иегуди Менухина для одаренных детей появилась и в Сток д'Аберноне (графство Суррей). Спустя два года королева Елизавета II сочла возможным возвести скрипача в рыцарское достоинство. С того момента Иегуди Мошевич превратился в «сэра Иегуди», а несколько позже стал лордом.

Увлекшись общественной деятельностью, Менухин в течение ряда лет являлся председателем Международного музыкального совета при ЮНЕСКО, Послом мира при этой организации, возглавлял крупные музыкальные фестивали. Кроме того, он участвовал в деятельности правозащитной организации «Международная амнистия». А в 1974 году скрипача избрали почетным председателем музыкального факультета Калифорнийского университета. Американец по рождению, европеец по духу, после пребывания в Индии Менухин «заболел» Востоком. Именно он фактически открыл миру великого ситариста Рави Шанкара и гениального Акбар Хана, игравшего на сароде. Если бы Иегуди не создал знаменитые записи «Восток встречается с Западом», имена этих исполнителей, похоже, так и не прозвучали бы в Европе. Кроме того, скрипач всячески способствовал публикации книги своего гуру Б. Йенгара «Свет йоги» и даже написал к ней предисловие.

Трудно называть борцом доброго, рассеянного, отзывчивого и открытого Менухина. И, тем не менее, он действительно боролся за справедливость и интересы искусства. При этом музыкант не считался ни с чем – даже с собственной безопасностью. Например, приехав на гастроли в ЮАР во времена апартеида, Иегуди Мошевич был очень недоволен тем, что в зале собралась исключительно белая аудитория. Тогда он всех поразил своей решительностью и напором, добившись возможности дать

концерт и перед чернокожими слушателями. Интересно, что с того момента другие именитые исполнители считали своим долгом поддержать эту традицию.

Когда началась Вторая мировая война, Менухин, как отец двоих детей, призыву на фронт не подлежал. Но разве мог «гражданин мира» оставаться в стороне от столь глобальных событий! И скрипач начал давать выездные концерты для союзнических войск (всего он отыграл более 500 таких концертов). При этом выступать Иегуди Мошевичу часто приходилось в прямом смысле на передовой. Например, в Антверпене он играл, когда окраины города еще занимали немецкие войска.

Менухин стал первым из музыкантов, который отважился провести турне по только что освобожденным концлагерям Европы. Было ли это кощунством? Ни в коей мере! Скорее, его выступления можно расценивать, как поддержание в людях желания жить и стремление дать мощный импульс к возрождению.

После войны Иегуди Мошевич много концертировал и в лагерях для тех несчастных, которых злая судьба насильно сделала «гражданами мира», так называемыми «перемещенными лицами». В этих поездках скрипача часто сопровождал в качестве аккомпаниатора великий английский композитор Бенджамин Бриттен.

В ноябре 1945 года Менухин отправился в СССР, где дал концерт в московском Концертном зале имени Чайковского. Затем он улетел во Францию, где сыграл Концерт Мендельсона, до этого запрещенный нацистами.

В 1967 году, во время печально известной арабо-израильской войны, знаменитый скрипач дал бесчисленное количество благотворительных концертов для Израиля и в Израиле. Невероятно, но факт: во время одного из выступлений в Тель-Авиве Иегуди… угрожали бомбой (ее собирались подложить в зал). Фанатиков взбесило то обстоятельство, что музыкант с равным воодушевлением давал концерты и для арабских беженцев… И таких «конфликтов» в биографии «гражданина мира» много. Например, сразу же после окончания войны Менухин дал концерт вместе с Берлинским симфоническим оркестром под управлением великого немецкого дирижера Вильгельма Фуртвенглера. Последний, хоть и не был нацистом, вполне комфортно чувствовал себя в Третьем рейхе, продолжая заниматься любимым делом и наплевав на политику. То обстоятельство, что Менухин согласился играть вместе с именитым немцем, поразило еврейскую общественность, и она

еще долгое время бойкотировала концерты Иегуди Мошевича. А в Израиле ему вообще устроили обструкцию, на несколько лет лишив музыканта возможности въезда в страну. Но скрипач лишь пожимал плечами, не уставая твердить: «Настало время залечивать старые раны. Любовь, а не ненависть должна излечить мир». Лишь в 1950 году Иегуди Мошевич смог приехать в Тель-Авив. Его там встретили на удивление враждебно: к знаменитости даже пришлось приставить личную охрану. Но после первого же концерта стена отчуждения между скрипачом и публикой пала. В израильской прессе писали о выступлении Менухина как о чуде, способном заставить поверить в Бога даже атеиста…

В детстве отец научил Иегуди говорить на иврите, а мать – на французском, немецком, итальянском и испанском языках. Свободное владение иностранными языками очень пригодилось «гражданину мира» в его дальнейшей жизни. Он очень много времени и сил уделял общественной деятельности; в своих первых интервью музыкант вообще призывал к созданию мирового правительства, считая его единственной гарантией подлинного и прочного мира. До последних своих дней скрипач активно занимался благотворительностью, перечисляя часть своих гонораров в фонд Международного Красного Креста, в пенсионный фонд работников искусства и других общественных организаций. В 1970 году Швейцария сделала Иегуди Менухина своим почетным гражданином. После этого Государственный департамент США хотел лишить музыканта американского гражданства, но в последний момент не осмелился продемонстрировать столь неприязненное отношение к общепризнанному «гражданину мира». А в 1985 году Менухин получил еще и британское подданство.

Иегуди Мошевич всегда считал, что музыка – это не просто искусство, а универсальный язык общения между людьми и народами. Исходя из такого убеждения, он стал отцом-основателем двух знаменитых международных фестивалей – Гштадского (Швейцария) и Батского (Англия). Кроме того, скрипач курировал лондонский музыкальный колледж «Тринити» и «Академию Менухина» в Гштаде. Вообще, музыкальных и благотворительных организаций, в которых Иегуди Мошевич выступал спонсором и основателем, насчитывается несколько сотен! «Гражданин мира» был великим педагогом. Но это не значит, что учил он своих студентов только премудростям скрипичного мастерства. Музыкант пытался привить им свой взгляд на мир, передать подрастающему поколению те моральные ценности, которые, на его взгляд, должны были сделать мир добрее и счастливее.

Те, кто знал Менухина лично, говорят о нем, как о человеке на удивление простодушном, учтивом, заботливом, легком в общении. Непринужденная любезность позволяла ему завязать дружескую беседу с самым неконтактным человеком. Иегуди Мошевич никогда не выходил из себя и не употреблял грубых выражений. Он любил шутить и умел ненавязчиво разрядить самую «взрывоопасную» обстановку. При этом в быту скрипач был классически рассеян и забывчив. Однако эта рассеянность ни в коей мере не касалась рабочих вопросов. Менухин всегда старался вести дела образцово аккуратно: отвечал на все письма, выполнял все просьбы.

В 1991 году музыкант объявил об окончании своей скрипичной карьеры, поскольку больше держать в руках инструмент уже не мог. Однако он просто сменил амплуа, выступая с того момента в качестве дирижера с известнейшими оркестрами мира. До последних дней Иегуди Мошевич вел на редкость активный образ жизни, постоянно был в разъездах: его ждали если не очередные гастроли, то мастер-классы или почетные собрания. Супруга музыканта давно смирилась с таким положением вещей, окрестив мужа «агентом по распространению скрипичной музыки». Менухин, кстати, был женат дважды и воспитал четверых детей. Его брак с Дайаной Гоулд длился более полувека. У бывшей балерины, которая еще во времена Нижинского танцевала в Дягилевских балетах, были проблемы с бедром, легкими, сердцем и позвоночником. В отелях Дайана часто ходила по ночам со своей неизменной фляжкой виски, опираясь на трость. Тем не менее, Иегуди Мошевич обожал свою «половинку», был трогательно ласков с ней и на редкость заботлив. Дайана часто вспоминала слова супруга о том, что его первая жена была его первой ошибкой. И заключала: «Надеюсь, что я не стала второй». Спутница жизни гениального скрипача обладала недюжинным здравомыслием, на редкость ровным, спокойным характером и изрядным чувством юмора. Однажды при прохождении паспортного контроля в графе «профессия» она написала: «раба». И объяснила впавшему в ступор пограничнику, указав на Менухина: «Разве можно быть его женой, женой скрипача, и не быть рабой?»

На свете не существует человека, который не пережил бы череду кризисов, утрат и разочарований. Коснулись они и Иегуди Мошевича. Однако он всегда считал, что прожил счастливую жизнь. Ведь Менухин не только занимался любимым делом, но и был обласкан славой. Знаменитый скрипач являлся командором французского ордена Почетного легиона, кавалером немецкого ордена «За заслуги», греческого королевского ордена Феникса,

бельгийского ордена Леопольда, ряда других наград и отличий, носителем многих почетных титулов. Но превыше всего он ценил свой титул гражданина мира, в шутку называя себя «командором дружбы между народами».

В марте 1999 года Иегуди Мошевич отправился в Германию. Он собирался продирижировать концерт с Варшавским симфоническим оркестром, который должен был состояться в Берлине. Музыканта не остановил даже тот факт, что накануне отъезда он заболел пневмонией. Но коварная болезнь не простила Менухину такого отношения к собственному здоровью, вызвав осложнение в виде сердечного приступа. 82-летний «гражданин мира» вместо концерта попал в берлинскую больницу. Уже в палате у него произошел инфаркт, и 12 марта 1999 года Иегуди Мошевича не стало…

Альберт Эйнштейн после одного из выступлений гениального скрипача как-то сказал ему: «Сегодня вы доказали мне, что есть Бог на небесах». Слушая музыку этого удивительного исполнителя, трудно не согласиться с ученым…

МЕНЬ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

(род. в 1935 г. – ум. в 1990 г.)

Православный священник, религиозный философ, миссионер, историк религии. Основатель Православного университета, автор книг по библиологии, истории религии, толкованию Библии, множества статей на религиозные темы.

Начиная с 1991 года 9 сентября множество людей посещает ежегодную панихиду в маленьком подмосковном селе Новая Деревня, после которой все едут за 30 километров в еще одно маленькое село – Семхоз, где недалеко от железнодорожной станции стоит небольшая часовня. Это – место, где 9 сентября 1990 года трагически погиб самый известный религиозный деятель и просветитель советской эпохи – Александр Владимирович Мень. Многие из этих людей не встречались с ним лично, многие ничего не знали о нем и его деятельности при жизни священника, но считают себя его духовными детьми, продолжают чтить память этого выдающегося человека и идти по

тому Пути, который обрели благодаря его учению.

Александр Мень родился в Москве 22 января 1935 года. Его отец, Вольф Гершлейбович (Владимир Григорьевич), был главным инженером на текстильной фабрике в Орехово-Зуево. Мать, Елена Семеновна, работала чертежницей и, в отличие от отца, равнодушного к религии, была человеком глубоко верующим. 3 сентября 1935 года состоялось крещение маленького Алика, вместе с ним крестилась и Елена Семеновна. Она и ее сестра Вера воспитывали мальчика в духе христианства. Семья жила в то время в коммунальной квартире, впятером в одной комнате, где Алику удалось создать своеобразный «кабинет», отгородив кровать и тумбочку ширмой. В этом закутке одаренный, жадно тянувшийся к знаниям мальчик с самого раннего утра, пока все еще спали, читал книги. В школе он активно участвовал в жизни класса, был окружен друзьями, любил литературу, музыку, живопись.

Занимаясь самообразованием, Александр открыл для себя русских религиозных философов – Н. Бердяева, Н. Лосского, В. Соловьева. И это в возрасте 15 лет! Чтобы лучше понять Библию, подросток изучал историю античности и Древнего Востока. В этом же возрасте он написал свое первое богословское эссе и начал прислуживать в церкви. По окончании школы, в 1953 году Александр поступил в Московский пушно-меховой институт. Самостоятельно он продолжал изучать богословие, читал П. Флоренского, начал работу над своей первой книгой «О чем говорит Библия и чему она учит». В 1955 году институт перевели в Иркутск, где Александр познакомился с епископом церкви, находящейся недалеко от здания института, для которого выполнял различные поручения. В 1956 году Мень женился на студентке Наталии Григоренко, ставшей его верной спутницей на всю жизнь.

В том же 1956 году состоялся XX Съезд Коммунистической партии, на котором Никита Хрущев прочитал знаменитый доклад о преступлениях Сталина. Началась «оттепель», затронувшая и религию – открывались церкви, возвращались священнослужители, открыто проводились службы. Но радость верующих была недолгой. Уже в 1958 году партия начала большую антирелигиозную кампанию. Во время последней экзаменационной сессии Александра исключили из института из-за его связи с церковью. Молодой человек расценил это, казалось бы, печальное событие как знак свыше.

Вернувшись в Москву, 1 июля 1958 года, на Троицу, Александр был посвящен в диаконы. Два года он прослужил в приходе возле подмосковной станции Одинцово, где молодую

семью с годовалой дочкой поселили в обветшалый дом. Мень заочно учился в эти годы в Ленинградской семинарии, по окончании которой в 1960 году был рукоположен в священники и назначен вторым священником в Алабино. Тамошний храм находился в плачевном состоянии, и отец Александр разработал целую программу по реставрации и ремонту. Семья, в которой появился второй ребенок, жила в небольшом домике на церковном участке. За время работы в Алабино Мень опубликовал около 20 статей в «Журнале Московской Патриархии», в свободное время он продолжал писать книги. Вокруг молодого священника начала создаваться небольшая община христиан, были среди них и изначально верующие, и недавно обратившиеся, что не могло не привлечь внимание властей. Несмотря на то что в середине 1960-х годов антирелигиозная волна начала спадать, в 1964 году уполномоченный совета по делам православной церкви потребовал, чтобы отец Александр покинул Алабино.

Следующим местом службы Александра Меня стала подмосковная Тарасовка, где священник даже не имел места, чтобы принимать прихожан. С приходом к власти Брежнева отношение к религии заметно смягчилось, презрение сменилось любопытством, нападки на церковь прекратились, сменившись административным давлением. Отец Александр мог более открыто осуществлять свое призвание – вести людей к Христу; молва о нем быстро распространялась, возрастало число людей, искавших с ним встречи. Количество людей, постоянно окружавших отца Александра, волновало настоятеля храма, и в конце концов он отправил донос в КГБ. Еще целый год пришлось работать Меню рядом с доносчиком, прежде чем ему удалось перейти в другой приход, в Новую Деревню, где он прослужил до самой смерти.

Состав прихода отца Александра не был похож на обычный сельский приход: наряду с традиционными местными верующими, в основном пожилыми женщинами, к нему из Москвы приезжала интеллигенция, молодежь. Священник находил время, чтобы пообщаться с каждым, он ходил по домам, принимал людей у себя дома. Всем, кто к нему обращался, он оказывал помощь, причем не только духовную, но и моральную, и материальную, соединял людей, которые могли помочь друг другу. «Будучи священником, я стремился сплотить приход, сделать его общиной, а не сборищем случайных малознакомых людей. Старался, чтобы они помогали друг другу, молились вместе, вместе причащались», – говорил Александр Мень. Двери деревянного дома в небольшой деревне Семхоз, где обосновалась

его семья, всегда были открыты для всех, кто искал встречи со священником. «Если бы меня спросили, как чувствует себя душа, попавшая в рай, я ответил бы: точно как в доме отца Александра. Ничего особенного, просто хорошо», – вспоминал один из друзей священника.

Отец Александр обладал фантастической работоспособностью. Он успевал проводить службы в церкви, общаться с прихожанами и многочисленными людьми, приходившими за советом, писать книги (он делал это даже в электричке), читать лекции. К тому же на нем лежал весь тяжелый домашний труд, огород и покупки. Отец Александр не пренебрегал никакой работой, умел готовить и считал, что в современной семье не должно быть обязанностей, лежащих только на жене. Со стороны казалось, что все дела даются ему легко. Когда священника спросили, как ему удается все успевать, он ответил: «А у меня договор. Я отдаю все, что имею и все свое время, и мне тоже по мере сил дается все успевать». При всей своей известности отец Александр не искал славы, он любил себя представлять как обычного сельского священника.

Отдельное место в миссионерской и просветительской деятельности Александра Меня занимают его книги. Первой книгой, увидевшей свет, стал «Сын человеческий», где рассказывалось о земной жизни Иисуса Христа в доступной широкой публике форме. Книга была издана в Брюсселе спустя более чем 10 лет с момента написания. Таким же образом увидели свет и следующие книги: «Небо на земле», посвященная православной литургии, шеститомный труд по истории религий «В поисках Пути, Истины и Жизни», руководство «Как читать Библию». В Италии был издан иллюстрированный альбом для детей «Откуда появилось все это?»

После смерти Брежнева и прихода к власти Андропова над религией в СССР вновь сгустились тучи. После того как один из «духовных детей» на допросе выдал отца Александра, священника стали почти ежедневно вызывать на допросы, в доме в Семхозе несколько раз проводились обыски. Александр Мень был вынужден прекратить публичную деятельность, посвятив себя составлению энциклопедического словаря по библиологии.

Правление Андропова было недолгим, и в 1985 году партию возглавил М. Горбачев. Поначалу никаких изменений в отношении религии не наблюдалось, но общие тенденции – провозглашение гласности, освобождение политических заключенных – были благоприятными для церкви. В конце 1987 года было объявлено о возвращении двух монастырей, а в 1988 году, в год тысячелетия Крещения Руси, политика по отношению

к религии изменилась и верующие смогли выйти из подполья. В этом же году отец Александр выступил с первой официальной публичной лекцией в Доме культуры Московского института стали и сплавов. С этого момента он стал доступен широкой публике, священник за два года прочитал около 200 лекций, провел ряд бесед со школьниками, участвовал в диспутах с атеистами. С начала 1990 года деятельность отца Александра была особенно активной. Он принимал участие вместе с другими христианами в создании Российского Библейского общества; основал Православный университет с вечерней формой обучения; создал образовательное общество «Культурное возрождение». Отец Александр провел на радио серию религиозных передач для детей, принял участие в нескольких телевизионных передачах. Он с большим энтузиазмом воспринял новые возможности, возникшие благодаря изменению отношения к религии: «… теперь, подобно сеятелю из притчи, я получил уникальную возможность разбрасывать семена. Да, большая часть их упадет на каменистую почву, всходов не будет… Но если после моего выступления пробудится хоть несколько человек, пусть даже один, разве это мало?» К сожалению, судьба распорядилась так, что использовать все эти возможности и разбросать все семена отец Александр не успел.

Было воскресенье, 9 сентября 1990 года. Священник встал, как всегда, рано и отправился в деревенскую церковь совершать литургию. До церкви от его дома в Семхозе было около 30 километров, добираться надо было на электричке. Спустя некоторое время Наталья Федоровна, его жена, услышала стоны со стороны улицы. Выскочив за калитку, она увидела мужа, истекающего кровью, и сразу же вызвала «скорую» и милицию. Врачи приехали моментально, но было уже поздно… Удар топором в затылок рассек артерию, питавшую кровью мозг. Удивительно, как священник сумел добраться до дома – смертельное ранение он получил на середине пути до станции.

Похороны отца Александра, состоявшиеся в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, собрали 3 тысячи человек. Михаил Горбачев высказал «глубокое сожаление»… На годовщину смерти новый Президент нового государства – России – Борис Ельцин попросил Верховный Совет почтить память священника минутой молчания и прислал венок на могилу. Через 10 лет после смерти Александра Меня в Москве во внутреннем дворе государственной библиотеки иностранной литературы был установлен памятник священнику, выполненный итальянским скульптором Джанпьетро Кудина.

Следствие по делу об убийстве Александра Меня велось 10

лет, но результатов не дало никаких, хотя были приняты все меры для раскрытия преступления, допрошено около 800 человек, проведено множество экспертиз. Ясно было одно: убийство было тщательно спланировано, и совершили его профессионалы. Огромный шум поднялся в прессе – как советской, так и зарубежной, – трагическое происшествие называли первым политическим убийством перестройки. Было ли оно действительно политическим или сугубо личным (отец Александр неоднократно получал анонимки с угрозами), никто не может сказать по сей день. Смерть столь видной фигуры могла быть выгодна многим. Но похоже, что вопрос, кому же она оказалась выгодней других, так и останется без ответа.

МИЛЬ МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ

(род. в 1909 г. – ум. в 1970 г.)

Советский авиаконструктор, один из основателей советского вертолетостроения, доктор технических наук (1945 г.), профессор (1967 г.), Герой Социалистического Труда (1966 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1968 г.), Ленинской премии (1958 г.). Награжден несколькими орденами и медалями, дважды удостоен международного приза им. И. И. Сикорского Вертолетной ассоциации США.

Под руководством Миля создан ряд вертолетов, в т. ч. Ми-1, Ми-4, Ми-6, Ми-10, В-12, на которых установлено более 80 официальных мировых рекордов. Он воспитал молодых авиаконструкторов, продолживших его дело, создал свою школу вертолетостроения. Сегодня трудно найти страну, в небе которой не летали бы милевские машины.

Как-то раз иностранные журналисты спросили Михаила Леонтьевича: «Знаете ли вы, что ваши вертолеты спасли более

десяти тысяч жизней?» – «Что ж, ради этого стоило жить и трудиться», – ответил генеральный конструктор.

Миль родился 22 ноября 1909 года в Иркутске. Дед его 25 лет отслужил на флоте, отец, Леонтий Самойлович, работал служащим на железной дороге, мать, Мария Ефимовна, была зубным врачом. С детства Миша учился музыке, любил рисовать, занимался в студии известного в то время в городе художника-педагога Ивана Лавровича Копылова. Затем мальчишка увлекся самолетами, перешел в авиамодельный кружок и даже участвовал в соревнованиях авиамоделистов Сибири, на котором его модель завоевала приз.

После окончания школы в 1926 году выпускник поступил в Томский технологический институт, где он участвовал в работе планерного кружка. Студентам удалось построить одноместный планер и даже полетать на нем. После общения с «пятым океаном» у Миля пробудился интерес к авиационной технике, а удовлетворить его в те годы в Томске не представлялось возможным. Поэтому он перевелся в Новочеркасск, на аэродинамическое отделение Донского политехнического института, где все свободное время проводил в авиамодельном кружке. Здесь Михаил и познакомился с инженером Н. И. Камовым, своим земляком-иркутянином.

Николай Ильич был пионером в создании отечественных автожиров (летательных аппаратов промежуточного класса: уже не самолетов, но еще и не вертолетов). Он привлек пытливого студента к работе по созданию автожиров – и практикант получил должность помощника механика на испытаниях. Именно тогда автожиры по-настоящему заинтересовали Миля и определили его жизненный путь.

После получения диплома летом 1931 года по рекомендации Камова молодой инженер был принят в Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ) им. Н. Е. Жуковского и начал заниматься аэродинамикой автожиров. Через год Михаил стал начальником бригады аэродинамики и экспериментальных расчетов отдела особых конструкций и опубликовал свои первые научные работы. В 1941 году он уже занимал должность заместителя Н. И. Камова.

Летом того же года было принято решение проверить автожиры в боевых условиях. Инженером сформированной эскадрильи, состоящей из пяти машин А-7, назначили М. Л. Миля. В конце августа 1941 года они прибыли на Западный фронт, в район Ельни. Боевые условия оказались не слишком благоприятными для использования автожиров по прямому назначению – в качестве корректировщиков артиллерийского

огня и разведчиков. Без прикрытия истребителей они становились удобной мишенью для немецких самолетов, а на фронте в то время истребителей не хватало. Поэтому А-7 летали только ночью в ближайший тыл противника для разбрасывания листовок. Когда положение под Ельней стало угрожающим, эскадрилья получила приказ эвакуироваться. До Москвы дотянули только два автожира, остальные по дороге получили серьезные поломки.

Дальнейшие работы по их усовершенствованию были свернуты, а коллектив инженеров и конструкторов перепрофилирован для выполнения других оборонных задач. В это время в эвакуации на Урале умер пятилетний сын Миля, вскоре в боях под Калинином погиб его брат, а затем в Казани скончалась мать – Михаилу Леонтьевичу было отчего опустить руки. Но он устоял перед ударами судьбы и продолжил работу в авиации.

За разработку системы повышения устойчивости для самолетов Ил-2 и Ил-4 Миля наградили боевыми орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. В 1945 году он защитил докторскую диссертацию по теме «Динамика ротора с шарнирным креплением лопастей и ее приложение к задачам устойчивости и управляемости автожира и геликоптера».

После окончания войны в СССР было решено в кратчайшие сроки создать отечественный геликоптер (вертолетом он стал называться с 1950 г.). У американцев уже были серийные машины S-47, созданные русским эмигрантом Игорем Сикорским. Армия США применяла их для подавления огневых точек противника, корректировки артиллерийского огня, обнаружения подводных лодок, поддержки морского десанта и т. д.

Конструкторским бюро Яковлева и Камова было предложено разработать два разных типа винтокрылой машины: с двумя разнесенными ведущими винтами типа «вагон» и с соосным расположением несущих винтов. Самому младшему из авиаконструкторов, М. Л. Милю, в 1947 году поручили создать и возглавить новое КБ для разработки геликоптера классической схемы Сикорского, то есть с небольшим вертикальным стабилизационным винтом.

Приступая к созданию своего первенца Ми-1, конструктор в шутку произнес: «Все уже изобретено, осталось только сделать». Действительно, еще в XV столетии идею такого летательного аппарата выдвинул Леонардо да Винчи, затем спустя почти три столетия М. В. Ломоносов построил его модель. Еще через 100 лет «отец русской авиации» Н. Е. Жуковский занимался теорией в этом направлении, а его ученик и будущий академик Б. Н. Юрьев

в 1912 году создал реальный геликоптер одновинтовой схемы, который, правда, не летал, зато проложил дорогу другим. Однако Михаил Леонтьевич в слово «сделать» вкладывал более широкий смысл – вертолет должен не только летать, но быть надежным и способным выполнять любые народнохозяйственные и военные задачи.

И уже в октябре 1948 года первый одновинтовой вертолет Ми-1 поднялся в воздух, правда, потерпел аварию. И лишь второй успешно прошел государственные испытания и был запущен в серийное производство в феврале 1950 года. С поршневым двигателем мощностью 575 л. с. конструкции А. Г. Ивченко он развивал скорость 190 км/ч при взлетной массе 2500 кг. Дальность полета Ми-1 превышала 600 км. На этой машине советские летчики установили 23 мировых рекорда (из них 11 – благодаря женщинам-пилотам).

В КБ Миля создали ряд модификаций этого вертолета: связной, учебно-тренировочный, санитарный, четырехместный (для нужд народного хозяйства), вариант с поплавковым шасси для посадки на воду и др. Несколько тысяч Ми-1 в течение 30 лет успешно эксплуатировались в разных странах мира и прекрасно себя зарекомендовали. В джунглях ли Амазонки, в тропиках ли Индонезии, в суровых ли льдах Арктики – машина держала свою высокую марку.

Однажды при испытаниях двигатель одного из вертолетов отказал в полете. Пилот уже собирался покинуть кабину с парашютом, но вдруг осознал, что машина не падает, а довольно медленно, словно птица, планирует вниз. Чудесное изобретение профессора Миля повело себя лучшим образом: сказался роторный эффект винта. Описывая огромный круг, винтовые лопасти действовали как парашют, и вертолет приземлился на землю так мягко, что даже не повредилось шасси.

Трудно поверить, но в начале 1950-х годов героические советские летчики, прошедшие войну, не хотели добровольно осваивать новую технику, за исключением лишь немногих энтузиастов, но их считали самоубийцами. Действительно, риск был, и немалый. Еще бы – крыльев нет, планировать в случае чего не на чем, любая неисправность может превратить машину в «дрова». И такое поначалу случалось, что и отпугивало бывалых пилотов. На первых порах приказ переучиваться на вертолеты иногда становился альтернативой для сильно провинившихся летчиков, которым грозило серьезное наказание, вплоть до трибунала. Именно тогда родилась невеселая присказка: «Прощай народ – я ухожу на вертолет».

В 1951 году в корейской войне американцы с успехом

применили вертолеты для высадки морского десанта сразу за линию береговых укреплений, а в последующем – для всестороннего обеспечения и снабжения десанта, эвакуации раненых и т. п. Вскоре КБ Миля была заказана винтокрылая машина, которая превосходила бы по грузоподъемности и потолку высоты лучшие зарубежные образцы.

Такой советской машиной стал Ми-4, первый полет которого состоялся в 1952 году. При взлетной массе до 7800 кг он мог поднять груз массой 1600 кг. Высотный двигатель А. Д. Швецова АШ-82 мощностью 1700 л. с. позволял ему развивать скорость 180 км/ч. Вертолет оснащался оборудованием для слепых и ночных полетов. В грузовой кабине Ми-4 могли разместиться 16 десантников или автомобиль ГАЗ-69.

Новая винтокрылая машина была испытана летчиком В. Виницким, воспитавшим целую плеяду испытателей, многие из которых стали Героями Советского Союза, как, например, прославленный Юрий Гарнаев. Через три года летчики В. Колошенко и В. Афонин на двух Ми-4 совершили перелет протяженностью около семи тысяч километров по маршруту Москва – полярная станция «Северный полюс-5». Всего Ми-4 стал обладателем 20 мировых достижений.

О блестящих летных качествах этой машины вспоминал В. С. Отделенцев, много лет работавший одним из руководителей летно-испытательной службы КБ Миля: «В 1960 году правительство Индии объявило открытый конкурс на вертолет, который мог бы действовать в очень сложных климатических и географических условиях этой страны. Наиболее ответственной частью программы были полеты в Гималаях – при адской жаре до 60 градусов. И на высоте до восьми тысяч метров вместо допустимых пяти с половиной. Не повезло главным конкурентам, американцам и англичанам, французы тоже выбыли из соревнований, и лишь Ми-4 блестяще прошел испытания, завоевав репутацию лучшей в мире машины для высокогорья. Индия приобрела большую партию Ми-4».

«Еще был такой случай зимой 1960 года, – вспоминал летчик-испытатель Капрэлян. – При выводе на орбиту спутника с собакой произошел технический сбой. Поисковые партии нашли контейнер – шар с обгоревшей оболочкой – в Красноярском крае, в забытом богом и людьми месте – районе Туры, что на берегу Нижней Тунгуски. Его надо вывезти – но как? Ясно, ни самолетом, ни наземным транспортом – кругом тайга, глубокий снег, метели. Вот тогда-то С. П. Королев и позвонил Милю.

Эвакуация “шарика” заняла два часа и прошла без осложнений, хотя и работали мы не на специально

подготовленной площадке, на серийной машине, да еще в сибирский мороз в 54 градуса».

Вертолетом Ми-4 завершилась эпоха поршневого вертолетостроения. За проделанную работу коллектив КБ в 1958 году был удостоен Ленинской премии. Творческое соревнование с зарубежными конкурентами советские конструкторы выиграли – в 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе Ми-4 получил золотую медаль.

В 1957 году был создан могучий Ми-6 с газотурбинной силовой установкой, что позволило сделать качественный скачок в вертолетостроении. На нем установлено 16 мировых рекордов. Например, Ми-6 поднял 12 т груза на высоту 2432 м, в два раза превысив рекорд американского S-56. Милевская машина была способна поднять в воздух любой западный вертолет того времени с полной нагрузкой. На его базе был создан вертолет-кран Ми-10К, который мог транспортировать 12-тонные грузы длиной до 20 м на расстояние до 250 км. На одной из его модификаций был установлен и рекорд грузоподъемности – 25,1 т на высоту 2840 м. Американский S-56 поднимал всего 8,5 тонн.

В 1961 году летчик-испытатель Н. В. Лешин развил на Ми-6 скорость 320 км/ч! За это достижение Вертолетная ассоциация США присудила КБ Миля международный приз имени И. И. Сикорского. Однако рекорд продержался недолго – Р. И. Капрэлян превысил его на 48 км/ч.

В 1965 году советские вертолеты Ми-6, Ми-8 и Ми-10 впервые участвовали на международном авиационном салоне в Ле Бурже, где произвели фурор.

Затем сенсацией в авиационном мире стал двухвинтовой гигант В-12 (Ми-12). О его размерах говорит такой факт: на смотровой площадке в Ле Бурже в 1971 году огромные сверхзвуковые лайнеры Ту-144 и «Конкорд» свободно разместились под мотогондолами Ми-12.

Правда, при первом испытательном взлете, на высоте около десяти метров, машина вдруг вышла из повиновения, и огромного труда стоило ее посадить. Все произошло на глазах Главного конструктора. Он страшно нервничал при испытаниях, и это, конечно, отнимало у него здоровье. После неудачного дебюта «двенадцатой» у Михаила Леонтьевича случился инсульт, и доводкой машины занимались его помощники. Потом экипаж Колошенко установил на Ми-12 восемь мировых рекордов, да таких, что не перекрыты до сих пор. В частности, абсолютный рекорд грузоподъемности для винтокрылых аппаратов, установленный 6 августа 1969 года, – груз в 40,2 т был доставлен

на высоту 2250 м. За эти фантастические показатели КБ Миля было удостоено второго международного приза имени И. И. Сикорского.

Тяжелый транспортный вертолет задумывался в начале 1960-х годов как одно из звеньев плана ведения ядерной войны. Он должен был доставлять к месту старта в труднодоступные районы ракеты и крупногабаритные грузы. Потом военная концепция изменилась, и самый большой и самый грузоподъемный в мире вертолет, не пошедший в серию, поставили в Музее авиации и космонавтики в подмосковном Монино. Максимальная масса машины – 105 т, длина грузовой кабины – 28,3 м, крейсерская скорость – 240 км/ч.

Сын выдающегося авиаконструктора Игоря Сикорского, представитель его фирмы в Европе Сергей Сикорский, писал: «Перед инженерно-техническим достижением, каким является вертолет В-12, можно только снять шляпу…»

Дочери генерального конструктора, Надежда и Елена Миль, вспоминали: «Зрелище вертолета В-12, величественно плывущего над Ле Бурже при удивительно низком уровне шума, несмотря на свою мощность 26 тыс. л. с., запрятанную в четыре двигательные гондолы, произвело настоящий фурор».

К сожалению, эта машина оказалась «лебединой песнью» Михаила Леонтьевича – 31 января 1970 года он умер.

«Миль был человеком не только высокой технической культуры, – вспоминал летчик-испытатель Колошенко. – Зная его многие годы, могу утверждать, что из него мог бы выйти великолепный пианист, крупный живописец, однако он избрал другое поприще. Сочетая качества ученого и художника, что само по себе редкость, он обладал исключительной творческой интуицией. Именно она помогала ему выбирать перспективные направления инженерного поиска. Он умел идти против течения, ломать устоявшиеся каноны, взгляды и суждения, и его правота всегда подтверждалась практикой».

Михаил Леонтьевич специально набирал специалистов из самых разных областей, напрямую не связанных с авиастроением: «У них свежий взгляд, у них нет в голове шаблонов и куча новых идей, а кадры решают все».

Как вспоминали соратники, собирая у себя совещание, Миль всегда давал всем высказаться, задавал самые каверзные вопросы. Обычно после этого он всех благодарил и уходил к себе. Все знали: пока Главный не обсудит сам с собой все нюансы предстоящей работы, ничто не сдвинется с места. Он не успокаивался, пока не продумывал все до конца, в деталях, не взвешивал все за и против. «Мы не имеем права на ошибку, –

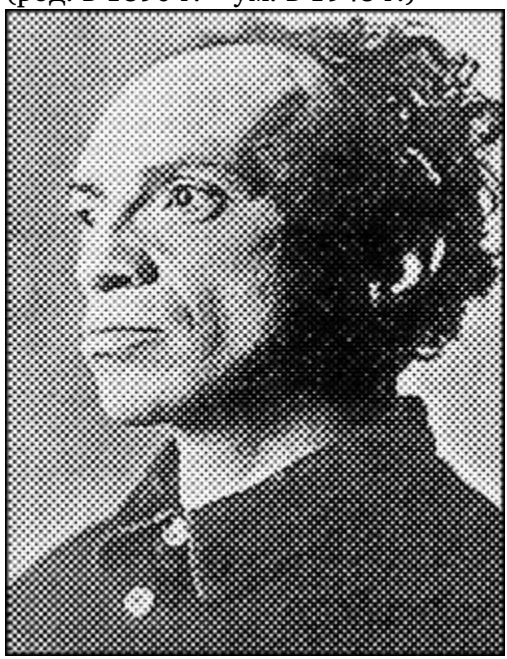
любил повторять Миль. – Мы должны создавать не просто летающие машины, а лучшие, самые совершенные и самые безопасные в мире».

Михаил Леонтьевич в соавторстве с молодыми конструкторами А. В. Некрасовым, А. С. Браверманом, Л. Н. Гродко и М. А. Лейкандом написал и опубликовал книгу «Вертолеты. Расчет и проектирование», которую он считал главным трудом своей жизни.

Еще при его жизни был создан в связке с КБ Московский вертолетный завод. После смерти гениального конструктора предприятие получило имя Миля. Здесь были построены «вертушки» Ми-24, отлично зарекомендовавшие себя в боях в разных точках планеты, Ми-26, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, Ми-34, весом всего в 1000 кг, и другие модели.

МИХОЭЛС СОЛОМОН МИХАЙЛОВИЧ

Настоящее имя – Соломон Михайлович (Шлиома Михелев) Вовси
(род. в 1890 г. – ум. в 1948 г.)



Еврейский актер, режиссер, общественный деятель, педагог, профессор школы московского театра (с 1941 г.), художественный руководитель государственного еврейского театра (ГОСЕТа), народный артист СССР (1939 г.), лауреат Сталинской премии (1946 г.), кавалер ордена Ленина.

Его творчеством восхищались Маршак и Эренбург, Уланова и Образцов, Козловский и Москвин, Немирович-Данченко и Шагал, Завадский и Эйнштейн, Поль Робсон и Чарли Чаплин. Сценические образы, созданные Михоэлсом, отличались философской глубиной, страстным гражданским темпераментом, остротой и монументальностью формы. Он был не только гением еврейской сцены, но, возможно, ощущал мир шире и глубже своих коллег по театру и по литературе.

Родился Соломон Михайлович 4 (16) марта 1890 года в Витебской губернии, в г. Двинске, (тогда – Динабург, ныне Даугавпилс). Шлема рос в благополучной еврейской семье, получил традиционное еврейское религиозное образование, был одним из лучших учеников школы. Родители мечтали о юридической карьере для сына, но он рано начал писать поэмы и ставить пьесы в традициях романтической школы. Русскому языку он выучился только в 15 лет, а между тем режиссер Ю. Завадский, ученик великого Вахтангова, вспоминал, что Соломон Михайлович владел этим языком великолепно. «Михоэлс чувствовал, понимал, знал русский язык во всем его богатстве и красоте».

В 1911 году Соломон Вовси (такова настоящая фамилия Михоэлса) поступил в Киевский коммерческий институт, но был исключен за участие в студенческих волнениях. Затем он по настоянию родителей с 1915 по 1918 год учился на юридическом факультете Петербургского университета.

Весной 1916 года в этом городе начало работу Еврейское театральное общество (ЕТО), которое ставило своей целью организацию еврейского театра. Предполагалось привлечь к сотрудничеству многих режиссеров и актеров еврейской национальности. Но, возможно, из-за нестабильности в России и Первой мировой войны никто на этот призыв не откликнулся, кроме режиссера Алексея Грановского – ученика М. Рейнхардта.

В 1919 году в городе на Неве судьба свела студента-юриста Вовси и знаменитого режиссера. Соломон оказался перед сложным выбором – ведь ему было уже 28 лет, семья, заботы, да и не располагал он внешними актерскими данными – невысокого роста, некрасив. Но несостоявшийся юрист выбрал театр и поступил учиться в студию Грановского.

23 января 1919 года в еврейском рабочем клубе состоялся первый показ студийных работ, и сам Грановский считал эту дату днем рождения еврейского театра (будущего ГОСЕТа).

В начале июля 1919 года на сцене бывшего Суворинского театра еврейская студия показала несколько спектаклей. В одном из них – «Зимою» Ш. Аша – крохотную роль сыграл Соломон Вовси. Затем он дебютировал в роли Старого еврея («Грех» Ш. Аша), а после исполнения этой роли взял сценический псевдоним Михоэлс («сын Михаила»).

Выступая первоначально в ролях бытовых и комических персонажей, талантливый актер передавал их чувство собственного достоинства, стремление духовно подняться над убогими условиями окружающей жизни (Менделе Мойхер-Сфорима, Вениамин III – «Путешествие Вениамина III» и др.).

В актерском искусстве Михоэлс создал свой собственный стиль, свою систему. Повторить гения нельзя, можно только позаимствовать его стиль работы: он осмысливал процесс, как искусствовед, изучал материал, как социолог, вникал в образы, как настоящий психолог и философ.

Еврейская студия существовала и в Москве. Один из ее руководителей, Абрам Эфрос, предложил Грановскому объединиться. По постановлению наркома просвещения Советской России Луначарского в 1920 году Петроградский Камерный театр (так стала называться студия) переехал в столицу в крохотный зал на 90 мест в Большом Чернышевском переулке. Новый театр оформил Марк Шагал, он же выполнил декорации к первым постановкам на этой сцене.

Первым спектаклем, сыгранным в Москве, был «Вечер» Шолом Алейхема, и прошел он 1 января 1921 года. Критика, кроме прочих успехов бывших питерских артистов, отметила и работу Михоэлса.

Московская публика тепло приняла новых артистов, спектакли стали посещать и русскоязычные зрители, несмотря на то что пьесы игрались на идише. Спустя год театр переехал в помещение бывшего концертного зала «Романовка» на 475 мест, где оставался вплоть до своего закрытия в 1949 году.

Сыграв главную роль в трагедии К. Гуцкова «Уриэль Акоста», Соломон стал ведущим актером студии. Мастер жеста и слова, Михоэлс обладал выразительной, почти скульптурной пластичностью, придававшей черты театральности даже бытовым и, казалось бы, второстепенным персонажам. За отдельным характером он всегда видел национальные особенности, своеобразие еврейского мышления и мироощущения.

Грановский ставил пьесы по произведениям Шолом Алейхема, И. Перца, А. Вевюрко, Менделе Мойхер-Сфорима и др. Искусство ГОСЕТа (Государственного еврейского театра – так он стал именоваться), было признано эталонным для всех еврейских театров, играющих на идише. Коллектив регулярно гастролировал по России, Украине и Белоруссии, пользовался популярностью. Однако зарубежные гастроли еврейскому театру чиновники разрешили только в 1928 году. Труппа показала свои спектакли в Германии, Нидерландах, Франции, Австралии, и везде ГОСЕТ ожидал триумф и лестные отзывы прессы и знаменитых людей. Например, после «Ночи на старом рынке» Шолом Алейхема за кулисы пришел Зигмунд Фрейд, чтобы лично поблагодарить актеров и особенно Михоэлса.

После блестящих европейских гастролей труппа должна была уехать в турне по Америке, но А. Грановский отказался выполнять

чиновничьи директивы, мешающие творческому процессу театра, и предпочел остаться за рубежом. Он и ранее признавался, что устал от бюрократических волокит, недостаточного финансирования и т. д. Понятно, что в СССР большевики объявили его предателем и лишили всех званий и заслуг, а создателем ГОСЕТа срочно «назначили» Михоэлса. Соломон Михайлович тщетно пытался объяснить властям истинные причины поступка знаменитого режиссера, переписывался с ним и морально его поддерживал.

По возвращении из-за рубежа художественным руководителем театра стал Михоэлс. Первой его премьерой в этой должности был спектакль «Глухой» Д. Бергельсона, поставленный режиссером С. Радловым 15 января 1930 года. 10 февраля 1935 года состоялась премьера «Короля Лира» по Шекспиру. Сыгравшего главную роль Михоэлса критики признали одним из лучших исполнителей этой роли за всю историю мирового театра. Трагедийный талант гения наиболее полно раскрылся также в образе Тевье-молочника («Тевье-молочник» Шолом Алейхема, 1938).

В 1935 году Соломон Михайлович удостоился звания народного артиста Республики (заслуженным артистом он стал еще в 1926), а в 1939-м – народного артиста СССР.

Знаменитый актер снимался также в кино: «Еврейское счастье» (1925, по рассказам Шолом-Алейхема, роль Менахем-Менделя), «Семья Оппенгеймер» (1938, по роману Л. Фейхтвангера, роль доктора Якоби) и в крохотном эпизоде в финале фильма «Цирк».

На первый взгляд у гениального актера и руководителя театра в жизни и творчестве все складывалось хорошо – почести, звания, признание в театральном мире, да и сталинские репрессии 1930-х годов его не коснулись. Но это только на первый взгляд – на самом деле в жизни у Соломона Михайловича не все было гладко. В 1932 году умерла его жена, Сарра Львовна Кантор-Вовси (1900–1932), и он остался один с двумя детьми – десятилетней Натальей и пятилетней Ниной.

В 1936 году в центральных газетах появились разоблачительные статьи о режиссере Камерного театра А. Я. Таирове. Михоэлсу пришлось упорно защищать коллегу от необоснованных нападок на заседании художественного совета. Спустя год в разгар сталинских чисток Соломон Михайлович начал оказывать помощь семьям репрессированных друзей и знакомых, что было небезопасно в те годы.

С 1941 года Михоэлс – профессор училища при ГОСЕТе, которое он открыл в 1931 году, чтобы готовить актеров для

еврейских театров страны. В лекциях и статьях знаменитый профессор пропагандировал театр глубокой философской мысли, яркой и смелой образности.

В июне 1941 года ГОСЕТ выехал на гастроли в Харьков, где его застала война. Коллектив эвакуировали в Ташкент, где в январе 1942-го он дал первый спектакль – «Тевье-молочник».

Но вскоре художественного руководителя вызвали в Москву и назначили председателем Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), созданного «для вовлечения в борьбу с фашизмом еврейских народных масс во всем мире». К работе этого комитета были привлечены и другие видные деятели искусства и науки – С. Я. Маршак, С. М. Эйзенштейн, И. Г. Эренбург, П. Л. Капица. В ноябре 1943 года состоялась поездка Соломона Михайловича в США, Канаду, Мексику и Великобританию в качестве председателя Еврейского антифашистского комитета. Он привез оттуда десятки тысяч долларов – пожертвования еврейских организаций на борьбу с фашизмом.

В 1945 году Соломон Михайлович поставил, пожалуй, свой самый лучший спектакль – «Фрейлехс» З. Шнейера – по мотивам еврейского музыкального фольклора. Он шел, как и все пьесы театра, на идише и отличался остротой идейного замысла, импровизационной виртуозностью. За эту работу знаменитый режиссер в 1946 году был удостоен Сталинской премии.

В конце войны прославленный актер в числе других видных деятелей подписал письмо к Сталину с просьбой создать в Крыму Еврейскую АССР, что, конечно, не понравилось «вождю всех времен и народов и другу советских артистов».

Параллельно вместе с другими членами ЕАК Михоэлс собирал для советского правительства информацию о процессах, происходящих в Израиле. Данные оказалась ошибочными: Израиль, получив в 1947 году через Чехословакию оружие, спустя год переориентировался на США. Еврейский антифашистский комитет после этого был распущен, а его руководители, ратовавшие за создание еврейской автономии в Крыму, приговорены к различным срокам тюремного заключения. Только Михоэлс оставался на свободе.

Незадолго до своей смерти он в полной мере ощущал травлю и нагнетание атмосферы вокруг себя. Роль короля Лира ему пришлось сыграть не только на сцене, но и в жизни.

13 января 1948 года Михоэлс во время гастролей в Минске (по некоторым данным, он поехал туда как представитель Комитета по Сталинской премии) вместе с театральным критиком С. Голубевым-Потаповым был убит агентами МГБ под руководством С. И. Огольцова. По официальной версии, Михоэлс

и его приятель попали под грузовик. Истинные обстоятельства стали известны лишь в 1951 году, когда арестовали Виктора Абакумова, бывшего министра госбезопасности СССР. Как оказалось, писатель Голубев был агентом госбезопасности. Он получил задание пригласить Михоэлса за город, на дачу к своим друзьям. Дача под Минском принадлежала шефу белорусского МГБ Цанаве. Там уже ждал заранее подготовленный грузовик, под колеса которого бросили Михоэлса и Голубева (агентом пожертвовали для правдоподобия спектакля).

Дочь Сталина Светлана Аллилуева в книге «Только один год» вспоминала: «В одну из тогда уже редких встреч с отцом у него на даче я вошла в комнату, когда он говорил с кем-то по телефону. Я ждала. Ему что-то докладывали, а он слушал. Потом как резюме он сказал: “Ну, автомобильная катастрофа”. Я отлично помню эту интонацию – это был не вопрос, а утверждение, ответ. Он не спрашивал, а предлагал это – автомобильную катастрофу. Окончив разговор, отец поздоровался со мной и через некоторое время сказал: “В автомобильной катастрофе разбился Михоэлс…” Автомобильная катастрофа была официальной версией, предложенной моим отцом, когда ему доложили об исполнении».

Похороны знаменитого актера и режиссера были чрезвычайно пышными, но очень скоро, когда борьба против «космополитов» была в самом разгаре, о покойном заговорили как о «буржуазном националисте».

Художественным руководителем ГОСЕТа стал коллега Соломона Михайловича и его многолетний партнер – Михаил Зускин. Но в декабре 1948 года его арестовали, а в августе 1952-го расстреляли. В 1949 году по личному приказу Сталина еврейский театр был закрыт.

В 1948 году в Москве организовали музей Михоэлса, и его дочь, Наталья Вовси, стала его директором. Но вскоре в СССР началась борьба с «космополитами», знаменитого актера и режиссера причислили к «буржуазным националистам», музей закрыли, а помещение отдали под агитпункт. Имя Михоэлса находилось под тенью запрета. Его творческая деятельность и роль антифашиста и международного политика в период Великой Отечественной войны также умалчивались по идеологическим соображениям.

Мужа Натальи – молодого, талантливого композитора Моисея Вайнберга – арестовали и выпустили только после смерти Сталина. Ждала ареста и сама Наталья. По делу о «кремлевских врачах-отравителях» поместили в тюрьму в январе 1953 года и Мирона Семеновича Вовси (1897–1960) – брата Михоэлса, профессора, заведующего терапевтическим отделением

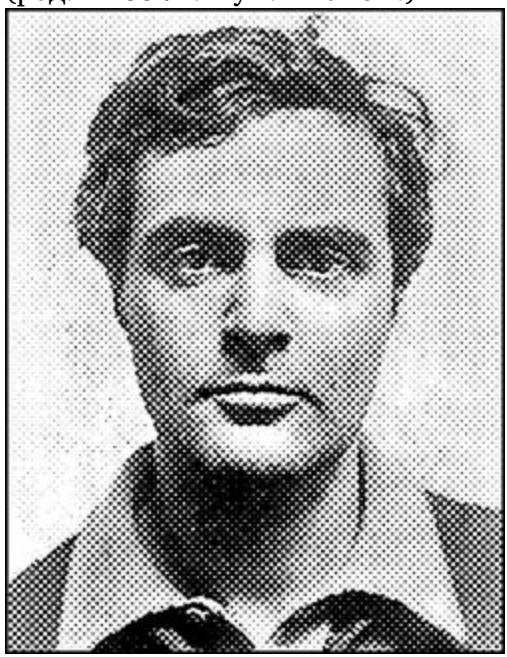
кремлевской больницы, академика АМН СССР. В апреле того же года он вышел на свободу, когда после смерти вождя Михоэлса реабилитировали.

В 1990 году Наталья Вовси приезжала из Израиля в Москву на празднование 100-летия со дня рождения Михоэлса. Она вспоминала: «Соломон Михайлович был главой и душой огромной общины российских евреев. Он сам говорил: “Я обвешан человеческими судьбами”. Отец был убежден, что народ должен сохранить свои корни, свою культуру, в отличие от Ильи Эренбурга, который считал, что для евреев нет другого выхода, как полная ассимиляция. При папиной жизни разогнать Антифашистский комитет и приступить к массовым арестам деятелей еврейской культуры было невозможно, – продолжала она. – Убийством Михоэлса Сталин обезглавил еврейское искусство и развязал себе руки для дальнейшего произвола».

В 1998 году состоялся Первый Московский международный фестиваль искусств им. Михоэлса. Стали выходить книги воспоминаний и исследования его творчества. О трагической судьбе знаменитого актера и руководителя ГОСЕТа был снят фильм «Соломон Михоэлс. Возвращение».

МОДИЛЬЯНИ АМЕДЕО

(род. в 1884 г. – ум. в 1920 г.)



Выдающийся итальянский живописец и скульптор.

«Сказать вам, какими качествами определяется, по-моему, настоящее искусство? – спросил однажды Ренуар одного из своих будущих биографов Вальтера Паха. – Оно должно быть неописуемо и неподражаемо… Произведение искусства должно налететь на зрителя, охватить его целиком и унести с собой. Через произведение искусства художник передает свою страсть, это ток, который он испускает и которым он втягивает зрителя в свою одержимость». Без сомнения, большинство картин Амедео Модильяни обладает теми свойствами, о которых говорил прославленный Ренуар.

В его удивительных полотнах за подчеркнутой условностью и намеренным упрощением скрывается «нечто безусловно настоящее, нечто жизненно сложное и поэтически возвышенное», нечто, не поддающееся словесному описанию. Его портреты и «ню» (обнаженная натура) поражают своей психологической

определенностью – в них почти всегда угадываются «и характер, и судьба, и неповторимость душевного склада» модели. Ведь Модильяни, тонкому психологу и, как его называли, «великому сострадателю», всегда было свойственно «мучительное, напряженное вглядывание в людские души». «Человек – вот что меня интересует. Человеческое лицо – наивысшее создание природы. Для меня это неисчерпаемый источник», – говорил живописец.

Свои картины он создавал за один-два сеанса, будто бы «на лету», почти на грани импровизации. Все они написаны в характерной для него неподражаемой творческой манере, которую художник никогда не менял, а лишь «усугублял, варьировал и углублял» с годами. На вытянутом лице, зачастую напоминающем плоскую маску, – миндалевидные глаза, нос лопаточкой или с легким изгибом, небольшой рот с плотно сжатыми губами, шея неестественно вытянута либо вовсе отсутствует… Живописца не раз упрекали за то, что все его портретные полотна на одно лицо. Действительно, модели, позировавшей Модильяни, не приходилось надеяться на свое полное сходство с портретом. Но все же этот упрек теряет смысл, стоит только взглянуть на его наиболее известные работы – «Беатриса Хестингс», «Поль Гийом» (обе в 1915 г.); «Дама с черным галстуком», «Сутин», «Госпожа де Парди» (все в 1917 г.); «Жанна Эбютерн», «Анна Зборовская» (обе в 1918 г.). При явной их схожести каждый образ неповторим и индивидуален, наполнен «своим», особым смыслом: Анна Зборовская женственна, полна достоинства и простоты, Беатриса Хестингс, напротив, самоуверенно-капризна и высокомерна, а Поль Гийом претенциозен и скучен. Художница Л. М. Козинцева-Эренбург вообще считала, что в портретах Модильяни сходство с моделью поразительно. «Когда в начале 1920-х годов я приехала в Париж, – говорила она, – то при первом знакомстве оказалось, что я уже знала и Зборовского, и Сутина, и Кислинга, и многих других, потому что до этого я была на выставке Модильяни. То же самое повторилось и через несколько лет, когда я увидела в “Ротонде” и в “Кафе дю Дом” его постаревших натурщиц».

Амедео Модильяни начал писать в самом начале XX в., когда мир искусства переполняли смелые идеи, дерзания новаторов. Но художник не примкнул ни к кубистам, ни к фовистам, несмотря на то что был дружен с Ф. Леже, П. Пикассо, А. Дереном, М. Вламинком и жил в атмосфере их поисков и споров. Не стал Модильяни и футуристом, хотя испытал в своем творчестве влияние великого П. Сезанна. Живописец выбрал одиночество, предпочитая пользоваться приемами новомодных

художественных течений «свободно, в своих особых целях и в определенном творческом переосмыслении».

Амедео, родившийся в итальянском городе Ливорно, приехал в Париж, когда ему было уже 22 года. К этому моменту он получил некоторое образование в области живописи, обучаясь у ливорнского художника Гульельмо Микели и в Свободных школах рисования с обнаженной натуры при Флорентийской академии художеств и Венецианском институте изящных искусств. Модильяни появился на Монмартре – красивый, аристократически вежливый, образованный. Он прекрасно говорил по-французски, при первом знакомстве с окружающими с некоторым щегольством демонстрировал отличное знание Ибсена, Ницше, Шелли, Д'Аннуцио, Уайльда, Достоевского, Рембо. Здесь, на Монмартре, Амедео познакомился и сблизился с художником-самоучкой Утрилло, сыном Мари-Сюзанны Валадон, когда-то известной цирковой акробатки, позировавшей Ренуару, Дега и Тулуз-Лотреку.

Через месяц-полтора после этих знакомств художника невозможно было узнать – его элегантный костюм сменился простым, иногда изрядно помятым, а крахмальные воротнички – красным фуляровым шарфом. Другим стал и его внутренний облик – во взгляде появилась какая-то глубокая растерянность, лихорадочная напряженность. Будто теряя почву под ногами, Модильяни начал неудержимо пить. Вскоре «сначала соблазном, а затем и необходимостью» для Амедео стал распространенный среди парижской богемы гашиш. Это было бегством от самого себя, лишь видимостью самоутверждения, в котором заключался «трагический парадокс силы и слабости», сопровождавший Модильяни до конца его дней. «Его судьба была тесно связана с судьбами других, и если кто-нибудь захочет понять драму Модильяни, пусть он вспомнит не гашиш, а удушающие газы, пусть подумает о растерянной, оцепеневшей Европе, об извилистых путях века, о судьбе любой модели Модильяни, вокруг которой уже сжималось железное кольцо», – писал Илья Эренбург, не раз встречавшийся с художником.

Несмотря на свои пристрастия, Модильяни жил «насыщенной творческими исканиями, слишком духовно-сосредоточенной, поистине трудовой жизнью». Те, кто близко его знал, свидетельствуют, что он много и упорно работал, но… ничего не зарабатывал. Художник переезжал с Монмартра на Монпарнас, из одного жалкого жилища в другое, сменив с 1909 по 1914 год более 12 квартир. «Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет, – как художник он не имел и тени признания…Он казался мне окруженным плотным кольцом одиночества», – писала о

Модильяни Анна Ахматова.

Впервые свои произведения, среди которых были «Портрет L. M.» и «Этюд головы», живописец выставил в Осеннем салоне 1907 года. Но ни эти работы, ни выставленные позднее картины «Еврейка», «Обнаженная натура стоя» и «Маленькая Жанна», в которых чувствовалось влияние Тулуз-Лотрека и Стенлейна, не имели никакого успеха. Модильяни показался тогда неинтересным, старомодным и тусклым всем, за исключением лишь одного человека – его преданного друга, молодого врача Поля Александра. Этот романтик, увлеченный современной живописью, безоговорочно верил в талант Модильяни и был единственным покупателем его картин. Именно ему художник был обязан настоящим знакомством с творчеством Сезанна, которое его потрясло.

В те годы Модильяни больше знали как скульптора, нежели живописца. Скульптурой Амедео увлекся еще в Италии, будучи совсем юным, но с полной отдачей заняться ею ему помешала дороговизна материала. В Париже в 1909 году Модильяни работал в мастерской румынского скульптора Константина Бранкузи, который высоко ценил его наполненные чувственностью рисунки. Увлеченный негритянским скульптурным примитивом, Амедео из своего любимого материала – песчаника – высекал скульптурные бюсты, головы и кариатиды. Но портреты и рисунки постепенно вытеснили из его жизни скульптуру, к которой после 1916–1917 годов он уже не возвращался.

Наивысший подъем творчества живописца пришелся на годы Первой мировой войны – время, когда о покупке картин никто и не помышлял. Но и после войны, когда интерес к искусству вернулся, живопись Модильяни продолжала оставаться непонятой и невостребованной. Большинство его картин и рисунков, написанных в период «расцвета творческой самобытности», было раздарено, продано за ничтожную цену либо грудой лежало в его мастерской. «Я работаю, и иногда у меня бывают мучительные минуты, но я уже не в таком стесненном положении, как прежде», – смягчая картину, писал он своей матери Евгении Гарсен-Модильяни, которую нежно любил.

В эти годы портрет становится для Модильяни единственным необходимым жанром живописи. Своей «портретностью» удивляют даже его полотна в стиле «ню». Портрет для Амедео Модильяни, как некое «чудо улавливания, претворения и продления жизни модели», имел особый, поэтический смысл. Художник писал многочисленные портреты своих близких и знакомых, среди которых немало полотен, изображающих

английскую поэтессу и журналистку Беатрис Хестингс, роман с которой длился у него более двух лет. После разрыва с этой экстравагантной и самобытной женщиной Модильяни увлекся канадской студенткой Симоной Тиру, приехавшей на учебу в Париж.

В июле 1917 года Амедео познакомился с юной художницей Жанной Эбютерн. По одной из версий, он встретил свою возлюбленную на карнавале, по другой – в «свободной студии» Академии Коларосси. Для тридцатитрехлетнего Амедео и девятнадцатилетней Жанны «это было началом чего-то гораздо большего, чем самый большой роман». «Рядом с Модильяни стала появляться очень юная девушка, почти подросток, с длинными косами, – вспоминал Илья Эренбург. – Сидела и всегда молчала. После Беатрисы Хестингс, с которой многие привыкли встречать его, она казалась рядом с ним особенно неожиданной». Несмотря на то что родители Жанны были категорически против того, чтобы их дочь связывала свою жизнь с «полунищим непризнанным художником», Эбютерн вскоре стала женой Модильяни. Мягкая, нежная и в то же время обладающая очень сильным характером, Жанна разделила с Амедео все тяготы его неустроенной, беспорядочной жизни, в которой и после женитьбы ничего не изменилось. Он по-прежнему много пил, жил в нищете, но Жанна, безропотно принимавшая все, что было привычно мужу, была бессильна что-либо изменить. «Алкоголь изолирует нас от внешнего мира, но с его помощью мы проникаем в свой внутренний мир, и в то же время вносим туда внешний», – говорил Модильяни.

29 ноября 1918 года у Жанны и Амедео родилась дочь, которую тоже назвали Жанной. «Очень счастлив», – написал Модильяни своей матери, и эта фраза наверняка относилась к появлению ребенка, так как все остальное в жизни художника складывалось достаточно тяжело. По словам друзей, «он работал как сумасшедший», создавая портреты и картины, посвященные Жанне, которые, увы, стали его последними творениями.

Здоровье художника, которое с детства было очень слабым, стало сильно ухудшаться, но он, «никогда не признававший реальной действительности», наотрез отказывался лечиться. Модильяни мечтал уехать с семьей в Италию, но этим мечтам не суждено было сбыться. Зимой 1920 года он тяжело заболел и 24 января скончался в больнице для бедных и бездомных. После смерти мужа, не выдержав разлуки с ним, Жанна, находящаяся на девятом месяце беременности, выбросилась из окна шестого этажа и погибла. Амедео и Жанну похоронили на разных кладбищах, но через год по настоянию семьи Модильяни

соединили под одной могильной плитой на кладбище Пер-Лашез. «Смерть настигла его на пороге славы» – такие слова высечены на надгробии об Амедео, чуть ниже надпись о Жанне: «Верная спутница Амедео Модильяни, не захотевшая пережить разлуку с ним».

При жизни художнику не довелось познать ни признания, ни успеха. И даже теперь, когда слава его уже давно утвердилась во всем мире, творчество Амедео Модильяни остается достоянием немногих. Большинство произведений художника находится в руках частных коллекционеров и известно почитателям его искусства только по репродукциям. Любой европейский музей считает за честь выставить хотя бы одно творение Модильяни: его полотна занимают почетное место рядом с шедеврами Ван Гога, Сезанна, Гогена в лондонском институте Курто и стокгольмском Музее нового искусства. Французы и итальянцы по сей день оспаривают право называть Амедео Модильяни «своим» художником. Известный критик Поль Юссон, современник живописца, написал о нем такие строки: «…Модильяни, который жил и умер на Монпарнасе, чужеземец, утративший связи со своей родиной и нашедший во Франции истинную родину своего искусства, является, быть может, самым современным из наших современных художников. Он сумел выразить не только острое чувство времени, но и независимую от времени правду человечности. Быть современным художником – это, в сущности, значит творчески передать трепет своей эпохи, выразить ее живую и глубокую психологию. Для этого мало остановиться на внешней видимости вещей, для этого нужно уметь раскрывать их душу. Вот именно это великолепно умел Модильяни, художник Монпарнаса, художник, принадлежащий всему миру».

МОИСЕЙ

(МОШЕ РАБЕЙНУ)

Великий еврейский вождь и законодатель, которого традиционно считают автором первых пяти книг Священного Писания (кроме последних семи стихов), самая значительная фигура в Ветхом Завете. Центральная личность в истории Израиля. Величайший пророк всех времен, с которым Бог, по утверждению Библии, «говорил лицом к лицу». Несмотря на все это, Моисей, по мнению ученых, – наиболее таинственная личность библейской истории, вокруг которой сложилось множество мифов.

В XV веке раввин Абарванела написал, что «наиболее важные перемены в подлунном мире предзнаменуются соединениями Юпитера и Сатурна». Во всяком случае, Моисей, родившийся «три года спустя после такого соединения в созвездии Рыб», вполне оправдывал звание личности одиозной. Ему было суждено стать

причиной невероятных событий, которые изменили судьбу целого народа и фактически подарили миру иудаизм, христианство и ислам…

Родился этот удивительный человек в Египте, в колене Левия, в семье Амрама и Иохаведы. Известно даже, что появился он на свет 14 марта. Когда фараону предрекли в будущем потерю власти и гибель по вине малыша, которому предстояло вырасти пророком, он решил обезопасить собственную персону. А для этого властитель приказал убить всех еврейских детей мужского пола возрастом до двух лет… Но Моисей был спасен от страшной участи: мать положила его в просмоленную корзинку, которую спрятала на берегу Нила в камышах. Там необычайно красивого младенца нашла пришедшая купаться дочь фараона. А поскольку сия достойная дама была бездетной, она решила усыновить мальчика. В память же о том, где нашли ребенка, ему дали имя, которое в переводе означает «взятый из воды». На иврите оно звучит как Моше. Правда, более вероятным представляется, что пророк в течение 40 лет носил созвучное египетское имя Месу («сын»). А в кормилицы к младенцу принцесса взяла… его собственную мать. Поэтому-то мальчик и не утратил связи со своим народом, хотя и рос в египетском окружении. Подрастая, будущий вождь евреев получал блестящее образование. Проявлял он и немалые амбиции. Еще в трехлетнем возрасте Моше стащил с головы фараона корону и водрузил ее на свою собственную голову.

Выйдя из детского возраста, приемный сын принцессы стал военачальником и вел победные войны в Эфиопии. Характер у него вспыльчивый… Однажды Моисей, уже будучи зрелым мужчиной, случайно убил египетского надзирателя. Последний жестоко обращался с рабами-евреями, и приемный сын принцессы, защищая одного из несчастных, не рассчитал силы…

Итак, проведя 40 лет во дворце, будущий пророк бежал из Египта. Еще 40 лет он провел со стадами овец на северо-западе Синайского полуострова, где кочевали родственные Израилю племена. Поселился же беглец в доме священника Иофора, от которого, скорее всего, и услышал впервые имя Господа. Моисей женился на дочери Иофора, жизнь его протекала спокойно и размеренно. Но однажды у подножия горы Хорив пророку в образе несгорающего куста явился Господь и повелел пастуху идти к фараону и вывести свой народ из египетского плена. Следующие 40 лет Моисею предстояло возглавлять израильский народ…

Еще около 1700 года до н. э. потомки Авраама попали в Египет, где находились в рабстве более 400 лет. Именно Моисею

предстояло вывести соплеменников из Египта и вернуть их на землю предков. Исход евреев из плена сопровождался многочисленными чудесами, которые Бог совершал в доказательство своего могущества. Однако беглецам предстояло скитаться по пустыне в течение 40 лет: все бывшие рабы должны были умереть, чтобы на землю обетованную вступили только свободные люди… При этом на пророка ложилась тяжелейшая обязанность: ему предстояло противостоять народу, который страшится любых перемен. Скорбный путь этой самой значительной личности, упомянутой в Ветхом Завете, наполнен горечью непонимания толпы и одиночеством.

По прошествии трех месяцев с момента бегства из Египта израильтяне подошли к горе Синай. Моисей дважды восходил на ее вершину, где видел Бога и говорил с ним. Именно тогда пророк получил скрижали Завета с 10 заповедями (две каменные плиты с высеченными надписями), ставшие основой Моисеева законодательства, и указания о постройке скинии и устройстве богослужения. Кроме того, Всевышний даровал вождю беглецов знаменитое Пятикнижие – Тору. Именно Синайское Откровение стало началом существования евреев как единого народа, а иудаизма – как религии, которую этот народ исповедует.

Каждый раз пророк задерживался на горе по 40 дней. В первое его исчезновение израильтяне успели соорудить по египетскому образцу золотого тельца и устроить ему поклонение. Моисей, вернувшись к согражданам, уничтожил идола. Кстати, тогда снова проявился неуемный темперамент этого человека: раздраженный изменой своего народа, он в гневе разбил скрижали Завета…

40-летнее блуждание по пустыне сопровождалось многочисленными чудесами: евреи сумели перейти Красное море, разошедшееся в стороны, а египетское войско утонуло; народ Моисея питался манной – белой крупой, которая каждое утро появлялась прямо на земле; когда люди стали страдать от жажды, пророк пять раз ударил по земле посохом, и в тех местах, где почвы коснулось дерево, забили источники (они, кстати, существуют и поныне). Ведя свой народ к земле обетованной, этот человек учил и наставлял израильтян, успел предсказать будущее колен и приход Мессии. Но из-за того, что у вод Меривы в Кадеше Моисей и его брат Аарон совершили грех (не проявили достаточной веры), оба они так и не смогли ступить на землю, определенную евреям Богом. 120-летний пророк умер в день своего рождения. Славы земной вождь израильтян так и не снискал, зато получил славу небесную… Так говорит легенда.

Современные исследования показали, что в древних

библейских сказаниях кроется гораздо больше исторических данных, чем было принято считать раньше. Постепенно, шаг за шагом, ученые восстанавливают биографии лиц, упомянутых в Святом письме, ищут объяснение различным чудесам. Как правило, в большинстве случаев их работа оказывается успешной… Вот только о самой одиозной личности Ветхого Завета известно до сих пор на удивление мало. Человек непростого характера, подверженный приступам ярости; постоянные сомнения, которые снедали этого непримиримого исполнителя воли Божией; два брака; неприятности в семейном кругу; непонимание собственного народа… Вот, пожалуй, и все. Но разве из этого следует, что древний пророк не существовал на самом деле? Естественно, нет!

Прежде всего, исследователи утверждают, что Моисей – реально жившее некогда лицо; с ним, кстати, связано… самое древнее историческое свидетельство о косноязычии. Во многих главах Пятикнижия встречаются слова: «…И сказал Моисей:…я не словесен». Даже Господу пророк говорил: «…Человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня… я тяжело говорю и косноязычен». Причем степень нарушения речи одного из главных действующих лиц Ветхого Завета была настолько велика, что за Моисея вынужден был говорить с народом Аарон… Так кем же на самом деле был этот загадочный человек? И что заставило его встать во главе народа, который, в принципе, ничего не хотел менять в собственной жизни, хотя и роптал на невыносимые условия жизни в Египте?

Некоторые египтологи практически убеждены, что знаменитый фараон-реформатор Эхнатон (Аменхотеп IV), пытавшийся разрушить культы многобожия, и Моисей – одно и то же лицо. Одна из древних арабских рукописей содержит слова: «Эхнатон, бежавший из Египта, женился на арабке. Имя ему Моше [пророк]…» Исследователи считают, что супруг красавицы Нефертити бежал от заговора жрецов и поселился на Синае, в храме у подножия горы. Но жизнь вдали, потеря трона, разрушение святынь, которые он возводил и которыми дорожил, – все это заставило бывшего правителя снова начать действовать. Именно Эхнатон, зная Египет, имея сторонников веры в единого Бога, мог вернуться туда и помочь многострадальному народу. Живя на Синае, бывший фараон со своими сторонниками продумал свое верование, составил каноны жертвоприношения, молитвы. А исход израильтян из Египта и 40-летнее блуждание по пустыне дали ему возможность воспитать верующих граждан, которые даже в самом малом не подвергали бы сомнению сказанное от имени Господа… Поскольку же египтянин вряд ли

мог свободно владеть языком угнетенного народа («был косноязычен»), он выбрал своим толмачом Аарона. Даже само имя Моше, скорее всего, происходит от египетского «Месу». В те ранние времена утверждение, что носитель определенного имени принадлежит к определенной расе, были более чем убедительны. А народное воображение при помощи мифа о рождении преобразовало знатного египтянина в еврея… Вот и появилась в легенде стандартная для мифов о народных героях корзина, река, опасность для жизни младенца, чудесное спасение и жизнь в чужой семье…

Даже традицию обрезания израильтяне переняли у египтян. Кстати, в те времена ни один другой народ восточного Средиземноморья не имел такого обычая; соблюдали его только в стране фараонов. Семиты же, равно как вавилоняне и шумеры, сей операции не производили. Это подтверждается и словами Библии. Вождь, который ввел обрезание, явно придерживался мысли, что этим возвышает свой народ над другими (так мыслили исключительно египтяне).

Основой же вероучения Моисея в таком случае стал строго монотеистичный культ Атона – единого божества, сила которого воплощена в солнечном диске. (Сравните египетское имя Атон и еврейское имя Господа – Адонай.) Так же как и в культе Атона, в иудаизме изначально не было сказано ни слова о загробном мире (хотя такое представление вполне согласуется с самым строгим монотеизмом). Корни данного явления, возможно, лежат в том, что Эхнатону приходилось противостоять массовым верованиям, в которых бог смерти играл роль едва ли не большую, чем все остальные божества. И таких параллелей можно привести множество.

Левиты же, которых принято считать одним из колен Израилевых, культурно превосходившие представителей прочих племен, по всей видимости, происходили от свиты египтянина. Недаром в более поздние времена только среди них часто встречались египетские имена! Правда, существует версия, согласно которой Моисей – не сам фараон, а его приближенный, занимавший некогда высокий пост правителя пограничной провинции. Как бы то ни было, этот человек действия не принял запрет новой религии и попытался возродить ее, сделав своим народом некие семитские племена.

Правы ли исследователи – покажет время. Но отвергать гипотезу пока не стоит. Тем более что конец фараона-реформатора окутан тайной. Кстати, игумен монастыря Святой Екатерины с церковью Неопалимой Купины у подножия Синая согласен с данным предположением.

Однако библейский текст по-разному описывает личность пророка. С одной стороны, тот характеризуется как властный, вспыльчивый и зачастую даже яростный человек, а с другой – о нем говорится, как о самом кротком и терпеливом из людей. Где же истина? Возможно – строго посередине. Существует еще одно предположение, согласно которому в личности библейского пророка слились воедино воспоминания о двух разных людях: Моисее, выведшем из плена израильтян, и том человеке, который, собственно, и дал религию этому народу. Речь идет о неком мидианитском пастухе, зяте правителя Кадеша (там жили племена, родственные евреям, выведенным из египетского рабства; с ними-то и объединились «пришельцы», 40 лет скитавшиеся по пустыне). Именно там зародилось учение о Яхве (изначально – яростном вулканическом божестве войны). Позднее левиты настояли, чтобы Моисею воздали все-таки должное. Вот и родилась на свет ипостась пророка, в которой сочетались деяния и моральные качества обеих одиозных личностей. А чтобы слияние было максимально правдоподобным, предание или легенда привели египетского Моисея к мидианитам… Поэтому-то Пятикнижие и пестрит противоречиями.

Правда, за восемь веков, прошедших от Исхода до канонизации библейского текста Эзрой и Нехемией, религия Яхве претерпела ретроградное развитие и окончательно слилась (возможно, даже напрямую отождествилась) с исходной религией Моисея. Отсюда – два имени божества (Яхве и Адонай). Так и возникла одухотворенная концепция Бога, которому подчинен весь мир, Бога всесильного и вселюбящего, Бога мира.

Со временем левиты и их потомки, а также иные увлеченные люди начали усердно проповедовать Моисеево учение о том, что Бог отвергает все ритуалы и жертвоприношения (которые более пристали черной магии). Господь евреев теперь требовал только веры и жизни по справедливости. Это, кстати, снова наводит на мысль о культе Атона. Пауль Вольц писал по этому поводу: «Дерзновенный труд Моисея поначалу вряд ли был вообще понят, и его учение с трудом пробивало себе дорогу, с течением столетий все глубже проникая в души, пока, наконец, не воспламенило великих пророков, которые продолжили дело одинокого основателя».

А вот о чудесах стоит поговорить особо. Они действительно могли иметь место, только истолкованы в древние времена были слишком уж однозначно. Естественно, все их мы рассматривать не будем. Остановимся только на некоторых наиболее впечатляющих. Возьмем переход евреев по дну Красного моря. Во-первых, вода в нем и по сей день имеет привычку по утрам, во

время отлива, отступать, обнажая дно. К полудню от берега до острова пролегает уже вполне пригодная для передвижения песчаная коса. Проведший четыре десятка лет на Синае Моисей просто использовал этот природный «мост», а вот конница фараона опоздала: воины оказались на середине моря в момент начала прилива. Естественно, египтян захлестнуло водой.

Современные исследования, однако, заставляют задуматься и об иных возможных путях передвижения беглецов. Возможно, что библейский водоем Ям Суф, который в греческих и русских переводах был назван Красным морем, – всего лишь цепь соленых озер, ранее примыкавших к самому морю (теперь в этом месте находится Суэцкий канал). Ведь Ям Суф в дословном переводе – «Море тростников». А данного растения на Красном море нет вообще! Зато тростник в изобилии рос на озерах. Они представляли собой мешанину мелких пойм, трясин и узких полосок суши. Моисей, знавший эти места, действительно мог перевести своих людей через данное препятствие. А вот египтяне, скорее всего, увязли в болотах. К тому же стремительные северо-западные ветры периодически пригоняли в озера огромные валы, действительно способные утопить войско фараона. Существует еще одна, не менее правдоподобная версия. Возможно, что израильтяне двигались по узкому перешейку между Средиземным морем и озером Сирбонис. Последнее лежит на несколько метров ниже уровня моря и часто высыхает до такой степени, что по его дну можно пройти и даже проехать. Но путь этот был довольно опасен: внезапные морские бури захлестывали узкую полоску суши и топили тех, кто в это время оказывался на дне озера. Поскольку Сирбонис имело 70 километров в длину и 20 километров в ширину, у египтян не оставалось надежды на спасение. А вот преследуемым повезло.

Горящий, но не сгорающий куст – вовсе не чудо и не досужий вымысел. Такое растение и в самом деле существует, причем на Синайском полуострове, и в наши дни встречается довольно часто. Удивительное растение выделяет летучее эфирное масло, которое легко воспламеняется на солнце. Так что куст в жаркий день время от времени загорается голубовато-красным огнем. А поскольку масло летучее, его концентрация у самих веточек почти нулевая, так что огонь не причиняет растению вреда.

Теперь вспомним манну. В 1927 году зоолог иерусалимского Еврейского университета Боденхаймер обнаружил на Синайском полуострове разновидность тамариска, который весной выделяет сладковатую жидкость. Она быстро застывает на воздухе, превращаясь в маленькие белые шарики. Местные бедуины каждую весну ежедневно собирают в степи не менее полутора

килограммов «градин» на каждого человека. Такого количества вполне достаточно для насыщения взрослого. Кстати, данное вещество торговцы в Багдаде и по сей день называют «манн».

Моисей не мог не знать и о том, что весной из глубин Африки в Европу тянутся огромные стаи перепелов. При этом они настолько выматываются, что обычно садятся на землю вдоль морского берега и не могут некоторое время взлететь. Жители полуострова ловят в такие дни птиц руками. Вот только среди пернатых порой попадаются такие, мясо которых ядовито для человека (вспомните библейский рассказ!), – они по дороге питаются зернами некоего «недружелюбного» гомо сапиенсу растения.

С водой, оказывается, тоже все обстоит довольно просто. Бедуины знают, что даже после длительной засухи у подножия гор под отвердевшей пленкой песка и извести обычно собирается дождевая вода. Достаточно разбить эту оболочку, чтобы утолить жажду. Вот только местные роднички, которые тоже прячутся под хрупкой коркой, зачастую имеют горький привкус. По легенде, Моисей опустил в источник какую-то веточку, и вода приобрела нормальный вкус. Чудо? Не совсем. Оказывается, в местной воде содержится определенный процент сернокислого кальция. При добавлении щавелевой кислоты он оседает на дно, и вода теряет свою горечь. Бедуины нейтрализуют горький источник с помощью веток кустарника эльвах, соки которого содержат изрядную примесь щавелевой кислоты. То же, по всей видимости, проделал и Моисей, в совершенстве овладевший искусством выживания в экстремальных условиях пустыни.

Как ушел из жизни этот человек, не вполне понятно. Еще в 1922 году Эрнст Селин сделал ошеломляющее открытие: в книге пророка Осии (вторая половина VIII века до н. э.) он обнаружил следы давнего предания, которое свидетельствовало, что основатель еврейской религии Моисей был свержен и убит во время восстания своим строптивым народом. А религия, которую он основал, была заброшена. Позднее оказалось, что у большинства пророков встречается это предание. Скорее всего, именно оно и легло в основу всех последующих ожиданий Мессии. Видимо, Моисей, отдававший приказы и навязывавший новую религию израильтянам, был чересчур бескомпромиссен. Это породило череду яростных восстаний против вождя-освободителя, которые, как говорит Библия, подавлялись с дикой жестокостью. В результате Моисея ожидала судьба всех просвещенных деспотов. Еврейский народ в то время был просто неспособен принять столь одухотворенную религию и найти в ней ответ на свои нужды. Поэтому он восстал и сбросил новое иго,

расправившись с тираном. Вероятно, это произошло во время бунта идолопоклонников на стоянке в Моаве. Моисей затем был похоронен в общей могиле, следы которой не сохранились.

Но время шло, и народ начал жалеть об этом убийстве. И тогда, искусственно сблизив Исход и принятие новой религии во времени, израильтяне не только удовлетворили претензии людей Моисея, но и постарались убрать из анналов неприятный факт насильственного устранения вождя. Хотя из библейского текста недвусмысленно вытекает, что в последний период своей жизни тот отнюдь не жаловался на здоровье. Правда, он был очень стар, но «зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась». Так что недаром смерть национального героя такого масштаба описана столь лаконично! А поскольку вина и неблагодарность его народа были уж слишком вопиющими и тягостными для потомства, родилась легенда, согласно которой Моисей умер своей смертью, понеся наказание Бога за какие-то тайные грехи. А значит, за его гибель израильский народ ответственности не несет…

Многие философы и мыслители прошлого подвергали сомнению авторство Моисея в написании Пятикнижия. И действительно, каким образом пророк мог описать собственную смерть?! И каким чудом он мог знать, что его могила затеряется и никогда не будет обнаружена? Не мог говорить Моисей и о том, что у израильтян будет царь. Во всяком случае, первым еврейским царем стал Саул, правивший спустя долгое время после смерти пророка. И таких анахронизмов много. Они свидетельствуют, что основные части Торы не могли возникнуть ранее конца XI века до н. э. В конгломерате, который, собственно, и представляет собой Пятикнижие, содержится огромное количество противоречивых и непоследовательных положений. Возьмем хотя бы происхождение людей. Одно сказание книги Бытие повествует, что мужчина и женщина были созданы Богом в один (шестой) день творения. А другое говорит о происхождении Адама из праха земного, а Евы (Хаввы) – из ребра супруга, причем значительно позднее. Сегодня уже трудно возражать против того, что законодательные и религиозные постановления (впрочем, довольно беспорядочно собранные в Пятикнижии) относятся к различным эпохам и являются результатом многовековой эволюции израильского законодательства.

И все же, несмотря на все современные уточнения, Моисей, бесспорно, достоин того, чтобы именоваться великим человеком, а его народ имеет полное право гордиться этим вождем древности.

НЕЙМАН ДЖОН (ЙОГАНН) ФОН

Настоящее имя – Янош Нойман
(род. в 1903 г. – ум. в 1957 г.)

Американский математик и физик. Автор трудов по функциональному анализу, квантовой механике, логике, метеорологии. Внес огромный вклад в создание первых ЭВМ и разработку методов их применения; разработал теорию игр, широко используемую в экономике.

«Большинство математиков доказывают, что могут, а фон Нейман – что хочет».

(Популярное мнение)

Среди выдающихся ученых XX века, достижения которых признаны во всем мире, Джон фон Нейман занимает одно их самых почетных мест. Краткое перечисление его научных трудов

поражает широтой охвата тем и исключительной продуктивностью. Он внес вклад в создание и развитие многих областей современной математики (функциональный анализ, эргодическая теория, теория автоматов, обоснование квантовой механики) и ее приложений. Участие Неймана в двух важнейших технологических проектах прошлого века – создании атомного оружия и разработке принципов действия современных вычислительных машин – позволяют считать его одной из самых влиятельных фигур XX века, и при этом он практически неизвестен широкой публике.

8 декабря 1903 года в Будапеште в семье крупного банкира Макса Ноймана родился сын, которого назвали Яношем. Мать мальчика происходила из старого рода банкиров, а отец за особые заслуги перед престолом получил в награду от императора Франца Иосифа наследственный дворянский титул, добавив к своей фамилии звучную приставку «фон». В богатой семье было три сына, и Янош был старшим. Начальное образование он получил дома, но несмотря на это уже в восьмилетием возрасте овладел основами высшей математики и читал на нескольких иностранных языках. Чтобы продолжить образование, талантливого ребенка родители отдали в Высшую лютеранскую школу, которая славилась прекрасным преподаванием классических предметов, включая греческий и латынь. На высоком уровне проводились занятия по естественнонаучным дисциплинам. Высоким авторитетом в научных кругах пользовался учитель математики Ласко Ратц. Именно он отметил неординарные математические способности Яноша, которого в школе звали Янчи. Ратц начал проводить с одаренным мальчиком дополнительные занятия, и вскоре Янош занимался по индивидуальной программе. Его обучали лучшие математики, специально приглашенные руководством школы из университета: Д. Кюршак, Э. Сеге, М. Фекете. За успехами способного ученика внимательно наблюдал и крупнейший будапештский математик Л. Фейер. Именно ему принадлежит знаменитая фраза: «Величайший Янчи нашей страны», относящаяся к фон Нейману.

В школе мальчик старался ничем не выделяться среди сверстников. Он принимал участие во всех проделках класса, но не из детского желания пошалить, а просто желая быть как все. У Яноша было несколько близких друзей, и он пользовался уважением сверстников, признававших его неординарные умственные способности. Один из его друзей говорил, что ум Яноша – это «совершенный инструмент, шестеренки которого подогнаны друг к другу с точностью до тысячной доли сантиметра». Нейман очень любил рассказывать о математике, и

это получалось у него увлекательно. К тому же мальчишка обладал феноменальной памятью и, казалось, запоминал абсолютно все, что когда-либо слышал, видел или читал. Он мог дословно цитировать по памяти большие фрагменты из книг, прочитанные за несколько лет до этого.

Получив аттестат зрелости, Янош точно знал, чем будет заниматься в будущем. Еще бы! Его первая печатная научная работа «О расположении нулей некоторых минимальных полиномов», написанная в соавторстве с М. Фекете, вышла, когда Нейману исполнилось всего 18 лет. И с тех пор за ним закрепилась репутация молодого дарования.

Талантливый юноша решил поступать на математический факультет университета, но отец считал, что математика не сможет гарантировать сыну материальное благополучие, и настоял, чтобы сын избрал более «практичную» профессию. Поэтому юноша поступил сразу в два учебных заведения: на математический факультет Будапештского университета и в Цюрихскую Федеральную высшую школу, где изучал химию. Обучение в университете не требовало от Яноша особых усилий, и поэтому юноша чаще всего появлялся там к концу семестра, чтобы сдать очередную сессию. Значительно больше времени отнимали занятия химией, но и тут он находил время для встреч с коллегами-математиками, посещения семинаров и к тому же готовил к печати свои новые работы. Нейман считал, что за годы учебы он очень много охватил и многому научился, особенно у математиков с мировым именем – Э. Шмидта и Г. Вейля. Однажды, когда Вейлю пришлось отлучиться во время семестра, чтение курса вместо него продолжил Янош.

Первая самостоятельная работа одаренного студента называлась «К введению трансформаторных ординарных чисел» и была опубликована в 1923 году в сборнике работ Сегедского университета. По предложению А. Френкеля, Нейман построил замечательную систему аксиом теории множеств, настолько простую, как гильбертовая для евклидовой геометрии. В 1925 году он получил диплом инженера-химика в Цюрихе и успешно защитил диссертацию «Аксиоматическое построение теории множеств» в Будапештском университете, получив звание доктора философии.

Подающий большие надежды молодой ученый, получив Рокфеллеровскую стипендию, в 1926 году выехал в Германию, чтобы продолжить обучение в Геттингене. Он изменил свое имя и превратился в Йоганна фон Неймана. В то время в университете преподавали такие светила, как К. Рунге, Ф. Клейн, Э. Ландау, Д. Гильберт, Э. Цермело, Г. Вейль, Г. Минковский, Ф. Франк, М. Борн

и другие. Здесь Нейман познакомился с Д. Гильбертом и вскоре стал его внештатным ассистентом. В университете в тот период разрабатывались основы квантовой механики и Йоганн принял в этом активное участие. Совместно с Д. Гильбертом и Л. Нордгеймом он написал статью «Об основании квантовой механики», а затем целый ряд работ на эту тему, ставших прочной математической основой статического обоснования квантовой механики. На их базе было выведено новое понятие – матрица плотности. Все эти труды стали фундаментом нового цикла по теории операторов, благодаря которому фон Нейман считается основоположником современного функционального анализа.

В 1927 году перспективный ученый стал приват-доцентом Берлинского, а два года спустя Гамбургского университетов. В то время им были разработаны основополагающие работы больших циклов: теории множеств, теории и математическому обоснованию квантовой механики. Йоганн, переселившись в Берлин, продолжал тесно сотрудничать с коллегами по Геттинскому университету, особенно с крупнейшим специалистом по функциональному анализу Э. Шмидтом.

За два года Йоганн опубликовал около 20 работ. Наиболее значительная среди них «К теории стратегических игр» (1928), где он доказал теорему о минимаксе. Эта работа стала краеугольным камнем возникшей позже теории игр. Теорема фон Неймана утверждает, что «когда двое играют в игру, по правилам которой выигрыш одного игрока равен проигрышу другого, то при этом каждый игрок может выбирать из конечного числа стратегий. При этом игрок считает, что противник действует наилучшим для себя образом». Теорема фон Неймана утверждает, что в такой ситуации существует «устойчивая» пара стратегий, для которых минимальный проигрыш одного игрока совпадает с максимальным выигрышем другого. Устойчивость стратегий означает, что каждый из игроков, отклоняясь от оптимальной стратегии лишь ухудшает свои шансы, и ему приходится вернуться к оптимальной стратегии.

В 1929 году фон Нейман издал «Общую спектральную теорию эрмитовых операторов» и получил приглашение провести один семестр в Пристоне. В Америке он почувствовал себя как дома, к тому же ему вскоре предложили работу на кафедре. Теперь его звали Джон Нейман.

Незадолго до своего переезда в Пристон ученый женился на Мариэтте Кевеши. Обладая общительным и жизнерадостным нравом, она часто устраивала званые вечера, на которые приглашались сотрудники университета и близкие друзья фон

Нейманов. А Джон всегда умел поддержать компанию, его чувство юмора и незаурядный дар рассказчика различных историй и анекдотов вызывали всеобщую симпатию. Он мог быть и резким, если этого требовали обстоятельства, но никогда не страдал напыщенностью и чванством. Имея безупречную логику, ученый понимал и принимал много из того, что отвергало большинство окружающих: «Сетовать на эгоизм и вероломство людей так же глупо, как сетовать на то, что магнитное поле не может возрастать, если ротор электрического поля равен нулю: то и другое – законы природы». Джон был всегда готов прийти на помощь любому, кто обращался к нему за советом. Семейные вечера Нейманов вошли в Приетоне в поговорку и о них еще очень долго вспоминали после отъезда Джона и его жены.

В 1933 году был основан Институт высших исследований. Его первыми профессорами стали А. Эйнштейн, О. Веблен, Дж. Александер, М. Морс и разделивший с ними эту честь Джон фон Нейман. Это назначение стало справедливым признанием заслуг 30-летнего ученого, который получил место в математическом отделе института, где и проработал до конца жизни. Он совмещал научную деятельность с множеством других обязанностей, включая консультации различных комиссий и военных ведомств. Нейман легко вошел в контакт с другими специалистами, считавшими его «ученым среди ученых», своего рода «новым человеком» – именно так переводится с немецкого его фамилия. Побывал Нейман и в СССР, приняв участие в знаменитой Московской топологической конференции, где выступил с докладом о единственности меры Хаара.

В 1937 году брак фон Неймана распался, и двухлетняя дочь Марина осталась с матерью. Но знаменитый математик недолго оставался одиноким. Уже через год он вернулся из очередной поездки в Будапешт с новой женой Кларой Дан, которая во время Второй мировой войны стала программистом и разработала первые программы для ЭВМ, в проектирование и создание которых ее супруг внес существенный вклад. Фон Нейман не изобретал электронного компьютера. В Пенсильванском университете один уже был и назывался ENIAC. То, что придумал фон Нейман, называется теперь «software» – программная начинка, позволяющая компьютеру быть достаточно гибким и исполнительным.

Огромным был авторитет Неймана не только в научных, но и в военных кругах, и ему часто приходилось консультировать военные проекты. О талантливом ученом говорили, что он один стоит целой дивизии. Особенно значимыми были работы Неймана в области создания атомной бомбы. Заинтересовавшись

проблемами турбулентности, он стал находкой для Манхеттенского проекта и участвовал в разработке численных методов решений уравнений газовой динамики. Его работа, написанная в соавторстве с Р. Рихтайером, посвященная ударным волнам в уравнениях гидродинамики, раскрыла разностные методы решения подобных уравнений. Став классической, она легла в основу целого направления исследований, продолжающихся до наших дней. Несмотря на исключительную занятость прикладными задачами, Нейман нашел время для подготовки со своим близким другом Оскаром Моргенштерном книги «Теория игр и экономического поведения», являющейся продолжением его ранней работы. По мнению крупнейших современных экономистов, книга стала фундаментом всех математических методов, используемых в экономике. Нынешний председатель Комиссии по атомной энергии США утверждает: «Если он анализировал проблему, необходимость в ее дальнейшем рассмотрении отпадала. Всем становилось ясно, что нужно делать». В 1946 году Джон фон Нейман и Клаус Функ получили патент на создание водородной бомбы. (Этот проект не рассекречен до сих пор.) Известно только, что для расчетов он использовал машину, которую окрестил «Маньяк». (MANIAC, аббревиатура от Mathematical Analyzer, Numerator, Integrator and Computer – математический анализатор, счетчик, интегратор и компьютер).

В послевоенные годы научная работа фон Неймана была в основном связана с вычислительными машинами. Именно ему удалось убедить руководство Института высших исследований начать строительство в Пристоне самой мощной ЭВМ. Первая из них – ЭНИАК – была построена еще в 1943–1946 годах. Ученый подсказал разработчикам пути ее усовершенствования с целью упрощения программирования. И уже при создании ЭДВАКа (электронный автоматический вычислитель с дискретными переменными) он разработал подробную логическую схему машины, структурными единицами которой были не физические элементы, а идеализированные вычислительные элементы. Их использование стало важным шагом вперед и позволило отделить создание принципиальной логической схемы от ее физического воплощения. Ученый предложил использовать в качестве элементов памяти не линии задержки, а электронно-лучевые трубки. При этом можно было обрабатывать все разряды машинного слова параллельно. В честь фон Неймана машина была названа ДЖОНИАК.

В июле 1954 года фон Нейман подготовил отчет, в нем он обобщил планы работы группы Моугли и Эккерта над машиной

ЭДВАК. Военный представитель Голдстейн размножил доклад и разослал его в научно-исследовательские лаборатории США и Великобритании. С того момента компьютер был признан объектом, представляющим научный интерес. К сожалению, члены рабочей группы были возмущены докладом Неймана в связи с тем, что они не смогли опубликовать свои работы до начала его участия в проекте из соображений абсолютной секретности. Начавшиеся споры об авторских правах привели к распаду рабочей группы.

Еще одна область исследований, в которой Нейман сделал несколько фундаментальных открытий, – теория автоматов. Основным замыслом ученого стала возможность понять и научиться моделировать работу мозга. И здесь в полной мере проявилась его гениальная способность придавать любой проблеме четкий математический смысл: Нейман создал формальную теорию автоматов. Он предложил систему корректировки данных для повышения надежности систем, применяя дублирующие устройства с выбором наибольшего результата по двоичному числу. К тому же ученый стремился реализовать идею самовоспроизводящихся автоматов с увеличивающейся сложностью. Эту идею он кратко изложил на симпозиуме в Пасадене (1948) и развил в неоконченной рукописи. Эти идеи остаются актуальными и в наши дни. Например, проблема борьбы с компьютерными вирусами ставит перед математиками задачи, близкие к теории Неймана. В 1949 году вышла работа ученого «О кольцах операторов. Теория разложения».

С начала 1950-х годов фон Нейман стал членом Комиссии по атомной энергии США (КАЭ). Ученый достиг зенита свой карьеры: эта комиссия, состоящая всего из пяти человек, назначалась лично президентом и утверждалась Конгрессом. Выступления ученого во время рабочих заседаний всегда отличались исключительной точностью и четкостью формулировок. Адмирал Л. Страус, глава КАЭ, подчеркивал: «После выступления фон Неймана нет необходимости продолжать обсуждение». Ученый продолжал работу в Принстонском институте перспективных исследований по разработке компьютеров новейшей конструкции. Он разработал архитектуру IAS, основанную на двоичной системе исчисления и получившую в специальной литературе название «архитектура фон Неймана», или «фоннеймановская машина».

Поистине фантастическая работоспособность и железное здоровье ученого дали трещину в 1955 году. У фон Неймана врачи обнаружили рак. Одной из причин возникновения болезни считают его участие в испытаниях водородной бомбы на атолле

Бикини в 1954 году. Но он продолжал научную деятельность до конца своих дней. Джон фон Нейман скончался в правительственном госпитале в Вашингтоне 8 февраля 1957 года.

Доктор фон Нейман был удостоен многих наград и отличий, среди них медаль «За заслуги», которую получил за выдающиеся гражданские заслуги, и премия Ферми КАЭ США. Следует отметить, что даже весьма поверхностное знакомство со всем спектром работ ученого – задача непосильная. Его работы стали фундаментом многих направлений современной математики, а большинство идей еще ждут решения.

ОЙСТРАХ ДАВИД ФЕДОРОВИЧ

(род. в 1908 г. – ум. в 1974 г.)

Гениальный скрипач, дирижер и педагог. Человек, который почти 60 лет не выпускал из своих рук скрипку. Потрясающий виртуоз, исколесивший с концертами практически всю планету. Родоначальник знаменитой династии скрипачей. Один из основоположников советской скрипичной школы. Лауреат всех возможных премий у себя в стране и обладатель огромного количества зарубежных наград. Он одинаково блестяще играл и перед сорокатысячной аудиторией, и «тет-а-тет» с бельгийской королевой Елизаветой.

Ученики, проникнувшись глубоким уважением и любовью, граничащей с благоговением, называли его «Царь Давид». Падкая на красочные эпитеты западная пресса тут же подхватила это прозвище. При этом Давид Ойстрах был человеком потрясающей скромности, простой и легкий в общении. Что касается профессиональной сферы, то для него не существовало

технических трудностей в исполнении. Как Ойстраха только не называли и как только не восхваляли. К уже упомянутому громкому титулу добавлялись новые именования, самые скромные из которых: «гений», «идеал», «эталон» и просто «Бог в музыке». Он никогда не боялся экспериментировать, всегда старался предложить свою трактовку произведения, многие из которых впоследствии стали классическими. При этом даже в самом юном возрасте никому не подражал.

Давид Федорович Ойстрах родился в Одессе 30 сентября (17 по старому стилю) 1908 года. Хотя мальчик появился на свет в семье служащего, он был с детства окружен музыкой. Его мать, Изабелла Степановна, была певицей в хоре тогда очень знаменитого одесского оперного театра. Да и отец великолепно играл на мандолине и немного на скрипке. Неудивительно, что ребенок, подобно родителям, рос юным меломаном. Самым страшным наказанием за детские шалости было то, что его не брали в театр. Тогда молодой вундеркинд, знавший весь театральный репертуар на память, сам исполнял для себя пропущенное произведение. Еще одним из увлечений маленького Додика было наблюдение за уличными музыкантами. Позже он вспоминал, как отчаянно «завидовал скрипачам, трубачам, гармонистам, даже шарманщикам, часто навещавшим одесские дворы». Ему казалось, что лучшей профессии просто не может быть.

В то время в Одессе было очень модно отдавать детей учиться музыке. Одной из основных причин подобного бума стало то, что в 1911 году скрипачом все того же оперного театра Петром Соломоновичем Столярским на базе собственной квартиры была открыта частная музыкальная школа. Это было поистине уникальное учебное заведение. Горожане тут же ласково, с легкой руки самого маэстро, окрестили ее «фабрикой талантов». А Утесов даже шутил, что Столярский мог бы поспорить с Фордом за первоочередность изобретения конвейера, только конвейера талантов. Наиболее ярким подтверждением этого может служить тот факт, что в 1937 году в Брюсселе на суперпрестижном Международном конкурсе имени Эжена Изаи все призовые места и лауреатские звания были присуждены ученикам Петра Столярского.

Пока же под руководством великого педагога пятилетний Давид Ойстрах только начинал знакомиться с прославившим его инструментом. Первые шаги были настолько успешными, что уже через год мальчик дал первый сольный концерт. Фраза, которой Столярский, как правило, характеризовал своих учеников: «Ваш мальчик – обыкновенный гениальный ребенок», по отношению к

маленькому Давиду стала пророческой. В 1926 году он блестяще окончил Одесский музыкально-драматический институт по классу все того же П. С. Столярского, которого всегда считал своим первым и главным учителем. Через два года юный музыкант переехал в Москву. После этого его жизнь какое-то время выглядит сплошной чередой побед.

В 1930 году в Харькове Давиду Ойстраху присуждается первая премия Всеукраинского конкурса скрипачей. За ней в 1935 году следуют победа уже во Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей и вторая премия на Международном конкурсе скрипачей им. Г. Венявского в Варшаве. И, наконец, в 1937 году блистательный триумф (первая премия) на уже упоминавшемся конкурсе им. Изаи. С 1934 года участие в конкурсах и концертную деятельность приходилось совмещать с преподаванием в Московской консерватории. Успехи Д. Ойстраха не остались незамеченными, и в 1939 году ему было присвоено звание профессора. В 1950 году он возглавил кафедру скрипки. А в 1953 году Давиду Ойстраху было присуждено звание народного артиста СССР.

Ойстрах играл на скрипке неподражаемо. Любой человек, имевший возможность насладиться музыкой в его исполнении хотя бы раз, оставался восхищенным на всю жизнь. Виктор Пикайзен, один из учеников Давида Ойстраха вспоминал: «… ощущение потрясения не проходило. Как же иначе, когда рядом с тобой… ну просто бог играет! Ойстрах был прирожденным педагогом, впоследствии он стал великолепным дирижером, был замечательным альтистом и оставался непревзойденным скрипачом. Его искусство сверкало все новыми гранями». Однако в жизни он оставался человеком простым, как сказали бы сейчас – абсолютно лишенным звездной болезни. И это при всем при том, что кроме всего вышеперечисленного, у себя в стране Ойстрах получил все возможные награды и премии, включая Ленинскую (в 1960 году) и Государственную (тогда Сталинскую, в 1943 году). «Царь Давид» предпочитал общаться с учениками запросто, на «ты» (предварительно испросив согласия) и был великолепным рассказчиком анекдотов, которые мог рассказывать часами. Кроме того, он был мастером пародии. Особенно ярко это его умение иллюстрирует случай с П. С. Столярским, еще в бытность учебы у него. До Петра Соломоновича дошли слухи, что любимый ученик прекрасно его копирует. Пожелав убедиться в этом лично, он попросил Ойстраха продемонстрировать свое искусство. Пародия была настолько удачной (с характерными речевыми оборотами и любимыми словами и темами), что Столярский увлекся настолько, что даже высказал свое одобрение всему

сказанному.

Помимо увлечения различного вида искусствами, к которым кроме всего вышеперечисленного относились театр, литература, кино (сам снимал любительские фильмы) и живопись, Давид Ойстрах интересовался автомобилизмом, политикой и достижениями современной науки, и, кроме того, был отличным спортсменом. Он великолепно играл в теннис, но главной страстью были шахматы, по которым у него был первый разряд. Часто, в свободное от концертной деятельности время, Ойстрах давал сеансы одновременной игры, принимал участие в любительских турнирах, либо наблюдал за игрой профессионалов. Особенно он любил играть с Сергеем Прокофьевым, который был его постоянным партнером. В 1937 году они даже поборолись за приз Клуба мастеров искусств. Видимо, поэтому Ойстраху настолько удавалось исполнение произведений этого композитора, некоторые из которых тот посвятил своему другу (дружили почти 25 лет). Кроме С. Прокофьева «Царю Давиду» свои концерты посвящали А. Хачатурян и Н. Мясковский и он, конечно же, был их первым исполнителем. Ему также принадлежит премьерное исполнение некоторых вещей Д. Шостаковича, с которым они тоже были очень дружны.

В отличие от многих исполнителей у Давида Ойстраха совершенно отсутствовал воинствующий индивидуализм. Он охотно выступал в паре (яркий дуэт они составляли с сыном Игорем Ойстрахом) и особенно часто в сонатном ансамбле с Львом Обориным и Святославом Кнушевицким. Ему не претили выступления со звездами первой величины, либо концерты сразу после них. «Музицирование с достойными партнерами» наоборот привлекало Ойстраха, как один из лучших вариантов общения. Именно ему принадлежит идея шедеврального трио в составе Ойстраха, Рихтера и Ростроповича.

В одиночку и с другими исполнителями, выступая сам и дирижируя оркестрами, Ойстрах объездил весь мир и исколесил свою страну вдоль и поперек. Сразу после Великой Отечественной войны его встречали освобожденные страны. Он первым из советских исполнителей посетил Испанию и Португалию, Уругвай и Аргентину, Японию, Новую Зеландию и Австралию, а также был допущен на гастроли в несоциалистическую Западную Германию. Его очень ценили заграницей, как профессионала и просто человека. Тому подтверждением служат множество самых престижных почетных титулов и званий всех стран мира. Давид Ойстрах был доктором Кембриджского университета, членом Американской академии наук и искусств в Бостоне, Королевской

академии музыки в Лондоне, почетным членом итальянской Национальной академии «Санта Чечилия» в Риме, членом-корреспондентом Академии искусств в Берлине и многих других.

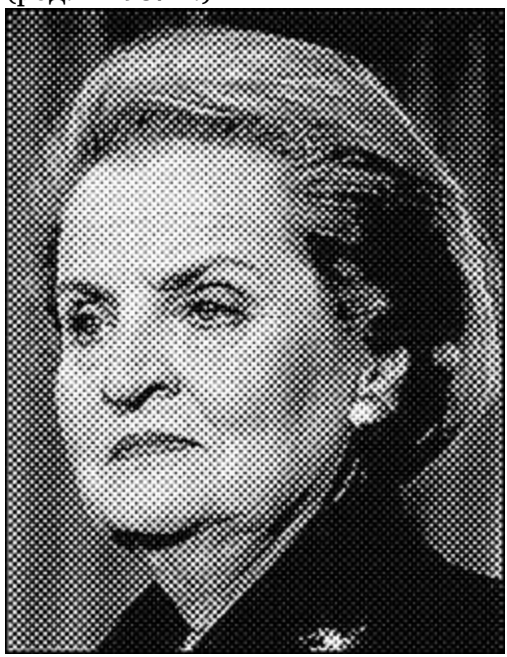
Давид Федорович был настоящим трудоголиком. Он мог играть часами, стараясь найти новое более совершенное звучание того или иного произведения. При этом на закате своих дней признавался, что хотел бы все переиграть по-новой, лучше и чище. Ему ничего не стоило поставить в программу одного вечера три концерта. И это притом, что предпочтение он отдавал концертам П. И. Чайковского, Л. В. Бетховена, Д. Д. Шостаковича, Я. Сибелиуса и других масштабных авторов. Самым наглядным примером работоспособности Давида Ойстраха, как это не печально, может служить последний день его жизни. Дело происходило в Амстердаме, где он тогда гастролировал. Утром он провел трехчасовую репетицию с оркестром, после репетировал двойной концерт Брамса с Лианой Исаакадзе и ее братом, который им предстояло исполнять. Затем последовала работа над концертами Баха и Моцарта, а вечером прослушивание одного из записанных концертов. Наутро «Царя Давида» не стало. Это случилось 24 октября 1974 года.

Как дань памяти великому музыканту, имя Давида Ойстраха носит музыкальный фестиваль в Пярну. Этот город скрипач очень любил и, начиная с 1953 года отдыхал здесь с семьей от своих бесконечных поездок по странам и континентам. Хотя в Пярну ему и работалось «покойно и продуктивно». После смерти Ойстраха эстонцы решили увековечить имя человека, считавшего, что «лучше Пярну с его золотым пляжем нет места на Земле». С 1978 года фестиваль проводится регулярно и является самым ярким событием в музыкальной жизни Эстонии.

Как бы то ни было, чудо, которое дарило искусство «Царя Давида», осталось с нами навсегда. И дело не только в записях его выступлений, которыми заслушиваются люди во всем мире уже не один десяток лет, но в его учениках, достойно продолживших дело своего учителя. Имена их у всех на слуху: Валерий Климов, Гидон Кремер, Олег Крыса, Виктор Пикайзен, Олег Каган, Роза Файн, Лиана Исаакадзе и много других. И конечно, особой гордостью Давида Ойстраха были его сын и внук, также ставшие блестящими скрипачами. Продолжая дело отца, Игорь Ойстрах взял за него реванш, получив первую премию на конкурсе Г. Венявского в Варшаве.

ОЛБРАЙТ МАДЛЕН

Полное имя – Мадлен Кербел Олбрайт
(род. в 1937 г.)



Первая в истории Соединенных Штатов Америки женщина-госсекретарь.

В начале 1998 года она должна была посетить Хельсинки и очень боялась встретиться там со своим бывшим мужем. В тот момент Джо работал в Москве обозревателем, и Мадлен предполагала, что он будет освещать ее визит. Тогда кто-то из друзей сказал: «Что ты волнуешься?! В конце концов, кто стал госсекретарем США – он или ты?»

В детстве мадам Олбрайт звали Мадленка Кербелова. Она родилась в Праге 15 мая 1937 года в семье чешского дипломата Йозефа Кербела. Дважды ее родители были вынуждены бежать из Чехословакии. В первый раз – в Лондон, когда нацисты захватили страну в 1938 году, а потом в Соединенные Штаты, когда коммунисты пришли к власти 10 лет спустя. Частые переезды имели свои плюсы: с тех пор Мадлен в совершенстве владеет

чешским, английским и французским языками.

В Штатах отец отдал ее в Кентскую школу для девочек, самую лучшую частную школу в Колорадо. Но не потому, что семья была хорошо обеспечена и могла себе это позволить. Просто за хорошую учебу Мадленка удостоилась именной стипендии. По воспоминаниям одноклассниц, в ней не было ничего особенного – она отлично училась и славилась прилежанием. И всегда знала, чего хочет в жизни.

С Джо Олбрайтом Мадлен познакомилась летом 1957 года, после окончания второго курса престижного женского колледжа Уэлсли. Поначалу ему не на что было надеяться. Девушка, которая у него на глазах сменила одного блистательного поклонника на другого, относилась к Джо по-приятельски. Ее не особо интересовало, кто он, из какой семьи. А ее мать, не подозревавшая, что новый ухажер богат, настаивала, чтобы дочка не разрешала ему за себя платить. Так что в ресторане студенты платили каждый за себя.

Джо обожал свою подружку и даже дипломную работу снабдил посвящением: «Мадлен, с которой…» В том же году он сделал девушке предложение. Тут и выяснилось, что парень из богатой семьи – его дед по материнской линии был газетным магнатом. До самого своего развода Олбрайт говорила подружкам, что она, как Золушка, вышла замуж за принца. Родители Джо разделяли это мнение: предстоящий брак казался им мезальянсом.

Свадьба состоялась в июне 1959 года, через три дня после вручения выпускницам Уэлсли дипломов. Вскоре в семье родились близнецы, Энн и Элис. Девочки появились на свет недоношенными и нуждались в искусственной вентиляции легких. Они были так слабы, что матери в первое время даже не разрешали к ним прикасаться. Простого «женского счастья» ей было мало. Бездеятельность ее угнетала: «Я читала, смотрела “мыльные оперы”, кормила малышек, ходила с ними гулять и думала: “Я должна что-то делать! Иначе я просто сойду с ума”».

Чтобы чем-то себя занять, она поступила на курсы русского языка, который давно мечтала выучить. В 1966 году Олбрайт снова забеременела. Беременность проходила с осложнениями. К тому же когда Мадлен была на первых месяцах, старшие дочки перенесли корь. Несмотря на инъекции гамма-глобулина, ребенок родился мертвым. Утешение пришло только в 1967 году, когда родилась младшая дочь, Кэтрин.

Тогда же Мадлен окончила аспирантуру и получила степень магистра политологии за работу «Советская дипломатия: профиль элиты». Она продолжала работать над докторской

диссертацией, в полной уверенности, «что у женщины должен быть выбор», очевидно, имея в виду выбор между семейными проблемами и карьерой.

Карьера Олбрайт началась с того, что она вошла в попечительский совет школы, где учились ее двойняшки. Энергичная и образованная, она особенно преуспела в поисках спонсоров. Один из друзей дома, пораженный работоспособностью Мадлен, пригласил ее добровольной помощницей для кампании по сбору средств в поддержку Эдмунда Маски – сенатор решил в 1972 году баллотироваться в президенты. Маски суждено было остаться на посту сенатора от штата Мэн, президентом он так и не стал. Зато через три года он пригласил Олбрайт в свою команду главным юридическим советником по внешней и оборонной политике.

Мадлен хорошо ладила с коллегами, большинство из которых составляли мужчины. Она не пыталась с ними соревноваться, а скорее была готова уступать. Вела себя очень по-женски, от души смеялась их шуткам, всегда была веселой и дружелюбной, сразу располагала к себе.

Когда в 1976 году президентом США стал демократ Джимми Картер, ее пригласили на работу в Белый дом. Дело в том, что советником по национальной безопасности был назначен Збигнев Бжезинский, преподаватель Колумбийского университета, у которого в свое время училась Мадлен. Едва получив назначение, Бжезинский тут же предложил своей бывшей студентке, которую очень ценил, должность референта по связям с конгрессом.

В январе 1982 года ей пришлось провести некоторое время в психиатрической клинике – так Мадлен отреагировала на то, что муж ушел из дома. При разводе ей досталась значительная часть фамильного состояния Олбрайтов, дом в пригороде Вашингтона, а также ферма в штате Вирджиния. Знакомые поговаривали, что, дескать, Джо всегда был бабником и еще в студенческие годы заглядывался на ее подружек. Но большинство сошлось на том, что он разочаровался в браке: когда у него дела шли неважно, Мадлен, не обращая на это внимания, принялась делать собственную карьеру. Ане каждый муж согласится терпеть, когда его жена допоздна засиживается на работе.

Эту же версию выбрала для себя и Мадлен. Свою обиду на мужа она и не пыталась скрыть. И часто говорила друзьям, что Джо завидовал ее успеху, не мог смириться с тем, что живет рядом с сильной женщиной. Впрочем, друзья семьи были уверены: вплоть до назначения представителем США при ООН она готова была бросить все, если бы муж согласился вернуться. Но ей пришлось выбрать карьеру.

После развода Олбрайт всерьез задумалась о будущем. Наука, с ее точки зрения, была надежнее, чем политика, и она выбрала преподавательскую работу. Тем более что она уже защитила докторскую диссертацию, была научным сотрудником в вашингтонском Международном центре поддержки ученых Вудро Вильсона и писала работу о роли прессы в становлении движения «Солидарность» в Польше, одновременно изучая польский язык. В 1983 году она стала преподавателем сравнительной политологии на факультете дипломатической службы при Джорджтаунском университете.

Вскоре у Мадлен появился друг – Барри Картер, преподаватель юридического факультета, в прошлом влиятельный правительственный чиновник. Он всерьез взялся ухаживать за ней и подружился с ее дочками. Ради Картера она начала бороться с собственной полнотой и плавать в бассейне. Счастье длилось недолго: Барри хотелось иметь собственных детей, а Мадлен не была к этому готова. Но теперь госпожа Олбрайт хорошо знала, как бороться с сердечными недугами, – трудотерапия и на этот раз не подвела.

Вскоре она возглавила Центр национальной политики и привлекла в правление организации толстосумов, которые принесли с собой деньги. Ее связи невероятно расширились. Ив 1988 году Майкл Дукакис, кандидат в президенты от Демократической партии, предложил Олбрайт стать его основным советником по международным делам. Однажды, чтобы подготовить Дукакиса к теледебатам, в Вашингтон пригласили губернатора штата Арканзас Билла Клинтона, с которым у Мадлен установились дружеские отношения.

По ее рекомендации Клинтон смог попасть в одну влиятельную американскую общественную организацию и, став президентом, не забыл, кто оказал ему эту услугу. Кроме того, говорили, что Мадлен просто очень нравилась Биллу. Заняв Овальный кабинет, он предложил своей подруге место представителя США при ООН. Прилетев в Нью-Йорк, Мадлен поняла, как изменилась ее жизнь. Она, столько лет проработавшая в Белом доме рядовым сотрудником, теперь стала членом президентской команды.

В декабре 1997 года Клинтон объявил о назначении Олбрайт госсекретарем США. Сенат проголосовал единогласно, и 23 января следующего года она приняла присягу. Некоторые аналитики критиковали выбор кандидатуры Мадлен, называя ее «подарком на память», «подружкой Хиллари», «безрассудной и взбалмошной дамой». А группы феминисток типа «Национальной организации для женщин» пробовали списать шумиху вокруг ее

назначения на свой счет, называя выбор президента «призом по женскому футболу», а не признанием таланта Олбрайт.

Тем временем элитарное политическое сообщество Вашингтона повернулось к ней спиной, возражая во всем, внимательно следя за реакцией и проверяя ее на прочность. Мадлен завоевала их симпатии, будучи новичком и еще недавно аутсайдером в «очень большой политике», и скоро сама стала фигурой не просто легендарной или весомой (а она действительно немало весит!), но и исторической. Она перестала скрывать свое еврейское происхождение – и ее за это зауважали еще больше: «маленький, подвижный, берущий любые преграды бронетранспортер по имени Мадлен Олбрайт».

После ухода в отставку с поста госсекретаря США в январе 2001 года Мадлен не осталась за бортом большой политики. Она возглавила негосударственный Национальный демократический институт и в этом качестве весьма удобна для нынешней республиканской администрации. Как ее неофициальный представитель, Олбрайт продолжает разъезжать по миру, встречаясь и давая «ценные указания» политическим руководителям тех стран, которые входят в сферу национальных интересов Америки.

Кроме того, Мадлен решила написать мемуары. Большую часть книги она посвятит восьми годам, в течение которых работала в администрации Клинтона, а также расскажет о своем детстве и юности, о своих близких и отношениях с ними. Правда, публике вряд ли стоит ждать от Олбрайт сенсационных разоблачений – она все еще числится в «номенклатурной обойме» госдепартамента США и не будет прибегать к дешевым трюкам для поддержания собственной популярности.

ПАРКЕР ЧАРЛИ

(род. в 1920 г. – ум. в 1955 г.)

Американский джазовый саксофонист, композитор, аранжировщик, руководитель джаз-оркестра.

Это был, пожалуй, один из самых скандальных джазменов Америки – многочисленные поклонники и поклонницы несколько раз видели его под воздействием «иглы» совершенно голым в самых людных местах. Триумфальные гастроли Паркера часто чередовались с его длительными запоями и визитами в психиатрические клиники. И все же… быстрые пассажи Чарли не мог на саксофоне повторить никто. Он оставил заметный след в истории мирового джаза еще и как один из основателей нового стиля – бибоп.

Родился Паркер в 1920 году в Канзас-Сити в небогатой негритянской семье. Обнаружив у 11-летнего сына склонность к музыке, мать, можно сказать, на последние деньги, купила ему за 45 долларов альт-саксофон. (Между прочим, уже в 1994 году один из инструментов Паркера был продан на аукционе за 93 тысячи

фунтов стерлингов.) А вообще до того, как афро-американцы получили доступ к профессиональному спорту, музыка была практически единственным шансом негров из бедных семей достичь положения в обществе и вырваться из нищеты.

Так что талантливый мальчик начал усиленно заниматься музыкой, играл в школьном оркестре на медных духовых инструментах. Бросив школу в 15 лет, он стал профессионалом в городском оркестре Л. Кейса и начал приносить в семью заработанные деньги. Уже через год одаренного юношу пригласили в джазовый коллектив Джорджа Ли, который выступал на местном курорте, а затем в биг-бэнд Харлена Леонарда.

Вскоре виртуозного саксофониста переманил к себе в Нью-Йорк Джей Макшэнн. Именно в этом коллективе Чарли в 1941 году впервые записался на пластинку и приобрел известность в среде молодых джазменов-новаторов, собиравшихся в гарлемском клубе Minton's Playhouse. Здесь Паркером и его единомышленниками (включая известного в те годы джазмена Диззи Гиллеспи), были разработаны основные идеи и принципы нового джазового стиля бибоп (похожий звук издавала полицейская дубинка, опускаясь на голову бедного негра во времена американского расизма. Кстати, Паркер вспоминал, что белые били его за то, что он негр, а негры – за то, что он еврей).

В 1940-е годы молодой музыкант продолжал успешно работать в различных оркестрах – Н. Сиссла (1942–1943 гг.), Э. Хайнса (1943 г.), затем у «Кути» Уильямса, Э. Керка, Б. Экстайна, а также в квинтете Диззи Гиллеспи. В дальнейшем Чарли выступал с ведущими джазовыми музыкантами тех лет и сам был одной из главнейших фигур в этом жанре, фактически основоположником современного джаза.

В 1944 году Паркер организовал свой маленький джазовый оркестр (комбо), т. к. большие оркестры (биг-бэнды) в годы Второй мировой войны в связи с экономической нестабильностью особой популярностью не пользовались и разорялись. В этот мобильный квинтет кроме руководителя входили М. Дэвис (труба), «Бад» Пауэлл (фортепиано), «Керли» Расселл (контрабас) и М. Роуч (ударные). Впоследствии состав ансамбля неоднократно менялся. Чтобы оставаться на плаву и успешно конкурировать с другими джаз-комбо, музыканты много гастролировали по небольшим городкам, не щадя себя, зарабатывали деньги, и в сентябре того же 1944 года новоиспеченный квинтет сделал свои первые грамзаписи. Этот диск принес ему определенную популярность и увеличил число его поклонников.

Прозвище-псевдоним Паркера – Bird (Птица) возникло благодаря его быстрейшим пассажам. Его саксофон часто начинал издавать звуки наподобие птичьего щебета, так как не успевал за его пальцами, поэтому пищал и чирикал. Невероятно быстрые пассажи знаменитого музыканта никто не мог повторить, по крайней мере, так чисто. За исключением разве что другого виртуоза по имени Сонни Стит. Но Сонни не был так известен, как Паркер, поскольку Птица был первым в этом стиле.

В 1946 году Чарли принял участие в концертах «филармонического джаза» (JATP). В дальнейшем он вновь играл в квинтете, вместе с которым в 1949 году успешно выступил на фестивале джаза в столице Франции Париже.

По словам коллег, в 1940-е годы Птица начал очень сильно увлекаться наркотиками. Он колол себе героин, и в состоянии наркотического опьянения ему, как он сам утверждал, являлись новые мелодии, импровизации, аранжировки. Постояльцы одного из американских отелей однажды увидели саксофониста, бегающего совершенно голым по коридорам и холлам. Затем наркоман пытался поджечь здание: ему чем-то не понравился туалет в номере.

Будучи под воздействием «иглы», Паркер неоднократно пытался совершить самоубийство, но его вовремя останавливали. А однажды музыкант появился на костюмированном балу в Гарлеме с саксофоном в руках, играя изумительное соло, но… совершенно голый.

Стоит упомянуть и скандал в нью-йоркском элитном клубе, названном в честь Птицы – «Birdland». В очередном приступе ярости и безумия бэнд-лидер разогнал своих музыкантов и таким образом провалил выступление ансамбля. Понятно, что хозяева клуба разорвали с ним выгодный контракт.

Чарли пытался лечиться от наркозависимости, но тщетно: окончательно расстаться с пагубной привычкой ему до конца своей короткой жизни так и не удалось.

Аморалистичный, анархичный, не приемлющий обыденность ни в какой форме, Паркер искал в джазе то, что превзошло бы несовершенство мира, которое он ощущал невероятно остро. «Вряд ли он знал цену своим находкам. Это была просто его манера играть джаз, это была часть его самого», – говорил барабанщик Паркера Кенни Кларк.

В 1947 году, в одном из ночных калифорнийских клубов, где Чарли выступал после окончания длительного курса лечения в психиатрическом госпитале в Камарильо, он повстречался с другим известным американским саксофонистом – Джоном Колтрейном. Позже Джон вспоминал: «Я открыл для себя Птицу и

ни секунды не сомневался в «терапевтическом эффекте» всех его наркотических нововведений. Как только я услышал Чарли, то сразу же полностью захотел идентифицировать себя с ним». Будучи любителем смелых экспериментов, самого нового и необычного, Джон, как и Птица, в огромных количествах охотно смешивал алкоголь и наркотики. (Правда, Колтрейну с помощью жены и собственной силы воли в 1957 году удалось покончить с пагубной привычкой. В отличие от Паркера он одержал победу над собой.) Первоначально Колтрейн намеревался всю жизнь играть на альт-саксофоне, но, возможно, под влиянием Чарли Паркера стал импровизировать на теноре.

Альт и тенор – это, если можно так выразиться, «средние», наиболее применяемые типоразмеры саксофона. Соответственно, чем меньше «типоразмер» инструмента, тем тоньше звук. Альт поменьше тенора, стало быть, он играет более тонким звуком. Еще более маленький – сопрано-саксофон (он с прямым раструбом, как труба). В большую сторону – баритон-саксофон с более низким звуком. А бас-саксофон, со звуком, похожим на пароходный гудок, – самого большого размера.

Многие музыканты того времени пытались подражать Паркеру в надежде когда-нибудь начать играть также прекрасно, как Чарли. «Сонни Стайт, Бад Пауэлл, Фате Наварро, Джин Эйм-Монс – все они потребляли героин, – признавался позже известный джазмен Майлс Дэвис, заняв почетное место на этом наркотическом “Олимпе”. – Не забудьте еще Джо Гая, Билли Холидея, Стена Гетца, Чета Бейкера, Джерри Маллигана и Рида Родни. Они кололись все время».

В последующие годы Птица, несмотря на прогрессирующую болезнь, вел активную концертную деятельность (играл в ансамблях «филармонического джаза», со струнной группой, в комбо, с оркестром Ф. Мачито и т. д.). В 1950 году Паркер во второй раз совершил триумфальное европейское турне по странам Скандинавии.

Возможно тогда, в середине XX столетия джаз перевернул европейские представления об эстетике. Он был признан высоким искусством мировой культуры. Когда Европа впервые столкнулась с джазом, его долго не могли воспринять как нечто красивое и гармоничное. Для европейского слушателя в музыке главными были мелодия, гармония и ритм. В джазе к ним прибавился еще и тембр. Джазменам варьировать тембр было столь же естественно, как для европейского композитора – изменять высоту звуков. «Письменность» европейской культуры и «устность» джаза – одно из главных различий сути европейского музыканта и джазмена, – считал Птица. Джаз существует затем, чтобы быть услышанным.

Его высшее предназначение – донести некий «the message» («послание») до слушателя.

Чарли Паркеру вместе с другими ведущими джазменами это, кажется, удалось. Джаз стала слушать не только вся Америка, но и вся Европа. В 1950-х годах этот жанр приобрел широкую известность. Биг-бэнды и комбо собирали многотысячные залы интеллигенции и студентов. Да и в наши дни джазовая музыка лежит в основном русле культуры развлечений – джазовые концерты и фестивали ежегодно собирают огромные концертные залы.

Музыка Птицы и других, не менее знаменитых джазменов, стала тем толчком, который поменял самоощущение Черной Америки. В первой половине XX столетия любой достигший высокого социального положения афро-американец становился серьезным вызовом обыденному сознанию белого человека. После того как появились Паркер, Колтрейн и другие именитые артисты, уже нельзя было воспринимать негров как раньше – пренебрежительно. (Один из музыковедов, Фрэнк Кофски, в 1964 году даже предложил выдвинуть кандидатуру известного чернокожего саксофониста Джона Колтрейна на должность вице-президента Соединенных Штатов.)

Из нескольких альбомов Чарли Паркера любителям наиболее запомнились: «Charlie Parker» (он же «Now's the time»); «Charlie Parker & The Big Band»; «South of the border» (так сказать, дань Птицы латиноамериканскому джазу) и «Charlie Parker & Strings», который поклонники знаменитого саксофониста встретили с негодованием. Еще бы: ведь в их глазах кумир предал свое правое дело бибоп, став коммерческим альбомом, т. к. сравнительно мягкая манера игры Чарли и чудесная работа струнных инструментов привлекли внимание широких масс, и альбом стал бестселлером.

12 марта 1955 года легендарный Чарли Паркер умер в доме своей богатой поклонницы, баронессы де Кенигсвагенр, не дожив до 35-летнего возраста. Врач, приехавший на вызов и зафиксировавший его смерть, написал, что покойному было 70 лет – так выглядел знаменитый саксофонист и наркоман со стажем.

В 1994 году в Нью-Йорке состоялся аукцион, посвященный джазовым раритетам. Организаторы уверяли, что это было первое подобное мероприятие в США. Помимо музыкальных инструментов, успехом пользовались и другие предметы, связанные с джазом. Например, письмо, написанное Луи Армстронгом агенту (продано за 29,5 тысяч долларов), ноты песни Колтрейна «A Love Supreme» и другие раритеты. Саксофон

же, некогда принадлежавший Птице, был продан с молотка за сумму, превышающую 260 тысяч долларов. Этот уникальный инструмент почти 50 лет хранился у вдовы скончавшегося артиста. Своего нового владельца нашли и золотые часы Чарли Паркера, проданные за 13 тысяч долларов.

Об этом знаменитом музыканте написано несколько книг, в 1986 году снят фильм.

ПАСТЕРНАК БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ

(род. в 1890 г. – ум. в 1960 г.)

Поэт, лауреат Нобелевской премии (1958 г.). Книги стихов «Близнец в тучах», «Поверх барьеров», «Сестра моя – жизнь», «Темы и вариации», «Второе рождение», «На ранних поездах»; поэмы «Девятьсот пятый год», «Лейтенант Шмидт», «Слепая красавица»; роман в стихах «Спекторский»; роман «Доктор Живаго»; автобиографическая проза «Охранная грамота», «Люди и положения».

«Жизнь вне неприметности я себе не представляю», – писал Борис Пастернак в автобиографических воспоминаниях. И действительно, жизнь поэта не была отмечена особыми приметами, за исключением разве что нескольких молодых лет, когда Пастернак примыкал к движению футуристов. Зато его внутренняя духовная жизнь была заполнена такими страстями и удивительными, нередко провидческими открытиями, которых бы хватило и на нескольких российских поэтов.

Борис Леонидович Пастернак родился 10 февраля 1890 года в Москве. Его отец, Леонид Пастернак, был академиком живописи, писал портреты многих известных людей, в том числе и Л. Н. Толстого. Мать поэта, урожденная Роза Кауфман, известная пианистка, отказалась от карьеры музыканта, чтобы воспитывать детей (у Бориса был еще брат и две сестры).

Несмотря на довольно скромный достаток, семья Пастернак вращалась в высших кругах интеллигенции дореволюционной России, в их доме бывали Рахманинов, Скрябин, Рильке и Л. Н. Толстой, о котором спустя много лет Борис сказал: «Его образ прошел через всю мою жизнь».

Атмосфера родительского дома приучила Пастернака к восприятию искусства творчества как кропотливого, повседневного труда. В детстве он обучался живописи, с 1903 по 1908 год учился в Московской консерватории и всерьез готовился к композиторской карьере. Однако талантливому юноше для успешных занятий не хватило абсолютного слуха. Он отказался от мысли стать музыкантом и увлекся философией и религией. Проучившись четыре года на философском отделении историко-филологического факультета Московского университета, в возрасте 23 лет Пастернак уехал в Марбургский университет, где в течение летнего семестра слушал лекции Германа Когена, главы марбургской неокантианской школы.

Однако увлечение философией оказалось недолгим. Встретив в Марбурге давнюю знакомую Иду Высоцкую, в которую он был прежде влюблен, Пастернак вспомнил о родине, затосковал и уговорил себя, что от природы он скорее лирик, чем логик. Совершив короткую поездку по Италии, зимой 1913 года он вернулся в Москву.

В Москве Пастернак сразу же был вовлечен в бурную литературную жизнь. Он участвовал в московских символистских литературных и философских кружках, в 1914 году вошел в футуристическую группу «Центрифуга», близко сошелся с представителями символизма и футуризма, познакомился с Маяковским, одним из ведущих поэтов-футуристов, ставшим другом и литературным соперником Пастернака. И хотя музыка, философия и религия не утратили для Пастернака своей значимости, он понял, что истинное его предназначение – это поэзия. Летом 1913 года, после сдачи университетских экзаменов, он завершает первую книгу стихов «Близнец в тучах», а через три года вторую – «Поверх барьеров».

Еще в детстве Пастернак повредил ногу, упав с лошади, потому, когда началась война, в армию его не взяли, однако, обуреваемый патриотическими чувствами, он устроился

конторщиком на уральский военный завод, что впоследствии описал в своем знаменитом романе «Доктор Живаго».

В 1917 году Пастернак возвратился в Москву. Революционные перемены в России нашли свое отражение в книге стихотворений «Сестра моя – жизнь», опубликованной в 1922 году, а также в сборнике «Темы и вариации», вышедшем годом позже. Эти два поэтических сборника сделали Пастернака одной из самых видных фигур в русской поэзии.

Поскольку Пастернак не имел обыкновения распространяться о себе и был склонен с большой осмотрительностью описывать даже те события, очевидцем которых он был, подробности его жизни после революции известны в основном из переписки с друзьями на Западе и двух книг: «Люди и положения. Автобиографический очерк» и «Охранная грамота».

Пастернак некоторое время работал в библиотеке Народного комиссариата просвещения. В 1921 году его родители с дочерьми эмигрировали в Германию, а после прихода к власти Гитлера, переехали в Англию. Борис и его брат Александр остались в Москве. Вскоре после отъезда родителей Пастернак женился на художнице Евгении Лурье. Их совместная жизнь была очень беспокойной и продолжалась семь лет. В 1930 году у Пастернака начался долгий и сложный роман с Зинаидой Николаевной Нейгауз, женой известного пианиста Генриха Нейгауза, его друга. Он закончился женитьбой в 1931 году, после того как был оформлен развод с Евгенией, и та с сыном уехала в Германию.

В 1920-е годы Пастернак написал две историко-революционные поэмы «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт», одобрительно встреченные критикой. В 1934 году на Первом съезде писателей о нем уже говорят как о ведущем современном поэте. Однако похвальные отзывы вскоре сменились резкой критикой из-за нежелания поэта ограничиться в своем творчестве пролетарской тематикой. В результате с 1936 по 1943 год ему не удалось издать ни одной книги. Но благодаря своей осмотрительности и осторожности он избежал ссылки и, возможно, смерти, в отличие от многих его современников.

Получивший воспитание в европейски образованной среде, Пастернак в совершенстве знал несколько языков, и поэтому в 1930-е годы, не имея возможности печататься, переводил на русский язык классиков английской, немецкой и французской поэзии. Его переводы трагедий Шекспира и «Фауста» Гете считаются лучшими.

В 1941 году, когда немецкие войска приближались к Москве, Пастернак эвакуировался в г. Чистополь, на реке Каме. В это время он пишет патриотические стихи и даже просит советское

правительство отправить его на фронт в качестве военного корреспондента. В 1943 году после долгого перерыва вышел его поэтический сборник «На ранних поездах», состоящий всего из 26 стихотворений, а в 1945 году Пастернак опубликовал еще один сборник стихов «Земной простор». Обе книги были мгновенно раскуплены.

В 1940-е годы, продолжая писать стихи и заниматься переводами, Пастернак обдумывает план романа, «книгу жизнеописаний, куда бы он в виде скрытых взрывчатых гнезд мог вставлять самое ошеломляющее из того, что он успел увидеть и передумать». А после войны, уединившись в Переделкине, он начал работу над романом «Доктор Живаго», историей жизни врача и поэта Юрия Андреевича Живаго. Детство героя пришлось на начало XX века, он становится свидетелем и участником Первой мировой войны, революции, гражданской войны, первых лет сталинской эпохи. Живаго не имел ничего общего с ортодоксальным героем советской литературы. Вместо того чтобы идти сражаться «за правое дело», он находит покой и утешение в любви к женщине, бывшей возлюбленной продажного дельца и жене революционера-фанатика. По лирико-эпическому настрою, по интересу к духовному миру человека перед лицом опасности «Доктор Живаго» имеет много общего с «Войной и миром» Толстого.

Роман, вначале одобренный в печати, позже сочли непригодным «из-за негативного отношения автора к революции и отсутствия веры в социальные преобразования». Книга была издана в Милане в 1957 году на итальянском языке, а к концу 1958 года переведена на 18 языков. В дальнейшем «Доктор Живаго» был экранизирован английским режиссером Дэвидом Лином.

В 1958 году Шведская академия присудила Пастернаку Нобелевскую премию по литературе «за продолжение традиций великого русского эпического романа», после чего газеты «Правда» и «Литературная газета» обрушились на поэта с возмущенными статьями, наградив его эпитетами, «изменник», «клеветник», «Иуда». Пастернака исключили из Союза писателей и вынудили отказаться от премии. Вслед за первой телеграммой в адрес Шведской академии, где говорилось, что Пастернак «чрезвычайно благодарен, тронут и горд, изумлен и смущен», через 4 дня последовала другая: «В силу того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я должен от нее отказаться. Не примите за оскорбление мой добровольный отказ». На церемонии награждения член Шведской академии Андрес Эстерлинг сказал:

«Разумеется, этот отказ никоим образом не принижает значимость награды, нам остается выразить сожаление, что награждение лауреата Нобелевской премии не состоится».

В письме к Н. С. Хрущеву, бывшему в то время первым секретарем ЦК КПСС, составленном юрисконсультом Союза писателей и подписанном Пастернаком, выражалась надежда, что ему будет разрешено остаться в СССР. «Покинуть Родину для меня равносильно смерти, – писал Борис Леонидович. – Я связан с Россией рождением, жизнью и работой».

Начиная работу над «Доктором Живаго», Пастернак никак не ожидал подобной реакции. Глубоко потрясенный в прямом смысле литературной травлей, в последние годы он безвыездно жил в Переделкине, писал, принимал посетителей, беседовал с друзьями, любовно ухаживал за своим садом. Уже будучи смертельно больным (рак легких), он работал над пьесой из времен крепостничества «Слепая красавица», которая так и осталась незавершенной. 30 мая 1960 года Борис Леонидович Пастернак скончался. День, когда хоронили поэта, выдался теплым, солнечным, а ночью на свежую могилу хлынул дождь, с грозой и молниями, – такие грозы всегда его зачаровывали.

Вопреки заявлениям многочисленных критиков, творчество Пастернака никогда не было оторванным от жизни, «индивидуалистическим». Он был поэтом, а это звание не несет никаких обязательств перед властью и обществом. Если поэт и расходился с властью, то не по политическим, а, скорее, по моральным и философским взглядам на искусство и жизнь. Он верил в человеческие, христианские добродетели, утверждал ценность бытия, красоты и любви, отвергая насилие.

В письме к одному из своих переводчиков Пастернак писал, что «искусство не просто описание жизни, а выражение единственности бытия… Значительный писатель своего времени – это открытие, изображение неизвестной, неповторимой живой действительности».

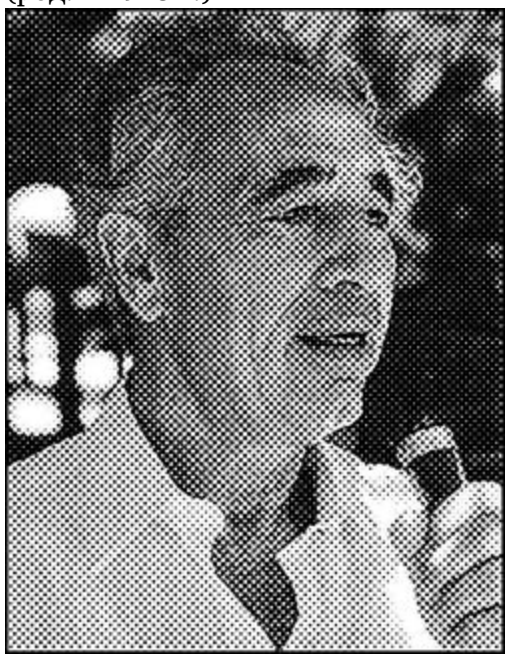
Эту неизвестную действительность, ощущение от ее открытия Пастернак передал в своих стихах. В одном из последних и самом горьком стихотворении «Нобелевская премия» Борис Леонидович писал:

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора,
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Дух добра коснулся и самого поэта, и памяти о нем. Его знаменитое: «Свеча горела на столе, свеча горела…», по большому счету, относится как к творчеству самого Пастернака, так и к искусству вообще.

ПЕРЕС ШИМОН

(род. в 1923 г.)



Премьер-министр и министр обороны Израиля в 1984–1986, 1995–1996 гг. В 1986–1988, 1992–1995 гг. министр иностранных дел. С февраля 2001 г. снова на посту министра иностранных дел. Председатель социалистической партии «Авода» (с ноября 1995 г.). Лауреат Нобелевской премии мира 1994 г. Один из главных архитекторов мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

За свою долгую политическую карьеру, которая длится уже более 50 лет, Перес не раз подвергался нападкам. В Израиле он имеет и горячих сторонников, и непримиримых противников. Но тель-авивские газеты не раз писали, что «страна по-прежнему ценит этого человека с квакающим голосом и вызывающими раздражение грустными глазами».

Шимон Перес (Парский) родился 1 августа 1923 года в польском городке Вишнева в скромной еврейской семье. Его отец

был лесником, а мать хозяйничала в доме. Дед, сапожник, слыл знатоком Торы и еврейской поэзии. Свои знания он передал внуку. Тот уже в девятилетием возрасте начал писать стихи, которые получили одобрение известного еврейского поэта Хаима Бялики. Это увлечение он сохранил на всю жизнь. Позже, уже в государстве Израиль, ставшем его новой родиной, Перес часто публиковал в газетах стихи, статьи и рассказы. Под женским псевдонимом им в молодые годы была опубликована серия репортажей «Из дневника женщины», о которой критики заметили, что на языке иврит впервые прозвучал «чистый и сильный женский голос».

В 1931 году Перес-старший эмигрировал в Палестину, там разбогател на торговле землей и вызвал к себе семью. Здесь Шимон закончил свое образование в престижной гимназии Бальфура. В 1943 году уравновешенный, интеллектуально развитый юноша стал лидером молодежной сионистской организации «Ноар ха-Овед», а через три года – делегатом 22-го сионистского конгресса в Базеле.

В конце сороковых годов Перес поступил на работу в министерство обороны помощником генерального директора Леви Эшкола. Вскоре его заметил первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион, уже давно вызывавший у молодого человека восторженное чувство. Бен-Гурион послал Переса в США во главе делегации по закупке оружия. По-видимому, эта миссия была выполнена успешно.

В 1952 году молодого дипломата назначили генеральным директором министерства обороны. На этом посту он сыграл ведущую роль в создании авиационной, электронной и военной промышленности Израиля, сумев подчинить своему контролю значительную часть государственного бюджета. Он стал одним из создателей ядерной программы Израиля. При нем промышленность страны начала активно работать на выполнение военных заказов. Если производство нужного оружия невозможно было наладить внутри страны, Перес активно заказывал его в других государствах. В 1954 году ему удалось сделать заказ на получение танков из Франции. За ним последовали следующие. Вместе с Бен-Гурионом Перес побывал в Париже.

Секретная миссия состояла в том, чтобы окончательно согласовать совместные военные мероприятия против Египта в войне 1956 года. Очевидно, вклад Переса в войну был значителен. После ее окончания французы наградили его орденом Почетного легиона.

К этому времени Шимон Перес был активным членом партии МАПАИ – предшественницы нынешней Партии труда. В 1959 году

МАПАИ одержала победу на выборах. Переса избрали в кнессет и назначили заместителем министра обороны. На этом посту он продолжил работу по укреплению военной мощи Израиля, расширив географию закупок вооружения в странах Западной Европы. Значителен его вклад в создание ядерного реактора в Димоне и расширение концерна «Рафаэль» по производству новых видов оружия.

Позиции Переса на политическом поприще крепли день ото дня. Его называли «восходящей звездой на политическом небосклоне». Но в 1965 году произошли события, замедлившие продвижение политика на высшие посты государственной власти. Его кумир и учитель, Бен-Гурион, вышел из состава МАПАИ. Перес последовал за ним. Вместе они создали партию РАФИ («Список рабочих Израиля»). Ее генеральным секретарем стал Шимон Перес. Теперь в маленькой комнатке без ковра и кондиционера он занимался организационными вопросами, сбором средств и пропагандой. В июне 1967 года РАФИ вместе с партиями МАПАИ и Ахдут-Гаавода-Поалей-Цион объединились. Перес стал одним из двух секретарей новой «Рабочей партии».

Шло время. Политик продолжал упрямо двигаться вперед. В 1969 году он вновь был избран в кнессет и назначен министром по делам устройства иммигрантов, в сентябре 1970 года стал министром коммуникаций. Потом последовали другие министерские назначения. И вот, наконец, в сентябре 1984 года труды Переса увенчались успехом. Он занял кресло премьер-министра страны. В соответствии с соглашением о ротации ему было отпущено всего два года для реализации своей программы.

Работать пришлось в тяжелых условиях. Главный политический противник Ицхак Шамир, предыдущий премьер и лидер конкурирующего блока «Ликуд», был избран заместителем нового премьера. Половина кабинета министров также не отличалась симпатиями к своему высшему начальству. И все же Пересу за столь короткий срок удалось сделать довольно много. Он вывел израильские войска из Ливана, осуществил жесткие экономические меры и остановил этим инфляцию. Удалось возобновить получение финансовой помощи со стороны Соединенных Штатов, восстановить дипломатические отношения с рядом стран Восточной Европы и Африки. По мнению многих депутатов кнессета, за короткий срок своего премьерства Перес сделал больше, чем какой-либо премьер-министр за четыре года.

И все же на следующих выборах победил Ицхак Шамир. Решающую роль, очевидно, сыграл его политический курс на увеличение численности еврейских поселений на оккупированных арабских территориях, а также заявления о том,

что он «не намерен уходить из Газы и с Западного берега».

В отличие от лидера «Ликуд», Перес и его соратники требовали прекратить оккупацию сектора Газа и большей части Западного берега реки Иордан. Правда, он считал, что спор по поводу восточного Иерусалима не может быть решен в пользу арабов, и заявил: «Иерусалим навечно столица Израиля».

Перес был последовательным сторонником урегулирования конфликта с арабами путем политических переговоров. Первым из израильских лидеров он одобрил идею созыва мирной конференции, заявив об этом в октябре 1985 года на Генеральной Ассамблее ООН. Конференция рассматривалась им как прелюдия к мирным арабо-израильским переговорам.

Однако миротворческая политика Переса не была поддержана многими израильтянами. На выборах 1986 года его партия вновь потерпела поражение, и экс-премьер занял посты заместителя премьер-министра и министра финансов.

Но Перес не сложил оружия. Он по-прежнему продолжает играть ведущие роли в правительстве Израиля и в 1996 году вновь становится премьер-министром Израиля. В 2000 году Переса считали одним из наиболее вероятных кандидатов в президенты. Опросы показывали, что на его стороне 70 % израильтян. Однако во время выборов маятник симпатий избирателей неожиданно качнулся в противоположную сторону. Его ничем не примечательный соперник Моше Кацав, чей предварительный рейтинг не превышал 20 %, победил.

К сожалению, миротворческие позиции Переса в Израиле устраивают далеко не всех. Были ситуации, когда его жизни угрожала опасность. В 1995 году террористы из экстремистской группировки «Еврейская организация возмездия», расправившиеся с бывшим в то время премьер-министром Ицхаком Рабином, готовились убрать и министра иностранных дел Шимона Переса. К счастью, их постигла неудача.

Тем не менее, Перес продолжает бороться. В начале марта 2001 года он стал министром иностранных дел в правительстве Ариэля Шарона. Быть может, на этот раз ему больше повезет, и мир между арабами и евреями наконец-то будет достигнут.

ПЛИСЕЦКАЯ МАЙЯ МИХАЙЛОВНА

(род. в 1925 г.)

Одна из самых знаменитых балерин Большого театра XX в. Народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии. Руководила балетом Римской оперы и Национальным театром в Мадриде. Почетный президент труппы Имперский русский балет.

Слово «вопреки» стало для Майи Плисецкой едва ли не главным в ее длинной, яркой, до жестокости трудной, но прекрасной жизни. В день прошедшего в 2000 году юбилея Президент России В. Путин вручил ей орден «За заслуги перед Отечеством» II степени. А еще балерину наградили орденом Почетного легиона, и Президент Франции Ф. Миттеран лично прикрепил награду к ее костюму. Однажды в Кремле высокопоставленный российский чиновник недоуменно протянул: «Я думал, что орден Почетного легиона дают только участникам движения Сопротивления». – «А я всю жизнь и сопротивлялась», – рассмеялась балерина.

Плисецкая родилась 20 ноября 1925 года в Москве в семье потомственных интеллигентов. Ее мать – черноволосая, тихая Рахиль Мессерер, актриса немого кино, была дочерью известного зубного врача, имевшего свой кабинет на Сретенке. Отец Майи был родом из Гомеля. На заре советской власти он «записался в коммунисты», искренне поверив в эту идею. Юный Миша Плисецкий, как многие выходцы из черты оседлости, получил высшее образование и добился солидного положения в обществе. В 1932 году он был назначен начальником угольных рудников на Шпицбергене.

Из своего детства Майе запомнилось многое: неповторимо красивое северное лето с его бледными цветами; первая в жизни роль Русалочки в опере Даргомыжского («Я с шиком сыграла свою крошечную роль»); но больше всего – «чистый, белый, хрустальный, светящийся снег». Этот снег однажды чуть было не стал причиной ее гибели. Возвращаясь домой, она решила передохнуть и села на лыжи. «Снег стал превращать меня в андерсеновскую деву. Начала засыпать, впала в сладкую дрему. Моя спасительница – умница-овчарка Як раскопала меня из снежного сугроба и поволокла за шиворот к людям. Так я родилась во второй раз…»

В 1934 году семья после длительных зимовок на Шпицбергене приехала в отпуск в Москву, и Майю, уже проявившую склонность и любовь к танцам, определили в балетную школу в класс к Е. И. Долинской.

Училась она с упоением. Ей было 11 лет, когда отца, занимавшего высокий пост, исключили из партии, уволили с работы. Рано утром 1 мая 1937 года в дом ввалились чекисты и увезли Плисецкого с собой. Рахиль, беременная третьим ребенком, кричала, цепляясь за мужа, плакал маленький Саша, а Майя плохо соображала, что происходит.

Отца расстреляли через год после ареста, а мать в это время уже была в Бутырской тюрьме. Ее взяли прямо в Большом театре, куда она пришла вместе с Майей посмотреть свою сестру Суламифь Мессерер, танцующую «Спящую красавицу». Майя так увлеклась происходящим, что не заметила, когда исчезла мама. После спектакля, поискав ее и не найдя, девочка понесла букет цветов домой к тете. Там ей попытались объяснить, что мама с недавно родившимся братиком срочно уехала к отцу… Тетка оставила Майю жить у себя, а Сашу взял в дом брат матери – Асаф.

Лишь весной 1941 года благодаря ходатайствам орденоносцев Асафа и Суламифи Мессерер мать с братишкой освободили. Она вернулась в Москву, но тут грянула война, и

семья была вынуждена эвакуироваться в Свердловск. Целый год Майе было не до балета, еще немного, и с профессией она могла бы попрощаться. Тогда Плисецкая решила вернуться в столицу и продолжать занятия. Поехала без согласия матери и без пропуска и все боялась, что в город ее не пустят. Но ей удалось прошмыгнуть мимо патруля.

Окончив хореографическое училище в 1943 году, 17-летняя Майя Плисецкая была принята на работу в Большой театр. Основная масса артистов Большого находилась в эвакуации, поэтому в труппу взяли всех выпускников.

На «главной сцене страны» в то время царили Семенова, Лепешинская, Мессерер, Головкина. Чтобы не терять форму, Майя стала танцевать сольные партии в Домах культуры, а потом в стране началась кампания «по выдвижению молодежи», и ей выпала честь представлять молодое поколение балета. Она танцевала мазурку в «Шопениане». Успех был оглушительным. За ним последовал следующий – «Раймонда». Плисецкая стала ведущей балериной среди молодых солисток. И наконец – «Лебединое озеро». Впоследствии этот балет станет главным в ее жизни. А станцевала она его более 800 раз на протяжении 30 лет, объехав весь мир.

«Жалею, что никогда не вела счет, сколько раз я станцевала “Умирающего лебедя”. Но если вы напишете “50 тыс.” – не ошибетесь, – говорила Майя журналистам. – В этом маленьком балете, который Фокин поставил для Павловой, я каждый раз танцевала иначе. Я вообще импровизатор по натуре. На меня жаловались балетмейстеры: на Плисецкую невозможно ставить, она все равно сделает по-своему. Фокинского “Лебедя” мне интересно танцевать всегда». Последний раз «Умирающего лебедя» балерина танцевала в 75 лет – это настоящий рекорд для Книги рекордов Гиннесса.

Но это будет потом, а пока же, в 1953 году, Плисецкая стала «невыездной»: ставка в Большом была сделана на Уланову. Да, зал взрывался аплодисментами, когда Майя выходила на сцену. Но у нее был репрессированный отец, бывшая ссыльная мать, родственники за границей и «пятый пункт» в паспорте. Да, всех заморских гостей вели на «Лебединое» с Плисецкой, но из страны ее никуда не выпускали, и не то что о мировой славе – даже о возможности быть признанной коллегами за рубежом и речи быть не могло.

Труппа ехала на гастроли за границу, Майя оставалась. «Почему?» – спрашивала она. «В следующий раз непременно!» – обещали ей. Театр попытался вступиться, было написано коллективное письмо в защиту балерины Плисецкой, на которой

держится весь репертуар. Его подписали Уланова, Лавровский, Файер. Поступок по тем временам был, прямо сказать, геройский, но… все напрасно. Глава КГБ генерал Серов Майю невзлюбил, за каждым ее шагом следили. Знакомые стали ее сторониться – кому хочется быть рядом с опальной балериной?

Однажды театр отправился в Лондон, Плисецкая, как всегда, осталась. Англичанам объяснили, что она заболела. Сидеть без дела было нестерпимо, и Майя решила продемонстрировать, как «болеют» советские артисты. Собрав оставшуюся труппу, она предложила показать «Лебединое» в Москве. Дирекция (а ее первые лица в это время наслаждались красотами британской столицы) согласилась. Известие облетело Москву со скоростью звука: «Пойдет “Лебединое” с невыпущенной Плисецкой». Министр культуры СССР Фурцева советовала отказаться от этой затеи, но Майя настояла на своем. Театр был забит до отказа…

Следующий спектакль строго запретили, но он все же состоялся: приехал премьер-министр Японии. Через день снова спектакль: еще один высокий гость изъявил желание посмотреть русский балет.

Здесь можно возразить – подумаешь, за границу не выпускали. Танцевать-то разрешали, на приемы приглашали, титулами жаловали… Чего еще надо? В своей книге Плисецкая написала: «Про других не знаю. А про себя скажу. Не хочу быть рабыней. Не хочу, чтобы неведомые мне люди мою судьбу решали… Не таить, что думаю, – хочу… Голову гнуть не хочу и не буду. Не для этого родилась…»

С Родионом Щедриным Майя встречалась неоднократно. Они познакомились в гостях у Лили Брик, потом обменивались случайными фразами, но в марте 1958 года после премьеры «Спартака», где Плисецкая танцевала Эгину, он позвонил ей и напросился прийти на репетицию. В то время композитор работал над «Коньком-Горбунком» для Большого театра. Эффектная Майя произвела на него впечатление, и, не откладывая дело в долгий ящик, он тем же вечером пригласил ее на прогулку по Москве…

Летом театр опять уехал без Плисецкой в Париж, а она отправилась в Карелию, где под Сортавалой в Доме отдыха композиторов ее ждал Щедрин. Они жили в лесу, в неотапливаемом коттедже. Зверски кусали комары, и умываться приходилось из деревенского рукомойника. Потом на новой машине Родиона они отправились в Сочи. Покупали еду в придорожных селах, спали в машине и много говорили о музыке, танце, будущих постановках.

Вернувшись домой, Плисецкая поняла, что беременна. Она была в самом зените славы (знать бы тогда, что зенит этот

затянется на два десятилетия – случай в балете беспрецедентный). Несмотря на горячие протесты Щедрина, Майя решила не рожать. Самый романтичный, страстный и трагичный период в их отношениях закончился тем, что 2 октября 1958 года Родион и Майя зарегистрировали свой брак.

Свадебным подарком от мамы стала выхлопотанная отдельная двухкомнатная крохотная квартира на Кутузовском проспекте. Этот год стал переломным в судьбе Плисецкой. Ее известность благодаря опале достигла своего апогея. Любовь удивительного человека укрепила веру в собственные силы. Вдобавок с политической сцены ушел Серов…

«Щедрин всегда был в тени прожекторов моего шумного успеха, но, на мою радость, ни разу не страдал от этого. Иначе не прожили бы мы безоблачно столь долгие годы вместе. Щедрин – профессионал самой высокой пробы, может сделать отменно и оперу, и что угодно. А балеты написал просто-таки мне в помощь. В вызволение от надвигающегося возраста: новый репертуар обязательно выводит на следующую ступень искусства…» На титульных листах четырех балетов Родиона стоит имя жены. Майе он посвятил «Конька-Горбунка», «Анну Каренину», «Чайку», «Даму с собачкой». Его гений, любовь и самопожертвование помогают ей до сих пор быть в форме, не терять веру в собственные силы.

Именно муж и вызволил Плисецкую из гастрольного застоя. Он записался на прием к заместителю председателя КГБ, и после этой встречи дело сдвинулось: в 33 года Майя первый раз в жизни улетела с театром на гастроли в США, а Щедрин остался заложником в Москве. Успех был ошеломляющий. Америка приняла и полюбила русский балет и Майю Плисецкую – одну из лучших балерин мира.

Ее героини необычайно щедро одарены природой. Их жизнь – духовный подвиг. Они всегда отстаивали право оставаться собой, не примиряясь с обстоятельствами, не страшась смерти. Это Майя отлично чувствует, потому и сама поступает так, как это свойственно ее героиням. В те годы, когда балерины на своих юбилеях сидят в ложах, она ставит балеты и сама танцует специально созданные для нее сольные номера.

20 ноября 2000 года на сцене Большого театра прошел большой гала-концерт в честь 75-летия Плисецкой. «Большой был, есть и будет всегда самым любимым, а его сцена – самой лучшей в мире», – всегда говорила она. В концерте приняли участие артисты из Италии, Франции, Германии, Швеции, Испании, Польши, США, Кубы. Сама легендарная танцовщица выступила трижды: кроме «Умирающего лебедя» зрители увидели

премьеру поставленного специально для нее Морисом Бежаром трехминутного мини-балета «Аве Майя» на музыку Баха-Гуно и фрагмент из балета «Айседора» на музыку Шуберта, также поставленного для нее в свое время Бежаром.

Сейчас Майя живет в Мюнхене. В 1990 году ей пришлось покинуть стены Большого, которому было отдано 50 лет жизни, но театры всего мира с радостью распахнули двери перед российской балериной.

О ней можно говорить бесконечно. Независимо от возраста и от стремительно летящего времени искусство Плисецкой всегда останется молодостью, полетом и символом XX в. И время не властно над Майей. Как некогда сказал о ней американский хореограф Роберт Джофри: «В Советском Союзе много сокровищ. Майя Плисецкая – одно из величайших». А как известно, сокровища – вне времени.

ПОЛАНСКИ РОМАН

Настоящее имя – Раймунд (Реймон) Поланский
(род. в 1933 г.)

Выдающийся режиссер театра и кино, сценарист, продюсер, актер. Работал в Польше, Франции, Англии, США. Награжден многочисленными призами МКФ в Берлине, Венеции, и несколькими «Оскарами». Автор биографической книги «Роман» (1984 г.).

В наше время мало кто из режиссеров снимает фильмы, основываясь на своем собственном представлении о мире. Термин «личный» в мире кино постепенно становится неубедительным, а временами и ироничным. Но Полански придерживается той точки зрения, что художественные фильмы должны быть сняты согласно личному видению мира. Он снимает картины, которые только для видимости считаются коммерческими, а в большинстве случаев отражают его взгляды и слегка оттенены пылом, нервозностью и одержимостью создателя. И в этом его внутреннем мире есть что-то прекрасное и трогательное, одновременно откровенное и

коварное, открытое и тайное. Особенно это проявилось в «Пианисте», в котором Полански в первый раз в жизни вернулся к Холокосту. Неудивительно, что он не стал снимать фильм о своем детстве. Но история пианиста Шпильмана позволила ему показать и свои переживания. Сам режиссер писал в своей автобиографической книге «Роман»: «Сколько помню себя, для меня никогда не существовало четких границ между действительностью и фантазией. Мне потребовалось прожить значительную часть жизни, чтобы понять: здесь-то и кроется ключ к моей судьбе. Именно потому на мою долю выпало больше, чем другим, переживаний и размолвок, несчастий и разочарований. Но потому же передо мной открылись двери, которые иначе навсегда оставались бы замкнутыми».

На момент рождения Ромека семья Поланских жила в Париже. Малыша, появившегося на свет 18 августа 1933 года, родители зарегистрировали под именем Реймон, ошибочно приняв его за эквивалент польского Роман. Мальчонка рос обидчивым и пытался все делать по-своему, несмотря на то что отец был очень строг и придирчив даже по мелочам. Семью нельзя было назвать богатой, но она жила в достатке. Когда Ромеку было три года, родители вернулись в Польшу и поселились в Кракове. В детском саду он не прижился и поэтому большую часть времени проводил со старшей сестрой Аннетт, дочерью его матери от первого брака. Девочка была ярой поклонницей кино и часто брала неугомонного мальчишку с собой в кинотеатр. Буквально накануне вторжения фашистов в Польшу семейство решило переехать в Варшаву и попало в самый эпицентр войны. Пережив весь ужас захвата столицы, Поланские вновь вернулись в Краков, и их «приютом» стало еврейское гетто, а «опознавательными знаками» – повязка со звездой Давида. Ромек не раз перебирался через жуткую стену, отгородившую евреев от остального мира, бродил по улицам. Его спасало то, что он не был похож на еврея: белокурый, курносый, хрупкий малец. Но родители понимали, что изоляцией фашисты не ограничатся, и отец, пожертвовав всеми драгоценностями и сбережениями, в марте 1943 года пристроил сына в чужую семью. Всех остальных Поланских ждали концлагеря.

Ромек жил то в одной, то в другой польской семье, ему даже выдавали карманные деньги, и он тратил их на кино – «смотрел все подряд, от оперетты до любовных драм». Затем мальчика переправили в крохотную деревеньку Высока. Семья сапожника Бухалы была очень бедна, а «деньги, оставленные отцом, словно бы испарились». Ромек открыл для себя новый мир – природу, и это помогло ему привыкнуть к сельской жизни. Так как он жил

нелегально и посещать школу не мог, то помогал по хозяйству: пас телку, кормил кур и кроликов и даже пытался молотить. Читать он научился еще до войны, разбирая при помощи отца буквы на его «Ундервуде», а в доме нашел «Песнь о Роланде» – «и получилось, что первой книгой, которую я прочел, была французская эпическая поэма XII века, переведенная на мудреный старопольский язык».

С освобождением Польши Ромек перебрался в Краков. Вскоре вернулись дяди, Давид и Стефан, потом отец. Сестра Аннетт выжила в Освенциме, но в Польшу не вернулась, а уехала во Францию, а в смерть матери в газовой камере в лагере Аушвиц Роман долго не мог поверить…

Но жизнь продолжалась: отец женился, отношения мальчишки с мачехой не складывались, и ему сняли отдельную комнату. Роман привык жить самостоятельно, но вот только пришлось нанять репетиторов, чтобы наверстать упущенное и поступить сразу в пятый класс. Щуплый 13-летний подросток, не выглядевший на свой возраст, мечтал быть всегда в центре внимания. Он охотно участвовал во всех концертах, школьных постановках, проводил репетиции с одноклассниками. Затем Роман стал постоянным участником радиопередачи «Веселая компания» и даже получал «профессиональное жалованье». В Краковском театре юного зрителя он исполнял главную роль в пьесе по повести В. Катаева «Сын полка» и принимал участие в Варшавском фестивале советских пьес. Но и этого ему было мало: он играл в кукольном театре «Гротеск», серьезно занимался велосипедным и лыжным спортом. Эти увлечения плачевным образом сказывались на учебе, и надежд продолжить обучение в лицее не было. И в горноинженерном колледже Поланский не задержался – это был не его профиль.

А вот в Краковской школе изящных искусств Роман попал в свою стихию, сразу изменил отношение к учебе и даже перескочил через курс. В те годы ко всем увлечениям он добавил еще и фотографию и к тому же снялся впервые в кино. В фильме «Три истории» Поланский сыграл крестьянского мальчика. Он решил поступать в Краковскую драматическую школу, но из-за маленького роста не был принят, и ему грозила военная служба. Быть солдатом Роман не желал и даже решил сбежать на Запад. Фактически спас его Анджей Вайда, пригласив на съемки своей картины «Поколение» (1950 г.). Затем последовала роль в «Заколдованном велосипеде», и после этого с полным правом Поланский поступил в Лодзинскую киношколу на режиссерский факультет. Роман был счастлив: учеба его интересовала, и он по-прежнему мог сниматься в студенческих фильмах и даже

ассистировать режиссерам, да и сам ставил и снимал ученические короткометражки. К тому времени у него сложился свой взгляд на то, как надо снимать кино: «Звук должен играть роль пунктуации, диалог надо свести к минимуму или вообще исключить. Проблемы реалистичности для меня не существовало. И хотя я был помешан на сюрреализме, мне хотелось, чтобы мой фильм – поэтичный, полный аллегорий – в то же время был понятным». Как результат, экспериментальные студенческие ленты Поланского «Толстый и тонкий» (1961 г., приз на МКФ в Оберхаузене-62) и «Млекопитающие» (1962 г., Гран-при на МКФ в Туре, Гран-при на МКФ в Оберхаузене-63), продемонстрировали его немеренное чувство черного юмора и небанальный взгляд на природу людских отношений, а фильм-абсурд «Двое мужчин и шкаф» (1957 г.) получил пять международных премий, включая бронзовую медаль Всемирной ярмарки в Брюсселе.

Теперь имя Поланского стало известным в широких кинематографических кругах. Его приглашали в качестве ассистента такие известные режиссеры, как Клод Гиймо и Анджей Мунк. Помимо этого, Роман играл незначительные роли, писал для киножурнала, работал на студии дубляжа. В то время он познакомился с актрисой Барбарой Квятковской, и в сентябре 1959 года «начал новую карьеру – мужа Барбары». Она делала значительные успехи в кино, и Роман всегда был рядом, исполняя обязанности переводчика, менеджера, репетитора. Воспользовавшись съемками во Франции, Поланский с женой подали прошение на получение консульских паспортов, которые давали право жить и работать за границей и в то же время свободно посещать Польшу. Сам Роман приступил к осуществлению своей давней мечты – съемкам полнометражного фильма «Нож в воде» (1962 г.). К моменту окончания работы ему пришлось смириться с тем, что развод неизбежен, и убедиться, что свое будущее надо строить в Париже. После показа фильма «Нож в воде» о дебютанте заговорили как о мастере со своим взглядом на мир и своеобразным творческим почерком везде, но только не в Польше. В. Гомулка, просмотрев по телевизору эту картину, в ярости запустил в экран пепельницей: что это за аморальные фильмы посмел снимать какой-то наглый мальчишка! А лента тем не менее стала одной из самых «стильных» польских картин 1960-х годов и произвела сенсацию на Западе. В Венеции драма-притча «Нож в воде» с тремя актерами получила приз ФИПРЕССИ и претендовала на главную награду. А в 1963 году лента была номинирована на «Оскар» как лучший иностранный фильм, но приз достался картине Федерико Феллини «Восемь с половиной». Проиграть такому сопернику не

было позором и к тому же дало возможность побывать за океаном.

Вскоре Поланский переехал в Англию, и его фамилия стала звучать чуть короче – Полански. Здесь он снял два шедевра – «Отвращение» с Катрин Денёв (1964 г.) и «Тупик» с ее сестрой, Франсуазой Дорлеак (1966 г.), завоевавшие соответственно Серебряного и Золотого медведей МКФ в Берлине. Как и предыдущая картина, эти фильмы тоже были криминально-психологическими драмами с налетом сюрреализма. На возмущение некоторых критиков, что в картинах мир выглядит искаженным, уродливым, Полански отвечал: «Я пытаюсь показать на экране то, что вижу вокруг себя. Вот и все». В следующем фильме – черной комедии «Бал вампиров» (1967 г., полное название «Бесстрашные истребители вампиров, или Простите, но ваши зубы на моей шее») как и в «Отвращении», Роман был не только сценаристом и режиссером, но также играл одну из главных ролей в дуэте с актрисой Шэрон Тэйт. Она была очень хороша собой и буквально соткана из противоречий: детская безмятежность сочеталась в ней с женской домовитостью и хозяйственностью, совершенная раскрепощенность с неуверенностью в себе. Полански считал, что она ему подходит идеально, но долгое время не решался связать себя узами брака – в памяти была свежа измена Барбары. Вместе с Шэрон Роман отправился в США. У него был договор со студией «Парамаунт» на сценарий и съемку фильма по роману Айры Левина «Ребенок Розмари» (1968 г.), ставший заметной вехой в истории кинематографа. В отличие от предшествующих фильмов ужасов, эта история женщины, забеременевшей от дьявола, держит зрителя в ожидании и страхе на протяжении всего действия. Американский дебют оказался триумфальным – психолого-интеллектуальный триллер до сих пор считается одним из лучших мистических триллеров в истории кино. Роман получил премию «Давид Донателло-69», «Оскар» за лучшую режиссерскую работу и лучший сценарий, а Рут Гордон – награду за лучшее исполнение роли второго плана.

После молниеносного успеха «Ребенка Розмари» Полански превратился в «золотого мальчика» Голливуда: предложения сыпались со всех сторон, но все они были связаны с сумасшествием или оккультизмом. Роман всячески открещивался от таких фильмов. Он уже понял, что не вписывается в голливудские стандарты и ему ближе европейские нормы и традиции, но карьера Шэрон складывалась на редкость успешно. Между ними было полное взаимопонимание, и 20 января 1968 года они поженились. Молодая чета ждала ребенка.

Полански по работе на какое-то время выехал в Англию, где писал сценарий для фильма «День дельфина». Он не каждый день звонил жене: ребенок должен был появиться на свет через две-три недели. Но 9 августа 1969 года Шэрон Тэйт и еще четверо друзей семьи были зверски убиты на голливудской вилле сектой сатанистов Чарлза Мэнсона. Средства массовой информации постарались вовсю, раздувая горе режиссера в скандал. Роман и Шэрон были представлены наркоманами, собирающими оргии и поклоняющимися черной магии. Полански писал: «Голливуд не только самая стервозная, но и самая беззащитная община в мире, и теперь здесь пытались возложить вину за произошедшее на самих жертв, уменьшив тем самым угрозу для себя». И хотя убийц нашли, а прокурор Лос-Анджелеса В. Буглиоси правдиво рассказал о случившемся в своей книге «Кавардак», обыватели верили сплетням, и Роман находился среди лжи и злобы. Он долго жил с чувством вины: на протяжении двух лет не в силах был работать, мог разрыдаться в любой момент и признавался, что после смерти Шэрон стал «пессимистом, вечно неудовлетворенным жизнью, неся глубокое иудейское чувство вины и убеждение, что за всякое счастье нужно платить».

Только в 1971 году Полански приступил к съемкам «Макбета», полным графической жестокости, в надежде, что классика будет «вне подозрений». Но теперь режиссера уже не называли иначе как «печально знаменитый Полански» и в любой работе искали подоплеку. С успехом прошла его черная комедия «Что» (1973 г.) с Марчелло Мастроянни в главной роли. А через год режиссер демонстрирует зрителям свой самый выдающийся проект – «Китайский квартал» с Джеком Николсоном, принесший еще несколько «Оскаров». Затем появляется «Жилец» (1976 г.) с самим Полански в главной роли. Все эти фильмы были сняты в Европе. Здесь он также вернулся к работе в театре: поставил в Италии оперу «Лулу» Альбана Берга для фестиваля в Сполето и «Риголетто» в Мюнхене. А французский журнал «Вог» пригласил Романа редактировать рождественский номер 1976 года. До него такой чести удостаивались только Хичкок, Феллини, Марлен Дитрих и Сальвадор Дали. Моделью номера он выбрал Настасью Кински, которая стала его возлюбленной.

Только через пять лет, успокоившись, режиссер вернулся в Штаты, но лучше бы он этого не делал, потому что вскоре был обвинен в изнасиловании 13-летней девочки. По версии Полански, он по устному заказу редактора «Вог» делал «серию фотографий девушек – сексуальных, дерзких, очень человечных». Юная особа призналась, что занимается сексом чуть ли не с восьми лет и была не против съемок в обнаженном виде (причем

с согласия матери) и занятий любовью со знаменитым режиссером, а затем предъявила ему обвинения. Роман был арестован и обвинен по шести пунктам: спаивание несовершеннолетней, распутные действия, незаконные половые сношения, извращения, педофилия, изнасилование под воздействием наркотиков. Скандал был громким. И хотя пять обвинений были сняты, он отсидел 48 дней за развращение несовершеннолетней и согласился на добровольную депортацию. Дело грозило перерасти в еще один процесс. За это время он лишился работы над фильмом «Ураган» и остался почти без средств. Загнанный в угол, при содействии ближайших друзей он покинул США с нарушением правил освобождения под залог. Отныне въезд в США Полански был заказан. Только сейчас, когда соблазненная девочка, а ныне уже 30-летняя жительница острова Гаити и счастливая мать троих детей, решила раскрыть свое инкогнито и заявить, что не имеет ничего против того, чтобы Роман вернулся в Америку, а человек, судивший его, умер, власти стали рассматривать возможность допустить знаменитого режиссера в лоно Голливуда.

Потому Полански живет и творит во Франции, Англии, в любых других странах, кроме США. В фильме-экранизации английской классики «Тэсс» (1980 г., с Настасьей Кински в главной роли) он вновь удивил поклонников своего таланта. Подобную ленту, казалось бы, мог поставить только уроженец Британии, а никак не поляк. Полански справился с этой задачей блестяще, фильм был выдвинут на «Оскар» в 11 номинациях и получил шесть, а Настасья Кински, тогдашняя возлюбленная Романа, сразу после этого стала кинозвездой. Затем выходят приключенческий фильм «Пираты» (1986 г.) и триллер «Неукротимый» с Харрисоном Фордом (1988 г.), драма «Назад в СССР» (1991 г.) и детектив «Чистая формальность» (1993 г.), эротическая драма «Горькая луна» с Хью Грантом (1993 г.) и триллер «Смерть и дева» с Сигурни Уивер (1994 г.). В 1999 году, после пятилетнего перерыва 66-летний мастер выпустил сразу две картины: «Девятые врата» и вторую собственную экранизацию «Макбета», получившую в Штатах самое строгое возрастное ограничение «Х» из-за особо откровенных сцен насилия и секса. «Девятые врата» – в жанровом отношении оккультный триллер, начиненный сатанинскими ритуалами и оргиями, экзотической натурой, ужасными, леденящими кровь смертями. «Мой фильм – это реклама ада», – сардонически шутил режиссер, но с присущим ему тонким чувством юмора нарушил атмосферу тайны мистического триллера, пародийно используя в картине всевозможные видеоштампы, например страшное число 666.

4 декабря 1999 года в Берлине Роману Полански была вручена премия за европейский вклад в мировое кино, так называемый Европейский «Оскар». А 14 декабря в Париже он стал одним из «бессмертных» Академии изящных искусств.

Заветной мечтой Полански было снять фильм с большой буквы, чтобы расставить все точки над «i» и доказать, что он в первую очередь прекрасный режиссер и умный человек, а уж потом скандалист. Таким фильмом стал «Пианист» (2002 г.) с бюджетом в 25 млн фунтов стерлингов. В его основе лежит автобиографический роман «Смерть города» польского композитора и музыканта Владислава Шпильмана, который во время войны избежал смерти в еврейском гетто. Главную роль блестяще сыграл молодой актер Эдриен Броуди. «Пианист» получил «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах, удостоился семи «Сезаров», двух «Золотых глобусов» и специальной премии американской гильдии режиссеров как лучшая кинолента года. Британская киноакадемия также назвала его лучшей картиной года. Полански был удостоен «Оскара» в номинации «лучший режиссер». На торжественной церемонии он не присутствовал, но, поблагодарив членов Американской киноакадемии, сказал: «Я растроган получением “Оскара” за фильм, который рассказывает о событиях, тесно связанных с моим личным опытом; событиях, которые помогли мне понять, что искусство может превозмочь боль».

Остается порадоваться и тому, что личная жизнь самого «неудобного» режиссера тоже наладилась, и красавица Эммануэль Сенье – звезда «Неистового», «Горькой луны» и «Девятых врат» – подарила ему уже двух дочерей. Как пишет «Нью-Йорк тайме», супруги Полански с 1995 года живут в Париже, и Роман явно наслаждается отцовством. Особенно он гордится своей младшей дочуркой, которая обожает мюзикл «Танец с вампирами». Его поставили в Вене по фильму Полански «Бесстрашные убийцы вампиров». Видимо, дочь и впрямь в отца. Она смотрела мюзикл десять раз, играет на пианино его мотивы, поет его шлягеры и вообще актерствует. А сам режиссер мечтает снять смешной фильм: «Но это самое сложное, что можно сделать в кино. Мне пока не удается найти литературный материал, который бы и мне подошел, и при этом был бы достаточно забавен, потому что новую картину хотелось бы снять для детей». Возможно, что, освоив элементы практически всех жанров популярного кинематографа, Полански создаст что-то доброе и светлое.

ПОЛЛАК СИДНЕЙ

(род. в 1934 г.)

Американский кинорежиссер, продюсер и актер.

Будущий знаменитый кинорежиссер Сидней Поллак родился 1 июля 1934 года в еврейской семье, эмигрировавшей из России и обосновавшейся в Лафайетте (штат Индиана). Затем семейство переехало в Саут Бенд, где мальчик закончил школу. Вопрос, какую профессию выбрать для взрослой жизни, он решил очень просто: в 17 лет уехал в Нью-Йорк и поступил на курсы актерского мастерства при театре «Нейборхуд плейхаус». Творческая биография Сидни началась с актерской карьеры. Он играл на сцене различных театров, получал роли на телевидении и в кино. После службы в армии (1957–1958) преподавал драматическое искусство, играл в бродвейских спектаклях и на телевидении. Как и все, что впоследствии сделал Поллак в режиссуре, это было сыграно добротно, но звездой он не стал. В 1962 году актер вместе с Робертом Редфордом дебютировал на большом экране в фильме «Военная охота». А благодаря роди в

одной из телевизионных пьес и знакомству с Джоном Франкенхаймером и Бертом Ланкастером, он был назначен репетитором по диалогам в фильме «Юные дикари». Эта работа не прошла даром, потому что именно тогда он серьезно задумался о режиссуре и стал активно пробовать себя в жанре телесериала. С конца 1950-х годов Поллак много работал на телевидении, где всего за пять лет поставил более 80 шоу.

Поднабравшись опыта, Сидни в 1965 году дебютировал уже полновесным художественным фильмом – психологической драмой «Тонкая нить». Работа оказалась вполне профессиональной, но прошла как-то тихо и незаметно. В течение четырех лет после этого он продолжал делать столь же «крепко сшитые» картины: снял Редфорда в экранизации пьесы Теннесси Уильямса «На слом» (1966), Ланкастера – в комедийном вестерне «Охотники за скальпами» (1968) и военной драме «Оборона замка» (1969).

Как лейденская банка, Поллак копил заряд и в 1969 году «выстрелил» социальной драмой «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» (по роману Г. Мак-Коя). Публика с напряжением следила за событиями, происходившими на танцевальном марафоне времен Великой Депрессии. Казалось бы, абсолютно неинтересный сюжет: люди, готовые на все ради куска хлеба, танцуют на потеху зрителям дни и ночи напролет. Но получился мощный, нестандартный фильм, в котором Поллак уверенно, без излишней сентиментальности продемонстрировал безусловный профессионализм как режиссер и главное (что будет самой яркой чертой его творчества) – мастерскую работу с актерами. Он умел тонко почувствовать малейшие особенности игры каждого исполнителя и помогал как можно полнее и точнее раскрыть характер героев. Режиссер был точен в деталях и умело подчеркнул все нарастающую безнадежность происходящего. Собственно, своим успехом фильм и обязан тому, что умело направляемые режиссером актеры Джейн Фонда, Крис Сарандон и Гиг Янг (премия «Оскар» за роль второго плана) создали убедительных персонажей. А сама картина выдвигалась на «Оскар» в номинациях «лучший фильм года» и «лучшая режиссура». И хотя статуэтка Поллаку не досталась, но за ним закрепилась репутация мастера, добивающегося тонкой и слаженной игры большого актерского ансамбля. «Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?» получил премию «Золотой глобус-1970» в номинации лучший режиссер.

В его следующей картине – вестерне «Иеремия Джонсон» (1972) – не было большого ансамбля: в центре находился один монументальный образ охотника, бегущего от цивилизации в

снежные горы Монтаны. Снятый на небольшой бюджет и в невероятно тяжелых условиях, фильм до сих пор считается одним из лучших у Поллака… Критика писала, что это – «великолепный широкомасштабный фильм, воспевающий дикую первозданную природу северного штата Юта и железную волю человека, пожелавшего отбросить все блага цивилизации и остаться наедине с суровой природой. Режиссер Сидни Поллак первый в мировом кинематографе создал образ героя-одиночки, борющегося с суровой природой северных гор…» Эта картина, как и предыдущая, пользовалась большой популярностью у зрителей. В фильме снялся любимый актер режиссера и его близкий друг Роберт Редфорд, в лице которого Поллак нашел идеального героя для своих фильмов. Вместе они сделали семь кинолент. В следующем году одним из лидеров кинопроката становится романтическая ретро-мелодрама «Какими мы были». Немалую роль в успехе сыграло обаяние звездной пары Роберт Редфорд – Барбара Стрейзанд. На этот раз Поллак снял трогательную историю любви и значительно улучшил свою репутацию режиссера, «умеющего добиться невозможного от своих актеров».

Сидни Поллак ценит популярных актеров, превращая каждую сцену в арену для демонстрации возможностей Берта Ланкастера в ранних своих лентах, Тома Круза и Гаррисона Форда в работах 1990-х годов. А для режиссуры Поллака характерно сочетание напряженного действия и четкой проработки характеров персонажей.

В 1975 году Поллак неожиданно пробует себя в жанре триллера и снимает сразу два удачных проекта – «Якудза» (1974), «Три дня кондора» (1975). Эти динамичные триллеры зарекомендовали его как мастера острого сюжета. И хотя «Якудза» был сделан как оригинальный гибрид детектива и модного в то время жанра восточных единоборств, гораздо больший резонанс вызвал второй фильм. «Три дня кондора» чрезвычайно точно совпал с настроением тогдашних американцев: Уотергейтский скандал породил в народе чувство паранойи, того, что за каждым человеком ведется незримая слежка, что гражданин – лишь пешка в руках власти.

Конечно, у Поллака были и не очень удачные, и даже, можно сказать, провальные фильмы. Среди них «Бобби Дирфилд», снятый по роману Эриха Марии Ремарка «Жизнь взаймы». Лента провалилась в прокате и подверглась жестокому разгрому критики. Но уже следующая картина «Электрический наездник» (в главных ролях Роберт Редфорд и Джейн Фонда) стала хитом кинопроката 1979 года. Огромным успехом пользовалась и судебная драма «Без злого умысла» (1981) с Полом Ньюманом в

главной роли.

Но настоящий, грандиозный триумф ждет Сидни в следующем году. Сценарий о безработном актере, который, чтобы получить роль, переоделся женщиной, принес Поллаку суперзвезда Голливуда Дастин Хоффман. Он долго искал режиссера, который смог бы помочь ему сыграть эту роль на все сто процентов, и, отдав сценарий в руки Поллаку, не прогадал. Обычно сам очень дотошный в подходе к роли, Хоффман попал еще и под контроль прекрасно знающего, как работать с актерами, режиссера. Назвать просто удачей или суперхитом «Тутси» (1982) – это не сказать ничего. По популярности среди американских комедий всех времен она уступает разве что киноленте «В джазе только девушки». В фильме нет практически ни одной фальшивой ноты, он безумно смешной и раскованный, но в то же время умный, тонкий и деликатный. Работа Хоффмана в этом фильме – одна из лучших в его яркой карьере. За «Тутси» Поллак во второй раз выдвигается на «Оскар» в номинации за режиссуру и лучший фильм, но удача вновь ему изменяет. Может быть, поэтому режиссер впоследствии говорил, что если бы мог вернуть полтора года, потраченные на этот фильм, то с радостью отдал бы свою долю прибыли – 14 миллионов долларов!

Обладателем золотой статуэтки он стал только через три года. Романтическая драма о судьбе писательницы начала XX века Карен Бликсен, основанная на ее мемуарах, «Из Африки», получила семь «Оскаров»: за звук, работу художника, оператора, композитора, адаптированный сценарий, а также за лучший фильм и лучшую режиссуру. Удивительно, но самый осыпанный наградами фильм в карьере режиссера – далеко не самый лучший. Картина затянута, лишена по-настоящему драматического конфликта. Особенно запоминаются только удивительные африканские пейзажи и, конечно же, игра прекрасных актеров – Мерил Стрип, Роберта Редфорда и Клаус-Марии-Брандауэра. Тем не менее это был настоящий триумф Поллака. Конечно, «Оскар» отнюдь не единственная премия режиссера. Среди его наград: премия Нью-йоркской ассоциации кинокритиков, две премии Золотой Глобус, премия Национальной ассоциации кинокритиков, призы Московского, Брюссельского, Белградского, Берлинского кинофестивалей. Есть у режиссера и премия «Эмми-1964» в номинации лучший режиссер драматического сериала «Боб Хоуп представляет театр Крайслера».

Но награды наградами, а главное для любого режиссера и продюсера – успех у зрителя. И здесь Поллак одерживал полные победы: его фильмы становились абсолютными хитами, а сняться

в них мечтал каждый уважающий себя актер. Однако нельзя назвать абсолютно успешным прокат последующих картин мастера режиссуры: триллеров «Гавана» (1990) с грандиозным бюджетом в 55 млн долларов и «Фирма» (1993) по бестселлеру Джона Гришема, а также лирической комедии «Сабрина» (1995). Фильмы имели огромный доход, но, по мнению большинства критиков, художественные достоинства картин оказались ниже ожидаемых, хотя актерский ансамбль, как и положено у Поллака, просто восхищает.

И, конечно, режиссер это чувствовал. В эти годы он все чаще отказывался от режиссуры и ограничивался только ролью продюсера («Замечательные ребята Бейкеры», 1989; «Презумпция невиновности», 1990; «Вторая смерть», 1991; «Талантливый мистер Рипли», 1999; «Холодная гора», 2003). А картина «Разум и чувства» (1995), осуществленная тайваньским постановщиком Энгом Ли по роману Джейн Остин, была номинирована на «Оскар» как лучший фильм года. Поллак вернулся и к профессии актера, снявшись на вторых ролях в нескольких фильмах у знаменитых режиссеров: «Мужья и жены» Вуди Аллена, «Игрок» Роберта Олтмана, «Смерть ей к лицу» Роберта Земекиса (все в 1992), «С широко закрытыми глазами» Стенли Кубрика (1999), «Маджестик» Фрэнка Дарабонта и др.

В общем-то, со своими состоянием и славой Поллак мог спокойно почивать на лаврах и не волноваться, как зрители и критика воспримут ту или иную его новую картину. Но Сидни не сидится спокойно. Не так давно он публично пожаловался, что за последние 20 лет кино сильно ухудшилось, и обрушился на кинематографическое падение нравов в ходе собрания, посвященного 25-летию независимого кинофестиваля Aspen Filmfest Saturday. По его мнению, всему виной резко выросшие требования к кассовости и рассеяние внимание зрителя: «теперь у создателей фильмов будут большие проблемы, если в кадре быстро не начать скидывать одежду или выхватывать пистолет. Зрители хотят сильных впечатлений быстро, не тратя зря времени», – так передавала его слова одна из газет.

В марте 2005 года Поллак приступил к съемкам очередного фильма «Переводчица», главные роли в котором исполняют Шон Пенн и Николь Кидман. Самое интересное, что Сидни стал первым из режиссеров, получившим разрешение на съемки в штаб-квартире ООН. В 1959 году в подобной просьбе было отказано самому Альфреду Хичкоку. После прочтения сценария глава департамента ООН по связям с общественностью сумел убедить Кофи Аннана и других чиновников пойти Поллаку навстречу, отметив, что режиссер «покажет ООН миллионам

людей, чего своими силами организация сделать не сможет». А сам Сидни заметил: «Фильм не имеет никакого отношения к политическим проблемам, возникшим в связи с войной в Ираке». Выход «Переводчицы» в прокат должен состояться в конце года, и тогда зрители смогут убедиться, что Поллаку еще есть что сказать в режиссуре.

ПРИГОЖИН ИЛЬЯ РОМАНОВИЧ

(род. в 1917 г. – ум. в 2003 г.)

Бельгийский физик и физик-химик, один из основоположников термодинамики неравновесных процессов, лауреат Нобелевской премии по химии за работы в области необратимых процессов термодинамики (1977 г.).

Один из мифов изображает науку как безликое множество наблюдений, экспериментально установленных фактов и более-менее удачных попыток их осмысления, а ученых как суровых жрецов объективной истины, отвергающих все человеческое. Но это мнение глубоко ошибочное. Илья Романович Пригожин убедительно опровергает подобные заблуждения. В своих работах он раскрыл роли разума и страсти в науке. Обладая обширными знаниями в литературе, живописи, архитектуре и музыке, выдающийся ученый умел ценить и тонко понимать прекрасное. Несмотря на юношескую мечту стать пианистом, он все же остановил свой выбор на физической химии. Наука привлекала

Пригожина красотой идей, не уступающей, а, по его мнению, иногда и превосходящей красоту образов искусства. Он пришел в науку в то время, когда, казалось, уже были выявлены все основные законы нашего мироздания. Но лишь недавно астрофизики обнаружили, что галактики разбегаются, а Вселенная расширяется. Это означает, что происходит постоянное движение. Загадка развития динамики жизни – вот что стало новой научной задачей, огромный вклад в решение которой внес знаменитый ученый.

Илья Романович родился 25 января 1917 года в Москве, в доме, расположенном у Крестовой заставы, в зажиточной еврейской семье. Его отец Рувим (Роман) Пригожин был выпускником химического факультета Высшего императорского технического училища (теперь им. Баумана). Мать мальчика, Юлия Фихман-Пригожина, занималась преподаванием музыки и прекрасно играла на фортепиано. И поэтому, как впоследствии она вспоминала, «мальчишка научился читать ноты раньше, чем слова». Едва Илье исполнилось четыре года, вся семья (отец, мать, он и старший брат) была вынуждена иммигрировать. «У родителей сложились сложные отношения с новым режимом», – писал в автобиографии Илья Романович. Сначала Пригожины обосновались в столице Литвы Каунасе, затем переехали в Берлин и, наконец, в 1929 году поселились в Брюсселе. Так Бельгия стала для маленького эмигранта второй родиной.

Илья рос любознательным и общительным. С детства он интересовался археологией, историей и философией, но главным занятием для него оставалась музыка. Мальчишка всерьез мечтал стать концертирующим пианистом. Начальное и среднее образование Илья получил в школах Берлина и Брюсселя. Он заинтересовался физикой и химией, и в итоге пошел по стопам отца, поступив в Свободный (некатолический) университет в Брюсселе на физико-химический факультет. Изучая естественные науки, он обратил внимание на то, что в них основное внимание сосредоточено на изучении установившихся процессов, стационарных состояний, тогда как время низводилось до уровня второстепенного параметра. Пригожин говорил, что был поражен открывшимся фактом: «В этих науках (физике и химии) исчез фактор времени».

Из всех предметов физико-химического цикла Илью особенно привлекала термодинамика. В 1942 году он окончил университет, а в следующем году стал бакалавром естественных наук. Молодой ученый написал диссертацию о значении времени в термодинамических системах, за которую спустя два года был удостоен степени доктора наук.

В 1947 году Пригожин был назначен на должность профессора физической химии в Свободном университете. Интерес молодого амбициозного ученого к проблемам времени не нашел понимания и поддержки со стороны ученых старшего поколения. Пригожин вспоминал, что один из них, узнав, что он организовал семинар по термодинамике неравновесных процессов, недоуменно поинтересовался: «Зачем вообще заниматься изучением неравновесных процессов? Гораздо удобнее подождать, пока система не завершит эволюцию и на смену неравновесным процессам не придут хорошо изученные равновесные процессы». Но все же Пригожин со своими взглядами и научными поисками органично вошел в работу Брюссельской школы термодинамики, основанной Теофилом де Донде. Вопреки господствовавшим тогда в науке представлениям он был абсолютно убежден, что термодинамика не должна ограничиваться равновесными ситуациями и необходимо сосредоточить усилия на изучении неравновесных процессов. Еще в 1947 году Пригожин ввел понятия производства и потока энтропии, предложив локальную формулировку второго начала термодинамики, принципа энтропии и принципа локального равновесия. Второе начало термодинамики описывает тенденцию систем переходить из состояния большего к состоянию меньшего порядка, тогда как энтропия – это мера беспорядочности или, другими словами, разупорядочности системы. Ученый сформулировал и доказал теорему, названную впоследствии его именем: в стационарном состоянии при фиксированных параметрах внешней среды скорость производства энтропии в термодинамической системе минимальна. Он доказал, что для необратимых процессов производство энтропии в открытой динамической системе стремится к минимуму (критерий Пригожина).

В 1959–1960 годах талантливый ученый вывел соотношение взаимности Ларса Онсагера из основных уравнений кинематической теории, что способствовало развитию интереса к неравновесным процессам в термодинамике. Илью Романовича больше всего интересовали неравновесные специфические открытые системы, в которых материя и (или) энергия обмениваются с внешней средой в реакциях. При этом количество материи и энергии со временем увеличивается или уменьшается. Чтобы обеспечить особенности реакции систем, Пригожин сформулировал теорию диссипативных структур. Он считал, что неравновесность может служить источником организации и порядка. Исходя из этого, ученый представил диссипативные структуры в терминах математической модели с зависимыми от

времени нелинейными функциями, описывающими способность систем обмениваться материей и энергией с внешней средой. Нестабильность Бенарда – так называется ставший в наши дни классическим пример диссипативной структуры в физической химии. Такая структура возникает при подогревании снизу слоев легкоподвижной жидкой среды. При достаточно высоких температурных показателях большое число молекул в жидкости образует особые кометрические формы, напоминающие живые клетки.

С появлением этой теории многие ученые пришли к выводу, что человеческое общество представляет собой пример равновесных и неравновесных структур. Дальнейшее развитие эти идеи получили в 1952 году, когда английский математик Алан М. Тьюринг выдвинул предположение о том, что нестабильности, определенные Пригожиным и его коллегами, характерны для самоорганизующихся систем.

На протяжении 20 лет, начиная с 1960-х годов Илья Романович работал над развитием и совершенствованием созданной им теории, описал образование и развитие эмбрионов. Критические точки раздвоения в его математической модели относятся с точкой, в которой биологическая система хаоса превращается в последовательную и стабильную. Пригожин высказал предположение о том, что его теория и математические модели систем, зависящие от времени, могут быть применены к эволюционным и социальным схемам, характеристикам различных видов транспорта, а в политике – по отношению к использованию природных ресурсов, демографическим факторам, таким, как рост населения, а также к метеорологии и астрономии. Ученому миру стало понятно, что фундаментальная проблема, разработкой которой занимался Пригожин, не ограничена физико-химическими процессами, так как он соотнес проблемы современной термодинамики с такими категориями, как необратимость и время. Феномену необратимости ученый стремился найти объяснение в рамках научной реальности, используя различную методологию. В одной из научных работ он писал: «…Мы отнюдь не считаем, что будто для созидательной деятельности природы нам нужна “другая наука”. Однако мы убеждены, что наука находится в самом начале своего пути и что физика в настоящее время преодолевает ограничения, обусловленные ее происхождением».

В 1961 году Илья Романович женился на Марине Прокопович, родившей ему двоих сыновей. Взаимоотношения между супругами были очень гармоничными. В их доме часто бывали гости. Коллег и знакомых хозяин очаровывал своей неизменной

обходительностью и удивлял широтой интересов. Он мог часами вести увлекательные беседы на темы литературы и археологии, развлекал гостей прекрасной игрой на фортепиано, а в редкие минуты отдыха и сам любил послушать музыку.

В 1962 году Пригожин был назначен директором Солвеевского международного института физики и химии в Брюсселе. На этой должности он проявил себя как прекрасный руководитель и талантливый организатор. Возглавляемый им коллектив отличала особая творческая атмосфера сотрудничества. Ученые из разных стран, не принадлежащие к единой научной школе, стали не только коллегами, но и друзьями-единомышленниками. В этом проявились черты характера Пригожина-руководителя – целеустремленность и умение зажечь коллектив общей целью, повести за собой.

В 1967 году он стал директором Центра статистической механики и термодинамики им. Ильи Пригожина, который основал при Техасском университете. С этого времени он работал в двух научных центрах одновременно и за ним закрепилось имя «Современный Ньютон».

Пригожин получил всемирное признание своей деятельности и был награжден золотой медалью Сванте Аррениуса Шведской королевской академии наук (1969 г.), а также был удостоен ряда международных наград. В 1972 году он награжден медалью Баурка Британского химического общества, а спустя три года – медалью Котениуса Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», в 1976-м – медалью Ришфорда Лондонского королевского общества.

В 1975 году ученый был удостоен чести сопровождать короля Бельгии во время его официального визита в СССР. До этого на своей родине он был известен как автор множества изданных там научных работ: «Введение в термодинамику необратимых процессов», «Неравновесная статистическая механика», «Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуации».

В 1977 году Илье Романовичу была присуждена Нобелевская премия по химии «за работы по термодинамике необратимых процессов и в частности за теорию диссипативных структур», а король Бельгии пожаловал ему титул виконта за вклад в научную деятельность страны. «Исследования Пригожина в области термодинамики необратимых процессов коренным образом преобразовали и оживили эту науку, – сказал Стиг Классон во вступительной речи от имени Шведской королевской академии наук. – Эта работа открыла для термодинамики «новые связи и создала теории, устраняющие разрывы между химическими,

биологическими и социальными полями научных исследований… Исследования Пригожина отличают так же элегантность и прозрачность, поэтому ученого заслуженно называют “поэтом термодинамики”».

В том же году ученый приступил к реализации программы, которую сам назвал «переоткрытием времени». Знакомя своих коллег из Открытого университета Брюсселя и Королевской академии наук с идеей программы, Илья Романович рассказывал: «… Меня глубоко взволновал вопрос, каков статус потока времени и случайности. Никто не сомневается, что гравитация реальна и составляет неотъемлемую часть природы… Приступая к этой программе, я полагал, что достигнуть поставленной цели не составит особого труда. Но задача увлекала меня все больше и больше, так что на решение ее у меня ушли почти все последние 20 лет».

Все эти годы Пригожин посвятил разработке своей теории, сформулировав два основных ее аспекта: «Все процессы, о которых идет речь, возникают в системах, достаточно далеких от равновесия…Во-вторых, роль вероятности, случайности. Точкам бифуркации отвечает много решений. В каждом эксперименте реализуется то или иное из них. Поэтому существенным элементом описания становится случайность». Согласно традиционным представлениям, необратимость возникает не на фундаментальном уровне вследствие конечной разрешающей способности прибора, используемого для наблюдений. На нынешнем этапе развития науки ни один самый точный прибор, ни тем более человеческий глаз не могут увидеть траекторию – геометрическую линию «без толщины», а различают лишь более-менее тонкие трубки. Все остальное, что находится внутри этих трубок, становится неразличимым. Именно это и порождает необратимость. Многие специалисты в области синергетики, анализируя «стрелу времени», отмечают, что «Пригожинская формулировка законов природы включает в себя несводимые вероятностные представления, что подразумевает переход от гильбертова пространства к обобщенным пространствам. Поэтому в это описание вошел целый класс неустойчивых хаотических систем, связываемых с понятием вероятностного времени, а следовательно, и с нарушением симметрии между прошлым и будущим, а класс устойчивых и симметричных во времени систем стал их предельным случаем».

В 1982 году Пригожин стал иностранным членом Академии наук СССР. Это плодотворное сотрудничество продлилось десять лет, и в результате совместной работы в 1995 году в МГУ был основан Институт математических исследований сложных систем.

В. А. Садовский, близко знавший Илью Романовича, вспоминал его как «человека широкой души, который всегда находил время пообщаться даже с незнакомыми людьми». В 1994 году Пригожин стал почетным доктором Московского, а в 1996-м – Санкт-Петербургского университетов, а также был удостоен золотой медали им. Капицы РАЕН. Но несмотря на многолетнее сотрудничество, Илья Романович не был широко известен в СССР.

К сожалению, за долгие годы ему так и не удалось наладить связь с родными, оставшимися после революции в Советском Союзе. Известный ученый всю жизнь не мог смириться с тем, что его двоюродный брат Морозов и другие члены семьи пытались держаться на расстоянии от знаменитого родственника из-за политики государства в отношении связей с родственниками, живущими за границей.

В научных кругах Илья Пригожин известен не только как физик и химик, но и как блестящий математик. Именно им было сформулировано утверждение о спектральном разложении оператора в специальном виде. Ученый посвятил сотни работ разработке математических гипотез, которые всегда находили свое приложение к физике и химии. Его имя стоит в списке наиболее значительных философов XX века. Пригожин смог научно продемонстрировать, что «естественное стремление» к хаосу не ведет к утрате гармонии.

За свою долгую научную жизнь Илья Романович стал членом Бельгийской королевской и еще нескольких иностранных академий наук, где ему были присвоены почетные степени. Он стал почетным жителем многих городов по всему миру. До последних дней жизни ученый продолжал научную деятельность. Умер Илья Романович Пригожин 28 апреля 2003 года в Брюсселе. К его работам обращаются многие современные ученые, и не только физики и химики, но и биологи, палеонтологи и математики.

ПРУСТ МАРСЕЛЬ

(род. в 1871 г. – ум. в 1922 г.)

Французский писатель. Цикл «В поисках утраченного времени», включающий семь романов; незавершенный роман «Жан Сантей»; книга новелл «Утехи и дни»; книга эссе «Против Сен-Бёва».

В литературе такое бывает нередко: писатель, мало кому известный, совершает неимоверный творческий прорыв и спустя несколько лет объявляется классиком. Так случилось с Марселем Прустом. Обеспеченный молодой человек с незначительным литературным багажом, человек, чьи интересы сводились, в основном, к посещению аристократических салонов, вдруг создает мощную прозаическую эпопею «В поисках утраченного времени». К своему главному произведению Пруст шел долго, и никто даже не подозревал о той энергии, которая таилась за утонченной аристократичной внешностью и беззаботным существованием.

Марсель Пруст родился 10 июля 1871 года в Париже в

респектабельной семье. Его отец, Адриан Пруст, был известным профессором-медиком; мать, Жанна Вейль, происходившая из зажиточной еврейской семьи, была женщиной образованной, с тонкой и нежной душой. Она навсегда осталась для Марселя воплощением ума, доброты и совершенства. От нее юный Пруст перенял искренность, чувствительность, деликатность и нетерпимость ко всякой лжи. Все эти качества были обусловлены не только влиянием матери. С девяти лет мальчик страдал астмой, отсюда его сочувствие к чужому горю, благожелательность к больным и слабым.

В период с 1882 по 1889 год Марсель учился в престижном парижском лицее «Кондорсе», а каникулы проводил в местечке Илье, недалеко от Шартра. Шартрские пейзажи Пруст впоследствии перенесет в описание местности под вымышленным названием Комбре. Кстати, местечко Илье, фигурирующее в романах, позже присоединило к своему наименованию этот придуманный Прустом географический пункт и ныне называется Илье-Комбре. Причем дело идет к тому, что первая часть этого двойного наименования может исчезнуть, и возможно, в географических названиях Франции останется только вторая – созданная фантазией писателя.

Уже в лицее Марсель приобщился к философии, испытав особое влияние философа-интуитивиста Анри Бергсона. Он и сам пробовал выразить словами то, что его окружало. Тонкость чувств окрашивалась любовью к деталям пейзажа, светотеням, запахам старинной обстановки. Эта наблюдательность поможет Прусту в дальнейшем до мелочей восстановить мир своего детства.

После двухгодичной службы в армии Марсель продолжил учебу в университете в Школе политических наук в Орлеане, где в 1893 году получил ученую степень по юриспруденции, а спустя два года и по литературе. Началась самостоятельная жизнь. Нельзя сказать, что она была обременительной. Пруст проводит время в парижских салонах, в частности, гостиной сиятельного графа Робера де Монтескье-Фезенака, литературных обществах, приобретая репутацию светского человека и ценителя искусства. Друг юности Леон Пьер-Кэнон дает такой портрет молодого Пруста: «Широко открытые темные сверкающие глаза, необыкновенно мягкий взгляд, еще более мягкий, слегка задыхающийся голос, чрезвычайно изысканная манера одеваться, роза или орхидея в петлице сюртука». И все же утверждать, что Пруст отдавал всего себя высшему свету, было бы неверно. За учтивостью и аристократизмом скрывалась немалая доля иронии и легкого отстранения.

В 1896 году начинающий писатель издает свою первую книгу

«Утехи и дни» с предисловием Анатоля Франса. Элегические камерные рассказы довольно точно отражали круг интересов 25-летнего новеллиста. Написанная вполне профессионально, хотя и с некоторым эстетским налетом, книга, тем не менее, не имела никакого успеха.

Начало XX века стало переломным для Пруста как в личной жизни, так и в творчестве. В 1903 году скончался его отец, а через три года не стало горячо любимой матери. Эти два печальных события, а также прогрессировавшая болезнь окончательно отдалили Пруста от светской жизни. С этого времени и начинается ставшая легендой жизнь писателя-затворника, писателя-труженика. Отныне он большую часть времени проводит в плотно зашторенной комнате, обитой пробкой, не пропускающей городские шумы и даже запахи знаменитых парижских каштанов. Сделав себя добровольным затворником, Пруст исписывает десятки тетрадей, выходя на улицу лишь в поисках деталей и характеров для своей будущей эпопеи. Иногда его «рабочим местом» становился ресторан «Риц», где писатель расспрашивает официантов о разговорах посетителей. А если ему надо было описать памятные с детства цветы боярышника, он отправлялся за город в закрытой машине.

Марсель поставил перед собой задачу неимоверной сложности – проникнуть в глубины подсознательного, чтобы воспроизвести детские впечатления до мельчайших подробностей, воссоздать утраченные воспоминания, поднять те глубинные залежи, какие скрываются в памяти человека, достигшего зрелости, и таким образом обрести «утраченное время».

Двенадцать лет писал Пруст свою эпопею, в которой отразил жизнь высшего французского общества, увиденную глазами ребенка и юноши. Но как можно было убедить издателей напечатать эти необычные романы? Ведь Пруст не имел серьезного писательского имени, да и отношение к нему в литературных кругах было вполне определенным – его считали богатым дилетантом, снобом и не более. Рукопись была предложена издательству «Нувель ревю франсез» и… решительно отвергнута. Наконец в 1913 году Прусту удалось опубликовать первый том «В сторону Свана», правда, за свой счет. Один экземпляр он преподнес Анатолю Франсу с надписью: «Первому Учителю, самому великому и самому любимому».

Первая мировая война прервала издание, и только в 1919 году в том же «Нувель ревю франсез» был опубликован второй том «Под сенью девушек в цвету», за который Пруст удостаивается престижной премии Гонкуров и получает широкую

известность не только во Франции, но и в Англии, Германии, Америке.

Именно с этого времени началась слава Пруста-романиста.

Наслаждаться этой популярностью ему оставалось три года. Писатель чувствовал, что жить ему оставалось недолго, и поэтому, даже будучи тяжело больным, постоянно мучаясь приступами астмы, не отрываясь, работал над эпопеей. За это время были написаны романы «В сторону Германтов», «Содом и Гоморра», «Пленница», «Беглянка» и заключительная книга «Обретенное время», оставшаяся, к сожалению, незаконченной. В последнем романе Пруст завершал логику сюжетных линий и давал авторское изложение природы времени – по существу главного героя всего цикла «В поисках утраченного времени».

Процесс поиска во времени был подобен озарению, когда перед глазами разворачивается все прожитое, со всеми мельчайшими подробностями.

Описывая кончину одного из своих героев, Пруст так объяснял причины того, что он делал: мы вовсе не обязаны на этой Земле делать добро, творить справедливость, добиваться совершенства в чем либо, быть вежливыми и порядочными. И если мы это делаем, то такие деяния относятся, видимо, к миру, отличному от нашего – миру доброты, совестливости, жертвенности.

Семь томов цикла «В поисках утраченного времени» составили грандиозную картину нравов и характеров французского общества конца XIX и начала XX века. Сравнить это огромное художественное многотомное исследование просто не с чем. Даже «Человеческая комедия» Бальзака уступает романному циклу Пруста по обширнейшему психологическому анализу.

Кинематографисты не раз пытались перевести прозу Пруста на язык кино. И каждый раз – неудачно. По-видимому, невозможно передать прустовский стиль, его язык – медленный, тягучий, слегка меланхоличный, обладающий поистине завораживающей силой.

Возможно, Прусту удалось бы прожить дольше, если бы он так не изнурял себя немыслимым режимом, снотворным и работой, тем более лихорадочной, что он не был уверен, сможет ли закончить свой цикл прежде, чем умрет. И даже когда писатель заболел воспалением легких, то категорически отказался от помощи врачей. Эта болезнь и стала причиной его смерти. Он скончался 18 ноября 1922 года на 52 году жизни.

О личной жизни Марселя Пруста было создано немало легенд, особенно после того, как он был причислен к самым выдающимся писателям XX века. Есть и версия относительно

нетрадиционной сексуальной ориентации писателя. Биографы упоминают участие Пруста в финансировании гомосексуального публичного дома, где управляющим был его юный друг Альбер ле Кузье, и о любовных связях писателя с некоторыми из своих друзей. Но это относится к молодому Прусту. С началом работы над эпопеей «В поисках утраченного времени» вся страсть писателя была отдана исключительно творчеству. И в нем почти не отразились ранние увлечения Марселя, за исключением двух-трех фрагментов в романе «Содом и Гоморра», где есть описание борделя Жюпьена и короткий панегирик нетрадиционной любви.

Подобных откровений в мировой литературе немало. Но не описания интимной жизни сексуальных меньшинств составляют суть творчества Марселя Пруста в широте его взглядов, удивительном, ни с чем не сравнимом видении мира, мастерстве слова. Именно эти качества и сделали Пруста признанным классиком XX столетия, писателем, который совершил отчаянную попытку повернуть «время вспять».

РАБИН ИЦХАК

(род. в 1922 г. – ум. в 1995 г.)

Политический и военный деятель государства Израиль, премьер-министр Израиля в 1974–1977 годах и в 1992–1995 годах, лауреат Нобелевской премии мира (1994 г.), доктор наук Иерусалимского, Чикагского и Майамского университетов (с 1967 г.). Автор книг «Отчий дом», «Послужной список» (1977 г.).

Этот глава государства был уверен в себе и одновременно стеснителен, являлся автором самых дерзких решений и подвергал свои расчеты сомнениям, любил подвижные виды спорта и мог произнести остроумный грузинский тост. Он верил в коллективное творчество, однако решения принимал самостоятельно. Премьер проводил совещания, приглашая многих людей, но всегда предпочитал беседу с глазу на глаз со специалистом по проблеме, которая требовала решения. За свойственный ему стиль руководства Рабина иногда называли «одиноким волком».

Родился Ицхак в Иерусалиме 1 марта 1922 года. Его отец, Нехемия Рубинев (Рабин), уроженец местечка Бесидрович под Киевом, еще в 1904 году выехал в Америку, образования не имел. Затем он перебрался в Палестину, работал техником в электрической компании. Мать Ицхака, Роза Коген, родом из Могилева, уехала в Палестину в 1919 году, до этого в России экстерном окончила гимназию. В Хайфе она устроилась бухгалтером в частной фирме, а в 1921 году вышла замуж за Нехемия Рабина.

Супруги свою жизнь посвятили, в основном, общественной и партийной деятельности, сын был для них на втором плане. «Красная Роза» (так называли соратники Розу Коген) занималась социальной помощью, входила в Рабочий и Родительский совет, а также Совет Хаганы (еврейского партизанского формирования). Нехемия Рабин стал активистом профсоюзного движения.

В 1940 году Ицхак с отличием окончил престижную сельскохозяйственную школу «Кадури» в галилейском городе Кфар Тавор. В 1941 году он вступил в ряды «Пальмах» (еврейское ополчение, ударные отряды боевой организации Хагана, выступавшей за создание независимого Израиля).

Как утверждает Ури Мильштейн в книге «Рабин: рождение мифа», Ицхак прошел курс обучения командиров отделений и до 1947 года числился в резерве боевого отряда. Он мечтал после Второй мировой войны поехать в США учиться на инженера-гидролога, заниматься сельским хозяйством. Но людей с образованием не хватало, и его назначили командиром батальона, затем перевели в штаб. Подчиненные были невысокого мнения о своем комбате, не имевшем ни боевого опыта, ни авторитета, ни командирской жилки. Зато, по словам начальника штаба, «Рабин умел проводить линии на карте и составлять таблицы. Остальные не умели и этого».

Из других источников следует, что Ицхак стал бойцом подразделения, которое сражалось в Сирии и Ливане против вишистской Франции, после Второй мировой войны участвовал в операциях Хаганы против британцев. В 1946 году он был арестован и провел шесть месяцев в английской тюрьме. В первой арабо-израильской войне (в Израиле ее называют Войной за Независимость) 1948–1949 годов Рабин командовал бригадой, которая обороняла Иерусалим, дослужился до звания полковника и представлял Израиль на о. Родос, где было подписано перемирие с арабами. Затем окончил в Англии военный колледж и в 32 года получил звание генерала.

Из книги Ури Мильштейна следует, что военные заслуги будущего генерала в боях с арабами сильно преувеличены.

Например, 20 апреля 1948 года, будучи командиром бригады и сопровождая колонну грузовиков с продовольствием для Иерусалима, он бросил 650 своих солдат под огнем противника на горном участке иерусалимского шоссе и уехал на джипе «просить помощи». К своим бойцам командир с подкреплением не вернулся, а пошел спать. «В бригаде колонну 20 апреля назвали “кровавым конвоем”, – пишет Мильштейн. – Вне бригады не знали ничего. Зато честь политических командиров ПАЛЬМАХа была спасена, и дорога в большую политику не была перед ними закрыта. Круговая порука молчания спасла Рабина».

В штабе Ицхак тоже ни одной толковой операции не разработал и не провел. И на командирских должностях, и на штабной работе он проявил себя, мягко говоря, не с самой лучшей стороны. А продвижение молодого военного по служебной лестнице Ури Мильштейн объясняет партийными интересами вышестоящих командиров и так называемым «пинком наверх». Это когда провинившегося человека снимают с занимаемого поста и назначают на более высокую, но третьестепенную должность – лишь бы не путался под ногами и не натворил еще чего-нибудь.

Но после учебы в Британии Рабин пошел еще выше. В 1956 году он был назначен командующим Северным военным округом, через три года – начальником Главного оперативного управления генерального штаба. В 1960 году Ицхак – заместитель начальника, а спустя четыре года – начальник Генштаба. Это наивысшая в Израиле военная должность. В карьерном взлете генерала не последнюю роль сыграла и будущий премьер-министр Израиля Голда Меир, которая по партийной работе хорошо знала мать Рабина, «Красную Розу».

В 1967 году после победы Израиля в Шестидневной войне над арабскими странами израильтяне прозвали своего начальника генерального штаба «победоносным». А еще в том же году ему присвоили степень доктора наук Иерусалимского, Чикагского и Майамского университетов.

На основании опубликованных воспоминаний министра обороны Израиля Моше Даяна и других высокопоставленных чинов У. Мильштейн убедительно доказывает, что Рабин и на этот раз оказался не на высоте. Он еще до начала военных действий «…впал в тревожно-депрессивное состояние и перестал функционировать… Ицхак растерян, полон неуверенности, нервничает и отнюдь не рвется в бой… Рабин не принимал участия ни в планировании операции, ни в ее проведении. Его репутация “освободителя Голанских высот” основана на ассоциациях, домыслах и легендах, а не на фактах… Ход войны

определили не планы генерального штаба, а экспромты командиров дивизий, бригад и даже батальонов».

Автор книги продолжает: «Уже через месяц после “разгрома” египетская армия начала артиллерийские обстрелы израильских войск на Суэцком канале, которые переросли затем в войну на истощение. Этим была открыта серия войн, в которых Израиль начал терпеть поражения: сначала только политические, а затем и военные».

В январе 1968 года после 27-летней службы в армии генерал-лейтенант вышел в отставку. По предложению премьер-министра Голды Меир, как мы помним, соратницы «Красной Розы», Рабин вскоре получил назначение на один из важнейших дипломатических постов – посла в Вашингтоне. За пять лет работы бывшего генерала на этой должности произошло значительное улучшение отношений между Израилем и США. Американцы дали израильтянам военные самолеты, но не помогли средствами противовоздушной обороны. Поэтому Мильштейн считает, что «…если бы Рабин действительно разбирался в военных вопросах, он бы понял стратегическую важность ракетных систем ПВО. Если бы он был способным дипломатом, он бы сумел предотвратить опасный для Израиля ход событий. Но Рабин был послушным (и не слишком талантливым) исполнителем воли своих начальников (Голды, Эвена, Даяна и др.) и одновременно учился у них “культуре власти”. А эти начальники не понимали того, что происходило у них под носом, их, прежде всего, интересовали проблемы партийной и личной выгоды. Все эти лица несут ответственность за кровь и поражение в Войне Судного дня. Тогда израильская армия в первый же день потеряла треть своей авиации от действий арабских сил ПВО…Война Судного дня (1973) была трагедией для Израиля и большой удачей лично для Рабина. В самое трудное время войны «великого полководца» оставили сидеть дома. Очевидно, в правительстве помнили, что на Рабина полагаться не следует. В этом и была его удача. Не участвуя в войне, он не нес ответственности за ошибки и поражения».

В 1973 году дипломат вернулся в Израиль и, связав свою политическую судьбу с партией МАПАИ (предшественница Партии труда и нынешней партии Авода), на парламентских выборах был избран депутатом кнессета (израильского парламента). В апреле 1974 года бывший дипломат получил портфель министра труда в правительстве Голды Меир.

После ее отставки партийный съезд избрал Рабина руководителем Партии труда. 2 июня того же года он в свои 52 года по предложению Голды Меир возглавил правительство, став

самым молодым премьер-министром в истории Израиля.

За три года своего руководства Кабинетом И. Рабин добился заключения промежуточных соглашений с Египтом и Сирией. Экономика страны почти без потрясений пережила мировой энергетический кризис 1973–1974 годов, вызванный повышением цен на нефть. Но правительство раздирали внутрипартийные распри, прежде всего взаимная конкуренция и обоюдная ненависть Рабина и его министра обороны Переса. Журналисты называли их то «заклятыми друзьями», то «неразлучными врагами».

Через три года разразился скандал, в котором была замешана жена Ицхака – Лея. Она, по данным израильской газеты «Гаарец», имела на личном счету в одном из банков США две тысячи долларов (по израильским законам, государственным чиновникам и их родственникам запрещалось иметь счета в иностранных банках). Премьер в апреле 1977 года подал в отставку с постов главы государства и лидера партии.

Лея долгое время была притчей во языцех. Например, газеты твердили о том, что она вмешивалась в государственные дела супруга. По ее словам, в юности Рабин пользовался успехом у девушек, однако ухаживать за ними не умел. Они встретились в 1943 году во время службы в военизированных молодежных подразделениях и через пять лет поженились. Вскоре у супругов родилась дочь Далия (ныне юрист), а затем сын Юваль (ныне программист).

По четвергам вечером Рабины обычно уезжали из официальной иерусалимской резиденции домой в Тель-Авив. Там играли в теннис, плавали в бассейне, общались с внуками, встречались с друзьями.

Многие годы ходили слухи о неравнодушном отношении Рабина к алкоголю, особенно к виски. Популярный израильский певец Авив Гефен пел по радио в начале 1990-х годов: «Кто там идет пьяный? Да это ж глава правительства!»

В предпоследний год жизни премьера, журналистка Лили Галили 30 июня 1994 года делилась впечатлением о встрече с Ицхаком: «Порой мне приходилось напоминать Рабину, что столица Италии это Рим, а не Милан. Мне казалось, что я схожу с ума: передо мной сидит глава правительства, в прошлом начальник генштаба. Следует предположить, что прав он, а не я. И вот я уже сама начинаю сомневаться: может, я не права, и Рим уже не столица Италии?»

Рабин вернулся в политику в 1984 году, став министром обороны в правительстве «национального единства», в которое вошли представители Аводы (бывшей Партии труда) и Ликуда.

В декабре 1987 года на оккупированных Израилем арабских территориях вспыхнуло восстание палестинцев (Интифада). Рабин был с официальным визитом в США, недооценил опасности и не счел нужным «возвращаться из-за пустяков». Первые проявления Интифады переросли в настоящую войну – солдат ЦАХАЛа (Армии Обороны Израиля) палестинцы забрасывали камнями и бутылками.

Вернувшись из Америки, министр обороны приказал израильской армии ответить на Интифаду «мощью, силой и ударами», что укрепило его репутацию жесткого политика.

Из книги Ури Мильштейна: «Солдатам раздали дубинки. Полицейских учений не проводилось, и бойцы поняли Рабина буквально. Когда жуткие сцены избиений палестинцев были показаны по ТВ, Рабин сказал, что им были спущены только “разъясняющие указания”. Солдат отдали под суд, а он остался в министерском кресле».

Но уже в феврале 1988 года Рабин заявил однопартийцам: «Я усвоил за два с половиной месяца, что нельзя с помощью силы управлять двумя миллионами палестинцев». Военный режим там означал бы бесконечные стычки израильских солдат с палестинскими «камнеметателями», поэтому в 1989 году министр обороны предложил израильскому правительству план мирного урегулирования, к реализации которого ему удалось приступить только через три года.

В 1991 году Ирак во время кувейтского кризиса обстрелял территорию соседнего Израиля баллистическими ракетами. И вновь Ицхак Рабин остался на своем посту министра обороны.

В феврале 1992 года Рабина избрали вместо Шимона Переса генеральным секретарем партии Авода. В июле того же года после победы на парламентских выборах он вновь стал премьер-министром. «Моя первостепенная задача, – говорил Рабин в парламенте, – вдохнуть новую жизнь в мирные переговоры по Ближнему Востоку, начавшиеся в октябре 1991 года в Мадриде».

В предвыборной кампании он обещал избирателям ни за что не отдавать Голанские высоты и не вести переговоры с лидером Палестины Ясиром Арафатом. Но после избрания Рабин ринулся строить палестинскую автономию и уничтожать еврейские поселения на западном берегу р. Иордан. Политика стареющего главы Израиля, архитектора мирного процесса, подвергалась жесточайшей критике.

Ури Мильштейн: «…Он сам назначил себя министром обороны и начал активно вмешиваться в руководство армией. Видимо, в начале Рабин искренне верил, что сумеет если не победить Интифаду, то, по крайней мере, удержать ее на

медленном огне. Действительность в щепки разбила эту надежду. В декабре 1992 года Интифаде исполнялось пять лет. Было ясно, что экстремисты ФАТАХ, ХАМАС и Исламского Джихада обязаны “отметить юбилей”, следовало ожидать волны террористических действий. Можно было предположить, что армия и полиция Израиля будут готовы. Но террористы снова застали нас врасплох». После ряда антиизраильских вооруженных актов, предпринятых палестинскими радикальными организациями, на премьера в очередной раз обрушился град обвинений в предательстве интересов Израиля.

В 1993 году И. Рабин, ранее призывавший бороться с палестинцами «всеми возможными способами», заключил в Осло соглашение с ООП (Организация освобождения Палестины) о введении ограниченного палестинского самоуправления, за которым последовал вывод израильских войск с большей части территории сектора Газа и города Иерихон на Западном берегу Иордана. Журналисты стали называть Ицхака «солдатом мира».

Из книги У. Мильштейна: «…Министр обороны и бывший начальник Генштаба потерял веру в свою армию. Рабин пришел к выводу, что еврейская армия не в состоянии победить террористов Самарии, Иудеи и Газы…Не затихала и пограничная война в Южном Ливане. На северной границе концепции Рабина тоже привели к военным поражениям, на этот раз ЦАХАЛ был побежден отрядами Хизбалы».

В октябре 1994 года премьер-министр Израиля Рабин и король Иордании Хусейн подписали договор о мире и установлении дипломатических отношений. 14 октября 1994 года Ицхаку Рабину (совместно с Шимоном Пересом и Ясиром Арафатом) была присуждена Нобелевская премия мира.

4 ноября 1995 года во время массового митинга в Тель-Авиве, на котором премьер говорил: «Да – миру, нет – насилию», пули еврейского студента, члена подпольной ультраправой националистической организации «Эял» Игаля Амира, смертельно ранили 72-летнего Рабина. В больнице он скончался, его торжественно похоронили в Иерусалиме на горе Герцля.

Убийцу осудили к пожизненному заключению без права амнистии. Но оказалось, что не все так просто в этом загадочном покушении. Достоянием общественности стали новые факты, которые поставили под сомнение решение суда. Спустя семь лет после рокового события премия в размере миллиона шекелей была предложена тому, кто найдет истинных виновников смерти И. Рабина – знаменитого политического и военного деятеля государства Израиль.

РАЙКИН АРКАДИЙ ИСААКОВИЧ

(род. в 1911 г. – ум. в 1987 г.)

Советский артист, художественный руководитель Ленинградского театра миниатюр (с 1942 г., с 1982 г. – Государственный театр миниатюр в Москве, с 1987 г. – театр «Сатирикон»). Народный артист СССР (1968 г.), Герой Социалистического Труда (1981 г.), лауреат Ленинской премии (1980 г.), автор книги «Воспоминания» (1998 г.). Спектакли А. Райкина: «Любовь и три апельсина», «Смеяться, право, не грешно», «Волшебники живут рядом», «От двух до пятидесяти», «Его величество театр», «Плюс-минус», «Лица», «Светофор», «Избранное-73», «Дерево жизни», «Мир дому твоему» и др. Актер снимался в фильмах: «Огненные годы» (1938 г.), «Доктор Калюжный» (1939 г.), «Мы с вами где-то встречались…» (1954 г.), «Когда песня не кончается» (1964 г.), «Волшебная сила искусства» (1970 г.), «Люди и манекены» (1974 г.).

Аркадий Райкин вошел в историю культуры XX столетия как великий актер. За полвека работы в театре им сыграно более тысячи ролей, среди которых не только сатирические, но и лирические, и драматические. Миллионы людей смеялись и плакали, радовались и огорчались вместе с героями знаменитого артиста. О его необычайной популярности не только в народе, но и среди коллег говорит хотя бы такой факт.

Когда МХАТ отмечал свой юбилей и на сцену вышел Райкин с поздравлениями, все в зале встали, как будто юбилей был не у Художественного театра, а у Райкина.

Министр культуры Екатерина Фурцева, находившаяся в зале, произнесла в шоке: «Как же так? Когда вышел на сцену представитель ЦК, артисты слушали его сидя, а появился Райкин, и все встали. Кто велел?»

Да никто не велел, его действительно любили. В своих монологах, разговаривая со зрителями, Аркадий Исаакович всякий раз затрагивал самые острые, наболевшие проблемы современности и в пределах одного небольшого эстрадного номера как бы проживал целую человеческую жизнь. Без его миниатюр и скетчей не обходился, наверное, ни один праздничный концерт на радио или на телевидении. А чтобы попасть в театр «на Райкина», люди ночами стояли в очереди за билетами.

Родился Аркадий Исаакович 24 октября 1911 года в Риге, а в 1922-м семья Райкиных переехала в Петроград. Во время учебы в школе Аркадий занимался в самодеятельности («На дне» по М. Горькому, «Гуттаперчевый мальчик» Д. Григоровича), читал рассказы М. Зощенко, придумывал и исполнял интермедии. Школьным драмкружком руководил режиссер Ю. С. Юрский (отец будущего артиста С. Ю. Юрского). Он первым обратил внимание на талант юного Райкина и посоветовал ему продолжить театральное образование, что тот после школы и сделал, вопреки воле родителей. (Но сначала, в 1929 году, Аркадий успел поработать лаборантом на Охтинском химзаводе.)

Уже в первых студенческих спектаклях проявился талант Райкина-пантомимиста (немой слуга Веспоне в спектакле «Служанка-госпожа» Перголези, Маскариль в «Смешных жеманницах» Мольера и др.). В 1935 году Аркадий окончил Ленинградский институт сценических искусств по классу замечательного режиссера и педагога В. Соловьева. По распределению выпускник попал в Ленинградский ТРАМ (Театр рабочей молодежи). Здесь он сыграл в спектаклях «Дружная горка» (Воробушкин), «Начало жизни» Л. Первомайского (Виноградский). Вскоре молодой артист ушел из Лентрама в

Новый театр (ныне – Открытый театр). Проработав здесь в течение года, он вернулся в Лентрам, который после слияния с Красным театром стал называться Театром имени Ленинского комсомола (ныне Балтийский дом). Параллельно Райкин выступал с эстрадными номерами, играя в интермедиях, позже стал конферансье, а одно время даже уходил в Большой драмтеатр, но и там не прижился.

Одновременно с игрой в театре Аркадий Райкин дебютировал в кино, снявшись в фильмах «Огненные годы» и «Доктор Калюжный». Но широкое признание пришло к артисту в Москве в ноябре 1939 года, когда он победил на Первом Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, выступив с пародийными номерами «Чаплин» и «Мишка».

В декабре 1939 года А. Райкин участвовал в концерте в Кремле на праздновании 60-летия И. В. Сталина. «Вспоминая прошлое, я, конечно, не беру на себя смелость оценивать одну из самых сложных и темных фигур нашей истории, – говорил знаменитый артист. – Политика кнута и пряника, страха и личной преданности составляла основу его взаимоотношений с теми “винтиками”, которыми мы все тогда были. Полное понимание этого пришло ко мне чуть позднее, в послевоенные годы, когда началась новая волна репрессий. В Ленинграде она была, кажется, особенно сильной и вместе с другими вполне могла унести и меня – я отдавал себе в этом ясный отчет. Но система, насажденная Сталиным, продолжала действовать и после его смерти. Продолжали действовать и воспитанные ею люди, им удавалось “доставать” меня разными способами. На постоянную борьбу с ними уходили здоровье и силы.

Например, секретарь Ленинградского обкома партии Романов просто душил наш театр. Особенно после фантастических гастролей в 1970 году в Москве, когда желающих попасть на спектакль разгоняла конная милиция. После этого к нам в Ленинграде зачастили самые разные комиссии».

В 1939 году после победы на конкурсе молодой лауреат получил приглашение работать в Московском Театре эстрады и миниатюр и провел полсезона в Москве, затем вернулся в город на Неве. Именно первое место на конкурсе дало возможность Райкину создать новый коллектив – Ленинградский театр миниатюр – и набрать тогда еще совсем маленькую труппу, в которой с самого начала было всего несколько человек, в том числе и его жена Рома – Руфь Марковна Иоффе. С ней Аркадий познакомился еще в школьные годы, затем они учились в одном институте, после выпуска поженились.

«Мама была красивой, талантливой, веселой, образованной, –

вспоминала дочь А. Райкина, Екатерина. – Она знала массу историй, анекдотов, и даже Ираклий Андроников, приходя в гости, всегда говорил: “Ромочка – прекрасный рассказчик, мне лучше помолчать”. У нее был и литературный талант, отмеченный многими критиками, но времени писать не хватало – она играла в театре и была папиным секретарем».

Во время войны Райкин работал во фронтовой бригаде, в частности на Северокавказском фронте. Однажды из-за метели автобус с артистами застрял на Михайловском перевале, и они приехали в Геленджик значительно позже запланированного времени. По приезде на место оказалось, что, пока фронтовая бригада всю ночь «загорала» на перевале, на город был авианалет и дом, приготовленный для ночлега артистов, разнесло немецкой бомбой. Из-за этого опоздания все выступления передвинулись, и артисты также опоздали к выступлению на передовой – в Кабардинке, где днем снаряд попал в эстраду, на которой они должны были в это время играть спектакль.

С 1945 года Театр эстрады и миниатюр возобновил работу в Ленинграде, много гастролировал в Москве и по всему СССР. Райкин создавал многообразные по жанру спектакли, в которых органически сочетались пантомима, искусство мгновенной трансформации, танцы, куплеты, пародии, цирковые номера. Оригинальный репертуар, острая современность и, наконец, уникальная личность художественного руководителя определили его собственное и неповторимое место в советской театральной культуре.

В начале 1960-х свои первые произведения знаменитому артисту предложил молодой сатирик М. Жванецкий. Его миниатюры «Дедушка с внуком Юзиком», «Авас», «Дефицит», «Век техники», «Участковый врач», «В греческом зале» и многие другие получили широкую известность.

В разное время с театром сотрудничали также писатели М. Зощенко, В. Ардов, В. Масс, М. Червинский, В. Поляков, В. Дыховичный, М. Слободской, В. Ласкин, А. Арканов, М. Мишин; режиссеры В. Зускин, Н. Акимов, Б. Равенских, Н. Бирман, А. Тутышкин, композиторы Б. Мокроусов, Я. Френкель и др. Аркадий Исаакович создал целое направление в эстрадном искусстве, практически не имеющее аналогов за рубежом. Под непосредственным влиянием Райкина родились театры Г. Хазанова, Е. Петросяна, Р. Карцева и В. Ильченко.

С 1957 года Театр миниатюр начал выезжать в зарубежные гастрольные поездки в Польшу, Венгрию, Румынию, Чехословакию, Германию, Великобританию. И всюду аншлаги, аплодисменты, восхищение.

Как-то на имя Райкина поступило из Англии приглашение выступить с концертами. В партийных инстанциях посчитали эти гастроли нецелесообразными, и Райкину «посоветовали» ответить, что он сожалеет, но плотный график его концертов не позволяет принять это предложение. Но когда настойчивый зарубежный импресарио, в конце концов, предложил умопомрачительную сумму гонорара, «инстанция» дала добро.

У трапа самолета в аэропорту «Хитроу» в Лондоне Аркадия Исааковича ожидало множество репортеров, теле– и кинокамер. Потом выяснилось, что встречали с такой помпой не известного во всем мире артиста Райкина, а человека, которому за гастроли заплатят бешеные деньги.

Концерт прошел успешно, огромный гонорар артисту, конечно, выплатили, но партийные органы тут же «наложили на него лапу», оставив Аркадию Исааковичу мизерную «положенную» сумму на карманные расходы.

Его имя было окутано слухами – один нелепее другого. Например, говорили, что Райкин состоял в сионистской организации, для которой он зарабатывал деньги, и переправил в Израиль бриллианты и золото в гробу собственной матери. И что вся семья знаменитого артиста и его родственники эмигрировали в Израиль и США, а сам он имел несколько квартир, машину, огромную дачу.

На самом деле Аркадий Исаакович не состоял ни в одной организации или коммунистической партии. В Театре миниатюр, которым он руководил, не было даже парторганизации и был всего один коммунист – артист Минкович. Мать А. И. Райкина, Елизавета Борисовна, скончалась в 1965 году в возрасте 87 лет и была похоронена в Санкт-Петербурге, на Преображенском кладбище. На ПМЖ в США в середине 1980-х годов переехала лишь одна родная сестра Аркадия Райкина – Софья Исааковна. Троюродный брат, известный отоларинголог Ленинграда Рафаил Райкин, уехал в Израиль. Долгое время, будучи известным артистом, Аркадий Исаакович жил в коммунальной квартире на Греческой улице в Ленинграде. Позднее он получил четырехкомнатную квартиру на Кировском проспекте. Когда переехал в Москву, дали квартиру в Благовещенском переулке. На работу его возила служебная машина, своей дачи у него не было, знаменитый артист снимал ее на лето для своей семьи.

Каждый год Аркадий Исаакович выпускал новые спектакли и в каждом играл десятки ролей. Искусство Райкина изменялось, приобретало глубину и философскую направленность. Он всегда выступал против распространенного мнения о том, что его театр является театром одного актера. Понимая свою роль как лидера и

художественного руководителя, Райкин подчеркивал, что создание каждого спектакля – коллективный труд многих людей.

В 1982 году труппа Ленинградского театра эстрадных миниатюр переехала в Москву и стала называться Государственным театром миниатюр. Название «Сатирикон» возникло в 1987 году (с 1991 года – им. А. И. Райкина). В этот коллектив перешел из «Современника» сын Райкина, Константин.

17 декабря 1987 года Аркадий Исаакович на 77-м году жизни ушел в мир иной. Его дочь, Екатерина, актриса Театра им. Вахтангова, заслуженная артистка России, вспоминала: «В конце ноября 1987 года папа, я и Костя приехали из США, где у папы триумфально прошли 24 концерта! Было невероятно трогательно – зрители приносили папе на подпись программки и билеты с его старых спектаклей. Представляете, люди уезжали из Союза навсегда и брали с собой на память программки Райкина!

Вернувшись в Москву, он сыграл еще 14 спектаклей “Мир дому твоему” (последний был 300-м по счету), а после этого попал в больницу. Оттуда он уже не вышел. Папа же еще в 13 лет перенес тяжелый ревматизм с осложнением на сердце, а в 23 года после очередного сердечного приступа врачи приговорили его к смерти, отказываясь делать операцию. Но дедушка добился-таки хирургического вмешательства и спас его. Периодически папа ложился на лечение в больницу, но, как только после капельницы ему становилось легче, он тут же удирал оттуда, иногда прямо в пижаме. Звонил водителю или друзьям, шел гулять в больничный парк и потихоньку сбегал.

Я помню, у него случился очередной приступ, а он должен был выступать на юбилее в Театре им. Вахтангова. Едет он на “скорой” и просит доктора: “А вы не могли бы проехать по Арбату? (Арбат тогда был еще проезжей улицей.) Остановите здесь, пожалуйста. Мне нужно выступить, всего 15 минут, а потом поедем в больницу”. “Аркадий Исаакович, но вы не можете!” – уговаривал врач, но, понимая, что это бесполезно, заставил папу написать расписку, чтобы не брать на себя ответственность. Папа написал расписку, выступил, а потом опять лег на носилки».

О семейной жизни родителей Екатерина Аркадьевна говорила: «Они прожили вместе больше 50 лет. В 1975 году с мамой случился инсульт. Она лишилась речи, у нее не действовала правая рука. После этого отец был к ней невероятно внимателен, чувствовал свою вину за то, что своими изменами заставлял ее нервничать и страдать. Папа был не только талантливым актером, но и очень обаятельным мужчиной. Я говорила с папой дважды, когда его уводили из семьи: “Папа, тебя так любят, тебе верят, с тебя берут пример. Ты не должен

разочаровывать публику, ради которой живешь”. И это действовало. Мама пережила его лишь на два года».

В 1987 году после смерти отца Константин Райкин возглавил «Сатирикон». Коллектив под его руководством продолжал радовать зрителей искрометными спектаклями как в СССР, так и за рубежом. Ныне Константин Аркадьевич – народный артист России. Когда он вместе с группой актеров своего театра гастролировал в США, критики отметили его пластичность, умение блестяще читать стихи, создать мимически точную, интонационную миниатюру.

Единственный внук Аркадия Исааковича, Алексей Яковлев, начинал как артист, но затем ушел в бизнес торговать недвижимостью. Внучка, Полина, учится в школе, танцует в ансамбле и пробует себя на сцене и в кино. Внучатый племянник Андрей – студент консерваторского училища.

В 1999 году коллектив театра отметил свое 60-летие премьерой спектакля «Квартет» Мольера, посвященного памяти А. И. Райкина. В 2001 году к 90-летию со дня рождения великого артиста его имя занесли в «Золотую книгу Санкт-Петербурга».

РАНЕВСКАЯ ФАИНА ГЕОРГИЕВНА

Настоящее имя – Фаина Гиршиевна Фельдман
(род. в 1896 г. – ум. в 1984 г.)

Советская актриса театра и кино. Народная артистка СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР.

Фаина родилась 27 августа 1896 года в Таганроге в семье Гирши Фельдмана, уважаемого и известного в городе предпринимателя. Отец имел твердый и сильный характер, а мать – урожденная Валова – была человеком тонкой, изысканной души и редкой музыкальности. Эти черты родителей Фаина наследовала в полной мере.

В детстве девочка училась плохо, но очень любила книги, которые читала запоем. Считала, что в семье ее не любят, но сама «мать обожала, отца боялась и не очень любила. Писать без ошибок так и не научилась, считать – тоже». Зато уже в пятилетнем возрасте у нее проявилась склонность к лицедейству: когда умер младший брат, Фаина откинула траурный занавес с

зеркала, чтобы посмотреть на себя, как она выглядит в слезах.

Весной 1911 года гимназистка Фельдман в переполненном зале маленького Таганрогского театра в гастрольных спектаклях ростовского театра впервые увидела известную провинциальную актрису Павлу Вульф, игра которой оказала на нее большое влияние в выборе профессии. По окончании гимназии девушка уже определенно знала, что будет актрисой. Решение посвятить себя сцене послужило поводом к полному разрыву с семьей: «Мать рыдает, я рыдаю, мучительно больно, страшно, но своего решения я изменить не могла, я и тогда была страшно самолюбива и упряма… И вот моя самостоятельная жизнь началась».

В 1915 году Фаина уехала в Москву поступать в театральную школу. Она безуспешно обивала пороги театров, на экзаменах от волнения даже стала заикаться, но «ни в одну из лучших театральных школ принята не была, как неспособная». Оказавшись в Москве без средств к существованию, девушка сильно нуждалась, пока однажды не получила перевод от отца. Но выйдя с почты, она случайно выронила деньги и грустно смотрела, как ветер уносит их по улице: «Как жаль – улетели…»

Когда об этом случае узнали ее новые друзья, кто-то горько заметил, что так вести себя могла только Раневская из «Вишневого сада» ее знаменитого земляка Чехова. С этого времени Фаина Фельдман стала Раневской. Сама же актриса впоследствии на вопросы о происхождении псевдонима неизменно отшучивалась: «Я стала Раневской, потому что все роняла. У меня все валилось из рук».

С большим трудом целеустремленная девушка устроилась в частную театральную школу, но вскоре была вынуждена ее оставить из-за невозможности оплачивать уроки. В один из зимних вечеров у колонны Большого театра замерзшую провинциалку заметила знаменитая балерина Екатерина Гельцер и взяла ее к себе: «Фанни – вы меня психологически интересуете». Гельцер ввела ее в круг своих друзей, брала на спектакли во МХАТ, возила в Стрельну и к Яру. Как говорила впоследствии Раневская: «Это были мои университеты».

В этот период она познакомилась с Цветаевой, Мандельштамом, Маяковским, увидела Шаляпина, Веру Холодную и Станиславского, влюбилась в Качалова… Летом 1915 года Гельцер устроила свою «закадычную подругу» в дачный театр, расположенный в подмосковном поселке Малаховка, где и началась артистическая деятельность Раневской.

По окончании летнего сезона Фаина «после долгих мытарств подписала договор на 35 рублей в месяц “со своим гардеробом”

на роли “героини-кокет” с пением и танцами» и отправилась в Керчь. Сборов там не было: театр был всегда пуст… Распродав свой гардероб, Раневская перебралась в Феодосию, а после того, как в конце сезона антрепренер сбежал, не заплатив актерам, уехала в Кисловодск, а оттуда в Ростов-на-Дону. Весной 1917 года она узнала, что вся ее семья погрузилась на собственный пароход и эмигрировала в Турцию.

В Ростове начинающая актриса пришла в дом к Павле Вульф, которую она видела на сцене в родном Таганроге. Прослушав ее, Вульф устроила Раневскую в театр и согласилась с ней заниматься. Но вскоре началась Гражданская война, и театр закрылся. В Ростове оставаться было опасно, а в Москву через фронт уже не пробраться, тогда семья Вульф решила ехать в Крым. Фаину взяли с собой, «спасая ее от улицы», зачислив в разряд близких родственников.

С 1918 по 1921 год в Крыму они видели голод, тиф и холеру, красный и белый террор. Играли в неотапливаемых театрах в Симферополе, Евпатории, Ялте, Севастополе. Как считала Раневская, ее новая семья из четырех человек выжила только благодаря заботам М. Волошина, который находил возможность добывать для них еду.

В конце 1924 года молодая провинциальная актриса снова оказалась в Москве, где ее по-прежнему никто не ждал. Фаине удалось устроиться в передвижной Театр московского отдела народного образования, который, просуществовав один зимний сезон, закрылся. Но труппа не распалась, и с лета следующего года Раневская снова принялась колесить по стране: Святогорск, Баку, Гомель, Смоленск, Архангельск, Сталинград, снова Баку…

В Москву Фаина вернулась только в 1931 году, дебютировав в спектакле Камерного театра А. Таирова «Патетическая соната». С 1933 по 1939 год Раневская работала в Театре Красной Армии, где сыграла свою первую большую роль горьковской Вассы Железновой. За нее она была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР.

Еще во время работы у Таирова Фаина мечтала о «Мосфильме» и даже посылала туда свои фотографии. Правда, тогда она не знала, насколько кинематограф отличается от ее любимого театра. Вскоре молодой режиссер М. Ромм пригласил Раневскую в свою первую немую картину «Пышка», где она сыграла роль госпожи Луазо. После близкого знакомства с кинопроизводством актриса говорила о съемках: «Представьте, что вы моетесь в бане, а туда пришла экскурсия». При этом она даже клялась, что никогда больше сниматься не будет. Но после этой исторической клятвы на Воробьевых горах Фаина бросила

Театр Красной Армии и четыре года «в хвост и в гриву» снималась в кино.

Однажды ей позвонил режиссер И. Савченко и предложил попробоваться в эпизоде фильма «Дума про казака Голоту», который вышел на экраны в 1937 году. Роль попадьи по сценарию не имела текста, но Раневская настолько мастерски обыграла этот типаж, что вся ее словесная импровизация вошла в окончательный вариант картины. Через два года Фаина создала в кино незабываемые образы жены инспектора в фильме режиссера Анненского «Человек в футляре» и жены портного в ленте Мачерета «Ошибка инженера Кочина».

Потом был кинофильм «Подкидыш» по сценарию А. Барто и Р. Зеленой. Но знаменитые фразы Раневской: «Муля, не нервируй меня», «меньше пены…» и другие она придумала сама прямо по ходу съемок. Эта картина принесла ей широкую популярность, хотя известность «Мули» ее раздражала. 15 июня 1941 года была закончена картина «Мечта» с Пляттом и Раневской в главных ролях, а через неделю началась война…

Период с 1941 по 1943 год Раневская провела в эвакуации в Ташкенте, где снималась в «Пархоменко» и «Похождениях бравого солдата Швейка». Все свое свободное время она проводила с Ахматовой, ставшей ее ближайшей подругой. До сих пор непонятно, как она, дружившая и близко знавшая Гумилева, Мейерхольда, Мандельштама, Блюхера и многих других «врагов народа», не попала под «каток» сталинских репрессий. Эйзенштейн как-то передал ей слова Сталина: «Вот Жаров в разном гриме, разных ролях – и везде одинаков; а Раневская без грима, но везде разная». Кто знает, может, эта характеристика «вождя народов» и уберегла Фаину от лагеря…

Летом 1945 года, за год до своего 50-летия, актриса тяжело заболела. Операцию по удалению опухоли делали в «лучшей больнице Союза», о которой Фаина потом говорила: «Кремлевка – это кошмар со всеми удобствами». Но уже в сентябре она приступила к съемкам в фильме Александрова «Весна» вместе с Л. Орловой. В мае 1948 года Раневская записала в своем дневнике: «Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной… Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести. У них у всех друзья такие же, как они сами, – контактны, дружат на почве покупок, почти живут в комиссионных лавках, ходят друг к другу в гости. Как я завидую им – безмозглым!»

В начале 1950-х годов Фаина получила двухкомнатную квартиру в высотном доме на Котельнической набережной. Она

так долго обитала в коммуналках, что ее новое жилье в престижном доме было для нее радостно-почетной неожиданностью.

В это время Раневская работала в Театре имени Моссовета: «В театре небывалый по мощности бардак, даже стыдно на старости лет в нем фигурировать. Со своими коллегами встречаюсь по необходимости с ними “творить”, они мне все противны своим цинизмом, который я ненавижу за его общедоступность… Трудно найти слова, чтобы охарактеризовать этот… театр, тут нужен гений Булгакова. Уж сколько лет таскаюсь по гастролям, а такого стыдобища не помню».

В спектакле «Шторм» Билль-Белоцерковского Фаина играла спекулянтку, для которой с разрешения автора сама придумала текст. После ее сцены публика устраивала овацию и сразу уходила из зала. «Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, и в конце концов Завадский убрал этот персонаж из спектакля, объяснив Раневской: «Вы слишком хорошо играете свою роль спекулянтки, и от этого она запоминается чуть ли не как главная фигура спектакля…» Фаина предложила: «Если нужно для дела, я буду играть свою роль хуже».

В 1973 году Раневская переехала в тихий центр, поближе к театру. Здесь, в Южинском переулке, она и прожила остаток своей жизни.

В апреле 1976 года в связи с 80-летием ее наградили орденом Ленина. Брежнев, вручая в Кремле орден, выпалил: «Муля! Не нервируй меня!» – «Леонид Ильич, – обиженно сказала Фаина, – так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы». Генсек смутился: «Простите, но я вас очень люблю». Раневскую любил не один Брежнев. Ее благодарными почитателями и давними друзьями были Виктор Некрасов и Аркадий Райкин, Петр Капица и Святослав Рихтер, Сергей Лемешев и Самуил Маршак, Верико Анджапаридзе и Татьяна Пельтцер.

Все, что не касается профессии, у Фаины Георгиевны не сложилось. Семьей не обзавелась, богатства не скопила, хозяйствовать не умела, деньги раздавала сразу же, если они появлялись. Траты делала безумные, например, продала дорогую шубу, на которую копила несколько лет, чтобы приобрести антикварную статуэтку Чехова. Горько иронизируя над собственной житейской непрактичностью, Раневская говорила: «У меня хватило ума глупо прожить жизнь». Видимо, так и выглядела судьба актрисы с точки зрения простого обывателя, оценивающего жизненный успех званиями, наградами и материальными благами. Но ведь Раневская жила другими ценностями – театром, книгами… Она творила, создавала,

отдавала себя людям и не умела и не стремилась потреблять.

В последние годы жизни Фаина Георгиевна много болела, работа давалась ей тяжело. Перед спектаклями некоторое время она ни с кем не общалась и после них не сразу возвращалась к обычным делам. Плохо спала, но если долго не играла, чувствовала себя еще хуже. Бороться со старостью ей помогало могучее чувство юмора. Отказавшись торжественно отмечать свой юбилей, она заявила дирекции театра: «Вы мне сейчас наговорите речей. А что же вы будете говорить на моих похоронах?»

Сцену она оставила тоже без лишней помпы, за 9 месяцев до своей смерти сказав в театре: «Мне надоело симулировать здоровье». 19 июля 1984 года выдающаяся актриса скончалась.

Не раз Раневскую просили написать мемуары, она в ответ смеялась: «Это была бы жалобная книга». Потом взялась за перо, но впоследствии все уничтожила. Сохранились только отрывочные заметки, зарисовки, мысли по тому или иному поводу. А еще остались незабываемые персонажи, созданные ею за свою долгую и непростую творческую жизнь.

РОММ МИХАИЛ ИЛЬИЧ

(род. в 1901 г. – ум. в 1971 г.)

Кинорежиссер, сценарист, педагог, народный артист СССР (1950 г.), преподаватель ВГИКа (1949–1971 гг., с 1958 г. – профессор), Почетный член-корреспондент Академии искусств ГДР (1967 г.). Поставил фильмы: «Пышка» (1934 г.), «Тринадцать» (1937 г.), «Ленин в Октябре» (1937 г.), «Ленин в 1918 году» (1939 г.), «Мечта» (1943 г.), «Убийство на улице Данте» (1956 г.), «Девять дней одного года» (1962 г.), «Обыкновенный фашизм» (1966 г.) и др. Лауреат Государственной премии СССР (1941, 1946, 1948, 1949, 1951 гг.), Государственной премии РСФСР им. братьев Васильевых (1966 г.), Венецианского кинофестиваля (1934 г.), Каннского кинофестиваля (1946 г.). Автор мемуаров «Устные рассказы» (1989 г.), «Как в кино» (2003 г.), книг и статей по вопросам киноискусства. Член Союза писателей СССР. Награжден двумя орденами Ленина (1938, 1967 гг.), орденом Октябрьской революции (1971 г.), орденом

Трудового Красного Знамени (1961 г.) и медалями.

Михаил Ильич Ромм был не только выдающимся режиссером, но и явлением в духовной жизни людей нескольких поколений, одним из лидеров советской интеллигенции в период хрущевской «оттепели». Он пережил взлеты и падения, предательство коллег и всенародное признание. После его смерти все друзья и ученики в один голос говорили, что с уходом Ромма из их жизни исчезло нечто важное, живое, яркое, что приносил он с собою. Этим людям можно верить: среди его учеников Григорий Чухрай, Андрей Тарковский, Георгий Данелия, Игорь Таланкин, Владимир Басов, Резо Чхеидзе, Александр Митта, Василий Шукшин и многие другие видные режиссеры, составившие славу и гордость советского кино.

Родился Михаил Ильич 24 января 1901 года в Иркутске. В 1918 году он вступил в Красную Армию, участвовал в Гражданской войне, «воевал за счастье для всех». О том, чем режиссер занимался еще в те годы, он вспоминать не любил, хотя упоминал вскользь: руководил продотрядами, силой оружия вытряхивал хлеб у крестьян в разных губерниях.

В 1925 году бывший продотряд овец окончил скульптурное отделение Высшего государственного художественно-технического института, где учился в мастерской знаменитой Анны Семеновны Голубкиной. Сам Ромм вспоминал о своем ваянии редко. И, как правило, иронически. Например, рассказывал, как ему задали слепить гигантскую скульптуру рабочего для сельскохозяйственной выставки 1923 года в Москве. Он тогда придал обобщенному героическому пролетарию черты своего собственного лица. Принимающая комиссия с ужасом обнаружила у символической фигуры капризно скривленные губы и длинный семитский нос и велела его все-таки подкоротить.

– На сколько? – спросил студент-скульптор.

– Ну, сантиметра на три.

Нос Ромм укоротил, но в масштабах гигантской скульптуры эти три сантиметра оказались совершенно незаметными.

В годы учебы и сразу после института Михаил занимался литературной и театральной деятельностью. Он публиковал очерки в газетах и журналах, переводил с французского языка на русский, оформлял выставки, создавал плакаты, выступал на сценах московских клубов. А затем несостоявшийся ваятель стал редактором на киностудии и там же научился монтировать фильмы.

В 1928–1930 годах он работал в Институте методов

внешкольной работы, где изучал детское кино. Тогда же дебютировал как сценарист и впоследствии принимал участие в написании сценариев ко всем своим постановкам.

«Мне было 28 лет, когда я получил первый гонорар за детскую короткометражку, написанную в соавторстве еще с тремя лицами. До этого я занимался всеми видами искусства, кроме балета и игры на тромбоне», – вспоминал позже знаменитый режиссер.

С 1931 года Ромм работал на «Совкино» (ныне – «Мосфильм»). Его режиссерским дебютом стала очень вольная экранизация рассказа Ги де Мопассана «Пышка» (1934). Это был последний советский немой фильм. Но в историю кино он вошел вовсе не по этой причине, а потому, что и по сей день вызывает восхищение. И еще потому, что именно с этого фильма начались блистательная карьера таких замечательных артистов, как Фаина Раневская, Татьяна Окуневская, Галина Сергеева, Андрей Файт.

После «Пышки» молодой режиссер снял фильм «Тринадцать» (1937) – о пограничниках и их борьбе с басмачами в песках Каракумов. На единственную женскую роль в этой киноленте он пригласил актрису Елену Кузьмину, которая потом стала его женой.

1930-е годы режиссер завершил созданием кинодилогии о В. И. Ленине: «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году», где в угоду Сталину и партийной верхушке давалась вымышленная версия происходивших событий. За эти картины М. И. Ромм в 1941 году был удостоен своей первой Сталинской премии.

В 1940 году его назначили художественным руководителем Государственного управления по производству фильмов, и на этой должности Михаил Ильич проработал три года.

За время Великой Отечественной войны Ромм поставил фильм «о тяжелой жизни в панской Польше» – «Мечта», а затем антифашистскую киноленту – «Человек 217».

Даже если бы гениальный мастер режиссуры не снял ничего, кроме «Мечты», он все равно остался бы в памяти каждого любителя кино. Потому что роли, сыгранные в этом фильме Фаиной Раневской, Адой Войцик, Михаилом Астанговым, Ростиславом Пляттом, – это подлинные актерские шедевры мирового уровня. Все четверо – великие артисты, но лучшие роли в своей биографии они сыграли в картинах Ромма.

За ленту «Человек 217» в 1946 году Михаил Ильич получил свою вторую Сталинскую премию и премию международного Каннского кинофестиваля.

После войны его самыми известными фильмами стали «Русский вопрос» (1947), «Секретная миссия» (1950). В 1948–1949

годах Ромм участвовал в создании документального, но насквозь политизированного и лживого фильма «Владимир Ильич Ленин», за который ему всю жизнь было стыдно. Эту картину Ромму предложил поставить Сталин, а режиссер этого делать не хотел, но потом снял картину вместе с Беляевым.

За все три работы знаменитый режиссер получил Сталинские премии.

У многих может сложиться впечатление, что Михаил Ромм был любимцем власть имущих. Но не все в жизни мастера, правдолюбца и новатора, складывалось гладко. Например, в 1947 году он вынужден был защищаться от обвинений в низкопоклонстве перед Западом, его даже хотели судить судом чести. Люди стали здороваться с Михаилом Ильичом, опустив глаза. Многие старались пробежать мимо, вокруг режиссера и его жены стал возникать некий вакуум.

Во время кампании по борьбе с «безродными космополитами» в СССР М. И. Ромм писал в ЦК КПСС: «Я не сионист, я коммунист. После 1917 года я вообще надолго забыл, что я еврей. Меня заставили вспомнить об этом в 1944 году, когда возник проект организации “Руссфильма”. По этому проекту в Москву допускались работать режиссеры Пырьев, Александров, Герасимов, Савченко, Бабочкин, Жаров. А Эйзенштейн, Райзман, Рошаль, Ромм и прочие, носящие аналогичные фамилии, должны были остаться на национальных студиях – в Алма-Ате, Ташкенте. Проект этот не был осуществлен, но в последующие годы мне частенько напоминали разными способами, что я – еврей: и по случаю космополитизма, и в связи с организацией судов чести, и при формировании моей съемочной группы, и во времена “дела врачей-убийц”».

После смерти Сталина знаменитый режиссер одним из первых известных советских деятелей культуры во всеуслышание заявил, что период с середины 1930-х годов имел мало чего общего с настоящим искусством.

В творческой биографии Ромма необыкновенно важно было присутствие любимой женщины. Он всегда хотел снимать Кузьмину, но когда вышел указ о том, что режиссерам нельзя снимать своих жен-актрис, Ромм в фильме «Убийство на улице Данте» был вынужден работать с другой исполнительницей главной роли. Михаил Ильич вдруг утратил интерес к съемкам. А возможно, он ощутил, что перестал понимать время, отдал себе отчет в том, что настала пора помолчать и подумать. Для этого нужна трезвость самооценки и самоирония, которых у Ромма было в избытке. Длинную паузу он заполнил публикацией статей о киноискусстве, преподаванием во ВГИКе. Студенты его

боготворили и гордились, что учатся у такого великого мастера: «Михаил Ильич был человеком высокой духовной культуры, требовательным к себе и другим, благородным. Он ненавидел ложь, уважал свободу и право художника на собственные ошибки, необходимость самому их познать и понять. В каждом из нас Учитель видел яркую индивидуальность, помогал нам оставаться самими собой.

Он считал и учил нас тому, что режиссер всегда должен быть и драматургом, так же как и драматург всегда должен быть и режиссером. Михаил Ильич сам был прекрасный драматург, отлично чувствовал сценарную форму, великолепно умел ее анализировать».

Профессор Ромм расходовал себя щедро, не жалея сил, не только на съемочной площадке, но и на лекциях во ВГИКе и Высших режиссерских курсах.

В 1962 году Михаил Ильич снял «Девять дней одного года» – фильм, поразивший всех яркостью и новизной киноязыка, одновременно и молодостью, и мудростью мысли. В этой картине гражданский пафос режиссера приобрел эмоционально-интеллектуальную окраску. В ней блестящие съемки, замечательные диалоги, лучшие актеры того времени.

Молодой физик Гусев (Алексей Баталов) проводит испытания с атомными реакциями. Результатом его работы может стать невероятно мощный источник энергии. На алтарь науки положены отношения с любимой девушкой (героиня Татьяны Лавровой), дружба (с персонажем Иннокентия Смоктуновского). Но хуже того – главный герой получает сильное облучение, в результате чего может умереть даже при небольшом облучении.

Иногда кажется, что именно атомная энергия – главный герой картины и единственный смысл существования Гусева. Она оправдывает его ссоры с друзьями, холодность к жене и жесткость к коллегам. Она заставляет Гусева жить, и она же приводит к его гибели.

Фильм получил премию в категории «Лучший режиссер» на Международном кинофестивале в Карловых Варах и другие награды. Картина стала одной из самых блестящих как в биографии знаменитого мастера режиссуры, так и во всей истории кинематографа Советского Союза.

После «Девяти дней» гениального режиссера уже не устраивала и эта, редкая по тем временам мера приближения к правде в игровом кино. Ромму уже не хватало красок в палитре художественных лент, ему нужно было говорить о реальности с позиций документа, ему хотелось подойти к жизни впрямую, к главным ее проблемам.

И тогда он из фрагментов довоенной и военной хроники смонтировал одну из самых феноменальных документальных лент XX столетия – «Обыкновенный фашизм». Картина стала художественным и философским исследованием социальных причин возникновения фашизма и психологии масс. Закадровый комментарий Ромма в этом фильме – самостоятельное великое произведение искусства.

В 1968 году, едва оправившись от прошлогоднего инфаркта, знаменитый режиссер начал работу над документальной картиной-трилогией «Мир сегодня», поднимающей наиболее сложные вопросы жизни планеты тех дней. Хотя фильм был одобрен ЦК КПСС, гениальному мастеру режиссуры мешали на всех уровнях, как открыто, так и скрыто. Эту работу Ромм так и не успел закончить. (Кинолента была доработана М. Хуциевым, Э. Климовым и Г. Лавровым и вышла в 1976 году на экраны под названием «И все-таки я верю».)

1 ноября 1971 года Михаил Ильич скончался и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

После его смерти остались многочисленные магнитофонные записи воспоминаний, которые Ромм надиктовал на магнитную ленту. По оценке профессиональных писателей, это были «бесконечно интересные маленькие законченные шедевры-новеллы». Стараниями супруги режиссера, актрисы Е. А. Кузьминой и дочери, Н. Б. Кузьминой, а также друзей они были впоследствии изданы трехтомником «Избранные произведения М. И. Ромма (1980–1982), правда с большим количеством купюр. В 1989 году вышли «Устные рассказы» режиссера, а в 2003 году – книга «Как в кино». В издания были включены неизвестные и острые воспоминания-рассказы о встречах с Хрущевым, Сталиным и другими, а также эпизоды, ранее исключавшиеся из публикаций цензурой, поскольку мастер очень часто говорил то, что не совпадало с установками партийной идеологии или было нелицеприятно. Ведь Ромм еще в 1960-х отбросил все условности и выработал для себя свод правил, которые поклялся неукоснительно соблюдать:

1. Отныне я буду рассказывать только о тех людях, которых я знаю, лично знаю.

2. Отныне я буду делать фильмы только на современном советском материале, потому что я его знаю.

3. Отныне я буду говорить только о том, что меня лично волнует как человека, как гражданина своей страны, причем как человека определенного возраста, определенного круга.

4. Отныне я буду рассчитывать на то, что среди 220 млн моих сограждан найдется хоть несколько миллионов, которые думают

о том же, о чем думаю я, и на том же уровне, на каком думаю я. Я буду делать картины для них.

5. Если я убежден, что исследовать человека нужно в исключительные моменты его жизни, пусть трагические, пусть граничащие с крушением, катастрофой, то я буду брать этот материал, не боясь ничего.

И не боялся.

24 января 2001 года Союз кинематографистов и Министерство культуры России провели Вечер памяти Михаила Ромма «И все-таки я верю…», посвященный 100-летию со дня рождения знаменитого режиссера.

РОСТРОПОВИЧ МСТИСЛАВ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ

(род. в 1927 г. – ум. в 2007 г.)

Величайший виолончелист современности, дирижер, педагог, общественный деятель. Его имя входит в число «Сорока бессмертных» – почетных членов Академии искусств Франции. Почетный доктор более 50 университетов мира. Командор ордена Почетного легиона (Франция), почетный рыцарь-командор Светлейшего ордена Британской империи. Имел государственные награды 29 стран.

Мстислав Леопольдович родился 27 марта 1927 года в городе Баку в музыкальной творческой семье. Отец, Леопольд Витольдович, был виолончелистом, мать, Софья Николаевна, – пианисткой. Родители долгое время преподавали в Азербайджанской консерватории. Музыкальные способности мальчика проявились очень рано – в четыре года он начал

сочинять музыку, в восемь лет – заниматься игрой на виолончели. Первым учителем Мстислава становится отец. Когда семья в 1932 году переехала в Москву, Леопольд Витольдович стал преподавать в музыкальной школе им. Гнесиных, куда впоследствии поступил и его сын. Мать параллельно занималась с ним игрой на фортепиано. Продолжая сочинять музыку, мальчик с 1939 года занимался в классе композиции у Е. О. Месснера в училище при Московской консерватории. В 1930-е годы он регулярно ездил с отцом на летние сезоны в Славянск. Старший Ростропович возглавлял в городском оркестре группу виолончелей. Там же состоялось первое публичное выступление Мстислава – 13-летний музыкант сыграл с оркестром виолончельный концерт К. Сен-Санса.

Во время Великой Отечественной войны семья эвакуировалась в Оренбург. Там Мстислав продолжает совершенствовать свое исполнительское и композиторское мастерство. Его учителем становится М. И. Чулаки.

Первое заметное выступление Мстислава состоялось на творческом вечере советских композиторов в апреле 1942 года. «Слава Ростропович сыграл свою Поэму для виолончели и Прелюдию для фортепиано. Произведения свидетельствуют о большом мелодическом даровании, тонком гармоническом чутье и высоком музыкальном вкусе. Юный автор подкупает слушателей и своими прекрасными исполнительскими возможностями», – так о нем отзывалась пресса того времени. Выступление стало началом концертной деятельности Ростроповича.

В 1942 году умирает отец, и 15-летний Мстислав начал сочетать концертные выступления с педагогической деятельностью, заменив его в музыкальном училище.

В 1943 году Ростропович возвращается в Москву и сразу поступает в консерваторию. Он одновременно посещает классы трех педагогов: виолончель – С. М. Козолупова, композиция – В. Шебалина, инструментовка – Д. Д. Шостаковича. С консерватории началась исполнительская карьера Мстислава. 1944 год – первая премия на студенческом конкурсе. В 1945 году он завоевал золотую медаль на Всесоюзном конкурсе молодых музыкантов. После этих побед сразу был переведен со второго курса на пятый и в 1946 году с блеском окончил консерваторию. Победы на международных конкурсах в Будапеште (1949 г.) и в Праге (1950 г.) принесли Ростроповичу мировое признание. Начиная с 1950-х годов он становится первой виолончелью мира. Наступила «эпоха Ростроповича».

В 1959 году Мстислав становится профессором. В течение 26

лет он преподает в Московской консерватории и 7 лет – в Ленинградской. Многие из его учеников стали знаменитыми исполнителями и преподавателями в музыкальных академиях мира.

Большое влияние на творчество Ростроповича оказала дружба с гениальными композиторами XX века – С. Прокофьевым и Д. Шостаковичем, без музыки которых он не мыслил своего творчества. Сергей Прокофьев посвятил ему виолончельную «Симфонию-концерт», которую написал в 1952 году, незадолго до своей смерти. Дмитрий Шостакович специально для Ростроповича писал свои виолончельные концерты. С 1961 года началось творческое сотрудничество маэстро с крупнейшим английским композитором Бенджамином Бриттнером, который тоже специально для него писал музыкальные произведения. В исполнении Ростроповича прозвучал почти весь репертуар мировой виолончельной музыки. «Исполнитель – это прежде всего добытчик нового в искусстве, неустанно будоражащий мысль композитора, его интерес к репертуару для того или иного инструмента», – говорил он. Благодаря ему во второй половине XX века значительно увеличилось число композиторов, пишущих для виолончели. Специально для Ростроповича писали концерты. Около 60 современных композиторов посвятили маэстро свои сочинения. «Я сделал 117 мировых премьер музыки для виолончели и 70 оркестровых премьер и я теперь умею читать у композиторов по лицу. Придет ко мне сейчас очередной молодой композитор с партитурой, и я могу, даже не заглядывая в партитуру, сказать, что за музыку и о чем он написал», – сказал как-то маэстро.

В 1955 году произошло большое событие в личной жизни Ростроповича. Он женился на известной оперной певице, приме Большого театра Галине Вишневской, с которой прожил в счастливом браке более 40 лет. У них родились две дочери – Ольга (1956 г.) и Елена (1958 г.).

Для маэстро брак был еще и творческим союзом. С 1961 года он выступал с Вишневской как аккомпаниатор. Их ансамбль называли выдающимся художественным явлением в культурной жизни страны. Ростропович не шел по стандартному пути – его привлекали интерпретации сложнейших произведений камерного репертуара. Вокальный цикл С. Прокофьева на слова А. Ахматовой, «Песни и пляски смерти» М. Мусоргского, «Сатиры» Д. Шостаковича на слова Саши Черного – вот далеко не весь перечень их исполнительских программ. Как камерный музыкант, Ростропович выступал в ансамбле с С. Рихтером, в трио – с Э. Гилельсом и Л. Коганом.

За концертную деятельность Мстислав Леопольдович в 1951 году был удостоен Государственной премии СССР, в 1964 году – Ленинской премии. А в 1966 году музыкант получил звание народного артиста СССР.

Наконец, в 1968 году произошел еще один «скачок» маэстро в новую для него сферу музыки – в 1968 году в Большом театре прошла опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин» с Ростроповичем за дирижерским пультом. Он взял оперу, «освоенную» вековой дирижерской традицией, и проявил себя здесь как новатор. Рецензии были восторженные: «Сброшен старый груз исполнительских штампов: традиционные оперные номера разомкнулись, и словно потянулись от сцены к сцене невидимые нити большой симфонической драматургии». Затем последовали оперы «Семен Котко» и «Война и мир» С. Прокофьева.

К началу 1970-х годов Ростропович стал мировой знаменитостью. Он часто выезжал на зарубежные гастроли, получил бесчисленное количество наград. Как-то маэстро пошутил, что «если одновременно наденет ордена всех государств, которыми награжден, то ему позавидует сам Брежнев». Но, несмотря на это, Ростропович оказался крайне «неудобным» у себя в стране. Поддержка опального А. Солженицына привела к тому, что ему сначала запретили выступать в Большом театре, а затем вообще в Москве и Ленинграде. Имя музыканта исчезло с афиш, из титров телевизионных передач. Тоску по работе Ростропович пытался утопить в спиртном. Тогда Галина Вишневская решилась на отчаянный шаг – она написала письмо Брежневу с просьбой выпустить их за границу. В 1974 году, в самом расцвете творческих сил и возможностей, они выехали из СССР. А спустя четыре года, когда Ростроповича лишили советского гражданства, он становится «гражданином мира». В 1990 году М. Горбачев издал указ о восстановлении гражданства и снятых почетных званий, но российское гражданство Ростропович так и не принял. «Когда в моей жизни что-то не ладится, я прежде всего вспоминаю свое письмо в «Правду», которое я в свое время написал в защиту Солженицына… Если меня попросят назвать главное деяние моей жизни, оно не будет связано с музыкой. Оно – в одной страничке этого письма. С тех пор моя совесть чиста и ясна».

На Западе Ростроповича встретили восторженно, здесь его творчество знали и любили. Но, несмотря на хороший прием, первое время артистам приходилось туго. «Мы свалились на Запад как снег на голову. Там вся концертная жизнь расписана на

годы вперед. Пришлось буквально с ходу искать в ней свое место». С 1977 по 1994 год Ростропович возглавлял Национальный симфонический оркестр США. За 17 лет он «приучил» Америку любить Д. Шостаковича. Тогда же, в 1977 году, музыканта пригласили на должность артистического директора Бриттеновского фестиваля в Олдборо. Со временем Ростропович организовывает собственные фестивали во Франции, США, Англии. Их он посвящает своим любимым композиторам – Д. Шостаковичу, С. Прокофьеву, Бриттену. Один из лондонских фестивалей, посвященный Д. Шостаковичу, длился несколько месяцев. Ростропович исполнил все его 15 симфоний с Лондонским симфоническим оркестром. Во Франкфурте по инициативе маэстро возродился Международный конкурс виолончелистов имени Пабло Казальса. С 1998 года проводится Международный конкурс по композиции «Мастерпрайз». Его цель – соединить почитателей классической музыки и современных композиторов. Ростропович организовывал мастер-классы игры на виолончели по всему миру, а с 2004 года возглавлял Школу высшего музыкального мастерства в Валенсии.

Маэстро успевал откликаться на все важнейшие мировые события. Со своей виолончелью он высаживался на лед в Арктике, спасал леса Амазонки, играл в 1989 году у разрушенной Берлинской стены, выступал в Москве у Белого дома в августе 1991 года, после ночи на баррикадах. После этого даже родился анекдот: «Если в России появился Ростропович с виолончелью, значит что-то стряслось».

С 1990 года он часто приезжает на Родину, и не только на гастроли. «Никому и никогда не удастся меня поссорить с Россией, сколько бы грязи на мою голову не лили», – утверждал маэстро. «…Обязанным я считаю себя России. Там я жил, получил образование. Поэтому я и Вишневская организовали Фонд помощи педиатрии России. Помочь детям для меня – смысл жизни». Мстислав Леопольдович был президентом «Благотворительного фонда Вишневской – Ростроповича», который оказывает помощь детским лечебным учреждениям Российской Федерации. С 2000 года фонд начал проводить в России программу по детской вакцинопрофилактике. Маэстро также основал стипендионный фонд для талантливых детей в России, он был одним из первых, кто поддержал идею проведения в Нижнем Новгороде Международного фестиваля искусств имени А. Д. Сахарова. На Втором фестивале маэстро был почетным гостем, а на Четвертом – участником.

В 2007 году Ростропович, уже тяжело больной, был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

Награду вручил В. В. Путин. На церемонии награждения маэстро сказал: «Я чувствую себя счастливейшим человеком. Со мной рядом моя семья, мои друзья и коллеги…»

К сожалению, это было одно из последних публичных выступлений Ростроповича. 27 апреля 2007 года его не стало.

РОТКО МАРК

Настоящее имя – Маркус Роткович
(род. в 1903 г. – ум. в 1970 г.)

Американский художник, известный своими абстрактными картинами и декоративными росписями. Один из ведущих представителей абстрактного экспрессионизма в мировой живописи. Автор книги «Реальность художника: философии искусства».

Кристоферу Ротко было всего шесть, когда его знаменитый отец свел счеты с жизнью. «У меня сохранилось о нем несколько воспоминаний, я могу перечесть их по пальцам, – рассказывает Кристофер. – Лучше всего я почему-то запомнил его голос». Может быть, эта память о голосе и помогла ему отредактировать книгу отца «Реальность художника: философии искусства», вышедшую в 2004 году. Оригинал рукописи долгое время считался потерянным. Кристофер называет книгу отца «манифестом абстракциониста» и утверждает, что в своих теоретических рассуждениях художник провидчески

предсказывал путь своего дальнейшего творческого развития. Ему даже приходила в голову мысль назвать книгу «Кристальный шар Марка Ротко». В ней художник размышлял об истории искусства, о месте творческого человека в мире. В ней он впервые пытался нащупать путь к высшей реальности, который может открыться с помощью света, цвета и пространства: «Искусство – это всегда последнее обобщение, – писал Марк Ротко. – Оно должно привносить в нашу жизнь осознание бесконечности. Наша среда слишком разнообразна для философского единства, в искусстве мы хотя бы находим символы, чтобы выразить наше желание достичь его».

Марка Ротко из-за схожести судеб часто называют «латгальским Шагалом», хотя жили они в разное время, у них разные судьбы и, самое главное, принципиально иная живопись. Общее – еврейское происхождение, жизнь за чертой оседлости в России, эмиграция, признание и слава. Маркус Роткович – один из интереснейших художников XX века – родился 25 сентября 1903 года в Двинске (ныне Даугавпилс, Латвия), но в десятилетнем возрасте стал эмигрантом. Семья Ротковичей перебралась в Америку еще до глобальных потрясений, начавшихся в Европе с Первой мировой войной. Сейчас сложно сказать, что повлияло на их выбор: то ли предчувствия надвигающихся бед, то ли просто желание попытать счастья на новой земле. Вначале в Новом Свете обустроился глава семьи с двумя старшими сыновьями, а затем мать вместе с дочерью и Маркусом. Ротковичи обосновались в Портленде (штат Орегон), но эмигрантское счастье не улыбнулось им на новом месте. Отец Маркуса вскоре умер, и детство его было не из легких. Если бы в те голодные годы он узнал, что в 2004 году одна из его картин, датируемая 1954 годом, – абстрактное полотно высотой почти 2,5 метра под названием «№ 6 (Желтое, белое, синее через желтое на сером)» – будет продана на нью-йоркском аукционе «Сотбис» за 17,4 миллиона долларов, то, скорее всего, он бы просто удивился.

В 1921 году Маркус получил стипендию в престижном Йельском университете и два года изучал философию и иностранные языки. Одновременно он работал рассыльным, официантом, стилистом в швейной мастерской. Но всю молодость Роткович ощущал себя чужаком как в среде молодых американских интеллектуалов, так и в еврейской религиозной общине, потому что ни проторенными, ни модными дорогами не любил ходить – он пытался быть самим собой, что само по себе задача нелегкая, а для большинства – непосильная. Свой уход из университета он объяснил в своем дневнике желанием «немного пострaнствовать, полодырничать и поголодать». В 1924 году

несостоявшийся юрист отправился в Нью-Йорк и записался на курсы живописи при Лиге студентов-гуманитариев. С тех пор Нью-Йорк оставался его домом до самой смерти. Одним из учителей молодого Ротковича был Макс Вебер, который открыл для него русский и европейский авангард. Зарабатывать на жизнь юноше приходилось самыми разными способами: он работал в прачечной, преподавал, рисовал карты для иллюстрированной Библии.

В 1929 году Маркус получил место учителя искусств в Бруклине и тогда же впервые выставил свои работы. Он начинал с традиционного сюжетного письма, создавая сотни работ на бумаге и холсте: обнаженные натуры, портреты, интерьеры с фигурами, городские сюжеты и пейзажи. Произведения этого времени представляют собой композиции, романтические по духу, но стилистически близкие экспрессионизму. Уже тогда, благодаря Веберу, который познакомил его с кубизмом и работами Поля Сезанна, он тяготел, через искажение форм и грубые мазки, через цвет и баланс, к экспрессивности, к эмоциональной силе, к глубине, тем самым усиливая выражение темы и открывая новое свое видение окружающего мира. А спустя четыре года состоялась его первая персональная выставка, на которой были представлены ландшафты и городские виды, а также портреты, с налетом тогдашних модных «измов», комнатный формат, печаль и смирение… В общих чертах живопись Ротковича 1930-х годов – фигуративная, с искажением пропорций, – напоминает немецкий экспрессионизм начала XX века. Через два года после своей выставки Роткович вместе с несколькими нью-йоркскими художниками основал «Группу десяти» (количество участников этого творческого союза никогда не превышало девяти человек), представляющую собой объединение экспрессионистов.

В 1938 году Маркус обратился за получением американского гражданства и начал работать под творческим псевдонимом «Марк Ротко». Но лишь спустя много лет, в 1959-м, когда он решил оставить у себя выполненные для «Четырех сезонов» картины, этот псевдоним стал его официальным именем. А работы 1940-х годов свидетельствовали о его увлечении европейским сюрреализмом в его абстрактном, а не изобразительном ответвлении. Его живопись быстро эволюционировала от мечтательных полуабстрактных композиций на сюжеты из греческих трагедий к абсолютно беспредметным формам. Иногда он страдал от депрессии и не мог работать. Именно в такой период, с 1940 по 1941 год, художник написал свою единственную книгу.

Независимо от того, в каких художественных объединениях состоял Ротко, он имел собственное мнение о роли и значении искусства, которое не всегда совпадало с общепринятым. В 1943 году, когда появился неблагоприятный отзыв о его совместной с Адольфом Готлибом работе, они опубликовали короткий манифест, в тексте которого, в частности, говорилось: «Среди художников широко распространено мнение – не важно, что ты рисуешь, если это нарисовано хорошо. Не бывает хорошей картины ни о чем». По иронии судьбы именно так отзывались о дальнейшем творчестве Ротко некоторые случайные зрители, называвшие его работы всего лишь «цветными пятнами». Хотя в своей книге Ротко ничего не пишет о собственных полотнах, книга позволила частично приоткрыть завесу над его жизнью. Например, он с презрением отзывается о декоративной функции искусства, возможно потому, что именно в ту пору его первая жена, ювелир Эдит Сэчер, пыталась заставить его работать над своими украшениями.

Только к началу 1950-х Марк Ротко нашел свой стиль в русле абстрактного экспрессионизма, упростив структуру картин до двух, иногда трех зон яркого чистого цвета. Когда перелистываешь альбомы Ротко, возникает странное ощущение. Вот вполне реалистические портреты матери, сестры. Постепенно контуры как будто расплываются, а краски становятся ярче, насыщеннее. И, наконец, остается только цвет – знаменитые «цветные поля» Ротко. Вначале холст покрывался различными цветовыми формами, из которых спустя какое-то время выкристаллизировалась присущая его творчеству «изюминка» – два или три наложенные друг на друга прямоугольника, словно плывущие по поверхности полотна. С начала 1950-х у работ нет названий, связанных с реальностью. Просто «Черное, фиолетовое и желтое на оранжевом» или «Землисто-красное и зеленое». Марк Ротко хотел ни много ни мало «выразить красками древнейшие человеческие понятия и эмоции – трагедию, экстаз, смерть». Когда смотришь на его полотна, рождается ощущение, что они пульсируют, то расширяясь, то сжимаясь. Сам художник советовал рассматривать свои произведения с очень близкого расстояния, чтобы «цветовые поля» могли поглотить зрителя. Говорят, что в 1950-е годы, глядя на разноцветные пульсирующие квадраты Ротко, американцы рыдали. «Картины должны быть чудесными», – любил говорить Ротко и создавал это чудо цветом.

Описывать абстрактные картины Ротко – дело гиблое и неблагодарное. Например, он не признавал рам, и поэтому прямо из стены возникает огромное цветовое поле, где различные оттенки одного и того же цвета переходят друг в друга и

контрастируют. Нечеткие края как бы оплавлены, возникают цветные пятна. На выставках Ротко требовал приглушить свет. Цветовые блоки казались повисшими в бесконечном пространстве. Возникало ощущение, что краски пульсируют, изменяются, что перед вами – Космос. Несмотря на огромные размеры картин, живопись Марка Ротко камерная, очень личная и эмоциональная. В творчестве он стремится «к уничтожению всех преград между художником и идеей, между идеей и зрителем». Знаки и символы, яркие эмоции, оранжево-белая гамма настроений, которыми наполнены полотна, пронизанные внутренним мерцанием, не открываются зрителю сразу, позволяя неторопливо постигать абстрактный мир сюрреалистических работ художника.

Сам он формулировал свою задачу, как «простое выражение сложной мысли». Работы последнего периода (с конца 1950-х годов и до смерти), прославившие его, – это полотна большого размера с крупными цветовыми плоскостями. Главное выразительное средство – цвет. Каждая абстрактная фантазия – отчетливая иллюстрация эмоции, «сложная мысль» внутри абстрактно-экспрессивных работ Ротко современным зрителем не прочитывается.

Чтобы реализовать себя до конца, Ротко в основном занялся созданием монументальных композиций для украшения зданий. В 1958 году он получил заказ на создание декоративных панно для ресторана «Четырех сезонов» в небоскребе Сигрем-билдинг. Несколько полотен Марк создал в своей огромной студии в Бауэри в южной части Манхэттена, а затем уехал работать в Европу. На борту корабля он познакомился с редактором журнала Harper Джоном Фишером, который уже после смерти Ротко опубликовал статью «Портрет художника в гневе». Все, кто знал характер Ротко, не были удивлены, узнав, что он отказался отдать картины заказчику. В один прекрасный момент он понял, что оформлять стены в этом респектабельном ресторане больше не может, и аннулировал заказ, отказавшись таким образом от 35 тысяч долларов. Было это в 1959 году… Он, сидя в ресторанном зале, с внезапным отвращением почувствовал, что продал душу капиталистам. «Тот, кто будет пировать среди этих цен, даже и не взглянет на мои картины», – говорил Марк своим друзьям. Ему было нестерпимо осознавать то, что он оформлял «место, куда будут приходить богатейшие ублюдки Нью-Йорка, чтобы покормиться и показать себя». Впрочем, этот гнев имел несколько неожиданные последствия: поначалу живописец решил «испортить аппетит всем этим сукиным детям, которые когда-либо будут есть в этой зале», «заставить этих богатых ублюдков

почувствовать, что они загнаны в ловушку с замурованными окнами и дверями». Намерение создать максимально удушливую атмосферу для богатых так и не было воплощено живописцем. Скорее, он сам ощущал себя задавленным и загнанным в ловушку. Подобно многим другим полотнам Ротко, названия выполненных им для «Четырех сезонов» картин рождены их цветовой схемой: «Черный на мароне», «Красный на мароне». Их содержание кому-то может напомнить дверной проем. Иногда прямоугольник закрыт со всех сторон – взгляд зрителя притягивает центр картины, где он останавливается, словно упершись в стену. Десять полотен для «Четырех сезонов», написанные в Европе, прибыли в Америку точно в день смерти художника, но ресторан так и не смог их заполучить. Ценились они уже тогда на вес золота.

В 1961 году Ротко получил аналогичный заказ на украшение Холиоук-центра Гарвардского университета. В 1965–1967 годах художник работал над мистическими полотнами для экуменической капеллы в Хьюстоне (Rothko Chapel). Это 14 огромных холстов, разместившихся по стенам уникальной капеллы, созданной для объединения людей разных религий. На полотнах переданы все оттенки черного цвета – от темно-лилового, как вечернее зимнее небо, до непроглядной, беспросветной ночи. Это самая значительная работа Ротко. (Капелла Ротко в Хьюстоне, изначально возводившаяся как католический храм, открылась спустя год после его смерти и стала пристанищем для людей всех вер.) Это Ротко во всей красе – магически мерцающий пурпур в полутемном зале лондонской галереи Тейт, завораживающая чернота Хьюстонской капеллы… Масштаб – самое подходящее слово для этого автора, масштаб чувств и масштаб холстов. «Я не выражаю себя в своих картинах. Я выражаю своего не-себя», – самая известная фраза Ротко.

Это было тяжелое для художника время. С одной стороны, он очень богат и знаменит, у него жена, сын и дочь. В 1969 году он организовал фонд для поддержки нуждающихся художников. Йельский университет присудил ему степень доктора изящных искусств. С другой стороны, в картинах того времени жизнерадостные красные, оранжевые и желтые краски постепенно сменяются коричневыми, фиолетовыми и черными. Его работы становились все более гнетущими и мрачными. Отказавшись от эффекта полупрозрачное™, которого он добивался с помощью масла, Ротко начал использовать акриловые краски. Тем не менее, по словам М. Б. Пиотровского, его картины противостоят «Черному квадрату» Казимира Малевича: «У Малевича – это конец живописи. У Ротко – это черный цвет классических

голландских художников».

И все же это было свидетельством какого-то надрыва в душе потрясающего мастера цвета. В январе 1969 года он, покинув свой дом, уединяется в своей мастерской, в которую полностью перекрыл доступ дневного света. Ротко пишет серию картин, где только черное и серое. Характер у него всегда был, мягко говоря, не покладистый, а скорее мятежный, к тому же желчный и меланхолический. Отказался поехать на «Документу» в Кассель, потому что это в Германии. Отказывался учить студентов, потому что задают не те вопросы. Он неоднократно подавал в суд на всевозможных своих обидчиков, ни разу при этом не выиграв процесса. Часто ссорился с коллегами и не отличался особой жизнерадостностью. К тому же в 1960-е годы появился Уорхол со своим поп-артовским задором и все «испортил»: страдания и эмоциональный надрыв, художнические депрессии и возникающие вследствие них абстрактные шедевры вышли из моды. К болезни, личной драме прибавилось еще и острое ощущение меняющегося культурного поля и утраченной актуальности своего собственного творчества. Последнюю мрачную серию «Без названия» Марк Ротко не завершил. 25 февраля 1970 года один из его помощников обнаружил художника лежащим посреди студии с перерезанными венами.

Марк Ротко не был первооткрывателем в искусстве, но он яркий представитель своего времени, чем и интересен. Впрочем, именно он относится к тем немногим художникам, кто, формально являясь одним из многих, выработал совершенно уникальную стилистику, которую нельзя продолжить, но которой возможно лишь подражать. Но абстракция неизбежно связана с идеей смерти: это попытка изобразить ничто – то, чего уже нет. Искусство неизбежно связано с идеей бессмертия: это попытка увековечить то, что есть. Если отнестись к этой дилемме серьезно, можно свихнуться даже человеку более веселого нрава, чем у Ротко. Самоубийство внесло последний штрих в легенду великого художника. Ротко – гордость Америки и вообще поп-идол западной культуры. Его картины используют для открыток, упаковок, выпускаются почтовые марки с репродукциями Ротко, есть рок-группа Rothko… Последний писк в интерьере – это постер Ротко. В массовом сознании его индивидуальный стиль укоренился в виде формально-декоративных реплик в области промышленного дизайна. Флакон новых духов от Carolina Herrera, как гласит реклама, «решен в духе творений модного русско-американского художника Марка Ротко». Таким причудливым образом оседает в визуальной истории «простое выражение сложных мыслей» художника-абстракциониста.

РОТШИЛЬД МАЙЕР АМШЕЛЬ

(род. в 1743 г. – ум. в 1812 г.)

Финансовый магнат, основатель династии влиятельных банкиров и бизнесменов, владельцев всемирно известных банковских домов, страховых фирм и корпораций в различных отраслях промышленности: нефтяной, горнодобывающей, цветной металлургии, железнодорожном строительстве и др.

В старинном немецком городе Франкфурте-на-Майне туристам до сих пор показывают дом под № 152, сообщая при этом, что здесь в 1743 году родился и жил Майер Амшель Ротшильд, прародитель могущественной банкирской семьи. Без всякого преувеличения можно сказать, что под этой черепичной крышей и за этими длинными, узкими окнами не раз решалась участь войны и мира, судьбы отдельных министров и даже целых правящих династий.

Правда, начало этого поразительного величия было более чем скромным. Ведь Ротшильд – простое прозвище, буквально

означающее «у красной вывески», которое, по преданию, получил один из представителей семьи, лавочник Исаак Эльханан. Первым, достоверно известным историческим лицом из дома Ротшильдов стал Амшель Моисей (Мозес). Он торговал всякими редкостями, старинными монетами и жил в высшей степени скромно, твердо держась правила: «богатство человека не в том, что он получает, а в том, что сберегает». Этот девиз банкирская династия смело могла бы написать на своем гербе. К концу своей жизни Мозес сумел скопить всего около 1,5 тыс. флоринов.

Его сын, Майер Амшель, 12-летним ребенком остался круглым сиротой и воспитывался у родственников. Следуя предсмертной воле родителей, опекуны отправили мальчика в Фюрт учиться в знаменитой синагоге. Но занятия вызывали у него только скуку – Ротшильд хотел быть торговцем, а не раввином. Уже в школе он открыл крошечную меняльную лавку и вел свои операции на деньги, которые затем тратил на покупку лакомств. Ему удалось даже приобрести несколько редких монет и выгодно сбыть их. Кроме того, он составлял различные антикварные коллекции и пускал их в оборот, быстро приобретя среди товарищей репутацию пройдохи.

Несколько лет вялых занятий Талмудом и ловких финансовых операций окончательно убедили Майера, что он будет хорошим купцом и плохим раввином. После этого юноша перестал колебаться и вернулся во Франкфурт. Здесь он занимался всем, что попадало под руку, постепенно расширяя круг своих сделок. Для его деятельного характера меняльная лавочка оказалась тесной, поэтому Ротшильд нанялся на службу в банкирскую контору Оппенгеймера в Ганновере.

По службе Майер продвигался достаточно быстро и всего через несколько лет был принят в товарищи фирмы. Все это время его не покидала мечта начать свое дело. Накопив денег и опыта, Ротшильд оставил компаньонов и снова вернулся во Франкфурт. Здесь он сначала торговал старинными монетами, сам составлял каталоги и развозил заказы из одного германского княжества в другое. Затем он организовал лавку, в которой проезжие купцы могли поменять деньги одних германских княжеств на валюту других. Доходы от обменных операций Майер использовал на расширение дела. Он скупил несколько лавок, которые принадлежали попавшим в трудное положение менялам, но по-настоящему его возвышение началось после знакомства с гессенским курфюрстом Вильгельмом.

Свою карьеру при дворе наследного принца Майер Амшель начал в 1764 году поставщиком антикварных монет и медалей для его коллекции, через 5 лет стал придворным фактором, а

затем – главным придворным агентом княжеского дома Гессен-Ганау. Нужно отметить, что Вильгельм был довольно деловым человеком. Он и сам мог стать банкиром, ибо первым из немецких князей стал заниматься предоставлением кредитов под проценты. Вскоре его должниками оказались больше половины государей Европы. Постепенно в этот бизнес включился и Майер Ротшильд. Наряду с другими менялами и ростовщиками он время от времени получал от хозяина поручения – взыскать тот или иной иностранный долг (разумеется, за соответствующее вознаграждение).

В 1770 году Майер Амшель женился на дочери коммерсанта Гедуле Шнапер, простой, скромной и очень хозяйственной женщине. К тому времени, когда в семье появились дети (пять сыновей и пять дочерей), супруги были богаты и жили в новом доме – уже «под зеленой вывеской». На ней красовался герб гессенского двора и надпись золотыми буквами внизу: «Майер Ротшильд, управляющий делами герцога Вильгельма, его высочества князя Ганау».

С 1801 по 1806 год Ротшильд выпустил пять займов на сумму почти 5 млн гульденов. В это время он уже значительно опередил своих конкурентов, поскольку был освобожден от уплаты налогов, которыми облагались еврейские торговцы. Когда Вильгельм, спасаясь от Наполеона, вынужден был бежать и долгие годы жил в эмиграции, главный придворный агент двора Ротшильд сумел добиться монопольного положения в его финансировании. Добытых за годы войны денег и установленных деловых связей теперь было достаточно, и после крушения власти Наполеона Ротшильды занялись уже своей основной и отныне официально признанной деятельностью. Сын Майера Натан так характеризовал позже этот поворот к новой политике: «Ротшильды оставили контрабанду и продают единственно стоящий товар – деньги».

Да и сам Майер называл себя «торговцем деньгами». Трезвый расчет и осторожность были его лучшими достоинствами. Ведя грандиозные операции, Ротшильд всегда доставлял барыш себе и своим клиентам. Чувствуя, где и на чем можно наживать наверняка, имея связи и деньги, он вступил на тот путь, который вел не только к прибыли, но и к политическому значению: Майер принялся устраивать займы для государств в неслыханных до той поры размерах. С тех пор как гессенские миллионы очутились в его руках, они больше не залеживались. Серия займов началась еще в 1804 году, когда Ротшильд одолжил датскому правительству 4 млн талеров; ко дню же его смерти долг датчан возрос до 12 миллионов.

Надежнее подобного рода финансовых операций, по мнению самого Майера, нельзя было и вообразить, с той, разумеется, оговоркой, что не всякое правительство заслуживает кредита. Ротшильд не рисковал ничем. Кроме крупного куша за комиссию, он получал еще по 6 % годовых с выплаченных им денег, так, что каждый миллион займа приносил ему ежегодно 60–70 тысяч.

К сожалению, нельзя описать подробно финансовые операции Ротшильда. Все они совершались с соблюдением строжайшей секретности, и лишь немногие факты стали достоянием гласности. Когда Майер Амшель начал стареть и болеть, в деловых поездках его часто заменяли сыновья. Так что тайны всех деловых сделок не выходили за пределы семьи.

Осенью 1810 года влиятельный финансист решил основать фирму «Майер Амшель Ротшильд и сыновья» и сделать наследников ее совладельцами. В договоре был указан основной капитал в 800 тыс. флоринов, причем 370 тыс. флоринов принадлежали отцу, сыновьям Амшелю и Соломону досталось по 185 тыс., Карлу и еще несовершеннолетнему Джеймсу – по 30 тысяч. Натан, семь лет назад откомандированный в Лондон, не фигурировал в договоре по деловым соображениям. Во всех делах решающий голос оставался за стариком Майером. Споры между братьями должны были разрешаться в кругу семьи, сохраняя единство дома.

Майер Амшель Ротшильд умер в 1812 году, не переставая заниматься своими делами вплоть до жестокой предсмертной болезни. Имея представителей своей фирмы во всех важнейших городах Европы, сам он жил безвыездно во Франкфурте, в том же старом доме, у подъезда которого нередко останавливались кареты министров и даже коронованных особ. Посетителей же вообще было бесчисленное количество, и Майер выслушивал каждого из них лично. Между собой и своими делами он не терпел никаких посредников, сам просматривал все счета, обсуждал все комбинации. Своими миллионами он пользовался более чем умеренно, жил замкнуто и проводил большую часть времени в семье, среди детей, внуков и внучек – довольно многочисленных.

Трудно определить действительные размеры состояния Ротшильда на день его смерти. Известно, что Майер Амшель всегда вел «двойную бухгалтерию»: одни книги предназначались для властей и налоговых ведомств, а другие содержали секретные и прибыльные дела. Умирая, основатель династии позвал всех своих сыновей и наказал им действовать всегда сообща и не предпринимать ничего, не посоветовавшись с матерью. «Соблюдайте это, – сказал он, – и в скором времени вы станете

богачами среди богачей». Его завещание свято соблюдалось. Гедула Ротшильд на целых 37 лет пережила своего мужа и умерла 96-летней старухой в 1849 году. И все это время сыновья съезжались в родительский дом для совместного обсуждения миллионных проектов в присутствии матери. Гедула не вмешивалась в их разговоры, и каждый раз ее роль ограничивалась лишь напоминанием завета старого Майера.

Сыновья уверенно продолжали дело отца и во многом даже превзошли его, поскольку удачно разделили между собою наследство и сферы влияния. Амшель распоряжался биржей Германии, Натан – Англии, Соломон – Вены, Карл – Неаполя, а Джеймс – Парижа. Действовали они быстро и слаженно. Идя по стопам отца, братья Ротшильд так же умело и энергично, как и он, пользовались смутным положением Европы. На их миллионы снаряжались целые армии, за помощью к ним обращались все правительства противофранцузской лиги. Майер Амшель Ротшильд заложил хорошую базу для того, чтобы дом на Еврейской улице Франкфурта стал центром европейского финансового мира. Этот статус сохранился за ним и до сегодняшнего дня.

САРНОВ ДЭВИД

Настоящее имя – Давид Абрамович Сарнов
(род. в 1891 г. – ум. в 1971 г.)

Признан как один из основателей электронной промышленности и отец коммерческого радиовещания и телевидения в США. Его считают олицетворением рекорда пребывания у власти и в бизнесе, которого когда-либо достигал в США выходец из России. Руководил всеми радиоинформационными службами США. Бригадный генерал; удостоен высших военных наград. Бессменный советник по средствам связи и информации десяти президентов США.

Дэвид Сарнов стал, пожалуй, самым ярким символом того, что принято называть американской системой. Сам президент США Линдон Джонсон, знавший его многие годы, сказал в 1964 году: «Никто лучше не демонстрирует гениальность американской системы. Его рост от мальчишки-иммигранта до руководителя государственного масштаба – это исключительный

и одновременно вдохновляющий рекорд». Будущий лидер американских телекоммуникаций, образец блестящей деловой и политической карьеры, был выходцем из России. Он появился на свет в еврейском местечке Узляны под Минском 27 февраля 1891 года и был первенцем в семье маляра Абрама Сарнова и его жены Лии. У Давида вскоре появились еще два брата и сестра. Когда мальчику исполнилось пять лет, отец решил поискать счастья в далекой Америке. Он уехал один, чтобы, подзаработав денег, прислать их семье на дорогу. На это ему потребовалось четыре года.

Воспитание Давида взяла в свои руки бабка Рива, которая понимала, что без образования в чужих краях будет трудно, и потому отправила внука… зазубривать Талмуд к знакомому рабби под Борисов, что мальчик и делал с утра до позднего вечера. В 1900 году Сарновы кружным путем – так было дешевле – через Данию, Англию и Канаду добрались до Нью-Йорка. Говорят, что при погрузке на пароход в Ливерпуле подготовленную Лией корзину с кошерной пищей сунули вместе с другим багажом в трюм, и девятилетний Давид прыгнул туда с палубы, удачно приземлившись на мягкие тюки. Увидев головокружительный прыжок, матрос парохода произнес вещую фразу: «Ну, парень, в Америке у тебя будет все в порядке!» И, в общем-то, не ошибся.

Семья Сарновых поселилась в еврейском Нижнем Ист-Сайде Нью-Йорка. Правда, Абрам Сарнов оказался не способен прокормить своих многочисленных домочадцев: за четыре года непосильной работы он вконец подорвал здоровье и еле волочил ноги. Вся забота о семье легла на плечи матери, но с появлением еще двоих детей главным кормильцем стал Давид, или на американский лад Дэвид. Его карьера началась с продажи газет – обычной работы бедняцкой детворы – и учебы в школе. К моменту смерти отца, случившейся в 1906 году, Дэвид уже прошел путь от простого мальчишки-газетчика до хозяина киоска на углу 46-й улицы и 10-й авеню. По вечерам он ходил в школу и активно учил английский. Это был его любимый предмет. Кроме того, он очень много читал. То, что парень далеко пойдет, вскоре стало ясно многим. Как-то на уроке английского учитель, разбирая шекспировского «Венецианского купца», сказал, что жестокость и жадность Шейл ока являются типичными чертами еврейского характера. Дэвид отправился к директору и потребовал извинений. Конфликт попытались замять, но Сарнов заявил, что газетам любопытно будет получить информацию относительно царящего в школе антисемитизма. В результате Дэвид вернулся в класс, а учитель получил отставку.

Однако, окончив восемь классов, Сарнов вынужден был оставить школу. Передав процветающий киоск братьям и матери, он нашел работу на полный рабочий день, устроившись рассыльным в офис телеграфной компании Commercial Cable Company. Работал он там всего лишь несколько месяцев. В преддверии еврейских праздников Рош Гашана и Йом Кипур Дэвид попросил дать ему три выходных дня, чтобы в праздники, как обычно, петь в хоре синагоги. Ему, естественно, отказали, а когда он стал возражать, уволили. Однако время, проведенное в телеграфной компании, не прошло для любознательного подростка даром: он овладел искусством приема и передачи телеграфных сообщений. За заработанные два доллара – деньги по тем временам немалые – он приобрел телеграфный ключ, который впоследствии всегда занимал почетное место на его рабочем столе и которым он любил демонстрировать свое мастерство телеграфиста.

Увлечение пригодилось Сарнову: во вновь созданной в нью-йоркском отделении компании «Маркони» он занял должность младшего оператора, а заодно и мальчика на побегушках. Серьезный, всегда аккуратно одетый, прилежный, он выгодно отличался от большинства своих коллег из бывших моряков, больших любителей выпить, которые называли его не иначе, как Jew Boy – Еврейчик. Но самое главное, Дэвид лично познакомился с предприимчивым изобретателем беспроволочного телеграфа Гуглиельмо Маркони. Он рассказал ему об эмиграции из России, о своем газетном бизнесе и о желании стать оператором-телеграфистом. Маркони показал ему оборудование лаборатории и разрешил пользоваться находившейся там технической литературой. С того дня Дэвид стал личным рассыльным Маркони при его посещениях Нью-Йорка и разносил, в частности, букеты, подарки и письма многочисленным возлюбленным пылкого итальянца по всему городу. Однако роль «мальчика на побегушках» его не устраивала, и к 20 годам Дэвид был уже сложившимся, приметным специалистом, который не относился к беспроволочному телеграфу, как к забаве и пустой затее.

В 1912 году имя Дэвида Сарнова, работавшего старшим оператором на радиостанции, стало широко известным после трагической гибели «Титаника», породившей «легенду Сарнова»: будто бы именно он поздним вечером 14 апреля первым принял сигнал бедствия с тонущего корабля и оставался у приборов 72 часа, принимая и передавая новости. На самом деле Дэвид услышал информацию о катастрофе лишь утром следующего дня, но действительно принимал сообщения от менее мощных

радиостанций и передавал в газету информацию об оставшихся в живых пассажирах. «Гибель “Титаника” продвинула вперед радио и меня тоже», – говорил впоследствии Сарнов. Портреты молодого радиосвязиста обошли все газеты мира. С этого момента начинается его взлет и взлет радиосвязи. Конгрессом США принимается особый закон, требующий от всех судов, на борту которых 50 и более человек, установления радиоаппаратуры.

Карьера Сарнова после этого развивалась стремительно, в личной жизни все было хорошо. В 1917 году Дэвид женился. Его женой стала Лизетт Германт, красивая блондинка из недавно эмигрировавшей из Франции еврейской семьи. «Я не говорил по-французски, Лизетт не говорила по-английски, что ж нам оставалось делать?» – шутил впоследствии Сарнов. Лизетт стала матерью троих его сыновей и до конца его жизни, несмотря на его временные увлечения, оставалась рядом с ним.

В 1919 году компания General Electric выкупила акции American Marconi, принадлежавшей Великобритании, и создала Radio Corporation of America (RCA) – одну из самых мощных и богатых корпораций Америки, коммерческим менеджером, генеральным менеджером, а потом и президентом которой был Дэвид Сарнов. Именно тогда он и вернулся к своей идее трехлетней давности – «музыкальному радиоящику». Сарнов взглянул на радиоэфир принципиально по-иному. «У меня есть план, – писал он, – который может сделать радио такой же полезной домашней вещью, как пианино или фонограф… приемник может быть сконструирован в виде простого радиомузыкального ящика и настроен на различные длины волн». Это предложение содержало идею превращения радио из системы передачи сигналов на расстояние в разновидность масс-медиа. Не только развлекательные, но информационные и образовательные программы вскоре стали элементом будничной жизни рядовых американцев, а также жителей многих стран мира.

На то время конструкция такого «музыкального ящика» уже существовала: его создал приятель и коллега Сарнова Альфред Голдсмит. Он называл его «радиолой». Осталось только наладить массовый выпуск и, что еще более важно, заинтересовать потенциального потребителя, а для этого нужно было нечто такое, что заставило бы американца понять: да, такую штуку хорошо бы иметь дома. И Сарнов, отлично знавший американского обывателя, это нечто нашел. 2 июля 1921 года со стадиона в Джерси Сити (Нью-Джерси) прошла широкая радиотрансляция хода поединка между боксерами-тяжеловесами американцем Джеком Демпси и французом Жоржем Карпентье.

Репортаж слушало более 300 тысяч человек, собравшихся у огромных репродукторов по всему восточному побережью. После нокаутирующего удара, который нанес Демпси противнику в четвертом раунде, передатчик вышел из строя, но дело было сделано: идея радио вошла в сознание американцев.

В последующие три года корпорация RCA продала свыше миллиона радиоприемников, и этому успеху она в немалой степени была обязана новому изобретению одного из друзей Сарнова Эдвина Армстронга: его супергетеродинный приемник мог работать без наружной антенны. Сарнов уговорил совет корпорации купить патент, и Армстронг в одночасье стал миллионером.

Сам же Сарнов уже «бежал» дальше. «Рынок радиоприемников будет определяться количеством и качеством радиопрограмм», – четко понимал он. По его инициативе в 1926 году была создана National Broadcasting Company (NBC), осуществлявшая радиовещание, в то время как RCA сосредоточила в своих руках изготовление радиотехники: передатчиков, радиоприемников, аппаратуры для звукового кино, приемников для автомобилей. В 1930 году Сарнов стал президентом RCA, но за год до этого он уже носился с новой идеей. Этому способствовала встреча с Владимиром Козьмичом Зворыкиным, который чуть ли не подпольно занимался созданием электронной системы телевидения. Еще в 1923 году на совете директоров RCA Сарнов заявил: «Я верю, что телевидение придет в ближайшее будущее». Он сразу же оценил перспективность телевидения в целом и работ Зворыкина в частности и предложил ему перейти в RCA. Зворыкин согласился, и ему были созданы прекрасные условия для работы и щедрое финансирование. Президент RCA регулярно наведывался в лабораторию Зворыкина в Нью-Джерси, причем не как босс, а как человек, способный, засучив рукава, работать рядом с исследователями. И Зворыкин, под опекой Сарнова, успешно довел телевидение до коммерческого уровня.

Идея телевидения настолько захватила Сарнова, что он «проморгал» новое изобретение Армстронга – систему частотной модуляции (FM), которая позволяла очистить звук от помех, присущих системе амплитудной модуляции (AM). Друг видел в системе FM будущее радиовещания и, понимая, что самому ему не осилить огромную работу по перестройке радиостанций, обратился за помощью к своему Дэвиду. Но Сарнов, сразу оценивший значение изобретения Армстронга, решил использовать его по-другому: для звукового сопровождения своего нового увлечения – телевидения. Дружба дала трещину, которая превратилась в пропасть. Упрямый Армстронг за

собственные деньги построил радиостанцию, работавшую в системе FM и передававшую классическую музыку. Когда же инженеры RCA стали применять для телевидения свою систему FM, разработанную ими в обход патента Армстронга, тот затеял с корпорацией многолетнюю тяжбу. Сарнов пытался пойти на мировую и предложил изобретателю миллион долларов за патент, но тот с негодованием отверг предложение, посчитав сумму обидно незначительной. Но выдержать конкуренцию с Сарновым Армстронг не смог и покончил с собой: президент RCA получил патент, но теперь миллион достался вдове.

Нельзя сказать, что Сарнов был жадным или завистливым к чужим успехам. Оставаясь многие годы на самых значительных постах, он владел всего третью одного процента акций RCA, и, когда он умер, его доля стоила 7,4 млн долларов. Конечно, по тем временам это была внушительная сумма, но все же не такая большая, как можно было ожидать от такого деятельного и дальновидного бизнесмена, который в 30 лет стал советником президента Вудро Вильсона и оставался на этом посту еще при девяти президентах. Он руководил всеми радиоинформационными службами США, но когда горел идеей, остановить его было невозможно. Так, когда он спросил у Зворыкина, сколько ему нужно на промышленную разработку телевизионного вещания, тот попросил 100 тысяч долларов. Сарнов же выделил на эту идею 50 миллионов (!) и в октябре 1938 года объявил, что «телевидение в доме стало технически осуществимым». Талантливый администратор, он раньше других осознал перспективы развития телевидения и, как всегда, отреагировал быстрее других. В меморандуме, представленном руководству RCA, он отмечает: «Я верю, что телевидение получит развитие в ближайшее время. А на следующий год, выступая в университете штата Миссури, он говорит: «Представьте себе, что ваша семья вечером, удобно расположившись у себя дома, не только слушает диалоги по радио, но и с удовольствием смотрит пьесу, которую актеры играют за сотни миль от вашего дома». Еще через три года Сарнов пишет: «Если мы сумеем напрячь воображение, то сможем представить себе цветное телевидение в наших домах». Для этого надо было действительно напрячь воображение, поскольку тогда это казалось фантастикой. Но Сарнов был фанатиком идей и уже 20 апреля 1939 года, стоя перед телекамерой у павильона RCA на Нью-Йоркской всемирной выставке, сказал: «Теперь мы добавляем к звуку радиоизображение». Репортажем с открытия выставки компания NBC начала ежедневные телепередачи.

Однако работу над совершенствованием телевидения

пришлось прервать. 7 декабря 1941 года, через три часа после нападения Японии на Пёрл-Харбор, Сарнов послал Рузвельту радиограмму о полной готовности оборудования и персонала к войне. Радио стало главным источником информации с фронтов Европы, Азии, Тихого океана. Как говорил Сарнов, американцы могли «слушать историю до того, как она была написана». И хотя ему перевалило за пятьдесят, в военной службе он увидел шанс доказать свою преданность Америке. Летом 1942 года он был назначен главным советником Корпуса связи Армии США. Сарнов создал систему радиокоммуникации, охватывающую Европейский и Средиземноморский театры военных действий, решил все вопросы радиообеспечения высадки американских войск во Франции и Германии. В сферу его деятельности входила также организация государственной радиопропаганды на оккупированных врагами территориях. В 1943 году он обосновал необходимость создания радиостанции «Голос Америки» для ведения широкомасштабной борьбы против тоталитарных идеологий. Ни до, ни после этого Сарнову не приходилось решать столь сложные технические и организационные проблемы в такие чрезвычайно сжатые сроки, но он справился со всеми задачами.

Работа Сарнова была по заслугам оценена: он был награжден военным орденом Legion of Merit и ему было присвоено звание бригадного генерала. Званием этим он очень гордился, постоянно носил генеральскую форму и все свои бумаги подписывал «Генерал Сарнов». После войны Сарнов вернулся к своему рабочему столу, и вскоре на столе, рядом с телеграфным ключом, появилась папка с надписью «Цветное телевидение». Энергия Сарнова, не жалевшего сил и средств на совершенствование новой, только родившейся техники, не пропала даром: цветное телевидение стало его очередной победой.

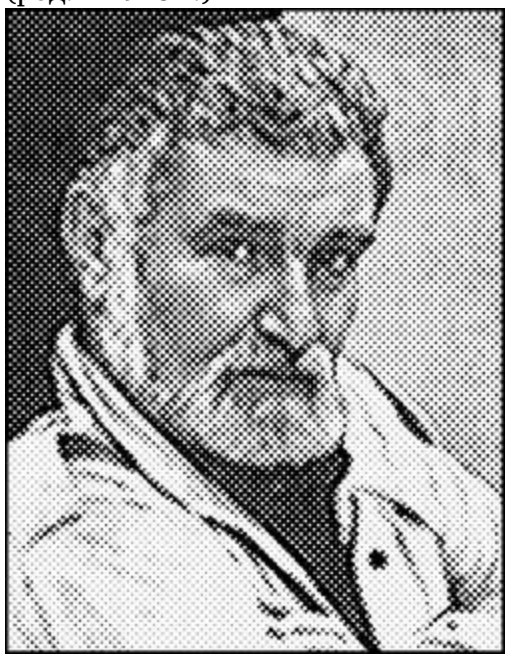
Годы брали свое, и 1 января 1965 года совет RCA утвердил в должности президента корпорации Роберта Сарнова – старшего сына Дэвида, занимавшего до этого пост вице-президента NBC. Дэвид Сарнов стал почетным председателем, но и на этом посту продолжал энергично действовать, пока жестокая болезнь не свалила его. Вплоть до своей смерти он работал на переднем фронте телерадиокоммуникаций: участвовал в разработке космического, кабельного, цветного телевидения, коммерческих правил и законов американского телевидения. Еще в 1960-е годы он открыто утверждал, что средства коммуникации приведут к краху всех видов тоталитаризма и, прежде всего, советского коммунизма.

Дэвид Сарнов умер 12 декабря 1971 года. На его похоронах губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер сказал: «Его

гений заключался в его способности смотреть на те же вещи, на которые смотрят другие, но видеть больше». Сарнов действительно обладал уникальным предпринимательским талантом, был гением не только предугадывания. Ему принадлежит идея создания регулярного и массового радио– и телевещания. Мечтатель Сарнов обладал способностью видеть будущее и претворять его в жизнь. Он был фанатично предан идее развития новых средств массовой коммуникации. Не будучи ни исследователем, ни изобретателем, он сделал значительно больше, чем кто-либо другой, для того чтобы открыть массам новые технологии века перемен – настоящего коммуникационного столетия. Сарнов был тем человеком, который внес радио и телевидение в каждый американский дом. По сути, он стал великим американским и мировым просветителем через средства массовых коммуникаций, и именно поэтому американцы официально признали его отцом-основателем радиовещания и телевидения.

СЕВЕЛА ЭФРАИМ (ЕФИМ)

(род. в 1928 г.)



Киносценарист, режиссер, писатель, которого часто сравнивают с Зощенко. Его книги огромными тиражами издаются в США, Германии, Израиле, России, Италии, Швеции, Голландии, Франции. Самыми известными режиссерскими и сценаристскими его работами являются «Попугай, говорящий на идиш», «Благотворительный бал», «Клен ты мой опавший», «Ласточкино гнездо», «Одесса-мама», «Крепкий орешек», «Лунные ночи», «Колыбельная».

Эфраим Севела – человек интересной судьбы. Говорят, что его непритязательные истории являются прямым продолжением тех баек, которые наши далекие пещерные пращуры, облаченные в шкуры, рассказывали друг другу у костра, сооружая первобытный шашлык из чего-то там ныне вымершего. Что ж, этот автор и не скрывает: он не пишет для «вечности», не претендует на звание классика. Зато его книги в твердой обложке еще ни разу не выходили тиражом менее 50 000 экземпляров. А печатается

Севела, надо сказать, часто. Это что же, мы с вами столь недалеко ушли по уровню интеллекта от своих многократно прабабушек и столь же древних дедушек? Или, может, современная критика что-то просмотрела? Недаром ведь Ирвинг Шоу написал об этом своем коллеге: «Эфраим Севела обладает свежим, подлинным талантом и поразительным даром высекать искры юмора из самых страшных и трагических событий, которые ему удалось пережить…»

Ефим Севела родился 8 марта 1928 года в Литве (тогда она еще не являлась советской республикой); в свое время он освоил профессию киносценариста, но от работы на советской киностудии был отнюдь не в восторге. В 60-х годах прошлого века Севела перебрался из Бобруйска в Москву; таких молодых сценаристов, кропающих стандартные сюжеты на производственную либо колхозную тематику, а также бравурные комедии о солдатах и матросах, в СССР хватало. Тем не менее, Ефиму удалось «засветиться» в мире кино: несколько его сценариев были успешно экранизированы, а один фильм, «Годен к нестроевой», Севела сумел поставить самостоятельно. Постепенно он добился солидного материального положения, обзавелся собственной квартирой в престижном районе столицы и, кажется, имел все основания считать, что жизнь удалась. И вдруг… Сценарист заявил о своем нежелании и дальше числиться гражданином СССР. Он, видите ли, все эти годы просто-таки мечтал уехать в Израиль, поскольку не хотел быть «человеком второго сорта»…

Забегая вперед, стоит сказать, что в течение жизни Ефиму довелось быть последовательно гражданином Советского Союза, Израиля и Соединенных Штатов Америки. Но доживать свой век столь далеко от родной земли этот парадоксальный человек не захотел, и посему при первой же возможности (это случилось в начале 1990-х годов) вернулся, – но уже в страну под названием Россия.

Перипетии со столь частой сменой «родин» не могли не наложить свой отпечаток на характер любого индивидуума, а уж на характер мастера слова… Севела вообще не отличался ангельским нравом; на родине его знали как непробиваемого циника и весьма раздражительного человека, вечно недовольного абсолютно всем в жизни. В СССР мнение этого хронического ворчуна о том, что творится вокруг, постепенно приняло форму политического протеста; естественно, что Ефим начал отчаянно бороться за свое право покинуть столь нелепое и неприятное для него место и перебраться куда-нибудь подальше – там, где все хорошо и где нас, как водится, нет… Подобные стремления при

советской власти были связаны с прямым риском для жизни. Однако Севеле, человеку крайне упрямому, везло: в 1971 году он стал первым киноработником, кто вместе с семьей уехал в Израиль из Союза. Сделать это удалось через так называемый «захват» приемной Верховного Совета: тогда группа евреев заняла приемную и отказалась уходить из нее до тех пор, пока не получит разрешение на выезд за рубеж. В тот же вечер отказникам сообщили, что они могут эмигрировать из СССР. Правда, острому на язык Ефиму, который не стеснялся во всеуслышание заявлять о нарушении в Советском Союзе прав человека, родное правительство напоследок дало пинка: писатель не получил права на выезд; его просто депортировали, то есть выгнали из страны…

Итак, человек, о котором больше знали на Западе, чем в СССР, оказался в Израиле. Как раз накануне конгресса сионистов в Брюсселе Эфраима (теперь его имя звучало именно так) использовали для антисоветской пропаганды как живую иллюстрацию на тему «Угнетение евреев в СССР». Однако как раз такой пример был явно притянут за уши: у себя на родине писатель и кинорежиссер весьма преуспевал, был востребован, успел выпустить восемь кинокартин. Супруга Севелы, актриса московского Театра им. Вахтангова, тоже никогда не жаловалась на недостаток ролей; к тому же, она довольно часто снималась в кино. Сам Эфраим в 1977 году написал на страницах израильского журнала «Гаолам Газе»: «Я был богатым человеком. В сберегательной кассе у меня лежало достаточно денег, чтобы прожить в Москве пять лет, не работая. За постановку одной картины я получал такую сумму, на которую можно было бы приобрести три квартиры в Москве. Мы жили в лучшем районе столицы, в центре города». Почему же на Западе Севелу считали угнетенным и глубоко несчастным? Да потому, что там вполне искренне полагали, что благополучный и вполне довольный жизнью человек просто не стал бы подавать заявление на выезд за рубеж! А раз так, в адрес советских политических и общественных деятелей полетели телеграммы в защиту «диссидента», подписанные известными зарубежными деятелями культуры. Сам Феллини не поленился лично прибыть в посольство СССР в Риме, чтобы передать петицию представителей итальянского кино. Естественно, что в Израиле писателя встретили как мученика… Имя Севелы стало символом антисоветчины. Его портрет появился на первых полосах мировой прессы и на обложках журналов. Интервью, которые он давал журналистам, рассказывая «о борьбе евреев в СССР за свободу», стали пропагандистским оружием в обработке евреев из Советского Союза.

Но на «землю обетованную» Эфраим и его семейство попали не сразу. Вначале они прибыли в Париж, где писателя встречали как национального героя. Барон Ротшильд лично написал Севеле письмо, в котором назвал его братом и предложил необходимую материальную помощь для переезда в Израиль. Но хронический ворчун… отказался от «спонсирования», сказав, что он «не инвалид и намерен упорно трудиться». Севела действительно был одержим идеей внести свой вклад в создание «национального» киноискусства. Кстати, именно под нажимом Ротшильда сценарист «переквалифицировался» в писателя и издал свою первую книгу – «Легенды Инвалидной улицы».

В Париже у Эфраима было все: загородный дом, собственная квартира, известность. «Мы жили как бароны, все оплачивалось. Редко какой эмигрант мог попасть в такое положение. Все потому, что мы были первыми», – вспоминал он. Но теперь уже на отъезде в Израиль настаивала жена Севелы: забеременев, она решила, что рожать будет только на «земле обетованной»… А ведь префект парижской полиции предлагал сценаристу взамен транзитного вида на жительство оформить французский паспорт и осесть в Париже!

В Израиле Эфраим с семьей оказался спустя год. Попав на новое место, он принял участие в боевых действиях войны Судного дня, был ранен и… понял, что никогда уже не избавится от привычки ворчать. Там, куда Севела так стремился на протяжении многих лет, оказалось тоже все не слава Богу. Его новых сограждан абсолютно не интересовали предложения организовать союз «киноэмигрантов», создать киногородок около Латруна… А из четырех написанных в то время сценариев Эфраиму не удалось продать ни одного! Интересно, что большинство работников кино, эмигрировавших вслед за Севелой, тоже не нашли понимания. «Обозленные, недовольные, разочарованные, они с ненавистью покинули Израиль, – писал Эфраим. – Часть из них приняли христианство и порвали всякую связь с Израилем и с иудаизмом». Самому режиссеру тоже довольно скоро пришлось лично познакомиться с таким явлением, как безработица. Книги же он продолжал писать только за счет иностранных издателей. «В Израиле либо авторам не платят, либо платят меньше, чем я плачу машинистке за перепечатку», – сетовал Севела. Доведенный до отчаяния, одно время он даже мечтал о месте уборщика в муниципалитете. Но… официальные лица вежливо отказывали эмигранту – у них, мол, предостаточно уборщиков-арабов…

В это время сионистская организация «Объединенный еврейский призыв» в очередной раз пригласила писателя в

поездку по Америке с антисоветскими пропагандистскими выступлениями. Но денег бывшему киноработнику это принесло немного, и чтобы содержать семью, он вынужден был брать в долг у различных лиц. Через шесть лет после отъезда за границу режиссер с горечью писал: «Я никогда не жил среди такого большого количества обманщиков». Севела прекрасно понимал: в нем, как в человеке, не заинтересован никто; различным «союзам» он нужен лишь в качестве символа… В довершение всех бед, раввинат и органы внутренних дел Израиля установили, что жена писателя – нечистокровная еврейка… Это означало, что и сама женщина, и ее дети, и вообще все потомство на семь поколений вперед заносятся в «черные списки» нечистокровных; для таких людей дорога к продвижению в обществе вообще заказана.

Поняв, что не сможет обеспечить себе нормальную жизнь на «земле обетованной», Эфраим обозвал ее «страной вооруженных дантистов» и снова отправился кочевать по географической карте. Тем более что к этому времени писатель уже был разведен (супружеские «рога» он в свое время отказался считать достойным украшением мужчины).

Итак, добавив к советским эпитетам «предателя» и «агента американского империализма и международного сионизма» израильский ярлык «агента КГБ и арабских шейхов», Эфраим отбыл на ПМЖ в Америку– благо, Израиль уж никак не возражал против такого поворота событий и необходимые документы выдал весьма охотно. Похоже, местные власти вздохнули с облегчением, узнав, что этот желчный и вечно недовольный писатель теперь будет искать недостатки общественной и политической жизни где-нибудь в другом месте.

Как нетрудно догадаться, от Севелы изрядно досталось и «гаранту свобод». Во всяком случае, выражать свое извечное недовольство он не перестал: за океаном обнаружилось столько поводов для критических замечаний! После переезда Эфраим начал много издаваться. Теперь ему не приходилось искать способы заработать себе на жизнь: Севела был единственным, кого на Западе переводили с русского. В 1980 году «Нью-Йорк бук ревю» писала, что литературным трудом в Америке в состоянии жить только два человека из России – Александр Солженицын и Эфраим Севела. А уже в 1987 году «Нью-Йорк» назвал этого патологического ворчуна «матерым офицером советской разведки»… Герой этого высказывания говорил, что больше всего на свете хотел снять документальную картину «Господи, кто я?», взяв за основу собственные нелестные характеристики, полученные от разных «родин»… Мечту свою он осуществил совсем недавно.

А тем временем книги Севелы в России, перевернутой с ног на голову перестройкой, пользовались бешеной популярностью. Дело в том, что бывшие сограждане писателя наконец-то оказались «в шкуре» самого Эфраима: они от души и вполне открыто ругали и критиковали начальство, а между делом занимались поиском мест, где можно было бы купить колбасу… Во всяком случае, истории, посвященные данной тематике («Легенды Инвалидной улицы», «Остановите самолет – я слезу», «Попугай, говорящий на идиш»), шли «на ура». В них шла речь об обычном маленьком человеке, который пытается просто жить, а ему не дают…

В Россию Севела вернулся, чтобы показать свою новую художественную ленту «Колыбельная», рассказывающую о Холокосте. После просмотра зал стоя приветствовал овациями бывшего эмигранта. Сегодня этот режиссер, писатель и сценарист продолжает работать в России. Однако, хотя он и имеет квартиру в Москве, постоянно жить там не хочет, говорит, что атмосфера в белокаменной сложилась отнюдь не творческая. К тому же, надо ведь и отдыхать! Так что Севела постоянно «дрейфует» между собственным домом на Тихом океане (на островах Фиджи), Иерусалимом, где тоже имеет жилье и где проживает в достатке его семья, и столицей России.

В 1994 году пронесся слух, будто Севела умер в Германии. На свои «похороны» писатель отреагировал весьма характерной цитатой: «Как люди нетерпеливы… Наверное, будет массовый падеж скота, если я внезапно умру. А инфарктов сколько случится на радостях! Мне пока умирать нельзя: возникнет масса сложностей. Государства, гражданином которых я являюсь, не будут спорить между собой, кому принадлежит труп, – каждая из этих стран от него откажется, зная, что у меня, кроме нее, есть другие пристанища. Так что после смерти меня будут долго возить в таком мешке, подвешенном к самолету, из государства в государство…» Севела шутит, что собирается дождаться исполнения обещания гадалки, некогда очень точно предсказавшей ему судьбу: мол, похоронят его совсем уже взрослые внуки. А значит, писателю еще рано прощаться с нашим столь несовершенным миром… Кстати, Севела является отцом троих детей: сын-сабр живет в Израиле, дочь – в Париже, а добрачный сын – в России. Интересно, что последний – «капитан первого ранга, краса и гордость русского флота» – не знает, что он на три четверти еврей. О том, что Севела – его отец, офицер тоже не догадывается… В общем, будущему биографу писателя будет о чем поведать миру. Севела грозится, что если не умрет раньше своего героя, то издаст книгу под названием «Какое

счастье для литературы, что жена вовремя от тебя сбежала!» Ведь по-настоящему он занимается литературной деятельностью только тогда, когда его личная жизнь оказывается неустроенной: семья и творчество для этого парадоксального человека, увы, несовместимы… Но судьба каждый раз не оставляла Севеле возможности выбора, иначе бы он, по собственному признанию, «никогда не ушел от детей; они сидели бы на шее, а я писал бы, встряхивая головой»… А пока на вопрос о дальнейших планах писатель отвечает довольно оригинально: «Не умереть от тоски на пути к крематорию».

СОЛОМОН

(род. ок. 990 г. до н. э. – ум. в 933 г. до н. э.)

Согласно Ветхому Завету, сын царя Давида и последний царь единого Израильского царства, правивший с 965 по 928 г. до н. э. и создавший знаменитый Первый Храм в Иерусалиме. Годы правления этого человека были периодом высшего экономического и политического расцвета Израиля, единственным в истории этой страны периодом могущества, процветания и мира.

О данном персонаже древней истории знают все – даже те, кто никогда в жизни не видел Библию. Этот человек стал признанным символом всеобъемлющей мудрости, любвеобильности и сказочного богатства. Соломон был тем, кого мы привыкли называть баловнем судьбы, но для иудеев он, в первую очередь, – царь-строитель, создатель Первого Храма и первого в истории государства Израиль.

При рождении правитель, имя которого стало со временем символом мудрости, получил от пророка Нафана имя Иедидиа, что означает «возлюбленный Богом». Имя же Соломон (евр. Шломо – «мир») являлось тронным. И действительно, несмотря на то что царствование этого библейского персонажа началось с казни собственного брата и других потенциальных соперников, правление его и в самом деле стало для страны временем мира… Кстати, Соломон был избавлен от необходимости вести нескончаемую войну за престол с ордой родственников. Волей судьбы и стараниями матери его, Давид провозгласил младшего своего сына наследником трона. Тем не менее, престол Давида оказался слишком привлекательным для многих. Так что за три года своего правления молодой Соломон в совершенстве научился контролировать все поползновения противников. Проявив немалое политическое чутье, он заблаговременно убрал большинство претендентов на власть в государстве. Недаром знаменитый историк Иосиф Флавий констатировал, что сей юный правитель оказался не по годам осмотрительным и мудрым…

Согласно древнему преданию, при вступлении своем на царский престол 20-летний Соломон принес Богу тысячу жертв.

Ночью Бог явился новоиспеченному правителю во сне и сказал: «Проси, что дать тебе». И молодой человек не потребовал ни славы, ни богатства, ни долгой жизни; он хотел лишь, чтобы его сердце стало разумным, а сам он научился различать добро и зло… За то, что Соломон просил лишь разума, Бог даровал ему не только великую мудрость, но и славу, могущество и богатство. Последнее, кстати, правителя не радовало. «Нагим пришел я в мир, нагим и уйду из него», – говорил он. Достатком же не может насытиться душа. К тому же царь, как никто другой, понимал: любой успех порождает у людей зависть. Мудрость же тоже имеет свой горький привкус: «Кто умножает познание, умножает скорбь»… Все дела, которые люди считали важными, Соломон именовал суетой; он говорил, что ничего нет лучше, чем веселиться и делать добро. А для этого нужно заполнить свое сердце памятью о Боге.

Согласно преданиям, этот удивительный персонаж древней истории писал книги, которые значительно позднее стали частью Библии. Во всяком случае, именно ему традиция приписывает авторство книг Притчей, Песни песней и Екклесиаста. Но вот современные исследования заставляют несколько усомниться в литературных талантах царя…

Гибкость и острота мышления Соломона стали притчей во языцех. И в судебных делах, и в управлении страной этот царь демонстрировал необычайную мудрость. Слава о необычном и талантливом правителе вскоре разнеслась далеко за пределы еврейского государства. Соломон не только укрепил Иерусалим и ряд других городов, но и усилил политическое могущество своего царства, заключил торговые соглашения с соседними государствами, построил торговый флот в Ецион-Гавере. Направив корабли в отдаленные страны, этот предусмотрительный правитель укрепил свою державу экономически; как талантливый политик, он разделил страну на 12 округов, которыми управляли наместники, чем упорядочил государственную административную систему. Земля и раньше принадлежала 12 коленам народа Израилева, но новые территории намеренно не совпадали со старыми границами. В каждый округ царь назначил также отдельного сборщика податей, и деньги потекли в государственную казну.

Своим подходом к руководству державой он показал на деле, что правильное решение политических проблем является кратчайшим путем к экономическому успеху. Его стараниями бедная земледельческая страна с патриархально-племенным строем в кратчайшие сроки превратилась в единое, сильное в экономическом и военном отношении государство, пользующееся

большим авторитетом на международной арене. Именно Соломон впервые предпринял массовое строительство укрепленных городов и реорганизовал армию, введя в ее состав боевые колесницы. Что же касается годового дохода, состоявшего из налогов, торговых прибылей и дани арабских вассалов, то он составлял 22 825 килограммов (!) золота. И это если не учитывать поставок натурой, которые взимались с израильского населения.

Наиболее тесные отношения Соломон поддерживал с Египтом и Финикией. Главной женой правителя, содержавшего гигантский гарем (700 жен и 300 наложниц), до конца жизни была одна женщина – египетская принцесса, которая в качестве приданого принесла супругу стратегически важный город филистимлян Газер.

Посещала мудрого царя и правительница Египта и Эфиопии Хатшепсут. Израильский правитель был полезен Египту хотя бы тем, что, как показывают современные исследования, занимался посредничеством между страной фараонов и Азией (торговал лошадьми и колесницами). Кроме того, похоже, Соломон был и удачливым промышленником, державшим монополию на производство меди: это позволяло ему диктовать цены и получать огромные прибыли, о которых упоминается в Библии.

Поддерживал царь отношения и с Савой – страной небезызвестной царицы Савской. Ныне ученые убеждены, что данный персонаж древней истории проживал в государстве, некогда располагавшемся на территории современного Йемена. Тогда там находилась грандиозная плотина, которая подымала уровень реки Адганаф. Благодаря разветвленной сети каналов Сава была страной необычайного плодородия, в которой выращивались пряности. Только в 542 году нашей эры сказка закончилась: плотина вследствие постоянных войн и набегов рухнула, и цветущий сад поглотили пески пустыни…

Пресловутая царица недаром собралась к Соломону в гости: знаменитый торговый путь, именуемый Дорогой благовоний, по которому подданные савского царства везли товары в Египет, Сирию и Фракию, шел через территории, подчиненные Израилю. Так что спокойное продвижение караванов в немалой степени зависело он настроения библейского правителя. Поэтому-то царица прибыла к Соломону с чисто практической целью: склонить израильского царя к договору о дружбе, вручив богатые дары и пообещав долю в прибылях. И только народная фантазия облекла данное посольство романтическим флером. Якобы Соломон воспылал к прекрасной незнакомке страстью и имел от нее сына. Абиссинцы по сей день уверены, что именно от этого ребенка происходит династия негусов…

Этот же потомок Соломона, по одной из легенд, выкрал из храма своего отца ковчег завета, оставив вместо него подделку, а настоящую реликвию вывез на родину матери. Данный осколок невероятной древности, по уверениям жителей Абиссинии, до сих пор хранится в бывшей столице этой страны, Аксуме. Видеть ее не имеет права никто из живущих; лишь раз в году копия святыни выставляется для всеобщего обозрения.

Финикийский город-государство Тир снабжал Соломона строевым лесом (ливанским кедром), кораблями и искусными ремесленниками. Там же правитель набирал моряков для собственного флота, которые отправлялись в плавание из Ецион-Гавера (Эйлата) в далекую страну Офир. Правда, до сих пор не ясно, что имелось в виду под этим названием – Южная Индия, Аравия, Мадагаскар, восточная Бразилия или Сомали. А в обмен на предоставляемые услуги Соломон уступил Тиру большую часть Галилеи. За ливанский же кедр и мрамор царь предпочитал расплачиваться оливковым маслом и пшеницей – продуктами, которых в Тире не хватало. При этом ежегодно царь Хирам получал от своего торгового партнера по 20 000 мер каждого наименования. Такое было возможно лишь при условии стабильного процветания державы-поставщика. Ту же картину дают раскопки: не только стремительный рост городов, но и большое количество косметики, употреблявшейся израильтянками в то время (в основном, «экспортного варианта»), свидетельствовали о довольно высоком уровне жизни населения.

Библейский правитель старался развивать ремесла и торговлю в собственном государстве, привозя для этой цели специалистов из Финикии. Он же разработал систему четкой чиновничьей иерархии (по финикийскому, египетскому и сирийскому образцам).

Одним из самых грандиозных дел, предпринятых Соломоном, стала постройка храма Божия в Иерусалиме, известного впоследствии как Первый Храм. Это сооружение стало для евреев историческим символом религиозной славы и торжественного великолепия. Кроме того, именно возведение храма подтвердило статус Иерусалима как столицы государства. Исполняя завещание своего отца, правитель нашел подходящее для строительных работ место – гору Мориа, на которой в свое время Авраам приносил в жертву Исаака.

Несмотря на свою прозорливость, даже Соломон вряд ли понимал, что именно ему предстоит создать. Ведь до возведения Храма жертвы Всевышнему разрешалось приносить на нескольких высотах Земли Обетованной. Новое же сооружение стало единственным местом, в котором Бог принимал жертву от своего

народа… Именно с того времени Иерусалим стал Священным Городом иудеев, не потерявшим свой статус даже спустя многие столетия.

Начало строительства храма пришлось на четвертый год правления Соломона. Семь с половиной лет около 185 000 человек возводили это сооружение, устроенное по образцу Моисеевой скинии. Каменные стены снаружи обкладывались белым мрамором, а внутри – золотом. Все принадлежности для богослужения также изготавливались из золота. Кстати, золото, мрамор и дерево, стоимость которого превышала стоимость драгоценных металлов, были вообще излюбленными строительными материалами этого правителя. Недаром ведь о его сказочном богатстве ходили легенды, пережившие тысячелетия! Даже обитательницы гарема правителя жили во дворцах, вызолоченных изнутри и снаружи…

Освящение великолепного сооружения проводилось всеми старейшинами в присутствии огромного стечения народа. Легенда гласит, что когда в помещение внесли ковчег завета, Слава Господня в виде облака наполнила храм, так что священники не могли продолжать богослужение. И тогда сам Соломон упал на колени и стал молить Бога, чтобы в этом месте он принимал молитвы не только израильтян, но и язычников. По окончании пламенной речи правителя с неба сошел огонь и сжег жертвы, приготовленные в храме…

К сожалению, грандиозную постройку ждала незавидная судьба. В первый раз Храм разграбили еще при сыне Соломона, а в 586 году воины вавилонского царя Навуходоносора II сровняли здание с землей…

Но все мы, как говорится, люди. И даже многомудрый Соломон был всего лишь человеком, а значит – был грешен… Под конец жизни правитель сделался уж слишком космополитичным: у него было по-прежнему много жен, среди которых оказалось немало язычниц. Престарелый царь расчувствовался. Он приказал построить для своих любимиц капища; сам он также неоднократно наведывался в новые святилища во время обрядов. Даже во дворе Храма отправлялись культы Ваала, Молоха и Астарты! Таким образом, Соломон пренебрег предостережением Бога, который предупредил: если царь забудет о нем и поменяет его на чужеземных богов, род Соломона будет истреблен, и израильский народ ждет незавидная судьба; бедствия евреев войдут в поговорку повсюду.

Перемены, произошедшие с некогда мудрым правителем, озадачили народ и повергли подданных Соломона в нехорошие размышления. Их итогом стала легенда о том, что демон Асмодей

обманом перенес царя в пустыню, а сам правил в его обличье, пока не был разоблачен за корыстолюбие и праздность. Но, к сожалению, реальность была более прозаичной: с возрастом великий строитель действительно превратился в несправедливого тирана, замучившего народ жесточайшими налогами. К тому же более 200 000 человек по приказу Соломона ежегодно загонялись на принудительные работы в каменоломни, в ливанские леса и на строительные площадки. При этом территория Иуды (племени самого Соломона и его отца) была освобождена от податей, что не могло не вызвать возмущения остальных племен. И тогда на голову правителя посыпались бунты и возмущения. Оторопевший Соломон наконец понял: пора покаяться. Но моление сына Давида не было столь искренним, как у его отца; говорят, Бог все же простил грешника и даже сохранил ему царство, но объявил через пророка, что еврейское государство после его смерти распадется на две части (Израиль и Иудею), и сыну Соломона достанется меньшая из них… И действительно, государство, с таким трудом созданное Давидом, распалось на две отдельных слабых державы, занятых постоянными междоусобными войнами, сразу после смерти библейского царя…

Долгое время считалось, что единственной уцелевшей реликвией из всего богатства Соломона является один из самых ценных экспонатов Музея истории Израиля – вырезанный из слоновой кости плод граната, символ благоденствия и достатка. О данной вещи писали, что она создана в VIII веке до н. э. и служила деталью предмета, применяемого для отправления религиозного культа в иерусалимском храме. Гранат размером 43 мм якобы был подарен царем первосвященнику Первого Храма в день открытия святилища. Однако 24 декабря 2004 года комиссия экспертов установила: данное произведение искусств – банальная, хотя и талантливая подделка. Правда, сам гранат даже древнее, чем считалось, и относится к бронзовому веку. Однако надпись на древнееврейском «святой дар священникам Дома Господня» была вырезана на предмете всего несколько десятков лет назад. А ведь музей в 1988 году заплатил за «единственный предмет, оставшийся от Первого Храма» 600 000 долларов! Просто тогда не существовало методов диагностики, которые могли бы обнаружить фальшивку.

СОРОС ДЖОРДЖ

(род. в 1930 г.)

Американский финансист. Благотворитель. Создатель сети благотворительных фондов в странах бывшего СССР, Восточной Европы и Южной Африки. Доктор Новой школы исследований Оксфордского университета. Имеет почетное звание борца за благотворительность.

Когда Соросу присуждали почетную степень в Оксфорде, на вопрос, как его следует представлять, он ответил: «Я хочу, чтобы меня называли финансовым, филантропическим и философским спекулянтом». Почетному доктору не откажешь в чувстве юмора. Но политическим спекулянтом в переносном смысле его назвать вряд ли можно. Недаром в Америке многие государственные мужи рассматривают Сороса как «национальное достояние» страны (есть, правда и противоположные мнения). Вряд ли такую оценку получил бы «добрый дядюшка», который раздает деньги направо и налево во имя непонятных, т. е. на первый взгляд не

приносящих никакой выгоды целей.

Джордж Сорос (Дьердь Шорош) – явление относительно недавнее на политическом небосклоне. До 1980 года этот человек не был известен даже за пределами Уолл-стрита. Его связи ограничивались биржевыми кругами. Тем более интересен его путь, формы, методы и результаты как благотворительной, так и финансовой деятельности.

Будущий финансист и благотворитель родился в 1930 году в Будапеште в еврейской семье. Его отец, по профессии юрист, был выходцем из России, пережил Октябрьскую революцию. Сбежав от советской власти в начале 1940-х годов в Европу, он оказался в еще более опасном положении. Но семье удалось пережить ужасы Холокоста благодаря ловкости отца семейства. Он сумел приобрести фальшивые документы и щедро платил тем, кто помогал укрыться от опасности. Его характеризуют не только как умного, хитрого, но также смелого и решительного человека. В годы Первой мировой войны Сорос-старший был офицером австро-венгерской армии и попал в плен к русским. В результате – лагерь в Сибири. В 1916 году с небольшой группой солагерников он решился бежать из плена. Беглецов подвело незнание географии. Прошло немало времени, пока они поняли, что вместо юга держат курс на север к Ледовитому океану. Сорос не растерялся. Он и его товарищи повернули обратно и пешком через тайгу благополучно добрались до «большой земли».

При таком отце, несмотря на постоянную угрозу смерти (ночью приходилось прятаться в подвалах, а днем всячески избегать армейских патрулей), мальчик всегда чувствовал себя в безопасности. Позже Сорос говорил: «Я научился искусству выживания у великого мастера. И это имело определенное влияние на мою карьеру инвестора».

Но как только Венгрия попала под контроль СССР, глава семейства оставил и эту страну. В 1947 году семья переехала в Великобританию. Здесь Джордж окончил Лондонскую школу экономики и в 1956 году перебрался в США, привлеченный открывавшимися там возможностями для свободы предпринимательства. Свою деловую карьеру будущий «король спекулянтов планеты» начал в качестве биржевого маклера, играя на разнице курсов нью-йоркской и лондонских бирж. Больших капиталов это не давало, зато он приобрел полезный опыт и связи.

В 1961 году, получив американское гражданство, Сорос начал работу над созданием инвестиционного «Квантум фонда», ставшего ядром системы высокодоходных фондов «Квантум груп». Эти структуры занимались прогнозированием рыночных

колебаний в разных уголках мира, быстро скупали и продавали местную валюту.

К 1970-м годам удачливый финансист сколотил огромное состояние. Каждая тысяча долларов, вложенная в «Квантум», дала к 1994 году 2 млн. Сверхприбыли получались за счет сверхрисков. Однажды, например, играя в гольф, Сорос услышал, что американо-японские отношения осложнились. Он тут же отдал распоряжение за полтора часа, оставшиеся до закрытия биржи, продать весь пакет акций японских фирм. Маклер умолял его подумать, посоветоваться с экспертами, но Сорос оставался непреклонен. И выиграл. На следующий день правительство ввело ограничения на торговлю с Японией, и курс акций обвалился. Его выигрыш был огромен.

Однако личная жизнь бизнесмена не ладилась. В это время ему пришлось расстаться с женой, от которой у него было трое детей. Сорос впал в депрессию и зажил отшельником на Манхэттене, впрочем, не оставляя бизнес.

В этот трудный период он начал задумываться над новым приложением своих сил и капиталов. Будучи в Лондоне, Сорос познакомился с работами профессора Карла Поппера, который отстаивал концепцию «открытого общества», поощряющую дискуссии и споры в противовес диктатуре, утверждающей право на истину в последней инстанции.

На базе его теории бизнесмен развил свою. В его понимании «открытое общество – это некий «третий» путь между западным капитализмом и брежневским социализмом. «Нужна такая сетка, как в цирке, куда может упасть сорвавшийся акробат», – говорит он. По определению благотворителя, «открытое общество» должно базироваться на верховенстве права, демократичности избрания власти, существовании института гражданского общества, соблюдении прав национальных меньшинств. В открытом обществе каждый человек имеет право на свою точку зрения.

От теории финансист перешел к делу. Он решил формировать любезное его сердцу «открытое общество» с помощью системы благотворительности. Примечательно, что Сорос является единственным гражданином США, который тратит все разрешенные законом для этой цели 50 % прибыли.

В конце 1970-х годов в США был создан Фонд Открытого Общества. От него отпочковались национальные и региональные фонды. Сейчас их насчитывается более 30, в том числе 24 национальные организации в США, Восточной и Южной Африке, на Гаити, в Европе.

Однако по своей сути Сорос является не просто

благотворителем, стремящимся оказать помощь странам третьего мира и бывшего СССР. Сама идея «открытого общества» является политической идеей. Таким образом, филантропия Сороса не что иное, как политическое влияние на адресатов помощи. Недаром одно из любимых выражений финансиста: «Большие деньги делают историю». Еще в 1970-е годы, когда он начал оказывать филантропическую помощь странам, находящимся за «железным занавесом», первой стала родина Сороса – Венгрия. Он переправил туда копировальную технику для распространения запрещенной цензурой литературы. С нарастанием центробежных процессов в СССР и странах Восточного лагеря финансист резко усилил свое влияние сначала в Центральной Европе, а потом на территории СССР. В 1979 году в Будапеште был создан Институт Открытого Общества – базовый фонд Сороса в Восточной Европе, а затем создана сеть фондов почти в каждой из социалистических стран. Прежде всего, они способствовали развитию демократических процессов по американскому образцу, внедрению информационных технологий с целью преодоления замкнутости бывших социалистических государств, внедрению рыночных реформ, но так, чтобы не нарушить первенства западного мира.

Сорос финансирует программы в области демократических преобразований. Например, поддерживает свободную прессу, политический плюрализм, права человека. Казалось бы, что в этом плохого? Однако примечательно, что, для того чтобы выиграть, проекты, как правило, должны быть ориентированы на закупку оборудования в западных странах. При этом страдают местные производители. Он также способствует «вымыванию мозгов» из инвестируемых стран. Возможно, через некоторое время массив научных разработок, полученных им в результате финансовой поддержки и ставших его собственностью, принесет огромные дивиденды.

Часто его финансовые операции оказывают негативное влияние на финансовое положение жертв спекуляции. Собственно, мировую известность Сорос получил в 1992 году, спровоцировав финансовый кризис в Великобритании. В результате финансового хаоса, организованного с помощью его 9 млрд долларов, были подорваны позиции Английского банка и фунта стерлингов. Англия вылетела из Европейского валютного союза, а Сорос приобрел репутацию человека, «который непорядочно поступил с фунтом стерлингов». В следующем году та же участь постигла французский франк.

10 ноября 1994 года в газете «Уолл-стрит джорнэл» появилось сообщение экспертов о том, что обвальное падение

рубля в октябре того же года связано с деятельностью фонда Сороса, получившего на этой операции 400 млн долларов. А в 1997 году президент Малайзии публично обвинил Сороса в организации валютного кризиса в странах Юго-Восточной Азии. В результате его действий они действительно обеднели на 20 %. Однако Сорос ничуть не сконфузился и отверг обвинения как «безосновательные». Он ведь не продавал, а скупал местную валюту во время ее падения. Его поддержала газета «Уолл-стрит джорнэл», обвинив малайзийцев в коррупции. Виновных найти трудно, но ситуация настораживает.

Правительства многих стран обеспокоены деятельностью Сороса на их территории. В 1990 году несколько сотрудников его фонда были уличены в сотрудничестве с ЦРУ[3]. В КНР фонды Сороса прямо считают «ширмой спецслужб США» и уверены, что под предлогом помощи он занимается финансированием незаконных сделок, подкупом высокопоставленных лиц для выхода на влиятельные политические круги. Беларусь после некоторого опыта вообще отказалась от услуг филантропа на своей территории, фактически вынудив его уйти. Вместе с тем 16 марта 1995 года руководство Комитета по образованию, культуре и науке доложило российской Думе результаты расследования деятельности Сороса на территории России. Вопреки надеждам национал-патриотов, она была признана не только не «подрывной», а наоборот, в высшей степени благородной, и парламент выразил Соросу благодарность за вклад в развитие и сохранение отечественной науки, культуры и образования. Возможно, это объективное мнение. Недаром благотворитель называет созданный в России рынок «могильщиком культуры» и, по-видимому, стремится исправить положение.

А вот в США Фонд Сороса действует совсем в других направлениях. Здесь он выступает за легализацию марихуаны (слабого наркотика) и бесплатные шприцы для наркоманов. Создал фонд помощи легальным эмигрантам в получении гражданства. Организует проект «Смерть в Америке» для смертельно больных людей и облегчения их страданий.

Состояние Сороса оценивают в 2,5–5 млрд долларов. По данным журнала «Тайм», к 1977 году через сеть фондов прошли 1,3 млрд долларов, причем 1 млрд – получили страны Восточной Европы бывшего Союза. При этом благотворительные средства, предназначенные американцам, в 1997 году составили всего 11,4 млн долларов, несмотря на то что штаб-квартира Фонда находится в Нью-Йорке.

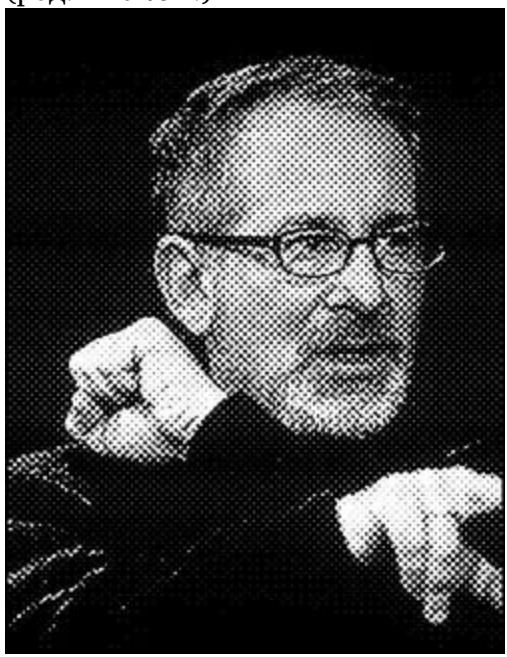
О личной жизни знаменитого финансиста известно немного. Он несколько раз был женат. Имеет пятерых детей и двух внуков.

Встает в 8 утра и завтракает обязательно с друзьями. Обед и ужин тоже проходят в компании приятелей. До 11 часов утра ведет переговоры по телефону с представителями отделений фонда. Увлекается верховой ездой, большим теннисом. Отдает предпочтение автомобилю «мерседес».

Итак, с одной стороны – «агент» неизвестно какой разведки, выкачивающий военно-научные секреты и мозги из стран, которые спонсирует, с другой – новый Дон Кихот, во имя своей идеи бросающий деньги в «черные дыры» насквозь коррумпированных и вороватых государств. Есть люди, которые наивно полагают, что его мучает чувство вины за неправедно нажитые средства. Есть и такие, кто утверждает, что благотворитель одержим манией величия и стремлением к мирному господству. Но при этом никто ни в чем не уверен. Оригинальную версию в 1995 году выдвинул российский еженедельник «Деньги», заявив: «Скорее всего, он просто хочет спасти человечество. Предварительно его купив».

СПИЛБЕРГ СТИВЕН АЛЛАН

(род. в 1946 г.)



Знаменитый американский кинорежиссер, сценарист, продюсер и актер, один из самых богатых людей Америки, которого часто называют «Биллом Гейтсом от кинематографа». Основная фигура нового американского кино, чья оригинальная манера послужила фундаментом для творчества многих режиссеров 1970-х гг. Фильмы Спилберга, производящие первое впечатление не слишком интеллектуального развлечения, несут мощный программный заряд. С коммерческой точки зрения, он является самым успешным режиссером за всю историю Голливуда.

Стивен Аллан Спилберг родился 18 декабря 1946 года в Цинциннати, штат Огайо, США. Его родители, инженер-электронщик Арнольд и пианистка Лиа, были, в общем-то, далеки от кинематографа. Но сам Стивен и его сестра Энн с детства «заболели» большим экраном, что не могло не сказаться на их

будущем. (Сейчас Энн – известная сценаристка, удостоившаяся номинации на «Оскара» за сценарий к фильму «Большой».)

Когда-то Стивен снимал на детскую кинокамеру бои между игрушечными монстрами и демонстрировал получившиеся фильмы родственникам и приятелям. Первую сюжетную ленту с участием актеров он снял в 12 лет в Финиксе. А через год, в 1960 году, выиграл конкурс любительских фильмов, представив 40-минутную ленту о войне «Побег в никуда». Это был старт марафона, продолжающегося и сегодня. Юный Стивен подрабатывал маляром и на эти деньги покупал пленку для своих короткометражек. В 1969 году он снял свою первую профессиональную картину – короткометражную ленту «Эмблин», после чего компания Universal заключила контракт с молодым и бесспорно талантливым режиссером. К тому времени Стивен успел закончить Калифорнийский университет. В течение нескольких лет он работал с телесериалами, оставаясь в тени до тех пор, пока в 1971 году не вышел его телевизионный фильм «Дуэль». Эта лента заставила Голливуд обратить на него внимание. Еще бы: работа Спилберга принесла прибыли более 10 млн долларов! Вскоре Стивен вошел в так называемую «калифорнийскую мафию» – группу режиссеров, включавшую Ф. Ф. Копполу, М. Скорсезе, Дж. Лукаса и П. Шредера. Но, в отличие от коллег, он всегда предпочитал ценности среднего класса сомнительным идеям романтиков-бунтарей. Творчество Спилберга рассчитано на восприятие обычного человека и демонстрирует его стремления, проблемы, надежды и страхи. Видимо, поэтому фильмы этого режиссера всегда оставались кассовыми.

На постсоветском пространстве Спилберга привыкли воспринимать как короля ширпотреба, не имеющего права соревноваться с высоким кинематографом. Это в корне неверно. Фильмы американского мастера кино несут в себе мощнейший программный заряд и эзотерику. Впервые эта особенность спилберговской творческой манеры проявилась в ленте «Челюсти», ставшей финансовым рекордсменом 1975 года. Критики, не долго думая, отнесли ее к разряду «фильмов-катастроф», проглядев в картине несколько неуверенно проявившиеся новаторские элементы. Спилберг не собирался останавливаться на достигнутом и по-настоящему развернул новые идеи в фильме «Близкие контакты третьего вида» (1977 г.). В нем он, подобно средневековому алхимику, нашел-таки свой «философский камень». Теперь фантастический элемент «вплавляется» в реальность, становится ее действующим фактором. При этом сама действительность передается

гиперреалистически и одновременно трепетно романтически. В результате современная Америка у Спилберга стала напоминать воплощенную утопию братьев Стругацких.

В 1979 году режиссер снял совершенно удивительный фильм – «1941» с Джоном Белуши в главной роли. К сожалению, лента не была понята критикой и массовым зрителем и поэтому является, по сути, единственной творческой неудачей талантливого мастера кино.

В 1982 году родился «И. Т., Инопланетянин» – фильм, которому суждено было покорить весь мир и надолго стать символом творчества Спилберга. После того как лента получила признание в Америке, а ее герои стали всеобщими любимцами, Стивен создал фирму Amblin Entertainment. А зритель вскоре познакомился со 100 %-ным хитом: ошеломительной трилогией об Индиане Джонсе, которого сыграл Харрисон Форд. В то время компания Спилберга занималась исключительно продюсерской деятельностью, не выступая дистрибьютором собственных фильмов. Amblin Entertainment сотрудничала с такими гигантами, как Universal Pictures, Columbia Pictures, Warner Brothers Studios. Фильмы компании пользовались фантастическим успехом, и вскоре стало совершенно очевидно: если Спилберг выступал в картине в качестве режиссера или продюсера, колоссальные кассовые сборы ей обеспечены.

Течение, которое возглавил в Голливуде этот режиссер, сегодня называют «синефильством»: если в традиционном кинематографе было принято снимать фильмы, опираясь на жизненный опыт, то последователи Спилберга снимают их, опираясь на другие ленты. Именно этот режиссер перетряхнул классический Голливуд и воссоздал гуманистическую традицию лент Капры на новом уровне. Можно сказать, что в каждой его работе есть ссылка на классику: в «Империи солнца» (1987 г.) – на «Унесенных ветром», в «Близких контактах третьего вида» – на «Десять заповедей», в «И. Т., Инопланетянине» – на «Тихого человека» и «Волшебника из страны Оз», в «Списке Шиндлера» – на «Гражданина Кейна».

Деятельная натура заставила Спилберга попробовать себя во всех мыслимых ипостасях на «фабрике грез»: кроме режиссерской деятельности он «засветился» в качестве продюсера на «Марсианских хрониках» и актера в «Братьях Блюз» (вспомните колоритного налогового инспектора!). А в 1982 году он вообще выступил в качестве триединого создателя «Полтергейста» – сценариста, продюсера и режиссера.

Почему же столь популярны ленты, выпущенные Спилбергом на экраны кинотеатров? Видимо, дело в том, что этого режиссера

можно считать адекватным представителем интересов, психологии и стремлений среднего класса страны. Ему действительно хорошо известна жизнь современных пригородов, где, по его словам, «взрослеют с тремя родителями – матерью, отцом и телевизором». И вообще, его «И. Т.», «Назад в будущее», «Банда тупиц», «…Батарейки в комплект не входят», «Кто подставил кролика Роджера?», «Гремлины», «Смерч», «Люди в черном», «Столкновение с бездной» смотрели даже те, кто не находит ничего интересного в фэнтези. Но ведь и определить, к какому же жанру относятся эти ленты, весьма сложно. Их с равной уверенностью можно отнести к научной фантастике, триллерам и боевикам, поскольку в них можно найти элементы всех трех жанров. Фильмы этого режиссера отличаются тем, что несут в себе совершенно новое качество: они говорят о возможности новой цельной жизни в гармонии по ту сторону разрушенных верований и дискредитированных официозных религий. При участии Спилберга было выпущено более 100 картин, пользующихся огромной популярностью (примером может служить хотя бы «Маска Зорро»).

Творчество этого режиссера стало одним из факторов, выведших Голливуд из глубокого кризиса, поскольку ему удалось переосмыслить догматы кинематографа «золотого века» с точки зрения изменившегося, динамичного мира. Спилберг фактически вернул кинематографу его поклонников, заинтересовав своими произведениями молодое поколение Америки. Он проложил Голливуду дорогу в современность и теперь, имея твердую почву под ногами, обретя финансовую независимость, мог себе позволить на некоторое время отказаться от гонки и снять не очень прибыльные фильмы-эксперименты «Цвет лиловый» (1985 г.) и «Всегда» (1989 г.).

Но профессия Спилберга – потрясать зрителя, и уже в 1991 году он снял ленту «Капитан Крюк» – грандиозный римейк полнометражного диснеевского мультфильма «Питер Пэн» (1953 г.). В новой работе режиссер собрал воедино все мотивы и сюжеты своих картин и вывел некий инвариантный характер, присутствовавший во всех фильмах. В результате возник тот самый нестареющий мальчик-мужчина – «второе я» его самого.

Один из самых популярных блокбастеров режиссера – «Парк юрского периода» – появился на экранах в 1993 году. Эта история динозавров, восстановленных в наши дни по генетическому коду, обязана своим успехом отнюдь не художественным достоинствам: Спилберг в очередной раз показал свое тонкое понимание того, что же в данный момент хочет увидеть зритель.

Но этот мастер парада аттракционов в том же году создал

еще один фильм, получивший позднее семь премий «Оскар». Речь идет о «Списке Шиндлера», снятом в прямо противоположной, аскетичной манере, в которой нет и намека на фейерверк фантастико-приключенческого кино. Лента наглядно продемонстрировала огромный творческий потенциал Спилберга как настоящего художника, отдавшего дань страшной истории XX века.

А спустя четыре года режиссер вновь вернулся к столь популярной теме оживших реликвий фауны и снял «Затерянный мир». Через год история Второй мировой войны снова захватила Спилберга, и он создал фильм «Спасти рядового Райана» (пять «Оскаров»). Казалось, один из основателей «нового Голливуда» отступил от заложенных им самим принципов, однако и эта лента, и «Список Шиндлера» отличаются тем, что в них нет настоящей жестокости, столь характерной для европейского кино про войну. Все реальные события, показанные на экране, на деле прошли тонкую очистку «голливудскими фильтрами».

С этого момента Спилберг превратился в живую легенду Голливуда, став самым удачливым режиссером, продюсером, лауреатом премии «Оскар» и одним из самых богатых людей Америки. Статус легенды подтверждается еще и тем, что (редкость для «фабрики грез»!) его почти не в чем упрекнуть в личной жизни. С первой своей женой, актрисой Эми Ирвинг, он прожил четыре года. От этого брака у режиссера остался сын. Но в 1987 году пара рассталась. Второй брак Стивена оказался более удачным: его супруга, Кейт Кэпшоу, оставила ради семьи актерскую карьеру и вместе с мужем воспитывает трех родных и трех приемных детей. Сам режиссер старается быть корректным во всем, доказывая американцам, что он – не только воротила киноиндустрии, но и добропорядочный гражданин, занимающийся благотворительностью, исправно выплачивающий налоги, избегающий участия в громких скандалах. Этот примерный семьянин, помимо творческой деятельности, успевает заниматься делами китайского ресторана, совладельцем которого он является, и ин-тернет-сервера Idealab, где ему принадлежат 15 % акций.

Так что знаменитый режиссер является и удачливым бизнесменом. А к своим многочисленным кинематографическим наградам Спилберг присоединил высшую награду Франции – орден Почетного легиона (2004 г.). Кстати, у него это не первая государственная награда: три года назад за огромный вклад в кино он был удостоен звания рыцаря Британской империи.

Просматривая анонсы кинофильмов, невольно можно подспудно ощутить, что на американском киноолимпе наступила

«эра Спилберга», конца которой, пожалуй, не предвидится. И действительно, этот режиссер по-прежнему является лидером голливудского мейнстрима. Кроме того, Стивену и еще двум магнатам – Джеффри Катценбергу и Дэйвиду Геффену– принадлежит киностудия Dream Works, которая становится все более влиятельной в мире кино. Первые же ее фильмы наглядно продемонстрировали, что Спилберг, которого часто называют «вечным мальчишкой Голливуда», стареть не собирается, поскольку не потерял ни великолепного продюсерского чутья, ни таланта режиссера, ни интереса к жизни, ни желания ошеломлять зрителя. Свидетельством тому могут служить «Искусственный разум» (2001 г.), «Особое мнение» (2002 г.), «Поймай меня, если сможешь» (2002 г.). Так что мы вправе ожидать появления на экранах очередного шедевра самого удачливого американского мастера кино.

СПИНОЗА БЕНЕДИКТ (БАРУХ)

(род. в 1632 г. – ум. в 1677 г.)

Нидерландский философ. Основные сочинения: «Трактат о Боге, человеке и его счастье»; «Трактат об усовершенствовании разума» (неоконченный); «Теолого-политический трактат»; «Этика».

В XVII в. Нидерланды как в экономическом, так и в культурном отношении были самой развитой страной в Европе. Именно тогда в Амстердаме образовалась крупная еврейская община из числа переселенцев, бежавших из Испании и Португалии от религиозных преследований. Среди тех, кто нашел пристанище в веротерпимых Нидерландах, был и дед Спинозы. Его сын Михоэл занялся торговлей и вскоре разбогател, заслужив почет и уважение сограждан. 24 ноября 1632 года у Михоэла и его жены Деборы родился сын, которого назвали Барухом, что в переводе с еврейского означало «благословенный». Благословение действительно не обошло Спинозу, сумевшего стать одним из выдающихся философов своего времени.

Годы учебы Баруха прошли в еврейском амстердамском училище, во главе которого стояли раввины. Основными предметами в нем были изучение Священного писания, Талмуда и толкований к ним. В старших классах еще прибавлялись богословие, схоластическая философия, риторика и политика. Все эти предметы Барух, как прилежный ученик, изучал старательно, но, кроме этого, интересовался и Каббалой – мистическим учением древности, противостоящим еврейской ортодоксии. Интерес этот сохранился вплоть до того времени, когда 20-летний Спиноза перенес свои увлечения на философию.

Критическая мысль, в том числе и по отношению к религиозным догмам, пробудилась у Спинозы довольно рано. Однако наставники видели в даровитом юноше другое – нравственную чистоту и серьезность натуры. Это давало им надежду, что в будущем их талантливый ученик станет «великим учителем», «надеждой Израиля», «знаменитым столпом синагоги».

Латынь, которая была в то время международным научным языком, Спиноза начал изучать, вероятно, еще в амстердамском училище. Для дальнейшего ее усовершенствования он обратился к Франциску ван ден Эндену, который как врач и учитель латыни пользовался большой популярностью среди почтенных граждан, охотно отдававших детей к нему в обучение. Но ван ден Энден, кроме обучения тонкостям латинской грамматики, знакомил учеников с лучшими образцами литературы Ренессанса и достижениями наук, которыми славились тогдашние Нидерланды. Занятия с ван ден Энденом оказали большое влияние на дальнейшую жизнь Спинозы. Свободомыслящий врач заронил в его душу, говоря словами богословов, «семена атеизма» и обратил внимание юноши на достижения современной научной мысли.

В философском плане на мировоззрение Спинозы наиболее заметное влияние оказали произведения Декарта. Как и знаменитый французский мыслитель, Спиноза тоже не стремился к книжной учености. Да и в античной философии не видел для себя ничего привлекательного, утверждая, что авторитет Сократа и Платона для него не имеет особого значения. Если таким было его отношение к великим умам древности, то тогда становится понятным полное отсутствие интереса у Спинозы к своим современникам. Научная литература еще только пробивала себе дорогу, а потому Спиноза предпочитал законы природы исследовать с помощью собственных опытов и наблюдений.

Но не только жажда научного познания мира одолевала юного Баруха. Он сам позже отмечал в «Трактате об усовершенствовании разума», что уже в раннюю пору жизни его

интересовал вопрос, «в чем состоит истинное благо; где правда человеческой жизни». Отрицательный вывод дался Спинозе сравнительно легко: блага нет ни в славе, ни в почестях, ни в чувственных наслаждениях, ни в богатстве. А вот научному обоснованию положительного решения этих вопросов и было посвящено все творчество Спинозы. Решение для него состояло в том, что «истинное благо может быть найдено только в жизни общественной, в познании мирового порядка и общественного процесса, в сознательном и свободном слиянии с ними разумной личности».

Вместе с новым пониманием истины к Спинозе постепенно приходило осознание зыбкости и шаткости религиозных догм, которые так старательно внушали ему учителя-раввины. И если вплоть до 1652 года Барух еще как-то следовал предписаниям Талмуда, то после своих «открытий» он уже не мог мириться с еврейскими ортодоксами. Однажды в беседе со своими товарищами 20-летний Спиноза открыто высказался против догматов о сотворении мира, вере в бессмертие души, скептически отозвался о загробной жизни и священном происхождении Библии. Подобные суждения не остались незамеченными. Барух был вызван в суд, который пригрозил «еретику» отлучением от синагоги, если он не откажется от «нечестивых убеждений». Но Спиноза, к негодованию богословов, упорно стоял на своем и ни от чего отказываться не собирался. Поскольку публичный разрыв с талантливым юношей еврейской общине был невыгоден, судьи-богословы предложили ему ежегодную пенсию в 1000 флоринов в обмен на молчание и непременное посещение синагоги. Спиноза отверг и это предложение. Тогда строптивого ученика предали так называемому малому отлучению, при котором никто из членов общины не имел права общаться с ним в течение нескольких месяцев.

Но на этом неприятности не закончились. В какой-то момент Спиноза почувствовал, что в Амстердаме ему находиться небезопасно, особенно после случая, когда один из фанатиков набросился с ножом на него, когда он выходил из театра. К счастью, Спиноза успел вовремя отстраниться от удара, отделавшись легким ранением. После этого происшествия он был вынужден переехать к своему другу из секты коллегиантов, проживавшему в пригороде. Секта коллегиантов (другими словами, общество единомышленников), отстаивавшая принципы свободы и гуманизма, выступала против ортодоксальных богословов, которые жестоко преследовали инакомыслящих. После этого поступка о примирении с общиной не могло быть и

речи. И судьи ответили новым выпадом: 26 июня 1656 года 24-летний Спиноза был отлучен от синагоги «ввиду чудовищной ереси, им исповедуемой, и ужасных поступков, им совершаемых». Не довольствуясь отлучением и желая оградить молодежь от вредного влияния Спинозы, раввины обратились к городским властям Амстердама с просьбой о высылке его из города.

Известие об отлучении Спиноза принял спокойно, но счел своим долгом протестовать против административной высылки. В записке, поданной городским властям, он доказывал, что пользовался неотъемлемым правом всякого гражданина обсуждать религиозные вопросы, даже если эти убеждения и противоречат общепринятым.

Из Амстердама Спинозу не выслали, но он сам предпочел уехать из города, после чего имя Барух в его сочинениях не упоминалось. Свои письма и труды он подписывал равнозначащим латинским именем Бенедикт.

Новая жизнь Спинозы требовала выбора занятия, которое давало бы ему средства к существованию. Еще в Амстердаме, следуя мудрому талмудическому правилу, предписывающему ученым изучить какое-нибудь ремесло, Спиноза освоил шлифовку стекол, руководствуясь при этом своим давним интересом к оптике. Переехав в небольшой деревенский домик в Римсбурге (пригороде Амстердама), где прожил более шести лет, он и занялся этим ремеслом. В шлифовке Спиноза достиг значительного мастерства и вскоре стал одним из лучших оптиков своего времени. Работал он и над философскими сочинениями, хотя и понимал, что издать их будет чрезвычайно трудно. И действительно, «трактатцы», как он их сам называл, а именно: «Трактат об усовершенствовании человеческого разума», оставшийся незавершенным, «Трактат о Боге, человеке и его счастье», как и знаменитая «Этика», были изданы друзьями уже после смерти философа. Зато совершенно неожиданно для друзей и даже для себя Спиноза в 1663 году выступил перед публикой с «Основами философии Рене Декарта, изложенными в геометрическом порядке» – единственным прижизненным сочинением Спинозы с указанием имени автора.

В 1663 году Спиноза переехал в г. Ворбург близ Гааги. Отношение к нему богословов и там было резко отрицательным. Дело доходило и до доносов. В одном из них говорилось, что здесь проживает «некий Спиноза, еврей по происхождению, атеист и враг всякой религии по убеждениям, и вообще, зловредная и опасная личность». И хотя отлучать Спинозу было уже не от чего, однако очернить его имя, сделать жизнь невыносимой, а произведения недоступными для читателя, –

такие возможности у членов «господствующей церкви» были. И они ими пользовались в полной мере.

В течение 1665 года Спиноза работал над «Теолого-политическим трактатом», в котором, по словам автора, «он часто смеется и еще чаще негодует». Написание этого сочинения Бенедикт объяснял, во-первых, тем, что предрассудки теологов препятствуют успехам философии; во-вторых, необходимостью выступить с защитой свободы слова и философского исследования; а в-третьих, желанием рассеять составившееся мнение, будто он является атеистом. Правда, последний пункт был довольно-таки спорным. Именно «Теолого-политический трактат» в гораздо большей степени, чем другие философские сочинения Спинозы, создал ему до конца жизни репутацию атеиста.

Значение «Трактата» не исчерпывалось проповедью в защиту свободы мысли и слова. В нем Спиноза предпринял попытку доказать, что Священное писание ставит своей целью преподать не научные и философские истины, а нравственные; что единственная его цель – внушить людям справедливость, богобоязненность и любовь к ближним. Богословы, по мнению философа, постоянно подменяют слова Писания собственными воззрениями. Толкование Библии необходимо, но оно возможно только на основе историко-критического ее изучения. Спиноза определил и правила такого изучения, предвосхитив основные положения современного историко-критического метода. Используя обширный материал, собранный средневековыми еврейскими комментаторами, он внес в него научный метод и пришел к выводам, прямо противоположным каноническим, тем, которые толкователи не решались высказать открыто. Это сочинение Спиноза смог напечатать только в 1670 году, без имени автора и с неверным обозначением места публикации – Гамбург вместо Амстердама.

«Трактат» был воспринят резко отрицательно не только раввинами, но и протестантскими богословами. Вот лишь некоторые определения, которых удостоился философ и его сочинение: «Лжеучитель, рожденный на погибель религии и государства»; «Книга, полная рассуждений, которые могли быть почерпнуты только в аду» и т. д.

Критика «Трактата» произвела на Спинозу тягостное впечатление. Он понял, что издание «Этики», для которой он надеялся было «расчистить путь» «Теолого-политическим трактатом», встретит непреодолимые препятствия. На наиболее нелепые обвинения философ отвечал не без язвительности. В одном из писем он отмечал: «Из того, что написано в книге

против меня профессором Мансфельдом, я убедился, что она не заслуживает даже прочтения, не говоря уже о возражении. Поэтому я оставляю в покое как книгу, так и ее автора, с улыбкой размышляя о том, что люди наиболее невежественные постоянно выказывают какую-то особенную смелость и готовность к писанию книг».

В обстановке травли, поднятой теологами, Спинозу крайне удивило письмо, полученное им в 1673 году от профессора теологии Гейдельбергского университета Фабрициуса, который по поручению курфюрста пфальцского Карла-Людвига предлагал Спинозе «принять на себя должность ординарного профессора философии в знаменитом университете». Предложение представлялось заманчивым, но Спиноза решительно отказался, поскольку всегда был противником государственного университетского преподавания. Мотивы такого отношения он объяснял тем, что «государственные учебные заведения ставят перед собой задачу не столько воспитания умов, сколько дрессировку их. Науки и искусства могут процветать только в том случае, если всякому будет предоставлена свобода учить на свой страх и риск».

Письмо застало Спинозу в Гааге, где он, уступая настойчивым просьбам друзей, жил с 1669 года. Здесь, как, впрочем, и везде, философ вел уединенный образ жизни, почти не выходил из дома. Практически все дневное время он вынужден был отдавать изготовлению линз, что, вероятнее всего, ускорило его смерть, – вдыхание мелкой стекольной пыли вредно сказалось на больных легких. Большую часть своих произведений Спиноза писал ночью. Чтобы освежить ум, развлекался тем, что наблюдал под микроскопом борьбу мух и пауков, сравнивая их с человеческими страстями. Другим развлечением было рисование. Уже после его смерти было найдено немало портретов политических деятелей того времени, написанных Спинозой углем и пером.

Хотя в числе его друзей было немало состоятельных людей, считавших своей обязанностью облегчить материальное положение философа, предложения о помощи Спиноза решительно отвергал. А между тем бедность вынуждала его отказывать себе в самом необходимом. Пищу Бенедикт готовил себе сам, часто обходясь одним молочным супом и кружкой пива; одевался бедно; к женщинам испытывал полнейшее равнодушие, потому и никогда не был женат.

Бремя материальных лишений и нравственных переживаний Спиноза переносил как истинный стоик. «Никто не видел его ни сильно опечаленным, ни особенно веселым, – отмечал его современник Колерус. – Он умел удивительно господствовать над

своими страстями, владеть собой в минуты досады и неприятностей, встречавшихся на его жизненном пути, и не допускать никаких внешних проявлений своего душевного настроения». Спиноза любил людей, в обращении с ними был прост и приветлив. Однако кроме простолюдинов, которые обращались к философу за советом по поводу личных неурядиц, были и люди, которые просили его разъяснить некоторые научные и философские вопросы. Так постепенно вокруг Спинозы сложился узкий кружок близких и верных друзей. Он посылал им не только законченные произведения, но и первые их наброски, отдельные главы, обстоятельные письма на философские темы.

Спиноза от природы имел слабое здоровье: более двадцати лет он страдал чахоткой, наследственной в его семье болезнью. Именно она и стала причиной смерти философа. Он скончался 21 февраля 1677 года в 45-летнем возрасте. После смерти его ожидала незавидная участь многих бедняков. Тело покойного было арестовано аптекарем, заявившим, что пока ему не будет уплачено несколько гульденов за лекарства, взятые во время болезни, похороны не состоятся. Имущество Спинозы было описано и продано, вырученных денег едва хватило для похорон и покрытия мелких долгов.

Перед смертью Спиноза выслал ящик со своими рукописями друзьям в Амстердам. И уже в конце 1677 года вышли в свет его «Посмертные произведения». Поскольку философ категорически запретил ставить на них свое имя, сочинения вышли в свет без имени автора, с одними его инициалами. В «Посмертные произведения» вошли «Этика», «Переписка» и три неоконченных произведения: «Трактат об усовершенствовании разума», «Политический трактат» и «Грамматика еврейского языка».

Долгое время имя Спинозы было практически неизвестно интеллектуальной публике, а знакомство с его произведениями даже считалось предосудительным. Интерес к идеям нидерландского философа возродился лишь в конце XVIII в. Достаточно было небольшого повода, чтобы равнодушие сменилось восторгом и поклонением. Этот повод дал Лессинг, заявивший, что для него «существует одна только философия – философия Спинозы», и если бы ему пришлось искать учителя, то он бы обратился именно к нему. И если столетняя годовщина со дня смерти Спинозы прошла незамеченной, то двухсотлетняя уже была торжественно отмечена в 1877 году. А еще через три года в Гааге, где философ провел большую часть своей жизни, на пожертвования, стекавшиеся из различных стран, был открыт памятник Бенедикту Спинозе, ставший, как отмечал один из его биографов Куно-Фишер, «поздней почестью, в которой из всех

великих людей мира он менее всех нуждался, потому что он не дорожил славой!»

СТРАУС ЛЕВИ

Настоящее имя – Лейб Страусе (Леба Штраусе)
(род. в 1829 г. – ум. в 1902 г.)

Предприниматель, изобретатель, миллионер, благотворитель.

Самая универсальная одежда всех времен и народов – джинсы – перешла свой 150-летний юбилей. Их носят во всех странах мира школьники и преподаватели, миллионеры и безработные, политики и бизнесмены, полицейские и бродяги, «принцессы» подиумов и обыкновенные принцессы, пожилые женщины и маленькие девочки. Классическим джинсам мир обязан одному человеку, имя которого давно уже слилось с его гениальным изобретением – Леви Страусу.

Он родился в многодетной еврейской семье 26 февраля 1829 года в Германии, в баварской деревне Буттенхайм, расположенной неподалеку от Бамберга. Его отец, Гирш Страусе, работал уличным торговцем, дед торговал скотом. Леви (при рождении ему дали имя Лейб) был младшим из трех детей Гирша

от второго брака с Ребеккой Страусе, также происходившей из семьи торговца скотом. Гирш скончался в 1846 году от туберкулеза, а через год Ребекка и трое младших детей переехали в Америку к старшим братьям Лейба по отцу. Они держали в Нью-Йорке свой магазинчик. 18-летний юноша помогал родственникам в мелкоторговом бизнесе, учил английский язык, а через шесть лет, когда пришла пора получать американское гражданство, его имя и фамилия уже произносились на английский манер – Леви Страус (хотя в названии джинсов чаще звучит «Ливай»).

С открытием в Калифорнии месторождений золота в эти края в 1853 году отправился и будущий миллионер. Сухопутное путешествие с восточной на западную сторону континента в те времена занимало около восьми месяцев, причем дорога порой проходила по довольно беспокойным и опасным районам. Поэтому осторожный Леви выбрал морской маршрут. Он в качестве первичного капитала взял с собой тюки грубой хлопковой ткани коричневого цвета, похожей на брезент. Торговец собирался продать ее старателям для повозок и палаток и на вырученные деньги открыть собственный магазин по продаже различных товаров золотоискателям.

Страус доплыл пароходом до Колона, на мулах пересек Панамский перешеек и снова сел на корабль, направлявшийся в Сан-Франциско. В этом городе от разговорчивого старателя, который приехал с прииска сдавать золотой песок, Леви узнал, что гораздо больше чем палатки здесь требуются крепкие и удобные рабочие штаны – никакая одежда не выдерживала суровых будней золотоискателей. Те, кто богаче, могли позволить себе брюки из кожи, но остальные работали в матерчатых штанах, которые не выдерживали даже одного сезона.

Молодой Леви прислушался к этим словам и привезенную прочную ткань пустил на брюки. Первая же пара сделала его популярным среди золотоискателей: вскоре весь город заговорил о чудо-брюках «от Леви» (по-английски Levi’s), что не мнутся, не рвутся и, в отличие от кожаных изделий, поддаются многократной стирке.

Страус очень внимательно выслушивал все пожелания покупателей – карманы должны выдерживать вес золотого песка, штаны должны иметь двойные строчки, ремни – держаться на прочных петлях и т. д. Когда Леви выпустил первую партию штанов с учетом всех замечаний, началось форменное безумие. Число заказов стремительно росло. Конкуренции никакой, а спрос в тысячи раз превышал предложение. Вскоре Леви из своей торговой палатки переехал в настоящий магазин на Сакраменто-

стрит, 117. В 1856 году здесь уже появилась вывеска: Levi Strauss & C°. Под гордым «C°», то есть «компания», подразумевались братья Леви Джонас и Луис и их свояки Дэвид и Уильям.

Джинсы становились все более удобными и функциональными. Помимо коричневой холстины для пошива все шире использовалась синяя саржа французского города Ним – ткань «деним» (de Nim, то есть «из Нима»). Она в огромных количествах поставлялась в Новый Свет: из этой ткани шили комбинезоны для рабов, трудившихся на плантациях. Красили ее почти исключительно в цвет индиго. Этот цвет и стал «фирменным» для Леви Страуса. Кстати, французы доказывают, что он не был первым – еще во времена Наполеона военная форма французских артиллеристов была сшита из денима.

До разразившейся в США в 1861 году Гражданской войны брюки были безразмерными – они после стирки должны были сесть по фигуре, и лишь в ходе боев появились стандартные размеры для армейской формы.

Само слово «джинсы», очевидно, появилось, как указано в словарях, в 1567 году. Перед отправкой за океан на тюках с мануфактурой портовики проставляли штамп места отправления – Genes (Генуя), который американцы переиначили в «Джинс». Сам Страус даже свою знаменитую 501-ю модель (кстати, это название пошло всего лишь от номера партии ткани) называл не джинсы, а «комбинезон по пояс».

Бизнес процветал, в 1870 году предприниматель стал миллионером, и через три года он стал работать с портным Джейкобом Дэвисом, тоже евреем, эмигрировавшим в Калифорнию из Риги.

Как-то раз к Дэвису зашел знакомый старатель и пожаловался, что карманы его брюк отрываются, не выдерживая веса золотых самородков и инструмента. Портной в этот момент прошивал медными заклепками конскую попону. «Может быть укрепить карманы брюк такими же заклепками?» – подумал он. Джейкоба вскоре завалили заказами. Но идеей мог воспользоваться любой. Поэтому, не имея 68 долларов для подачи заявки на изобретение, портной обратился к Леви Страусу, который поставлял ему ткань, с предложением совместно запатентовать эту идею и работать вместе. (Любопытно, что Саймон Дэвис, сын Джейкоба Дэвиса, в 1912 году также стал изобретателем – он придумал джинсовый комбинезон.)

Миллионер сразу понял, насколько удачна идея, и 20 мая 1873 года они вдвоем получили патент № 139121 на «усовершенствование укрепления карманов». (Этот день и стал

считаться датой рождения джинсов.) Портной переехал в Калифорнию и взял на себя производство «панталон», или «комбинезонов до пояса» (так тогда назывались джинсы), в фирме Levi Strauss & C°. Изначально медные заклепки были и на карманах по всем углам, и на ширинке. И только в 1941 году, после того как, сидя у костра, раскалившейся заклепкой обжегся президент крупной компании Уолтер Хаас, металл изъяли с причинного места. Кстати, и доселе доподлинно неизвестно, чей дизайн джинсов стал основным – Дэвиса или Страуса.

О прочности джинсов ходили легенды. Например, рассказывали, что однажды машинист паровоза использовал «комбинезон» Страуса вместо порвавшейся сцепки и благополучно довел состав до станции. Мысль о прочности джинсов Levi's решили донести и до потребителя. В том же 1886 году сзади у брюк появился своего рода сертификат качества – кожаная нашивка-лейбл с изображением двух лошадей, тянущих пару Levi's в разные стороны. Сюжет ее отнюдь не случаен: Леви в самом деле устраивал в рекламных целях показательное разрывание своих джинсов дюжими битюгами (что им, конечно же, не удавалось). На задних карманах стали вышивать фирменный знак в виде двойной «галочки». Этот узор является, очевидно, самой первой американской торговой маркой. Сзади появился также «красный флажок» – маленький ярлычок-этикетка, вшиваемый в шов накладного кармана.

В 1886 году компания построила в Сан-Франциско шикарную штаб-квартиру с газовым освещением, грузовым лифтом, огромным магазином и роскошными апартаментами для основателя компании. Подобное сооружение возвели и в Нью-Йорке, где всеми делами фирмы заправляли братья Леви. Вплоть до 1890 года, когда истек срок действия патента, никто другой во всей Америке не имел права пользоваться идеей при изготовлении какой-либо одежды.

Конечно, Levi Strauss & C° занималась не только джинсами. Выпускалась и другая одежда, вплоть до нательного белья и ночных сорочек. Но именно благодаря джинсам компания оставалась недосягаемой для конкурентов и стала настоящей империей.

Производство расширялось, в 1890 году родилась знаменитая 501-я модель джинсов Levi's. Прочная ткань, пять накладных карманов, пять металлических пуговиц, медные заклепки, двойная строчка и синий цвет индиго – классическая модель, пришедшая из XIX столетия, практически не претерпев никаких изменений, прекрасно чувствует себя и в XXI веке.

Джинсы наравне с широкополой шляпой прочно утвердились

не только у шахтеров золотых рудников, но и в повседневном быте ковбоев и фермеров Запада США, а также нашли широкое применение у железнодорожников и сельхозрабочих.

В 1891 году действие патента, выданного Страусу и Дэвису, закончилось, и теперь штаны с заклепками могли шить и продавать все желающие. В 1904 году рабочую одежду в Гринсборо, штат Северная Каролина, начал выпускать С. С. Хадсон, основатель фирмы Blue Bell, которая с 1947 года начала производить джинсы Wrangler (Wrangler – «ковбой»). Появились и другие марки, прочно вошедшие в терминологию моды: Jordan, Montana, Tiger и т. д.

В 1893 году джинсы обрели еще одно ценное усовершенствование – популярнейшую с тех пор застежку-молнию вместо металлических «пуговиц-болтов». Правда, поначалу она представляла собой систему миниатюрных крючочков и петелек. Улучшил ее, придав практически современный вид, швед Гидеон Сундбек в 1913 году (хотя классические Levi's до сих пор выпускаются только с пуговицами).

Фирма Levi Strauss & C° не скупилась на рекламу в газетах, а в 1899 году перед новогодними праздниками каждый купивший джинсы получал симпатичный календарик. «Синие штаны с заклепками», несмотря на дороговизну, успешно продавались по всей Америке, в Мексике, на Гавайях, в Новой Зеландии.

Зрелые годы миллионер встретил благотворителем и почетным гражданином Сан-Франциско. Отдаваясь своему делу, семьей он так и не обзавелся. Будучи одним из самых богатых людей США, Леви вкладывал крупные средства в банковскую и страховую деятельность, в недвижимость, в различные промышленные и строительные проекты, например в прокладку канала в Никарагуа. Занимался он и благотворительностью: скажем, учрежденная им персональная стипендия в калифорнийском университете и поныне присуждается наиболее отличившимся студентам.

27 сентября 1902 года 73-летний Страус скончался. В день его похорон вся торговля в Сан-Франциско была прекращена, чтобы жители могли отдать дань уважения покойному. В деловом районе города были приспущены флаги. Финансовое состояние почившего предпринимателя оценивалось в шесть миллионов долларов, большая часть которого завещалась родственникам, другая была пожертвована приютам, домам для престарелых и храмам. Поскольку детей у Леви Страуса не было, фирма досталась его четверым племянникам. Президентом стал старший из них, Джекоб Штерн, который продолжил путь неуклонного

процветания знаменитой фирмы.

В 1906 году мощное землетрясение смело с лица земли компанию и заводы Леви Страуса в Сан-Франциско, но в конце 1920-х годов последовал новый взлет, и годовой оборот фирмы достиг 4 млрд долларов. И даже жесточайший экономический кризис 1929 года только укрепил ее позиции: многим американцам пришлось забыть об отдыхе в Европе, и они проводили свободное время на фермах и на природе, естественно, надевая джинсовые брюки. Обладатель фирмы Levi's даже специально организовывал фольклорные фестивали ковбоев-фермеров, в центре внимания которых были джинсы. На праздник со всех штатов съезжались зрители и, конечно же, покупали и увозили с собой «ковбойские брюки». Они стали знаковой, фирменной одеждой крутых парней ковбоев и ключевым символом стиля «вестерн», порожденного Голливудом в 1930-х годах.

Во время Второй мировой войны знаменитая фирма стала официальным поставщиком армии США. Уходя в увольнение, солдаты надевали привычные Levi's. И у европейцев джинсы стали ассоциироваться со словом «свобода». Так война распахнула компании необъятные европейские и мировые рынки.

В 1960-х годах джинсы стали символом молодежного бунтарства и любимой одеждой хиппи, а потом завоевали и последний бастион – мир Высокой моды. Не американская экзотика, а важнейший знак принадлежности к всемирному молодежному «интернационалу» – вот что такое джинсы для поколения, выросшего вместе с «Биттлз», для тех, кто протестовал против войны во Вьетнаме, для тех, кто жил под девизом «занимайтесь любовью, а не войной».

В СССР коммунистическая верхушка провозгласила джинсы символом капиталистического разложения. Как ни парадоксально, но доступны они были лишь детям заграничных работников и функционеров ЦК КПСС, как раз тех, кто по долгу службы должен был оберегать советских граждан от «загнивающего Запада». Еще джинсы можно было приобрести в валютных магазинах за так называемые «чеки», они же – инвалютные рубли, или у спекулянтов и подпольных изготовителей.

Ныне из джинсовой ткани шьется все, кроме разве что постельного белья. Например, когда в 1970-х годах возникли проблемы с продажами известного Фольксвагена «жук», производители решили внести свежую струю и выпустили на рынок малолитражку с джинсовым салоном. В те же годы увидела свет Библия в переплете из голубой джинсовки.

В 2000 году в немецком городке Буттенхайм, на родине знаменитого предпринимателя, в деревянном домике, в котором он родился, открылся музей. Фасад здания украшает огромный портрет Леви. Посетители могут узнать о детских годах бедного еврейского мальчика, а поклонники джинсов полюбоваться штанами самой известной модели 1890 года.

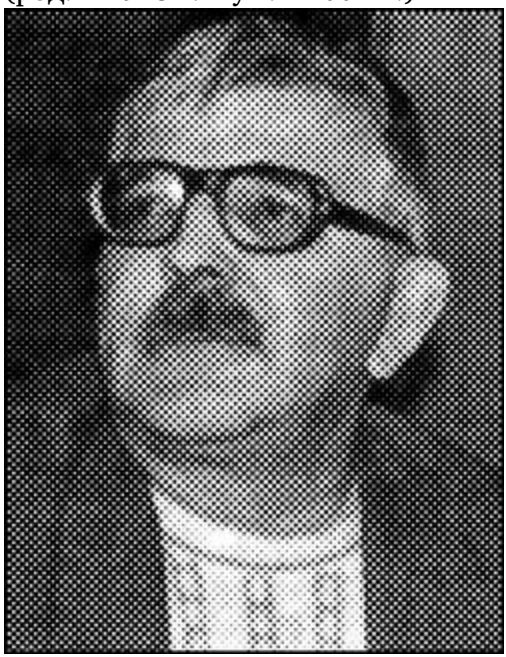
Позже на родине джинсов – в Сан-Франциско – завершился многодневный интернет-аукцион, на котором были выставлены еще одни «античные джинсы». Они ушли с молотка за 46 тыс. 532 доллара. Именно за такую цену самые старые в мире джинсы были выкуплены их же изготовителем – компанией Levi's, чтобы они заняли почетное место в витрине крупнейшего магазина этой фирмы.

В Сан-Франциско по инициативе городских властей в мае каждого года празднуется День Леви Страуса.

СТРУГАЦКИЙ АРКАДИЙ НАТАНОВИЧ

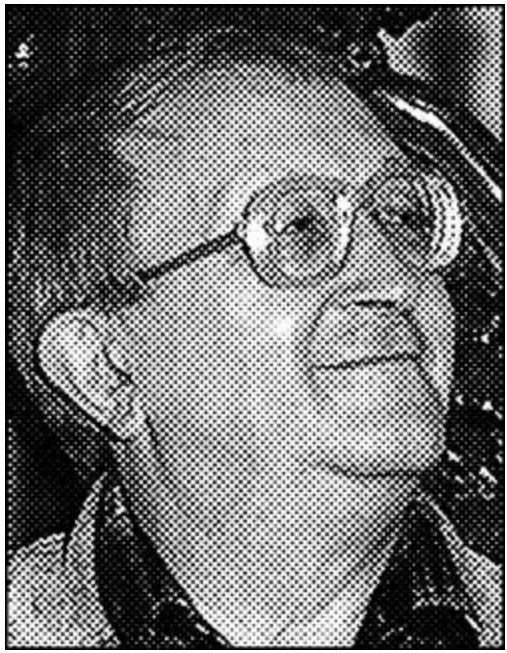
СТРУГАЦКИЙ БОРИС НАТАНОВИЧ

(род. в 1925 г. – ум. в 1991 г.)



Аркадий Стругацкий

(род. в 1933 г.)



Борис Стругацкий

Известные прозаики, сценаристы, бесспорные лидеры советской фантастики на протяжении более чем трех десятилетий. Самые известные за рубежом советские фантасты, книги которых выходили в 27 странах мира. Классики современной научной фантастики, лауреаты премии «Аэлита».

Аркадий Стругацкий родился 27 августа 1925 года в Батуми. Однако вскоре после его появления на свет молодая семья (искусствовед и учительница русского языка и литературы) перебралась в Ленинград – город, с которым была связана вся дальнейшая жизнь писателя. Его отец, профессиональный революционер-большевик, занимал видные партийные посты. Однако он неоднократно демонстрировал «вопиющую неортодоксальность» взглядов, за что, собственно, в 1937 году и поплатился партбилетом…

Юность парня была искалечена войной. С началом Великой Отечественной глава семейства работал на строительстве укреплений, а позднее – в гранатной мастерской. В конце января 1942-го семья разделилась: Боря с матерью остался в городе, а Аркадия вместе с отцом эвакуировали через Ладогу по «дороге

жизни». В тот момент оба, можно сказать, стояли одной ногой в могиле… В принципе, то же можно было сказать и об остальных пассажирах. Ту страшную поездку Аркадий запомнил на всю жизнь: он оказался единственным человеком в вагоне, который добрался до места назначения живым. Отца он похоронил в Вологде…

Неисповедимые дороги войны забросили будущего писателя под Оренбург, где его призвали в армию и направили в Актюбинское артучилище. Но закончить его Аркадий не успел: незадолго до выпуска, в 1943 году, его командировали в Московский военный институт иностранных языков. Закончил вуз Аркадий уже после победы, в 1949 году, получив диплом переводчика с английского и японского языков. После этого Стругацкий отправился преподавать в Каннскую школу военных переводчиков, а позднее служил дивизионным переводчиком на Дальнем Востоке.

Демобилизовался будущий писатель только в 1955 году; после ухода из армии он устроился референтом-переводчиком с японского в Институт технической информации. Но данный вид деятельности Аркадия Натановича полностью не устраивал. В 1956-м он решил попробовать свои силы на литературном поприще (хотя первые пробы пера знаменитого фантаста относятся еще к тому периоду, когда он служил в армии) и в соавторстве с Л. Петровым написал повесть «Пепел Бикини». Публикация данного произведения вызвала значительный интерес, так что в том же году Стругацкий сменил место работы и перешел сначала в «Реферативный журнал», а затем – в редакцию научно-художественной литературы в Детгиз. Позднее он занял место редактора в Госполитиздате.

Литература стала для него основным и любимым видом деятельности. В 1957 году Аркадий Натанович стал работать в соавторстве со своим младшим братом, Борисом; этот великолепный творческий дуэт быстро завоевал популярность как в СССР, так и за рубежом. Работы братьев Стругацких, которые принято относить к направлению социальной фантастики, пополнили список современной классики.

Борис Стругацкий, второй член творческого «тандема», родился в Ленинграде 15 апреля 1933 года. Он также был эвакуирован из блокадного Ленинграда вместе с матерью, но позже брата. Долгое время семья не могла воссоединиться, и долгожданная встреча была более чем радостной. После окончания школы младший Стругацкий поступил на механико-математический факультет Ленинградского университета. Получив специальность астронома, он в течение многих лет

работал в Пулковской обсерватории. И Аркадий, и Борис стараниями родителей очень рано пристрастились к чтению. Так что увлечение брата фантастикой астроном вполне разделял, но к собственным возможностям на данном поприще относился несколько скептически (хотя литературным творчеством начал заниматься еще в студенческие годы; просто дальше любительских работ дело долго не шло). Профессиональным же писателем Борис Натанович стал только в 1960 году.

Дебют братьев в массовой печати состоялся в 1958 году, когда читатели познакомились с рассказами «Извне» и «Спонтанный рефлекс». Спустя год любители фантастики буквально до дыр зачитывали первое крупное произведение Стругацких – повесть «Страна багровых туч». Они говорили, что данная работа – это «некий уродливый памятник целой эпохе… – с ее горячечным энтузиазмом и восторженной глупостью; с ее искренней жаждой добра при полном непонимании, что же это такое – добро; с ее неистовой готовностью к самопожертвованию; с ее жестокостью, идеологической слепотой и классическим оруэлловским двоемыслием». А на подходе были уже рассказы «Забытый эксперимент», «Шесть спичек», «Испытание СКИБР», «Частные предположения» (все – 1959)… Далее плодовитые авторы радовали читателей новыми работами с завидной регулярностью. Так, в 1962-м они выпустили «Стажеров», «Попытку к бегству», «Путь на Амальтею», «Далекую радугу», «Полдень XXII век. Возвращение»; в 1965-м – знаменитые повести «Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом» и «Хищные вещи века». Спустя два года на прилавках книжных магазинов появилось «Второе нашествие марсиан»; параллельно братья продолжали работать над начатой в 1966-м «Улиткой на склоне», которая была ими закончена в 1968 году. Тогда же вышла «Сказка о Тройке»; в 1969 году Стругацкие написали «Обитаемый остров», а в 1971-м– «Малыша». Читатели не уставали удивляться мощной фантазии и бешеной работоспособности соавторов, которые подарили мировой литературе такие удивительные вещи, как «Пикник на обочине» (1972), «Парень из преисподней» (1974), «За миллиард лет до конца света» (1976–1977), «Жук в муравейнике» (1979–1980), «Град обреченный» (1988–1989), «Хромая судьба» (1982) и др. Перечислить все произведения этих писателей в данной статье просто невозможно!

Братья отмечали, что испытали определенное влияние творческой манеры и основополагающих идей таких признанных корифеев жанра фантастики, как Г. Уэллс, Ж. Верн, С. Лем, К. Абэ, И. Ефремов. Их героем стал «обыкновенный» человек,

интеллигент, гуманист, этика которого основывается на нравственной ответственности перед человечеством и преданности научному поиску.

В начале своей творческой карьеры Стругацкие сумели создать собственную, оригинальную, целостную картину мира будущего. С точки зрения формы их произведения являлись романтическими, а с точки зрения содержания и пафоса – оптимистическими. Однако с течением времени в работах писателей все сильнее проявлялось стремление психологизировать прозу, насытить ее философским элементом и притчевым началом, придать повестям больше лиризма, добавить размышлений, которые порой начинали вытеснять активное внешнее действие.

Несмотря на то что ранние произведения Стругацких были выдержаны в традиционном ключе, их отличительной чертой стала необычная постановка нравственного выбора, обобщение ее до глобального, общечеловеческого масштаба. Писатели вновь и вновь обращались к проблеме поведения человека в неординарных и экстремальных с нравственной точки зрения ситуациях. Противопоставляя два антагонистичных мира – Абсолютного Добра и Справедливости и Реальной Человеческой Природы (весьма далекой от идеала), основным злом авторы считали воинствующую серость и агрессию к инакомыслию. Мир, по мнению Стругацких, основан на непрекращающейся борьбе человека, в первую очередь с самим собой. Исход этой борьбы часто остается неизвестным, а результат ее, собственно, не слишком волнует писателей. Главное, что их интересует, – это вопрос о том, возможно ли в ходе борьбы сохранить достоинство личности и ее готовность предстать перед судом времени. Стругацкие намеренно отказались прогнозировать образ человека будущего, однако они с удовольствием исследовали собственных современников, перенося их на века вперед, гиперболизируя заинтересовавшие их качества и доводя увиденное порой до откровенного гротеска. Будущее же соавторы рассматривали лишь как череду экстремальных обстоятельств, которые помогают проявить в личности все сущностное. Готов ли нравственно человек встретиться с будущим, куда так стремится, «лицом к лицу»? К сожалению, далеко не всегда. Поэтому-то у Стругацких так часто проскальзывает мотив тупика и идея другого пути. Вот только каким он может оказаться, фантасты не говорят.

Проблему контакта писатели впервые затронули в повести «Трудно быть богом» и развили ее в произведениях «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер». Стругацкие подвергли сомнению идею искусственного ускорения развития иной

цивилизации («прогрессорства»). Работы братьев, датированные концом 1960-х – началом 1970-х годов прошлого века, говорят о принципиальных изменениях в их собственной картине жизни и художественном мире. Фантасты мучительно искали пути человеческого прогресса. Эти произведения привнесли в отечественную литературу мощный аналитический потенциал, интеллектуальную насыщенность и завершенность. Теперь проза соавторов строилась на органическом единстве динамичной увлекательной интриги и серьезных раздумий и отличалась обязательным присутствием выраженного притчевого начала. В их концепции мира постоянно присутствует тайна, до конца неразрешимая. Предупреждение о том, что она рядом, проявляется во всех работах Стругацких последних десятилетий. Причем это «нечто» существует, по мнению братьев, само по себе, независимо от мнений, желаний и представлений людей. Что принесет тайна в их жизнь? Новую энергию, своевременную помощь или реальную угрозу? Не исключено, считали авторы, что неведомое может оказаться и тем, и другим одновременно…

Самое сложное произведение Стругацких – «Отягощенные злом, или Сорок лет спустя». Навеянный булгаковским «Мастером и Маргаритой», этот роман-притча с неоднозначными концовкой и трактовками, содержит два параллельных действия: библейско-фантасмагорическое и условно-реальное. Их объединяет идея того, что единственным возможным спасением для человечества является попытка воспитания поколения с новой психикой, отличимой от психики современного индивида. «Отягощенные злом» подводят к мысли о неизбежности общественного насилия над «заблудшими» душами и о том, что даже в «прекрасном новом мире» настоящий Учитель обречен на одиночество и отсутствие понимания.

Писали братья и по отдельности; вот только в этом случае они публиковали произведения под другими фамилиями. Так, Аркадий Стругацкий выпустил под псевдонимом С. Ярославцев повесть-сказку «Экспедиция в преисподнюю» (1974), роман «Подробности жизни Никиты Воронцова» (1984), повесть «Дьявол среди людей» (1993). Борис Стругацкий печатался под псевдонимом С. Витицкий. Его перу принадлежит роман «Поиск предназначения, или Двадцать седьмая теорема этики» (1995). Переводы же с английского братья подписывали как С. Бережков, С. Победин, С. Витин. Кроме того, Аркадий Натанович занимался переводами японской научной фантастики и классической японской литературы.

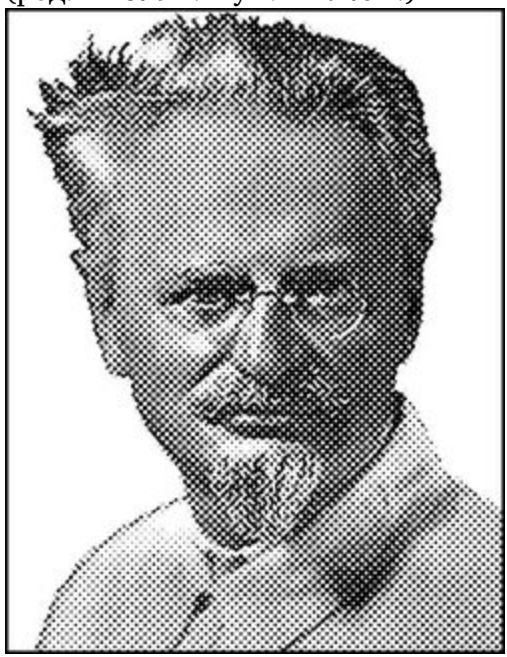
Что же касается деятельности Стругацких как киносценаристов, то об этом стоит поговорить отдельно. Аркадий

Натанович и Борис Натанович прошли школу работы с таким удивительным режиссером, каким был Андрей Тарковский. В результате, в 1978 году был создан сценарий «Понедельник начинается в субботу», в 1985-м – «Пять ложек эликсира»; по повести «За миллиард лет до конца света» был снят «День затмения» (1987); по мотивам «Гадких лебедей» – «Туча» (1987). В 1980-м зрители впервые увидели фильм «Отель “У погибшего альпиниста”». Борис Натанович в 1986 году стал лауреатом Государственной премии РСФСР за сценарий фильма «Письма мертвого человека». А пьеса-памфлет «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах» (1990), в которой развеяна эйфория перестроечной свободы и выражено скептическое отношение к очередному «новому» человеку, вообще стоит особняком в творчестве Стругацких. К сожалению, эта пьеса стала последней совместной работой братьев. В 1991 году, 12 октября, Аркадий Натанович скончался.

Что же касается Бориса Натановича, то он по-прежнему живет и работает в Санкт-Петербурге, пишет книги, руководит семинарами.

ТРОЦКИЙ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ

Настоящее имя – Лев (Лейба) Давидович Бронштейн
(род. в 1879 г. – ум. в 1940 г.)



Идеолог троцкизма. Один из руководителей Октябрьского переворота. Председатель Петроградского совета (1917 г.). Первый нарком иностранных дел (1917–1918 гг.) и первый наркомвоенмор (1918–1925 гг.) Советской России. Вождь IV Интернационала. Убит в результате террористической акции, организованной НКВД.

На гигантских фресках в президентском дворце в Мехико рядом с Марксом, Энгельсом и Лениным изображен человек с тонким хищным лицом, в пенсне, с бородкой клинышком и сталинскими усами. В остром взгляде – мрачное неистовство и безжалостность. Таким увидел соратника Ленина и главного противника Сталина, Льва Троцкого, выдающийся мексиканский художник Диего Ривера, близко знавший знаменитого русского революционера, «Демона революции» и «троцкиста номер один».

Его герой мечтал напоить «красных» коней водой из Вислы и Рейна. Он своими первыми декретами ввел в практику массовые расстрелы, добился милитаризации народного хозяйства, создания «трудармий», легализовал подневольный труд в лагерях. По приказу Троцкого было убито 28 архиепископов, 1215 священников, 15 375 преподавателей высших учебных заведений, врачей и учителей, 54 560 офицеров. Таков итог его деятельности в России. Результаты же долгой жизни Троцкого – десятки тысяч троцкистов в Стране Советов и за ее пределами. Современные троцкисты – непременная часть латиноамериканских городов. Они весьма колоритны: длинные волосы, заплетенные в косы, черные береты, черепа на веревочке, висящие на груди. До сих пор к дому-музею Троцкого в Мехико приходят поклонники левых идей. Они отколупывают кусочки штукатурки от стен «на молитвенную память». Латинская Америка – активная вотчина учрежденного Троцким в 1938 году в Париже IV Интернационала. И хотя со временем это политическое объединение распалось на несколько групп, новая генерация «интернационалистов» в этом регионе, следуя заветам своего кумира, претендует на создание «Социалистических Советских Соединенных Штатов Латинской Америки».

Настоящее имя идеолога троцкизма – Лев (Лейба) Давидович Бронштейн. Он родился 7 ноября 1879 года на хуторе Яновка вблизи городка Бобринец Херсонской губернии в семье довольно крупного землевладельца. Отец семейства был выходцем из маленького еврейского местечка на Полтавщине. Только в конце жизни Давид Бронштейн выучился читать по слогам, чтобы ознакомиться с произведениями своего ставшего знаменитым сына. Несмотря на неграмотность, Давид сумел собрать довольно значительные средства, чтобы купить крупный земельный надел и торговать зерном даже с заграницей.

Родители позаботились, чтобы сын получил наилучшее образование. Сначала Лев учился в частной религиозной еврейской школе хедере. Идиш он знал плохо. Но русскую грамоту мальчик освоил достаточно для того, чтобы писать стихи, которые, к сожалению, до нас не дошли. Следующим этапом стало престижное казенное училище Св. Павла в Одессе, куда его устроили с помощью родственника М. Ф. Шпенцера, бывшего крупным издателем. Здесь Лев быстро вышел в первые ученики, читал много художественной литературы и стремился стать писателем. Но уже в это время проявился строптивый нрав будущего революционера, его стремление к первенству и демонстрации интеллектуального превосходства над сверстниками, так навредившие ему во «взрослой жизни». Он был

временно исключен из второго класса за конфликт с преподавателем французского языка.

Последний класс реального училища Лев оканчивал в 1896 году в Николаеве. В семье, где он поселился, молодежь увлекалась народническими социалистическими идеями. Среди членов маленького кружка была и дочь народника, Александра Соколовская, в которую будущий революционер не замедлил влюбиться. Она сумела привлечь юного социалиста-народника к марксистским идеям. Вскоре Бронштейн стал членом «Южнорусского рабочего союза» и получил первую подпольную кличку Львов.

Молодые люди имели весьма приблизительное представление о конспирации. 28 января 1898 года Бронштейн и другие члены группы по доносу провокатора Шренцеля были арестованы. В тюрьме Бронштейн и Соколовская, к ужасу родителей Льва, поженились. Вместе они прибыли в ссылку в Усть-Кут, а позже жили в Верхоянске.

Несмотря на то что в ссылке Бронштейн активно занимался самообразованием и начал пробовать себя на журналистском поприще, жизнь ссыльного начала тяготить революционера. Он мечтал о Петербурге, Москве, какой-нибудь из западных столиц. С согласия жены, оставшейся в Сибири с двумя маленькими дочерьми, он решился на побег. Ему удалось благополучно добраться до европейской части России, нелегально перейти австрийскую границу и найти членов Австрийской социалистической партии. В фальшивом паспорте беглеца фигурировала фамилия Троцкий, позаимствованная у одесского тюремного надзирателя.

В эмиграции Лев пробыл до 1905 года. Из Австрии он перебрался в Цюрих, где впервые встретился с Лениным и Крупской. Затем были Лондон и Париж. Под псевдонимом «Перо» молодой революционер сотрудничал в газете «Искра», читал публичные лекции. По предложению Ленина в 1903 году Троцкий был введен в состав редколлегии «Искры». Он близко сошелся с Мартовым, Аксельродом и Засулич. А вот у Плеханова новый «искровец» вызывал резкую антипатию. Патриарх русской социал-демократии прозвал его «любимчиком революции» и был подчеркнуто холоден. Возможно, основанием для этого послужил ярко выраженный нарциссизм молодого политика. Троцкий любовался собой и не скрывал этого.

В Париже Лев Давидович встретился с умной и красивой Натальей Седовой. За вольнодумство она была исключена из института благородных девиц в Харькове, а в Сорбонне изучала историю искусств. Вскоре Наталья бросила мужа, чтобы уйти к

Троцкому.

В августе 1903 года в Лондоне состоялся второй съезд РСДРП. Делегатом от Сибирской социал-демократической организации был Троцкий. При обсуждении Устава партии он поддержал меньшевика Мартова, в противовес мнению Ленина. На долгое время между ними установились весьма прохладные отношения.

Когда в России в 1905 году вспыхнула революция, Троцкий с фальшивым паспортом на имя отставного прапорщика Арбузова прибыл на родину. Он стремился быть в центре событий и преуспел. После октябрьской стачки Лев Давидович, благодаря своим ораторским способностям и поразительному чутью в оценке ситуаций, выдвинулся в первые ряды революционных лидеров. Его избрали в Петербургский Совет рабочих депутатов.

3 декабря 1905 года вся верхушка Совета была арестована. Троцкий вновь оказался в заключении, а после суда отправлен на каторгу. Арестованным выдали казенное обмундирование, но разрешили сохранить собственную одежду. Троцкому это облегчило бегство еще на этапе. Симулировав радикулит, он под охраной двух жандармов был оставлен в г. Березове. Обманув охрану, арестант сумел преодолеть около 800 км, передвигаясь где пешком, где на оленях по заснеженным просторам Сибири, и в конце концов оказался в Финляндии, а затем долгое время проживал в Вене. Когда местные власти, обеспокоенные слишком активной деятельностью русского, отказывали ему в праве на проживание, он на непродолжительные сроки перебирался в Швейцарию, Францию и даже Северную Америку. Седова с детьми сопровождала его повсюду. Средства для жизни революционеру предоставлял старик Бронштейн. Кое-что Лев зарабатывал журналистским трудом.

Известие о Февральской революции Троцкий получил в Америке и тут же устремился в Россию. В канадском порту Галтфакс его с семьей арестовали с подачи британского посольства, утверждавшего, что он едет «с субсидией от германского посольства для низвержения Временного правительства». Однако по требованию Временного правительства его и нескольких других русских отпустили. Лев Давидович благополучно добрался до Скандинавии, а оттуда перебрался в Петроград.

Ораторские способности и интуиция вновь не подвели Троцкого. Через месяц после приезда он стал одной из самых заметных фигур среди радикально настроенных политиков. В конце сентября на перевыборах Исполкома Петроградского Совета Троцкий, с подачи большевиков, был избран его председателем. В это время Лев Давидович еще придерживался

демократических норм политического руководства, заявив при вступлении в должность: «Рука президиума не поднимется на подавление большинства». Начало Октябрьского вооруженного восстания он связывал с созывом съезда Советов, который должен был ликвидировать режим Временного правительства и установить революционную власть. В целом Троцкий очень много сделал для организации Октябрьского восстания. Он сыграл ведущую роль в создании и функционировании при Петроградском Совете Военно-революционного комитета, который руководил подготовкой и осуществлением восстания.

Утром 25 октября (7 ноября по европейскому календарю) Временное правительство было низложено, а власть в Петрограде перешла в руки Военно-революционного комитета. О демократических нормах тут же забыли. Спустя несколько дней в заметке «К демократии» М. Горький писал: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия». Второй после Ленина человек в государстве направил свои усилия на развязывание и углубление террора.

С этого момента многочисленные разногласия между Троцким и Лениным постепенно исчезли. Лев Давидович открыто давал понять, что только он один понимает вождя и верен его идеям и установлениям. Единственным исключением стала позиция Троцкого, наркома иностранных дел, на мирных переговорах с немцами в Брест-Литовске. Ленин придерживался идеи заключения сепаратного, аннексионистского мира. Троцкий же изобрел формулу «ни мира, ни войны», будучи уверенным в том, что народы Германии и Австро-Венгрии откажутся сражаться, а потом вспыхнет мировая революция. С целью экспорта революции он вез с собой кипы листовок и брошюр, адресованных солдатам противника. На революционную пропаганду за рубежом правительство голодной России выделило 2 млн рублей золотом. В начале февраля 1918 года в Брест-Литовске Троцкий заявил об одностороннем прекращении Россией войны, демобилизации армии и отказался подписывать мирный договор. Однако уже 18 февраля военные действия были возобновлены, и в конце концов России пришлось заключить мир на более невыгодных условиях, чем предлагалось вначале. После такого фиаско Ленин, тем не менее, решился поставить Троцкого во главе военного ведомства. В условиях Гражданской войны и интервенции это был один из важнейших государственных постов. Лев Давидович никогда не служил в армии, но блестяще справился с задачей.

Наркомом по военным делам Троцкий был назначен 14 марта 1918 года, а спустя пять месяцев стал еще и Председателем Революционного Военного Совета Республики (РВС). Он выдвинул лозунг «Социалистическое Отечество в опасности!» и принялся за строительство и укрепление Красной Армии.

Для этого нарком широко использовал военных специалистов прежнего режима. Каждый из них давал подписку и знал, что в случае измены (или подозрения в измене) прежде всего поплатятся его семья и товарищи. Комиссарам, контролирующим каждый шаг офицеров, было дано право «вовремя» беспощадно расправляться с «контрреволюционерами». Это означало немедленный расстрел при любых подозрениях в нелояльности.

Серьезной проблемой в Красной Армии времен Гражданской войны было дезертирство. Мобилизованные крестьяне, недавно получившие землю, не знали и не хотели знать, за что сражаются, и разбегались по домам. Чтобы прекратить это, Троцкий создал многочисленные комиссии по борьбе с дезертирством. В некоторые месяцы удавалось задержать до 100 тыс. дезертиров. Они подвергались жестоким наказаниям, чаще всего расстрелу. Чтобы военные части не бежали с поля боя, за ними во время сражения выставлялись заградительные отряды, которые должны были стрелять по своим в случае отступления без приказа. В отличие от остальных частей им выдавались машины с пулеметами.

Нарком часто выезжал в действующую армию. Его легендарный бронепоезд, проделавший за годы войны более 200 тыс. км, представлял собой «летучий отряд управления». Он объезжал фронты, участвовал в сражениях. В поезде работали: секретариат, типография, телеграфная станция, радио, электростанция, группа фотографирования и киносъемки, оркестр, библиотека, гараж и баня. Несколько вагонов занимала охрана. Троцкий нигде не появлялся без телохранителей. Врачи почти ежедневно осматривали его.

Особое внимание уделялось вопросам пропагандистской работы.

Нарком требовал, чтобы на каждой остановке его встречали высокие должностные лица с почетным караулом. Каждый удобный случай использовался для общения с красноармейцами. Особо отличившимся вручали заранее запасенные серебряные портсигары (из царской кладовой), бинокли, рубахи, кожаные куртки, а иногда нарком снимал с руки часы или жертвовал собственным оружием. По его инициативе ВЦИК учредил орден Красного Знамени.

Военные проблемы, однако, не заставили Троцкого забыть о

его главной цели – победе мировой революции. Он продолжал живо интересоваться состоянием международного рабочего движения, активно участвовал в работе Исполкома Коминтерна. «Демон революции» был горячим приверженцем идеи перманентной революции, выдвинутой «русско-немецким» революционером (потом миллионером) Парвусом (А. Л. Гельфандтом). В понимании Троцкого, революция должна продолжаться, проходя национальный, интернациональный и мировой уровни до полной ликвидации классового общества. В отличие от Сталина, он не верил в возможность строительства социализма в отдельно взятой стране. Это и многие другие разногласия, а также пренебрежительное отношение «главного троцкиста» к будущему «вождю» страны Советов послужили поводом для непримиримой борьбы между ними, в основе которой была обычная борьба за политическое первенство и власть. Троцкий считал себя единственным наследником Ленина, и это в конечном итоге привело его к гибели.

Смерть Ленина застала Троцкого на лечении в Кисловодске. Узнав о кончине вождя, эмоциональный Лев Давидович упал в обморок. Но на похороны не попал. Телеграмма, из-за происков Сталина, несла в себе дезинформацию.

Очень быстро Троцкий оказался в опале. Лев Давидович был уверен, что руководящее положение в стране займет он, а не Сталин, и до конца жизни считал, что именно эту цель преследовал Ленин в своем «Письме к съезду». Разногласия со Сталиным привели к тому, что в 1925 году Троцкого сняли с поста наркомвоенмора, а потом выслали в Алма-Ату.

Политические претензии на первенство заставили его жаловаться на «невыносимые условия» проживания в гостинице и требовать разрешения выезжать на охоту в обществе любимой собаки Майи. Все требования были удовлетворены. Троцкий охотился в свое удовольствие и даже подумывал пойти на тигров, а в начале июня выехал на дачу в горы.

Однако «вечный» оппозиционер не оставил прежних привычек и с жаром ввязался в полемику по поводу дальнейшей судьбы НЭПа. Чувствуя опасность, Сталин решил выслать политического противника из страны, не решившись уничтожить его физически. Более того, была создана видимость законности. Особое совещание ОГПУ обвинило бывшего соратника Ленина в подготовке вооруженной борьбы против советской власти.

С высылкой Троцкого у Сталина возникли серьезные проблемы. Ни одна страна не соглашалась принять у себя неистового революционера. Не побоялся только президент Турции Кемаль Ататюрк. 22 января 1929 года Троцкого и Седову

перевезли во Фрунзе, там посадили на поезд и по дороге сообщили, что их ждет высылка в Константинополь. Лев Давидович возмутился. Он не мог себе представить жизни вместе с русскими эмигрантами. Но пришлось подчиниться. На корабле «Ильич» Троцкий с женой и младшим сыном пересек турецкую границу.

Однако в этой стране Троцкий не задержался. Несколько лет он находился в постоянных переездах. Побывал во Франции, Далмации и Норвегии. В 1932 году его лишили советского гражданства. Изгнанник метался, не зная, как отомстить, к чему приложить силы. За границей Троцкий не прекращал борьбы со Сталиным и его режимом. Во множестве статей и книг он разоблачал сталинский режим, часто срываясь на тон склочного соседа по коммунальной квартире. В изгнании Лев Давидович написал книгу «Сталинская школа фальсификации» – одну из лучших по этой проблеме. Параллельно он подчеркивал свою выдающуюся роль в революции. Были предприняты и более серьезные шаги. Еще в 1929 году в Турции он и его сторонники организовали «Бюллетень оппозиции» с разоблачением сталинских методов руководства и тайно переправляли его в СССР. Поддерживались тесные связи со сторонниками Троцкого в Советском государстве. По-прежнему одной из главных целей было «ускорение пролетарской революции» в мире.

Его деятельность в эмиграции становилась опасной для советского правительства. В СССР началось массовое уничтожение троцкистов. При этом под жернова государства попали и невинные люди. Ситуация стала угрожающей и для самого Троцкого, его агенты в различных странах исчезали при таинственных обстоятельствах. Почувствовав опасность, он начал искать более надежное убежище.

За рубежом у Троцкого было много сторонников. Среди них числился и убежденный «левак», знаменитый мексиканский художник Диего Ривера. Он и его жена Фрида Кало уговорили президента Мексики, с которым у них были близкие отношения, принять Троцкого. На предоставленном норвежским правительством танкере «Руфь» Лев Давидович с семьей пересекли океан и 9 января 1936 года в сопровождении секретаря и телохранителей сошли на берег в порту г. Тампико. Здесь их ожидал личный поезд, присланный президентом.

Льва Давидовича и Наталью Седову доставили в Мехико. Постепенно в доме Риверы образовалась небольшая троцкистская коммуна. К политэмигрантам присоединился их внук Сева Волков. Вскоре между Троцким и женой хозяина возник роман. Неизвестно, сколько времени продолжалась связь Льва

Давидовича с пылкой троцкисткой, однако Наталья Седова быстро положила конец их отношениям. После бурной сцены в припадке уничижения Троцкий, вымаливая прощение у жены, назвал себя ее «старой верной собакой». Возможно, этим дело бы не закончилось, но приступ аппендицита и последовавшая операция окончательно разрядили ситуацию. Тем не менее, жить в доме обманутого мужа все же было как-то неудобно. Троцкий стал подумывать о переезде.

Однако так просто покинуть приютившую их семью означало признать свою вину. Лев Давидович решил обосновать смену места жительства идейными мотивами. В 1939 году Риверу вдруг отстранили от участия в IV Интернационале. Теперь можно было переезжать. Вскоре супруги и их окружение перебрались в особнячок на Венской улице в 10 мин. ходьбы от дома Риверы. Наивный художник все еще числился среди поклонников «великого человека». Он готов был поддерживать отношения. Но незадачливый любовник наотрез отказал ему от дома.

На Троцкого не раз покушались. Первая попытка была предпринята в Мексике в 1938 году. Подозрительный посыльный пытался проникнуть на виллу Кайокане, где жил в то время «Несгибаемый Лев». Когда его разоблачили, он скрылся, но неподалеку от дома бросил пакет с взрывчаткой. 24 мая 1940 года убежденный сталинист и знаменитый художник Давид Сикейрос, по прямому указанию Сталина, во главе вооруженного отряда попытался штурмом взять виллу. Когда это не удалось, нападавшие оставили возле входа мину замедленного действия, которая так и не взорвалась.

Атмосфера вокруг Троцкого все больше накалялась. Бесследно исчез его секретарь, старшая дочь покончила с собой, оставшийся на родине младший сын был расстрелян, а старший сын умер при загадочных обстоятельствах. В тюрьме погиб старший брат Льва Давидовича.

Троцкий знал, что на него идет охота. У ворот специально купленного большого дома постоянно дежурили охранники, в основном американские троцкисты. Он составил завещание и часто по утрам повторял: «Они не убили нас этой ночью. Они подарили нам еще один день».

Однажды в доме появился знакомый одной из секретарш, революционер Жак Морнар. Он втерся в доверие хозяина и под предлогом совместной подготовки статьи стал часто бывать у Троцкого. На самом деле молодого человека звали Рамоном Меркадером дель Рио Эрнандесом. Он был лейтенантом испанской республиканской армии и выполнял спецзадание НКВД. Однажды Меркадер принес под полой верхней одежды

специально укороченный ледоруб, а когда хозяин склонился над письменным столом, зарубил его.

Трагическая судьба постигла большинство членов семьи Троцкого. Старший брат Александр, несмотря на то что «отмежевался» от Льва, был расстрелян в 1938 году. Младшая сестра Ольга, ставшая женой Л. Б. Каменева, расстреляна в 1941 году. Первая жена, Соколовская, – сослана в Сибирь. Двое ее сыновей уничтожены еще раньше, в 1936 году. Младший сын Троцкого расстрелян в 1937 году. Умерли обе дочери, причем одна из них, как уже упоминалось, покончила с собой. Сгинули после ареста оба его зятя.

Любопытны некоторые совпадения событий, характера и внешнего облика «пламенного революционера» с другими политическими деятелями эпохи. Троцкий родился в один год со Сталиным. Вдень его рождения произошла Октябрьская революция. С Лениным у него был один и тот же тип нервной системы: оба были истероидами. Посмертный рисунок с Троцкого удивительно похож на лицо умершего вождя большевистской революции. Идеолог троцкизма носил такое же пенсне, как Берия и Гиммлер.

УЛИЦКАЯ ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА

(род. в 1943 г.)

Популярная писательница, автор психологических повестей и рассказов, сценарист кино и телевидения, лауреат известных литературных премий: «Медичи» (Франция), Джузеппе Ацерби (Италия), «Смирнофф-Букер» (2001 г.) за роман «Казус Кукоцкого», Национальной премии «Иванушка-2004» в номинации «Лучший писатель года» (в рамках 17-й Московской международной книжной выставки-ярмарки, лауреат). Наиболее известные произведения: романы «Медея и ее дети» (вошел в список финалистов премии «Букер» в 1997 г.), «Казус Кукоцкого», повести «Сонечка» (вошла в список финалистов премии «Букер» за 1993 г.), «Веселые похороны» и рассказы: «Бедные родственники», «Лялин дом», «Чужие дети», «Народ избранный» и др. Книги Людмилы Улицкой переведены более чем на 20 языков мира; совокупный тираж их составляет около миллиона.

Людмила Улицкая называет себя «автором молодым», хотя ее писательская карьера началась довольно поздно. К тому моменту, как была опубликована ее первая книга, Улицкая успела выучиться на биолога-генетика, поработать по специальности, затем – завлитом в еврейском театре, одновременно выйти замуж и вырастить двух сыновей. Но поздний старт в данном случае не означает неудачный. Напротив, литературный взлет этой писательницы был молниеносным. Первая книга ее рассказов вышла сравнительно недавно – в начале девяностых, причем сначала во Франции, и только потом в России, а сегодня Людмила Улицкая – один из самых читаемых авторов в современной литературе. То есть международного признания Людмила Евгеньевна добилась всего за десять с лишним лет, что для серьезного писателя срок небывалый. Сама она называет свой вариант писательской судьбы «золушкиным» – все сложилось само собой, без ее ведома, словно по волшебству.

А начинала свой жизненный путь Людмила Улицкая совсем не в сказочное время – в разгар Великой Отечественной войны. Родилась она далеко от фронтов – в небольшом башкирском городке Давлеканово, а выросла в Москве. Детство Людмилы было типичным для большинства городских ребятишек послевоенной поры. Родители ее были научными работниками: мать – биохимик, отец – инженер. Семья совместно с многочисленными родственниками и соседями жила в большой коммунальной квартире. «Помню, когда мне было пять лет, я на кухне в тазу у соседки обнаружила нашу серебряную ложку с бабушкиной монограммой, – рассказывает Л. Улицкая. – Я ее выудила и побежала к маме: “Мама, смотри, у Анны Семеновны наша ложка!” Мама на меня посмотрела глазами, полными ужаса, и сказала: “Люся! Немедленно отнеси ее обратно!” – “Но почему?!” – “Но она же уже к ней привыкла!”». В первых рассказах Людмилы Улицкой, написанных уже в зрелом возрасте, запечатлены воспоминания детства. Как говорит сама писательница, ее рассказы связаны «с потребностью вернуться туда, прожить и заново расставить точки…». С самого раннего детства Люда была очень самостоятельной девочкой. Ее родители, увлеченные наукой люди, трудились над диссертациями, поэтому воспитанием особо не руководили. Как вспоминает сама Л. Улицкая, «имел место прекрасный самотек». Поскольку не контролировалось и чтение, в домашней «взрослой» библиотеке Люда перечитала все, что считала для себя интересным – Сервантеса, Боккаччо, О. Генри, Пастернака, а чуть позднее Набокова и Платонова. Конечно, это было совсем не то, что предлагалось ребенку для чтения в 1950-е годы. «Я горжусь

тем, что такие мои серьезные “открытия” были сделаны самостоятельно и, в общем, литературно “невинным” человеком…», – вспоминая это, говорит писательница.

Страсть к литературному труду развилась в Л. Улицкой не только потому, что многое в литературе она открыла для себя, еще будучи ребенком. Вероятно, эта тяга, эта любовь была заложена в ней от рождения. По словам самой Людмилы Евгеньевны, почти вся ее семья была «склонна к писанию». Один из дедов – по отцовской линии – автор двух книг (одна – по теории музыки, вторая – первый русский труд по демографии). Прабабушка с материнской стороны писала стихи на идише. У прабабушки был сын – литератор, постановщик, человек интересной судьбы – Михаил Гальперин. В семье им очень гордились, потому что он был «самым успешным и “поднявшимся” в культурном отношении». Сама Людмила Улицкая, хотя и прославилась как мастер прозы, начинала со стихотворений. Причем писать начала очень рано – настолько рано, что и сама уже не может вспомнить, когда это случилось впервые. «Писала очень-очень долго и по сей день могу написать стихотворение – это для меня очень хороший внутренний сигнал», – говорит Улицкая. Но опубликованных стихов у нее почти нет. Лишь одно стихотворение было напечатано в «подпольно-подземном» еврейском журнале советского времени «Тарбут». Кроме него, единственные опубликованные стихи Улицкой – те, что вошли в ее роман «Медея и ее дети». «Это была, пожалуй, единственная форма, в которой я могла их опубликовать, – подарив своей героине», – говорит писательница.

Сейчас в арсенале Улицкой три сборника неопубликованных стихов, но издавать их она не собирается. Ее конек – это проза, вернее ее малые формы: рассказы, повести. «И какая же это радость – маленький рассказ, который вчера начал, а на будущей неделе уже закончил! Работаю я вообще с трудом, с мучениями, очень медленно. Словом, не Моцарт. Но при этом писатель никому ничего не должен, у него есть право выбирать свое собственное место», – отмечает Людмила Улицкая. Ее произведения можно назвать «прозой нюансов» – тончайшие проявления человеческой природы и детали быта выписаны автором с особой тщательностью. Написанные густым и ароматным языком, они проникнуты совершенно особым мироощущением, которое, тем не менее, оказывается близким очень многим. Нельзя не признать, что именно в короткой форме литературного жанра Улицкая наиболее талантлива и самобытна. Более крупные по масштабу произведения – романы Улицкая писать не очень любит. Каждый раз, берясь за написание романа,

говорит, что это уж точно последний. «Это настоящая марафонская дистанция, требующая от писателя безумного напряжения сил. Я же скорее спринтер, и в небольшом пространстве чувствую себя гораздо увереннее. Но есть темы, которые никак не укладываются в рамки рассказа. И тогда происходит роман. По ощущению состояние писания романа напоминает затяжную болезнь. И чувство, которое я испытываю, заканчивая большую книгу, дает счастье освобождения, напоминающее выздоровление», – признается писательница. О недавно изданном романе «Искренне Ваш Шурик» автор даже сказала, что процесс его создания целых три года мешал ей «писать рассказы и радоваться жизни».

Профессиональной писательницей Л. Улицкая стала на рубеже 1980–1990-х годов, а до этого ее жизнь протекала совершенно в ином направлении. И хотя в голове ее постоянно роились какие-то строчки, сюжеты, на бумагу она их не переносила. Тогда еще Людмила Улицкая искренне полагала, что всю жизнь будет заниматься любимым ею делом – биологией. На биофак МГУ Людмила поступила в начале 1960-х. Это был первый «нелысенковский» курс – т. е. первый, которому читали менделеевскую генетику. Людмила Евгеньевна до сих пор с особым чувством вспоминает годы учебы: «Преподаватели были потрясающие. Очень крупные ученые, в большинстве своем уже отсидевшие и понимавшие, что учить нужно быстро. Потому что это теперь ясно, что именно генетика – концептуально важное направление исследований на будущее тысячелетие. А эти люди все понимали еще до войны! В общем, это были времена романтической науки…»

Успешно закончив учебу в 1968 году, Людмила начала работать в Институте общей генетики. Но очень скоро в ее жизни произошла резкая смена биографии – лабораторию, в которой она трудилась, закрыли, а сотрудников попросту выгнали. «Абсолютно типичное шестидесятническое дело, хотя год шел уже семидесятый. Это была очень молодая лаборатория, заведующему – лет 26, наверное. И нас просто накрыли на чтении самиздата. Можно даже сказать, что история кончилась для нас благополучно, могли и срок получить, а нас просто выгнали. Но судьба, конечно, переломилась. Я после этого не работала девять лет», – вспоминает Улицкая.

Оставшись не у дел, Людмила не поддалась чувству безысходности, но литературой всерьез она в те годы еще не занималась. «У меня были другие весьма содержательные занятия. В это время заболела и умерла моя мама. Потом родились дети, я немножко их подрастила. И еще я все время

читала, чаще всего Библию. Вообще все, что можно было без знания языков тогда прочесть, я и прочла», – говорит писательница. Так продолжалось до тех пор, пока в жизни Л. Улицкой снова не произошел неожиданный поворот – ей предложили поработать в Камерном еврейском театре. Людмила Евгеньевна по натуре не очень большая авантюристка, но в данном случае, как она утверждает, сработала некая «доза авантюризма» – и она, никогда не имевшая никакого отношения к театру, согласилась. «Я в это время уже развелась с мужем, а дети немножко подросли, и надо было идти на работу. Я, собственно, уже и собиралась. Но науку мне было не догнать. Десять лет для генетики – пропасть, объем знаний за это время удваивается. А кроме того, я и сама потеряла интерес. И думала идти куда-нибудь в биохимическую лабораторию – делать анализы…» – вспоминает писательница. Но судьба распорядилась по-другому. Три года Людмила Улицкая проработала в театре. «Это была такая улыбка… Я бы даже сказала насмешка биографическая. Театр – вообще особое место, а уж советский еврейский театр – трижды особое. Он числился при Биробиджане, а в Москве имел репетиционную базу. Спектакли играли на идиш, которого ни один человек в театре не знал! Вернее, знал – один. Был педагог, бывший актер театра Михоэлса, который вел занятия с актерами. Завлит не знал языка, актеры не знали и режиссер не знал! Это было мероприятие, нацеленное на внешний мир, – знак того, что еврейская культура у нас существует. В общем, конечно, ложная идея и дико авантюрное мероприятие. Но для того, чтобы поменять свою жизнь, нет ничего лучше, чем пойти в театр», – говорит писательница. В 1982 году Улицкая неожиданно ушла из театра. К этому времени она уже очень многое умела. И, кроме того, она совершенно точно поняла тогда, чего не хочет делать в жизни – она не хочет «ходить на службу и сидеть на собраниях, поднимать руку». Вспоминая то время, Людмила Евгеньевна рассказывает: «В общем, мне удалось выйти из ситуации непосредственных взаимоотношений с государством. Правда, когда я начала свою работу как литератор, жизнь была довольно трудная. Я не отказывалась ни от какой литературной работы. Только от той, что смердела советской идеологией, – и не потому, что я такая неподкупная, а потому, что не могу делать то, чего не хочется. Я не такой уж принципиальный человек, но это мне было омерзительно, и делать я этого не могла. Как говорил Синявский: “У меня с советской властью разногласия чисто эстетические”». Все восьмидесятые годы Улицкая занималась литературной работой самого разного жанра – переводила стихи по подстрочникам, писала очерки, рецензии, сценарии для учебных

телевизионных программ, детских пьес и инсценировок, много работала для кукольных театров и радио. Тогда же она вступила в профком драматургов – была такая организация, которая выводила «неофициальных» писателей за пределы тунеядства.

Печататься Улицкая начала в конце восьмидесятых. Сначала это были журналы – «Огонек», «Новый мир», а вскоре вышла и первая книга. Сборник рассказов «Бедные родственники» был издан в начале 1990-х сначала во Франции, а затем и в России. Хотя его появление как на родине, так и за рубежом осталось почти незамеченным, история, связанная с его выходом в свет, была удивительна. «Точь-в-точь, как у Золушки», – говорит сама писательница. А дело было так. Людмила Евгеньевна дала почитать рассказы давней подруге, жившей во Франции. Та – своей подруге-француженке, которая и отнесла рукопись в издательство «Галлимар». Самое удивительное, что рукопись Улицкой опубликовали! А ведь в «Галлимаре» никогда раньше не выпускали первую книгу автора, вообще не имевшего публикаций. Еще более повезло писательнице со второй книжкой. За повесть «Сонечка» она получила французскую премию «Медичи» (французская литературная премия за лучший иностранный роман года). «Премия, правда, была совершенно бесплатная, что меня, конечно, очень разочаровало, – рассказывает Л. Улицкая. – Хотя, с другой стороны, и “Сонечка” тоже не роман, между нами говоря… Но тем не менее, это было очень важное событие в моей жизни. А потом… Потом – “Медея и ее дети”. Так что история моя, конечно, немного Золушкина. Потому что карьера-то очень быстро произошла. Всего 10 лет».

На рубеже 1980-х и 1990-х годов вышли два фильма, снятые по созданным Л. Улицкой сценариям, – «Сестрички Либерти» В. Грамматикова и «Женщина для всех». С середины 1990-х писательницу начали активно издавать и переводить. После «Медеи», которая вошла в список финалистов премии «Букер» за 1997 год, была написана американская история – «Веселые похороны». Эта повесть связана с довольно значительным периодом жизни писательницы. Дело в том, что сыновья Л. Улицкой 10 лет прожили в Америке, и она из года в год приезжала и жила вместе с детьми. Писательница общалась с одними и теми же людьми, многие из которых были эмигрантами, десятилетие наблюдала развитие их отношений, сюжетов, судеб… Все это и легло в основу «Веселых похорон». Затем в 2000 году, вышел роман «Казус Кукоцкого», он и получил, наконец, «Букер». Именно с этого момента началась известность Людмилы Улицкой в России. Особенно знаменательным для писательницы стал 2002 год: огромные тиражи (в рейтингах

продаж ее книги теперь обгоняют иные хваленые боевики!); новые переводы за рубежом, выставка «Работа с текстом», организованная в соавторстве с мужем – известным скульптором А. Красулиным и ставшая вместе с романом «Казус Кукоцкого» заметным явлением в культурной московской жизни, с успехом прошла в Германии и США и, наконец, торжественная премьера во МХАТе «Сонечки». Поистине триумфальное шествие, достойное восхищения! И все же, несмотря на огромную любовь читающей публики, Улицкая – не массовый писатель. «Никогда не рассчитывала на большой успех. Тот успех, что я имею сейчас, очень сильно превышает мои ожидания. С первого моего рассказа у меня всегда было ощущение, что я пишу для нескольких человек, с которыми у меня много общего. Поэтому, когда оказалось, что книжки мои читают еще и другие люди, а также за границей, что вообще мало представимо, это меня поразило и немножко поражает до сих пор», – говорит она.

Улицкая очень поздно начала и поэтому ни с кем не соревновалась. Все ее сверстники-писатели были уже известными, зрелыми мастерами. И чувство покоя было ей замечательной подмогой: она никогда не нервничала, если что-то не удавалось. Когда что-нибудь получалось, рассматривала это как случайную удачу. Так и продолжает жить и творить Л. Улицкая: ни с кем не соревнуясь, никуда не торопясь. «И это большое счастье в моей жизни, – говорит Людмила Евгеньевна. – В жизни у меня был момент, когда сломалось решительно все. Развелась с мужем, осталась с двумя маленькими детьми. Биология резко кончилась, и не по моей вине… Сама я бы не ушла, мне было интересно и учиться в университете, и работать в Институте общей генетики… Было чувство полного нуля, и я полностью сознавала преимущество этого положения. Из точки нуля очень легко начинать – и вот я начала снова. Может, знание того, как жизнь может переламываться, предлагать новые колеи, помогает мне и сейчас спокойно относиться к писательской работе. Я знаю: это закончится – произойдет что-нибудь другое, и если будут силы и будут возможности – займусь еще и третьим делом, и это меня совершенно не пугает…»

УТЕСОВ ЛЕОНИД ОСИПОВИЧ

Настоящее имя – Лазарь Иосифович Вайсбейн
(род. в 1895 г. – ум. в 1982 г.)

Легенда советской эстрады, певец, актер театра и кино, дирижер. Организовал и возглавил первый театрализованный джаз («Теа-джаз», 1929 г.), ставший впоследствии Государственным эстрадным оркестром РСФСР. Первый артист эстрады, удостоенный звания народного артиста СССР (1965 г.). Автор книг «Записки актера» (1939 г.), «С песней по жизни» (1961 г.) и «Спасибо, сердце!» (1976 г.).

Однажды Н. Богословский сказал: «Как правило, педагоги, умудренные жизненным опытом, влюблены в одну дидактическую истину: для того чтобы достигнуть вершины в области искусства, надо беспрестанно работать и совершенствовать свое мастерство. Я убежден, что эта истина непреложна. Но откуда же тогда взялся Утесов, которому, судя по тому, что он умеет делать в совершенстве, понадобилось бы лет двести для упорной работы

над собой?» Вопрос явно риторический. Конечно, из колоритной, насмешливой, пропахшей рыбой и солеными черноморскими ветрами Одессы. Юмористическую, комическую, ироническую атмосферу этого города никто не разгадал до конца, если не считать одесский дух И. Бабеля и нашего современника Михаила Жванецкого.

«Я родился в Одессе. Вы думаете, я хвастаюсь? Но это действительно так. Многие бы хотели родиться в Одессе, но не всем это удается. Для этого надо, чтобы родители хотя бы за день до вашего рождения попали в этот город. Мои – всю жизнь там прожили». Портовый маклер Иосиф Калманович Вайсбейн и его жена Малка Моисеевна жили недалеко от знаменитой Молдаванки, в Треугольном переулке, д. 11 (сейчас носит имя Утесова). У них уже было трое детей, когда 9 (21) марта 1895 года семья пополнилась близнецами. Девочку назвали Полиной, мальчика– Лазарем, близкие звали его Ледя. «Я считаю, что родился 22 марта, энциклопедия считает, что 21-го. Она энциклопедия, и ей видней», – философствовал впоследствии маэстро. (Не учли энциклопедисты, что к датам XIX века надо добавлять число 12, а не 13.)

До десяти лет он мечтал быть пожарным, потом, как любой одесский мальчишка, – моряком. Однако больше всего Лазарь обожал военный оркестр Давингофа, играющий вальсы, и, конечно, скрипку. На одном этаже с Вайсбейнами жил скрипач Гершберг, и трехлетний Ледя слушал его игру… лежа у его дверей.

Отец хотел видеть сына доктором или присяжным поверенным, но против частных уроков на скрипке не возражал, хоть и не считал это серьезным занятием. Ледя был принят в престижное частное коммерческое училище Генриха Файгаи и прославился там умением смешить, особенно на уроке Закона Божьего. А еще он постоянно пел на берегу моря, и прибой аккомпанировал ему. Когда он стал знаменитым, то говорил, что шелест волн всегда звучит в его песнях. Увлекался мальчишка и популярными в то время кулачными боями, занимался французской борьбой. А однажды (в 1910 г.) применил полученные навыки, устроив с друзьями «темную» учителю Закона Божьего. Естественно, его выгнали из шестого класса училища, которое как раз и славилось тем, что из него никогда никого не исключали. По этому поводу Утесов впоследствии говорил о своем образовании: «У меня незаконченное низшее…» или «Образование высшее без среднего».

В свои 15 лет Лазарь не очень переживал по этому поводу и целыми днями слонялся около бродячего цирка Бороданова, в

котором вскоре стал выступать на кольцах и трапеции. Родители, пытаясь наставить сына на путь истинный, отправили его в Херсон к родному брату отца. Но торговать скобяными товарами ему не очень-то хотелось. Поэтому вместе с цирком он отправился на гастроли по городам Малороссии, но в Тульчине заболел воспалением легких, отстал от цирка и чуть было не женился на дочери местных музыкантов Кольба Анне, которая впоследствии стала популярной исполнительницей цыганских романсов. Но о создании семьи Леде было думать рановато. Это он в цирке числился 20-летним, а на самом деле ему было только 16.

Вернувшегося домой Лазаря пригласил в свой комедийно-фарсовый театр Василий Скавронский, который и предложил ему взять псевдоним. И тот решил придумать такую фамилию, которой никогда еще ни у кого не было. Все его мысли вертелись около «возвышенности»: скала, гора, холм. «Что же есть еще на земле выдающееся, мучительно размышлял я, стоя на Ланжероне и глядя на утес с рыбачьей хижиной. Боже мой, подумал я. Утесы, есть же еще утесы!» Так в 1912 году появился Леонид Утесов. Он играл в Большом и Малом Ришельевских театрах (1913 г.), в Херсонском театре миниатюр, в передвижном театре миниатюр «Мозаика» (1914 г.), исколесил пол-Украины. На гастролях в Александровске (теперь Запорожье) в труппу поступила новая актриса, миниатюрная, черноволосая. Это была Елена Ленская (Елена Осиповна Голдина). После первой же репетиции Утесов пригласил ее в ресторан, потом к себе домой, чтобы укрыться от дождя, пообещав помочь с поисками квартиры. «Она вошла в мою комнату и больше из нее не вышла, – вспоминал он. – Как будто бы дождь шел сорок девять лет. Она стала моей женой». В момент встречи ей был 21 год. Ему – только восемнадцать. Они любили друг друга, любили театр, и готовы были ехать на край света, но пришла война, театры закрывались один за другим. Утесов с трудом устроился в родной Одессе, но не мог выписать к себе жену, которая ждала ребенка. Он с трудом уговорил какого-то раввина повенчать их, и вскоре у них родилась дочь Эдит. Их семья жила на три копейки его солдатского жалованья и радовалась, что молодого отца хоть на фронт не забрали.

Пережив на Украине Гражданскую войну, Утесовы перебрались сначала в Москву, а потом в Петроград. В 1917 году Леонид занял 1-е место на конкурсе куплетистов в Гомеле и тогда же организовал в Москве небольшой оркестр, с которым выступал в саду «Эрмитаж». В 1919 году состоялся кинематографический дебют Утесова в роли адвоката Зарудного в фильме «Лейтенант Шмидт – борец за свободу», в 1923 году вышел фильм с его

участием «Торговый дом “Антанта и К°”», а два года спустя он снялся еще в двух фильмах «Карьера Спирьки Шпандыря» и «Чужие», причем в первом играл мошенника, а во втором создал драматический образ бывшего красноармейца.

Но Утесов не соблазнился «на переход в великое немое искусство. Вы же понимаете, что превратить меня в немого трудно – легче в покойника». На протяжении десяти лет он играл в таких театрах, как Театр революционной сатиры (Москва), Театр музыкальной комедии, Палас-театр, Свободный театр (Ленинград), «Маринэ» (Рига). Иногда он за вечер участвовал в двух-трех спектаклях и исполнял десяток ролей, надевая маски или только меняя с помощью деталей форму носа, ушей, головы, Утесов тотчас же начинал соответствовать этому новому облику, соответствовать манерой, акцентом речи, глазами, голосом, осанкой, движениями рук и ног. Он делал все так интересно, что зритель по одной его походке понимал, отчего герой хромает – от увечья, болезни или возраста. Утесов вошел в театр легко, но постепенно к нему пришло понимание ответственности, стремление в каждом выступлении быть лучше себя предыдущего. Он не пропускал ни одной репетиции, знал все роли во всех спектаклях труппы и был готов заменить любого актера.

Его дарование было синтетическим, что он с оглушительным успехом продемонстрировал в программе «От трагедии до трапеции». Если бы в 1923 году существовала Книга рекордов Гиннесса, то это шестичасовое действо в Палас-театре было бы обязательно внесено в нее. Утесов продемонстрировал свой драматический талант в роли Раскольникова, был остроумным и смешным Менелаем в оперетте Жака Оффенбаха «Прекрасная Елена». Затем следовал скетч «Американская дуэль», а после него дивертисмент, где он исполнял куплеты, читал комические рассказы, в качестве скрипача принимал участие в концертном трио, исполнял эксцентрические, характерные комические и бальные танцы, опереточные дуэты из «Пупсика» и «Сильвы», пел романсы и пародии, аккомпанируя себе на гитаре. Кроме того, им были исполнены цирковые номера. Утесов был клоуном, акробатом, жонглером и музыкальным эксцентриком, а также дирижировал комическим хором. Под конец вечера как напоминание о своих успехах в цирке он исполнял номер на трапеции и, конечно, без устали смешил публику юмористическими куплетами. От номера к номеру менялись партнеры, и только Леонид Осипович «стоял, как утес».

Особое место в творческой биографии Утесова того периода занимало исполнение куплетов. Именно в этом очень популярном жанре он приобрел славу одного из лучших исполнителей. Но в

1923 году репертуарный комитет категорически запретил «акцентированное исполнение куплетов», и начались гонения. Как отмечают специалисты, это был первый в истории советского искусства случай законодательного уничтожения целого творческого направления. Благодаря многогранности своего таланта Утесов уцелел тогда на сцене, но как было жалко отказываться от таких номеров, окрашенных сочным еврейским юмором. А вскоре его незаурядные дарования раскрылись в джазе. Энтузиазм, напор, ощущение неиссякаемых сил, уверенность в себе, жажда самовыражения, творческая жадность – все это, соединенное в одном человеке, нашло отражение в невиданном доселе эксперименте – в «Теа-джазе» («театральный джаз») Утесова. Фактически был создан новый жанр эстрады, в котором стиль джаза был соединен с конферансом, танцами, пением, игрой на скрипке, чтением стихов. Музыканты-инструменталисты недолго сопротивлялись могучему обаянию руководителя и превратились в актеров, а в их коллективе песня, танец, пантомима, декламация, эксцентрика и лирика сплавились воедино.

Дебютировал театрализованный джаз Утесова с программой «Теа-джаз» 8 марта 1928 года на сцене Малого оперного театра в Ленинграде. Успех был ошеломляющий. Сам Утесов считал, что именно в тот день он «схватил Бога за бороду». Джаз Утесова стал своеобразным музыкальным театром миниатюр, он был ближе к театральным явлениям века, нежели к «эстрадно-симфоническим оркестрам». В первые годы работы Леонида Осиповича с джазом проявилось его пристрастие к так называемому блатному фольклору. Начинал он с «С одесского кичмана», но в его исполнении песни такого типа («Лимончики», «Гоп со смыком», «Подруженьки», «Мурка») приобрели ироническую интонацию и снимали воровскую романтику. Но вскоре и это запретили, однако на концертах в Кремле по личной просьбе Сталина Утесов неизменно несколько раз исполнял «С одесского кичмана». Вторая программа оркестра «Джаз на повороте» (1930 г.) состояла из оркестровых фантазий на темы народных песен и четырех рапсодий, написанных И. О. Дунаевским, – Русской, Украинской, Еврейской и Советской. «Если у американского джаза негритянский фольклор, – говорил Утесов, – то почему у нас не может быть грузинского, армянского или украинского?»

В 1932 году в репертуаре коллектива появляется настоящая пьеса «Музыкальный магазин», представляющая собой ряд небольших комических эпизодов, происходящих в музыкальном магазине в течение рабочего дня. Мало кому известно, что «Веселые ребята» родились непосредственно из спектакля, где

главным героем был Костя Потехин в исполнении Утесова, и песни И. Дунаевского «Сердце, тебе не хочется покоя», и «Марш веселых ребят» – легкокрылая формула жизни молодого поколения. Успех этого веселого музыкального жизнеутверждающего фильма, в котором главные роли сыграли Утесов и Любовь Орлова, превзошел все ожидания. Он получил самую высокую оценку не только в Союзе, но и на Западе (премия Венецианского МК, 1934 г.). Только вот в восторженных статьях на родине упоминали всех – режиссера, сценаристов, поэта, композитора, исполнителей даже второстепенных ролей, но только не Утесова. Леонид Осипович очень не вовремя пошутил, а «добрые люди» донесли кому надо, что артист «хотел на автомобильной камере Черное море переплыть, удрать в Турцию». Поэтому, когда отмечали заслуги создателей «Веселых ребят», Г. Александрова наградили орденом Трудового Красного Знамени, Л. Орлова получила звание заслуженной артистки, а Леониду Утесову подарили… фотоаппарат. Но если учесть, что при многолетнем всенародном признании звание народного артиста СССР Утесову присвоили лишь в 70 лет, то в этом нет ничего удивительного: и так он стал первым артистом эстрады, получившим такое высокое звание. Но главное – успех фильма создал Утесову подлинно всенародную популярность. В те годы не было эстрадного коллектива, имеющего такую известность, как утесовский, с которым он проработал около 40 лет.

Всем известно, что петь Утесов начал едва ли не с первых выходов на сцену, но именно после «Веселых ребят» в его джазе началось становление синтеза песни и джаза, который будет основополагающим в утесовском коллективе, получившем название Государственного джаз-оркестра РСФСР. Песни благодаря утесовской драматургии превратились в небольшие новеллы и запомнились людям как «песни Утесова». Но и эстрадные спектакли подвергались беспощадной критике, джаз именовался музыкой бара, кафешантана, «музыкальным самогоном». Утесов пытался защищать джаз и даже в своих речах утверждал, что его джаз «порожден эпохой индустриализации». Но главное, несмотря на нападки, он не прекращал работы, создавал новые программы, и успех его ансамбля, который выпускал одну программу за другой («Песни моей Родины», «Два корабля»), увеличивался. В 1939 году Утесов написал свою первую книгу «Записки актера», играл, пел и дирижировал оркестром в киноконцерте «Пароход», который по праву считается прообразом современных видеоклипов.

Объявление о начале Великой Отечественной войны застало Леонида Осиповича за подготовкой новой программы «Напевая,

шутя и играя». Но, желая поддержать солдат, оркестр создал первую военную программу «Бей врага!» и дал только за первый год войны свыше 200 концертов на заводах, кораблях, в действующей армии на Калининском фронте, постоянно включая в программу все новые и новые песни. И среди многих самой популярной стала «Мишка-одессит». На собранные коллективом средства были построены три самолета и переданы в боевые части. Утесову было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР, и он был награжден первым орденом – Трудового Красного Знамени. Пожалуй, никогда ранее Утесов не слышал такого общего одобрения своего творчества, как в годы войны. А в День Победы 9 мая 1945 года при огромном стечении народа утесовский оркестр выступил на открытой эстраде на площади Свердлова в Москве.

К 800-летию столицы (1947 г.) коллектив подготовил оркестровую фантазию «Москва», в финале которой впервые исполнялась песня Дунаевского «Дорогие мои москвичи». Музыкальные критики часто обвиняли Утесова в отсутствии певческого голоса. Леонид Осипович неизменно отвечал: «Пусть так! Я пою не голосом – я пою сердцем!» А свое 25-летие оркестр (1954 г.) отметил эстрадным спектаклем «Серебряная свадьба», в котором среди прочих Утесов исполнил одно из последних произведений Дунаевского «Я песне отдал все сполна». Песня вошла в фильм «Веселые звезды» (экранизация эстрадного концерта). В марте 1960 года в Московском театре эстрады была представлена программа «Тридцать лет спустя». В ней, наряду с обычным репертуаром, оркестр исполнил сложные классические произведения – марш из оперы С. С. Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» и пьесу К. Дебюсси «Reverie».

Всенародное признание и любовь ближних всегда помогали Утесову в жизни. Пред ним преклонялись, его всегда окружали толпы поклонниц, и его сердце часто давало сбои при виде красавиц. Лирически обаятельный на эстраде, он был таким и вне сцены. По воспоминаниям оркестрантов, Леонид Осипович был прекрасным семьянином, но однажды даже оставил семью. Новая пассия не желала поддерживать тепло домашнего очага, беречь его здоровье, создавать все условия для успешной работы. К тому же в те годы отопление в домах было печным, а молодая красотка предпочитала тратить деньги не на дрова, а на новые наряды. Прознав об этом, Елена Осиповна заказала машину дров к дому, где жил Утесов. А своей сопернице направила записку: «Топи, не жалей дров. Береги Ледечку». Узнав об этом, Леонид Осипович немедленно собрал свой чемодан и вернулся к семье. А в 1962 году Елена Осиповна умерла, не дожив год до золотой свадьбы.

Это был страшный удар, и Утесов, который обычно всем поднимал настроение, «любил тушить пожары между артистами, между начальством, между творческими противниками», впал в уныние. 9 октября 1966 года на концерте в ЦДСА артист почувствовал себя плохо. Через некоторое время он решил покинуть сцену.

Конечно, жизнерадостного Утесова сломить было трудно. Он воспрял духом, женился в 1977 году на овдовевшей певице из своего оркестра Антонине Сергеевне Ревельс, руководил оркестром, много снимался на телевидении, но практически не выходил на сцену, хотя и продолжал радовать слушателей своими рассказами. А по воспоминаниям всех, кто его знал, любая беседа с ним напоминала посещение театра одного актера. Утесов был, пожалуй, самым ярким в плеяде рассказчиков XX века. Он обычно не отпускал своего собеседника до тех пор, пока не ознакомит его с каким-либо фактом из своей биографии, забавной историей или анекдотом, – как говорится, за словом в карман не лез. В свойственной ему мягкой лирико-юмористической манере Утесов рассказал о своей жизни и в двух автобиографических книгах – «С песней по жизни» и «Спасибо, сердце». Последнее выступление Утесова состоялось в 1981 году.

Но самым страшным в жизни Утесова стало не то, что он больше не выходил на сцену. Ему 21 января 1982 года пришлось пережить смерть своей единственной дочери Эдит от лейкемии. Она была талантливой артисткой и певицей, имевшей свой стиль, и выступала вначале с оркестром отца, а потом создала свой коллектив. Вместе они стойко перенесли незаслуженные выпады критиков и чиновников по поводу ее вокальных данных и недвусмысленные намеки на то, что если бы не слава отца, то вряд ли бы имя Эдит печаталось на концертных афишах. На ее похороны пришло столько ценителей эстрады, что потрясенный утратой дочери Леонид Осипович с горечью заметил: «Наконец, Дита, ты собрала настоящую аудиторию слушателей».

Утесов пережил дочь всего на полтора месяца. 9 марта 1982 года в 7 часов утра он умер в военном санатории «Архангельское», почти в тот же день, когда и родился (по старому стилю). Наступило третье тысячелетие, и песенки про подругу верную, кобылку Марусю и прекрасную Маркизу, про самовар и Машу и одессита Мишку, про Черное море и белую акацию перепевает новое поколение звезд эстрады, подправляя «под рок». Только неутомимая и простодушная любовь Утесова к жизни, веселье, доброта человека легкой души, охваченной веселостью и мягким юмором, которые царили в песнях в его исполнении, остались лишь в записях.

ФЕЙХТВАНГЕР ЛИОН

(род. в 1884 г. – ум. в 1958 г.)

Немецкий писатель. Романы «Еврей Зюсс», «Безобразная герцогиня», «Лже-Нерон», «Лисы в винограднике», «Гойя, или Тяжкий путь познания »; «Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо», «Иеффай и его дочь», «Братья Лаутензак», «Симона»; роман-трилогия: «Иудейская война», «Сыновья», «Настанет день»; роман-трилогия «Зал ожидания»: «Успех», «Семья Опперман» («Семья Оппенгейм»), «Изгнание» и др.; пьесы «Сны Симоны Машар», «Вдова Капет» и др.; литературоведческие статьи и эссе.

Немецкому писателю Лиону Фейхтвангеру на своем веку пришлось многое повидать и через многое пройти. Он побывал во многих странах, встречался с разными людьми, радовался успеху и переживал неудачи, перенес арест и эмиграцию, у него бывало и тяжелое, и благополучное материальное положение. Тем не менее, писатель не считал, что внешние обстоятельства оставили

глубокий след в его творчестве. И хотя он пробовал свои силы в разных литературных жанрах – поэзии, драме, эпическом романе, комедии, политической сатире, все же настаивал на том, что всегда писал одну книгу – книгу о человеке, вынужденном выбирать между действием и бездействием, между добром и злом, властью и духовностью.

Лион Фейхтвангер родился 7 июля 1884 года в Мюнхене, в семье богатого еврейского промышленника, человека религиозного и политически консервативного. Лион всегда любил Мюнхен горькой и страстной любовью и не случайно сделал его местом действия своих романов «Успех» и «Семья Опперман» (первоначальное название «Семья Оппенгейм»). Этому же городу, богатому культурными событиями, суждено было стать колыбелью германского фашизма, и это превращение Фейхтвангеру довелось увидеть и пережить лично.

После окончания гимназии Лион учился в Мюнхенском и Берлинском университетах, изучал немецкую филологию и историю литературы, овладел латынью и санскритом, древнегреческим и древнееврейским языками, а также английским и французским. Знание древних и современных языков, творчества античных классиков помогло ему позднее находить материал для исторических романов и пьес. В студенческие годы Фейхтвангер занимался и журналистикой, которую не оставлял в течение всей жизни.

В 1908 году Фейхтвангер основал литературный журнал «Шпигель», а в немецкой периодике тех лет все чаще стали появляться его литературно-критические заметки и рецензии на театральные постановки. Особенно плодотворно было его сотрудничество с журналом «Шаубюне».

Будучи большим приверженцем театра, Фейхтвангер переводил и обрабатывал трагедии Эсхила и комедии Аристофана, переносил на современную сцену произведения древнеиндийских поэтов Шудраки и Калидасы. Пробовал он свои силы и в качестве постановщика. Его друг, крупнейший немецкий драматург XX в. Бертольт Брехт, считал Фейхтвангера одним из своих «немногих учителей». И конечно же, Лион сам сочинял пьесы. Публика ими восхищалась, а властей они пугали. В годы Первой мировой войны цензура запрещала его пьесы «Уоррен Гастингс» и «Военнопленные» за пацифистские мотивы, звучащие в них, – Фейхтвангер был убежденный пацифист и противник всякого военного насилия. Правда, сам писатель не придавал своим драматическим произведениям большого художественного значения, считая их лишь ступенькой к созданию многоплановых эпических произведений.

Летом 1914 года Фейхтвангер отправился в Тунис для сбора материалов к историческим пьесам, но с началом Первой мировой войны был интернирован как германский подданный. С помощью друзей ему удалось вернуться на родину, где его ожидал призыв в кайзеровскую армию. Но воевать Фейхтвангеру не пришлось, по состоянию здоровья он был вскоре демобилизован. Этот период жизни стал переломным моментом в творчестве писателя. Он оставил на время драматургию и приступил к написанию первых романов.

Фейхтвангеру-прозаику повезло гораздо больше, чем драматургу. Его романы «Еврей Зюсс» – о событиях начала XVIII в., и «Безобразная герцогиня», действие которого происходит в XIV в., принесли писателю широкую известность, и хотя их героев (герцогиню Маргариту и Иосифа Зюсса Оппенгеймера) отделяют четыре столетия, у них удивительно много общего. И прежде всего это чувство бесконечного одиночества. Потерпев поражение в попытках устранить зло и жестокость, оба приходят к выводу, что силы добра, разума и силы подлости, мрака и невежества существуют в жизни на всех этапах ее истории в трагическом равновесии. И единственный достойный выход – отказаться от активных действий, уйти в себя, быть «над схваткой», а это означает одиночество.

В 1930 году был опубликован роман «Успех» – первое антифашистское произведение писателя. Прототипом одного из главных героев Руперта Кунцера, ловкого демагога и политикана, начисто лишенного моральных устоев, послужил Гитлер. Роман «Успех» явился первой частью трилогии, объединенной антифашистской темой. В нее вошли также романы «Семья Оппенгейм» и «Изгнание».

Волновала Фейхтвангера и проблема расизма, который проявился в фашистской Германии в обличье антисемитизма, преследования и физического истребления евреев. Герой трилогии Фейхтвангера «Иудейская война», «Сыновья» и «Настанет день» Иосиф Флавий, принявший на себя миссию мирного посредничества между Иудеей и Римом, противопоставлен шовинизму и национальному эгоизму.

После прихода Гитлера к власти в 1933 году Фейхтвангер эмигрировал из Германии и жил во Франции. Он активно участвовал в международном движении в защиту культуры, редактировал совместно с Брехтом издававшийся в Москве в 1936–1939 годах журнал «Слово». А летом 1936 года в Амстердаме был опубликован его «Лже-Нерон». В нем автор, пользуясь историческими реалиями Древнего Рима, сатирически изобразил приход к власти гитлеровской верхушки, ее кровавый

террор и неизбежность бесславного краха.

В конце 1936 года писатель приехал в СССР, где пробыл несколько недель. В то время Фейхтвангер, как и многие другие видные писатели Запада, видел в нем единственную реальную силу, способную противостоять гитлеровской угрозе. «Быть за мир, – говорил Фейхтвангер, – значит выступать за Советский Союз и за Красную Армию. В данном вопросе не может быть никакого нейтралитета».

Фейхтвангер встречался и со Сталиным, их беседа продолжалась более трех часов и оставила, по словам писателя, «неизгладимое впечатление». Итогом поездки в СССР стала книга «Москва 1937», изданная летом 1937 года в Амстердаме и вскоре по личному указанию Сталина переведенная и изданная в СССР.

Но популярным Фейхтвангер был не только в СССР, его любили и в Англии, и в США. По свидетельству Т. Манна, в этих странах «если хотели особо похвалить какую-то книгу, о ней говорили “почти как у Фейхтвангера”». А между тем, в отличие от творческого, жизненный путь писателя никак нельзя было назвать безоблачным. В незавершенной книге «Дом Дездемоны, или Величие и границы исторического сочинительства», над которой писатель работал в последние годы и которая была издана после его смерти, в 1961 году, он так говорил о себе: «Я познал… много горя и радости, большие успехи и тяжелые поражения, пережил преследования гитлеровских лет, изгнание, сожжение в Германии и бойкот моих книг в некоторых странах, каверзы бюрократии…»

В июле 1940 года войска гитлеровской Германии вторглись во Францию и оккупировали Париж. Фейхтвангер вместе с другими немецкими антифашистами был арестован, ему грозила отправка в Германию и гибель в концлагере. В сентябре 1940 года писатель с женой Мартой пешком перешли через Пиренеи границу с Испанией. Оттуда по фальшивым паспортам они перебрались в Португалию и сумели сесть в Лиссабоне на греческий пароход, на котором в октябре прибыли в Нью-Йорк.

Да, Фейхтвангеру через многое пришлось пройти. Но все же ему было легче, чем, скажем, Зегерс, Цвейгу, Брехту и другим известным немецким писателям, которые испытали в эмиграции горечь унизительных материальных лишений. В отличие от них Фейхтвангер был богат, он имел счета в иностранных банках, его книги продолжали выходить и раскупаться даже тогда, когда немецкие издательства от него отказались. Американского подданства он так и не дождался, но свой американский быт наладил отменно: выстроил настоящий замок в живописном уголке Калифорнии, на самом берегу океана, имел прекрасную библиотеку и роскошный кабинет.

В Америке писатель продолжал упорно и плодотворно работать. В 1942 году он завершил свою трилогию об Иосифе Флавии романом «Настанет день». Через год вышла в свет сатирическая повесть «Братья Лаутензак» – о жизни в Германии перед приходом Гитлера к власти. Событиям Великой французской революции XVIII в. посвящены романы «Лисы в винограднике» и «Мудрость чудака, или Смерть и преображение Жан-Жака Руссо». В 1952 году был написан знаменитый роман «Гойя, или Тяжкий путь познания», а через три года издана «Испанская баллада» – поэтическая повесть о любви испанского короля Альфонсо VIII к еврейской девушке, красавице Ракели.

Как у всякого писателя, у Фейхтвангера встречались разные по силе художественного изображения романы. Но вместе взятые они выше отдельных произведений и создают общую картину примерно такую же, как в «Человеческой комедии» Бальзака. И по аналогии с ней фейхтвангеровскую прозу можно назвать «Исторической комедией». Уровни обеих эпопей, естественно, разные, но слово «комедия» применительно к Фейхтвангеру имеет тот же смысл, какой в него вкладывал и великий французский романист.

Лион Фейхтвангер скончался 21 декабря 1958 года в Лос-Анджелесе в 74-летнем возрасте. С тех пор прошло около полувека, но писатель по-прежнему популярен, его исторические романы читаются и будут читаться во все времена. Лучшее объяснение популярности Фейхтвангера дал его соотечественник Томас Манн, назвавший его произведения «серьезными и развлекательными, глубокими и доступными, занимательными и изящными при всей чистоте их исторического фундамента».

ФЕЛЬЦМАН ОСКАР БОРИСОВИЧ

(род. в 1921 г.)

Народный артист России (1989 г.), народный артист Дагестанской АССР (1975 г.), заслуженный деятель искусств РСФСР (1972 г.), награжден орденами Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» IV степени, лауреат многочисленных международных, всесоюзных, всероссийских песенных конкурсов и фестивалей. Написал музыку к опереттам «Огромное небо», «Баллада о знамени», «Черное море мое», «Венок Дуная», «Тетка Чарлея», «Старые дома», «Пусть гитара играет» и др. Автор песен «Ландыши», «Черное море мое», «Я верю, друзья», «Возвращение романса», «Остров детства» и др.

Оскар Борисович Фельцман написал свыше трехсот песен. Эта цифра более чем впечатляет. Его песни слушало несколько поколений начиная с 1960-х годов, когда появились популярные «Ландыши», вплоть до середины 1990-х.

Родился О. Б. Фельцман 18 февраля 1921 г. в Одессе. Его

отец, Борис Осипович, был известным в городе хирургом, специалистом по костному туберкулезу, мать, Циля Абрамовна, – домохозяйкой. Несмотря на далекую от искусства профессию, отец очень любил музыку. В свое время он выбрал более «хлебную» профессию врача, но любовь к музыке пронес через всю свою жизнь и старался ее привить маленькому сыну.

В 1920–1930-е годы культурная жизнь в Одессе была на подъеме, сюда приезжали лучшие мировые исполнители классической музыки. Родители часто водили Оскара на эти гастрольные выступления. Музыка постепенно заполняла жизнь мальчика. В пятилетнем возрасте Оскар на деревянной флейте, купленной родителями за пятак на Привозе, сыграл увертюру к опере Бизе «Кармен». Воспитатели детского сада пригласили специалистов оценить мастерство маленького музыканта. Несмотря на восторг взрослых, Оскар заявил, что инструмент несовершенен и «чисто на нем играть невозможно».

По неписаной одесской традиции мальчиков «из хороших семей» водили на прослушивание к знаменитому педагогу-скрипачу П. С. Столярскому. Не остались в стороне и родители Оскара – в шесть лет его отдали знаменитому педагогу. Позанимавшись несколько уроков, Оскар заявил, что хочет играть сидя. Педагог ответил: «Посадите мальчика за рояль. Пусть сидит». Это заявление маэстро определило дальнейшую жизнь Оскара Фельцмана. Его перевели в класс профессора Б. М. Рейнбальд, которая в свое время воспитала знаменитого пианиста Эмиля Гилельса. Игра на фортепиано увлекла Оскара, и скоро шестилетний музыкант попытался сам сочинять музыку. Первая его композиторская работа, пьеса для фортепиано, называлась «Осень». Отец помог овладеть музыкальной грамотой, и мальчик сам начал записывать музыку.

За время обучения в школе Фельцман написал три сонатины и прелюдии для фортепиано. А его «Испанский карнавал» заметил Д. Шостакович, который посоветовал молодому музыканту серьезно заниматься композицией. В 1936 г. Фельцман окончил школу им. П. С. Столярского по классу фортепиано и композиции. Он был одним из лучших учеников, и его имя занесли на Золотую доску почета школы.

По окончании школы О. Фельцман решил поступать в Ленинградскую консерваторию к Д. Шостаковичу, но тот его отговорил и рекомендовал Московскую консерваторию, куда юношу и приняли в 1936 году в класс к В. Я. Шебалину. Успехи в консерватории были настолько блестящи, что он уже на втором курсе стал Сталинским стипендиатом. Сонату для виолончели и фортепиано, которую написал студент, выбрал для своего

сольного концерта в Малом зале консерватории профессор С. М. Козолупов.

Фельцману прочили славу композитора-инструменталиста. Но свои коррективы внес наступивший 1941 год. Молодого композитора вместе с другими творческими работниками эвакуировали в Новосибирск. Здесь 20-летний Оскар Борисович стал ответственным секретарем Сибирского союза композиторов. Писал музыку к спектаклям расположившихся тут театров, пробовал себя в симфонической музыке, сочиняя для Ленинградского симфонического оркестра.

В конце 1941 года в город приехал Б. Д. Владимирский – начальник Комитета по делам искусств. Ему рекомендовали талантливого композитора, который мог бы сочинять в жанре «легкой музыки». Чтобы дать Фельцману представление об оперетте, Владимирский ведет его на «Сильву» И. Кальмана. Посещение оперетты стало поворотным для дальнейшего творчества композитора. «Покидая театр, я знал, что отныне моя жизнь будет связана с опереттой, с песней, с так называемым легким жанром», – вспоминал О. Б. Фельцман. Московский театр оперетты заказал композитору срочно написать оперетту по пьесе В. Катаева «Синий платочек». Музыка была создана за 16 дней и принята худсоветом театра к постановке. Но пьесу разгромила критика, и поэтому оперетту так и не поставили.

1941 год не только коренным образом изменил творчество молодого композитора, он внес перемены и в его личную жизнь. В этом году он женился на студентке дирижерско-хорового факультета Московской консерватории, Евгении Петровне Кайдановской. Коренная сибирячка и южанин-одессит объединились в творческую семью. С того времени, как они вернулись в 1945 году в Москву, Евгения Петровна всегда была рядом – и во время творческих удач, и когда композитора громили с трибун. В 1952 году родился сын Владимир, ставший известным пианистом, обладателем Гран-при на конкурсе Маргариты Лонг и Жака Тибо. Сейчас Владимир с семьей, женой и сыном живет в США.

За пять мирных лет после войны Оскаром Борисовичем было написано 5 оперетт – «Воздушный замок», «Суворочка», «Шумит Средиземное море» и др. Кроме этого, он пишет музыку к цирковым номерам, эстрадным постановкам. Членство в Союзе композиторов обязывало не забывать и серьезную симфоническую музыку. Композитор пишет «Закарпатскую» и «Белорусскую» фантазии для симфонического оркестра, Концерт для скрипки с оркестром, вокально-симфонический цикл «Красная площадь» на стихи Е. Долматовского и др.

Но подлинную, всенародную славу принесли Фельцману песни, хотя долгое время он считал, что песни – это «дело несерьезное». Учась в консерватории, Оскар Борисович с максимализмом юности был убежден, что «Дунаевский пишет какие-то примитивные мелодии. Мы, студенты, создаем симфонические полотна, а он – песенки. Лишь много лет спустя понял: еще неизвестно, что труднее: написать симфонию или шестнадцать песенных тактов – мелодию, которую запомнят и запоют люди».

Дебютной стала песня «Теплоход» на стихи В. Драгунского и Л. Давидовича. Автор предложил ее знаменитому Леониду Утесову, который не только спел ее, но и записал на свою пластинку. Песня сразу же стала известной, а композитор-песенник приобрел уверенность в своих силах. Ну а потом был всенародно любимый «хит» – «Ландыши», который в 1960-е годы пела вся страна и который целых 13 лет грозил композитору немалыми неприятностями. Песенка о весне, цветах и любви, написанная для концертной программы в саду Эрмитаж и исполненная Геленой Великановой, оказалось, по мнению критиков, «символом пошлости» и «дурного вкуса». Более того, на Московской партийной конференции поднимался вопрос о «Ландышах» как «символе пошлости в советском искусстве». Такие обвинения могли поставить крест на дальнейшей творческой жизни композитора. Положение помог спасти друг Фельцмана Владимир Фере, который договорился, что на конференции, для сравнения, будут исполнены и другие песни композитора. На сцену концертного зала им. Чайковского, где проходила конференция, был выставлен рояль, и Оскар Борисович исполнил свою новую песню «Комсомольцы двадцатого года». «Реакция на песню была удивительной – на сцену стали подниматься люди, окружили меня, стали подпевать. Второй раз пели вместе, всем залом».

Песня «Я верю, друзья» была написана 12 апреля 1961 года, сразу же после полета в космос Ю. Гагарина. Первый космонавт перед первым выступлением по радио попросил исполнить именно эту песню. Приветствуя космонавта на Красной площади, Н. С. Хрущев с трибуны Мавзолея напел «хорошую песню» о космонавтах. Мелодию и стихи срочно напечатали в «Правде», с тех пор слова «на пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы…» распевала вся страна. Песня на долгое время стала негласным гимном советской космонавтики.

Когда в 1967 году на Всесоюзном радио организовали воскресную передачу «С добрым утром!», туда пригласили уже известного песенника О. Фельцмана. Его попросили написать

мелодию, которая бы стала визитной карточкой передачи. Песня была написана, спел ее Марк Бернес и более 30 лет она звучала на радиоволнах. С этого времени начинается тесное сотрудничество Оскара Борисовича с передачей. Многие его популярные песни впервые прозвучали именно в этой передаче – «Венок Дуная», «Ходит песенка по кругу», «Фронтовики, наденьте ордена», «Огромное небо», «За полчаса до весны», «Остров детства»…

Двадцать лет, с 1952 по 1972 год, композитор не работал в жанре оперетты, пока режиссер Ю. Хмельницкий не предложил ему написать музыку к известной комедии Т. Брандона «Тетка Чарлея». Несколько лет спустя О. Б. Фельцманом будут написаны оперетты «Старые дома», «Пусть играет гитара».

Композитор писал многие свои песни тематическими циклами – «Испанские сюжеты» на стихи Е. Долматовского, «Баллады о бессмертии» Р. Рождественского, «С любовью к женщине» Р. Гамзатова, «Песни былого», в основу которых положена еврейская народная поэзия.

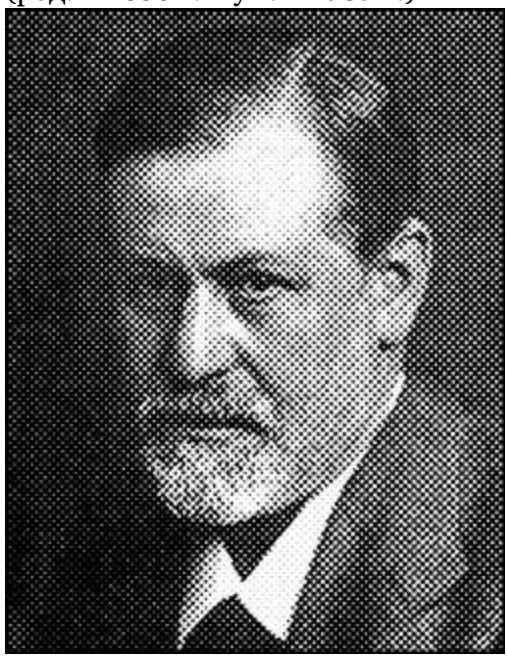
К середине 1980-х годов у Оскара Борисовича накопилось столько песен, что он решил организовать для авторских концертов инструментальный ансамбль. Так образовался коллектив «Огни Москвы», где начала восходить звезда Ирины Аллегровой. Ансамблем О. Б. Фельцман руководил недолго, у композитора начались проблемы со здоровьем. Через два года он передал свое детище композитору Давиду Тухманову.

Начало XXI века композитор встретил полным энергии и творческих сил. В 2000 году им была написана музыка к балету «Венера Илльская» по мотивам новеллы П. Мериме для «Русского балета» В. Гордеева. Оскар Борисович создал ряд камерных произведений, в том числе цикл романсов на стихи М. Цветаевой.

Имя Оскара Борисовича и через десятки лет дойдет до потомков. В апреле 1967 года в Новороссийске у маяка Цемесской бухты на дно Черного моря был опущен контейнер – письмо в 2017 год. Комсомольцы 1960-х годов вложили туда, наряду с письмами ветеранов Гражданской войны и фильмом «Мальчиш-Кибальчиш», запись песни О. Фельцмана «Огонь Прометея». Контейнер планировали поднять в 2017 году – в день столетия Октябрьской революции. Но это будет потом, а уже сейчас на Площади звезд у ГЦКЗ «Россия» горит именная звезда Оскара Фельцмана. Ее торжественно «зажгли» 20 февраля 1999 года, в честь 65-летнего творческого юбилея композитора.

ФРЕЙД ЗИГМУНД

(род. в 1856 г. – ум. в 1939 г.)



Австрийский врач-психиатр, психолог, основатель психоанализа. Основные сочинения: «Толкование сновидений», «Я и Оно», «Лекции по введению в психоанализ», «Психология масс и анализ Я»; «По ту сторону удовольствий».

Зигмунд Фрейд – одно из самых громких имен XX в. Австрийский врач-психиатр, ставший создателем глубинной психологии и психоанализа, был человеком бесстрашным, ибо смелость, с которой он выдвинул свои революционные идеи, – качество, более свойственное философам и мыслителям, чем практическим врачам и медикам академического толка. Сам Фрейд говорил, что «принадлежит к тому сорту людей, которые нарушили покой мира». И действительно, одно то, что в историю мировой мысли вошло само понятие «фрейдизм», свидетельствует об огромном влиянии отца психоанализа на умы людей в самых различных странах мира. Да и в самой жизни Фрейда было

немало моментов, которые никак не назовешь ординарными, характерными для благопристойного ученого буржуа.

Зигмунд Фрейд родился 6 мая 1856 года в небольшом моравском городке Фрейнбург (ныне Пршибор, Чехия) в еврейской семье торговца шерстью. Якоб Фрейд, женатый третьим браком на Амалии Натансон, ко времени рождения сына уже мало придерживался религиозных обычаев и слыл, по утверждению домочадцев, «законченным свободомыслящим», то есть человеком с либерально-просветительскими взглядами. Еще до рождения Зигмунда он перестал посещать синагогу и соблюдать иные предписания иудаизма. В большой семье Фрейд росли восьмеро детей, но только Зигмунд уже с детства отличался исключительными способностями – острым умом и страстью к чтению. Видя это, родители старались создать все условия для развития дарований сына. Забавная деталь: если другие дети учили уроки при свечах, то Зигмунд занимался при единственной в доме керосиновой лампе. При этом его братьям и сестрам не позволялось даже музицировать, чтобы не нарушать тишину.

Лучшим учеником Фрейд был и в гимназии. Закончив ее с отличием в семнадцать лет, он поступил в знаменитый университет Вены, бывшей тогда столицей Австро-Венгерской империи, культурным и интеллектуальным центром Европы. Наиболее притягательными для Зигмунда казались естественные науки, открытия в которых произвели настоящий переворот в умах. Именно в середине XIX в. закладывался фундамент современных знаний об организме, живой природе, эволюции человека, и пытливого юношу не могли не волновать эти открытия. Испытывая «непреодолимую потребность разобраться в загадках окружающего мира и по возможности сделать что-либо для их решения», Фрейд решил посвятить себя науке. Но осуществлению честолюбивых замыслов юноши препятствовала государственная политика Австро-Венгрии, ограничивавшая сферу деятельности евреев коммерцией, юриспруденцией и медициной. Путь в фундаментальную науку был закрыт, и Зигмунд был вынужден выбрать медицину как область, более близкую к естествознанию.

Проучившись на медицинском факультете восемь лет, Фрейд получил степень доктора медицины. Учебные занятия он совмещал с работой в Институте физиологии при Венском университете, который возглавлял Эрнст Брюкке. Сотрудничество с выдающимся австрийским ученым укрепило научный, рационалистический склад мышления Фрейда. Под руководством Брюкке он осуществил несколько оригинальных исследований,

способствовавших оформлению материалистической теории нейронов.

В 1881 году Фрейд приступил к самостоятельной научной деятельности. Он открыл врачебный кабинет и занялся лечением психоневрозов. В то время наука о человеческой психике стояла на пороге великих открытий, но Зигмунд не хотел ждать. О страстном желании как можно скорее найти новое терапевтическое средство, энтузиазме и даже отчаянии Фрейда можно судить по такому факту: в 1883 году он начал изучать на себе и своих близких действие кокаина. Однако оказалось, что эти эксперименты наносят серьезный ущерб здоровью некоторых пациентов, что создало Фрейду в медицинских кругах Вены репутацию авантюриста.

В эти годы произошли серьезные изменения и в личной жизни Фрейда. Он влюблялся и ранее, пережив бурный роман в шестнадцатилетнем возрасте. Тогда его возлюбленная Гизела Флюсс отвергла его любовь, после чего до 26 лет Зигмунд не проявлял никакого интереса к женщинам. В 1882 году он познакомился с двадцатилетней Мартой Верней, очаровательной девушкой из бедной еврейской семьи. В течение четырех лет Марта и Зигмунд были помолвлены, регулярно обменивались письмами, но встречались очень редко, хотя Фрейд и жил неподалеку от невесты. Судя по этим письмам, Фрейд был страстным и ревнивым женихом. Наконец Зигмунд и Марта сумели накопить достаточную сумму денег на свадьбу и в 1886 году поженились. Они поселились в Вене, где и прожили до 1938 года. У четы Фрейд было шестеро детей – три сына и три дочери.

В 1885 году, пройдя по конкурсу на место приват-доцента неврологии, Фрейд получил возможность стажироваться в Париже во всемирно известной клинике Жана Мартена Шарко, который считал, что причины функциональных психических расстройств следует искать не в анатомии, а в психологии. Эта теория показалась молодому врачу весьма привлекательной. Через несколько лет, продолжая без особого успеха применять для лечения пациентов различные фармакологические и физиотерапевтические средства, он познакомился с книгой ученика Ж. Шарко, доктора И. Бернгейма «Внушение и его применение в качестве терапии», где описывались результаты лечения невротиков методом гипнотического внушения. В книге приводились случаи, когда гипнотическое внушение вело к полному исчезновению у больных истерических симптомов.

Фрейд побывал в клинике доктора Бернгейма в г. Нанси, где на него произвел большое впечатление метод гипноза. Однако, применив гипноз для лечения своих больных, он вскоре убедился,

что такое лечение дает нестойкий эффект и лишь затрудняет понимание природы нервно-психических заболеваний.

Совершение действий, об истинной причине которых человек не подозревает, натолкнуло ученого на мысль, что работа мозга не всегда осознается и что в основе поведения людей могут лежать бессознательные мотивы, которые с помощью ряда врачебных приемов можно обнаружить. Пытаясь раскрыть механизмы возникновения неврозов, он обратил внимание на патогенные последствия неудовлетворенных влечений и неотреагированных конфликтных эмоций у больных. Эти чужеродные, разрывающие единство сознания аффекты были восприняты Фрейдом как первое и главное свидетельство существования бессознательного. Поскольку их содержание в большинстве случаев оказывалось для больного постыдным, а с точки зрения социальных и нравственных норм неприемлемым, он предположил, что бессознательный характер этих активно конфликтующих психических сил обусловлен особым защитным механизмом, получившим позже название «вытеснение».

По мере развития психоанализа представления Фрейда о бессознательном уточнялись и усложнялись. Он начал выстраивать теорию о бессознательной психической деятельности, согласно которой невроз является защитной реакцией психики на травмирующую идею, изгоняемую из сознания. Дальнейшее развитие состояло в выдвижении Фрейдом гипотезы об исключительной роли сексуальности в развитии неврозов, затем последовал отказ от гипноза и замена его научным толкованием сновидений. По мере того как психоанализ из метода объяснения и лечения неврозов превращался в науку о бессознательных психических процессах, в нем все большее место стали занимать проблемы личности больного. Фрейд исследовал всю гамму «наклонностей, увлечений, мотивов и намерений индивида» и предложил новую структурную модель психики.

Итак, бессознательное представляет собой ту часть психики, где сосредоточены неосознанные желания. Согласно концепции бессознательного идеи могут вступать между собой в конфликт. Причем более слабые вытесняются из сознания, но продолжают на него воздействовать, не теряя динамических свойств. От сознания (а область сознания Фрейд связывал в основном с восприятием внешнего мира) бессознательное отгорожено областью предсознательного. Предсознательное – это разумное Я человека, память, мышление.

Позднее Фрейд уточнил, что психическая деятельность бессознательного подчиняется принципу удовольствия, а психическая деятельность предсознательного подчиняется

принципу реальности. Соединяясь с реальностью внешнего мира, предсознательное вытесняет обратно в бессознательное неприемлемые желания и идеи (сексуальные, эгоистические, асоциальные) и сопротивляется их попыткам проникнуть в сознание.

Сохраняющие активность нереализованные желания находят «окольные пути» проникновения в сознание. К числу таких путей относятся сновидения (Фрейд назвал их «королевской дорогой» в бессознательное), грезы, случайные ошибочные действия, шутки и обмолвки, а также симптомы психической патологии. Природа этих феноменов одинакова; они выступают в качестве компромисса, служащего удовлетворению желаний и требований предсознательного.

Концептуальное ядро теории Фрейда, сложившееся в ранний период, стало основой первой психоаналитической системы. Другим ее элементом явилось учение о либидо[4] и детской сексуальности. Фрейд заявлял, что либидо закладывается с детства, а эротические желания испытывают даже младенцы. Дети получают удовольствия, которые дает на первых порах мать, что влечет за собой стойкую ревность к отцу. Психолог назвал этот комплекс «Эдиповым» по имени древнегреческого царя, по неведению убившего своего отца и женившегося на собственной матери.

В связи с учением о либидо получил дальнейшее развитие и подход к психике. Уже с 1890-х годов Фрейд определял психическую энергию как энергию либидо. С точки зрения учения о либидо процесс психического развития человека есть в сущности процессом видоизменений его сексуального инстинкта.

В конце 1899 года Фрейд опубликовал труд «Толкование сновидений», ошеломивший не только простых читателей, но и ученых-коллег. На австрийского врача обрушился град насмешек, словно подтверждая библейское изречение «Нет пророка в своем отечестве» (пока австрийцы насмехались, книгу перевели в России, Америке, Франции и Англии). Все большую популярность завоевывал и психоанализ как особый подход к душевным процессам, как метод лечения невротических заболеваний и как теоретическое направление психологии.

В 1902 году Фрейду была предоставлена должность профессора невропатологии в Венском университете, а через несколько лет он стал одним из организаторов Первого международного психоаналитического конгресса. Множилось и число его последователей и учеников, среди которых был Карл Юнг, будущий философ и теоретик «коллективного бессознательного». Впрочем, союз Фрейда с молодыми

единомышленниками был недолгим. В дальнейшем каждый из них возглавил собственное направление и школу.

Внешняя жизнь профессора Фрейда со стороны казалась неприметной, хотя и вызывала немало толков. Например, ходили слухи, что Зигмунда и сестру его жены Минну, которая была красивее и умнее жены, связывают любовные отношения и будто бы об этом даже знает жена Марта. Другая легенда касалась «нетрадиционной» дружбы между Фрейдом и берлинским врачом Вильгельмом Флиссом. Распространители таких слухов ссылались на некоторые письма Зигмунда к другу, где были такие строчки: «Я с огромным нетерпением ожидаю нашу следующую встречу… Жизнь моя тосклива… Только встреча с тобой может заставить меня вновь почувствовать себя лучше».

И все же гораздо больше доверия вызывают слова немецкого писателя С. Цвейга, знавшего Фрейда много лет: «70 лет в том же городе, более 40 лет в том же доме. А дома прием больных в том же самом кабинете, чтение в том же самом кресле, литературная работа за тем же письменным столом. Отец семейства из шести человек детей, лично без всяких потребностей, не знающий иных увлечений, кроме увлечения своим призванием и своей привязанностью… Каждый день – как двойник другого дня: раз в неделю лекции в университете, раз в неделю, по средам, духовное пиршество в кругу учеников, по примеру Сократа, раз, по субботам, карты».

Официальное признание заслуг пришло к Фрейду поздно: лишь в 1930 году он был удостоен премии Гете от города Франкфурта-на-Майне, а к своему 80-летию получил звание члена Королевской академии.

Тем временем ситуация в Европе становилась все более тревожной. В 1933 году в Германии к власти пришли нацисты. Гонениям подверглись не только многие выдающиеся ученые, философы и писатели, но и их произведения, публично сжигавшиеся на площадях. Среди сожженных книг оказались и труды Фрейда. Ученый с горестным сарказмом восклицал: «Какого прогресса мы достигли! В Средние века они сожгли бы меня, в наши дни они удовлетворились тем, что сожгли мои книги». Реальность оказалась еще трагичнее: в годы нацистского режима родные сестры Фрейда погибли в концлагере. Его самого, известного ученого, скорее всего, ожидала бы та же участь, если бы при посредничестве американского посла во Франции не удалось добиться выезда Фрейда и его семьи в Англию.

В Лондоне знаменитого психиатра ожидал восторженный прием, но жизнь его уже завершалась. Долгое время он мучился от сильных болей, которые с каждым днем становились все

невыносимее. По просьбе Фрейда лечащий врач 21 сентября 1939 года сделал ему два смертельных укола, прекративших страдания ученого.

В процессе напряженной работы по восстановлению психологического здоровья людей Фрейд создал теорию, объясняющую поведение не только больного, но и здорового человека. Эта теория приобрела на Западе, да и в России, столь широкое распространение, что многие люди до сих пор убеждены, что «психология – это и есть Фрейд». Войдя во все учебники по психологии, психотерапии и психиатрии, теории Фрейда оказали огромное воздействие не только на науки о человеке, его мышлении, но и на философию, социологию, литературу и искусство. Тем значимее наследие великого австрийца, объединившего сумму знаний, в которых синтезируется весь внутренний и внешний опыт человечества.

ЧАПЛИН ЧАРЛИ

Полное имя – Чарльз Спенсер Чаплин
(род. в 1889 г. – ум. в 1977 г.)

Выдающийся американский киноактер, режиссер, сценарист, продюсер. Исполнитель 80 ролей в фильмах. Обладатель почетных наград: рыцарского звания ордена Британской империи (1975 г.), ордена Почетного легиона, специальных премий «Оскар» за неоценимые заслуги в области киноискусства, за музыку к фильму «Огни рампы» (1972 г.), золотого приза на Международном Венецианском кинофестивале и др. Владелец «Киностудии Чаплина», фирмы «Чарльз С. Чаплин фильм корпорейшн», совладелец фирмы «Юнайтед Артисте». Автор мемуаров «Моя биография» (1964 г.) и альбома «Моя жизнь в фильмах» (1974 г.).

В истории американского кино нет никого, кто стал бы так дорог миру, как Чарли Чаплин. «Малейший жест Чаплина так легко вызывает человеческие эмоции, что его поистине можно

назвать “киноволшебником”, – писал историк кино Льюис Джекобе. – Такие таланты, как Чаплин, рождаются раз в столетие».

«Пятнадцатого числа сего года прошлого месяца жена мистера Чарльза Чаплина (в девичестве Лили Харли) родила прелестного мальчика. Мать и сын чувствуют себя хорошо», – сообщила в мае 1889 года лондонская газета «Мэгнит». Это бесспорное свидетельство точной даты рождения будущего великого артиста было найдено в конце 1980-х годов. Сам же Чаплин праздновал свой день рождения 16 апреля.

В его биографии много таких непроверенных фактов, одни он придумывал сам (рождение во Франции), другие не всегда верно определяют его биографы.

Маленький Чарли родился в восточной части Лондона, Ист-энде. Его отец, певец, рано оставил семью и вскоре умер от алкоголизма. Мать была когда-то неплохой актрисой мюзик-холла, талантливой имитаторшей, мимисткой, многому научившей сына. Но сильное нервное расстройство не позволило ей больше выступать на сцене, она часто лечилась в психиатрической больнице и не могла прокормить своих сыновей. Дети бродяжничали, питались отбросами, спали на скамейках, жили в приютах.

Первой школой для Чарли стала улица. «Половина моего детства, – вспоминал он, – прошла среди шлака и мусора закопченных пустырей». Жизнь лондонских улиц была разнообразна и поучительна для мальчика: быт, нравы, типы и характеры этих людей остались в его памяти навсегда и воплотились в созданных им кинокартинах.

Чарли вместе с братом Сиднеем стал зарабатывать на жизнь, давая представления на грязных тротуарах Лондона, в детском ансамбле «Восемь ланкширских парней» (1897 г.), в маленьких театральных труппах. Пытаясь выжить, он осваивал новые эстрадные профессии: певца, клоуна, акробата, танцора, музыканта (скрипка и виолончель).

Ангажемент в захудалой труппе принес ему постоянный заработок и поездки по стране. Особой популярностью в его исполнении пользовался мальчик-газетчик («Джим, любовь Кокни») и смышленый грум Билли («Шерлок Холмс»). С работой в фешенебельном Вест-эндском театре и «Цирке Кейси» к Чарли Чаплину пришло первое признание его как актера комедийного жанра.

Сидней, поступив в труппу пантомим Фреда Карно, пристроил в нее и талантливого младшего братишку – «тщедушного, бледного, печального юношу». Здесь Чарли

обучили тщательно выверять жесты, владеть лицевыми мускулами, акробатическими движениями, доводя все до графической точности, как того требовала пантомима. Неотъемлемыми элементами фарсов «Похитители сосисок», «Уроки бокса», «Вечер в Лондонском клубе» были пинки, пощечины, летающие торты и предметы. Труппа беспрерывно гастролировала по городам Англии, Франции и США. В Париже, впервые увидев «первого комедийного короля экрана» Макса Линдера, юный Чаплин почувствовал интерес к кино.

В октябре 1912 года группа артистов отбыла в турне по Америке. Чаплин собирался купить аппарат и снимать их спектакли, но не смог осуществить эту идею из-за отсутствия денег. Вскоре кинематограф сам раскрывает двери перед талантливым юношей. Руководство одной из голливудских кинокомпаний «Кистоун», специализирующейся на выпуске комедий, трижды предлагает артисту работу на киностудии. Но только в 1914 году Чаплин, подписав устроивший его контракт, решается уйти из театра Карно. Голливуд встретил его неприветливо, как чужеродный элемент. С ним никто не хотел работать. И только глубокий интерес к искусству кино заставил Чаплина остаться на киностудии.

Герой первой его картины, «Зарабатывая на жизнь», был злобен, коварен, жаден. Фильм не имел успеха, и Чаплин с согласия режиссера Лермана меняет маску. В картине «Детские автогонки в Венисе» (1914 г.) впервые появляется привычный для нас Чаплин: узенький котелок, разбитые башмаки, утиная походка. Образ не то безработного, не то бродяги постепенно шлифуется в фильмах «Необыкновенное затруднительное положение Мейбл», «Между двумя ливнями» и других, но только после десятого фильма – «Мейбл за рулем» актер окончательно выбрал персонаж. Так появился вначале Джони, а затем – Чарли (во Франции его звали Шарло, в Испании – Карлито, в Германии – Карлшен).

Чаплин начинает сам писать сценарии и становится режиссером. За три дня он придумал сюжет и план одночасовой комедии и снял «Двенадцать минут любви». Еженедельно выходила новая комическая картина. Успех актерских и режиссерских работ Чаплина закрепил его положение на студии, а затем сделал его ведущим актером, звездой фирмы. За год он снялся в 35 фильмах и по реакции зрителей понял, что «обладает способностью вызывать не только смех, но и слезы». Слава и радовала, и пугала Чаплина, его «не оставляла мысль, что мир сошел с ума, что в славе этой есть что-то ненастоящее».

В 1916–1917 годах он работает с фирмами «Эссеней»,

«Мьючуэл» и «Ферст нейшнл», а затем первым из актеров создает собственную «Студию Чаплина». На ней он проработал 35 лет. За эти годы самая скромная в мире киностудия стала самой знаменитой в Голливуде.

Начав самостоятельную работу, Чаплин резко сократил количество фильмов до одного в месяц, сняв с 1918 по 1922 год только десять двух– и трехчасовых фильмов. В картинах этого периода доминировали уже не трюк, а мысль, показ социальной среды и внутреннего мира героя. В фильмах «Полиция», «Скиталец», «Работа», «Банк», «Завербованный», «Солнечная сторона» пустого, бездумного человечка, задиру и драчуна постепенно вытесняет трогательный, вечно несчастный, влюбленный во все прекрасное бездомный скиталец. Чарли был бродягой и полицейским, отцом семейства и беглым каторжником – словом, рядовым американцем, маленьким человеком, живущим в вечном страхе, но нежным, добрым, сострадающим. Уже в фильмах «Бродяга» и «Банк» появились драматические и трагические нотки, получившие сильное звучание в дальнейшем творчестве Чаплина. А вот картины «Иммигрант» (1917 г.), «Собачья жизнь» (1918 г.), «На плечо» стали прямым откликом актера на события американской действительности, критиковали многие пороки общества.

Придуманная актером маска Чарли создавала не шутовской, а реалистический образ, изменив все искусство кинокомедии. Многим было не по душе это новаторство, они мечтали, чтобы «Чаплин кончился, истощился». Он постоянно испытывал сильный прессинг со стороны власть предержащих, но с поражающим упорством продолжал работать, не идя ни на какие уступки. В шестичасовом фильме «Малыш» (1921 г.) актер впервые осуществил свое желание снять произведение большой формы. Эта мелодрама о безработном стекольщике и его приемыше проникновенно выражала мечту чаплинского героя о счастье. Особенно трогательно было внешнее сходство маленького героя с большим, создающее слитный образ.

В картинах «Скиталец» и «Малыш» счастливая мелодраматическая развязка свидетельствует о том, что Чаплин еще не расстался с некоторыми иллюзиями. Но уже в «Пилигриме» (1923 г.) за комедийным сюжетом скрывается гневное обвинение ханжеской Америки. Артист показал, что никаких перспектив у «маленького человечка» нет. Реакционные круги негодовали, а у зрителя творчество мастера получало все большее признание.

На смену лирико-драматическим комедиям приходит фильм «Парижанка» (1923 г.) со своей драматической сатирой. Во

вступительных титрах к нему говорится: «Человечество состоит не из героев и предателей, а из простых мужчин и женщин». И потому персонажи фильма впервые не разделены на героев и злодеев. Это не абстрактные носители добра и зла, а самые обыкновенные люди. Сатирическое разоблачение окружающего их мира достигает здесь таких масштабов, что камерная драма поднимается до высот трагедии. Но фильм с горьким концом (самоубийство героя) не имел успеха у американского зрителя, так как живо напоминал о действительности.

Последней поэтической сказкой Чаплина стал фильм «Золотая лихорадка» (1925 г.). Сцена из него «Муки голода» стала классикой кинематографии. Картина с колоссальным успехом прошла на всех экранах мира и заняла первое место в десятке лучших фильмов года. Однако и это не помогло актеру, которому не могли простить «Парижанку» и «Пилигрима». Травля Чаплина была развязана во время съемок фильма «Цирк». Поводом к ней послужил развод актера со второй женой Лиллитой Мак-Мюррей, а «целью» – укрепление нравственности. Только общественное мнение спасло его от высылки из страны. Разразившийся судебный процесс состарил Чарли на 20 лет и обошелся ему в 625 тыс. долларов.

Однако после него актер опять окунулся в работу. Трогательная любовь бродяги к слепой девушке в фильме «Огни большого города» (1931 г.) разворачивается на фоне современной американской жизни с ее контрастами бедности и богатства. Это история гибели всех и всяческих иллюзий и бескорыстия человеческих отношений. В конце фильма герою остается только надежда на личное счастье. Этот шедевр чаплинского искусства едва не стал его последней работой из-за отказа руководства «Юнайтед Артистс» распространять фильм. Сохранить творческую независимость и донести до зрителей свои произведения ему помогла лишь единодушная поддержка деятелей кино многих стран мира.

Следующий фильм «Новые времена» (1936 г.) явился логическим продолжением рассказа о судьбе «маленького человечка», впервые ставшего на путь протеста. Картина начинается с весьма символичного показа стада овец, гонимых на бойню, и сменяется огромной толпой людей, которая вливается в метро, а затем устремляется в ворота завода. Эта и многие другие сцены фильма показывали, что «мир стал местом больших скоростей, безработицы, голода, бунтов и угнетения». Они потрясали зрителя, но не устраивали хозяев киноиндустрии, и потому самые острые места из фильма были вырезаны.

С приходом в кинематограф звука перед Чаплином встала и

проблема озвучивания своего персонажа. Он долго не решается дать голос Чарли, так как это могло бы изменить весь облик героя. «Это бы убило мою 20-летнюю работу над образом», – говорил актер. Но в картине «Великий диктатор» Чарли в облике маленького парикмахера, одетого в солдатскую форму, все же заговорил, призывая людей сражаться за свою свободу. В этом фильме Чаплин перешел от социальных проблем к политическим. Маленький человек стал большим – борцом против голиафов империализма. Чарли боролся на экране, а Чаплин – в жизни. На него обрушилась новая волна травли, возглавляемая германским посольством. От суда актера спас только налет японской авиации на Пёрл Харбор.

Философский фильм «Мсье Верду» (1947 г.) имел подзаголовок «комедия убийств» и стал самой горькой из всех чаплинских картин. Ожесточившийся «маленький человечек» ради денег становится женоубийцей. Слова героя на суде: «Одно убийство делает человека злодеем, а миллион убийств делают из него героя. Масштабы все оправдывают», – заклеймили лживость, двуличие и хищничество американского общества. Прощения Чаплину от сильных мира сего уже не было. Его обвинили в антипатриотизме, вспомнив даже поддержку сражающейся России. В очередной раз воспользовавшись судебным разбирательством по ложному обвинению Чаплина во внебрачных детях, Америка изгоняла лучшего своего актера комедии. Делом Чаплина занималась комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Обвинений набралось на 400 страниц. Но и сам актер объявил «войну Голливуду». И пока она шла, Чаплин снял фильм о поэтической любви, о доброте и взаимопомощи. Более трех лет он работал над сценарием фильма «Огни рампы» (1952 г.). Фильм стал гимном великой любви к человеку и к жизни, а также последней чаплинской картиной на студиях Голливуда. В 1952 году Госдепартамент США запретил актеру въезд в страну. Чаплин признавался, что «никогда не думал, что удар будет таким сокрушительным». В 1953 году Чаплин покинул Америку и поселился в Швейцарии.

Последнюю свою картину «Графиня из Гонконга» великий актер снял в 1966 году в Англии. Главные роли в ней сыграли Марлон Брандо и Софи Лорен, а также четверо детей Чаплина. Сам он взял себе крохотную роль старого стюарда. Но картина оказалась неудачной и провалилась в прокате, а ее создатель навсегда распрощался с кино. Отныне он погружается в мир воспоминаний, работая над книгами мемуаров, и, как никогда раньше, уделяет время семье.

Нужно заметить, что личная жизнь Чарли Чаплина всегда

протекала бурно, что создавало ему скандальную репутацию. Он был четырежды женат, имел многочисленные связи и романы с молоденькими актрисами и долгое время не мог соединить любовь и секс под крышей собственного дома. От второго брака с Лиллитой Мак-Мюррей у него остались двое сыновей – Чарльз и Сидней и громкий бракоразводный процесс. Третьей женой актера стала Полетт Годдар. Чаплин прославил ее ролью в «Новых временах», после чего они по-хорошему расстались.

И только на 55 году жизни он встретил семнадцатилетнюю Уну О'Нил, которая стала ему верной женой и матерью восьмерых детей. Уна оказалась его сказочной принцессой, и они были счастливы на протяжении 40 лет совместной жизни.

В 83 года вместе с женой Чаплин опять пересек океан, чтобы получить долгожданное признание на родине – специальный «Оскар» и самую долгую овацию в истории вручения этой награды. Штаты устроили настоящий праздник по поводу его возвращения. Он простил американцев, как детей, которые нашалили, и был счастлив.

Чаплин умер 25 декабря 1977 года в окружении близких, всеми почитаемый и любимый.

Секрет фантастического таланта актера и небывалого долголетия его фильмов до сих пор так и не раскрыт, так же как не рассказана до конца история Чарли Чаплина. Ведь у нее не может быть конца, как не было его в старых немых фильмах. В них бродяга Чарли, заставив всех вдоволь посмеяться и погрустить, уходил по дороге куда-то в глубь кадра, он всегда уходил не прощаясь, и его история продолжается, пока продолжается кино.

ШАГАЛ МАРК

(род. в 1887 г. – ум. в 1985 г.)

Выдающийся живописец, график и скульптор, театральный декоратор, большой мастер монументальной живописи, один из основоположников сюрреализма. Участник многочисленных выставок: в Осеннем салоне (Париж, 1912 г.), объединений «Мир искусства» и «Ослиный хвост» (Москва, 1912 г.), в Берлине (1914 г.), биеннале в Венеции (1948 г.), в Лувре (1977 г.) и др. Обладатель почетных наград: Гран-при за офорты к «Мертвым душам» Гоголя (1948 г.), ордена Почетного легиона (1977 г). Прозаик и поэт, автор книги «Моя жизнь» (1923 г.).

Искусство этого художника в равной степени считают своим евреи, русские и белорусы. Сам же Шагал до конца своих дней называл себя «русским художником», подчеркивая тем самым свою родную общность с российской живописной традицией. Но

как большой, настоящий мастер, он в своем творчестве раздвинул национальные, религиозные и любые другие рамки и по праву стал художником мира. Недаром Андре Бретон называл искусство Шагала «магическим универсумом».

Произведения этого художника неизменно погружают зрителя в мир детства. Невероятные персонажи, например зеленые козы или коровы, у него гуляют где хотят, люди ходят задом наперед, сидят на крышах, летают и переворачиваются вверх ногами, предметы помещаются один в другом и вытворяют еще бог знает что, не поддающееся логике обычного мышления. Это похоже на воплощение детской мечты, бессознательных всплесков фантазии или сновидений. Не зря один из критиков назвал искусство Шагала ночным.

Но такое мироощущение художник сохранял всю жизнь, он был всегда неожиданным и эксцентричным. Шагал вспоминал, как, достигнув 13 лет, он с ужасом представлял себя в морщинах и с черной бородой и рыдал при этом. Что же так пугало мальчишку? В автобиографии Шагала есть одно предложение, отвечающее на этот вопрос: «Никуда не денешься, пора взрослеть и делаться, как все».

Щуплый большеголовый мальчик, которому отец из каких-то соображений еще и приписал лишних два года, изо всех сил старался превзойти хоть в чем-нибудь своих сверстников. И его действительно стали называть вундеркиндом, потому что он учился игре на скрипке, пел в синагоге, сочинял стихи и рисовал. Мовша Шагал поочередно мечтал «пойти» в канторы, музыканты, танцоры или поэты, потому что все ему удавалось. Вот только в школе успехи были очень средние. Единственным предметом, на котором он не краснел и не заикался, была геометрия. Ну а на рисовании, как он вспоминал позже, ему «не хватало только трона».

Отец Шагала был грузчиком в рыбной лавке, кормильцем большой семьи, в которой росло девятеро детей. Мать заботилась обо всех, была мастерицей, любительницей поговорить и, наверное, одаренной женщиной, потому что Шагал признавал: «Весь мой талант таился в ней, моей матери, и все, кроме ее ума, передалось мне». Именно она поверила в его художественные задатки и повела в школу живописи и рисунка художника Пэна – единственное подобное учебное заведение в Витебске. Мальчик из бедного еврейского квартала буквально бредил словом «художник». Отец заплатил только за два месяца обучения, а потом Ю. Пэн стал учить юное дарование бесплатно. О роли этого человека в жизни Шагала говорит то, что он ставил своего первого учителя рядом с отцом. Пэн и посоветовал юноше

продолжить учебу в Петербурге.

Когда отец об этом услышал, то бросил 27 рублей сыну под ноги, и тот собирал их под столом, глотая слезы. Но все-таки строгий родитель достал ему временное разрешение на жительство в Петербурге (дело в том, что по царскому повелению для евреев существовала черта оседлости), и теперь Мовша Шагал ехал в северную столицу якобы по поручению купца за товаром.

Оказавшись в 1907 году в Питере, юноша сначала попытался поступить в училище технического рисования барона Штиглица, но провалился. А вот в школе Общества поощрения художеств повезло, его приняли без экзаменов сразу на третий курс, а затем, как успевающему ученику, назначили стипендию. Директором здесь был Николай Рерих. Один из преподавателей, скульптор Гинцбург, ученик Антокольского, академик, пускал молодого человека в свою мастерскую. Другим благодетелем стал адвокат Гольдберг, который взял его к себе в лакеи и таким образом дал крышу над головой и стол. Шагал перепробовал еще несколько учебных заведений, пока не остановился на школе Е. Н. Званцевой, где преподавал замечательный мастер театрально-декоративного искусства Л. С. Бакст. Это было единственное учебное заведение, которое ориентировалось на новые европейские веяния в искусстве. Разглядывая рисунки Марка Шагала (он поменял свое имя на более звучное), Бакст вынес свой приговор: талант у юноши есть, но испорченный, хотя и не окончательно. А своеобразие этого таланта состояло в том, что он плохо поддавался шлифовке. Через несколько месяцев учебы Шагал понял, что и здесь, как раньше у Пэна, его что-то не устраивало. «Я способен только следовать своему инстинкту», – решил он для себя.

В это время Бакст должен был уезжать в Париж для оформления постановок антрепризы С. Дягилева. Вслед за ним засобирался и Шагал, понимая, что может чему-то научиться только в столице мирового искусства.

До отъезда некоторое время он пожил дома, в Витебске, надеясь выпросить у отца денег. Семья была против дальних странствий, из которых еще не известно что получится. Но не окажись в то время М. Шагал в Париже, он, наверное, «сделался бы как все» – приказчиком, бухгалтером или фотографом.

Четырехлетнее пребывание в Париже стало самым важным в творческом становлении Шагала. Он окунулся в разнообразие новых течений, направлений и школ, постигал классическую живопись в залах Лувра и Люксембургского музея, преклонялся перед Рембрандтом, не раз возвращался к работам Шардена, Фуке, Жерико. Художник был завсегдатаем галерей и салонов, где

выставлялись Сезанн, Ван Гог, Матисс, Гоген, посещал литературные и художественные салоны, участвовал в спорах, пытался разобраться в искусстве и найти в нем свое место. В конце концов Шагал определился: «Долой натурализм, импрессионизм и кубореализм!.. Куда мы идем? Что за эпоха, прославляющая технику и преклоняющаяся перед формализмом? Да здравствует безумие!.. Мое искусство не рассуждает, оно – расплавленный свинец, лазурь души, изливающаяся на холст». Хотя теоретики искусства упорно причисляют Шагала к сюрреалистам, сам художник, будучи уже известным и умудренным, сказал: «Направления – это скорее теоретические понятия, я не считаю себя принадлежащим ни к какому направлению. Мое дело – краска, чистота, любовь… Но это не направление, а убеждение». И это убеждение сформировалось у него уже в ранние годы.

М. Шагал много путешествовал по Франции, изучал страну, поддерживал дружеские отношения с Пикассо, Матиссом, Боннаром, Элюаром и другими художниками и поэтами, ставшими гордостью французского искусства. Жил он тогда в «Улье» – общежитии художников, где располагались десятки маленьких художественных мастерских, часто голодал, не имел денег на холсты, бывало, что рвал и натягивал на подрамники постельное белье. В периоды хронического безденежья Марк в дуэте с Ф. Леже давал концерты на улицах Парижа. Картина была незабываемой: Шагал пел еврейские песни, а Леже аккомпанировал ему… на лютне. Но, несмотря на нужду и тоску по родине, молодой художник работал с упоением, выставлял свои картины в салонах и пытался продавать, но их покупали разве что оптом и по дешевке. Чаще же он их раздаривал, и уезжали работы раннего Шагала в Амстердам, Брюссель, Берлин. Среди картин этого периода наиболее характерные «Я и моя деревня» (1911 г.), «Скрипач», «Поклонение Аполлинеру», «Россия. Ослам и другим» (1911–1912 гг.), «Автопортрет с семью пальцами», «Голгофа» (1912 г.), «Молящийся еврей» (1913 г.), в которых уже проявился стиль Шагала, один из самых ярких в авангардной живописи начала XX века.

Но тогда ни он, ни кто-либо другой не могли предсказать его взлет. Марк чувствовал себя нищим, безродным евреем, чужим почти для всех, за исключением Аполлинера и нескольких поэтов его круга, а также издателя Канудо, который в 1913 году организовал в редакции своего журнала выставку работ Шагала и назвал его самым блестящим колористом среди живописцев авангарда.

Через год художник собрал почти все свои работы,

выполненные во Франции, и поехал в Берлин устраивать первую персональную выставку в редакции журнала «Дер Штурм», организованную издателем Вальденом. Она произвела фурор. Особенный отклик вызвала живопись Шагала у молодых немецких художников, а уже после войны она дала толчок развитию экспрессионизма.

Впитав и переосмыслив все, чем одарил его Париж, М. Шагал обрел свой стиль, который отличался, прежде всего, религиозностью и национальной окрашенностью. Сочный еврейский колорит образов и глубокое осмысление их в контексте ирреального, сверхъестественного существования породили и совершенно невероятную композицию картин, и немыслимые цветовые сочетания, и взрыв устоявшихся представлений о живописи.

Теперь художник мог собой гордиться. Поэтому решил съездить на родину, на свадьбу сестры и на свидание с любимой – Беллой Розенфельд. Их знакомство состоялось еще до Парижа, отношения были чисты и возвышенны. Девушка провожала его за границу, потом писала письма. Любопытно, что он с первого взгляда почувствовал притяжение ее глаз, теплоту души и… понял, что это его жена. Расстояние несколько стерло остроту этого чувства, но теперь, оказавшись рядом, Шагал решил, что эта девушка предназначена ему судьбой. Пусть она дочь богатого ювелира и не ровня ему, но ведь он художник!

Шагал был по-настоящему счастлив. Потому что познал любовь, потому что не ошибся в Белле. С этого времени тема любви станет одной из ведущих в его творчестве. И даже одна из последних картин художника, написанная в 1983 году, будет называться «Двое влюбленных на красном фоне». Белла имела не только привлекательную внешность, она получила хорошее образование, изучала языки (в совершенстве знала французский, что очень пригодилось позже), увлекалась философией, любила творчество Достоевского, обладала литературным даром, обучалась в одной из театральных студий Станиславского. Ей было что дать Шагалу. Она сразу же оценила талант будущего супруга. А он воспевал ее в своих картинах, посвящал ей свои стихи и даже поэму под названием «Жена», а в воспоминаниях слово «Она» – писал с большой буквы. Их любовь – это редкое совпадение миров двух людей.

Счастье молодоженов прервала война. Шагал лишился загранпаспорта и ожидал призыва в армию. Правда, ему удалось устроиться не в окопы, а в Петроградское военное бюро и воевать с бумажками. Когда же армия Вильгельма стала одерживать победы, а русские солдаты разбегаться с лозунгами о свободе и

революции, Шагал тоже дезертировал. Разобраться в происходящем ему было трудно. Дума, Временное правительство, Керенский, Учредительное собрание, Маркс и Ленин – все это было где-то рядом, но художник жил прежде всего творчеством. В 1914–1915 годах его картины фиксировали события, он даже именовал их документами. Неожиданно его выдвинули от молодежи в новое министерство искусств. Через некоторое время Шагал едет в Кремль к Луначарскому и получает от него мандат комиссара по делам изобразительных искусств в Витебске. Мудрая Белла сказала тогда: «Все кончится провалом и обидой». И оказалась права.

Но М. Шагал с энтузиазмом взялся за работу. Организовал в родном городе Школу искусств для детей бедноты, успел даже выпустить несколько десятков художников, открыл мастерскую и художественный музей. Дважды он вместе с учениками оформлял город к празднованию годовщин Октябрьской революции. По его приглашению в школе работали Пэн, Малевич и другие живописцы из «левых». В этот период художник создает ряд полотен («Над городом», 1914–1918 гг.; «Венчание», «Прогулка», обе в 1918 г.), ставших вершинами его творчества.

Но ученики и соратники во главе с К. Малевичем скоро остыли к идее, предали своего друга и директора. Они организовали настоящую травлю М. Шагала и таки добились его изгнания. Имущество школы и музея было растащено. Административная и педагогическая деятельность, которая не оставляла художнику времени для творчества, потерпела крах. Но все, что оставалось из прежних работ, спасла и сохранила верная Белла. Она одна осталась рядом с супругом. Хотя нет, ко времени переезда в Москву у них уже родилась дочь Ида. Втроем в 1920 году они поселились в подмосковном поселке Малаховка.

М. Шагалу предложили работу в открывшемся Еврейском камерном театре под руководством А. Грановского. И художник снова с головой ушел в дела. Кроме костюмов и декораций для спектаклей, он за полтора месяца выполнил семь панно для фойе и зрительного зала, а также занавес. Это были поистине монументальные работы, которые, к сожалению, прослужили недолго (в 1930-е годы их сняли), но дали возможность художнику «размахнуться» в новом виде живописи и ощутить свои силы.

В этот период художник дружил с Эфросом и Михоэлсом, познакомился с Мейерхольдом, Вахтанговым и Таировым, встречался с Маяковским, увлекался Блоком и Есениным. Однако многое из того, что они создавали, как известно, не вписалось в рамки «пролетарского» искусства. Творчество Шагала тоже

отказывались понимать и принимать. Он оказался невостребованным. Несколько месяцев художнику пришлось работать в колонии для беспризорных в Малаховке. И все чаще мыслями он летел в Париж, где в его мастерской было много неоконченных работ, а также в Берлин, где он оставил свою выставку. В 1922 году Шагал решил покинуть неласковую родину навсегда, с надеждой, что, может быть, вслед за Европой его полюбит и Россия.

С тех пор он стал жить, как герои его полотен, – с лицом, повернутым назад. Тысячу раз возвращался художник воспоминаниями в родной Витебск и надеялся на встречу с ним. По этой причине он не принимал французское гражданство до 1938 года. На чужбине М. Шагал долго чувствовал себя «деревом, вырванным с корнями и повисшим в воздухе». А выжил он только потому, что никогда не порывал духовной связи с родиной. Все, что происходило в жизни Марка Шагала после 1922 года, долго не было известно в нашей стране. О нем почти забыли, а его произведения находились в «спецхране». То, что он создавал отныне, уже не принадлежало России.

Один год художник прожил в Берлине, где занялся гравюрой, изучил новые техники и создал 20 офортов к книге «Моя жизнь» (она была издана на французском языке в Париже в 1931 году). В 1923 году по приглашению французского галерейщика Воллара Шагал переехал в Париж и в течение нескольких лет работал по его заказам. В 1931 году он совершил путешествие по Сирии и Палестине, набираясь впечатлений для новой работы, заказанной Волларом, – иллюстраций к Библии. Его полотна со временем были выставлены в центре Парижа, в здании Культурного центра имени Ж. Помпиду, среди произведений русских живописцев.

В живописных работах Шагала 1930-х годов много ностальгических и тревожных мотивов. Таковы, например, «Одиночество», «Белое распятие» (1938 г.), «Распятый художник» (1938–1940 гг.), «Мученик» (1940 г.), «Желтый Христос» (1941 г.) и др. Предчувствия не обманули художника. Фашизм стал величайшей трагедией человечества, в том числе и еврейского народа. Что касается лично Шагала, то ему была оказана особая «честь» – в 1933 году в Манхейме по приказу Геббельса его картины сжигали на кострах.

Во время Второй мировой войны и до 1948 года М. Шагал жил в США. Там его постигло огромное горе: в 1944 году скончалась Белла. Композиции «Моей жене посвящается» и «Вокруг Нее» стали своеобразным памятником этой прекрасной женщине. Только через восемь лет Шагал решился заключить новый брак – с В. Бродской, которая помогла художнику вновь

вдохнуть жизнь в его искусство. Вслед за произведениями станковой живописи, замечательными иллюстрациями к роману Лонга «Дафнис и Хлоя» (1960–1962 гг.) Шагал все больше увлекается монументальной росписью, мозаикой, керамикой, шпалерами и скульптурой.

За последующие десятилетия мир узнал М. Шагала как гениального художника. Он создал иллюстрации к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя и получил за них престижную премию, затем выполнил серию гуашей для «Цирка Воллара». Художник всегда любил цирк и считал свое искусство близким к цирковому по праздничности, смелости, буйству фантазии и наивной простоте.

На протяжении 1960–1970-х годов Шагал изготовил множество витражей и панно для церквей, костелов, синагог и общественных зданий разного назначения во многих странах мира. Достаточно сказать, что французы доверили ему создание образа Христа в Реймском соборе и роспись плафона в парижской Гранд-опера, американцы заказали два панно для Метрополитен-опера в Нью-Йорке, израильтяне – мозаики и гобелены для здания парламента в Иерусалиме.

В 1973 году в Ницце был открыт необычный музей «Библейское послание» – специально выстроенное здание, в котором расположились сотни офортов, рисунков, картин, витражей, шпалер, скульптур Марка Шагала на религиозные сюжеты. Правительство Франции объявило этот музей национальным.

Награды и отличия стали свидетельствами высочайшего мастерства художника. В 1977 году Шагал был удостоен ордена Почетного легиона – высшей награды Франции. А в честь 90-летия художника, вопреки традиции, в Лувре была устроена его прижизненная выставка.

И только настоящая родина никак не хотела признавать своего сына. Во времена «оттепели» 1960-х годов художника навестил советский поэт Е. Евтушенко. М. Шагал был счастлив, что о нем вспомнили, передал свою книгу Н. С. Хрущеву, но этот подарок до него так и не дошел, потому что ответственному чиновнику имя художника ни о чем не говорило.

Все одиночество мое – в моей душе.
Вы поняли?
Вхожу в нее без визы.

Эти строки стихотворения Шагал, кажется, выкрикнул. Как много в них тоски, боли и страстного желания увидеть милый

сердцу край! Его мечта осуществилась только в 1973 году, когда художнику было уже 86 лет. Он провел несколько дней в Москве и Ленинграде, увидел свою выставку в Третьяковской галерее, побывал в кабинете учителя Н. Рериха. Но в Витебск, о котором грезил более 50 лет, так и не попал. Лишь со временем земляки М. Шагала организовали его музей и установили памятник.

Скончался М. З. Шагал в местечке Сен-Поль-де-Венс, около Ниццы, в возрасте 97 лет. На устах его замерла улыбка. До конца жизни он сохранял удивительное жизнелюбие, несмотря на тяжкие испытания. В одном из интервью, опубликованном во время посещения СССР, он сказал: «Что бы я ни изображал, это о любви и о нашей судьбе… Про это мое искусство. Это во мне заложено, это сильнее меня самого». Художник твердо верил, что только любовью и красотой можно победить жестокость и зло. В этом и состоит жизнеутверждающая сила его искусства.

ШВАРЦ ИСААК ИОСИФОВИЧ

(род. в 1923 г.)

Советский композитор, член Союза композиторов (1955 г.), заслуженный деятель искусств России (1983 г.), лауреат Государственной премии России (1998 г.), премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (2003 г.), трех призов «Ника» Российской академии киноискусств и восьми международных премий за киномузыку на фестивалях в Венеции, Триесте, Западном Берлине, Англии, США. Автор балета «Накануне» (по И. Тургеневу, 1960 г.), «Страна чудес» (1967 г.), симфонических произведений, камерно-инструментальной музыки, романсов на стихи Ф. Тютчева, А. Блока, Г. Гейне и др. Автор музыки к 35 драматическим спектаклям («Идиот» Ф. Достоевского, «Горе от ума» А. Грибоедова, «Бесприданница» А. Островского, «Еще раз про любовь» Э. Радзинского и др.), а также к 120 кинофильмам («Дикая собака Динго», «Живой труп», «Братья Карамазовы», «Белое солнце пустыни»,

«Звезда пленительного счастья», «Женя, Женечка и “катюша”», «Сто дней после детства», «Соломенная шляпка», «Дерсу Узала», «Нас венчали не в церкви», «Блондинка за углом», «Проверка на дорогах», «Каникулы Кроша», «Не стреляйте в белых лебедей», «Луна-парк» и др.).

Исаак Иосифович единственный музыкант в России, который удостоен высокой кинематографической награды – «Оскара». «Светиться» и «тусоваться» на всякого рода презентациях, фестивалях, шоу-концертах, конкурсах он не любит, но его знают все кинозрители и космонавты. Композитор написал самую «космическую» песню в мире. Бередящая душу «Ваше благородие госпожа Удача» на стихи Б. Окуджавы обрела этот статус практически сразу же после появления фильма В. Мотыля «Белое солнце пустыни», когда у советских космонавтов появилась традиция перед полетом в космос обязательно смотреть любимую кинокартину. За музыку к этому фильму маэстро был удостоен Государственной премии России в 1998 году.

Родился Исаак Иосифович 13 мая 1923 года в г. Ромны (ныне – Сумская область). Мама, Рахиль Соломоновна, была преподавателем математики, русского языка и литературы в школе, отец, Иосиф Евсеевич – ученым-филологом. Дед по отцовской линии был раввином, еще в начале XX столетия переехал в Украину из Прибалтики. Бабушка по линии матери находилась в родстве с известным скульптором Антокольским.

До семи лет по состоянию здоровья мальчик жил у дедушки с бабушкой в Ромнах. Дед был человеком небогатым – лошадь, две коровы, птица, – но в 1929 году большевики его раскулачили. «Ночью в дом ворвались вооруженные мужчины и девушки в красных косынках, – вспоминал композитор. – Саблями вспарывали перины – искали деньги, золото. В итоге отобрали все, что возможно – это называлось коллективизация». После такого погрома родители в 1930 году перевезли сына к себе в Ленинград, где уже учились его старшие сестры Софья и Мария.

Там будущий композитор впервые встретился с Д. Шостаковичем. Шварц позже вспоминал: «Мой отец знал Дмитрия Дмитриевича. Так что через всю мою жизнь прошли встречи с Шостаковичем. Их было немного, я очень стеснялся. Я у него не занимался, потому что он редко приезжал к нам в Ленинград, но когда у него были уроки, я всегда приходил к нему в класс. Это мой кумир и это моя звезда».

В городе на Неве мальчик начал заниматься в Доме

художественного воспитания детей по классу рояля у преподавателя А. С. Замкова. В 1935 году 12-летний Исаак принял участие в концерте молодых дарований в Большом зале Ленинградской филармонии. Юный пианист в сопровождении оркестра филармонии блестяще исполнил Первую часть Первого концерта Шопена. Шварца заметил выдающийся музыкант и педагог профессор Леонид Владимирович Николаев, и Исаак начал брать у него уроки, не оставляя занятий у А. С. Замкова.

9 декабря 1936 года отца Исаака, едва оправившегося после перенесенного инфаркта, арестовали органы НКВД. После изнурительных допросов в марте 1937 года его приговорили к пяти годам лишения свободы за «антисоветские разговоры» и сослали на Колыму, где он вскоре погиб. Летом того же 1937 года семью «врага народа» сослали в Киргизию в г. Фрунзе, (нынешний Бишкек). Рахиль Соломоновна устроилась работать на швейную фабрику, а 14-летний Исаак, чтобы поддержать семью материально, начал давать частные уроки игры на фортепиано детям местных чиновников, работал в летнем кинотеатре тапером. «Однажды сижу, долблю по клавишам разбитого рояля под немую картину, – рассказывал позже знаменитый композитор. – А шел тогда последний сеанс, у меня уже сильно болели руки. Приходилось играть во всю мощь, ведь никаких усилителей тогда не было. А к каждой картине я тогда придумал свою музыку, не осознавая, что это – музыкальное сочинение. Вдруг подходит ко мне высокий и видный дядя, целует в макушку и говорит: “Ты, мальчик, далеко пойдешь”. У меня было ощущение, что он только что сошел с экрана. Оказывается, это был известный артист кино Коваль Самбурский. Он играл в картине “Человек из ресторана”, мною только что озвученной. Коваль пришел на последний сеанс, и ему очень понравилось, как я импровизировал».

В 1938 году Шварц стал брать уроки фортепиано и композиции у замечательного педагога, ставшего потом знаменитым, В. Г. Фере. Мальчик на слух подбирал мелодии, пробовал себя в сочинительстве музыки. В последующие годы ссылки он приобрел профессионально ценные навыки, работая концертмейстером в Киргизском государственном театре.

Во время Великой Отечественной войны Исаак руководил хором и оркестром Красноармейского ансамбля песни и пляски Фрунзенского военного округа. В 1943 году он женился, вскоре родилась дочь Галина.

Во Фрунзе Шварц познакомился с сестрой Д. Д. Шостаковича, Марией Дмитриевной, пианисткой, тоже сосланной. Когда в 1945 году срок ссылки закончился, семья Шварца вернулась в город на

Неве. По рекомендации сестры Шостаковича Дмитрий Дмитриевич выслушал исполнение Исаака и обратился к профессору Ленинградской консерватории Б. А. Арапову с просьбой принять талантливого музыканта, несмотря на его слабую теоретическую подготовку, в свой класс. Так в 1945 году Шварц поступил на композиторский факультет и в 1951-м получил диплом композитора, хотя обучение стоило дорого. Студент не понимал, почему его освободили от платы за учебу, а потом оказалось, что деньги платил Д. Д. Шостакович. Чтобы прокормить семью, Шварц на каникулах подрабатывал аккордеонистом в пионерском лагере и Доме отдыха под Ленинградом.

Занимаясь у Б. А. Арапова, Исаак Шварц написал Сонату для скрипки и фортепиано (соль минор), струнный квартет, романсы на стихи Пушкина, Тютчева, Фета, Полонского, Гейне, Вариации для фортепиано, Арию для скрипки с фортепиано. К сожалению, он проучился у него всего три года. Когда вышло постановление партии об опере «Великая дружба» В. Мурадели и композиторах «антинародного направления» Шостаковиче, Прокофьеве, Хачатуряне, Шабалине и Мясковском, стали выгонять с работы и профессоров консерватории. Как считала коммунистическая власть, они недостаточно патриотично учат советских студентов. Вместо Арапова учителем Шварца стал талантливый педагог Орест Александрович Евлахов. Под его руководством студент написал кантату «Дума о Родине» на стихи А. Чепурова для солиста (баса), хора и симфонического оркестра в трех частях, балладу для баритона с оркестром «Солдат и вьюга» на стихи М. Светлова, романсы на стихи В. Орлова, С. Щипачева, а также Первую часть Симфонии фа минор. Это произведение, хорошо принятое слушателями, с момента премьеры 6 ноября 1954 года, неоднократно исполнялось в Большом зале Ленинградской филармонии. В 1955 году симфония прозвучала на VIII Всесоюзном пленуме правления Союза композиторов в Москве. Тогда же И. И. Шварц был принят в Союз композиторов СССР.

В последующие годы Исаак Иосифович написал Молодежную увертюру для симфонического оркестра (1957), балеты «Накануне» и «Страна чудес», поставленные в Ленинградском Государственном академическом театре оперы и балета имени Кирова. Вот как вспоминал знаменитый композитор о спектакле «Страна чудес»: «И все бы шло хорошо – совершенно гениальная хореография, но мне не повезло – исполнявшие главные роли стали потихоньку удирать из СССР – сбежал Нуреев, уехала Наташа Макарова – и постепенно балет сняли».

В конце 1950-х годов Шварц сочинил музыку к постановкам Г.

А. Товстоногова «Идиот» Достоевского, «Еще раз про любовь» Радзинского, «На всякого мудреца довольно простоты» Островского, «Горе от ума» Грибоедова и др. В театре в полной мере раскрылось яркое лирическое дарование композитора, присущий ему тонкий психологизм и незаурядное чутье музыканта-драматурга.

Знаменитый маэстро вспоминал: «Георгий Александрович не поверил, что это моя первая работа для театра, настолько она была удачной: “Вы говорите неправду!” Я понял, чтобы выработать свой почерк, – надо забыть о существовании всех прочих стилей. Я не оглядывался по сторонам – в ногу ли со временем шагаю. Я раскрепостился, писал так, как хотел, и все получалось. С тех пор прошло много лет, а мой вальс из “Горя от ума” является визитной карточкой БДТ. Когда отмечают какую-то дату, юбилей артиста – всегда играют мою музыку.

Именно тогда у меня завязалась большая дружба с двумя корифеями БДТ, с двумя незабвенными, уже, к сожалению, ушедшими из жизни И. Смоктуновским и Е. Лебедевым. Я подружился с П. Луспекаевым (таможенник Верещагин в “Белом солнце пустыни”) и с Е. Копеляном – до конца их дней мы были друзьями. Поразительные люди – поразительного таланта!»

Известный композитор сотрудничал также с другими театрами Ленинграда и Москвы. Он – автор музыки к спектаклям «Доходное место» А. Островского (Ленинградский театр им. Пушкина, режиссер Р. Суслович), «Лес» А. Островского (ЦТСА, режиссер В. Мотыль), «Молва» А. Салынского (Московский театр им. В. Маяковского, режиссер А. Гончаров) и др.

Однажды знакомый кинорежиссер попросил Шварца сочинить музыку к своему фильму. Так в 1958 году композитор дебютировал в картине «Наш корреспондент». Затем был фильм «Неоплаченный долг», поставленный другом Исаака, В. Шредером. Слова к песне о проходных ленинградских дворах написал автор знаменитой «Гренады» М. Светлов.

Как-то Шварц понадобился на «Ленфильме» для срочной работы, но отыскать его нигде не могли. Оказалось, он загулял с одной дамой. Когда наконец-то композитор объявился на студии, Светлов сказал с легкой завистью: «Да, были когда-то и мы Исааками».

Работа в кино на долгие годы стала главной в творчестве И. И. Шварца. Он успешно сотрудничал с такими крупнейшими режиссерами страны, как М. Ромм, И. Пырьев, В. Мотыль, И. Хейфиц, С. Микаэлян, В. Венгеров, М. Швейцер, Ю. Карасик, С. Соловьев, Н. Губенко, Г. Аронов, А. Бобровский, А. Герман, П. Тодоровский, С. Бодров, П. Лунгин, В. Бортко, Е. Татарский, Р.

Нахапетов и др.

Когда в Москву приехал знаменитый японский режиссер Акира Куросава, чтобы выбрать композитора для экранизации романа «Дерсу Узала», он не стал знакомиться с творчеством авторов, а начал просматривать отдельные эпизоды из разных картин. Несколько дней выдающийся режиссер провел в просмотровом зале «Мосфильма», но лишь «услышав» кинокадры «Станционного смотрителя» режиссера В. Соловьева, остановил свой выбор на И. Шварце. По словам В. Мотыля, «…Этот композитор обладает замечательным умением не иллюстрировать события на экране, а лирически осмысливать их в музыке», что очень высоко ценят кинорежиссеры.

Многие мелодии, песни и романсы Исаака Иосифовича из кинофильмов сошли с экрана и получили самостоятельную жизнь в музыкальном быту и на эстраде, принесли автору всенародное признание. Например, вальс и “Песенка кавалергарда” из кинофильма В. Мотыля “Звезда пленительного счастья” “Не обещайте деве юной любови вечной на Земле”». Именитый маэстро рассказывал: «Когда Булат Окуджава дал мне свои стихи, я как раз очень остро переживал личную драму – уходил от одной женщины к другой. Все мои терзания, мечты, надежды воплотились в музыке к этому удивительному фильму».

Окуджава любил повторять: «У Шварца есть какие-то струны в душе, которые совпадают с моими струнами…» На стихи этого поэта Исаак Иосифович написал более 30 песен – «Капли датского короля» к фильму «Женя, Женечка и “катюша”», который снимался по мотивам повести Окуджавы «Будь здоров, школяр», романс «Любовь и разлука» из фильма «Нас венчали не в церкви», романс Книгиной из фильма «Невероятное пари», песни из картины «Соломенная шляпка» и т. д.

С другим выдающимся поэтом, В. Высоцким, Шварца познакомили в ленфильмовском кафе. Владимир Семенович записал три баллады на музыку знаменитого композитора. А потом они вместе написали песню для картины «Черный принц». Однако сам Исаак Иосифович наибольшей совместной удачей считал танго «Оплавляются свечи», которое почему-то не нашло широкого признания.

Он никогда не писал «просто песен» – все они, без исключения, были рождены драматургией фильмов, образами их героев. Однако в этих жестких рамках Шварц пластичен, разнообразен, обладает особым даром создания ярких, сугубо индивидуальных мелодий. Он автор добрых и искренних мелодий к кинофильму «Дикая собака Динго», щемящего лейтмотива «Ста дней после детства», прозрачно-очаровательной музыки

«Мелодий белой ночи», возвышенных музыкальных эпизодов во множестве других кинолент.

В жизни знаменитый композитор добрый, отзывчивый, мягкий человек, но в работе… «Думаю, музыкантам, репетирующим с ним, приходится несладко, – рассказывал Б. Окуджава. – Когда дело касается музыки, он суров, непримирим, перестает замечать время, держится за сердце, пока мелодия не зазвучит так, как звучит в его голове».

С Исааком Шварцем в кино работали замечательные дирижеры – Ю. Темирканов, Э. Хачатурян, А. Лазарев, В. Понькин, Е. Колобов, В. Джордания, М. Эрмлер и др.

В 2000 году Исааку Иосифовичу была присуждена Царскосельская художественная премия «За уникальное собрание романсов на стихи русских поэтов XIX–XX ст.». «А первую международную награду “Золотой лев” я получил в Венеции, – рассказывал Шварц. – Это была статуэтка из чистого золота, но в те времена государство отбирало все награды. И “Золотой лев” остался на студии «Ленфильм».

В том же 2000 году композитор сочинил Концерт для оркестра «Желтые звезды» (или «Пуримшпиль в гетто»). Идея создания этого сочинения возникла у него под впечатлением документальных записок одной из узниц каунасского гетто, особенно потрясших композитора описанием празднования Пурима – веселого еврейского праздника, ставшего в нечеловеческих условиях лагеря смерти праздником «с петлей на шее». После премьеры, состоявшейся 10 мая 2000 года в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии имени Д. Шостаковича (дирижер – В. Альтшулер), концерт исполнялся в Москве, Киеве и других городах – каждый раз с неизменным успехом.

Сегодня убеленный сединами маэстро продолжает работать для кино, благо предложений хоть отбавляй. Заполучить Шварца в съемочную группу считается у режиссеров большой удачей.

Исаак Иосифович давно уже поселился в деревне Лязево под Петербургом. У него очень простой дом, не похожий на виллы, которые себе отстраивают некоторые знаменитости, по саду бегает лохматый эрдельтерьер. Именитый композитор живет больше 20 лет со своей второй, молодой и очень заботливой супругой Антониной Владимировной, инженером-экономистом по образованию. Она ведет в доме хозяйство, ездит за покупками, отвечает на звонки и письма и очень вкусно готовит.

Исаака Иосифовича любят соседи, иногда обращаются к нему за помощью. Журналистов он не подпускает к себе на пушечный выстрел и отстреливается односложно: «Некогда – работаю». Зато когда именитого композитора приглашают на праздник в

соседний детдом, никогда не отказывается.

ШЁНБЕРГ АРНОЛЬД

(род. в 1874 г. – ум. в 1951 г.)

Австрийский композитор, блестящий теоретик музыки, дирижер и педагог. Представитель музыкального экспрессионизма, глава новой венской школы. Основоположник додекафонии. Автор опер, кантат, ораторий, вокальных и инструментальных произведений и музыкально-теоретических трудов и почти всех либретто своих опер и кантат. Художник-портретист, автор полсотни полотен, из которых чуть ли не половина – автопортреты.

«Вряд ли существует композитор, чьи произведения исполнялись бы так редко и так мало были бы известны, как произведения Арнольда Шёнберга. Точно так же нет другого такого композитора, который оказал бы на поколение своих современников столь непреодолимые влияния, после того, как уже все сказано». Этим словам можно доверять, так как они

принадлежат композитору и эксперту в области современного музыкального искусства Эрнсту Кшенеку. Шёнберг – один из величайших художников XX столетия, гениальный новатор, радикально обновивший, наряду с Бартоком и Стравинским, музыкальный язык, музыкальные формы и жанры, технику вокального и оркестрового письма и оказал влияние на всех почти без изъятия композиторов минувшего века. Это могучая творческая личность со своим особым мировидением, родственным прозе Франца Кафки, поэзии Франца Верфеля, живописи Отто Дикса, скульптуре Эрнста Барлаха, словом, всему экспрессионистскому искусству. Он стал одним из столпов экспрессионизма. Страх, боль, отчаяние, ужас беззащитности и одиночества человека в мире – вот что с потрясающей силой сумел выразить великий австриец. А его открытия в технике композиции восприняли даже те музыканты, которым шёнберговская мистическая экзальтация осталась совершенно чуждой. Эти открытия – не только додекафония. Это и темброво окрашенная мелодия, и «говорящее пение», и необычные инструментальные составы, наконец, тот самый «способ сочинения музыки с помощью двенадцати соотнесенных лишь между собою тонов», как Шёнберг назвал свою систему в брошюре 1922 года, или додекафония, то есть двенадцатизвучие. Более 40 лет шел он к прорыву в музыке, и путь этот был трудным.

Один из своеобразнейших композиторов первой половины XX века родился 13 сентября 1874 года в Вене в небогатой семье лавочника. Его отец умер, когда Арнольду было восемь лет, и материальное положение семьи стало очень тяжелым. Мальчик сам выучился играть на скрипке и виолончели, начал сочинять музыкальные пьесы, не владея поначалу основами композиции. С 15 лет Шёнберг зарабатывал на жизнь игрой, нанимаясь то в любительские квартеты в богатых домах, то в театральные оркестрики. Гимназию он посещал до шестого класса, после чего был вынужден занять должность мелкого служащего в банке. И только в 16 лет Арнольд начал систематически заниматься музыкой, да и то недолго. Но это был важный момент в его жизни: он познакомился с композитором и дирижером А. Цемлинским (1895), который увидел в юноше бесспорный талант и вызвался бесплатно обучать контрапункту. Эти занятия, продолжавшиеся несколько месяцев, были единственными в жизни Шёнберга. В остальном он был полным самоучкой. Знакомство с А. Цемлинским привело и к нескольким изменениям в личной жизни Арнольда: в 1898 году, отвергнув веру предков, он перешел в протестантство, а в 1901-м женился на сестре своего учителя Матильде фон Цемлинской. Правда, он

считал, что с женщинами ему не везло, и жены ему доставались некрасивые. Но надо сказать, что, по воспоминаниям современников, с Шёнбергом было трудно найти общий язык. Например, он ухитрился перессорить большой отряд англоязычных издателей и критиков только из-за того, какую букву ставить в его фамилии после заглавной: «о» или «е». Обычно пишут Schoenberg, так как в английской транскрипции нет австрийской «е». А выяснения отношений с Томасом Манном из-за его романа «Доктор Фаустус»? Но это отдельная история.

С 20 лет Арнольд, не имея специального образования, уже дирижировал оркестрами и занимался оркестровкой чужих произведений. По его подсчетам он наоркестровал свыше шести тысяч партитурных страниц, в том числе, как предполагается, и знаменитую «Веселую вдову» Ф. Легара и много других популярных оперетт. Оркестр Шёнберга был превосходен, но, как отмечали многие специалисты, дирижерского дара у него не было, хотя он отважно становился за пульт. Да и первые попытки сочинительства Арнольда ничем не отличались от других. На молодого композитора тогда имели влияние Р. Вагнер, Г. Малер, А. Брукнер, Р. Штраус – патриархи позднеромантической музыки. И эти влияния обнаруживались буквально в каждом музыкальном высказывании композитора. Хотя уже первые опусы в нагромождении всевозможных влияний демонстрировали начало его стилевого становления.

К ранним сочинениям Шёнберга относятся струнный секстет «Просветленная ночь» (1899) и симфоническая поэма «Пеллеас и Мелизанда» (1903), созданные в эстетике постромантизма. «Просветленная ночь» была наполнена незамутненной ясностью, но в глубине проступали другие интонации, о которых в середине 1940-х годов Алексей Ремизов записал в дневник: «Новое сочетание звуков и новое звучание… Такое чувство: взрыв и новое небо». А первое крупное сочинение – «Песни Гурре» – Шёнберг начал писать в 1900 году. В это время он руководил тремя рабочими хорами в пригородах Вены, но это не спасало его от нужды. Именно поэтому он был вынужден заняться оркестровкой чужих оперетт, прервав работу над собственным сочинением на десять лет.

Но даже если бы Шёнберг не написал ни одного своего произведения, то память о нем все равно не прервалась бы с его смертью уже потому, что он обнаружил в себе дар великолепного педагога. Зарабатывать творчеством он не мог. Единственным отдохновением была его педагогическая работа и его ученики. За годы своей педагогической деятельности в Вене и Берлине (а впоследствии в США) он воспитал несколько поколений

авангардных, абстрактных и экзистенциональных композиторов, среди которых А. фон Веберн, А. Берг, Э. Кшенек, Э. Веллее, Г. Эйслер и др. Его первые ученики по композиции – Антон Веберн и Альбан Берг прославились не меньше учителя. Шёнберг был удивительным педагогом, что способствовало широкому распространению его идей и созданию целой композиторской школы, так называемой «новой венской школы». И преподавал он вовсе не законы новой музыки, а традиционную классическую гармонию и композицию. Шёнберг учил своих учеников на выдающихся примерах музыки Баха, Бетховена, Малера. Несомненно, что именно неординарность натуры композитора – целеустремленного, умевшего идти до конца, если дело касалось его убеждений, дерзко заглядывавшего в будущее, искавшего совершенства – увлекала за собой многочисленных учеников и последователей. «Поистине, у Шёнберга узнаешь больше, чем правила искусства. Тому, чье сердце открыто, здесь указывают пути добра», – писал А. Веберн. И хотя университетов Шёнберг не оканчивал, но звание профессора ему присвоили за капитальный труд «Учение о гармонии» (1911), опубликованный за десять лет до того, как композитор пришел к мысли о серийной (додекафонной) технике. Этот грандиозный труд в истории теоретической мысли о музыке произвел тем более сильное впечатление, что автор излагал традиционное учение о гармонии с точки зрения не школьного педагога, а действующего современного композитора.

Если Шёнберг-педагог получил признание сразу – он преподавал композицию в Берлине в консерватории Штерна (1901–1903) и в Венской музыкальной академии (1903–1925), то как композитор он подвергался постоянным нападкам. «В Берлине осмеивали новое после нескольких исполнений, а в Вене – сразу после первого. В случае надобности – и там, и там – даже без исполнения…Публика в обоих городах понимала, что всегда успеет почтить великого и после его смерти…что посмертно это можно сделать более пышно и эффектно, а главное, с большей выгодой», – писал уже признанный Шёнберг 18 июня 1930 года в редакцию венской газеты «Дойче альгемайне цайтунг». Музыку композитора публика не понимала и не принимала. Так весной 1907 года с премьеры Камерной симфонии (ор. 9), увенчавшейся шумным скандалом с драками (в рукопашной принял участие сам Густав Малер, вынужденный вступиться за честь автора, а заодно и свою собственную), начинается длительная вражда венцев с Шёнбергом. Увы, подобные обструкции повторялись неоднократно, оставив неизгладимый след в душе композитора. «Я не утверждаю, что это была зависть, – чему же было

завидовать? Я не думаю, чтоб в этом проявлялось отсутствие доброй воли – или хуже – присутствие злой воли. И я допускаю – это были совсем не плохие люди, хотя я, конечно, никогда не понимал, что я им сделал, чтобы вызвать такую злость, такую агрессивность, такое бешенство. Ведь я никогда ничего у них не отнимал; я никогда не вмешивался в их прерогативы, не вторгался в их владения. Я даже не знаю, где эти владения расположены, где их границы и кто им предоставил на них права… Я знаю только одно – я всегда оставался в убытке», – печально констатировал в одном из писем уже престарелый композитор.

Совершенно очевидно, что глубокая обида композитора на недостаток понимания со стороны современников, привела его к столь упорным стремлениям к посмертной славе: «У меня нет более заветного желания (если вообще есть какое-либо), чем чтоб меня рассматривали как лучшую разновидность Чайковского, – ради бога, чуть лучшую, – и это всё. И еще, самое большое – чтобы мои мелодии знали и насвистывали». И этот час славы пришел: 16 октября 1912 года после многочисленных репетиций мир услышал «любимое дитя» Арнольда Шёнберга – мелодраматический цикл «Лунный Пьеро» на стихи бельгийского поэта Альберта Гирода, где впервые применил атональное письмо, речевую мелодекламацию. Все было более чем необычно. Музыкантов на сцене не было – они были скрыты огромным экраном; над почтенной публикой возвышалась Альбертина Цеме, которой принадлежала идея и которой композитор написал посвящение. В аляповатом костюме Пьеро, истерично пронзительным голосом под аккомпанемент царапающих нервы скрипок Альбертина декламировала:

Ты, ночная смертельно больная луна
На черном небесном диване,
Твой лихорадочный блеск
Притягивает меня, словно странная мелодия.

Психоделический эффект усиливался тем, что декламирующая то вкрадчиво выла, то совсем неожиданно начинала читать скороговоркой, интонационно выделяя особенно остро звучащие немецкие согласные и тоскливо растягивая гласные буквы. Холодные пики «Лунного Пьеро» скальпелем врывались в сознание слушателей, терзая уже до предела оголенные нервы. Музыкальное сопровождение шло рядом с обезумевшим голосом, ни в коем случае не перекрывая его,

доводя тем самым слушателя до полного исступления. Такую музыку надо уметь слушать и слышать. Возможно, поэтому другой реформатор музыки И. Стравинский назвал цикл «Лунный Пьеро» «солнечным сплетением музыки XX века». Это и правда была одна из самых интересных техник вокальной музыки.

Через год впервые были исполнены «Песни Гурре», законченные в 1911 году. Стоит ли доказывать, что их исполнение – задача не из легких: исключительные требования, которые предъявляет к музыкантам почти любая шёнберговская партитура, в них многократно умножаются здесь в силу исполинского состава участников. Это поистине грандиозный опус для солистов, хора и оркестра продолжительностью более двух часов, с которым найдется немного аналогов. С ним может сравниться разве что Восьмая симфония Густава Малера – «симфония тысяч». «Песни Гурре» относятся к числу наиболее масштабных – и потому трудноосуществимых шёнберговских замыслов. История их создания началась со скромного вокального цикла с фортепианным сопровождением, написанного молодым композитором на слова датского поэта Йенса Петера Якобсена еще в 1899 году. Возможно, оратория разделила бы судьбу других незаконченных и оставленных произведений, если бы в 1911 году друзья и коллеги, восхищенные красотой музыки, не настояли на ее завершении. Первое исполнение под руководством известного композитора и дирижера Франца Шрекера потребовало истинного подвижничества от всех его участников. Исключительно большой состав – помимо пяти солистов и чтеца четыре хора и оркестр вместе насчитывали более семисот пятидесяти человек – вынудил к созданию специального фонда, гарантировавшего финансовую сторону предприятия.

Венская премьера вылилась в небывалый триумф, заставивший умолкнуть даже самых злобных хулителей Шёнберга. Но композитор не мог скрыть своей горечи: ведь, наконец, ему рукоплескала та самая венская публика, что свистела и шикала на других его концертах, встречая в штыки почти каждое новое сочинение. Была и еще одна причина: «Песни Гурре», плоть от плоти эпохи конца столетия, проникнутые неиссякаемым буйством жизненных сил, соединившие дух вангнеровского величия с непоколебимым оптимизмом бетховенского «Обнимитесь, миллионы». Венский архитектор и горячий сторонник Шёнберга А. Лоос произнес тогда знаменитые слова: «Крокодилы видят человеческий эмбрион и говорят: это крокодил. Люди видят тот же самый эмбрион и говорят: это человек. О “Песнях Гурре” крокодилы говорят: это Рихард Вагнер.

Но люди после первых же трех тактов чувствуют неслыханно новое и говорят: это Арнольд Шёнберг».

И теперь наступил черед музыкального прорыва. Идею додекафонии Шёнберг вынашивал все четыре года Первой мировой войны, находясь на военной службе в австрийской армии. Призванный в армию, он по состоянию здоровья был направлен простым солдатом в тыловые войска. Когда кто-то его спросил, он ли тот самый композитор Арнольд Шёнберг, тот со свойственным ему юмором ответил: «Кто-то должен был им быть; желающих не нашлось – пришлось взять это на себя». Быть самим собой, оставаться верным своему призванию, не сдаваться ни при каких жизненных обстоятельствах – таким он был в своих книгах и партитурах, за дирижерским пультом, за письменным столом и во время занятий с учениками. Хотя сам он постоянно называет себя человеком непопулярным, а свое искусство трудным для понимания, не имеющим шанса быть принятым и понятым современниками, суждения его всегда бескомпромиссны, мнения и моральные оценки отличаются строгостью и твердостью. Честь и достоинство – главные для него ценности, которые помогали стойко вести борьбу за собственные музыкальные идеи. Свою полную превратностей жизнь он сравнивает с кипящим океаном, в который был брошен, не умея плавать. Но барахтался и плыл он всегда против течения, вело ли это к спасению или нет. Вот и в годы войны, когда он был уже далеко не юноша (в 1914-м ему исполнилось 40, и уже 6 лет он профессорствовал в Берлинской высшей музыкальной школе), получив повестку из Вены, Шёнберг безропотно отправился в Австрию и надел солдатскую шинель. Исполнил свой долг. «Яне пацифист. Выступать против войны – столь же безнадежно, как и выступать против смерти. И то и другое неизбежно, зависит от нас лишь в самой малой степени и относится к тем методам обновления рода человеческого, которые изобретены не нами, а силами более высокими…» – писал композитор Василию Кандинскому в 1923 году. Но он был борцом и в данном случае боролся за друга-художника, который в ту пору чуть не встал под нацистские знамена.

Так в чем же заключается смысл новой музыкальной системы Шёнберга? Он создал 12-ступенчатую систему композиции, названную им «додекафонной», или «серийной техникой». То есть музыка сочинялась с помощью всех известных двенадцати тонов, которые были равноправны относительно друг друга. И когда новое художественное открытие потрясло весь музыкальный мир, Шёнберга стали обвинять в холодном бесчеловечном расчете и в том, что он своей музыкой оскверняет и отрицает наследие прошлого. Хотя на самом деле он основал свою теорию на

музыкальных законах мастеров Готики и Ренессанса, на полифонии Генделя и Баха, считая свою музыку истинно немецкой. Новая музыкальная система Шёнберга – это поэзия его сокровенных мыслей, смысл его жизни. Музыку Шёнберга отличает обостренная выразительность, экспрессивность. Она насыщена диссонансами, привычная для прошлых веков мелодичность отсутствует. Первое полностью додекафонное сочинение композитора – Сюита для фортепиано (1921–1923). Наиболее значительное из произведений этого рода – Вариации для оркестра (1926–1928).

Вскоре додекафония превратилась в целую систему мышления, обогатилась и эволюционировала, стала предтечей новой авангардной музыки. Сегодня, пожалуй, нет композитора, который бы не обращался к серийной технике, пусть даже в учебных целях. Многие крупнейшие композиторы XX века – Б. Барток, И. Стравинский, С. Прокофьев, Д. Шостакович, П. Хиндемит – испытали воздействие музыки Шёнберга и его учения. Композитор, сам того не ведая, сыграл историческую роль и оказал непреодолимое влияние на современников и последователей, хоть и ставил иную задачу– быть честным перед самим собой.

В 1925 году Шёнберг был приглашен на должность профессора композиции в Прусской академии искусств в Берлине и работал там до 1933-го. Это стало своеобразным общественным признанием его таланта композитора и педагога, но ненадолго. В 1933 году с приходом к власти нацистов оттуда его уволили. «Меня принудили понять и запомнить навеки, что я не немец, не европеец, а я – еврей, – с болью писал бывший профессор. – Каждый еврей выдает своим горбатым носом не только собственную вину, но и вину всех горбоносых, где бы они ни находились». Останься Шёнберг в Германии – крематория ему не избежать. Нацисты объявили его искусство «вырожденческим» и запретили. Поэтому он эмигрировал во Францию, где прошел обряд возвращения в иудаизм. Как и многие представители его народа, он лелеял мечту о независимом еврейском государстве, научился испытывать гордость от сознания своей причастности к народу Моисея и Ветхого Завета, признаваясь и в том, как нелегко было быть евреем в охваченной фашистской чумой Европе. Вскоре композитор переехал в США, преподавал в частной консерватории в Бостоне, читал лекции в Чикаго и в других городах. С 1934-го был профессором Калифорнийского университета. В 1940 году он принял американское гражданство.

Произведением огромной силы воздействия стала кантата Шёнберга «Уцелевший из Варшавы» для чтеца, хора и оркестра

(1947). В ткань произведения вплетены слова молитвы «Шма, Исраэль». Текст кантаты, воспроизводящий рассказ одного из спасшихся узников варшавского гетто, был написан самим композитором. Шёнберг часто обращался к еврейской тематике. Так, на протяжении многих лет (1926–1951) Шёнберг писал драму «Библейский путь» – о возвращении евреев на историческую родину. К произведениям такого рода относятся «Симфония псалмов» (1912–1914, не закончена), оратория «Лестница Иакова» (1917–1922, не закончена), опера «Моисей и Аарон» (не завершена). Либретто к опере писал сам композитор, даже хореографию в сцене «Танец вокруг золотого тельца» придумал сам. Шёнберг писал: «Современный человек, пройдя через материализм, социализм и анархию…несмотря на свой атеизм, все же сохраняет в себе кое-какие крохи старой веры. Он борется с Богом… и, наконец, обретает Бога, и становится религиозным. Учиться молиться!..», и свой призыв «Учиться молиться!» он воплотил в «Кол Нидрей» для чтеца, хора и оркестра (1938). Шёнберг приветствовал рождение государства Израиль и содействовал созданию в Иерусалиме учебного центра, с которым, по его замыслам, должны были сотрудничать крупнейшие музыкальные деятели-евреи. Незадолго до смерти композитора Израильская академия музыки избрала его своим почетным президентом.

Многогранность таланта Шёнберга заставляет замирать в восхищении перед этим человеком. Помимо музыки он занимался живописью. Биографы утверждают, что толчок этому дал В. Кандинский. Гении музыки и живописи познакомились в Мюнхене в 1911 году и подружились, а писать маслом Арнольд начал еще в 1908 году. Так, в одном из писем к венскому издателю в 1910 году, написанном в надежде получить с его помощью заказы на картины, находим показательный фрагмент: «…гораздо интересней иметь портрет или картину работы музыканта моего ранга, чем быть написанным обычным художником-ремесленником, чье имя через 20 лет будет прочно забыто, в то время как мое имя принадлежит истории музыки…» Живописные творения Шёнберга настолько интересны и профессиональны, что друг даже зазвал его в объединение «Синий всадник», написал о них специальную статью (для сборника статей, посвященного творчеству Шёнберга, вышедшего из печати в Мюнхене в 1912 г.) и выставил несколько его эскизов на первой выставке, организованной редакцией «Синего всадника». В его живописных работах (их сохранилось больше двухсот) видное место принадлежит жанру меланхолического автопортрета в темных тонах. В этой серии, написанной в разное

время, он стремился передать не внешние черты своего образа, а внутренние состояния обостренно чувствующей души творца, который ищет формы выражения для невыразимого.

Помимо этого Шёнберг обладал немалым литературным даром, особо проявившимся в эпистолярном жанре. В его письмах поражает точность характеристик, выразительность слога, меткость и яркость определений. К тому же композитор является автором почти всех либретто своих опер и кантат. Все, что мэтр создавал в звуках, красках, словесных образах, он воспринимал как свое послание к человечеству. К счастью, некоторые представления о подоплеке своих изысканий он оставил в ряде литературно-эстетических очерков и статей, вошедших в его знаменитый сборник «Стиль и идея». Яркие высказывания и афоризмы говорят о том, что композитор долгое время искал свой особый музыкальный язык. Они говорят сами за себя:

– «Композитор – подлинный творец – сочиняет только тогда, когда имеет сказать нечто такое, что еще не было сказано и что, он чувствует, должно быть сказано».

– «Если это искусство, значит, это не для всех; а если это для всех, значит, это не искусство».

– «Моя музыка не является современной, просто ее плохо играют».

– «Искусство должно быть холодным».

– «Чтобы исполнить ваш виолончельный концерт, нужен шестипалый солист.

– Что ж, я могу подождать».

– «…мое достижение не много будет значить для наших современных музыкантов, так как они об этих проблемах не знают, а когда им объясняешь – им не интересно. Для меня же это кое-что значит».

Острое ощущение своей непосредственной причастности к поступательному движению музыкальной истории было свойственно Арнольду Шёнбергу, пожалуй, как никому из великих композиторов XX столетия. Забота о суде потомков не осталась преходящим эпизодом биографии австрийского мастера, не растаяла вместе с романтическим максимализмом юности. Напротив, с течением времени композитор все сильнее укреплялся в сознании уникальности исторической миссии собственного творчества. Так, невзирая на почтенный (74 года) возраст, Шёнберг с завидной энергией вступает в резкую письменную полемику с автором «Доктора Фаустуса», пытаясь доказать, как повредил он своим Адрианом Леверионом, как создателем новой музыкальной системы, напоминающей шёнберговскую, посмертной славе Шёнберга. Счастливый конец

эта шумная история, получившая огласку на страницах американской прессы и длившаяся полтора года, обрела исключительно благодаря выдержке и такту Т. Манна, всегда с огромным уважением относившегося к таланту Шёнберга. После довольно напряженной переписки писатель поместил в конце романа резюме, в котором говорится, что прототипом музыкальной системы Левериона – вымышленного героя – является додекафонная система Арнольда Шёнберга.

Шёнберг – не просто романтик, он – гиперромантик, экспрессионист. Страстность, с которой он следует по своему нелёгкому пути, демонстративна, эмоциональный накал порой достигает критической отметки, действительные события болезненно деформируются, принимая причудливые, подчас абсурдные очертания.

В последний, «американский» период жизни Шёнберга учеба у знаменитого европейского маэстро становится для молодых американцев вопросом престижа. Что же касается наиболее близких друзей и учеников, то для них, как сказал однажды А. Берг, Шёнберг был настоящим «пророком» и «мессией». Думается, не последнюю роль в подобной оценке личности главы нововенской школы сыграл его выдающийся педагогический талант и – самое главное – огромное желание учить.

В конце жизни Шёнберг хотел вернуться в свою «ненавистную любимую Вену», как когда-то назвал ее в письме к Густаву Малеру. Но осуществить этот шаг не позволило состояние здоровья. В возрасте 70 лет, после восьмилетнего периода работы профессором композиции Калифорнийского университета, Шёнберг был отправлен на пенсию с мизерным содержанием. Не было и речи о том, чтобы на эти деньги содержать семью с тремя несовершеннолетними детьми. Его обращения к официальным лицам и в благотворительные фонды о материальной поддержке, которая позволила бы полностью посвятить себя творчеству, не дали результата. Чтобы выжить, Шёнбергу пришлось и в эти поздние годы зарабатывать частными уроками, писать статьи и теоретические труды, искать любые формы заработка, даже будучи серьезно больным. Умер Шёнберг в Брентвуде (штат Калифорния) 13 июля 1951 года. Это была пятница. День и число, которых так боялся композитор. Весь день он провел под одеялом, трясясь от страха. За четверть часа до полуночи его жена заглянула в комнату сказать, что бояться осталось 15 минут. В тот момент Шёнберг с трудом поднял руку, выдавил из себя слово «гармония» и скончался.

Справедливости ради следует сказать, что город Моцарта, Бетховена, Шуберта все же успел загладить обиды и огорчения,

нанесенные еще одному своему гениальному уроженцу. В связи с 75-летием со дня рождения Шёнберга, в то время уже много лет жившего в США, ему было присвоено звание почетного гражданина Вены. А совсем недавно в Вену из Калифорнии был перенесен Центр Арнольда Шёнберга, который проводит большую работу по изучению и пропаганде его наследия.

ШИФРИН ЕФИМ (НАХИМ) ЗАЛМАНОВИЧ

(род. в 1956 г.)

Артист эстрады, исполнитель вокальных произведений в своих спектаклях и концертах, исполнитель ролей в кино, юмористическом киножурнале «Ералаш», видеоклипах, видеофильмах. Автор трех магнитоальбомов и книги «Театр имени меня» (1994 г., в соавт. с Г. В. Виреном).

Ефим Шифрин, по словам современников, является романтиком эстрады. Точнее, романтическим авантюристом с жесткой, железобетонной даже, подкладкой. И вот парадокс. Есть артисты, которые одарены богато, палитра выразительных средств у них широка, они музыкальны, пластичны. Но они не могут, не умеют отдать это публике! Как будто бы у них есть лишний стакан воды или кусок хлеба, но отдать их людям они не могут. А Ефим может. Математически, логически невозможно

объяснить этот феномен. Как невозможно объяснить в точных терминах, почему и за что я люблю именно эту женщину, а не другую. Мне кажется, что все это не зависит от человека, это нечто такое, что находится над ним, это нечто мистическое. Его, это качество, можно, конечно, развить в себе, но вот приобрести – невозможно…

Ефим (настоящее имя – Нахим) Шифрин родился 25 марта 1956 года в поселке Сусуман Магаданской области, где его семья отбывала ссылку. Когда Шифрина спрашивали о его родных, он говорил, что половину его семьи унесла война, а половина была репрессирована. Говоря так, он имел в виду своих родителей, которые были отправлены в ссылку в 1940 году и провели на Колыме около пятнадцати лет. В середине 1960-х годов мать и отец Шифрина переехали в Ригу, где жили их дальние родственники. После поселка Сусуман Рига, яркая, красивая, с чисто вымытыми улицами, показалась Ефиму совершенной заграницей. Приехав в город, семья Шифрина присмотрела дом на взморье. Это была настоящая загородная вилла – с маленьким садиком, огромной гостиной, библиотекой и спальней. Но, к сожалению, денег, заработанных на Колыме, хватило только на часть дома, в связи с этим родителям Ефима пришлось уехать еще на год на Север, чтобы заработать недостающую сумму. А Ефима с его братом оставили на попечение родственников. В Риге у Шифрина началась новая жизнь. Он пошел учиться в школу продленного дня. В основном в этой школе учились дети из неблагополучных семей или дети бывших ссыльных. Вскоре Ефим привык к тому, что его приятелей, одного за другим, то и дело забирали в колонию. Так как Шифрин был крайне коммуникабельным мальчиком, то, несмотря на то что он был младше своих одноклассников на несколько лет, так как поступил в школу с шестилетнего возраста, он сумел подружиться почти со всеми и всегда всех мирил. В этой школе Шифрин проучился восемь лет, а затем перешел в другую, более перспективную. Новая школа находилась возле знаменитого в то время Дома творчества писателей в Дубултах, в который приезжали поработать такие известные личности, как Александр Чаковский, Роберт Рождественский, Мариэтта Шагинян.

Еще в юности Ефим понял, что сцена – его призвание. Ведь еще в раннем детстве мальчика привлекало все, что имело отношение к миру театра и кино. Все его знакомые знали, что лучшим подарком для маленького Фимы является альбом, в который можно было бы вклеить изображения артистов. Со слов Шифрина: «Дебют мой состоялся в инсценировке рассказа Николая Носова “Фантазеры” ровно тридцать семь лет назад.

Представление прошло не на сцене, а почему-то в кругу старшеклассников, и я помню, что они очень смеялись, и с тех пор как-то особенно приветливо встречали меня в школьных коридорах. Широкая известность в узких кругах пришла ко мне, как видите, еще в детстве; тогда я узнал, что такое успешный дебют, хотя самое слово «дебют» выучил, конечно, гораздо позднее».

В девятом классе Шифрин со своим другом организовали театр «Не рыдай». Название для своего детища они позаимствовали у известного в двадцатых годах московского кабаре. Игра в театре так увлекла Ефима, что к окончанию школы его судьба была предопределена. Сдав выпускные экзамены, Шифрин отправился в Москву поступать в театральный. Уже на собеседовании он так рассмешил доцента Хижняка, что его допустили сразу к третьему туру. К сожалению, он не прошел третий тур – срезался на этюдах, и ему пришлось возвращаться в Ригу. На следующий год Ефим опять поехал в Москву и так же безрезультатно. Тогда он решил поступать в Латвийский государственный университет. И осенью уже начал учиться на филологическом факультете. Однако надежду поступить в театральный не потерял. И в следующем году он вновь поехал в Москву, правда, в Щукинское уже больше не подавал документы, побоялся, что опять не пройдет, а решил попробовать сдать экзамены в Эстрадно-цирковое училище. Здесь фортуна, наконец, повернулась к Ефиму лицом – он поступил. Так начался новый этап жизни Шифрина – учеба, общежитие и новые друзья, среди которых был и никому не известный в то время поэт Владимир Гнеушев. Поначалу учеба не доставляла Шифрину никакого удовольствия. Мастером на курсе был Феликс Григорьян – человек медлительный и очень методичный. Он занимался со студентами этюдами, в которых нужно было создать верное, но немое подобие жизни. И от этого молчания можно было сойти с ума. Но вскоре Григорьян ушел из училища, и ему на смену пришел Роман Виктюк – режиссер-вольнодумец. И началось великолепное шаманство. Под руководством Виктюка Шифрин смог обучиться настоящей актерской игре.

Годы обучения прошли незаметно. За это время Шифрин достаточно успешно сыграл в нескольких постановках Виктюка, таких как «До свидания, мальчики», «Над пропастью во ржи». Шифрину очень нравилось работать под руководством Виктюка, однако вскоре в жизни Романа произошли серьезные перемены, и он вынужден был оставить преподавательскую работу. Правда, свой курс до экзаменов он довел.

После ухода Виктюка его выпускники остались

дипломированными безработными. Многие из них так и не смогли никуда устроиться. Но Ефим со своей однокурсницей Еленой упросили директора Мосгосконцерта принять их в творческую мастерскую сатиры и юмора. Им повезло, что на экзаменационном показе талантливых ребят заметил Борис Сергеевич Брунов и составил им протекцию. Таким образом, со второго сентября 1978 года Шифрин стал штатным артистом Мосгосконцерта. Вначале они выступали в концертных залах и клубах, а затем начался «чес» по провинции. Иногда в день было по три-четыре концерта. Но это все же было лучше, чем сидеть вообще без работы. Вскоре Ефим привык, что им и Еленой, в основном, заполняют перерыв между выступлениями более удачливых и известных коллег. Однако он не терял надежды прорваться. Хотя, по его же словам, это было очень тяжелое время. Во-первых, десять лет работы в нелепом странном учреждении, где существовала строгая иерархия, но в то же время можно было получать зарплату, имея в репертуаре всего один номер. В это же время, в 1985 году, Шифрин закончил ГИТИС по специальности «Режиссура эстрады». И женился в возрасте 26 лет. Правда, семейная жизнь у него была крайне недолгая и не очень удачная. Впоследствии Ефим говорил, что ему пришлось достаточно настрадаться и напереживаться, пытаясь перевоспитать и перевлюбить в себя дорогого для него человека. К сожалению, такие попытки всегда обречены на неудачу, и Шифрин вскоре это осознал.

Однако Ефим не из тех людей, которые опускают руки, сталкиваясь с трудностями. Чтобы хоть как-нибудь разбавить душевный дискомфорт, он с головой уходит в работу и учебу в ГИТИСе. Такое трудолюбие приносит свои плоды. К третьему курсу Шифрин становится более или менее известным актером. В 1986 году в телепередаче «В нашем доме» он прочитал «Магдалину» (про экскурсовода), и этот эфир все решил – «проснулся знаменитым». Однако слава не вскружила голову Шифрину, и он продолжает работать над собой. Вскоре на смену отдельным номерам пришли спектакли «Я хотел бы сказать», «Три вопроса», «Круглая луна» (с Кларой Новиковой), «Фотография на память», «Я играю Шостаковича» и другие. С 1996 года Шифрин выступает как драматический актер в спектаклях, поставленных Романом Виктюком, – «Я тебя больше не знаю, милый!», «Любовь с придурком», «Путаны». В 1998 году Шифрин снялся в мюзикле Евгения Гинзбурга «Ангел с окурком». В этом же году Ефим, наконец, уходит из опостылевшего Мосгосконцерта в театр эстрады, которым руководил Борис Сергеевич Брунов. В театре эстрады Шифрин застал еще всех «стариков» – Мирова,

Новицкого, Шурова и Рыкунина. Работа в одной труппе с этими людьми дала Ефиму новый толчок к развитию. Вскоре он создает «Шифрин-театр», в репертуаре которого спектакли «Фотография на память», «Одинокий волк», «Жду звонка из Голливуда», «Новый русский пасьянс». Спектакли проходят успешно, и, казалось бы, именно сейчас Шифрин достиг всего, чего только можно желать, – успеха, славы, признания, и поэтому и должен находиться на вершине счастья. Но на самом деле творческая судьба Шифрина сложна, противоречива и даже трагична. Эстрада – развлекательный жанр, безусловно обреченный на сиюминутность. И актер, любой актер, крепко-накрепко связан с аудиторией, качество которой диктует ему требования к репертуару и манере исполнения. Ему трудно сеять «разумное, доброе, вечное», трудно поднимать аудиторию до более высокого уровня, гораздо чаще приходится идти к ней навстречу. А при нынешнем нарастающем бескультурье это значит опускаться все ниже и ниже… Ефим как человек очень чуткий, умный, обладающий развитым вкусом, отлично понимает суетность многого из того, что ему приходится делать на сцене. Конечно, он, как и всякий другой актер, эгоцентричен, любит успех, славу, и, естественно, отказаться от этого не может. Но неизбежная суетность жанра мучит и обременяет его. Он старается делать все возможное, чтобы в его выступлениях не было ничего коробящего слух и взгляд. Но едва он пробует идти выше, стать серьезней и глубже, тут же происходит отторжение массовой публики. А когда пытается догнать и вернуть ее, сразу возникает трагичное ощущение поражения…

Сделать номер, который был бы интересен людям разного культурного уровня, крайне сложно. Если за всю жизнь у артиста эстрады будет два-три таких номера, это уже прекрасно. Тут есть еще и опасность того, что рискуешь угодить меж двух стульев, не удовлетворив ни культурную, ни массовую аудиторию. Но это мучительное стремление и дает актеру возможность расти.

ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМ

Настоящее имя – Шолом (Соломон) Нохумович Рабинович (род. в 1859 г. – ум. в 1916 г.)

Знаменитый еврейский писатель, драматург, поэт, критик, публицист, издатель. Автор произведений на иврите, идиш и русском языке.

«Видимый миру смех часто льется сквозь невидимые миру слезы. Так говорил Гоголь. А я говорю: мир видит только смех, а слезы, которые столь часто льются, что, казалось, должны бы тронуть даже камень, мир не желает видеть.

На том свете нет юмора. Так говорит Марк Твен. А я говорю: юмор есть всюду: на земле – даже на кладбище, на том свете – даже в аду». Эти «мудрые речи» из «Афоризмов» Шолом-Алейхема – лучшая характеристика его творчества. Писателя называют величайшим юмористом, мастером печального юмора, гением комического и сатириком, потому что мог он «смехом сочувствовать и смехом разоблачать». Но по словам его брата Вевика (Вольфа) Рабиновича, Шолом «больше напоминал поэта»,

настолько нежны, трогательны и лиричны его произведения. Так и вошел он в мировую литературу – веселый новеллист, грустный мыслитель, задушевный лирик, гневный обличитель и великий трагик – разноплановый, как и жизнь.

Будущий великий еврейский писатель, кровно связанный со своим народом, родился в Украине в городе Переяславе (ныне Переяслав-Хмельницкий) 2 марта 1859 года. Детские годы он провел в еврейском местечке Воронкове, где его отец, Нохум Рабинович, слыл богачом, а мать торговала в лавке. В семье было 11 детей. Их учеба в хедере (начальная религиозная школа) сводилась к вколачиванию палками основ Библии и Талмуда. Жизнерадостный Шолом рос весельчаком и озорником. И друг детства, сирота Шмулик, был ему под стать: неутомимый выдумщик, голодный фантазер, сочиняющий сказки о несметных богатствах и точно знающий, где их найти. Позже этот мальчик станет прообразом многих детских персонажей писателя.

Беззаботная жизнь вскоре миновала. Отец практически разорился и вновь вернулся в Переяслав, где содержал заезжий двор. Шолому исполнилось тринадцать, когда эпидемия холеры унесла мать. Мачеха была ужасно сварливой, ее ругательства «вертелись, вились, лились, как масло». Мальчика, который во всем помогал отцу, спасала только природная веселость. И первым его произведением стал словарь проклятий, расточаемых мачехой. После этого не наказанный за это проказник, нещадно расходуя керосин, ночи напролет писал свое новое произведение «Дщерь Сионова», рабски подражая «Сионской любви» А. Мапу. С этим романом сына Рабинович отправился к уважаемому в городе нотариусу Арнольду, и тот порекомендовал «писанину» выбросить, а мальчика, чтобы был толк, отдать в Переяславское уездное русское училище (1873 г.).

Единственным затруднением в начале учебы было почти абсолютное незнание русского языка. А первой книгой, прочитанной на русском, был «Робинзон Крузо», и, недолго думая, Шолом сочинил «Еврейского Робинзона Крузо». «И все пришли в восторг». Теперь никто уже не сомневался, что из мальчика вырастет настоящий писатель. Но познакомившись с сокровищами русской и еврейской литературы и окончив в 1876 году с отличием училище, Рабинович с трудом мог найти себе занятие. Мечта поступить в учительский институт не осуществилась: царское правительство запретило прием евреев. Шолом был вынужден ради пропитания давать частные уроки, перебираясь от одного хозяина к другому, пока не познакомился с сыном богатого арендатора поместий Элимелеха Лоева, и тот уговорил отца взять его домашним учителем к сестре Ольге

(Голд). Имение в Софиевке показалось обретенной родиной. Здесь же Шолом нашел и счастье всей жизни. За три года дружба между ученицей и учителем переросла в любовь. Он читал Ольге все свои «душу раздирающие романы, кричащие драмы, запутанные трагедии и комедии», написанные (но не опубликованные) на древнееврейском. Но однажды утром Шолом обнаружил, что хозяева покинули дом, а ему дали полный расчет. Замужество любимой дочери со славным, образованным, но бедным человеком не входило в планы ее отца.

Для Шолома опять началось время скитаний и унижений, пока ему не удалось, превзойдя конкурентов, занять место казенного раввина в Лубнах (Полтавская обл.). Работа царского чиновника не радовала. Приходилось вести записи актов гражданского состояния, приводить к присяге в суде лиц иудейского вероисповедания. Его единственной отдушиной стало участие в общественных делах: в течение двух с половиной лет Шолом сумел завоевать симпатии бедняков и вызвать недовольство богачей. К этому времени относится и начало его систематической работы как публициста (статьи по вопросам воспитания) и писателя. Повести «Два камня», «Выборы», «Перехваченные письма», написанные Рабиновичем не на древнееврейском, а на живом народном языке идиш, который в ту пору презрительно именовали «жаргоном», нашли признание у читателей. У начинающего автора было несколько псевдонимов: Литвак, Барон, Пипернотер, Соломон Эсбихер; но он сохранил только один – Шолом-Алейхем – «Мир вам!». И действительно, как бы горестные факты его произведений ни волновали читательское сердце, но благодаря неподражаемому оптимистическому юмору на души опускался покой и «мир».

Признание Шолом-Алейхема на литературном поприще по времени совпало и с личным счастьем. После трех лет одиночества и отчаянных безответных писем (Лоев-старший перехватывал всю корреспонденцию) он встретился с Ольгой в Киеве, и, несмотря на родительское сопротивление, 12 мая 1883 года они поженились. «С женой он прожил тридцать лет, словно тридцать дней, – писал их зять М. Кауфман. – Их взаимная привязанность была неповторимой. Оба сохранили нежность чувств и остроту любви до последнего вздоха. Когда он отлучался из дома, он с дороги писал ей письма. Это были послания жениха к невесте. Она вела все его дела, оберегала от всех невзгод». В их счастливой «республике» родились два сына и три дочери. Первые два года, проведенные в Белой Церкви, семья испытывала значительные материальные трудности – работа писателя приносила мизерные доходы. Но в 1885 году Ольга Михайловна

после смерти отца получила большое наследство, и они переехали в Киев. Шолом-Алейхем считал, что провел здесь лучшие годы своей жизни. Город питал его воображение, и его часто называли киевским писателем, чем он безмерно гордился. Первый год, проведенный в Киеве, Шолом-Алейхем практически не писал: привыкший к нищете и внезапно разбогатевший, он попытался приумножить капитал, открыл контору по продаже сахара и пшеницы, но, запутавшись в биржевых делах, в течение пяти лет не только обанкротился, но и влез в долги, которые погасила теща.

Пока у него были деньги, он начал издавать сборник «Еврейская народная библиотека». Чтобы поддержать нуждающихся писателей, Шолом-Алейхем платил неслыханно высокие гонорары. В сборниках он помещал и собственные произведения – «Стампеню», «Иоселе-соловей» (1889 г.). А свое недолгое пребывание в мире дельцов писатель отобразил в комедии «Якнегоз» и «Менахем-Мендл» («Человек воздуха»).

Вначале 1890-х годов Шолом-Алейхем ненадолго уезжает за границу – во Францию и Австро-Венгрию, а вернувшись на родину в 1891 году, поселяется в Одессе. В одесский период жизни (1891–1892 гг.) он много писал и на русском языке («Стихотворения в прозе», «Роман моей бабки», «Типы малой биржи», «Сто тысяч»). И каждое новое произведение становилось классикой еврейской литературы «не только как великолепное художественное произведение, но и как исторический памятник жизни еврейского народа в царской России, со всем трагизмом этой жизни, трагизмом людей, которых отовсюду гонят и никуда не пускают, и со всем комизмом, вытекающим из такого горестного существования» (П. Маркиш). Его герои, жители местечка «Касриловка» (Воронков), Бердичевской улицы и Египца (Киев), Мазеповки (Белая Церковь) – жалкие неудачники, выброшенные за борт жизни, – олицетворяют все самое благородное, возвышенное и мечтательное в еврейском народе. Автор следует за ними, безземельными и гонимыми чертой оседлости, в своем знаменитом вагоне «третьего класса» («Железнодорожные рассказы»), вслушивается в беседы, видит их великую скорбь и тысячелетнюю мудрость. Он понимает, что единственным их утешением, смягчающим боль, является юмор: «Высечь утешение из самого горя… Высечь из него улыбку… Как из камня высекают искру…» Так родился юмор Шолом-Алейхема – «смех не сквозь слезы, а из слез». Но это не юмор приговоренного, это юмор надежды. Он чем-то сродни и украинскому характеру: когда наступает безысходность, нужно петь и танцевать.

У каждого народа свои беды. Но без вины виноватый еврейский народ кроме постоянного унижения претерпевал и ужас черносотенных погромов. В 1903 году они прокатились по Молдавии. Шолом-Алейхем вступил в переписку с Л. Толстым, А. Чеховым, М. Горьким, В. Короленко с просьбой помочь в подготовке к изданию сборника в помощь пострадавшим и перевел для него три сказки Л. Толстого. Книга вышла под названием «Хилф» («Помощь»). Но после погромов в Киеве в 1905 году писатель был вынужден уехать за границу. Началась скитальческая жизнь: Львов, Рига, Женева, Берлин, Лондон, Париж, позднее он даже, как героиня романа «Блуждающие звезды» (1909–1911 гг.), эмигрировал в Америку. Чтобы как-то поправить материальное положение, Шолом-Алейхем выступал с чтением своих произведений и везде находил сердечный отклик.

В 1907 году писатель вернулся в Россию, где также много разъезжал, выступая перед читателями и всегда встречая горячий прием. По-видимому, кочевой образ жизни и привел к резкой вспышке туберкулеза (1908 г.). В течение шести лет Шолом-Алейхем жил и лечился в Швейцарии и Италии. Почитатели его таланта, зная о бедственном положении «почти единственного писателя, который нравится всем», собирали для него средства. Но главное – свою любовь они выразили выкупом у частных издателей всех его произведений (1909 г.), которые Шолом-Алейхем был вынужден продать буквально за гроши, чтобы прокормить семью. «Это не подаяние. Напротив, в течение многих лет Шолом-Алейхем дарил нам свои шутки, мысли, свое сердце и свою кровь. Мы обязаны вернуть ему долг, наш старый неоплаченный долг» (Из обращения «К почитателям Шолом-Алейхема»).

Герои его произведений стали для евреев, да и для людей всех национальностей, воплощением души его народа, его улыбок и слез, горестей и радостей. Он жил их жизнью, сроднился с судьбой каждого персонажа. Может быть, поэтому Шолом-Алейхем подолгу не мог расстаться с ними. Темы и образы роились в его воображении, и он писал на протяжении десятков лет одновременно несколько вещей. Так, работа над «Менахем-Мендлом» и «Тевье-молочником» в течение 20 лет велась параллельно с «Железнодорожными рассказами», «Касриловкой» и «Мальчиком Мотлом». Капля за каплей создавались сотни образов. Но всю бесконечную любовь к своему народу Шолом-Алейхем воплотил в образе Тевье-мол очника. Его соотечественник, писатель П. Маркиш писал: «Кряжистым дубом стоит молочник Тевье в еврейской классической литературе. Этот простодушный впитал в себя всю печаль еврея, бедняка, отца и

человека, которому пришлось испить до дна чашу позора и произвола николаевского режима… со всей правовой политикой натравливания одного народа на другой».

Но писателя волновали судьбы не только взрослых. Он часто смотрел на жизнь чистыми глазами детей. До Шолом-Алейхема еврейская литература не знала детских образов. Начиная с первого рассказа детского цикла «Ножик» и на протяжении всей жизни писатель исследовал тайны души ребенка. Пронзительная искренность и лирическая тональность ярко проявились в «Рассказах для детей» («Флажок», «Часы», «Омраченный праздник», «Пасха в деревне» и др.) и повестях «Мальчик Мотл» и «С ярмарки» (обе не окончены). Занимательность сюжетов, живые убедительные бытовые детали национальных характеристик юных героев свидетельствуют о том, что Шолом-Алейхем сумел сохранить в себе и в своем творчестве неиссякаемую детскость.

Отдал дань писатель и теме юношества, отразив прекрасный мир мятущихся и любящих душ в цикле «Песнь Песней», новелле «Аман и его дочери» и романе «Мошкеле-вор».

Много сделал Шолом-Алейхем и для становления репертуара еврейских театров. Он в отличие от «драмоделов» оттачивал драматические произведения так же, как и прозу, начиная от одноактной комедии «Доктора!» (1887 г.) и резкой сатиры «Якнегоз» (1892 г.) до развернутых картин из жизни евреев в пьесах «Вразброд» (1903 г.), «Последняя жертва, или Кровавые дни» (1905 г.), «Югад» (1908 г.), «Трудно быть евреем» (1914 г.), «Крупный выигрыш» (1915 г.). Драматург создал также прекрасные инсценировки своих романов «Стампеню» и «Тевье-молочник».

В 1914 году Шолом-Алейхем вновь отправляется в поездку по городам России и Украины. Он был непревзойденным чтецом, и поклонники его таланта сопровождали писателя из города в город, чтобы насладиться его чтением.

Первая мировая война застала Шолом-Алейхема на одном из курортов Германии. Не имея возможности вернуться на Украину, он был вынужден эмигрировать с семьей в Америку, где, несмотря на ухудшающееся самочувствие, продолжал работать. Он жил в Нью-Йорке, лечился у лучших врачей, но здоровье таяло. Шолом-Алейхему не суждено было вернуться ни в Киев, ни в Переяслав, которые он любил с какой-то особенной нежностью. Писатель говорил друзьям: «Если бы нашелся какой-нибудь сумасшедший, который предложил мне: “Вот тебе три Нью-Йорка и кусочек Переяслава, выбирай! Что возьмешь себе?” Я подумал бы и ответил: “Разрешите улучшить Переяслав по моему разумению, и я вам уступлю все ваши Нью-Йорки”». Последней

волей (к сожалению, не исполненной) Шолом-Алейхема, который скончался 13 мая 1916 года, было, чтобы его похоронили на киевском кладбище: «Где бы я ни умер, пусть меня похоронят не среди аристократов, богачей и знати. Пусть меня похоронят там, где покоятся простые евреи, рабочие, настоящий народ, дабы памятник, который потом поставят на моей могиле, украсил простые могилы вокруг меня, а простые могилы дабы украшали мой памятник – как простой честный народ при моей жизни украшал своего народного писателя».

С 1973 года работает мемориальный музей-дом в Переяславе-Хмельницком. Здесь и в Киеве установлены памятники Шолом-Алейхему, который был влюблен в украинскую землю, давшую приют (пусть и не всегда ласковый и сердечный) великому еврейскому писателю и человеку «дерзновенного оптимизма».

«Лучше человеку быть среди гонимых, чем среди гонителей. Так говорят старые еврейские мудрецы. А я говорю: лучше человеку быть среди тех, которые сами не терпят преследований и не преследуют других.

Не моря разделяют народы, а невежество. Так говорит Джон Рескин. А я говорю: не моря разделяют народы, а народы – моря».

ЭЙЗЕНШТЕЙН СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1898 г. – ум. в 1948 г.)

Советский режиссер театра и кино, художник, теоретик искусства, педагог. Доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии СССР. Создал новый метод – «монтаж аттракционов», разработал теорию «интеллектуального кино». Поставил: киноэпопею «Броненосец “Потемкин”», фильмы «Октябрь», «Александр Невский», «Иван Грозный» и др.

Если оценивать вклад русской культуры XX века в общемировую, то в области кино фигурой номер один, конечно, является Сергей Эйзенштейн. Во всем мире его знают как создателя легендарной картины «Броненосец “Потемкин”», признанной в 1958 году экспертным международным жюри лучшим фильмом всех времен и народов и неизменно присутствующим с тех пор во всех подобных рейтингах. По словам Виктора Шкловского, С. М. Эйзенштейн был «героем

нашего времени, который прославил искусство кино, стал классиком кино». 1998 год был объявлен ЮНЕСКО «годом Эйзенштейна», что стало еще одним свидетельством международного признания вклада советского режиссера в развитие мировой культуры.

Сергей Михайлович Эйзенштейн родился 10 января 1898 года в Риге в семье главного городского архитектора. Мальчик получил хорошее образование, знал английский, немецкий и французский языки, много читал, увлекался рисованием и фотографией. Кроме того, ему нравилось бывать в театре и цирке, а потом устраивать представления дома. К этим домашним театральным опытам Сергей сам писал сценарии и рисовал декорации.

Отец не разделял «несерьезных» увлечений сына и заставил его по окончании Рижского реального училища в 1915 году поступить в Петроградский институт гражданских инженеров. Вскоре произошла Февральская революция, а за ней и Октябрьская. Эйзенштейн писал в автобиографии: «Если бы не революция, то я бы никогда не расколотил традиции – от отца к сыну – в инженеры… Революция дала мне в жизни самое для меня дорогое – это она сделала меня художником».

Весной 1917 года Сергей был призван на военную службу и зачислен в школу прапорщиков, а после ее расформирования перед юношей стала проблема выбора дальнейшего пути. Можно было вернуться на третий курс института, уехать к отцу в буржуазную Латвию или вступить в ряды Красной Армии. В марте 1918 года он стал красноармейцем, участвовал в боях под Петроградом, строил укрепления под Нарвой и на реке Луге, а в сентябре выехал с эшелоном на северо-восточный фронт. В перерывах между боями Эйзенштейн оформлял и ставил самодеятельные спектакли, рисовал плакаты, но главная творческая работа была впереди.

В августе 1920 года молодой красноармеец получил назначение на курсы переводчиков Академии Генштаба, но по прибытии в Москву оказался в молодежном театре «Пролеткульт», куда его приняли на должность художника-постановщика. Появившись там впервые, Сергей заявил, что готов писать декорации, ставить спектакли, но будет это делать лишь для того, чтобы «лучше узнать театр, а потом разрушить его». С этой же целью он стал учеником Государственных высших режиссерских мастерских, которыми руководил В. Мейерхольд, пропагандировавший экспериментальный театр. Здесь юноша познакомился и сблизился с поэтом В. Маяковским, художником В. Татлиным и другими «левыми» представителями

художественных группировок.

Вскоре Эйзенштейн превзошел своих учителей, поставив по классической пьесе А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» авангардный спектакль «Мудрец» в виде серии эстрадных и цирковых номеров. Критики писали, что от пьесы остались «одни обломки», сохранились лишь фамилии действующих лиц, несколько реплик и отдельные сюжетные ходы. Кроме этого, он поставил спектакли «Мексиканец», «Слышишь, Москва», «Противогазы», а также опубликовал в журнале «Леф» статью «Монтаж аттракционов», в которой излагал свои взгляды на современное искусство. В ней молодой режиссер отрицал традиционное театральное действие и провозглашал новый принцип его организации, основанной на «свободном монтаже произвольно выбранных, самостоятельных… воздействий (аттракционов)». Под аттракционом он понимал «сильное, ударное воздействие на психологию зрителя, направляющее его мысли и чувства в необходимом художнику направлении».

Эти поиски в конце концов привели Эйзенштейна на «Первую кинофабрику», где в 1924 году ему удалось снять фильм-пробу «Стачка», получившую в Париже серебряную медаль. В следующем году 27-летний режиссер получил госзаказ на производство картины к юбилею первой русской революции. Принятый к постановке обширный сценарий «1905 год» не укладывался в сроки, и Сергей Михайлович решил сосредоточиться на одном историческом факте – восстании матросов броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Впервые показанный 24 декабря 1925 года на юбилейном вечере в Большом театре, фильм «Броненосец “Потемкин”» сразу же стал кинематографическим событием страны, а спустя несколько месяцев завоевал международную славу.

Ленту по достоинству оценили ведущие кинематографисты мира, критики разных стран сравнивали ее с «Илиадой» Гомера и Девятой симфонией Бетховена и даже предлагали присудить ей специальную Нобелевскую премию по кино. Знаменитый актер и режиссер Чарли Чаплин назвал «Броненосец “Потемкин”» «лучшей кинокартиной мира», американская киноакадемия признала его лучшим фильмом 1926 года, а на Парижской выставке искусств он получил высшую награду – Супер Гран-при. Анализируя свой успех, Эйзенштейн пришел к выводу, что при помощи монтажа можно не только образно и логически выражать мысли, но и передавать целые понятия на особом кинематографическом языке. Эти размышления режиссера легли в основу разработанной им теории «интеллектуального кино», в которой провозглашались новые выразительные средства и

отметались старые художественные приемы.

В 1927 году к 10-летию революции Эйзенштейн снял фильм «Октябрь» («Десять дней, которые потрясли мир»). В этой работе с новой силой проявилось искусство монтажа режиссера-новатора, о котором позднее так много писали и которое исследуют до сих пор.

В начале 1930-х годов Сергей Михайлович побывал в Берлине, читал лекции в Гамбурге, Бельгии, посетил Лондон, Амстердам и Антверпен. В Мексике и США он писал сценарии для голливудских фильмов, которые, однако, не были поставлены. Вернувшись на родину, Эйзенштейн получил звание заслуженного деятеля искусств РСФСР, снял картину «Старое и новое» («Генеральная линия») и киноповесть о пионере Павлике Морозове «Бежин луг», не принятую критикой и впоследствии смытую – от греха подальше.

В 1934 году Сергей Михайлович женился на актрисе, журналистке и мастере документального кино Пере Аташевой, урожденной Фойгельсон, которая стала его секретарем и биографом. Спустя три года Эйзенштейн стал профессором ВГИКа, а еще через год поставил историческую картину «Александр Невский», за которую был удостоен множества наград (в том числе Сталинской премии).

В 1941 году Сергей Михайлович получил предложение написать сценарий и снять картину об Иване Грозном. Первая серия фильма, воспевавшая идею великодержавности, была удостоена Сталинской премии. Вторая серия не вышла на экран, так как, по мнению партийных руководителей, была провальной. В постановлении ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года говорилось: «Режиссер С. Эйзенштейн во 2-й серии фильма “Иван Грозный” обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов…» Другое мнение было у специалистов за рубежом. В частности, Чаплин писал: «Фильм Эйзенштейна “Иван Грозный”, который я увидел после Второй мировой войны, представляется мне высшим достижением в жанре исторических фильмов. Эйзенштейн трактует историю поэтически, и, на мой взгляд, это превосходнейший метод ее трактовки».

В феврале 1947 года Сергей Михайлович был приглашен на встречу с руководителями советского государства И. В. Сталиным, В. М. Молотовым и А. А. Ждановым. В результате обстоятельного разговора с партийными бонзами появился шанс переработать вторую серию «Ивана Грозного», но очередной, смертельный, инфаркт не позволил мастеру этого сделать. Эйзенштейн скончался в своей московской квартире, рядом с

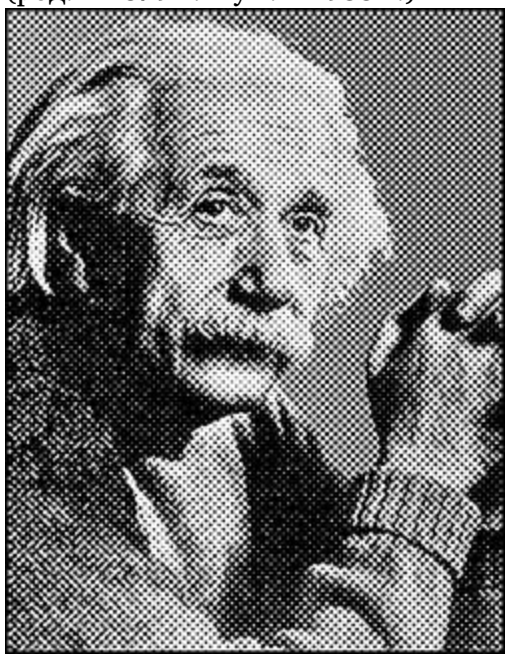
кинофабрикой, в ночь на 11 февраля 1948 года от сердечного приступа и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Сняв за свою творческую карьеру лишь семь художественных картин, Эйзенштейн вошел в историю кино как один из крупнейших его теоретиков и практиков, сумев показать, что в возможности облекать абстрактные понятия в конкретные образы кинематограф намного обогнал своего предшественника – театр. Его фильмы «Броненосец “Потемкин”», «Александр Невский», «Иван Грозный» по праву являются признанными шедеврами мирового кинематографа.

В 1952 году Бельгийская Синематека предложила пятидесяти восьми кинорежиссерам Европы и Америки назвать десять лучших фильмов современности. В итоговом списке первое место занял «Броненосец “Потемкин”» – его назвали большинство, в том числе Карл Дрейер, Луис Бунюэль, Лукино Висконти, Робер Брессон, Орсон Уэллс. Международные референдумы историков и критиков кино, проводимые с 1958 года, вносят в подобные перечни новые названия, однако до сих пор «Потемкин» оказывается включенным едва ли не во все итоговые списки «лучших фильмов всех времен и народов».

ЭЙНШТЕЙН АЛЬБЕРТ

(род. в 1879 г. – ум. в 1955 г.)



Американский физик-теоретик. Один из создателей современной физики, внесший значительный вклад в создание квантовой механики, развитие статистической физики и космологии, автор теории относительности, философ, гуманист. Лауреат Нобелевской премии (1921 г.).

В конце 1999 года журнал Time, подводя итоги уходящего века, назвал Альберта Эйнштейна «человеком столетия» за наибольший вклад в развитие цивилизации за «отчетный период». По мнению редакции, имя Эйнштейна стало синонимом человеческого гения, и, судя по результатам опроса, большинство читателей журнала разделяют этот взгляд, потому что этот выдающийся ученый и мыслитель перевернул мировоззрение человечества. Благодаря его «способности видеть в известном то, чего не замечали другие, и стремлению к логической простоте» он предложил совершенно новое понимание пространства,

времени и гравитации. А эйнштейновские шутки и афоризмы не менее известны, чем его научные труды. Например, что такое относительность, он с юмором объяснял так: «Подержите руку на горячей плите минуту – и минута покажется часом. Посидите рядом с симпатичной девушкой час – и он покажется минутой». За его открытиями стояла новая мировая философия: твердо отрицая атеизм, Эйнштейн верил в «бога Спинозы, проявляющего себя в гармонии всего сущего».

Свою известность ученый использовал для борьбы за идеи пацифизма и либерализма. Стремясь к установлению гармонии в мире, он был гуманистом по отношению к человечеству в целом: «Человек существует для других – в первую очередь, для тех, от улыбок и благополучия которых полностью зависит наше счастье, затем для тех многих, незнакомых нам, с судьбами которых нас связывают узы сочувствия. Сотню раз каждый день я напоминаю себе, что моя внутренняя и внешняя жизнь основываются на труде других, живущих и умерших, и я должен прилагать усилия к тому, чтобы отдавать в той же мере, что получил и получаю…»

Эйнштейн родился 14 марта 1879 года в старинном городе Ульме (ныне земля Баден-Вюртемберг в Германии), в семье Германа Эйнштейна и Паулины Кох. Рос он в Мюнхене, где у его отца и дяди было небольшое электрохимическое предприятие. Альберт был тихим, рассеянным мальчиком, питал склонность к математике, но терпеть не мог школу с ее механической зубрежкой и казарменной дисциплиной. По настоянию матери он занимался музыкой и впоследствии стал превосходным скрипачом, хотя всю жизнь играл исключительно ради удовольствия. В унылые годы, проведенные в мюнхенской гимназии Луитпольда, Эйнштейн самостоятельно читал книги по философии, математике, научно-популярную литературу. Большое впечатление произвела на него идея о космическом порядке, и в 12-летнем возрасте мальчик решил посвятить себя решению загадки «огромного мира», а его идеалами на этом пути всегда оставались «доброта, красота и истина».

В 1895 году дела отца пришли в упадок, семья переселилась в Милан, и Альберт так и не получил аттестата. Несмотря на глубокие познания в математике и физике, приобретенные главным образом путем самообразования, и не по возрасту самостоятельное мышление, юноша к этому времени так и не выбрал себе профессию. Однако отец настоял на том, чтобы сын избрал инженерное поприще, надеясь, что это поможет поправить финансовое положение семьи. Альберт отправился в Цюрих, в Федеральное высшее политехническое училище, для поступления в которое не требовалось свидетельства об окончании средней

школы и… провалился на экзаменах по французскому языку и истории. Но молодой человек понравился директору училища, и тот посоветовал ему закончить последний класс школы, чтобы все-таки получить аттестат зрелости. Спустя год Эйнштейн без проблем поступил на педагогический факультет Цюрихского политехникума. Здесь одним из его учителей был превосходный математик Герман Минковский (впоследствии именно он придал специальной теории относительности законченную математическую форму), так что Эйнштейн мог бы получить солидную математическую подготовку, однако большую часть времени он работал в физической лаборатории, а в остальное время самостоятельно читал классические труды Г. Кирхгофа, Дж. Максвелла, Г. Гельмгольца и других.

Летом 1900 года Альберт стал дипломированным учителем физики и математики, а в 1901 году – гражданином Швейцарии. Профессор физики Г.-Ф. Вебер, приверженец старых порядков, не оставил своевольного студента на своей кафедре, поэтому Эйнштейну пришлось некоторое время преподавать физику в Шаффгаузене и давать частные уроки.

Только в июле 1902 года Альберту удалось устроиться на должность эксперта третьего класса в Бернское федеральное бюро патентов, где он прослужил семь лет. В это время у него усилился интерес к физике. Раскрепощенной мысли способствовал и круг талантливых молодых людей, образовавших содружество, в шутку названное «Академия Олимпия».

В 1903 году, несмотря на категорическое возражение родителей, Альберт женился на своей университетской подруге Милеве Марич, сербке по происхождению. От этого брака у него было два сына – Ханс-Альберт и Эдуард. Но женщина, которая стала свидетельницей первых шагов Эйнштейна в мир науки, не понимала мужа, для которого физика всегда была на первом месте. Их семейная жизнь сложилась неудачно, и с началом Первой мировой войны они разъехались, а в 1919 году развелись. Несмотря на это, Эйнштейн щедро отдал бывшей жене и сыновьям денежное вознаграждение от Нобелевской премии, полученной в 1921 году. Сразу же после развода с Милевой, Альберт женился на своей двоюродной сестре Эльзе Лёвенталь, у которой уже было две дочери от первого брака.

Бернский период в жизни Эйнштейна по научной плодотворности историки нередко сравнивают с «чумными годами», проведенными Исааком Ньютоном в Вулсторпе. В 1905 году в престижном немецком ежемесячнике Annalen der Physik одна за другой вышли в свет четыре научные работы молодого ученого, совершившие переворот в физике. Первая раскрывала

теорию броуновского движения, вторая – «Новое определение размеров молекул» – была принята в качестве докторской диссертации Цюрихским университетом, и вскоре Альберт стал доктором наук. Сенсацией, вызвавшей в научной среде ожесточенные споры, стала статья, в которой излагалась двойственная природа света, и получившая всеобщее признание только через 20 лет. Четвертая работа – «К электродинамике движущихся тел» – формулировала специальную теорию относительности. Она подводила итог многолетней упорной работы молодого ученого над проблемой пространства и времени (хотя написана была всего за 6 недель). По сути, новая теория разрушала прежние представления об основах Мироздания (правда, в той части, где события происходят со скоростями более низкими, чем скорость света). Относительный же мир Эйнштейна соответствовал световым скоростям, создавал новую механику, отличную от механики Ньютона.

Так Эйнштейн стал известным ученым, и весной 1909 года его назначили экстраординарным профессором теоретической физики Цюрихского университета, а в начале 1911 года пригласили возглавить кафедру в Немецком университете в Праге. Через год Альберт возвратился в Цюрих и стал профессором созданной специально для него кафедры математической физики в политехникуме, где он когда-то учился сам. В 1914 году Эйнштейн был избран членом Прусской академии наук и приглашен в Германию на должность профессора Берлинского университета и одновременно директора Физического института кайзера Вильгельма (ныне Институт Макса Планка). В течение последующих 19 лет он читал здесь лекции, вел семинары, регулярно участвовал в работе коллоквиума, который во время учебного года раз в неделю проводился в Физическом институте.

Однажды на лекции Эйнштейна спросили, как делаются великие открытия. Он ненадолго задумался и ответил: «Допустим, что все знают о чем-то, что это невозможно сделать. Однако находится один невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие».

После нескольких лет напряженной работы ученому удалось в 1915 году создать общую теорию относительности, выходившую далеко за рамки специальной теории и заменившую ньютоновскую теорию гравитационного притяжения тел пространственно-временным математическим описанием того, как массивные тела влияют на характеристики пространства вокруг себя.

В тот период Эйнштейн работал и над другими темами.

Например, в 1916–1917 годах вышли его работы, посвященные квантовой теории излучения. В них ученый рассмотрел вероятности переходов между стационарными состояниями атома (теория Нильса Бора) и выдвинул идею индуцированного излучения. Эта концепция стала теоретической основой современной лазерной техники.

Хотя специальная и общая теории относительности были слишком революционны, чтобы принести автору немедленное признание, вскоре они получили ряд подтверждений. Одним из первых было объяснение прецессии орбиты Меркурия, которую не удавалось полностью понять в рамках ньютоновской механики. Английской экспедиции под руководством астрофизика Эддингтона удалось наблюдать звезду, скрытую за кромкой Солнца во время полного затмения в 1919 году. Этот факт свидетельствовал о том, что лучи света искривляются под действием гравитационного поля планеты.

Когда сообщения экспедиции Эддингтона облетели весь мир, к Эйнштейну пришла всемирная слава. Относительность стала привычным словом, и уже в 1920 году ее автор был приглашен на должность профессора Лейденского университета (Нидерланды) – мирового центра физических исследований. В Германии он подвергался нападкам из-за своих антимилитаристских взглядов и революционных физических теорий. Некоторые коллеги Эйнштейна, среди которых было несколько антисемитов, называли его работы «еврейской физикой» и утверждали, что полученные им результаты не соответствуют высоким стандартам «арийской науки». Ученый же оставался убежденным пацифистом, активно поддерживая миротворческие усилия Лиги Наций. Он был сторонником сионизма и приложил немало усилий к созданию Еврейского университета в Иерусалиме в 1925 году.

В 1921 году Эйнштейну была присуждена Нобелевская премия по физике «за заслуги перед теоретической физикой и особенно за открытие закона фотоэлектрического эффекта». «Закон Эйнштейна стал основой фотохимии так же, как закон Фарадея – основой электрохимии», – заявил на представлении нового лауреата С. Аррениус из Шведской королевской академии.

В середине 1920-х годов обнаружились значительные расхождения между физиками, работающими в области квантовой механики. Эйнштейн не мог примириться с тем, что закономерности микромира носят лишь вероятностный характер (известен его упрек, адресованный Бору, в том, что тот верит «в Бога, играющего в кости»). Альберт не считал статистическую квантовую механику принципиально новым учением, а

рассматривал ее как временное средство, к которому приходится прибегать до тех пор, пока не удастся получить полное описание реальности. На Сольвеевских конгрессах 1927 и 1930 годов Эйнштейн не смог убедить ни Бора, ни его молодых коллег – Гейзенберга и Паули, и с тех пор следил за работами «копенгагенской школы» с чувством глубокого недоверия.

Начиная с 1930 года Эйнштейн проводил зимние месяцы в США, в Калифорнии, читая лекции в Пасаденском технологическом институте, а с приходом Гитлера к власти (1933 г.) больше не ступал на немецкую землю и заявил о своем выходе из Прусской академии наук. Эйнштейн стал профессором физики в новом Институте фундаментальных исследований, который был создан в Принстоне, штат Нью-Джерси, и спустя семь лет получил американское гражданство. В годы, предшествующие Второй мировой войне, ученый, чувствуя, что только военная сила способна остановить нацистскую Германию, пришел к выводу, что для «защиты законности и человеческого достоинства» придется «вступить в битву» с фашистами.

В августе 1939 года по настоянию нескольких физиков-эмигрантов Эйнштейн обратился с письмом к президенту Франклину Д. Рузвельту, в котором сообщал о том, что в Германии, по всей вероятности, ведутся работы по созданию оружия массового уничтожения. Он указывал на необходимость поддержки со стороны правительства США исследований по расщеплению урана. Позднее ученый жалел, что «участвовал в открытии этого ящика Пандоры». Хотя Эйнштейн не принимал непосредственного участия в исследованиях и ничего не знал о создании американской ядерной бомбы вплоть до ее применения в Хиросиме в 1945 году, его имя настойчиво связывали с приходом ядерного века.

После окончания Второй мировой войны, потрясенный ужасающими последствиями использования атомной бомбы против Японии и все ускоряющейся гонкой вооружений, Эйнштейн стал горячим сторонником мира, считая, что в современных условиях война представляла бы угрозу самому существованию человечества. На торжественном заседании сессии ООН в Нью-Йорке в 1947 году он заявил об ответственности ученых за судьбу планеты, а в 1948 году выступил с обращением, в котором призывал к запрещению ядерного оружия. Незадолго до смерти он поставил свою подпись под воззванием Бертрана Рассела, обращенным к правительствам всех стран и предупреждающим их об опасности применения водородной бомбы, а также выступал за свободный обмен идеями и ответственное использование науки на благо человечества.

Среди многочисленных почестей, оказанных Эйнштейну, было и предложение стать Президентом Израиля, последовавшее в 1952 году, от которого он, однако, отказался. Помимо Нобелевской премии, он был удостоен множества других наград, был почетным доктором нескольких университетов и членом ведущих академий наук и научных обществ мира.

Последние 22 года жизни великий ученый провел в Принстоне. По свидетельствам окружающих, жизнь для Эйнштейна превратилась в спектакль, который он смотрел с некоторым интересом, поскольку никогда не был раздираем трагическими эмоциями любви или ненависти. Все его мысли были направлены за пределы этого мира, в мир явлений. Эйнштейн жил с женой Эльзой, ее дочерью Марго и личным секретарем Хелен Дукас в простом двухэтажном доме, ходил пешком в институт, где работал над своей единой теорией поля и беседовал с коллегами. В часы отдыха играл на скрипке и плавал на лодке по озеру. В Принстоне он стал местной достопримечательностью. Его знали как физика с мировым именем, и в то же время он был для всех добрым, скромным, приветливым и несколько эксцентричным человеком.

18 апреля 1955 года Эйнштейн умер во сне в Принстонской клинике от аневризмы аорты. Рядом на столе лежало его последнее незаконченное заявление: «К чему я стремлюсь – так это только к служению моими ничтожными возможностями правде и справедливости, рискуя никому не угодить». В тот же день его тело было кремировано, а пепел развеян друзьями в месте, которое должно навсегда остаться неизвестным. Он и после смерти хотел быть гражданином мира, «никогда полностью не принадлежавшим своей стране, своему дому, своим друзьям и даже своей семье».

ЭРЛИХ ПАУЛЬ

(род. в 1854 г. – ум. в 1915 г.)

Немецкий врач и бактериолог. Лауреат Нобелевской премии 1908 по физиологии и медицине.

Профессия врача – это прежде всего самопожертвование во имя человечества, так как ежедневно приходится переступать через свои интересы и желания ради совершенно незнакомых людей. Причем, независимо от того, принимаешь ли ты пациентов в больнице или ведешь научно-исследовательскую работу в лаборатории, от твоих действий зависит, и в том и другом случае, человеческая жизнь. И Пауль Эрлих – врач-бактериолог – прекрасно осознавал это, разрабатывая лекарства и новые методы лечения некоторых болезней. Жизнь этого скромного врача была богата идеями и научными достижениями, хотя на первый взгляд кажется, что весь его жизненный путь укладывается в рамки типичной немецкой академической карьеры.

Пауль Эрлих родился 14 марта 1854 года в Штрелене (Силезия) в еврейской семье. Его родителями были богатый трактирщик Исмар Эрлих и Роза Эрлих (Вейгерт). Несмотря на то

что родители маленького Пауля были далеки от научно-медицинской деятельности, их ближайшие родственники, например дед со стороны отца, занимались наукой (дед читал лекции по биологии и физике в университете). Таким образом, еще в раннем детстве, мальчик окунулся в мир науки, и это существенно повлияло на его интересы. Однако решающую роль в выборе им карьеры сыграл его двоюродный брат Карл Вейгерт, который был бактериологом. Карл одним из первых стал применять анилиновые красители, открытые в 1853 году, для изготовления микропрепаратов. Преимущество этих веществ перед теми, которые использовали до них, было в том, что они давали возможность осуществлять избирательное прокрашивание, то есть окрашивать определенные элементы ткани, лишь незначительно накапливаясь (или не накапливаясь вовсе) в других.

Под руководством своего двоюродного брата Эрлих изучал способность красок соединяться с разными структурами. В дальнейшем, в 1876 году он прочитал книгу, посвященную распределению свинца в органах отравленных животных, которая вызвала у него интерес к тому, что он впоследствии назвал «характером и методом распределения веществ в организме и его клетках». В 1872 году Эрлих поступил в университет Бреслау (в настоящее время – польский город Вроцлав). Но, проучившись здесь один семестр, он перешел в Страсбургский университет, где в процессе обучения выяснилось, что у молодого Эрлиха наблюдается склонность к химии. И хотя формально он и не занимался ею, но полученные знания ему очень пригодились в дальнейшей научно-врачебной работе, так как медицина и химия неразделимы. Спустя два года Пауль вернулся в Бреслау и выполнил здесь основную часть работ, необходимых для получения медицинского диплома, который ему вручили в Лейпцигском университете в 1878 году. Причем годы обучения не прошли для молодого врача даром. В течение этих лет Пауль Эрлих, обладавший удивительными способностями трехмерного видения химических структур, разработал новые краски со специфическим сродством к различным клеткам. Благодаря этому он разработал новый способ различения отдельных форм лейкоцитов (клеток крови), и это открытие сыграло важнейшую роль в развитии гематологии (наука о крови) и иммунологии (наука об иммунитете).

После получения медицинского диплома Эрлих был назначен главным врачом клиники Фридриха фон Фрерихса берлинской больницы Шарите и здесь продолжил гематологические исследования.

В Берлине Эрлих усовершенствовал разработанные в университете методы окраски, распространив их на бактерии и ткани животных. И, когда в 1882 году Роберт Кох объявил об открытии бациллы туберкулеза, Эрлих предложил ему улучшенный метод окраски (этот метод используется и по сей день). Спустя три года, в 1885 году, Эрлих опубликовал труд «Потребность организма в кислороде, в котором сформулировал теорию боковых цепей деятельности клеток». «Живая протоплазма должна соответствовать гигантской молекуле, взаимодействующей с обычными химическими молекулами так, как солнце с мельчайшими метеоритами, – писал Эрлих. – Мы можем предположить, что в живой протоплазме ядро со специальной структурой отвечает за специфические, свойственные клетке функции и к этому ядру присоединены наподобие боковых цепей атомы и их комплексы».

Параллельно с наукой молодой человек не оставлял без внимания и свою личную жизнь. И вскоре в ней произошли некоторые приятные перемены. Молодой врач женился на Хедвиге Пинкус, дочери фабриканта-текстильщика, родившей ему двух дочерей. В 1885 году Фрерихс, руководитель Эрлиха, умер, а его преемник Карл Герхард без особой симпатии относился к исследованиям молодого врача. И Эрлих начал задумываться о смене места работы. А тут еще начались проблемы со здоровьем – Эрлих во время лабораторного эксперимента заразился туберкулезом. Таким образом, учитывая все стечения обстоятельств, Эрлих принял решение на некоторое время оставить работу и научные изыскания. В 1888 году он вместе с семьей отправился лечиться в Египет. Здесь Пауль Эрлих прожил почти два года. Вернувшись в Берлин, Эрлих узнал, что его должность в больнице Шарите занята. В течение некоторого времени он работал в собственной лаборатории, а затем Кох нашел для него должность сначала в Моабитской муниципальной больнице, а потом в Институте инфекционных заболеваний.

Работая под руководством Коха, Эрлих продолжал исследования в области иммунологии. Он установил, что антитела у млекопитающих могут передаваться с материнским молоком, а это создает пассивный иммунитет для потомства. Кроме этого он вносит существенный вклад в разработку противодифтерийной сыворотки. В 1896 году, учитывая все заслуги Эрлиха, его назначили директором Государственного института разработки и контроля сывороток в Штеглице (предместье Берлина). Здесь он использовал все свои знания в области химии для стандартизации токсинов, антитоксинов и сывороток. Разработанная Паулем Эрлихом система

международных единиц получила широкое распространение и остается общепринятой по сей день.

В 1899 году Институт разработки и контроля сывороток был расширен и переведен во Франкфурт-на-Майне. В это время Эрлих опубликовал свои окончательные выводы по применению теории боковых цепей в иммунологии. Следуя направлениям, которые он развил в труде по кислородной потребности организмов, Эрлих подчеркивал, что антитела могут вырабатываться не только в результате прямых химических взаимодействий между токсинами и клетками. Поскольку антитела похожи на некоторые питательные вещества, они могут реагировать с рецепторами, расположенными на поверхности клеток, в результате чего клетки начинают усиленно вырабатывать такие рецепторы, которые взаимодействуют в крови с токсинами. Следовательно, в роли антител могут выступать рецепторы клеток, с которыми взаимодействуют антигены.

Эта теория оказала большое влияние на развитие науки, хотя лишь немногие ученые согласились с ней полностью. Однако важнейшее достижение Эрлиха состояло в том, что он представил взаимодействие между клетками, антителами и антигенами как химические реакции. Подобный подход к теории иммунитета стал стимулом для многочисленных исследований, поскольку являлся рабочей гипотезой, подлежащей конкретной проверке. Кроме того, работы Эрлиха помогли создать современную иммунологическую терминологию.

В 1908 году Эрлиху совместно с Ильей Мечниковым была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине «за работу по теории иммунитета». В Нобелевской лекции Эрлих выразил уверенность в том, что ученые начали понимать механизм действия терапевтических веществ. «Я надеюсь также, – отметил он далее, – что, если эти направления будут систематически развиваться, вскоре нам станет легче, чем до сих пор, разрабатывать рациональные пути синтеза лекарств».

Через два года после присуждения Нобелевской премии Эрлих получил субсидию для строительства лаборатории по разработке терапевтических средств. В качестве директора Исследовательского института химиотерапии Эрлих поставил своей целью создать производное мышьяка, способное стать эффективным средством против трипаносом – микроорганизмов, вызывающих сонную болезнь и другие заболевания, и бледной спирохеты – возбудителя сифилиса, при этом соединение должно быть безвредно для организма человека. Работа над лекарством продолжалась несколько лет, пока, наконец, в 1910 году после испытания 606 соединений Эрлих не объявил об открытии

средства, позволяющего излечить сифилис. Это вещество, содержащее мышьяк, названное им сальварсаном, обладало активным действием на бледную спирохету, но не оказывало токсического влияния на больного.

Появление сальварсана получило широкое одобрение, хотя в дальнейшем это вещество подверглось критике исследователями, обнаружившими, что, когда оно назначается в недостаточных дозах, спирохеты становятся невосприимчивыми к нему. Тогда Эрлих продолжил работу над препаратом и после дальнейших исследований в 1912 году разработал видоизмененный вариант этого препарата – неосальварсан, который полностью уничтожал спирохеты. Этот высокоэффективный лекарственный препарат вскоре получил широкое распространение, а Эрлих – всеобщее признание.

Но, к сожалению, это было последнее открытие талантливого врача и фармацевта Пауля Эрлиха, так как здоровье этого умного и крайне работоспособного человека было подорвано бесконечными часами непрерывной работы в лаборатории. В последнее время он стал все чаще и чаще жаловаться на боли в сердце и 20 августа 1915 года, отдыхая в Бад-Хомбурге, Пауль Эрлих умер от апоплексического удара.

Подводя итоги всего вышесказанного, мы можем видеть, что за 60 лет своей жизни Эрлих внес огромный вклад в развитие медицины и был удостоен многих премий, включая почетную премию Международного медицинского конгресса (1906), медали Лейбига Германского химического общества (1911), премии Камерона и звания почетного лектора Эдинбургского университета (1914). Он был членом 81 научного общества и академий различных стран, обладателем почетных званий университетов Чикаго, Геттингена, Оксфорда, Бреслау и других. Ему было пожаловано звание действительного тайного советника, что обязывало обращаться к нему Ваше Высокопревосходительство. После смерти Эрлиха, улица, на которой находился его институт, была названа его именем. Правда, когда к власти пришли нацисты, им не понравилось «неарийское» происхождение Эрлиха, и они переименовали улицу. Но институт экспериментальной терапии во Франкфурте-на-Майне и сейчас носит имя того, кто положил свою жизнь на алтарь науки и медицины.

ЯКИР ИОНА ЭММАНУИЛОВИЧ

(род. в 1896 г. – ум. в 1937 г.)

Знаменитый советский военачальник, герой Гражданской войны, командарм 1-го ранга, командующий войсками Киевского военного округа и Вооруженными силами Украины и Крыма. Награжден тремя орденами Красного Знамени (1918, 1919, 1920 гг.). Автор многочисленных статей и книги «Воспоминания старого красноармейца» (1928 г.).

«Я никогда военным человеком не был, да и ничего раньше в военном деле не понимал», – признавался в воспоминаниях о Гражданской войне И. Э. Якир, даже в детстве, в отличие от большинства мальчишек, не мечтавший стать героем-полководцем. Иона родился в Кишиневе 15 августа 1896 года в состоятельной еврейской семье. Его отец Эммануил Якир, уважаемый в городе провизор, сумел дать сыну хорошее образование. Иона окончил частное реальное училище – в казенное ему как еврею путь был закрыт, да и высшее

образование он мог получить только вне царской России. Поэтому в 1913 году Якир поступил в Базельский университет (Швейцария), одновременно работая там химиком-лаборантом. Не проявлявший тяги к знаниям в училище, он в течение двух семестров достиг значительных успехов в области неорганической химии. Его базельский преподаватель, профессор Фихтер, прислал в Харьковский технологический институт (1915–1917 гг.), куда Иону устроил опекун и двоюродный брат Г. Штерн, прекрасный отзыв о своем ученике как «о наиболее подготовленном и эрудированном среди всех русских студентов». Россия в это время воевала, но даже тогда Якир не помышлял о военной карьере и брал справки в институте для освобождения от службы в армии. Да и числился он среди «политически благонадежных».

Но вернувшись весной 1917 года в Кишинев, юноша активно включился в революционную борьбу. Молодого агитатора выделяли кипучая энергия и глубокая убежденность. В ряды ВКП(б) его приняли большевики 5-го Заамурского кавалерийского полка. Якир принимал участие в становлении Советской власти в Бессарабии как член Бессарабского губревкома. «Начинал я свою карьеру с того, что организовал 2–3 десятка бойцов и с ними на грузовиках преследовал румын у Кишинева». Со своим небольшим отрядом Иона отступил из Бессарабии, по пути принимая в ряды новых бойцов. Командовать разношерстным Тираспольским отрядом было тяжело. Якир с иронией называл себя и своих бойцов «умными вояками». Вместе они постигали науку войны, часто на своих неудачах, провокациях анархистов. Опыт командира Иона получал в тяжелых изматывающих боях с австро-немецкими войсками. Отряд пробивался на восток. Под Екатеринославом (современный Днепропетровск) Якир был тяжело ранен, и его еле выходили в санитарном поезде.

В Воронеже, где Тираспольский отряд был на переформировании, Иона Эммануилович занялся организацией крепких красных частей. Была создана Южная завеса против немцев и белоказаков, преобразованная в сентябре 1918 года в Южный фронт. Якир был назначен начальником Политуправления фронта, а затем членом РВС 8-й армии. В боях в районе Коротояк – Лиски – Острогожск он проявил себя настоящим полководцем. Три недели изнуренный, израненный Якир выводил из кольца 12-ю дивизию. Он отличался неутомимой активностью, железной волей и энергией, в критические моменты личным примером поднимал бойцов в атаки. За организацию своими силами контрнаступления, в результате которого были освобождены Коротояк и военно-

стратегический узел Лиски, Якиру был вручен орден Красного Знамени № 2 (№ 1 получил В. К. Блюхер).

В июле 1919 года Иона Эммануилович вновь проявил свои организаторские таланты. В 45-й дивизии, которая формировалась в районе Одессы – Приднепровья, «сплошь и рядом царила вольница». Времени на укрепление дивизии противник не оставил, отрезав ее от главных сил Красной Армии. «На юге – море, англо-французский флот, поддерживающий белые десанты, на юго-западе – румыны… На севере – Петлюра и галичане. В тылу – кулацкие банды, восстания… На главной тыловой магистрали – Махно с его всеразлагающей бандитской армией», – писал позже Якир, командовавший окруженной южной группой, куда входили 45, 47, 58-я дивизии, 2-я бригада Котовского. Руководство из центра прекратилось, связи не было. Именно здесь Якир продемонстрировал военный талант, умение управлять большим контингентом войск. Так называемый «Южный переход» в глубоком тылу противника на всю жизнь сдружил молодого командира с боевыми соратниками: Затонским, Гамарником, Голубенко, Левензоном, Картвелишвили, Гаркавым, Котовским. Поддерживая друг друга, командный состав вел группу на прорыв, нанося серьезный урон противнику, который считал, что шансов вырваться у Якира нет. 400-километровый поход и месяц непрерывных упорных боев в огненном кольце сплотили бойцов в единый кулак. Рейд, окончившийся стремительным освобождением Киева, заставил генерала Деникина перегруппировать силы. Это помогло основным частям Красной Армии под Орлом начать переломное наступление против белогвардейцев. Второй орден Красного Знамени украсил грудь 24-летнего командующего южной группой.

После небольшой передышки в декабре 1920 года Якир со своей 45-й дивизией принял участие в боях за Екатеринослав и Александровск (Запорожье). Командир постоянно сталкивался с попытками махновцев деморализовать бойцов. Якир противопоставил анархистам жестокие действия и дисциплину. Совершенно уничтожить банды Махно силами одной 133-й бригады не удалось, «батька» укрылся в Гуляйполе. Дивизия Якира участвовала в освобождении Одессы. Командуя Фастовской, Золочевской и Львовской группами, комдив проявил себя в польской кампании 1920 года и был третий раз награжден орденом Красного Знамени. Но от последнего похода остался горький осадок: бессмысленная трата сил подо Львовом, где Сталин и Буденный противопоставили свои амбиции приказам командарма Тухачевского идти на Варшаву и бесславно

жертвовали бойцами, потрясла Якира. К тому же стало давать сбои здоровье (туберкулез), но комдив находил в себе силы быть вместе с родной дивизией и принял участие в разгроме войск Петлюры под Проскуровом и Волочиском. За эту операцию 45-я дивизия была представлена к ордену Красного Знамени, а комдив получил золотое оружие.

После разгрома последних банд Махно военные действия закончились. Иона Эммануилович занимал ответственные партийные и командные должности на Украине и в Крыму. С октября 1921 года ему был доверен один из самых больших военных округов – Киевский (КВО). Рядом работали боевые друзья – люди, которым он абсолютно доверял. Опираясь на их поддержку, Якир решал множество политических, народно-хозяйственных и военных проблем. Особенно много он сделал на должности командующего Вооруженными силами Украины и Крыма (с 1924 г.) при переводе армии на мирное положение и в период военных реформ. Опытный Фрунзе не побоялся доверить столь ответственный участок двадцатидевятилетнему Якиру и не ошибся в преемнике. Комдив организовал проведение огромной воспитательной работы среди бойцов, ввел шефство трудовых коллективов над красноармейскими частями, стоял у истоков зарождения советских военных праздников и поощрял связь армии и людей искусства. Над его родной 45-й дивизией шефствовали артисты театра «Березиль».

Занимая высокие руководящие посты, Якир оставался внимательным и заботливым человеком, как мог старался облегчить тяжелое положение семей красных командиров. А выделенный ему как командующему огромный двухэтажный особняк они с женой Сарой Лазаревной превратили в настоящую коммуну друзей. Здесь жили И. И. Гаркавый, И. Н. Дубовой, И. А. Акулов, В. К. Блюхер. Сара Лазаревна прошла с мужем всю Гражданскую войну, работая шифровальщицей, а в мирное время вела активную работу среди жен комполитсостава округа. Она была награждена орденом Ленина. Дружная семья Якира объединяла вокруг себя людей.

Сам комдив, человек остроумный, жизнерадостный, обладал разносторонними интересами, огромной эрудицией и колоссальной трудоспособностью. Его исключительные способности и талант были по достоинству оценены во время обучения в Высшей военной академии в Германии (1928–1929 гг.). Генерал-фельдмаршал Гинденбург подарил советскому военачальнику книгу Шлиффена «Канны» с надписью: «На память господину Якиру – одному из талантливейших военачальников современности». По просьбе германского генералитета Якир

прочитал цикл лекций о Гражданской войне, очень заинтересовавших военспецов.

Иона Эммануилович всегда был в курсе новейших достижений военного искусства на Западе. Свободно владея несколькими европейскими языками, он внимательно перечитывал массу специальной литературы и отдавал все силы перестройке армии, осознавая, что «будущая война станет войной моторов». Враг всякой рутины, Якир подхватывал новый ценный опыт и вводил его в практику и поэтому все важнейшие маневры и значительные общевойсковые учения с отработкой наиболее важных оперативно-тактических вопросов проводились в то время именно в Киевском военном округе. КВ О стал уникальным полигоном для всего передового в области военного искусства, а служба в войсках, которыми командовал Якир, была академией военного воспитания и оперативно-тактического мастерства.

Большое внимание Якир уделял взаимодействию войск. Во время проведения широкомасштабного учения всех родов войск у станции Бровары под Киевом (1935 г.) впервые был осуществлен массовый воздушный десант. Блестящую военную операцию по достоинству оценили зарубежные специалисты. Якиру было присвоено звание командарма 1-го ранга (выше по тому времени – только маршал).

По инициативе командующего КВО сооружались Киевский, Коростенецкий, Центральный Украинский, Тираспольский и Каменец-Подольский укрепрайоны. И. Х. Баграмян свидетельствовал, что «эти районы в начале Великой Отечественной войны могли бы сыграть большую роль: гитлеровские орды, натолкнувшись на их мощный заслон, не смогли бы так быстро продвинуться в глубь нашей страны, если бы укрепления не разоружили и не демонтировали». Так же поступили и со скрытыми партизанскими базами в приграничных районах. Якир осознавал, откуда исходит угроза для страны, но так до конца и не понял, откуда идет опасность для него.

Иона Эммануилович решительно и мужественно выступал в защиту своих друзей, в числе первых попавших под колесо репрессий. Иногда ему даже удавалось, дойдя до Ворошилова и Сталина, спасти некоторых товарищей, которых он лично знал. Но он слепо верил в существование мифических заговоров против вождя и, например, поддержал самые жестокие карательные меры против Бухарина и Рыкова. И видимо, потому же не смог спасти людей, которым доверял, – комдива Д. А. Шмидта, комбрига Б. И. Кузмичева, комкора И. И. Гаркавого. Якир лично присутствовал на процессе над старым большевиком и другом-однополчанином Я. Л. Лившицем и с ужасом слушал, как тот «добровольно»

сознавался в своих преступлениях. Ничего не понимая, командарм старел на глазах, осунулся, стал угрюмым.

29 мая 1937 года, после ареста Тухачевского и других военачальников, пришла очередь и Ионы Эммануиловича. Взять под стражу в Киеве неординарного командарма, пользовавшегося огромным авторитетом на Украине, да еще и во время работы XIII съезда КП(б)У, ни Ежов, ни Сталин не осмелились. Выманил его в Москву Ворошилов. На пути к «новому месту работы» Якир был арестован. На следствии он долго сопротивлялся невиданной провокации. Но все тринадцать военачальников, проходивших по делу «антисоветской троцкистской военной организации», под жестокими пытками признались во всех преступлениях: предательстве, шпионаже, вредительстве, терроризме… Они давали показания не только на своих друзей, но и против себя. Якир пытался найти справедливость у Сталина и Ворошилова. Вождь на письмо командарма наложил резолюцию: «Подлец и проститутка». А Ворошилов на его обращении: «В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить присмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем неповинной», – написал в углу листа, что он «сомневается в честности бесчестного человека вообще».

11 июня 1937 года Якира не стало. Был ли он расстрелян или умер от разрыва сердца, как писалось во многих документах 1950-х годов, неизвестно. Жена командарма и 14-летний сын Петр за день до смерти Якира были высланы в Астрахань, а затем арестованы и 17 лет провели в тюрьмах. В 33 года Петр Ионович вернулся в Москву, окончил историко-архивный институт, защитил диссертацию и работал в Институте истории СССР АН СССР. Он был твердо убежден в невиновности отца и гордился им. Наверное, сыну было больно осознавать, что последними словами легендарного командарма, награжденного за доблесть и героизм тремя орденами Красного Знамени, были: «Да здравствует партия! Да здравствует Сталин!» По крайней мере, так писалось в некоторых воспоминаниях современников. Но может быть, эти фразы и не прозвучали. В истории по-прежнему много темных пятен.

notes

1

Swing (англ.) – ритмичное раскачивание.

2

В переводе с английского «singer» значит «певец».

3

Вопрос о том, на какую именно разведку работает Сорос, остается невыясненным. До развала СССР в США, например, многие считали, что на советскую. В странах бывшего СССР убеждены, что на ЦРУ. В Румынии верят – на венгерскую. Вероятно, есть и другие варианты.

4

Либидо (от лат. libido – влечение, желание, стремление; в сексологии половое влечение) – одно из основных понятий психоанализа Фрейда, означающее бессознательное сексуальное влечение.